Радхнишь

Мистическое единство
Том 1-2

Шри Раджниш

Мистическое единство тт1-2

Москва
2006

ББК 84,5 Ид
096

Шри Раджниш
Мистическое единство тт 1-2
Москва, Солдатов А.В. 2006, 384 с.
ISBN 5-94726-058-1

Шри Раджниш, известный также как Ошо — просветленный Мастер нашего времени. “Ошо” означает “подобный океану”, “Благословенный”.

В этой книге представлена две серии бесед по книге Хакима Санаи “Огражденный Сад Истины”. “Хакиму Санаи удалось постичь самую душу суфизма. Такие книги не пишутся, они рождаются. Никто не может их сочинить. Они не производятся в уме, они не создаются умом; они приходят из запредельного. Это дар. Они рождаются столь же таинственно, как и ребенок, птица или цветок розы. Они приходят к нам; это дары.”

Беседы были проведены с 1 по 21 ноября 1978 года в аудитории Гаутамы Будды, Пуна, Индия.

Редактор Свами Вит Праяс
© Unio Mystica v1-2
Shree Rajneesh India, 1978

© Солдатов А. В. Русский перевод, 1996

Формат 70×90/16 Бумага офсетная Гарнитура «Times».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24. Уч-изд. л. 24
Тираж 1400 экз. Заказ № 2515

Все права на русский перевод этой книги защищены
в соответствии с законом России об авторских правах.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81
www.ippps.ru, e-mail: ippps@atnet.ru

04030300-022

ШЛИФОВКА ЗЕРКАЛА СЕРДЦА

Мы пытались осмыслить
свой путь к нему –
это не помогло;
но в то мгновение, как мы сдались,
не осталось никаких препятствий.

Он предстал перед нами
из доброты – иначе как
смогли бы мы узнать о нем?
Разум подвел нас к этой двери;
но лишь его присутствие позволило нам войти.

Но как вам познать его,
пока вы не способны
познать себя?

Когда ты един,
не больше и не меньше, –
ошибка начинается с двойственности;
единство не знает ошибок.

Путь, которому ты должен посвятить себя,
лежит в шлифовании зеркала сердца.
Не бунт, не диссонанс
шлифует зеркало сердца,
стирая ржавчину лицемерия и безверия –
твое зеркало шлифует
лишенная сомнений
незамутненная чистота веры.

Вырвись на свободу
из цепей, которыми ты сковал себя,
потому что ты будешь свободен,
став свободным от плоти.
Тело темно – сердце ослепительно сияет;
тело лишь удобрение, сердце – цветущий сад.

4

Хаким Санаи – это имя для меня слаще меда, слаще нектара. Хаким Санаи уникален, уникален в мире суфизма. Ни один другой суфий не достиг таких высот выражения и таких глубин проникновения. Хаким Санаи смог совершить почти невозможное.

Если бы я должен был сохранить лишь две книги из всего мира мистиков, я выбрал бы следующие: первой стала бы книга из мира дзен, путь сознания: «Син син мин» Сосана. Я уже говорил о ней; она заключает в себе квинтэссенцию дзен, пути сознания и медитации. Другой книгой стал бы «Хадикату'л Хакикат» Хакима Санаи – «Огражденный Сад Истины», или, сокращенно, «Хадика» – «Сад». Сегодня мы проникаем в эту книгу.

Хадика – это аромат пути любви. Если Сосану удалось постичь самую душу дзен, Хакиму Санаи удалось постичь самую душу суфизма. Такие книги не пишутся, они рождаются. Никто не может их сочинить. Они не производятся в уме, они не создаются умом; они приходят из запредельного. Это дар. Они рождаются столь же таинственно, как и ребенок, птица или цветок розы. Они приходят к нам; это дары.

Сначала мы проникнем в таинственное рождение этой великой книги, «Хадика» – «Сад». Ее история необыкновенно прекрасна.

Султан Газны, Бахрамшах, со своей огромной армией направлялся в Индию, чтобы завоевать ее. В числе придворных, сопровождавших султана в завоевательном походе, был также Хаким Санаи, знаменитый поэт. Они шли вдоль огромного сада, огражденного сада.

Таково значение слова «*firdaus*»: «обнесенный стеной сад». От слова «*firdaus*» произошло английское слово «*paradise*» – «рай».

Они спешили; султан со своей огромной армией отправился завоевывать Индию. У него не было времени. Но случилось нечто таинственное, и ему пришлось остановиться; избежать этого было невозможно.

Доносившееся из сада пение привлекло внимание султана. Он любил музыку, но никогда не слышал ничего подобного. При его дворе были великие музыканты, великие певцы и танцоры, но их искусство нельзя было сравнить с тем, что он услышал. Пение, звуки музыки и ритмы танца – он лишь услышал их издалека – и отдал армии приказ остановиться.

Это было восхитительно. Эти звуки танца, музыки и пения были такими психоделическими, как будто в него вливалось вино: султан был опьянен. Это явление, казалось, не от этого мира. Несомненно, в нем было нечто от запредельного: нечто от неба, стремящегося достичь земли, нечто от неизвестного, стремящегося соединиться с известным. Он вынужден был остановиться и слушать.

В доносившихся звуках был экстаз – такой сладкий и вместе с тем ранящий, бередящий сердце. Султан рвался в поход, он спешил; он должен был как можно быстрее достичь Индии, так как момент благоприятствовал победе над врагом. Но путь был отрезан. В доносившихся звуках было что-то настолько сильное, странное и непреодолимо притягательное, что вопреки самому себе он устремился в сад.

Это был Лаи-Хур, великий суфийский мистик, известный в народе лишь как пьяница и сумасшедший. Лаи-Хур – одно из величайших имен в истории человечества. О нем нам известно немногое; такие люди не оставляют после себя заметных следов. Ничего, кроме этой истории, не сохранилось. Но Лаи-Хур жил в воспоминаниях суфиев на протяжении многих веков. Он, как и прежде, являлся в мир суфиев словно призрак, потому что больше никто никогда не видел такого человека.

Он был таким опьяненным, что слово «пьяница» применительно к нему было справедливым. Он был пьян двадцать четыре часа в сутки, но его опьянение было божественным. У него была походка пьяницы, он жил жизнью пьяницы, не обращая никакого внимания на

окружающий мир. Его высказывания были совершенно безумны. Когда высказывания мистика могут быть поняты лишь другими мистиками – это высочайшая вершина экстаза. В глазах обычных людей они выглядят бессмысленными, абсурдными.

Вы будете удивлены, узнав о том, что английское слово *«gibberish» (тарабарщина)* происходит от имени суфийского мистика Джаббара. Именно из-за Джаббара появилось английское слово *«gibberish» (тарабарщина, невнятная речь)*. Но даже Джаббар ничто по сравнению с Лаи-Хуром.

Невежественным его высказывания казались оскорбительными, кощунственными, направленными против традиций и против всех установленных норм, против общепринятых манер поведения и этикета – то есть всего того, что известно и понимается как религия. Однако для тех, кто знал, они были не чем иным, как чистым золотом.

Он был доступен лишь немногим избранным, потому что лишь очень немногие могут подняться на те высоты, где он жил. Он жил на Эвересте – на Эвересте сознания, за облаками. Только те, кто был достаточно удачлив и достаточно мужественен для того, чтобы взойти на гору, были способны понять то, что он говорил. Для основной массы обычных людей он был сумасшедшим. Для знающих он был лишь проводником Бога, и все, что приходило через него, было чистой истиной: истиной, и только истиной.

Он умышленно пользовался дурной славой. Это был его способ стать невидимым для масс. Суфии так делают; у них довольно странный способ становиться невидимыми. Они сохраняют видимость: они остаются в мире, они не бегут от него, – но они умышленно создают вокруг себя такую среду, что люди уже не приходят к ним. Толпы, любопытные, дураки просто больше не приходят к ним; суфии для них больше не существуют, они совершенно забывают о них. Таков древний метод суфиев, и они пользуются им, работая со своими учениками.

Вы можете увидеть это здесь. Вы – мои суфии. Я почти невидим для людей, которые живут в Пуне. Я здесь – и не здесь: меня нет здесь для них, я здесь только для вас. Я невидим даже для здешних соседей. Они видят – и все же не видят, они слышат – и все же не слышат.

Лаи-Хур умышленно приобрел плохую славу. Между прочим, есть ли человек с более дурной славой, чем я? И это так прекрасно: это устраняет глупость. Теперь он был видим только для восприимчивых. Мастер, который действительно хочет работать, если он серьезно берется за что-то, должен стать невидимым для тех, кто не относится к подлинным искателям.

Так поступал Гурджиев. Гурджиев научился некоторым вещам у Лаи-Хура. Гурджиев в течение многих лет жил вместе с суфийскими Мастерами, прежде чем он сам стал Мастером. И когда я подойду к концу этой истории, вы обнаружите много сходного между Гурджиевым и Лаи-Хуром.

Лаи-Хур потребовал вина и предложил тост «за слепоту султана Бахрамшаха».

Итак, во-первых, великий мистик потребовал вина. Религиозным людям не полагается пить вино. Пить вино для мусульманина – один из самых больших грехов; это нарушение Корана, это нарушение религиозной идеи о том, каким должен быть святой. Лаи-Хур потребовал вина и предложил тост «за слепоту султана Бахрамшаха».

Султан, очевидно, обезумел. Он был взбешен – назвать его слепым? Однако он находился под сильным экстатическим воздействием Лаи-Хура. И хотя внутри у него все кипело, он не сказал ни слова. Эти чудесные звуки, и музыка, и танец все еще преследовали

его, они все еще были в его сердце. Он оказался в другом мире. Но другие стали протестовать. Его полководцы и его придворные стали возражать.

Другие протестовали, а Лаи-Хур смеялся как сумасшедший и настаивал на том, что султан заслужил этот эпитет, отправившись в такой глупый поход. «Что ты можешь завоевать в этом мире? Все останется позади. Идея завоевания глупа, совершенно глупа. Куда ты идешь? Ты слеп, потому что сокровище находится в тебе! – сказал он. – Ты направляешься в Индию, тратишь время, тратишь время других людей. Что же еще нужно для того, чтобы назвать человека слепым?»

Лаи-Хур настаивал: «Султан слеп. Если бы он не был слеп, он вернулся бы домой и забыл о завоевании. Не стройте карточных домиков, не стройте замков на песке. Не преследуйте мечту, не поддавайтесь безумию. Вернитесь! Смотрите внутрь!»

Человек, у которого есть глаза, смотрит внутрь, слепой смотрит наружу. Человек, у которого есть глаза, ищет сокровище внутри. Человек, который слеп, носится по всему свету, прося подаяния, грабя людей, убивая в надежде, что он найдет то, чего ему не хватает. Искомое никогда не будет найдено таким способом, потому что вы потеряли его не снаружи. Вы потеряли его в вашем собственном существе; необходимо внести туда свет.

Лаи-Хур настаивал, что султан слеп. «Если я неправ, дайте мне доказательство: прикажите армии отступить. Забудьте об этом завоевательном походе и никогда вновь не совершайте других завоеваний. Все это вздор».

Это произвело впечатление на султана, но он не мог повернуть назад.

Должно быть, это была такая же ситуация, что и раньше, при Александре Великом, когда он собирался завоевать Индию, и другой мистик, Диоген, смеялся над ним. Он говорил:

– Зачем? Для чего ты отправляешься в такое долгое путешествие? И чего ты хочешь достичь, завоевав Индию, или завоевав весь мир?

И Александр ответил:

– Я хочу завоевать весь мир для того, чтобы в конце концов отдохнуть, расслабиться и наслаждаться.

Диоген рассмеялся и сказал:

– Ты, наверное, дурак – потому что я отдыхаю сейчас!

Он отдыхал на берегу маленькой речки. Было раннее утро, и он принимал солнечную ванну, лежа обнаженным на песке. Он сказал:

– Я отдыхаю и расслабляюсь сейчас, хотя я не покорил мир. Я даже не думаю о том, чтобы завоевать мир. Потому что, если ты завоевываешь мир и пытаешься стать победителем лишь для того, чтобы отдохнуть и расслабиться, это выглядит абсолютно бессмысленным, поэтому я отдыхаю, ничего не завоевывая. Берег этой реки достаточно велик, он вместит нас двоих. Отдохни здесь. Сбрось свою одежду, и как следует позагорай, и забудь о завоеваниях!

Взгляни на меня! Я завоеватель, не завоевавший мир. А ты – нищий.

В сходной ситуации, по-видимому, оказался султан Бахрамшах, и Лаи-Хур оказался человеком сходного типа. В этом мире всегда было только два типа людей: те, кто знает, и те, кто не знает. Одна и та же драма разыгрывается снова и снова, один и тот же спектакль разыгрывается вновь и вновь. Некогда Александр Великий был тем, кто играл роль слепого, а Диоген – тем, кто пытался разбудить его. Теперь же Лаи-Хур пытается разбудить султана Бахрамшаха.

Александр сказал:

– Мне жаль. Я могу понять тебя, но я не могу вернуться. Я должен завоевать мир; не завоевав его, я не смогу отдохнуть. Прошу простить меня. И ты прав, я допускаю это.

И то же самое произошло с Бахрамшахом. Он был опечален, пристыжен, нерешителен. Но он сказал:

– Извини, я должен идти, я не могу повернуть назад. Индия должна быть завоевана. Я не смогу отдыхать или просто сидеть спокойно до тех пор, пока не завоюю Индию.

Затем был провозглашен тост «за слепоту Хакима Санаи» – потому что по своей значимости он был вторым человеком после Бахрамшаха. Он был его советником, его поэтом. Он был мудрейшим человеком при его дворе, и его слава проникла и в другие страны. Он был известен не только как превосходный поэт, но и как мудрый человек.

Был провозглашен тост «за слепоту Хакима Санаи», что, должно быть, было чувствительным ударом для великого поэта. Послышались даже более громкие протесты – из-за блестящей репутации Санаи, его мудрости, его характера. Он обладал сильным характером, он был очень добродетельным, очень религиозным. В его жизни не было ни одного пятна. Он прожил очень разумную жизнь – по крайней мере, так казалось ему самому. Он был человеком совести.

Возникло еще больше возражений. Потому что, возможно, султан и был слеп, он, возможно, был жаден, увлечен вожделением, великим стремлением к обладанию, но этого нельзя было сказать о Хакиме Санаи. Он жил жизнью бедного человека, хотя и служил при дворе. Будучи уважаемым человеком при дворе Бахрамшаха, он жил как бедняк – просто, скромно, но с большой мудростью и сильным характером.

Однако Лаи-Хур сказал, что этот тост был даже более удачным, поскольку Санаи, по-видимому, не осознавал предназначения, ради которого он был рожден; и если бы его вскоре привели к Создателю и спросили, может ли он сам что-нибудь сотворить, он смог бы произнести лишь глупую хвалебную речь в честь безрассудных королей, таких же смертных, как и он сам.

Лаи-Хур сказал, что это даже более уместно, поскольку от Санаи можно ожидать гораздо большего, чем от султана Бахрамшаха. Он обладает более высоким потенциалом, и он растрачивает его впустую, произнося хвалебные речи в честь безрассудных королей. Он не будет способен встретиться лицом к лицу со своим Богом, он окажется в затруднении, он не сможет ответить за себя самого. Все, что он сможет предъявить, будет эта поэзия, написанная в восхваление безрассудных королей – таких, как этот слепой Бахрамшах.

Он еще более слеп, абсолютно слеп.

Слушая эти слова и глядя в глаза этому сумасшедшему, Лаи-Хуру, Хаким Санаи ощутил, что с ним происходит что-то невероятное: сатори, внезапный опыт просветления. И тотчас же что-то умерло в нем. И нечто родилось, нечто совершенно новое. В одно мгновение совершилось превращение. Он уже не был прежним человеком. Этот безумец действительно проник в его душу. Этому безумцу удалось пробудить его.

В истории суфиев это единственный случай наступления сатори. В дзен таких случаев множество; я уже рассказывал вам об этих случаях. Однако в мире суфизма это единственный случай сатори, внезапного просветления – не постепенного, не методичного; это случилось в потрясении.

Лаи-Хур, вероятно, был человеком поразительного прозрения. Хаким Санаи склонился, прикоснулся к ногам этого безумца и заплакал слезами радости, потому что он прибыл домой. Он умер и родился вновь. В этом заключается сатори: умереть и родиться вновь. Это рождение заново.

Он покинул султана и отправился в паломничество в Мекку. Султан не хотел этого, он не был готов к тому, чтобы отпустить его. Он пытался любым способом помешать ему: он даже предложил ему в жены свою единственную сестру и полкоролевства. Но все оказалось бессмысленным. Хаким Санаи лишь рассмеялся и сказал: «Я больше не слепец. Со мной покончено. Этот безумец покончил со мной одним ударом, одним взмахом».

И он отправился в паломничество в Мекку. Зачем? Позднее, когда его спросили об этом, он сказал: «Только для того, чтобы впитать, чтобы переварить все то, что этот сумасшедший так внезапно передал мне. Он дал мне слишком много! Все это переполняло меня, переливалось через край; необходимо было переварить все это. Он дал мне больше, чем я заслуживал».

И он отправился в паломничество в Мекку, чтобы медитировать, быть в молчании, чтобы стать никому не известным, чтобы стать анонимным. Случившееся случилось, но его нужно было впитать. Свет появился, но человеку необходимо привыкнуть к нему.

И когда он привык к новому гештальту, к новому видению, он вернулся к Лаи-Хуру и преподнес ему свою книгу, «Хадику». Он написал ее на обратном пути из Мекки.

Он вложил в эту книгу свой опыт, свое сатори. Эти слова пропитаны сатори. Эта великая книга родилась таинственно, как рождается ребенок; таинственно, как семя становится побегом; таинственно, как птенец вылупляется из яйца. Так, как ранним утром распускается бутон, становясь цветком, и его аромат уносят ветры.

Да, эта книга не была написана. Эта книга – дар Бога. Эта книга – дар Бога и знак благодарности Хакима Санаи этому странному безумцу, Лаи-Хуру.

Теперь сутры.

Мы пытались осмыслить
свой путь к нему –
это не помогло;
но в то мгновение, как мы сдались,
не осталось никаких препятствий.

Хаким Санаи был человеком сильного характера, религиозным человеком. Он усердно старался, он прилагал все усилия к тому, чтобы достичь Бога. Он был очень интеллигентным, эрудированным человеком, он славился своей мудростью. Он был очень одаренным и рациональным. Он пытался всеми возможными способами достичь Бога при помощи разума.

Но достичь Бога путем разума еще никому не удалось. Это не дверь, ведущая к нему – это стена, препятствующая вам. Разум вполне способен познавать поверхностное, но он не может нырнуть в глубину. Он знает только, как плавать по поверхности. Разум отлично функционирует, когда речь идет о путешествии наружу, но он абсолютно бессилен, когда дело касается путешествия внутрь.

Разум хорош и адекватен, если вы хотите познать материю. Но он совершенно неспособен познавать то, что связано с сознанием. Разум может измерять, но сознание неизмеримо. Разум может взвешивать, но сознание лишено веса. Разум может видеть, но сознание невидимо. Разум обладает пятью чувствами, которые служат ему, сознание – за пределами пяти чувств. Вы не можете прикоснуться к нему, вы не можете вдохнуть его за-

пах, вы не можете попробовать его, вы не можете услышать его, вы не можете увидеть его: оно находится за этими пятью окнами чувств, которые открываются во внешний мир.

Вы можете видеть солнечный свет, но вы не можете увидеть ваш внутренний свет своими глазами. Вы можете слышать пение птиц, но вы не можете слышать пение собственного сердца.

Разум способен измерять. Поэтому появилось слово «материя». «Материя» означает то, что может быть измерено; «измеримое» – вот смысл слова «материя». Разум измеряет, и все, что может быть поймано в ловушку разума, есть материя.

Но есть вещи, которые неизмеримы. Как измерить любовь? Как измерить сознание? Неизмеримое существует. Но если вы настаиваете на том, чтобы познавать его только посредством разума, вы не сможете познать неизмеримое. Вы не сможете познать Бога.

Хаким Санаи говорит:

Мы пытались осмыслить
свой путь к нему –
это не помогло...

Это и не может помочь, такой путь неуместен по своей сути. Логика не может делать выводы относительно непознаваемого. Логика вступает в мир известного; логика не может совершить квантовый скачок в неизвестное.

Вам не приходилось наблюдать это? Ваш ум может думать только об известном. Как вы будете думать о неизвестном? Если что-то неизвестно, вы не сможете подумать об этом. Мышление основано на известном. Вот почему мышление все время повторяется, оно движется по кругу. Да, оно будет по-прежнему очищать известное, оно будет очищать его опять и опять, оно будет по-прежнему шлифовать известное – но оно никогда не сможет познать неизвестное.

Самое большее, оно может строить предположения о неизвестном. Но предположение есть предположение; оно никогда не станет определенностью. Оно никогда не даст вам веры, оно не станет доверием, поскольку в глубине души вы знаете, что это предположение: оно может быть верным, может быть неверным. Оно не может стать скалой, на которой будет воздвигнут храм жизни. Нет, оно остается сомнительным.

Любое предположение коренится в сомнении: возможно, это так, возможно – не так. Потому что есть три слоя существования. Один известен: это очень маленькая, освещенная часть; залитое светом пятно, очень маленькое, познанное нами. Его окружает бесконечное неизвестное, великая ночь мрака. Но о неизвестном мы можем строить некоторые догадки, можем предполагать, потому что известное и неизвестное качественно не разнятся. То, что известно сегодня, было неизвестно вчера, и то, что неизвестно сегодня, может стать известным завтра. Таким образом, известное и неизвестное родственны; они из одной и той же семьи.

Наука живет в этих двух мирах – известном и неизвестном. Свои рассуждения, свои предположения, свои заключения вы строите на известном, вы можете заключать что-либо о неизвестном посредством дедукции и осветить еще один небольшой кусочек территории.

Но есть что-то еще, третья сфера: непознаваемое. Логика отлично функционирует в области известного; она функционирует лишь отчасти в области неизвестного как логика предположений; но она вообще не может функционировать в области непознаваемого. Непознаваемое за пределами логики, за пределами смысла, за пределами знания, за пределами разума. И это непознаваемое есть Бог.

Помните, Бог не есть неизвестное. Если Бог неизвестен, тогда наука в один прекрасный день узнает о нем. Бог непознаваем. Да, Бог может быть переживаем и прожит как опыт, но он не может быть познан, не может быть низведен к знанию, не может быть сведен к гипотезе, не может быть сведен к такой формуле, как H_2O.

Бог остается тайной. Даже для тех, кто испытал его как опыт, Бог остается тайной. Действительно, чем глубже вы погружаетесь в него, тем глубже становится тайна. Чем глубже вы проникаете в него, тем быстрее и быстрее вы исчезаете. И однажды Бог не становится познанным; напротив, познающий исчезнет. Знающий исчезает точно так же, как капля росы, стекающая в океан.

В мире науки неизвестное постоянно трансформируется в известное. И есть надежда, что однажды неизвестное полностью исчезнет, и все станет известным.

В мире религии – совершенно другая ситуация, диаметрально противоположная. Неизвестное не исчезает, однако исчезает познающий. Однажды все становится непознаваемым, и известное также становится непознаваемым. И тогда тайна тотальна и абсолютна.

Мы пытались осмыслить
свой путь к нему –
это не помогло;
но в то мгновение, как мы сдались,
не осталось никаких препятствий.

Бог случается в состоянии позволения, сдачи. Вы не можете искать и стремиться к Богу. Все поиски останутся рациональными, все стремления будут опираться на ум. Ум – великий искатель. Все поиски, исследования, стремления есть проявление любопытства.

Глубоко внутри за всеми вашими поисками скрывается эго: «Я хочу стать знающим». Не знать обидно, оставаться невежественным обидно. Эго хочет вознаградить себя. Но эго не может знать Бога, поскольку эго – это препятствие. Мы не отделены от существования; эго дало нам иллюзию отделенности. Эго просто означает иллюзию отделенности от существования.

Сдаться – значит отбросить иллюзию отделения. Расслабление означает: «Меня больше нет». Расслабление означает: «Я растворяюсь». Расслабление означает: «Я отбрасываю все поиски, исследования, стремления». Расслабление означает: «Я просто буду пассивным и доступным». И тогда это случается.

Именно это случилось с Санаи. Это случилось с ним, когда он смотрел в глаза этому человеку, Лаи-Хуру, слушал его странные слова, слушал его странную музыку, чувствовал его присутствие. Санаи работал всю свою жизнь – и никогда не приближался. И тогда из ниоткуда, в присутствии этого Мастера, Лаи-Хура, это случилось само собой.

Он был, конечно, потрясен, когда Лаи-Хур сказал: «Хаким Санаи, ты слеп!» Никто никогда не говорил этого Хакиму Санаи. Он был уважаемым человеком и слыл мудрецом; даже короли и императоры обращались к нему за советом. И вдруг этот безумец, нищий называет его слепым! Он был, безусловно, потрясен. От этого потрясения его ум остановился. Это было очень похоже на электрошок.

Если вы доступны для энергии Мастера – это электрошок. Он может разрушить ваш ум. Он может создать хаос – прекрасный хаос, хаос, из которого рождаются звезды. И такой хаос был создан под влиянием Лаи-Хура.

Санаи исчез. На мгновение его не стало. Только Мастер, и его присутствие, и эти великие волны, исходящие от Мастера... он утонул в них. Это был момент расслабления. Бог явился в образе Лаи-Хура. Бог пришел через флейту Лаи-Хура.

...но в то мгновение, как мы сдались,
не осталось никаких препятствий.
Он предстал перед нами...

Когда вы позволяете, приходит Бог. Человек никогда не приближается к Богу. Это одна из основ суфизма: всегда именно Бог приближается к человеку.

Бог постоянно пытается приблизиться к вам, однако вы не позволяете ему этого. Вы так закрыты, вы никогда не оставляете свои окна открытыми. Вы крайне замкнуты, ничто не может проникнуть к вам; вы закрыты герметично. Бог всеми способами пытается приблизиться к вам, он словно мать, разыскивающая свое дитя. Но вы недоступны, вы не присутствуете. Вы испуганы и стараетесь себя защитить.

Это случается почти каждый день. Когда я посвящаю вас в саньясины, я пытаюсь приблизиться к вам. Однако очень редко встречается кто-нибудь, кто доступен, очень редко. Очень редко мне удается найти способ достичь вашего сердца. Но когда это случается, вы немедленно преображаетесь. Это временами случается, когда человек доступен и открыт, не защищен, когда он сбрасывает броню, которую мы все носим на себе.

Мы так боимся людей, мы так боимся любви, мы так боимся других, что сохраняем дистанцию. Это становится привычкой. Когда вы приходите к Мастеру, вы приносите с собой эту привычку.

Только два дня назад один молодой саньясин возвращался домой. Я спросил его:

– Когда ты уезжаешь? – и он не ответил.

Я спросил его:

– Когда ты вернешься? – он не ответил.

Тогда я попросил его подойти поближе:

– Я могу прикоснуться к твоей голове.

Он даже не приблизился ко мне – совершенно закрытый, он не открылся мне.

Это лишь способы сделать вас открытым. Не играет роли, когда вы уезжаете, – сегодня или завтра. Я спрашиваю вас только для того, чтобы вы немного открылись мне. Я начинаю общение для того, чтобы превратить его в единение.

Молчание может быть необыкновенно прекрасным. Но молчание должно быть открытым, только тогда оно прекрасно; иначе оно станет безобразным. Он боялся сказать что-нибудь, он боялся произнести хотя бы одно слово, потому что, скажи он хоть одно слово – и я нашел бы вход. Чтобы произнести это слово, ему пришлось бы хоть сколько-нибудь открыться.

Было бы совсем не так плохо, если бы наступило открытое молчание; оно было бы необыкновенно прекрасно. Но это молчание не было открытым, иначе он смог бы приблизиться. Я просил его подойти поближе, но он не подходил. Я хотел прикоснуться к нему – потому что, если слова не могут достичь его, быть может, мое присутствие сможет это. Но он не позволил мне и этого.

Бог пытается приблизиться к вам. И когда вы находитесь в присутствии Мастера, Бог очень старается приблизиться к вам.

Он предстал, – говорит Санаи, – перед нами
из доброты...

Санаи не собирался искать Бога, он собирался в завоевательный поход вместе с королем. Это появилось из ниоткуда, прямо с голубых небес. Это пение, этот танец, музыка Лаи-Хура застигли его врасплох. Представьте: там было много людей. Там был султан, но он упустил; он не был открытым. Хаким Санаи понял это. Он был открытым, он позволил, чтобы это случилось, он не сопротивлялся.

Он предстал перед нами
из доброты...

Запомните это: Бог приходит к вам не потому, что вы достойны. Что в вас может быть достойного? Не потому, что вы заработали это, не потому, что вы заслуживаете это, а только потому, что он добр. Он Рахим, он Рахман, он сострадателен. Это суфийские имена Бога. «Рахим» означает «сострадание», «Рахман» тоже означает сострадание, милосердие, доброту. Он является к вам из доброты. То, что он приходит, не есть следствие ваших усилий; он приходит вследствие вашей капитуляции.

...иначе как
смогли бы мы узнать о нем?

Санаи говорит: «Сейчас я могу сказать, что познать его было невозможно. Я пытался изо всех сил, всеми возможными способами; всеми разумными способами я искал Его». Если вы руководствуетесь в жизни разумом, рано или поздно вы станете атеистом. Или вы станете лицемером. Таковы люди вокруг вас.

Те, кто пытается приблизиться к Богу через рассудок и ум, неизбежно попадают в эти две категории: они становятся лицемерами, так называемыми верующими – этих людей, читающих Коран, Гиту, Библию, вы встретите в церквях, храмах, мечетях. Это так называемые верующие, лицемеры. Они мошенники; они ничего не нашли, но они совершенно не готовы к тому, чтобы признать, что потерпели неудачу. Они не готовы признать несостоятельность своего эго, вот почему они начали верить. Они ничего не нашли, но они верят. Эта вера делает человека фальшивым.

По этой причине все так называемые религиозные люди – это псевдолюди, они отвратительны: то, что на поверхности, резко отличается от того, что внутри. Глубоко в душе – тысяча и одно сомнение, а на поверхности – лишь нарисованная вера. Она не исходит из их сущности, она не является частью их жизни. Она не родилась в их душах, она не коренится в экзистенциальном опыте. Они поверили только из страха, они поверили только из разочарования. Они поверили оттого, что не могли больше сами задавать вопросы. Они устали, они утратили мужество, поддались унынию. И они недостаточно честны для того, чтобы сказать: «Мы пытались, но мы не нашли его. Возможно, его нет».

Еще одна категория – атеисты. Атеист, по крайней мере, правдив; он искренен и честен. Теист даже не честен. Теист запутался в двойном узле: он верит в честность, но он погряз в нечестности.

В наши дни во всем мире наши церкви, наши священники, как и прежде, учат вас: «Будьте честны и верьте в Бога». А вы когда-нибудь задумывались над тем, что эти две вещи несовместимы? Будьте честны и верьте в Бога: это двойной узел, вы создаете противоречие. Если человек хочет быть честным, он не может верить в Бога, поскольку, что будет означать вера для честного человека? Или вы знаете, или вы не знаете. Если вы знаете, нет необходимости верить; вы уже знаете это. Если вы не знаете, как вы будете верить?

Если человек хочет быть честным, он не может верить, у него нет необходимости верить. Потому что, если человеку приходится верить, он не может быть честным. Вы создали противоречие в жизни человека. Оно сводит каждого человека к лицемеру. Тогда вас становится двое или даже несколько. Тогда вы утрачиваете целостность. Вы становитесь двойственным: вы говорите одно, а делаете другое; вы делаете одно, а подразумеваете другое. В вас нет единства. Но если вы лишены единства, вы никогда не испытаете блаженства.

Блаженство есть следствие единства.

Разум не в состоянии найти его. Разум – не единственная дверь в вашем существе; есть и более глубокие двери. Знаете ли вы о своем сердце? Чувствуете ли вы, как оно бьется? Случалось ли вам видеть, как что-то происходит из сердца? Когда вы видите цветок лотоса и ощущаете его красоту, разум ли это? Может ли разум доказать, что цветок красив?

Разум даже не смог определить, что такое красота. Потому что для рационального ума не существует красоты. Но вы знаете, что красота существует, и когда вы видите ее, она переполняет вас. Рациональный ум утверждает, что красоты нет, что это лишь иллюзия, проекция, мечта.

Ночь полнолуния: разве это только иллюзия? Разве гипнотическое великолепие этой ночи – лишь проекция вашего разума? Это не так, потому что полнолуние влияет даже на океан, у которого нет разума. Этого не может быть. Когда встает солнце, это влияет даже на птиц – это не может быть лишь умом и его проекцией.

Красота существует. Но разум не знает способа достичь ее, это чувство идет от сердца. Чувствовали ли вы когда-нибудь красоту? Любовь существует, и она также познается не через разум: ее чувствуют сердцем. Когда вы влюбляетесь, сможете ли вы найти рациональное объяснение своей любви? Сможете ли вы сказать, что такое любовь? Пока это никому не удавалось.

Бог есть совокупность всех этих переживаний: переживания красоты, переживания добра, переживания любви, переживания истины. Все эти переживания происходят: не пытайтесь достичь их посредством разума, они происходят благодаря сердцу. Все эти переживания, приходящие из сердца, в совокупности называются Богом. Бог – это не человек, сидящий где-то высоко на небесах.

Сатьям, шивам, сундарам: на Востоке это было определением Бога. *Сатьям*: Он есть истина. *Шивам*: Он есть добро. *Сундарам*: Он есть красота.

Это те переживания, которые волнуют ваше сердце, потому что Бог есть высший опыт, познаваемый через сердце. Познание реального сердцем – в этом смысл познания Бога. Познание реального разумом – это познание материи. Реальность едина.

Никогда не впадайте в то заблуждение, что есть две реальности – материя и сознание, Бог и мир. Нет. Реальность едина; то, что существует, едино. Но к этому единству вы можете подойти двумя путями. У вас два возможных подхода. Вы можете познавать его по-

средством разума: тогда это материя, тогда реальность предстает в материалистических терминах. Или же вы можете познать ее посредством сердца, и тогда это сознание, или Бог.

Таковы наши толкования. И несомненно, толкование, идущее от сердца, выше, глубже, полнее. Оно трансформирует вашу жизнь: оно переносит вас в другое измерение блаженства, благословения.

Он предстал перед нами
из доброты – иначе как
смогли бы мы узнать о нем?
Разум подвел нас к этой двери;
но лишь его присутствие позволило нам войти.

И помните еще одну вещь: суфизм не против разума. В этом разница между учением дзен и учением суфиев. Дзен иррационален, он говорит: отбрось разум, отбрось его совершенно. Суфизм не иррационален, он сверхрационален. Он говорит: пользуйтесь разумом, но он приведет вас только к двери. Он не может ввести вас внутрь храма, он приводит вас лишь к двери. Пользуйтесь разумом, но не позволяйте ему поймать себя, не давайте обмануть себя.

Вот как это случилось с Санаи. Он использовал все потенциальные возможности разума. Вот почему у Лаи-Хура была возможность ввести его внутрь храма. Султан не понял, потому что он не использовал все возможности разума. Присутствовали и другие, но они не поняли сути. Только Санаи понял ее. Он оптимально использовал возможности своего разума – он увидел, что разум приближается к некоему пространству, что он подводит вас к некой точке, но затем он дает осечку, затем он исчерпывает свои возможности, потому что реальность по-прежнему простирается за его пределы, поскольку реальность больше разума.

Пользуйтесь разумом, пока он может помочь вам, но не оставайтесь в том месте, где он останавливается. Покиньте его пределы.

Дзен иррационален, дзен абсурден, в этом его красота. Суфизм сверхрационален, он не абсурден, и в этом его красота. Оба указывают прямой выход в божественное. Но дзен негативен, он говорит: бросьте логику. Суфизм позитивен, он говорит: используйте логику, но всегда помните, что существует нечто за пределами логики. Никогда не забывайте того, что за ее пределами.

Дзен жизнеотрицающий, суфизм жизнеутверждающий. Суфизм абсолютно позитивен. Поэтому люди, склонные к позитивизму, естественно, почувствуют влечение к суфизму, а люди с негативными взглядами, настроенные на негативное и извлекающие радость из негативного – эти люди, естественно, последуют дорогой дзен. Человек должен решить. Он должен наблюдать свои склонности, свои качества.

Разум подвел нас к этой двери;
но лишь его присутствие позволило нам войти.

Пользуйтесь разумом, чтобы достичь двери, помня о том, что реальному еще предстоит произойти. Ждите. Ждите, оставаясь предельно открытым, уязвимым. Не закрывайте себя, не делайте заключений. Заключение означает, что вы закрываетесь. Если разум

предлагает вам тот или иной вывод – в пользу Бога или против него – вы закончены; больше нет запредельного.

Поймите, что разум избегает окончательных выводов, не делайте окончательных заключений и ждите. Вы достигли двери, теперь благодаря Его присутствию вас введут внутрь.

В этом заключается значение той великой максимы, что учитель появляется тогда, когда к этому готов ученик. Возможно, Лаи-Хур пел, танцевал и играл на флейте только ради Хакима Санаи. Пути существования неисповедимы. Ловушка уже подстерегала Хакима Санаи: этот человек был готов, он подошел к двери.

То же самое произошло с Омаром Хайямом, другим великим суфием. Он был математиком, великим математиком, гением. Он использовал свой логический ум до предела, и тогда он оказался внутри. И великий математик стал пьяницей, великий математик стал говорить о вине, об опьянении, и появился на свет великий Рубайат.

Читая Рубайат Омара Хайяма, невозможно поверить, что он был великим математиком. Невозможно себе представить, что это был за математик, потому что его поэзия так чиста. Как может математик добиться такой чистоты поэзии? Математик всегда логичен, он мыслит силлогизмами. Он очень практичен, он очень объективен. Он не допустит, чтобы субъективность вторглась в его наблюдения; он очень отстранен. Математика – единственная совершенная наука в мире. Все другие науки приблизительны, математика – единственная совершенная наука. Может ли совершенный ученый стать суфием?

Но теперь вы можете понять, как это случилось. Когда вы достигаете высшей точки своего разума, если вы все еще доступны, не закрыты – если вы еще не сделали того или иного заключения, если вы еще не стали теистом или атеистом, если вы еще уверены в том, что разум остается незавершенным – тогда вы окажетесь внутри благодаря его присутствию. Он появится в образе Мастера и введет вас внутрь.

И тогда это может произойти в одно мгновение. Человек, стоящий у пограничной черты, через мгновение может шагнуть в непознаваемое.

Но как вам познать его,
пока вы не способны
познать себя?

Бога можно познать, только если вы познали самого себя. Но где вы? Вы не в голове, вы не в сердце. С головой может случиться приступ комы, но вы будете еще живы. Есть люди, которые впадали в кому на многие годы.

Однажды ко мне доставили женщину; в течение девяти месяцев она была в коме, совершенно без сознания. Ее ум не функционировал, она жила почти растительной жизнью. Но она была жива, так как ее сердце продолжало биться. Когда останавливается сердце, тогда останавливается все.

Ваша жизнь, таким образом, коренится в сердце, а не в голове. Сердце является точкой соприкосновения между вами и вселенной. Именно через сердце вы соединены со вселенной. Человек должен знать свое сердце: это самопознание, в этом смысл слов «Познай себя». Только познав свое сердце, вы обретете контакт со Вселенной. Входя в свое сердце, вы становитесь способны вступить в конечную сущность.

16

Когда ты един,
не больше и не меньше, –
ошибка начинается с двойственности;
единство не знает ошибок.

У вас есть множество умов, но только одно сердце. Наблюдали ли вы этот факт? У вас нет единого ума; ваша психика многогранна, у вас много умов. Они постоянно меняются – каждое мгновение ваш ум непрерывно меняется. В одно мгновение его переполняют сомнения, в другое мгновение он полон веры, в следующее мгновение он опять полон сомнений. В одно мгновение он хочет сделать прыжок, в другое мгновение он ускользает. В одно мгновение вас переполняет любовь, в другое мгновение – страх и ненависть.

Взгляните: у вас тысяча и один ум, и они продолжают сменять друг друга. Некая система вращения действует в вашей голове. На мгновение ваш ум становится хозяином, и в это мгновение вы что-то решаете, полагая, что сможете сделать это. Вы не сможете сделать это, так как в следующее мгновение хозяина уже нет. Это вращающаяся система – всплывает другой ум, поднимается новая спица колеса. И этот ум ничего не знает о решении, принятом другим умом.

Это «я» не знает ничего о другом «я»; оно разрушит все, что вы решили. В одно мгновение вы решаете никогда больше не курить, в другое мгновение вынимаете из кармана пачку сигарет. Вы удивлены – лишь минуту назад вы приняли решение, и решение казалось вам таким тотальным, таким надежным. Сейчас все это ушло, растворилось, ничего не осталось. И вы с радостью закуриваете снова. И снова это прежнее желание возвращается к вам и мучает вас, и вы сожалеете о случившемся и думаете, что вы виноваты.

Но все опять изменится. Ум – это поток, непрерывный поток многих умов. Вот почему те, кто живет в уме, живут раздробленной, фрагментарной жизнью.

Сердце едино, оно всегда одно. Сердце означает наблюдающее сознание в вас. Кто наблюдает за головой? Медитируйте на это. Приходит гнев: кто наблюдает? Вы отлично знаете, что это гнев; вы отлично знаете, что он приходит и растет, вы отлично знаете, что вскоре вы будете переполнены им. И затем он уходит, отступает, исчезает, и вы знаете, что он ушел. Ушел, ушел, ушел, его больше нет. Кто наблюдает?

Любовь приходит и уходит. Приходит несчастье, приходит счастье, все приходит и уходит. Кто наблюдает? Наблюдатель остается.

Лишь одно в вас постоянно – и это наблюдатель. Все меняется, и только наблюдатель остается неизменным. Он всегда здесь: даже когда вы глубоко спите, он наблюдает ваши сны; даже когда вы не видите снов, он наблюдает ваш глубокий сон. Когда вы бодрствуете, он наблюдает за миром, когда вы спите, он наблюдает за вашим внутренним миром, и это наблюдение продолжается. Оно не прекращается ни на одно мгновение. И это единственная вечная, вневременная вещь в вас – ваше сердце.

Суфии называют это сердцем. И оно едино. Познать это единое сердце значит выйти за пределы всех ошибок.

Когда ты един,
не больше и не меньше, –
ошибка начинается с двойственности;
единство не знает ошибок.

Это единство называется *unio mystica*. Это мистическое единство. Это интеграция, индивидуализация, сосредоточение души. Вы остаетесь центрированным, даже если вокруг вас бушует циклон. Вы становитесь центром циклона.

Вы можете быть в мире и оставаться не от мира. Все ошибки рождаются из двойственности. Но вы не только двойственны, вы множественны. Итак, ошибки, ошибки и ошибки – вы разделены на такое множество фрагментов. Вас целая толпа, вот в чем проблема, и толпа постоянно сражается. Она продолжает сражаться. Вы – гражданская война.

И поэтому ваша жизнь утрачивает всю свою радость, все свое счастье, все свое изящество.

Будьте единым – и вы достигнете изящества, и внезапно вы станете элегантным, без единого усилия. И ваша жизнь станет прекрасной сама по себе. Она станет изысканной. Это больше не обыкновенная жизнь – уродливая, вульгарная, рутинная. Теперь это святая святых. Она священна, она божественна.

Путь, которому ты должен посвятить себя,
лежит в шлифовании зеркала сердца.

Что это значит – *шлифование зеркала сердца*? Мало-помалу сделайте сердце своим центром. Все чаще и чаще устремляйтесь в свой центр. Когда бы вы ни вспомнили об этом, двигайтесь к сердцу, спускайтесь из головы. Будьте наблюдательны, бодрствуйте.

Но ваша бдительность должна быть очень любящей, иначе она тоже станет лишь частью разума. Если в вашей бдительности есть любовь, если в вашей бдительности есть сердце, тогда она станет центром вашей жизни.

Поэтому, когда вы осознанны, будьте и любящими. Пусть любовь и бдительность сольются и сплавятся, пусть ваша бдительность и ваша любовь станут неразрывны. Вы можете наблюдать цветок без любви: вы будете бдительны, но без любви ваша бдительность суха и мертва. Такая бдительность становится возможна даже в уме; она не шлифует зеркало вашего сердца.

Наблюдайте и будьте любящим. Наблюдайте с любовью. Постепенно бдительность и любовь сольются воедино, составив две стороны одного и того же явления. И тогда случится шлифование вашего сердца. Любовь – это способ шлифования сердца. Осознанность поможет вам достичь сердца, а любовь поможет вам отполировать его. А чем лучше оно отполировано, тем лучше оно отражает реальность.

Путь, которому ты должен посвятить себя,
лежит в шлифовании зеркала сердца.
Не бунт, не диссонанс...

Вам не нужно бороться с самим собой, вам не нужно вступать в конфликт. Вам необходимо попасть в резонанс, не в диссонанс.

Вот почему суфизм ничего не знает об аскезе. Аскет – это мазохист; он, в действительности, не религиозный человек. Он не любит самого себя, он ненавидит себя.

Суфий любит самого себя, суфий любит все. Суфий есть любовь.

Не бунт, не диссонанс
шлифует зеркало сердца,

стирая ржавчину лицемерия и безверия...

Помните, я говорил вам, что существуют две возможности, если вы действуете, руководствуясь умом. Одна из них – это лицемерие, так называемый религиозный человек. Индуист, мусульманин, христианин, джайн, иудаист – все это так называемый религиозный человек, лицемер. Это одна возможность.

Другая возможность – это неверие, атеизм: «Бога нет. Я искал, я искал в пределах возможностей своего разума, и я не нашел Бога. Бога не существует».

Обе позиции глупы. Человек должен избегать окончательных суждений. Человек должен оставаться на границе разума, избегая выводов, спокойным, пассивным, доступным. И тогда присутствие Бога введет вас внутрь.

...твое зеркало шлифует
лишенная сомнений
незамутненная чистота веры.

Эта уверенность была достигнута посредством разума, но такая уверенность всегда основана на сомнении. Сомнение не может быть уничтожено посредством разума, потому что разум питается сомнением, разум начинается с сомнения. Разум начинается с вопросов, разумное объяснение в основе своей скептично. Если делается заключение, это всего лишь гипотеза. Оно действительно лишь на некоторое время. Если обнаруживаются новые факты, заключение следует изменить.

Вот почему наука никогда не может сказать: «Это истинно». Наука может только сказать: «То, что познано нами до сегодняшнего дня, по-видимому, является истиной». Я могу лишь сказать: «Это до сегодняшнего дня, по-видимому, является истиной. Мы ничего не можем сказать о завтрашнем дне. Когда появятся новые факты, когда будут обнаружены новые факты, тогда нам придется внести изменения».

Сегодня Ньютон устарел. Вскоре устареет Альберт Эйнштейн.

Но Будда никогда не устареет, Лаи-Хур никогда не устареет, Иисус никогда не устареет. Потому что все сказанное ими не основано на сомнении. Оно не исходит от логики, оно исходит от сердца. Сердце знает вечное, потому что сердце соприкасается с вечным. Голова соприкасается лишь с временным, моментальным.

Таким образом, эта уверенность восходит к любви, а не к логике. Эта уверенность возникла не в уме, не через ум, не с помощью какого-либо силлогизма, а благодаря поющему сердцу, танцующему сердцу.

Приходилось ли вам чувствовать, как зрелость ваших заключений и ваша уверенность рождаются из любви? Тогда вы поймете смысл. Когда вы говорите: «Я люблю эту женщину», вы пришли к этому заключению через разум? Если вы пришли к нему посредством разума, оно может исчезнуть в любой момент.

По этой причине на Западе любовь стала очень кратковременным явлением. Даже к любви приходят через разум. Вы заключаете: «Эта женщина кажется мне самой красивой среди тех женщин, которых я знал до сегодняшнего дня. Кто знает, что будет завтра? Женщина с более длинным носом, женщина с более красивыми волосами, женщина с ярче сияющими глазами... кто знает?» Ничего нельзя сказать о завтрашнем дне. Эта женщина может устареть; и вам всегда представится возможность встретить более приятную женщину.

Если вы сделали заключение посредством разума, любовь никогда не станет глубокой и интимной. Она будет кратковременной, она будет произвольной. Именно это происходит в современном мире. Любовь стала очень произвольной, минутной; это лишь соглашение, принятое на мгновение.

Но это не путь глубокого роста в любви. Любовь нуждается в интимности. Для любви нужна уверенность в том, что она пришла не из разума, а из сердца. Когда уверенность достигается через сердце, она вечна. Она не знает перемен.

Блаженны те немногие люди, которые уверены в своей любви в глубине сердца. Они очень редко встречаются на земле; это племя исчезает, этот вид исчезает. И это большое бедствие.

Теперь, если вы придете ко мне, прислушаетесь ко мне, поймете, что я логичен, что я апеллирую к вашей логике и к вашему разуму, и станете учеником, вы не зайдете очень далеко. Завтра я могу сказать нечто совершенно противоположное, и это может озадачить вас. Это вызовет сомнение.

Но если это взаимоотношения сердца, если вы не слушаете, что я говорю, но видите, кто я, если вы прислушиваетесь не только к моим словам, но и к моему молчанию, если вы познаете не только философию, которую я преподаю, но и мое присутствие, которое я изливаю на вас, – тогда возникнет та уверенность, которая равноценна вере, доверию – и она будет вечной.

Если вы добиваетесь чего-либо посредством разума, **это произвольно**. Вы никогда не отпустите себя. Вы всегда будете наблюдать краем глаза: если что-то будет противоречить вам, тогда я не для вас. Тогда мне придется всегда соответствовать вашим ожиданиям – а я не смогу этого сделать, и ни один Мастер никогда бы не смог. И что бы я ни говорил, вы всегда будете истолковывать это по-своему.

Всего несколько дней тому назад здесь была женщина. Она была очень серьезна, и она спросила меня: «Что можно сделать с моей серьезностью?» И я ответил ей, что серьезность – это род болезни: «Вы серьезны оттого, что полагаете, будто это ценное качество. Это не так, это просто глупость. Будьте игривой».

И знаете, что она из этого заключила? Она приняла саньясу, вернулась домой и написала мне оттуда: «Я послушала вас, и я пытаюсь следовать за вами по-своему. Я отбросила саньясу, потому что думаю, что человек должен быть игривым – хотя я не смогла ничего больше отбросить, я все еще серьезна».

Взгляните: она смогла бросить только одну вещь – и это была саньяса. Если бы она бросила всю свою серьезность, естественно было бы бросить и саньясу. Но ум хитер: она по-своему истолковала, почему не следует серьезно относиться к саньясе; ко всему остальному она не изменила своего отношения. Она не поняла меня. Быть саньясином просто означает, что вы игриво воспринимаете вашу жизнь. Бросить саньясу означает, что вы отбросили идею игривости.

Но именно это случится со многими людьми, которые общаются только при помощи головы. Остерегайтесь этого.

...твое зеркало шлифует
лишенная сомнений
незамутненная чистота веры.

Вырвись на свободу

из цепей, которыми ты сковал себя,
потому что ты будешь свободен,
став свободным от плоти.
Тело темно – сердце ослепительно сияет;
тело лишь удобрение, сердце – цветущий сад.

Перестаньте отождествляться со своей головой, перестаньте отождествляться со своим телом. Помните о том, что у вас нет ничего, кроме вашей наблюдательности. Но это не значит, что вы должны быть против тела. Суфии не против тела; они любят тело, потому что тело – это удобрение. Оно может стать благоухающим, но оно должно преобразиться.

...сердце – цветущий сад.

Тело должно функционировать как удобрение в саду сердца. Человек не должен быть против тела или против головы. Используйте разум, пока вы не достигли двери; используйте тело так, чтобы оно стало почвой.

Но всегда помните: в вас должен расцвести цветок сердечности, цветок пробужденности сердца. Он может расцвести в любой момент. И все, что нужно – это сбросить цепи, которые вы выковали самому себе: ваши бастионы, ваши доспехи, вашу круговую оборону.

Вырвись на свободу
из цепей, которыми ты сковал себя,
потому что ты будешь свободен,
став свободным от плоти.*

Мы чрезмерно отождествили себя с землей, с телом, с глиной. Мы слишком отождествили себя с материей, мы забыли о том, что мы есть не что иное, как свидетельствование. Это свидетельствование есть ваша предельная реальность. Пусть она также станет вашей непосредственной реальностью, и вы станете садом сердца. И вы расцветете.

И пока вы не расцветете огромным цветком лотоса, золотым лотосом, ваша жизнь напрасна.

Вот что Лаи-Хур сказал Санаи: «Не растрачивай свою жизнь на создание хвалебных речей глупым королям. Бог вскоре приблизится к тебе, и ты не сможешь ответить ему. Не оставайся слепым. Сделай что-нибудь: открой глаза!»

Санаи услышал это и был преображен.

Услышьте меня: вы тоже можете быть преображены.

---

* англ. *clay* – плоть, глина

НА АЛТАРЕ РАЛЬНОГО

Первый вопрос:

Сегодня на лекции, глядя на вас, я чувствовал себя таким мелким, фальшивым и лживым. Кажется, во мне нет ничего более глубокого. Свидетельствуют ли эти чувства о том, что у меня нет никакого центра? Я шокирован тем, что таково, вероятно, мое лицо в настоящий момент.

Багавато, никто не может существовать без центра. Жизнь невозможна без центра – вы можете не осознавать этого, это другой вопрос. Вам не нужно творить его заново, вам нужно только заново открыть его. И помните о том, что я не говорю «открыть», я говорю «открыть заново».

В утробе матери ребенок полностью осознает центр. Ребенок в чреве матери *находится* в центре, вибрирует в центре, пульсирует в центре. Ребенок – центр утробы матери, у него нет иного окружения. Он лишь сущность, у него нет личности.

Сущность – это центр, а он – это ваша природа, это данное Богом. Личность – это окружение, она культивируется обществом; она не дана Богом. Она дана воспитанием, а не природой.

Когда ребенок появляется из чрева, он сразу вступает в контакт с каким-нибудь предметом, находящимся вне него. И этот контакт создает окружение. Постепенно общество посвящает ребенка в свой образ действия. Христианское общество делает ребенка христианином, индуистское общество – индуистом, и так далее и тому подобное.

Затем ребенку навязывают груз условностей – один слой за другим.

В сущности, знакомясь с хорошо развитой личностью, вы обнаружите в ней эти три слоя. Первый – очень тонкий положительный слой – положительный, но фальшивый. Это слой, который лицедействует; это слой, в котором содержатся все ваши маски. Фриц Перлс называл этот слой «слоем Эрика Берне». Это слой, в котором вы играете во всевозможные игры.

Вы можете плакать внутри, но на поверхности этого слоя вы будете улыбаться. Вы можете быть полны ярости, у вас может появиться желание убить другого человека, но вы останетесь по-прежнему любезны. И вы говорите: «Как любезно с вашей стороны, что вы пришли. Я так счастлив, так рад видеть вас». Ваше лицо излучает радость; это обман.

Но чтобы существовать в лживом обществе, вам нужен слой лжи. Иначе вам будет так же трудно, как Сократу, Иисусу, мне. Благодаря слою лжи вы остаетесь частью лживого общества, вы не отделяетесь от него. Это лживый мир, на Востоке его называют *майя*. Он иллюзорен, он насквозь фальшив и лжив.

Другие люди улыбаются так же фальшиво, как и вы. Никто не улыбается искренне. Люди покрыты ранами, но они украсили свои раны цветами, они скрывают свои раны цветами.

Родители торопятся дать этот слой своему ребенку. Они спешат это сделать, так как знают, что ребенок должен стать членом фальшивого общества. Ребенку будет трудно выжить без него: он выполняет функцию смазочного материала.

Это очень тонкий слой, не толще слоя кожи. Стоит чуть-чуть оцарапать кого-нибудь – и вы вдруг обнаружите, что все цветы исчезли; за ним были скрыты и ярость, и ненависть, и все виды отрицательных эмоций. Этот второй слой – негативный, но обманчивый.

Второй слой толще, чем первый. Второй слой – это слой, с которым нужно проделать большую работу. Именно для этого нужны психотерапии. Поскольку за тонким положительным слоем скрывается негативный, вы всегда боитесь идти внутрь, потому что это означает, что вам придется столкнуться с этим уродливым явлением, с этим грязным мусором, который вы собирали, год за годом, всю свою жизнь.

Как образовался второй слой? Ребенок рождается как чистый центр, как невинность, без двойственности. Он един. Он в состоянии *unio mystica*: он еще не знает, что он отделен от существования. Он живет в единстве; он не знает никакой изоляции, его эго еще не сформировалось.

Но общество сразу начинает обрабатывать ребенка. Оно говорит: «Не делай этого. Это неприемлемо для общества: подави это. Делай то, потому что это приемлемо для общества, и ты будешь уважаем, любим, признан».

Так в душе ребенка рождается двойственность; на периферии возникает двойственность. Первый слой – позитивный, который вы должны показывать другим, второй слой – это негативный слой, который вы должны скрывать внутри.

Ребенок невинен. Он невинен в своей любви, он невинен в своем гневе. Он не делает различий. Когда он любит – он любит, он любит тотально. Когда он сердит – он сердится тотально, он просто чистый гнев. Отсюда красота ребенка. Даже в гневе он величественно красив, грациозен – даже в гневе, потому что это тотальный гнев. Взрослые люди даже в любви не так прекрасны, потому что им не хватает тотальности.

Мы создаем в ребенке, в каждом ребенке разделение. Наше общество до сегодняшнего дня жило в определенного рода шизофрении. Настоящая человечность еще не родилась. Все наше прошлое было кошмаром, так как мы делим личность надвое: на позитивное и на негативное, на да и нет, на любовь и ненависть. Мы разрушаем ее целостность.

Эти два слоя – наша расщепленность. Первый слой положительный и фальшивый, второй слой – негативный и фальшивый. Они фальшивы, потому что только тотальное может быть реальным, частное всегда ложно, потому что частное что-то отрицает, что-то отвергает, а отвергнутая часть – это ложь. Реальность возникает только при полном приятии.

Багавато, центр внутри вас, но вы должны будете пройти через эти два слоя – позитивно-ложный и негативно-ложный. И тогда вы погрузитесь в целостность океана, в тотальное, в цельное. Тогда внезапно возникает великое блаженство: это сатори. Нет необходимости создавать его, оно уже здесь. Нет необходимости даже открывать его, его следует только *открыть заново*. Вы знали его раньше, отсюда поиск – иначе поиск был бы невозможен.

Почему люди находятся в постоянном поиске блаженства? Должно быть, они познали его. Где-то глубоко внутри, в воспоминаниях еще живы те сладкие мгновения в чреве матери, где все было спокойно и тихо, когда все было едино, когда не было забот, ответственности, когда больше никого не было. Это был рай.

Именно в этом символическое значение Эдемского сада. Эдемский Сад – это чрево. Но вы не можете жить в чреве вечно, рано или поздно вам придется покинуть его. В тот самый момент, когда вы покидаете чрево, общество обязательно начинает воспитывать вас. Общество и его система образования еще не гуманны. Общество больно неврозом, оно очень примитивно, так как оно бессильно помочь воспитанию ребенка в центре. Оно не помогает

ребенку сохранить осознание центра, когда он растет. Напротив, общество всеми способами пытается заставить ребенка забыть центр и отождествить себя с той ложной личностью, которой оно снабжает его.

Общество не заинтересовано в ребенке, общество заинтересовано в том, чтобы продолжала существовать его структура. Общество не заинтересовано в индивидуальности, оно против индивидуальности, оно целиком и полностью за коллектив. Коллектив всегда был болен неврозом и уродлив. Общество ориентировано на прошлое, а индивид ориентирован на будущее; индивиду предстоит жить в будущем, а общество знает только прошлое, в котором оно жило. У общества нет будущего, общество состоит из прошлого. И оно продолжает навязывать прошлое ребенку.

Насколько я вижу, в подлинно гуманном обществе ребенку ничего не будут навязывать – вообще ничего. Это не значит, что ребенок будет полностью предоставлен самому себе. Нет, ему будут помогать, но ничего не будут навязывать. Ему помогут сохранить цельность, ему помогут остаться укорененном в сущности. На него не будет оказано никакого давления, вызывающего сдвиг сознания от сущности к индивидуальности. Образование будущего не будет образованием личности, оно будет образованием сущности. Именно это означает религиозное образование. До сих пор религиозного образования не было, потому что все то, что вы называете религиозным образованием – это образование христианское, индуистское или магометанское; все это идеологическая обработка, а не религиозное образование. Религиозное образование поможет ребенку вспомнить все то, что уже есть в нем, а не забыть это.

Истинное образование сделает ребенка более медитативным, для того чтобы он никогда не утратил контакта со своей внутренней сущностью. Весьма вероятно, что он утратит этот контакт, потому что он будет двигаться вместе с другими: он начнет подражать другим, он должен будет многому научиться у других. Позвольте ему учиться, но дайте ему понять, что он не должен становиться подражателем.

Именно так происходило в течение веков и продолжает происходить. Мы учим детей подражать: «Будь таким, как Иисус. Будь таким, как Сократ. Будь таким, как Будда». Ребенок может быть только самим собою, и никем другим, потому что, кем бы он ни пытался стать – это будет ложь и фальшь.

Багавато, ты спросил меня: *Сегодня на лекции, глядя на вас, я чувствовал себя таким мелким, фальшивым и лживым.*

Это хорошо. Необыкновенно прекрасно, что вы почувствовали это. Это начало. Как только вы осознаете ложное, вам не потребуется много времени на то, чтобы осознать то, что реально, потому что осознать ложное означает, что вы понемногу начали осознавать реальное. Быть может, это неопределенно, туманно, не совсем ясно, еще не прозрачно, запутанно. Но начало положено.

Познать ложное как ложное – это начало познания реального как реального. Это хорошее начало, благоприятное начало.

Ты говоришь: *Кажется, во мне нет ничего более глубокого.*

Осознать то, что в вас нет ничего более глубокого, есть первый шаг в глубину. Миллионы людей продолжают считать, что их ничтожная личность – это их душа. Их ничтожная

личность, полагают они, имеет глубину. Они продолжают верить в это и, веря в это, они продолжают утрачивать свою реальность.

Моя задача в том, чтобы заставить вас осознать ложное, фальшивое, нереальное и поверхностное. Потому что, когда в первый раз вам приходит в голову, что вы фальшивы, это причиняет боль, ведь вы всегда верили как раз в противоположное. Вы всегда верили в то, что вы очень-очень реальны и глубоки, что у вас есть свои глубины и свои высоты. Однако у вас нет ничего.

В данное мгновение вашего существования у вас нет никаких глубин, у вас нет никаких высот. Вы существуете как *личина*; вы еще не осознаете сущность. Потому что только сущность может обладать высотами и глубинами. Однако осознать: «я ничтожен» хорошо, чрезвычайно важно, существенно. Не забывайте этого опять, помните об этом. Это будет причинять вам боль, это станет болью в сердце, это станет раной. Подобно стреле, это будет проникать все глубже и глубже, и это будет все более и более болезненно, это будет причинять все более сильную боль.

Таков путь, который вынужден проделать каждый ищущий. Такова боль, которая неизбежна при возрождении. Помните об этом, и не позволяйте себе вновь довериться прошлой ложной личности.

Вы не тот, кем считали себя до сих пор. Вы нечто совершенно другое. Вы не есть тело: вы в этом теле, но вы не тело. Вы также не этот ум, потому что ум здесь, но вы далеко за его пределами. Вы свидетель.

Багавато, ты говоришь: *я чувствовал себя таким мелким...*

Кто чувствовал это? Помните это. Пустота, как таковая, не ощущает того, что она пуста. У нее нет представления о глубине – может ли она ощутить свою пустоту? Страдание, как таковое, не ощущает того, что оно – страдание. Необходим кто-то еще, кто-то познавший ощущение блаженства. Потому что только такой человек способен осознать страдание.

Болезнь не осознает себя как болезнь, только здоровье может осознать болезнь как болезнь. Помни это.

Я чувствовал себя таким мелким, фальшивым и лживым – кто осознал это? Кто? Этот свидетель – вы. Это ваш центр; ваш центр рождается из хаоса вашей личности. И это великий момент, момент великого блаженства: не теряйте его след. Какой бы мучительной ни была дорога, человек должен преодолеть ее тяготы, потому что в конце ее его ждет абсолютное блаженство.

Такова жертва, которую должен принести каждый саньясин: он приносит в жертву все фальшивое и ложное на алтарь реального.

Второй вопрос:

Почему так трудно молчать?

Мои слова такие механические и потрепанные; это непрерывное повторение истории, одного и того же старого прошлого, которого больше не существует.

Почему же я еще не устал от них?

Пратито, сохранять молчание трудно потому, что человек в нем исчезает. Вы можете существовать как эго только в шуме. Шум – это ваша пища, позволяющая вам существовать как эго; вы живете благодаря ей, вы расцветаете благодаря ей. Вот почему трудно обрести молчание.

Людьми, которые начинают думать о том, чтобы стать молчаливыми, движет идея, что, когда придет молчание, они будут в нем, они будут наслаждаться молчанием. Это в корне неверная идея, у вас нет ни малейшего представления о реальном положении вещей. Когда придет молчание, вас не будет, потому что вы и молчание не можете существовать вместе. *Вы* – это шум. Так что когда наступает молчание, существует только молчание.

Не существует ни одного человека, который бы молчал, не существует ни одного человека, который наслаждался бы молчанием. Молчание не опыт, потому что не существует того, кто воспринимает его. Это полное молчание; никого нет.

Суфии называют это *фана*: растворение. Будда назвал это нирваной – задуванием свечи. Все исчезло, и осталось лишь ничто.

Вы не сможете найти себя как личность. В этом трудность. Для того, чтобы обрести молчание, вам придется умереть, – а кому хотелось бы умереть? Мы хотим, чтобы молчание было подобно украшению, медали, и тогда мы сможем похвалиться: «У меня есть не только деньги, у меня есть также медитация». Итак, мы сможем похвалиться: «Я не только богат внешне, я богат и внутренне». Самый первый интерес в поиске молчания возникает из эго. А эго, как таковое – это препятствие.

Когда вы соприкасаетесь с Мастером, или с энергетическим полем, или со школой, где что-то делают – *действительно* делают, а не только думают об этом, – возникает страх. Вы осознаете явление, состоящее в том, что вместе с исчезновением шума исчезнете и вы. Готовы ли вы рискнуть столь многим?

Ты говоришь, Пратито: *Почему так трудно молчать?*

Потому, что вы многое вложили в шум.

Мои слова, – говоришь ты, – *такие механические и потрепанные; это непрерывное повторение истории, одного и того же старого прошлого, которого больше не существует.*

Ум – это не более, чем прошлое. Это лишь записи прошлого; это записывающий механизм. Это ваша история. Это то, чего больше не существует, это память. Благодаря этой памяти вы продолжаете жить как эго. И вы должны воспроизводить свою память вновь и вновь; это помогает, это поддерживает эго. Вы должны погрузиться в свое прошлое вновь и вновь – для того, чтобы оживить свое эго: этим способом вы питаете его.

Если вы совершенно отбросите прошлое... На одно мгновение представьте: ваше прошлое по мановению волшебной палочки исчезло. Кем вы будете в этот момент? Сможете ли вы сказать «я»? Вместе с исчезновением прошлого исчезнет и ваше «я». Вы будете, но вы уже не сможете сказать «я». Вы станете лишь молчанием, чистым холстом, медитацией. Будет тишина, спокойствие, но не будет «я».

Просто представьте: постепенно, в течение минуты, отбросьте прошлое. Отбросьте прошлое, и затем задумайтесь: что осталось? Не осталось ничего. Иными словами, осталось лишь ничто. Это ничто есть вы. Это ничто есть ваша реальность, ваша сущность.

Таков механизм, благодаря которому существует эго. Вам придется повторять это: вы будете повторять одни и те же слова, вызывать в памяти одни и те же воспоминания, испытывая ностальгию вновь и вновь. И вы будете совершенствовать и шлифовать эти воспоминания. Вы начнете придумывать вещи, которых никогда не было; постараетесь придать своему прошлому привлекательность и блеск, которых не было раньше. Вы отбросите то, что уродливо, и будете продолжать создавать проекции.

Люди продолжают придумывать свое прошлое. Они придают ему всю возможную красоту и богатство, потому что в этом существует их эго.

Каждый человек считает, что его детство было прекрасным. Детство *было* прекрасным, но вы его совсем не помните. Чрево было прекрасно, но вы этого совсем не помните. И после рождения, первые два-три года жизни были прекрасными, но вы и этого совсем не помните.

Детство, которое сохранилось в вашей памяти – это детство, начиная с четырехлетнего возраста, но оно совсем не было прекрасно. Это был один из самых трудных периодов вашей жизни, потому что тогда вас силой втолкнули в социальную структуру. Вам отрезали один путь за другим, и таким образом вы были приведены в соответствие с этой машиной. Вас почти разрушили. Вами манипулировали. Ни одному ребенку это не нравится.

Каждый ребенок сопротивляется, злится, бунтует, но он беспомощен. В конце концов одерживают победу родители и общество.

Эти дни были уродливыми, вспомните это. В них нет ничего золотого. Однако впоследствии каждый человек полагает, что они были прекрасными. Это ваше изобретение. Люди проецируют не только будущее, они проецируют также и прошлое: они продолжают раскрашивать, шлифовать, подправлять его снова и снова. И постепенно их прошлое превращается в сказочную страну. У них улучшается настроение; эго получает поддержку в их прекрасном прошлом. Эго становится прекрасным благодаря прекрасному прошлому.

Только взгляните на автобиографии, написанные людьми. Вы не найдете в них ничего подлинного. Если, однако, какие-то факты покажутся вам достоверными, они будут касаться других людей, а не того человека, который написал автобиографию. Они будут касаться других, а не его самого.

Все автобиографии представляют собой разновидность вымысла. Люди выдумывают их. Автобиографии следует считать вымыслом, и не чем иным, поскольку вы пишете о своем детстве спустя многие годы. Это детство – всего лишь вымысел; всем своим опытом, всеми своими знаниями, всей своей прожитой жизнью вы создаете детство. Вы создаете детство, которое вам хотелось бы прожить. Это прекрасный вымысел.

Человек должен повторять его, запомните это. Ложь следует повторять вновь и вновь, иначе вы забудете ее. Вот почему говорят: если вы хотите соврать, вам нужна хорошая память. Человеку, говорящему правду, не нужна хорошая память. В ней нет необходимости; правда есть правда. Человеку, который постоянно лжет, действительно нужна хорошая память. Ложь должна повторяться, только в этом случае она живет; в противном случае ложь исчезает.

Ты спрашиваешь меня, Пратито: «Почему я вновь и вновь механически возвращаюсь к одному и тому же прошлому, повторяя старые привычки?» Только благодаря этому они продолжают жить. В противном случае они могут исчезнуть сами собой.

И это необходимо понять. Если вы перестаете участвовать в своем прошлом, если прошлое будет повторяться подобно механической привычке – наблюдайте его, не сотруд-

ничайте с ним – и вы увидите, что забрали из него энергию. Когда вы наблюдаете, оно постепенно исчезает. Когда наблюдение становится тотальным, прошлое исчезает.

Это исчезновение прошлого есть сатори. Потому что в прошлом живет ваша личность, ваше «я», ваше эго, ваша душа. Вместе с прошлым все это исчезает – и вы оказываетесь отброшенными в центр своего бытия. Вы вновь невинны, вы вновь ребенок.

Именно это имеет в виду Иисус, говоря: «Пока вы не станете как дети, вы не войдете в Царство Божье». О каком царстве он говорит? Он говорит о царстве, которое внутри вас: центре, сущности – назовите как хотите. Роза это роза это роза – неважно, каким именем вы ее назовете.

Детства можно достичь вновь, его можно открыть заново. Эту невинность, эту прекрасную невинность вы можете обрести вновь. И теперь она будет еще богаче, чем раньше, потому что вы будете очень внимательны к ней. И вы станете сознательными. Сознательно быть ребенком – значит быть святым.

Эта история о маленьком мальчике шести лет и его подружке пяти лет, явившихся к матери мальчика с сообщением, что они собираются пожениться.

– А где вы возьмете деньги? – спросила мать.

– Я получаю недельное пособие в десять центов, а Мэри – в пять центов, – ответил маленький мальчик.

– А где вы с ней будете жить?

– Думаю, что одну неделю мы будем жить в моем доме, а другую – у Мэри.

– А что вы будете делать, – спросила мать, – когда у вас будут дети?

– Постучи по дереву, – ответил маленький мальчик, – до сих пор обходилось!

Эта невинность все еще где-то внутри вас. Эта тотальность, это прекрасное неведение все еще где-то в вас, скрытое множеством слоев личности. И эти слои продолжают воспроизводиться.

Наблюдайте бесконечную повторяемость вашего ума. Даже если время от времени он меняет слова, он продолжает повторять то же самое. Даже если время от времени он меняет привычки – вы можете бросить курить, и тогда вы начнете жевать жевательную резинку. Это одно и то же, одна и та же игра, в которую играют с разными игрушками. Наблюдайте совершенно неоригинальную природу своего ума. Сознание оригинально, ум всегда повторяющийся и неоригинальный.

В воинскую часть пришла телеграмма. Скончалась мать рядового Джонса. В тот же вечер на плацу сержант рявкнул солдатам:

– Внимание! Джонс, ваша мать умерла. О'кей, все свободны.

Бедный капрал Джонс свалился, обезумев от горя.

На следующее утро командир вызвал сержанта в свой штаб:

– Я хочу сказать вам пару слов о смерти. Когда умирают родители наших солдат уходят в небытие, чтобы встретиться с Создателем, полагаю, было бы лучше с точки зрения морали сообщить эту новость в более мягкой форме. Будьте немного деликатнее – вы понимаете, что я имею в виду? Нужен другой подход – вы понимаете, что я имею в виду? Вы хороший парень! А теперь идите!

28

Случилось так, что через месяц скончался и отец бедного Джонса. Сержант, вспомнив о том, что сказал ему его командир, подумал: «На этот раз я сообщу эту новость по-иному, как можно деликатнее, в самой мягкой форме!»

В этот вечер он сказал солдатам:

– Внимание! Все те, у кого есть отцы – шаг вперед! Джонс! А вы какого черта вышли из строя?

Это не имеет значения. Ум повторяется подобно старой граммофонной пластинке. Вы можете изменить слова, вы можете изменить привычки, но он останется прежним. Мирской человек станет человеком не от мира сего, но он останется прежним.

Я видел многих ваших святых, и я не заметил между ними никакой разницы. Хотя они живут в монастыре, они все еще на рыночной площади. Они только изменили форму, внешнюю форму, однако их сознание осталось прежним, оно совсем не изменилось. Они играют в старые игры, но с новыми именами, и они удовлетворены.

Я всегда испытывал глубокое сострадание к вашим так называемым святым: они действительно жалки. Когда я вижу так называемого святого, в глубине души я говорю: «Бедняга!» – потому что он полагает, что стал новым человеком. Он не изменился. Раньше он бежал за деньгами, сейчас он бежит *от* денег, но гонка продолжается. Раньше он страстно желал ту или другую женщину, сейчас он испытывает постоянный страх перед женщинами. Он по-прежнему одержим одной и той же идеей; идеей за или против – это не имеет значения. Он сконцентрирован на той же самой цели. Раньше он испытывал вожделение, сейчас он испытывает анти-вожделение, но объект вожделения или анти-вожделения остается тем же.

Итак, стремитесь ли вы к миру или отрекаетесь от него – это не имеет значения; важно познать пути вашего ума, принцип его функционирования. Просто наблюдайте за ним. Ничего другого делать не требуется: только наблюдайте. Наблюдайте то, как ум тонкими способами движется в старое русло; просто продолжайте наблюдать. Постепенно возникает наблюдатель, наблюдатель на холмах. Ум остается далеко позади.

Глубоко в долине он продолжает существовать, он продолжает проигрывать пластинку. Вы уже не являетесь им, вы уже не в нем. Вы можете использовать его по мере необходимости, и вы можете совершенно забыть о нем, когда не нуждаетесь в нем.

Говоря с вами, я должен использовать ум, другого способа нет. Но в тот момент, когда я вхожу к себе в комнату, я снимаю его, как одежду. Дело лишь в том, чтобы снять или одеть его. Это хороший механизм, и он может быть с выгодой использован. Проблема возникает только тогда, когда он становится хозяином и начинает использовать *вас*.

Именно это происходит, Пратито. Ум стал хозяином, и сознание полностью утрачено. Овладейте вновь своим сознанием, будьте более бдительны и внимательны. Потому что самый лучший объект, достойный вашего внимания – это ваш собственный ум. Просто наблюдайте тонкие и деликатные методы его игры, которая все еще продолжается.

Я не говорю, чтобы вы изменили эти игры – потому что, если вас интересуют переменные перемен, вы забудете. Вот почему я не говорю своим саньясинам: «Оставьте мир». Я говорю: «Живите там, где вы живете». Временами это выглядит довольно странно...

Всего несколько месяцев тому назад здесь была французская проститутка. Она хотела принять саньясу, но боялась, что если я узнаю о роде ее занятий, я не дам ей посвящения. У нее была действительно искренняя душа, она ничего не скрывала. Именно это я называю

святостью. Она сказала: «Я не хочу скрывать от вас этого, я должна сказать вам, что я проститутка. Можете ли вы посвятить меня в саньясу?»

Я сказал: «Раньше я мог отказать вам, но сейчас я не могу отказать. Ваша невинность, ваша чистота – никто не спрашивал вас об этом, но вы сказали об этом сами. Это прекрасно. Я даю вам посвящение».

Затем перед ней встала и другая проблема. Пожелав через несколько месяцев вернуться домой, она спросила: «Чем я буду теперь заниматься? Я проститутка, и это единственная профессия, которую я знаю. Что я буду делать? Вы дадите мне какое-нибудь указание?»

Я сказал: «Кто я, чтобы давать вам какое-нибудь указание? Поезжайте, и продолжайте делать все то, что вы делали до сих пор. Но далее вы должны быть более наблюдательной».

Она сказала: «Вы имеете в виду, что я могу и далее быть проституткой?»

Я сказал: «Вопрос не в том, оставаться ли далее проституткой или нет. Если вы уедете и станете монахиней, ваше сознание останется тем же сознанием проститутки. Вопрос не в том, где вы – в монастыре как монахиня или на рыночной площади как проститутка. Вопрос вообще не в этом. Проблема, вся проблема состоит в одном, вот в чем: независимо от того, где вы находитесь, наблюдайте свой ум. Будьте бдительной. Пусть этот свет наблюдения всегда будет с вами. И если через это наблюдение произойдет преображение, это другой вопрос».

И оно *произошло*. Но это не отречение, это не отказ от чего-либо. Что-то просто увядает, что-то становится очень глупым и прекращает существовать. Что-то просто отпадает; больше вы не можете удержать этого – потому что это так глупо.

Мои саньясины должны оставаться в миру такими, какие они есть. Вот все, чему я учу: станьте более бдительными, сознательными, наблюдательными. Потому что, если что-то случается благодаря бдительности, это хорошо. Это не ваш выбор, это происходит без выбора.

Пратито, ты говоришь: *Почему так трудно молчать?*

Потому что вы по-прежнему цепляетесь за свое эго, боясь умереть.

Ты говоришь: *Мои слова такие механические, потрепанные...*

Любые слова механические и потрепанные.

Ты говоришь: *Это непрерывное повторение истории, одного и того же старого прошлого, которого больше не существует.*

Да, так происходит с каждым. Пусть тебя это не беспокоит, ты не страдаешь от чего-то особенного. Это самая обычная болезнь человека, обычная болезнь, которую называют «ум»: самая обычная и нормальная.

Ты говоришь: *Почему же я еще не устал от них?*

Потому что ты продолжаешь изобретать их. Как вы можете устать? Вы по-прежнему совершенствуете то, что изобретаете. Вы продолжаете приукрашивать это то там, то здесь, немножко украшая и улучшая. Вы продолжаете работать над этим, это ваше творение. Украшение еще не закончено; оно продолжается. Вот почему вам не наскучило это. И вам не будет скучно, если вы будете продолжать работать над этим, совершенствовать созданное, улучшая его, делая его все более утонченным и прекрасным; вам никогда не будет скучно.

Прекратите сотрудничать с этим. Чтобы прекратить это сотрудничество, нужно стать бдительным – и тогда сотрудничество немедленно исчезает.

Просто попытайтесь. Приходит гнев – осознайте его. Я не говорю вам, чтобы вы перестали гневаться; достаточно осознать гнев. Увидьте, что гнев есть, наблюдайте, как он возникает, как он окружает вас словно облако, и вы становитесь отравленным им. Продолжайте наблюдать, ничего не делая.

Но в то самое мгновение, когда вы делаете что-нибудь, вы теряете способность наблюдать. Действие означает, что вас вовлекли во что-то, действие означает, что вы сотрудничаете с этим. Потому что есть два типа сотрудничества: вы можете быть за или против. Оба типа подразумевают сотрудничество. И в том, и в другом случае это вовлеченность.

Избегайте быть за или против. Не будьте за гнев, не будьте против гнева. Он существует, это факт. Нужно лишь наблюдать его без всяких суждений, и вы будете удивлены: вскоре вы найдете золотой ключ. Когда вы наблюдаете, постепенно гнев исчезает. И когда он исчезает, он исчезает бесследно. Тогда вы получите ключ; тогда вы сможете использовать его для разных мыслей.

Однажды вы осознаете тайный процесс наблюдения, разрушающего ваш ум, отключающего вас от ума. Наблюдение выключает ум. И когда вы возвышаетесь над умом, подобно вершине Гималаев, вы становитесь хозяином.

Такова цель существования саньясина.

Третий вопрос:

Как узнать, что саньяса хороша?

Сэр, доказательство бытия пудинга в его вкусе. Станьте саньясином, другого пути нет. Это опыт; вы должны познать это через собственный опыт. Но это исключительно внутренний опыт, ничто внешнее не поможет вам понять его. И он так глубок, что никакие слова не могут выразить его.

Он сравним с болью в вашем сердце: вы один знаете о ней. Или с головой болью: вы один знаете о ней. Возможно, вы встречали людей, ни разу не испытавших головной боли...

Я знаю одного человека. Ему шестьдесят лет, и у него никогда не болела голова. Ему невозможно объяснить, что такое головная боль. Чем больше вы объясняете, тем больше он удивлен. Он никогда не чувствовал головной боли – как вы можете убедить его?

Саньяса – это очень глубокий опыт. Он идет к самым вашим корням. Он пробуждает вас ото сна, в котором вы пребываете, и он начинает преображать вас изнутри. Этот опыт не является чем-то внешним. Оранжевые одежды, и мала, и новое имя – это не саньяса. Это лишь знак, жест; это лишь начало, первый шаг. Потому что все, что последует за этим, будет носить чисто внутренний характер.

И ты говоришь: *Как узнать, что саньяса хороша?*

Мать прибежала в детскую комнату, услышав плач своего пятилетнего сына. Его маленькая сестренка таскала его за волосы.

– Не обращай внимания на сестренку, – сказала мать. – Она не понимает, что тебе больно.

Спустя несколько минут мать опять побежала в детскую. На этот раз пронзительно кричала малышка.

– Что с ней? – спросила мать.

– Ничего особенного, – ответил ее пятилетний сын. – Но теперь она понимает.

Но это единственный способ узнать. Поэтому позволь мне потаскать тебя за волосы! Стань саньясином, и ты поймешь: это хорошо. Это невероятно хорошо, нет ничего подобного этому.

Четвертый вопрос:

Ошо, когда я оставил работу политического репортера для того, чтобы поехать в Пуну, кое-кто из моих друзей, активно участвовавших в борьбе против атомной войны, атомной энергии, разрушения окружающей среды, свертывания демократических свобод и так далее, назвали меня эскапистом.

Иногда меня волнует, правы ли они.

Сатьянанда, они правы, но они правы в совершенно ином смысле, недоступном их пониманию.

Человек может бежать от действительности, человек может также бежать к действительности. Я имею в виду как раз второй случай. Ваше движение в медитацию или в саньясу – это бегство *к* реальности, а не *от* реальности. Потому что самое подлинное, чем вы обладаете – это ваш собственный центр. Чем дальше вы находитесь от центра, тем дальше вы от реальности.

Их борьба, которая, как и прежде, направлена *против атомной войны, атомной энергии, разрушения окружающей среды, свертывания демократических свобод и так далее*, не принесет им успеха, если они будут действовать таким способом, потому что достичь успеха таким способом невозможно.

Мы не боремся с чем бы то ни было таким образом, потому что мы отсекаем сами корни. Они же борются только с листьями. Откуда идет к нам атомная энергия? Кто создал ее и зачем? Откуда приходит война и почему? Кто разрушил окружающую среду и почему? Откуда идет вся эта разрушительность? Почему в мире нет демократии? Почему в мире нет личных свобод? Кто виноват в этом? Вы полагаете, что можете создать некую партию, некий класс, некую ячейку общества, которая будет отвечать за все это? Тогда вы глубоко неправы.

Только человеческий ум ответственен за это. Форма существования человеческого разума до настоящего времени была не совсем адекватной. Разум человека пока далек от творчества, и отсюда приходит разрушительность. И она будет существовать до тех пор, пока мы не изменим сами основы человеческого ума.

Борьба против войны не поможет, потому что это еще одна война. Приходилось ли вам видеть пацифистов и их демонстрации, слышать их крики и вопли, видеть их гнев? И это пацифисты. Любая заканчивается пацифистов заканчивает разрушением: они начинают грабить магазины, поджигать автобусы и забрасывать камнями полицию. А ведь они пришли пропагандировать мир.

Эта глупость стара, как мир. Все войны совершаются во имя мира, и они всегда совершались во имя мира. Разве вы не можете понять смысл? Человек хочет сражаться под любым предлогом. А мир – это прекрасный предлог.

Все политики говорят о мире, но готовятся к войне. И если вы спросите их, почему они так делают, они ответят: «Как мы можем защитить мир? Мы должны быть сильными, иначе мир будет уничтожен. Мы должны готовиться к войне для того, чтобы достичь мира во всем мире». В случае, если эта подготовка затянулась, необходимо что-нибудь предпринять, иначе она станет обременительной.

К примеру, человек долго тренировался, чтобы подготовить себя к войне. И вот, в один прекрасный день, он готов. Он одержим желанием воевать, в силу своей подготовки он готов к сражению. Однако он тренировался не в одиночку, его сосед тоже ходил на гимнастику, тоже укрепил свои мышцы и тоже стал похожим на Мухаммеда Али. Теперь один сосед прогуливается перед домом другого соседа с агрессивным видом, и оба боятся друг друга. Наконец, кто-то из них начинает войну.

Маккиавелли сказал, что лучшим способом защиты является наступление, лучшим средством защиты является нападение. Кто-то должен затем перейти в наступление, поскольку ситуация осложняется. Создается напряженность, а напряженность требует разрядки.

Итак, вы в течение длительного времени накапливаете оружие и бомбы, но как долго вы сможете копить их? В один прекрасный день вам придется начать их продавать, продолжать накапливать опасно. Затем неизбежно начинается война: она становится экономической необходимостью.

Крупномасштабные войны случаются редко, а в интервале между большими войнами происходят маленькие войны – то в Израиле, то в Корее, то во Вьетнаме, то в Бангладеш и Кашмире... они не прекращаются. Крупные державы создают бомбы и нуждаются в рынке. Глупые индийцы и пакистанцы будут воевать, они станут рынком. Израильтяне и арабы тоже будут воевать, и они тоже станут рынком.

Посмотрите на проблему в целом. Если Израиль получает оружие из Америки, арабы получат оружие из России: обе страны нуждаются в рынке. Если Индия получает оружие из России, Пакистан получит оружие из Америки: обеим странам нужен рынок. И они совершенствуют свое оружие каждый день – что они будут делать с устаревшим оружием? Оно бесполезно. Вы можете уничтожить его, сбросить его в океан, но все, что вы сбросите в него, будет потеряно.

Продайте его развивающимся странам. Для них это оружие – большое приобретение. Для России и Америки оно устарело, но для Индии и Пакистана – это последнее слово. Оно примитивно, если учесть уровень техники в Америке и в России; оно непригодно для использования. В случае, если Россия и Америка начнут войну, оно вряд ли найдет применение; поэтому нет смысла хранить его.

Итак, вся эта игра продолжается. Мы продолжаем говорить о мире, и мы продолжаем создавать войну.

Мы должны понять человеческий ум; человеческий ум следует в корне изменить. Если ум человека останется властолюбивым, тогда у мира нет шанса жить без войны: властолюбие – это война. Если человеческий ум останется сектантским – христианским, индуистским, мусульманским – сохранить мир будет невозможно. Эти секты будут делить людей, а всякое деление – это начало войны.

Сатьянанда, вы не совершили бегства *от* реальности, вы совершили бегство *к* реальности. Мы не говорим о мире; говорить о нем нет смысла. Мы создаем фундамент для него. Мы не пацифисты, мы не маршируем по улицам под музыку, мы не устраиваем пацифистских демонстраций с лозунгами и криками. Мы не занимаемся всей этой ерундой: это бессмысленно! Наша цель – просто помочь небольшой группе людей избавиться от своего разрушительного начала или ослабить его, и это все. И они будут рады этому.

Я знаю людей, которые участвуют во всех этих маршах протеста. Я много лет прожил в Джабалпуре и внимательно следил за всем, что происходило вокруг меня. Каждый раз, когда где-нибудь начинался марш протеста, я шел туда, чтобы понаблюдать. Я был потрясен, когда узнал, что один человек участвовал во всех этих маршах протеста, маршах любого рода – маршах коммунистов, социалистов, джансангхи, индуистов, ария самадхи, кого угодно! Он неизменно присутствовал везде. Он озадачил меня тем, что выступал как конгрессмен, как коммунист, как социалист, как джансангхи...

Когда я в очередной раз нашел его, я спросил: «Вы озадачили меня. Я вижу вас на каждой демонстрации, в каждом марше протеста, и вы кричите громче всех!»

Он сказал: «Я тоже озадачен тем, что постоянно вижу, как вы наблюдаете, но не принимаете участия ни в чем! Как вам удается это? И я боялся, что когда-нибудь вы спросите меня об этом, – продолжал он, – ведь вы видите меня в каждом марше протеста. Я получаю удовольствие от крика. Мне безразлично, за кого я кричу или против кого я кричу. Я получаю удовольствие от крика! Это отличное упражнение. Я испытываю необычайный трепет и волнение, после чего у меня улучшается аппетит. Это вносит в жизнь оживление, иначе она была бы очень скучной».

Если вы не верите мне, спросите Асту. Ее отец и мать всю свою жизнь принадлежали к тому типу людей, которые протестуют. Не имеет значения, против кого, – разве это важно? Ведь это всего лишь предлог.

Мы здесь ничего подобного не делаем. Те же, кто склонен к подобным вещам, могут подумать, что это бегство от действительности, полагая, что все то, что они делают – это реальность. Это не так.

И, естественно, когда вы сидите здесь в молчании – медитируя, танцуя, делая випассану с закрытыми глазами, наблюдая, – все это для них означает бегство. И это *есть* бегство, но в другом смысле.

Вы движетесь, Сатьянанда, к корням всех болезней. Мы пытаемся отсечь сам корень. Мы пытаемся создать новый тип человека – без эго, без стремлений, без всякого желания преуспеть в мире. Мы пытаемся создать человека, который хочет танцевать, петь, любить, который хочет, чтобы жизнь его была праздником. Мы пытаемся создать творческий человеческий ум.

И помните, только не-ум есть творческий ум. Когда так называемый ум исчезает и остается лишь *чистая* пустота, девственная пустота, из этой девственной пустоты рождается творчество. Тысяча и один цветок расцветает в этой пустоте.

Это тот сад, о котором говорит Хаким Санаи: *хадика,* сад. И мы пытаемся создать такой сад. Мы превратим наше тело в удобрение, мы превратим наш разум в удобрение, и тогда золотой цветок расцветет в нас.

Это не бегство *от* реальности, это бегство *в* реальность.

Пятый вопрос:

Ошо, всеми возможными способами ты пытался дать нам понимание, но мы все же не понимаем. Ошо, почему мы не понимаем? Когда мы поймем? Как мы поймем?

Чайтанья Бодхисатва, понимание – это нечто несовместимое с понятием «когда». Оно вне времени и поэтому непредсказуемо. Я не могу сказать «сегодня», или «завтра», или «послезавтра». Оно приходит в это мгновение, или оно может не прийти многие жизни. Оно непредсказуемо.

Оно непредсказуемо, потому что оно не может быть вызвано. Оно наступает тогда, когда наступает; понимание само приходит к вам. Все, что вы можете сделать – это не создавать его, потому что вы не можете создать его. Потому что понимание, созданное вами, едва ли будет правильным пониманием. Поэтому не спрашивайте «как», вопрос «как» невозможен.

«Как» означает некий способ, некий метод, дающий возможность создавать способность понимания. Понимание – это не то, что может быть произведено. Тогда что же это?

Оно уже существует, вы понимаете, но это понимание идет вразрез с вашими вложениями. Все то, что я говорю, настолько просто, что невозможно не понять этого. Я не говорю о сложных вещах, я не говорю о философии. Я делаю утверждения простые, как «дважды два четыре», и не нужно быть великим гением, чтобы понять их.

И вы отлично понимаете. Важно не то, что вы не понимаете; важно другое. Вы не хотите понять. Вы понимаете, но вы не *хотите* понять. Вам хочется избежать этого, вам хочется отсрочить это, и вы спрашиваете: «Когда? Почему?» Все это уловки, стратегические приемы, чтобы отложить дело до завтра.

Я говорю: «Сейчас! Не спрашивайте, «когда». Не спрашивайте, «как», потому что «как» привносит будущее. Тогда вы скажете: «Я буду тренироваться; это не может произойти прямо сейчас. Я буду тренироваться завтра, послезавтра, мало-помалу, постепенно, пройдет немало времени, прежде чем наступит день, когда это произойдет». Тем временем вы останетесь прежним. Это уловка.

То, что говорю я, столь очевидно, но это идет вразрез с вашими вложениями. Вы так много вложили в свое невежество. Вся ваша жизнь, вплоть до сегодняшнего дня, была прожита совершенно неправильным типом ума, а вложили вы в это все, всю свою жизнь. И теперь вы внезапно видите суть, и пугаетесь. Само это осознание означает, что до сегодняшнего дня вы были глупцом. Само это осознание означает, что все было тщетно, что до сегодняшнего дня вы, в сущности, не жили. Это ужасно, и вам нелегко проглотить это. Вы придумываете новую уловку: вы говорите: «Я попытаюсь понять».

Бодхисатва, ты уже понял. Понимание достигнуто. Теперь же, пожалуйста, не играй в игры. И помните, если вы не сможете пережить то, что осознали, сегодня, вы не переживете этого и завтра, потому что в завтра вы вложите еще больше. Еще один день вы будете жить с неверными отношениями, неверными структурами; это станет все более и более трудным. Чем старше вы будете, тем труднее вам будет.

Почему вы здесь видите так много молодых людей? Причина в том, что они вложили не так много. Они еще могут надеяться на то, что изменят свою жизнь и *будут жить*. Когда приходят пожилые люди, их вклад слишком велик. Если они не будут мужественными и подлинно юными в душе, они не смогут сделать прыжок. Всю свою жизнь они прожили одним способом; внезапно мной им был указан иной путь, чтобы они последовали по нему. Этот новый путь будет неудобен, неспокоен, небезопасен. У них осталось не так много – они стареют, неотвратимо надвигается смерть. Отважиться на риск в такой момент непросто. Они отлично понимают это, но они не *хотят* понимать. Им хочется продолжать мечтать, им хочется продлить мечту.

Однажды ночью Мулле Насреддину приснилось, что Кхидр, тайный учитель суфиев, стоит перед ним и спрашивает его:

– Чего тебе хочется, Насреддин?

Бедный Насреддин не отважился попросить о многом. Таков человек. Если Бог внезапно предстанет перед тобой и спросит тебя: «Чего ты желаешь?», – какое желание придет тебе в голову в этот момент? Будет ли это дом, машина, счет в банке... Никому и в голову не придет попросить о чем-то стоящем.

Мулла сказал:

– Одну банкноту в сто рупий.

Бедняга, ничего лучшего ему и в голову не пришло. Но Кхидр ответил:

– Я дам тебе одну рупию. Или две.

Мулла сказал:

– Нет, тысячу.

– Три!

Таким образом они продолжали спорить, торговаться, и все это было во сне. Дело дошло до девяноста девяти, и Кхидр был непреклонен. Он сказал:

– Не дам ни на рупию больше! Девяносто девять! Так берешь или не берешь?

И Мулла сказал:

– Я беру сто! Как ты скуп! Тебе жалко одной рупии! Почему не округлить сумму до ста?

Схватка была столь жаркой, что Мулла проснулся. Он открыл глаза, Кхидр исчез, банкноты исчезли. Рядом с ним сидела жена, которая проснулась оттого, что он так громко говорил, и прислушивалась к нему. Поняв, что муж торгуется с кем-то относительной круглой суммы, она заинтересовалась. Ей не хотелось беспокоить его; происходило нечто очень значительное. «Восемьдесят, восемьдесят один, восемьдесят два...» и так далее – «девяносто девять». И Мулла сказал: «Девяносто девять – нет! Сто! Согласен только на сто!»

Затем он внезапно открыл глаза, и жена сказала:

– Что происходит?

И Мулла сказал:

– Замолчи!

Он опять закрыл глаза и сказал:

– Хорошо, давай девяносто девять.

Но на этот раз не было ни сна, ни Кхидра – не было никого.

И он сказал:

– Хорошо, мое слово – девяносто девять. Ты где? Девяносто восемь! Девяносто семь! – и он пошел по нисходящей, но теперь не было никого, и не было ни одной рупии. Он был очень разгневан и сказал:

– Какой же я дурак! Мне нужно было согласиться на девяносто девять. Из-за одной рупии... Этот Кхидр скупец. Да и я дурак; теперь я не могу найти его.

Такова ситуация. Если ты понимаешь меня, сон будет разрушен. Ты будешь всегда близок к девяноста девяти. Это случится завтра, послезавтра, еще одно маленькое усилие... А бумажка в сто рупий висит у тебя перед носом, как морковка.

Ты говоришь мне: «Подожди, Ошо. Позволь мне попробовать еще. Ты сможешь по-прежнему говорить со мной, ты сможешь по-прежнему учить меня, только скажи мне – «когда» и «где». Ты будешь делать тяжелую работу для того, чтобы завладеть бумажкой в сто рупий, которая будет всегда маячить где-то рядом, но никогда не попадет в твои руки. Она никогда не окажется у тебя в руках. Однако ты еще не готов к тому, чтобы пробудиться от своих сладких грез.

Это не вопрос понимания; это очень просто. Но ты прожил определенную жизнь, у тебя сложились определенные привычки, твоя структура закостенела. Если ты способен понять, твой ум достаточно изобретателен для того, чтобы исказить жизнь, создать понятия, которых в ней нет. Он может проецировать свои собственные идеи на нее.

То, что говорю я, просто, совсем просто. Любой человек с невинным умом может понять это. Однако трудность состоит в том, что у тебя есть предрассудки, у тебя есть свои собственные идеи. Тебе хотелось бы привести свое понимание в соответствие со своими предрассудками.

Милосердный пастор случайно столкнулся с Пэтом, несчастьем всего города, в стельку пьяным, искусно маневрирующим между телефонной будкой и воротами.

– Пэт, Пэт, ты опять напился?

– Да, отче.

– Ну и ну, сейчас не время для легкомыслия. До чего же скотское состояние у тебя, Пэт, и это после твоих честных заверений, сделанных две недели тому назад, что ты никогда больше не будешь пить, после данного тобой зарока воздерживаться от спиртного. Пусть будет тебе нестерпимо стыдно оттого, что ты совершил грех и против Бога, и против церкви, и прости, что я считаю своим долгом сказать тебе это.

– Отец Дали, – сказал Пэт с полуигривой интонацией алкоголика. – Ты говоришь, что тебе жаль видеть меня таким?

– Да, действительно мне жаль.

– Ты уверен, что тебе очень жаль?

– Да, очень, очень жаль.

– Хорошо, тогда, отец Дали, если тебе очень, очень жаль, я прощаю тебя.

Именно так все и происходит. Я говорю одно, а тебе удается вложить в мои слова другой смысл. И ты сознательно делаешь это, и ты знаешь, что делаешь это сознательно. Вопрос не в том, когда и как: или сейчас, или никогда.

Шотландский юноша из хорошей семьи очень любил выпить. Его семья и его друзья сделали все возможное для того, чтобы избавить его от этой привычки, но безуспешно. Один из друзей предложил воздействовать на него сильным шоком. Средством избавления от пагубной привычки стал гроб. Когда в следующий раз он явился домой под хмельком, они одели его как покойника, затемнили комнату, поставили вокруг гроба несколько горящих свечей, оставив в комнате одного из друзей, который должен был наблюдать за ним.

Вскоре он проснулся и был весьма озадачен тем, что увидел вокруг себя. Встретившись глазами с человеком, сидящим в комнате, он произнес:

– Где я?

– Ты умер, – таков был торжественный ответ.

– Умер? – удивленно воскликнул тот. – Как давно я умер?

– Три дня назад.

– Хорошо, хорошо, – задумчиво произнес он. – А ты тоже умер?

– Да, я тоже умер, – сказал его компаньон.

– Это странно. А как давно ты умер?

– Три недели тому назад, – ответил печально тот.

Пьяница заметно оживился и сказал:

– Хорошо, если ты умер три недели назад, а я – только три дня назад, ты должен лучше знать это место. Где здесь можно выпить?

Старое сознание, старая структура, старые привычки продолжают существовать. Они будут преследовать тебя даже в смерти. Вот что происходит: ты лишь меняешь свое тело, твой ум продолжает существовать. Твоя ум входит в другое чрево со всем своим прогнившим прошлым. И ты опять начинаешь жить той же самой повторяющейся жизнью.

Не спрашивай меня о том, когда к тебе придет понимание: ты уже *понял* меня. Прошу тебя, не откладывай этого больше. Это уже произошло! Это так просто; я не загадываю тебе никаких загадок, я даю тебе чистую, голую правду. Вопрос *как* здесь неуместен.

Когда ты слушаешь меня, не вмешиваясь в то, что я говорю, не искажая того, что я говорю, понимание возникает само по себе – обязательно возникает. Но оно идет вразрез с твоими вложениями, это верно. Потому что пока ты не умрешь, ты не сможешь выбраться из своего старого прошлого, ты не сможешь выйти из своего старого эго.

Нужна большая смелость; не понимание, – потому что понимание уже происходит, – а мужество. Что такое мужество? Мужество означает лишь готовность рисковать известным ради неизвестного. Если известное ничего не дало вам, почему нужно пугаться неизвестного? Давайте попробуем. Вы ничего не потеряете, потому что у вас ничего нет. Отчего же не попробовать? Или вы что-то приобретете, или вы не потеряете ничего, – в любом случае вы не проиграете.

Люди считают, что обладают *чем-то*. Они считают, что прожили необычайно прекрасную жизнь, богатую жизнь. Это лишь ваше верование. Вы влачили вялое существование, ваша жизнь была бесцветной и плоской; в ней никогда не было ни поэзии, ни танца. Вы не познали ничего от красоты жизни, великолепия существования. Вы ни на мгновение не прикоснулись к божественности этой великолепной вселенной.

Вам ничего не было известно о Боге, а лишь это важно. Только это дает богатство, только это означает жизнь. Если вы не прикоснулись к божественному, если божественное не прикоснулось к вам, если вами не движет стремление к божественному, если божественное не проникло в вас, если вы не позволили Богу случиться с вами, все то, что произошло, есть только сон.

Поняв это, человек вырывается из сна. Прыжок из известного сна в неизвестность – это мужество. Это риск. Кто знает, что случится в неизвестности? И только одно несомненно: когда на смену известному приходит неизвестное, вы растете, вы становитесь богаче.

Последний вопрос:

Ошо, что бы ты предпринял, если в силу странного поворота судьбы стал премьер-министром Индии?

Ашок, я немедленно подал бы в отставку.

ТРЕБОВАНИЕ СВЕТА

Он не знает себя самого:
ему ли познать другого?
Он знает лишь свои руки и ноги:
ему ли познать Бога?
Это за пределами понимания мудреца:
ты, должно быть, дурак,
если думаешь, что познал.
Если ты можешь уяснить это,
ты познаешь чистую сущность веры;
а до тех пор
что общего между верой и тобой?
Тебе лучше молчать,
чем говорить чепуху,
словно один из ученых мужей;
вера не вплетена
в ткань всех одежд.

Ты предназначен для работы:
Одежды почета ожидают тебя.
Как же ты можешь довольствоваться
простыми лохмотьями?
Тебе ли, праздному шестьдесят дней в месяц,
обрести богатство?

Зная то, что ты знаешь,
будь безмятежен, как гора;
не огорчайся неудачей.
Знание без безмятежности –
незажженная свеча.
Они объединены в соты:
мед благороден и без воска,
воск без меда стоит лишь сжечь.

Покинь эту обитель
рождения и распада;
покинь эту яму
и иди к предназначенному тебе дому.
Эта пригоршня праха – лишь мираж,
обращающий огонь в воду.

Суфийская история:

Философы, логики и правоведы предстали перед судом, чтобы допросить Муллу Насреддина. Случай был серьезным, потому что он ходил от деревни к деревне и говорил: «Так называемые мудрые люди невежественны и нерешительны». Он обвинялся в подрыве государственной безопасности.

– Говори первым, – сказал Король.

– Принесите бумагу и ручки, – сказал Мулла.

Принесли бумагу и ручки.

– Раздайте их каждому из первых семи ученых.

Бумагу и ручки раздали ученым.

– Пусть каждый из них письменно ответит на следующий вопрос: «Что такое хлеб?»

Его просьбу выполнили. Бумаги вручили Королю, который зачитал их вслух.

Первая гласила: «Хлеб есть пища».

Второй: «Это мука и вода».

Третий: «Это дар Божий».

Четвертый: «Испеченное тесто».

Пятый: «Неустойчивое понятие, зависящее от того, что вы подразумеваете под хлебом».

Шестой: «Питательная субстанция».

Седьмой: «Никто не знает, что это такое на самом деле».

– Если они решат, что такое хлеб, – сказал Насреддин, – они смогут решить и другие вопросы. Например, скажите, прав я или не прав? Можно ли поручить обложение налогом и вынесение судебного заключения таким людям, как эти? Не странно ли, что они не могут прийти к соглашению относительно того, что они едят каждый день, и единодушно считают меня еретиком?

Да, именно так обстоят дела у философов, теологов, правоведов, то есть у ученых. Они попугаи. Они все еще не познали самих себя – что еще они могут познать? Они не знакомы даже с самими собой: могут ли они быть знакомы с другими? Они еще не встретились со своей собственной тайной.

Ближайшая к вам тайна – ваша собственная. Если она осталась непознанной, способны ли вы познать тайну других? Эти загадки дальше от вас, они удалены. Просто, проще всего достичь вашей собственной тайны. Путешествие должно начаться отсюда.

Ученые – брамины, школяры, профессора – лишь лучше информированы. Но информация не делает никого мудрым. Да, она помогает вам притязать на мудрость. Она становится камуфляжем; это фасад, за которым вы можете скрыть свое невежество. Однако информация не уничтожает невежество – напротив, она защищает его.

Ваше знание становится защитой; это защита вашего невежества. Это пища. Вы совершенно не знаете того, что вы невежда: это цель вашего так называемого знания. И это опасно. Если вы не знаете о том, что больны, у вас не будет возможности стремиться к здоровью. Если факт вашего коренного невежества для вас ничего не значит, сможете ли вы когда-нибудь вообще достичь просветления? Если вы забыли, что ваш внутренний мир погружен во тьму, вы не будете искать свет. Вы не будете работать для того, чтобы создать свет. Если вы уже признали тот факт, что знаете, есть ли смысл пускаться в рискованную погоню за знанием?

Какую же роль играет так называемое знание? Оно не делает из незнающего человека знающего; оно дает лишь иллюзию знания. Это мираж. Это сон, в котором вы становитесь мудрым. Однако в действительности вы остаетесь прежним.

Разница между невежественным и так называемым ученым человеком состоит только в количестве. Между ними не существует совершенно никакой качественной разницы. Невежда менее информирован, менее отшлифован, менее образован. Эрудированный человек более информирован, более образован, он больше читал, прислушивался к большему количеству людей. Разница в языке. Эрудированный человек яснее формулирует свои мысли, знает гораздо больше слов. Но это не более, чем слова, помните это. В них нет смысла, в них не может быть никакого смысла, потому что смысл приходит через опыт.

Вы можете выучить все слова, которые есть в словарях. Вы продолжаете неправильно употреблять слова. Употребляя такое слово, как Бог, знаете ли вы, что подразумеваете под ним? Что такое Бог? Для вас это всего лишь слово, и оно останется просто словом. Но за словом скрывается опасность: вероятно, вы начнете думать, что знаете, потому что вы знаете само слово.

Знание слова «бог» – это не знание Бога. Знание слова «любовь» – это не знание любви. Знание слова «огонь» – это не знание огня. Помните, слова – это не более чем символы. Если вы не вливаете в них экзистенциальное значение, они останутся пустыми. В словах нет значения, значение в личности и ее опыте.

Если Кришна употребляет слово «Бог», это не просто слово. Оно имеет значение, оно полно внутреннего смысла. Его смысл обусловлен жизнью Кришны, его смысл обусловлен сознанием Кришны.

Когда Иисус употребляет слово «Бог», оно имеет внутреннюю важность, оно наполнено большим смыслом. Смысл заключен в Иисусе, а не в слове «Бог», потому что слово «Бог» употреблялось раввинами веками без всякого значения. Иисус вложил в него смысл. Он трансформировал простое слово в значимую, выразительную, живую вещь, слово начало пульсировать.

Когда Будда прикасался к какому-либо слову, оно оживало, у него вырастали крылья. Происходило внезапное преображение.

Но эрудированный человек лишь полон пыли, пыли, собранной им из книг и священных писаний. Остерегайтесь подобной эрудированности, она еще опаснее, чем простое невежество. Почему она более опасна, чем незнание? Потому что незнание обладает чистотой; оно заключает в себе невинность и поэтому подлинно. Оно есть истина – а истина дает возможность идти дальше. Знание, так называемое знание – это ложь. Из лжи вы не сможете отправиться в путешествие за правдой.

Помните, что не существует действительной разницы между эрудированным и неэрудированным человеком, не считая того, что ученый человек верит, что он знает, а незнающий верит, что он не знает. Но тогда незнающий находится в лучшем положении.

Американская леди, не говорящая по-французски, вместе с маленькой дочкой идет в парижский зоопарк. Они останавливаются перед клеткой с дикобразами и читают надпись, которая гласит: «Дикобраз африканский, дикобраз австралийский».

Они озадачены этим, так как все дикобразы похожи друг на друга. Мать подходит к охраннику, стоящему рядом, и говорит:

– Мсье, вы говорите по-английски?

Охранник, чуть-чуть сдвинув шляпу, говорит:

– Мадам, я говорю... совсем немного по- английски... Што, эээ, эээ, мадам желала бы узнать?

– Не могли бы вы нам объяснить, в чем состоит разница между австралийским дикобразом и африканским дикобразом?

– Она вот в чем, мадам: половой орган африканского дикобраза – он длиннее, чем половой орган австралийского дикобраза.

Леди шокирована, вместе с дочкой она устремляется к директору зоопарка.

– Мсье, – говорит она, – вы говорите по-английски?

– Мадам, – говорит директор, – я изъясняюсь по-английски в течение многих лет. Я учился в Оксфорде и действительно могу говорить так же хорошо, как и вы. Что мадам желает узнать?

И она с негодованием пересказывает ему ужасную вещь, которую охранник только что сказал ей и ее маленькой дочери.

– Мадам не должна обижаться, – говорит директор, – охранник хотел сказать только то, что иглы дикобраза африканского длиннее, чем иглы австралийского, – так как на самом деле, мадам, половой орган у них одинакового размера.

Нет большой разницы между образованными и необразованными людьми. Возможно, разница в словах, в языке, но не в каком-либо качестве. Их внутреннее качество остается таким же.

Одно из основных положений суфизма, которое необходимо понять: знание тщетно, если оно не возникло из вашего собственного опыта. Знание – совершенно бесполезный груз, если оно не часть вашей собственной жизни. Если оно пришло к вам из внешнего мира, отбросьте его. Не несите на себе это ненужное бремя. Оно бесполезно, оно вредно, оно ядовито, оно обременительно. Оно не позволит вам двигаться быстро и стремительно. И чем больше знаний вы собрали, тем меньше возможность движения.

Поэтому ваши образованные люди живут, как стоячий омут; это уже не реки. Образованные люди продолжают произносить красивые слова, сплетая вокруг себя сеть из великих философских идей. Но если вы поймете смысл этих слов и глубоко проникнете в него – вы обнаружите пустоту, и ничего больше.

Великие книги о Боге написаны людьми, не имеющими о нем ни малейшего представления. Великие книги написаны о рае и аде; и людьми, которые ничего не знают о них, начерчены даже карты рая и ада. Они не проникли в свой собственный эмоциональный мир и чувства; они не вступили в контакт со своей внутренней сущностью. А они говорят о далеких вещах: о жизни после смерти... и это умные люди; они умеют говорить, они умеют доказывать, они умеют аргументировать. И их аргументы так прекрасны, что могут обмануть любого.

Если вы задумаетесь над их аргументами, вы найдете их очень вескими. Но обоснованность того или иного аргумента имеет второстепенное значение. Вопрос в том, знает человек или не знает. Иногда мы видим, что человек знает, но не может убедить или убеждает неправильно. Иногда человек знает, но не владеет языком, чтобы выразить свои мысли, или пользуется неправильным языком. Но все, что он говорит, есть истина. Его доводы могут быть неверными, но то, что он говорит, есть истина.

Другая противоположность – это люди, чей язык не покажется вам плохим, чьи доводы безупречны; это превосходные логики. Вы не сможете спорить с ними, они сразу заставят вас замолчать. Однако все то, что они говорят, невероятно глупо. Все это не имеет никако-

го смысла. Все это в их сознании; все это не коснулось их сердца. Их не волнует то, что они говорят. Когда они говорят о Боге, из их души не изливается живительный сок. Когда они говорят о любви, вы не увидите в их глазах какого-либо знака любви, и когда они говорят о поэзии, в них нет ничего поэтического. Они говорят о милосердии, но признаков милосердия вы нигде не обнаружите.

Но словами они могут создать много шума, они могут создать дымовую завесу. И если вы тоже живете в словах, весьма вероятно, что вы будете обмануты. Так заблудились миллионы людей. Слепые ведут за собой других слепых. Красноречивые слепые ведут за тобой тех, кто не владеет красноречием, образованные слепцы ведут за собой необразованных слепцов.

Когда бы ни родился человек, наделенный глазами – будь то Иисус, Будда, Бахауддин, Хаким Санаи – все ученые и образованные люди едины в том, что Иисус не прав. Они могут не соглашаться относительно того, что такое хлеб и масса других вещей, однако они немедленно приходят к согласию, когда речь идет о том, что Иисус не прав.

Они могут быть индуистами, они могут быть мусульманами, они могут быть иудеями, они могут быть кем-то еще. Но если речь идет о человеке, подобном Христу, они немедленно приходят к согласию, потому что все они видят опасность. Потому что, если Иисус прав – значит, все они неправы. Необходимо доказать, что Иисус не прав. А если они не могут доказать, что он не прав – а они не могут доказать этого – тогда Иисус должен быть уничтожен. Если они не могут доказать этого, тогда единственный выход – удалить Иисуса из жизни людей.

А когда Христос убит, те люди, которые его убили, станут его последователями, Папами, епископами и священниками. И они опять могут философствовать.

Вокруг Иисуса возникло много проблем. Однако слова Иисуса не создают проблемы. Они сплетают и сливают воедино любые слова; неважно, кому они принадлежат – Моисею или Иисусу. Иисус становится центром их философской жизни.

Будда становится для философов величайшим источником – потому что Будда был противником философии. В течение всей жизни он оставался на позициях абсолютной антифилософии. Он никогда не говорил на философские темы; он был устремлен к земле. Он был прагматиком, практичным человеком. Ваш вопрос относительно Бога он бы сразу отклонил и сказал бы вам: «Как это преобразит тебя? Говорить о Боге бессмысленно – не теряй времени. Подумай о медитации, подумай о сострадании. Подумай о вещах, способных преобразить тебя. Что может сделать Бог?»

Ваш вопрос относительно жизни после жизни он немедленно бы пресек: «Не говори ерунды. Ты жив, и ты не знаешь, что такое жизнь, и ты думаешь о жизни после жизни! Ты не знаешь, прав ли ты сейчас, и ты спрашиваешь: 'Кем я буду после смерти?' Это ужасная глупость».

Лучше погрузись в себя и узнай, кто есть ты. Потому что, если бы ты знал самого себя, проблемы бы не существовало. Когда ты умрешь, то будешь знать, выжил ты или нет – зачем же волноваться из-за этого прямо сейчас? Можно ли ответить на этот вопрос? Возможности ответа не существует. Даже если весь мир утверждает, что ты переживешь свою телесную смерть, сомнение остается. Кто может знать точно? Каждый может ошибаться – потому что весь мир всегда верил в то, что Земля плоская, и весь мир ошибался. Земля не была плоской; сейчас мы знаем это. Весь мир верил на протяжении многих веков в то, что Солнце вращается вокруг Земли. Сейчас мы знаем, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот.

Вопрос не в том, сколько людей верит во что-то. Истина не решается большинством, она не решается голосованием. Даже если один-единственный человек знает истину, а весь мир против него, он по-прежнему прав, а мир по-прежнему не прав.

Едва ли можно убедить тебя в том, что ты будешь продолжать существовать после смерти, невозможно убедить тебя. Ты сможешь поверить в это, если захочешь; если ты хочешь поверить, то сможешь поверить чему угодно. Но это оттого, что ты хочешь поверить, а не оттого, что тебя убедили.

Ты боишься смерти, тебе хотелось бы остаться после смерти: тебе хочется верить в это, и ты веришь в это. Но ты знаешь, что это твоя вера; возможно, все обстоит иначе. Глубоко внутри сомнение остается.

Поэтому Будда не ответил бы ни на один вопрос, который ты посчитал бы философским. Он обычно говорил: «Если я что-то говорю о запредельном, ты неправильно понял меня. У тебя нет никакого опыта запредельного; общение с ним невозможно».

И вы можете видеть, как трудно общаться. Я говорю одно, вы понимаете другое. Люди понимают в соответствии со своим уровнем понимания.

Одного плейбоя, который промотал свое состояние, спросили, как он распорядился всеми своими деньгами. Он ответил:

– Часть денег ушла на выпивку и гоночные машины, а большая часть ушла на женщин. Оставшуюся часть я потратил очень глупо.

Слова не могут иметь один и тот же смысл для всех. Он зависит от вашего понимания.

– Твоя постоянная неверность доказывает, что ты ведешь себя совершенно недостойно! – воскликнул оскорбленный муж, который в десятый раз застал свою жену с другим мужчиной.

– Совсем наоборот, – ответила она холодно. – Это только доказывает, что я слишком хороша для того, чтобы быть верной.

Все это зависит от вас.

Мужчина, находясь в заграничной командировке, после рабочего дня обнаружил, что ему мешает плохое знание языка. Поэтому он обрадовался, кода ярко одетая женщина подсела к его столику в ресторане.

– Вы можете говорить по-английски? – рискнул спросить он, полный надежд.

– Да, немного, – ответила она с улыбкой.

– Только немного, а? – переспросил он. – А насколько?

– Двадцать пять долларов, – последовал немедленный ответ.

Общение – одна из самых серьезных проблем сегодняшнего мира. Употребляя слово, вы вкладываете в него свой смысл. Слово, достигшее слуха человека, меняет свое значение. Во время передачи теряется все его значение.

Итак, Будда сказал: «Я не буду ничего говорить о запредельном, не спрашивайте у меня об этом ничего. Будьте реалистичнее и научнее. Не говорите о правде. Идите в то, что есть, идите в то, чем вы являетесь, потому что это способ познать истину.

Но когда Будда умер, появились великие философские школы. После смерти Будды в Индии произошли важные события. Ничего подобного не происходило во всем мире. Человек, который всю жизнь был против философии и философствования, стал источником величайших философских направлений. Когда умер Будда, родилось тридцать шесть философских школ. И все те люди, которых он всегда осуждал, собрались вместе, чтобы пофилософствовать о нем.

Посмотрите, какая красота и какая ирония скрыта за всем этим! Они начали философски размышлять относительно того, почему Будда сохранял молчание, почему он ничего не говорил о запредельном: вот что стало их философией! Они начали говорить о том, почему он молчал о запредельном. На этот вопрос было получено огромное количество ответов.

Кто-то сказал: «Потому что запредельного не существует». Так пустила корни одна школа. Другой сказал: «Запредельное существует, но оно невыразимо. Вот почему он молчал». Это другая школа, и так далее, и тому подобное.

Само молчание Будды стало проблемой, и люди начали обсуждать это молчание. Никто не пытался стать молчаливым; люди начали говорить о молчании.

Остерегайтесь этой ловушки, ум очень хитер. Если я что-то говорю о медитации, я говорю это так, что вы сможете медитировать. Но вы начинаете задумываться о медитации, о том, что такое медитация. «Сколько способов медитации существует? Какая между ними разница? Почему они антагонистичны по отношению друг к другу?»

И это вы можете делать до бесконечности, и не придет время, когда вы начнете медитировать. Это будет сбивать вас с толку все больше и больше. В конечном счете вы испытаете такое замешательство, что не будете знать, как начать медитацию, потому что перед вами откроются несколько ее направлений. Куда пойти? Что выбрать? Вы будете просто парализованы.

Ум всегда прибегает к таким ловушкам. И только немногие люди, по-настоящему бдительные люди, способы выбраться из этих ловушек ума. Ум – это великий философ. А жизнь – это не философия, это реальность. Философия – это бегство от действительности, философия означает мышление. Жизнь просто есть – вопроса о мышлении не возникает. Вы можете просто прыгнуть в нее – и окажетесь внутри.

Старый пруд.
Лягушка прыгнула в воду –
Буль!

Точно так же вы можете совершить прыжок в старый пруд жизни. Вы познаете ее только через прыжок в нее. Другого способа познать жизнь не существует; задуматься над жизнью – самый верный способ упустить ее.

Сутра:

Он не знает себя самого:
ему ли познать другого?

Но именно так поступает каждый. Вы полагаете, что знаете женщину, которую любите? Вы полагаете, что знаете своего мужа? Вы полагаете, что знаете своего ребенка? Девять

месяцев вы носили ребенка в своей утробе, поэтому считаете, что знаете его? Ребенок есть тайна; вы не знаете о нем ничего. Ребенок столь же загадочен, как все сущее.

Вы не знаете женщину, которую любите. Сможете ли вы познать женщину, если вы не знаете еще самого себя? Женщина может быть близка вам, но она никогда не будет столь же близка, как вы близки самому себе.

Поэтому я говорю: если вы не любите самого себя, вы не будете способны полюбить кого-то еще в этом мире. И если вы не знаете самого себя, вы никогда не сможете узнать кого-то еще в этом мире. Любовь и знание – все начинается из вашего центра. Здесь должна возникнуть первая пульсация, которая затем распространится дальше. Она распространится, достигнет беспредельных границ существования.

Но сначала она должна начаться в стержне вашего бытия.

Он не знает себя самого:
ему ли познать другого?

А в чем проблема? Почему вы не знаете самого себя? Это самая простая вещь из всех, существующих в мире, но она стала трудной, самой трудной. Стало почти невозможным познать самого себя. Что было сделано неправильно? Вы обладаете способностью познания. Вы существуете, способность познания существует. Где совершена ошибка? Почему способность познания не может быть направлена на личность?

Лишь одна вещь была сделана неправильно, и если вы не исправите эту ошибку, вы ничего не узнаете о себе самом. Ошибка в том, что внутри вас образовалось разделение. Вы утратили свою целостность. Общество превратило вас в разделенный дом.

Стратегия проста: все то, что познано, может быть преодолено. Стратегия ясна, общество дало вам идеалы, которым вы должны соответствовать. Эти идеалы были внедрены в вас так глубоко, эти идеалы имплантировали вам так глубоко, что теперь вы постоянно одержимы идеалом «каким я должен быть», забыв о том, кто вы есть. Вами завладел идеал будущего, и вы забыли сегодняшнюю реальность.

Ваши глаза сфокусированы на далеком будущем. Поэтому они не могут обратиться внутрь. Вы постоянно думаете о том, что делать, как это сделать, каким быть. Ваш язык стал языком глаголов «должен» и «следует», но реальность состоит только из глагола есть. Реальность не знает ни глагола «следует», ни глагола «должен».

Цветок розы – это цветок розы, и он не может быть чем-то иным. А лотос – это лотос. Так же как роза никогда не пыталась стать лотосом, лотос никогда не пытается стать розой. Вот почему они никогда не станут невротиками. Они не нуждаются в психиатре, они не нуждаются в каком-либо психоанализе. Роза здорова, так как она живет своей реальностью.

Это характерно для всего существования, но не для человека. Только у человека существуют идеалы и слово «должен». «Ты должен быть таким-то и таким-то» – и это отделяет вас от вашего собственного «есть». «Должен» и «есть» враги, потому что вы не можете стать чем-то иным, чем то, что вы есть. Пусть это глубоко проникнет в ваше сердце: вы можете быть только таким, какой вы есть, и никем иным. Если эта истина – что «я могу быть только таким, какой есть» – проникла глубоко, все идеалы исчезают. Вы отказываетесь от них автоматически. И, когда нет идеала, вы сталкиваетесь с реальностью. Взгляд прикован к тому, что происходит здесь и сейчас, вы существуете таким, какой вы есть. Разделение и трещина исчезли. Вы едины.

Так начинается обретение единства с Богом. Сначала станьте едины с самим собой. Это первый шаг unio mystica, мистического единства: станьте едины с самим собой. Затем следует второй шаг, и последний: будьте едины с существованием. Второе просто. Первое стало сложнее из-за сильной обусловленности, образования и попыток цивилизовать вас. Усложнилось первое.

Если первый шаг уже сделан вами – шаг принятия самого себя, любви к самому себе, такому, какой вы есть, каждое новое мгновение... К примеру, вы грустны. В это мгновение вы грустны. Вся ваша обусловленность говорит вам: «Ты не должен грустить. Это плохо, ты не должен грустить. Ты обязан быть счастливым». Возникает разделение, возникает проблема. Вы грустны: такова истина данного момента. А ваша обусловленность, ваш ум говорит: «Ты не должен быть таким, ты должен быть счастливым. Улыбайся! Что люди подумают о тебе?»

Твоя женщина покинет тебя, если ты будешь таким грустным, твои друзья покинут тебя, если ты будешь так грустить, твой бизнес пострадает, если ты будешь по-прежнему грустить. Ты должен смеяться, ты должен улыбаться, ты должен, по крайней мере, представить себе, что ты счастлив. Если ты врач, твои пациенты не будут чувствовать себя хорошо, когда ты будешь таким печальным. Они хотят, чтобы врач был счастливым, веселым, здоровым, а у тебя такой грустный вид. Улыбнись – и даже если ты в самом деле не можешь улыбаться, изобрази улыбку, но улыбайся. По крайней мере, притворись.

Вот в чем проблема: вы притворяетесь, вы играете. Вы можете изобразить улыбку, но тогда вы раздвоитесь. Вы подавили в себе истинное, вы стали ложным по сути.

Потому что ложное принимается обществом. Ложь становится святой, ложь становится великим лидером, ложное становится махатмой. И каждый начинает следовать ложному. Ложь становится твоим идеалом.

Вот почему вы не можете познать самих себя. Сможете ли вы познать самих себя, если вы не принимаете самих себя? Вы всегда подавляете свою сущность. Что делать в таком случае? Если вы печальны, примите эту печаль: это вы. Не говорите себе: «Я печален». Не говорите, что печаль – нечто отдельное от вас. Просто скажите: «Я есть печаль. В это мгновение я есть печаль». И проживите свою печаль по-настоящему.

И вы будете удивлены, увидев, что в вашем существе открывается таинственная дверь. Если вы можете прожить свою грусть без представления о том, чтобы быть счастливым, вы немедленно становитесь счастливым, потому что разделение исчезает. Никакого разделения больше нет. «Я есть грусть», и не возникает вопроса о каком-либо идеале, о том, чтобы быть кем-то еще. А значит, нет усилия, нет конфликта. «Просто я таков» – и наступает расслабление.

И в этом расслаблении – милосердие, в этом расслаблении – радость.

Вся психологическая боль существует лишь потому, что вы разделены. Боль означает разделение, блаженство же означает не-разделение. Это покажется вам парадоксальным: если человек грустен и принимает свою грусть, как он сможет стать радостным? Это кажется парадоксальным, но это так. Попытайтесь.

Я не говорю вам, чтобы вы пытались быть счастливыми; я не говорю: «Примите свою грусть *для того,* чтобы стать счастливым» – я не говорю этого. Если такова ваша мотивация, тогда ничего не случится, вы все еще боретесь. Уголком глаза вы наблюдаете: «Прошло так много времени – и я смирился со своей грустью, и я говорю: «Я есть грусть», но радость пока не пришла». Таким путем она не придет.

Радость не является целью, это следствие. Радость – естественное следствие цельности, единства. Будьте едины с этой грустью – не из каких-либо причин, не ради какой-нибудь цели. Дело не в какой-либо цели. Важно то, каким вы себя ощущаете в данный момент, и в данный момент это ваша истина. Потому что в следующий момент вы можете впасть в гнев: примите и его. Потому что в следующий момент вы можете стать иным: примите и это.

Живите от мгновения к мгновению, с бесконечным принятием, не создавая раздвоения, и вы встанете на путь самопознания. Самопознание не в том, чтобы читать Упанишады или сидеть и повторять: «Ахам Брахмасми, Я есть Бог». Это глупые усилия. Вы или знаете, что вы Бог, или вы не знаете этого. Вы можете всю свою жизнь повторять: «Ахам Брахмасми, Я есть Бог». Всю свою жизнь вы можете потратить на повторение этого, но вы не будете этого *знать*.

Если вы знаете это, нет смысла повторять. Почему вы повторяете? Если вы знаете, вы знаете. Если же вы не знаете, чего вы достигнете, повторяя это? Посмотрите, как это глупо!

Но это именно то, что происходит в этой стране и в других странах тоже, в монастырях и ашрамах. Что люди делают там? Повторяют как попугаи.

Я предлагаю вам совсем другой подход. Не повторение Корана, или Библии, или Вед сделает вас познавшим, нет. Вы станете лишь знающим. Тогда как человек может познать себя?

Отбросьте раздвоение: в раздвоении все проблемы. Вы против себя самого. Отбросьте все идеалы, которые создают в вас противостояние. Вы такой, какой есть: примите это с радостью, с благодарностью. И внезапно вы ощутите гармонию. Две личности в вас, идеальная и реальная, прекратят бороться друг с другом. Они объединятся и сольются воедино.

В действительности, не грусть причиняет вам боль. То, что боль вызвана грустью – это лишь ваша интерпретация, и она порождает психологическую проблему. Не гнев приносит боль; идея о том, что гнев неправилен, создает психологическую тревогу. Именно интерпретация, но не факт. Факт всегда освобождает.

Иисус говорит: «Истина освобождает». И это чрезвычайно важно. Да, истина освобождает, но не *знание* об истине. Будьте истиной, и она освободит вас. Будьте истиной, и это – освобождение. Вам не нужно торопить ее, вам не нужно ждать ее: это произойдет немедленно.

Как быть истиной? Вы уже истина. Вы просто исповедуете старые идеалы; они создают тревогу. Отбросьте идеалы: будьте естественны в течение нескольких дней, подобно деревьям, животным и птицам; примите вашу жизнь такой, какая она есть. И наступит великое молчание. Разве может быть иначе? Нет интерпретаций: и печаль прекрасна, потому что в ней есть глубина. И гнев также прекрасен, потому что в нем есть жизнь и энергия. И секс также прекрасен, потому что в нем есть творчество.

Когда нет интерпретаций, все прекрасно. Когда все прекрасно, вы расслаблены. В этом расслаблении вы вступаете в свой собственный источник, и это дает самопознание. Погружение в источник самого себя – в этом смысл слов «познай себя». И это не вопрос знания, это вопрос внутреннего преображения.

Потому что о каком преображении я говорю? Я не предлагаю вам тот или иной идеал, которому вы должны подражать; я не говорю, что вы должны трансформироваться и стать

кем-то еще. Вам просто следует расслабиться в сущности, свойственной вам, и просто увидеть.

Вы слышали, что я говорю? Просто увидьте суть: она освобождает. И вы слышите великую гармонию, великую музыку. Это музыка самопознания. И ваша жизнь начинает меняться. Вы получаете волшебный ключ, открывающий все замки.

Если вы примете грусть, грусть исчезнет. Как долго вы сможете оставаться печальным, если вы приняли грусть? Если вы способны принять грусть, вы будете способны впитать ее своим существом; она станет вашей глубиной.

И как долго вы будете гневаться, приняв гнев? Гнев питается отказом. Если вы принимаете его, вы поглощаете энергию. Гнев заключает в себе большую энергию, жизненную силу, и, поглотив энергию, вы становитесь более живым. Ваша жизнь становится страстью, она становится пламенем. Это уже не монотонная, бесцветная жизнь, в ней есть разум, страсть и острота.

И если вы приняли секс, когда-нибудь секс также исчезнет и высвободит в вас великое творчество, так как секс – потенциал творчества. И тогда вы станете творцом. Возможно, вами будут созданы великие картины, великие стихи, возможно, родятся великие песни или музыка. Любое творчество, все творчество становится тогда возможно, вы разделяете его с Богом.

Секс – низшая форма творчества, он лишь семя творчества. Как только семя лопается, растворяется, абсорбируется, все ваше бытие становится творческим. Быть творческой личностью означает быть счастливым, быть творческой личностью означает быть единым с Богом. Став творцом, вы соучаствуете с Богом.

Ведь я не говорю, что, если вы не пишете картины и стихи, вы не станете творцом. Будда не рисовал, не писал никаких стихов, но вся его жизнь была творчеством. Каждый, к кому он прикасался, был преображен. Тот, кто был достаточно смел, чтобы приблизиться к нему, рождался заново. Он создал большое энергетическое поле, поле Будды, и каждый, вступавший в это поле, уже не был прежним никогда. В этом состоит его творчество. Он не написал ни одного стихотворения, которое можно увидеть. Однако то, как он идет – это поэзия, то, как он смотрит на людей – это поэзия. Он никогда не танцевал. Но если вы внимательно посмотрите, как он сидит в молчании под деревом Бодхи, вы увидите, что в нем происходит великий танец. Это невидимый танец, он тонок, он не вульгарен. Это не физический, это духовный танец.

Он неотделим от существования. Он танцует с деревьями на ветру, он танцует со звездами, он танцует с целым. Он теперь неотделим.

Вам понятна разница? Если вы попытаетесь отбросить секс, все творчество исчезнет из вашей жизни.

Именно это случилось в этой несчастной стране. Люди пытались отбросить секс, люди пытались любым способом навязать себе обет безбрачия. И все они утратили творческое начало; все они отупели, утратили способность мыслить. Если вы понаблюдаете за индийскими махатмами, вы обнаружите, что во всем мире не существует таких глупых и тупых людей. Их образ жизни лишен творческого начала; их восхваляют за отсутствие творчества во всех их делах.

Если кто-то постится, его хвалят именно за это, – не за танец. Если кто-то спит на постели из шипов, его хвалят именно за это. Он не создал ничего творческого в этом мире. Ему не удалось сделать мир прекраснее, чем он есть. Он оставит мир таким же безобраз-

ным, каким он был раньше, или еще безобразнее. Но его хвалят, потому что он спит на постели из шипов. Какой в этом смысл?

Если вы подавляете секс, творческое начало исчезает. Если вы принимаете секс, секс преображается в творчество. Если вы принимаете гнев, он освобождает в вас великую энергию и страсть. Ваша жизнь становится страстной жизнью. Она становится жизнью вовлеченности, обязательства и соучастия. Теперь вы уже не просто зритель, теперь вы в гуще событий, в танце жизни, вы ее часть. Вы вовлечены в каждое мгновение жизни. Теперь вы не бежите от действительности; вы живете радостно и в полную силу. Теперь вы вносите некий вклад в существование. Теперь вы не бесполезны, в вас есть какой-то смысл. Однако гнев следует принять, и тогда его энергия будет абсорбирована.

Каждый раз, когда вы что-либо отвергаете, вы отвергаете энергию. Вы сказали: «Я не хочу абсорбировать эту энергию». Но это ваша энергия. Эта отвергнутая энергия сделает вас бедным. Отвергните гнев, и вы отвергнете возможность быть энергичным. Теперь вы станете вялым. Отвергните секс, и вы откажетесь от возможности быть творческой личностью. Теперь в вашей жизни нет ни поэзии, ни песни, ни танца. Вы будете всего лишь ходячим мертвецом. Ваша жизнь станет пустым жестом; она будет бессильной.

Если вы отвергли грусть, вы будете лишены глубины. Вы останетесь полым. Ваш смех тоже останется мелким, потому что в нем не будет никакой глубины: она достигается только через принятие печали. Ваш смех останется только на поверхности.

Именно это я имею в виду, когда называю людей, которых вижу, фальшивыми. Фальшивый человек – это тот, кто только делает вид, что живет, но, фактически, не живет, это тот, кто боится жизни. Эта ложная жизнь – следствие отказа. Продолжайте отрицать все, сохраните в своем уме идеал, что вы должны стать Буддой, что вы должны стать Иисусом – и вы никогда никем не станете; наоборот, вы потеряете все возможности кем-нибудь стать.

Забудьте все о Буддах, и Кришнах, и Христах: они не идеалы, которым следует подражать. Откажитесь от идеалов, будьте разрушителем идеалов. Это восстание и одновременно – религия.

Потому что, когда нет идеалов, преследующих вас, мучающих вас, вы обретаете гармонию с самим собой. Когда же вы ничего не отрицаете, вся энергия будет вашей, и это обогатит вас. Вы будете обладать огромной энергией. И эта огромная энергия есть радость, эта энергия есть наслаждение.

Окунувшись в свой собственный источник, вы становитесь знающим, потому что в тот момент, когда вы познаете себя, вы познали все, поскольку это одно и то же. То, что есть во мне, есть в каждом человеке. Только формы различны, дома различны. Это одно и то же сознание.

То, что говорит во мне «я есть», говорит то же самое и в вас: «я есть». Эта «есть-ность» едина. То же самое есть и в дереве, невысказанное. То же самое есть в скале, погруженной в глубокий сон. Но это то же самое «я-есть-ность». Познать это означает то же самое, что познать смысл «Ахам Брахмасми» – «Я есть Бог».

Он не знает себя самого:
ему ли познать другого?
Он знает лишь свои руки и ноги:
ему ли познать Бога?

Вы знаете только свои руки и ноги. Это жилище, это дом. Вы познакомились только с храмом: когда вы собираетесь познакомиться с божеством храма? Кто тот, кто живет в этом доме? Кто воплощен в этом теле? Что есть сознание?

Вы слушаете меня, вы слушаете ушами. Вы смотрите на меня, вы смотрите на меня с помощью глаз. Несомненно, вы не уши, и вы не глаза. Глаза и уши – это окна; внутри кто-то скрыт, кто-то стоит за окнами.

Только взгляните: ваши глаза – это окна. Когда вы смотрите на меня, вы смотрите через глаза. Но кто есть вы? Кто тот, кто смотрит на меня? Кто тот, кто слушает меня? Каково его сознание?

Ничего не отвергайте, иначе вы никогда не сможете познать это сознание. Примите все, чем бы вы ни были. Отвергая что-либо, вы будете отдаляться от вашей собственной энергии. Вы создаете обломки. Не отдаляйтесь от своей энергии. Если вас посещает гнев, примите его. Если вас посещает грусть, примите ее. Это ваша энергия, это дар Бога. Впитывайте ее, переваривайте ее, это вы.

И когда вы ничего не отталкиваете, когда у вас нет своего толкования добра и зла, когда вы ничего не осуждаете, когда вы забываете все о наказании, когда вы не являетесь постоянным судьей, экспертом, обвинителем, оценщиком, когда все это исчезнет и вы просто безоговорочно принимаете все сущее, происходит познание.

И в этом познании познан Бог.

Это за пределами понимания мудреца:
ты, должно быть, дурак,
если думаешь, что познал.

Даже так называемые мудрецы находят, что это за пределами их понимания. Так что образованные люди, пандиты и ученые мужи, если они думают, что знают Бога, что знают самих себя, – должно быть, они дураки.

Бог за пределами всякого понимания; и даже понимание мудреца не способно удержать Бога в своих руках. Потому что Бог не есть искомое, он ищущий. Бог не вне сущего, чтобы вы могли постичь его. Бог – это тот, кто пытается постичь: сможете ли вы постичь постигающего? Это будет абсурдно.

Вот почему вы не видите своего собственного лица. Вы не видите своих собственных глаз; вы можете увидеть их в зеркале, но вы видите только отражение своих глаз, но не сами глаза. Эти глаза не могут видеть самих себя.

Может ли Бог постичь самого себя? Если я попытаюсь схватить свою руку этой же рукой, это будет безумием. Это сведет вас с ума. Точно так же собака пытается поймать свой собственный хвост.

Это за пределами понимания мудреца...

Потому что это за пределами постижимого. Почему это за пределами постижимого? Не потому, что это далеко, но потому, что это та же самая энергия, которая пытается постичь. Познающий есть познаваемое. Познание не обращено на что-то иное; это самопознание. Оно не будет каким-либо объектом, который вы должны постичь. Вы – субъект, и вы же объект. Вы есть все то, что есть.

Возможно лишь сознание.

Если ты можешь уяснить это,
ты познаешь чистую сущность веры;
а до тех пор
что общего между верой и тобой?

Вы не можете знать, что такое вера; то, что вы называете верой, есть только верование. Верование – продукт ума, это часть знания. Верование ложно и фальшиво. Верование означает, что вы поверили в то, что было сказано кем-то другим; оно заимствовано. Верование никогда не бывает оригинальным. Вера всегда оригинальна. Она возникает в вас: это рост вашего собственного сознания.

...ты познаешь чистую сущность веры...

лишь познав себя;

а до тех пор
что общего между верой и тобой?

Не обманывайте себя тем, что вы верующий. Не притворяйтесь и не думайте, что вы знаете, не думайте, что ты оригинально мыслите. Ни одна мысль не оригинальна. Оригинален лишь опыт.

После того как крошка Лори подралась с соседской девчонкой, мать девочки отругала ее:

– Не забывай, Лори, – сказала мать, – что это Дьявол подсказал тебе, чтобы ты оттаскала Алису за волосы.

– Я так и поняла, – сказала Лори. – Но когда я ударила ее по ноге, это была моя собственная идея.

Люди продолжают считать, что какая-то идея была их собственной идеей, – это дает эго хорошее самочувствие. Однако нет такой идеи, которая была бы вашей. Ваше лишь сознание.

Альфред Теннисон говорит:

Но кто я?
Ребенок, плачущий ночью?
Ребенок, требующий света?
Не знающий иного языка, кроме плача!

Знание не поможет. Крик помогает больше. Рыдания, плач, слезы, любовь – что-то подлинное, что-то истинное, то, что возникает в вашем существе в данный момент, быть может, поможет больше. Это даст вам вкус реальности. В противном случае, ваша вера заимствована, мертва.

Вот почему так много мусульман, и индуистов, и христиан, и иудеев, но вы нигде не найдете религиозных людей. Религиозные люди исчезли с лица земли. Да, христиан много, индуистов много, но где же религиозные люди?

Религия состоит в вере, но не в веровании. За верованием всегда сомнение. Вера коренится в сомнении. Она обусловлена сомнением, необходимо подавить сомнения для того, чтобы возложить на себя веру. Вы словно прячете рану за цветком розы, но рана не заживает.

Мистер и миссис Мандельбаум решили, что единственно правильным решением их супружеских проблем является развод. И они пошли навестить раввина.

Раввин был обеспокоен судьбой троих детей, и ему было жаль, что семья распалась. Он полагал, что если убедит их, то совместными усилиями им удалось бы все снова наладить.

– Хорошо, – сказал раввин, – разделить троих детей невозможно. Вам придется прожить вместе еще год. У вас родится четвертый ребенок, и тогда будет легко устроить положенный развод. Вы возьмете себе двоих детей, и он тоже возьмет двоих.

– Ничего не выйдет, – сказала миссис Мандельбаум. – Если бы я зависела от него, у меня не было бы даже этих троих!

На поверхности вещи представляются в одном свете. Но глубоко внутри они совершенно другие. Внешне люди демонстрируют доверие и уверенность по отношению друг к другу. В глубине души у них сомнение. На поверхности – любовь; глубоко внутри – ненависть. На поверхности люди так милы; в глубине души у них – горечь и яд.

Эта двойственность должна быть отброшена. Слепая вера рождается, когда вы становитесь единым. Вера – это аромат единства, интеграции, кристаллизации.

Тебе лучше молчать,
чем говорить чепуху,
словно один из ученых мужей;
вера не вплетена
в ткань всех одежд.

Лучше молчать, говорит Хаким Санаи, потому что в молчании вы, по крайней мере, никому не будете лгать. И вы не будете лгать самому себе. В молчании вы, по крайней мере, будете невежественны; вы не будете притворяться знающим.

Если человек ежедневно несколько часов сохраняет молчание, он осознает все ложное, потому что он вновь и вновь видит свое подлинное лицо. Если вы непрерывно разговариваете и непрерывно общаетесь с людьми, вы забываете свое подлинное лицо, поскольку вам приходится все время носить маски. Двадцать четыре часа вы говорите, употребляя слова. И когда вы все время употребляете слова, вы постепенно начинаете верить в эти слова, в звучание этих слов.

Слова обладают гипнотической силой. Если вы вновь и вновь употребляете какое-то слово, оно гипнотизирует вас. Если вы снова и снова употребляете слово «бог», вы постепенно начинаете думать, что знаете то, что имеете в виду, что вы знаете, что такое Бог. Очень опасно повторять слова.

Но люди продолжают говорить. Они не оставляют никакого промежутка, в котором они могли бы просто молчать и быть. Если вы молчите каждый день хотя бы в течение часа, вы осознаете, что вы говорите чепуху. И тогда девяносто девять процентов того, что вы говорите, начнет исчезать. Какой смысл говорить чепуху?

Но зачем тогда люди говорят? Они говорят лишь для того, чтобы спрятаться за шумом. Когда вы нервничаете, вы начинаете говорить.

Это общеизвестный факт: если люди вынуждены жить в одиночестве, через три недели они начинают разговаривать с самими собой. Они не могут выдержать молчания, оно становится невыносимым, и они начинают разговаривать с самими собой. Им нужно говорить; слова помогают им как-то цепляться за свою личность. Как только слова исчезают, они погружаются в безличное. И они очень боятся безличного.

Безличное – это ваша реальность. И вы боитесь реальности, и вы цепляетесь за иллюзии, порождаемые словами.

Ты предназначен для работы:
*одежды почета ожидают тебя.**
Как же ты можешь довольствоваться
простыми лохмотьями?

Люди просто получают удовлетворение от слов; слова – это лохмотья. Санаи говорит: «Это невероятно. *Как ты можешь довольствоваться простыми лохмотьями?* Ты был создан, чтобы проложить себе путь сквозь мрак существования. Эта твоя задача, это путь роста. Быть здесь, на этой земле просто означает, что Бог дал тебе возможность развития. Эта земля есть вызов. Прими вызов, смело встречай жизнь: не избегай жизни».

Некоторые люди уходят от жизни в слова, некоторые – в монастыри, некоторые спасаются в политике, некоторые находят утешение в деньгах – все это разновидности бегства. Некоторые стали образованными людьми, некоторые стали богатыми, очень могущественными в мире, некоторые стали уважаемыми, нравственными и добродетельными. Но настоящая работа еще не сделана.

Что такое настоящая работа? Суфии называют настоящей работой лишь одно: помнить себя.

Гурджиев узнал слово «работа» от суфиев. Обычно он называл свое учение «работой». Он также узнал от суфиев слово «зикр» – «самовоспоминание».

Работать означает вспоминать себя. Единственная работа, достойная выполнения – это вспоминать себя.

Ты предназначен для работы:
одежды почета ожидают тебя.
Как же ты можешь довольствоваться
простыми лохмотьями?
Тебе ли, праздному шестьдесят дней в месяц,
обрести богатство?

Очень странное выражение – *шестьдесят дней в месяц.* Оно содержат прозрение. У человека, помнящего себя, в одном месяце шестьдесят дней: тридцать из них – его внутренняя жизнь, и тридцать – его внешняя жизнь. Он живет двойной жизнью. В его жизни не

---

* *Одежды почета:* царская награда. Во времена Хакима Санаи в мусульманских странах почетная одежда жаловалась правителями за выдающиеся заслуги.

только одно измерение – горизонтальное; его жизнь имеет двойное измерение, у него есть и вертикальное.

Тридцать дней он живет в мире внешней жизнью – чувствами. Тридцать дней он живет внутренней жизнью, в молчании, в своей сокровенной глубине. У него шестьдесят дней: это прекрасное выражение. Подлинно богатая жизнь не может быть только горизонтальной, она не может быть линейной, потому что линия не имеет какой-либо высоты. Настоящая жизнь должна быть и горизонтальной, и вертикальной. Тогда больше ничего не нужно.

Вы встречаетесь с Богом внутри, вы встречаетесь с Богом снаружи. Вы движетесь между внешним Богом и внутренним Богом, и это движение – подлинное богатство. Куда бы вы ни шли, вы найдете Бога. Вы открываете глаза и видите дерево, в нем Бог зеленый, в нем Бог золотой, в нем Бог красный. Вы закрываете глаза: чистое сознание, молчание, – и в этом молчании Бог.

Бог и в вас, и в другом. Жизнь становится многомерной.

Однажды Эмерсона спросили, сколько ему лет. Эмерсону было около шестидесяти, но он сказал:

– Триста шестьдесят.

Человек, обратившийся к нему с этим вопросом, был очень удивлен, он не мог поверить своим ушам. Триста шестьдесят лет? Он подумал, что ослышался, но сказал:

– Простите, сэр, не могли бы вы повторить? Сколько вам лет?

И Эмерсон снова ответил:

– Триста шестьдесят.

Человек сказал:

– Вы, должно быть, шутите?

«Нет. Если соотнести мои шестьдесят лет с другими людьми, я прожил в шесть раз больше. В шестьдесят лет я прожил в шесть раз больше, и поэтому я оцениваю свой возраст в триста и шестьдесят лет.

Были и есть люди, которые живут так интенсивно, что одно мгновение их жизни равноценно вечности.

Зная то, что ты знаешь,
будь безмятежен, как гора;
не огорчайся неудачей.
Знание без безмятежности –
незажженная свеча.
Они объединены в соты:
мед благороден и без воска,
воск без меда стоит лишь сжечь.

Зная то, что ты знаешь,
будь безмятежен...

Настоящая проверка – это безмятежность. Тот человек, который просто эрудирован, не безмятежен. Это можно использовать как критерий. Знающий человек неспокоен, не умиротворен, не безмятежен. Его сердце в постоянном смятении, его голова постоянно пребыва-

ет в своеобразном безумии. Глубоко внутри у него не прекращается движение мыслей. Там нет ни спокойствия, ни тишины.

Сидя рядом с таким человеком – эрудированным человеком, брамином, ученым, – вы ощутите, что в вас возникает какое-то беспокойство. Вы не окружены его безмятежностью, вы не ощутите вкуса его милосердия; их у него нет.

Санаи говорит:

Зная то, что ты знаешь,
будь безмятежен...

Только знать недостаточно. Действительно, знание без безмятежности не есть истинное знание. Истинное знание рождается из безмятежности, молчания и медитативности. Сначала человек погружается в глубокое внутреннее молчание, и из этого молчания возникает знание. Тогда это истинное понимание. Оно не возникает из священных книг, оно возникает, когда вы открываете книгу вашего собственного бытия

...будь безмятежен, как гора;
не огорчайся неудачей.

Человек безмятежности не ни о чем не беспокоится, потому что он принимает. Приходит печаль, он принимает ее. Приходит радость, он принимает ее. Он не отдает предпочтения ничему, он не имеет выбора. Он живет с невыбирающим сознанием: что бы ни случилось – случается, что бы ни было – есть, и он совершенно открыт этому. Он пьет это, он впитывает это. У него нет симпатий и антипатий, нет предпочтений, нет выбора. Он не против грусти, он не против гнева, он не против секса, он не против любви. Он ни против и ни за, он просто безмятежно спокоен.

Если вы выбираете, вы тотчас же начинаете беспокоиться. Наблюдайте: каждый раз, когда вы выбираете, вы встревожены. Выбор приносит тревогу, потому что выбор подразумевает альтернативу: быть тем или иным, быть или не быть. Выбор означает, что вы стоите на распутье: какой же дорой пойти? Если пойти направо, то кто знает? Это может завести в тупик. Возможно, правильным выбором было бы пойти налево? Кто знает? Как это решить?

В тот момент, когда вы выбираете, вы встревожены. И вы всегда выбираете вопреки себе самому, вопреки какой-то частице самого себя. Одна часть говорит: «Выбери это», другая часть говорит: «Выбери то». Теперь вы должен решить, и в этом решении вы будете разделены. Та часть, которая говорила: «Не выбирай этого», была отвергнута, была отброшена. Эта отброшенная, отвергнутая часть отомстит. Рано или поздно она скажет: «Вот видишь: ты должен раскаиваться. Ты не послушался моего предупреждения о том, что этот выбор неверен, его не следовало совершать».

И если бы вы сделали другой выбор, случилось бы то же самое. Человек, который выбирает, остается в тревоге.

Безмятежность означает состояние, в котором отсутствует выбор. Точно так же, как зеркало, оно лишь отражает, без всякого выбора. Если приходит безобразный человек, оно отражает его. Если приходит красивый человек, оно отражает его. У него нет выбора; нет и намека на выбор. Лишь отражение.

Приходит печаль, и человек безмятежности говорит: «Я – печаль. Я таков в это мгновение. Это мгновение – вот моя реальность». Он не сравнивает: «Предыдущее мгновение было лучше, я был веселым. Теперь я опечален». Он никогда не сравнивает два момента, он никогда не стремится к чему-то в будущем. Что бы ни было, он полностью расслаблен в этом. Такова безмятежность – а из безмятежности возникает подлинное знание.

Знание без безмятежности –
незажженная свеча.

В чем же значение незажженной свечи? В том, что не будет света. Таковы знающие люди: глубокие познания, свечи, и свечи, и свечи, но ни одна не горит. Они воняют воском, но никакого света не исходит от них.

Знание без безмятежности –
незажженная свеча.
Они объединены в медовые соты...

Вместе они прекрасны.

...мед благороден и без воска...

Даже если есть лишь безмятежность, это лучше. Безмятежность без знания лучше; она все же благородна.

...воск без меда стоит лишь сжечь.

Но знание без безмятежности не имеет ценности, оно бесполезно.

Покинь эту обитель
рождения и распада;
покинь эту яму
и иди к предназначенному тебе дому.
Эта пригоршня праха – лишь мираж,
обращающий огонь в воду.

Он говорит: вы во многом заблуждаетесь. Невежество притворяется знанием, огонь кажется вам водой, на чаше яда написано, что это нектар. Вы живете в очень обманчивом мире. Если вы не пробудитесь от сна, один мираж по-прежнему будет сменяться для вас другим миражом, один сон – другим сном.

Покинь эту обитель...

Это обитель иллюзий и миражей. Оставь эту обитель прошлого и будущего, воображения и памяти, рождения и распада. Оставь эту обитель времени, начал и концов.

...покинь эту яму
и иди к предназначенному тебе дому.

Где этот предназначенный дом? Он внутри вас. Это то, что я называю погружением в собственный источник, расслаблением в своем собственном существе.

Будьте своей правдой, и вы будете освобождены: освобождены от всех иллюзий, от всех миражей. Каждое мгновение будьте истинным по-своему. Таково послание всех будд и всех суфиев: в каждое мгновение будьте своей истиной. Не стремитесь к чему-либо еще, не желайте чего-то еще. Не пытайтесь стать чем-либо, будьте тем, что вы есть в данный момент. Расслабленный, безмятежный, вы полностью дома: это предначертанный вам дом.

Эта пригоршня праха – лишь мираж,
обращающий огонь в воду.

Будьте осторожны. Вы окружены многими вещами, которые не есть то, чем кажутся. Не обманывайтесь внешним видом. Время ускользает: в каждое мгновение вы теряете возможность.

Есть суфийское изречение:

Не будь небрежен с Возлюбленной
ни на мгновение ока;
потому что в это мгновение она посмотрит –
и ты потеряешь Ее.

Суфии называют Бога «Возлюбленной». Они думают о Боге как о «ней», как о своей женщине, как о своей возлюбленной.

Не будь небрежен с Возлюбленной
ни на мгновение ока...

Ни одно мгновение не должно быть упущено, потому что кто знает, в какой момент можно достичь предначертанного дома? Кто знает, в какой момент она взглянет на тебя? И если ты невнимателен и предаешься своим мечтам о будущем – о том, каким и кем тебе хотелось бы быть; предаешься воспоминаниям о прошлом, – ты по-прежнему будешь терять.

Связь с Богом возможна только в настоящий момент: в данный момент, сейчас и здесь. И только сейчас и здесь. Потому что время проходит быстро. Каждое мгновение вы теряете необычайно ценную возможность.

Однажды молодой бакалавр сидел за чашкой кофе с очаровательной женой своего друга, и она заявила:

– Думаю, было бы лучше предупредить вас, что через час придет мой муж.

– Но я же ничего плохого не сделал? – спросил бакалавр, немного удивленный.

– Я знаю. Я подумала, что вы хотите знать, сколько времени для этого в вашем распоряжении.

Времени мало, у вас мало времени. Не откладывайте: момент настал. Не говорите «завтра», «завтра» – это мираж. Будьте бдительны сейчас, проснитесь сейчас, и появится безмятежность и спокойствие. И внезапно человек расслаблен, связь с источником установлена, и он прибыл домой.

Это дом, который вы искали так много жизней. Но вся методология вашего поиска была неверной. Вы сделали это целью. А это не цель, это – источник.

Бога не там, куда мы идем. Бог там, откуда мы приходим. Бога там нет, Бог здесь. Бога нет тогда, Бог сейчас.

То, что я говорил вам сегодня утром, имеет огромную ценность. Это мое послание к моим саньясинам, к моим суфиям: примите себя с огромной благодарностью. Что бы ни было – есть, и не может быть по-другому. Не пытайтесь бороться с этим.

Ни один факт никогда не создает психологической боли. Именно толкование приносит вам боль. Боль – это ваше творение, потому что вы даете толкование ей. Измените толкование, и тот же факт станет приятен тебе. Прекратите интерпретировать, и факт останется просто фактом, не приносящим ни боли, ни радости. Не выбирайте, не отдавайте предпочтения ничему. Просто будьте наблюдательным, понимающим и наблюдательным – и тайный ключ в ваших руках.

Это создаст в вас первое единство, единство с самим собой. И затем само собой наступит второе единство; вам не нужно об этом волноваться. Вы делаете первый шаг, второй шаг делает сам Бог. Полпути проходите вы, полпути – он.

ЖЕМЧУЖИНА БЕЗМЕРНОЙ КРАСОТЫ

Первый вопрос:

У Будды не было Мастера, у Иисуса не было Мастера, у вас не было Мастера. Почему мы нуждаемся в Мастере?

Девамо, потому что вы еще не способны позволить жизни быть вашим Мастером. Потому что вы не знаете, как слушать, как учиться. Потому что вы не способны учиться, вот почему вам требуется Мастер.

Эта потребность возникает из вашей нечувствительности, из вашей неразумности. Если вы разумны, тогда жизни достаточно. Тогда вы находите проповеди в камнях, послание – в каждом листе дерева, и река, впадающая в океан, несет с собой все священные писания. Вам не нужно обращаться к Ведам, или к Корану, или к Библии: в этом нет необходимости. Все существование в каждое мгновение поет песню божественного.

Но вы не можете прислушаться к ней, вы еще не способны открыться ей. Поэтому необходим Мастер. Мастер – это только начало. Он научит вас слушать, он научит вас быть открытым. Он даст вам любовь, которая согреет вас – вам стало слишком холодно. Если вы немного согрелись, Мастер не нужен, тогда вся жизнь – это Мастер. Мастер просто становится трамплином.

Вы говорите: *У Будды не было Мастера.*

Это неверно: у Будды было много Мастеров. Его последним Мастером был Амар Калам, очень редкий человек.

Вы говорите: *У Иисуса не было Мастера.*

Вы просто не знаете. Он был учеником великого Мастера, Иоанна Крестителя; он был посвящен им. У Будды было много Мастеров, у Иисуса был Мастер, у меня – миллионы. Я учился из всевозможных источников – от мужчин, от женщин, от деревьев, от гор. Я не могу показать вам какого-то одного Мастера, потому что их было так много. Я постоянно учился и слушал.

И вы спрашиваете: *Почему нам требуется Мастер?*

Сам твой вопрос показывает эту потребность. Если ты не можешь ответить на этот простой вопрос, вам нужен Мастер. Почему вы спрашиваете меня? Почему вы не можете ответить сами? Даже на этот вопрос должен ответить кто-то еще: в этом есть потребность.

Но почему возник этот вопрос? Несомненно, это потребность, иначе зачем вы здесь? Есть потребность, но есть также и нежелание сдаться. Хотя вы стали саньясином, в глубине души вы не еще не сдались. Отсюда вопрос.

Вам не хотелось бы быть учеником. Это причиняет боль эго, это унизительно. Вам хотелось бы самому быть Мастером; это приносит удовлетворение эго. Вопрос возник не потому, что вам не требуется Мастер; необходимость существует, сам вопрос говорит о том, что необходимость существует, но глубоко внутри есть сопротивление. Вам не нравится это; вам не нравится сдаваться, вы не любите склоняться перед кем-либо в надежде. Это причиняет боль, это болезненно.

Ученичество требует мужества. Ученичество означает, что у вас достаточно мужества для того, чтобы раствориться. Это непросто. И пока вы не способны стать учеником, вы никогда не станете Мастером.

Само слово «ученик» прекрасно, оно происходит от корня, который означает «Учение». Ученик – это человек, достаточно мужественный для того, чтобы признать: «Я не знаю, поэтому я готов учиться. И тогда, откуда бы ни исходил свет, я открыт для него. Я не буду закрывать дверей и окон, я позволю войти ветру, солнцу, дождю. Я готов отправиться в это путешествие в неизвестное; этой территории нет ни на одной карте».

Под учеником просто подразумевают того, кто решил учиться. Это великое обязательство – учиться. И, естественно, человек должен с чего-то начинать; путешествие должно начаться с некой точки – с А, с В, с С.

Пусть я буду той точкой, с которой начинается путешествие. Мастер не является точкой, где заканчивается путешествие, Мастер – это точка, откуда начинается твое путешествие в неизвестное. Он дойдет с вами только до той точки, где почувствует, что теперь вы можете идти сами. Тогда он сам покинет вас.

И это критерий истинного Мастера. Вам не нужно будет покидать его, он покинет вас сам. Если вы покинете его, это будет неверным шагом. Если в вас возникает желание покинуть его, это просто означает, что вы еще не изучили, еще не познали Мастера. Если вы познали Мастера, нет вопроса о том, чтобы покинуть его, потому что вы не нашли никого, кого можно было бы покинуть. И его никогда не существовало, с самого начала.

Вступив в бытие Мастера, вы найдете пустоту – несомненно, присутствие, но не человека, которого ты можешь покинуть.

Ученик никогда не сможет покинуть Мастера. Во-первых, он не может уйти, потому что он еще не может самостоятельно ходить, самостоятельно жить. Во-вторых, он не сможет уйти; даже когда он научится ходить самостоятельно, он не сможет его оставить, потому что некого оставлять. Теперь он знает.

Но Мастер уходит сам. Он начинает устраняться из вашего существования, он начинает все больше и больше исчезать, потому что теперь вы готовы идти сами.

Мать счастлива, если ребенок передвигается без ее поддержки. Если мать старается поддерживать своего ребенка вечно, такая мать не любит своего ребенка. Такая мать патологична и невротична. Она калечит ребенка, она парализует ребенка.

То же самое и с Мастером. Если Мастер хочет, чтобы вы всегда оставались зависимым от него – это не истинный Мастер, он обманщик и притворщик. Мастер не нуждается в вас. Если он каким-то образом нуждается в вас, если он зависит от вашей зависимости от него – это значит, что он нуждается в вас. Это значит, что ваша зависимость от него каким-то образом удовлетворяет его эго. Он чувствует себя хорошо: «Посмотрите, сколько у меня учеников!» Он продолжает считать своих учеников: «У меня так много учеников, я великий Мастер».

Конечно, он не позволит вам уйти. Он помешает вам уйти, потому что ваш уход означает, что опора для его эго исчезнет. Он будет зависеть от вас. И как вам может помочь Мас-

тер, зависящий от вас? Он сам нуждается в помощи; он сам в замешательстве, в темноте. Он сам еще не способен быть один. Он не прибыл домой.

Но истинный Мастер всегда выжидает момент, чтобы оставить вас. Он всегда готов оставить вас, когда бы вы ни стали готовыми к тому, чтобы быть предоставленными самим себе. Он никогда не оставит вас, пока вы не будете готовы, это верно. И только он может знать, когда вы будете готовы; вы не можете знать этого.

Однажды один саньясин написал мне письмо, сообщив, что сейчас он чувствует себя способным жить самостоятельно, что сейчас он может продолжить свою жизнь один. И он хочет отбросить саньясу. Я сказал: «Прекрасно».

Сейчас он хочет видеть меня. Я спросил: «Зачем?» Он написал письмо, чтобы получить от меня последние наставления. Итак, что же это за готовность? Если тебе все еще нужны мои наставления, готовность ли это жить самостоятельно?

Когда вы будете готовы, я скажу вам, что вы готовы. И парадокс в том, что я скажу вам: «Отбросьте саньясу!» – и вы не отбросите ее. Как вы можете ее отбросить? Именно благодаря саньясе вы двигались до сих пор.

Когда Сарипутра сам стал просветленным, Будда сказал ему: «Теперь тебе не нужно мне кланяться. И ты в таком же блаженном состоянии, как и я». Но Сарипутра продолжал кланяться точно так же, без всякого отличия. В точности, как и в первый день, когда он только пришел, несколько лет тому назад, и коснулся стоп Будды, он по-прежнему касался их. И Будда снова и снова говорил ему: «Сарипутра, сейчас этого уже не нужно!» Но он не слушался.

Однажды Будда спросил его: «Почему ты не слушаешься меня?» Сарипутра сказал: «Теперь я сам будда. Почему я должен тебя слушаться? Это нечто необычайно прекрасное. И почему я больше не должен склоняться перед тобой в поклоне и касаться твоих стоп? Это сладкая ностальгия, это сладкая память. Благодаря этим стопам я пришел к этой точке; это чистая благодарность».

Будда отослал Сарипутру. Он сказал ему: «Теперь иди. Миллионы людей спотыкаются в темноте; помоги им». И Сарипутра заплакал и сказал: «Нет, не прогоняй меня».

И Будда сказал: «Теперь ты сам будда, а будде не подобает плакать. Ты можешь продолжать идти дальше самостоятельно».

И Сарипутра сказал: «Для будды не существует условий: он может плакать, он может смеяться. Для будды не существует никаких ограничений, его жизнь не ограничена».

Но он должен был идти, Мастер настаивал на этом. И он отправился. Но каждый день, где бы он ни был, он кланялся в том направлении, где был Будда. Каждое утро, каждый вечер его ученики спрашивали его: «Кому ты кланяешься?»

Он отвечал: «Будда должен быть на востоке. У меня есть сведения, что сегодня он должен быть в одном городе, и я склоняюсь в поклоне в том направлении, где он находится».

Вот что значит самому стать буддой по праву. Вы сейчас здесь, и вы пишете мне: «Я прибыл; теперь я могу двигаться самостоятельно».

И я сказал: «Хорошо, двигайся! Зачем тебе нужны последние наставления от меня? Если ты все еще нуждаешься в наставлениях, тогда ты бросаешь саньясу не потому, что ты готов, но потому, что ты возвращаешься назад. Четыре месяца ты был здесь; здесь так просто быть в оранжевом».

Сейчас этот саньясин возвращается в Германию; там ему непросто. Вероятно, за этим скрывается хитрая стратегия. Должно быть, прежде, чем принять саньясу, ты уже планиро-

вал, что в течение четырех месяцев, пока ты будешь здесь, ты будешь саньясином. И когда ты уйдешь, ты всегда сможешь сказать: «Теперь я готов быть самостоятельным, и я могу уйти».

Тогда зачем нужны мои последние наставления?

Когда ученик готов, я скажу ему: «Теперь ты можешь идти самостоятельно». Вам не обязательно сообщать мне; ваше сообщение бессмысленно.

Вы спрашиваете меня: *Почему нам требуется Мастер*?

Должно быть, внутри вас есть какая-то боль. Сама мысль о том, что вы ученик, что вы должны кому-то сдаться, быть в тотальной сдаче, противоречит эго.

И именно поэтому вы нуждаетесь в Мастере. Мастер – это механизм, позволяющий вам отбросить эго. Мастер – это лишь стратегия, ситуация. Вам будет очень трудно самим отбросить свое эго. Кто кого отбросит? Как вы сможете расстаться с эго самостоятельно? Это едва ли возможно.

Мастер – это лишь устройство: вы можете довериться Мастеру в глубокой любви и отложить эго в сторону. Иначе у вас нет ничего, кроме эго; если вы отложите его в сторону, вы окажетесь в полной пустоте. Вы будете неспособны погрузиться в глубокую, бездонную пустоту. Вы будете очень напуганы, вы снова будете цепляться за все, что только сможете найти вокруг себя. А эго ближе всего к вам.

Для вас будет невозможно уйти в ничто, пока кто-нибудь не позовет вас вперед – из вашего полного ничто, кто-нибудь позовет вас: «Иди! Не бойся!»

Если вы поняли, что отбрасывание эго не означает смерть, если вы поняли и почувствовали, что отбрасывание эго – это подлинная жизнь, что подлинная жизнь начинается только тогда, когда эго отброшено, – если вы почувствовали это, тогда вы не будете нуждаться в Мастере. Но будет не так просто оставить Мастера.

Способны ли вы оставить того, кто был для вас таким преображением? Сама идея глупа. И нет никого, кого вы могли бы покинуть; нет никого, кто бы цеплялся за вас. В действительности, связь между Мастером и учеником односторонняя. У Мастера нет связи с вами.

Слушай внимательно: пусть это тебя не шокирует. У Мастера нет отношений с тобой. Есть только ты, нуждающийся в отношениях; только в твоем сознании существует Мастер. С противоположной стороны никого нет. Лишь только ты познаешь истину – Мастер исчез.

Ученик исчезает, когда он сдается Мастеру. И когда он познает ничто, исчезает Мастер. Нет никого, чтобы покинуть, и нет никого, чтобы быть покинутым. В этой полной чистоте – нирвана, просветление.

Но это приносит боль. Рост идет болезненно, и самая сильная боль наступает, когда вы должны отбросить идею о собственном «я».

Притча:

Одна устрица сказала своей соседке:

– Я чувствую внутри сильную боль. Она большая, круглая и очень мучительная.

И другая устрица ответила с высокомерным благодушием:

– Хвала небесам и морю, у меня внутри не болит. Я цела и невредима и снаружи, и внутри.

В этот момент мимо проходил краб, и, услышав разговор двух устриц, он сказал той, которая была цела и невредима и снаружи, и внутри:

– Да, ты цела и невредима; но боль, которую носит в себе твоя соседка – это жемчужина безмерной красоты.

Ученик чувствует глубокую боль, потому что необходимо отказаться от эго, а это нелегко. Эго не одежда, которую можно просто снять. Эго подобно вашей коже, которую нужно содрать, а это болезненно.

Так много жизней вы жили с эго. Вы много раз меняли тело, но эго не изменилось. Оно продолжало существовать внутри вас как нечто постоянное, это очень древнее эго. Отбросить его нелегко; это мучительно, это великая агония. Но только из этой агонии рождается экстаз – жемчужина безмерной красоты, благословенное состояние сознания. Но сначала вы будете говорить: «Я чувствую внутри сильную боль. Она большая, круглая и очень мучительная».

И те, кто не познал боли ученичества, скажут тебе: «Хвала небесам и морю, у меня внутри нет боли. Я цел и невредим и внутри, и снаружи».

Оглянитесь: миллионы людей не имеют представления о том, что значит быть учеником; они не познали вкуса ученичества; они никогда никому не сдавались; они никогда никого не любили так глубоко, чтобы быть готовым умереть, никогда не любили никого так близко, чтобы исчезнуть в этой близости, чтобы раствориться в этой близости.

Они скажут вам, что вы немного не в себе: «Не нужно быть учеником, не нужно быть Мастером. Взгляни на нас! Мы целы внутри и снаружи. Нам не нужен Мастер, так зачем он нужен вам?»

О да, они целы внутри и снаружи, они здоровы... Но их здоровье бесполезно, а их цельность очень низкого порядка, это обыденная цельность. И тот, кто хочет достичь священного королевства, должен будет пройти через боль – боль утраты обыденного, боль бытия нигде, боль бытия в чистилище, боль утраты того, что ты познал, и невозможности получить то, что ты желаешь познать. Когда вы точно в середине – именно там ученик. Он отбрасывает то, что известно, совершенно известно, и пытается войти в нечто, о чем он не имеет абсолютно никакого представления.

Он идет в непознанное: отказываясь от надежного ради рискованного, отказываясь от безопасного ради небезопасного, отказываясь от так называемого здравомыслия и становясь сумасшедшим.

Именно это говорит суфизм: «До тех пор, пока ты не влюбишься в Бога до безумия, ты не достигнешь его. Безумие – обязательное условие».

Ученик безумен. Он влюбился в Мастера, а любовь сводит человека с ума. Теперь никто не поймет вас; вы будете совершенно неспособны логически обосновать то, что вы делаете. И не потому, что вам неизвестна логика.

Мои саньясины – из самых образованных классов мира. У нас есть люди всевозможных профессий – художники, живописцы, профессора, ученые, психологи, терапевты, врачи, инженеры – и все они хорошо образованы. Это не потому, что они не умеют спорить; они очень искусны в аргументах. Но сейчас случилось нечто, выходящее за пределы аргументации.

И когда вы рассказываете о своем Мастере и о любви, которая родилась в вас, в глазах любого человека вы будете почти дураком. Это болезненно.

Но только эта боль делает возможным рост. Это боль роста, а боль роста гораздо важнее, чем здоровье, которое препятствует росту. Гораздо лучше быть больным и сумасшедшим и через это расти, чем быть здоровым и здравомыслящим и не расти.

Важен рост: вы не должны оставаться тем, кто вы есть. Вы не должны оставаться зерном, вы должны взорваться тысячами цветов. Однако прежде зерно должно погибнуть в почве.

Мастер – это лишь климат, почва, в которой умирает ученик. В доверии, он падает в землю и умирает. Нет способа гарантировать то, что произойдет с вами в будущем. Можно ли гарантировать зерну, что «абсолютно определенно взойдет росток, когда ты уйдешь. Появится пышная листва, и зелень, и красные цветы, и наступит великая радость, когда ты умрешь»?

Но зерно скажет: «Кто может убедить меня в этом? Меня не будет, чтобы стать свидетелем этого. Кто может гарантировать это? Кто может знать? Я могу просто умереть, и ничего не случится».

Что можно сказать зерну? Убедить зерно невозможно. Но зерно влюбляется в дерево, которое уже выросло – и то, что было тайным, стало явным. Зерно влюбляется в цветы и аромат дерева, и зерно спрашивает: «Как достичь этого? Как мне стать таким как ты?»

Вот что значит быть учеником. Ты приближаешься к будде, и ты видишь цветы, и ты вдыхаешь их аромат, и ты спрашиваешь будду: «Как мне стать таким, как ты?»

И будда говорит: «Я умер, вот почему я стал таким. Ты тоже должен умереть».

В созерцании будды, его аромата, молчания и покоя рождается доверие, рождается любовь. И зерно рискует: оно умирает рядом с большим деревом. И в один прекрасный день появляется росток. Невозможно убедить вас логическим способом, пока вы не будете убеждены своей любовью.

Вопрос не в том, чтобы убедить вас стать моими учениками, потому что нет способа убедить вас. Вы становитесь учеником благодаря тому, что ваше существо убеждено любовью. Да, Девамо, это болезненно. Но любой рост болезненен.

Пройди через эту боль. Пусть твое эго совершенно уйдет, как бы болезненно это ни было. Лучше быть ненадежно несчастным, чем быть надежно несчастным, потому что тот, кто надежно несчастен, перестает расти. Рост – это высочайшая ценность. Человек есть потенциальный Бог: Бог должен быть претворен в жизнь.

Многое придется отбросить. Вам придется сбросить не одну тяжесть, только тогда вы достигнете вершины, освещенной солнцем. Чем выше вы будете восходить, тем большее вы должны будете отбросить, потому что все станет бременем для вас и препятствием на вашем пути. Вы достигнете вершины, лишь отбросив все то, чем вы были.

Вы достигните вершины лишь как ничто, никто. И это болезненно, я знаю это. И я пытаюсь создать здесь климат, энергетическое поле, чтобы вы, испытывая величайшую радость, смогли преодолеть эту боль.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер, укажи мне дорогу от сексуальности к любви.

Амит Прем, секс прекрасен, сексуальность безобразна. И важно понять разницу между ними. Секс – это естественное явление; сексуальность неестественна, ненормальна и патологична. Когда секс становится рассудочным, когда секс проникает в ваш разум, он превращается в сексуальность.

Голова не является сексуальным центром. Возникает неразбериха, возникает путаница, возникает беспорядок. Секс – не функция головы. Но когда секс входит через голову, он

становится сексуальностью. Тогда вы начинаете думать о сексе, тогда вы начинаете видеть в своем воображении секс. И чем больше вы думаете, чем больше вы фантазируете о нем, тем больше вы создаете неприятностей. Тогда ничто реальное никогда не удовлетворит вас, потому что не существует ограничений для фантазии, а реальность ограничена.

К примеру, если вы начинаете слишком много думать о сексе, вы можете создать в воображении прекрасных женщин, женщин, существующих только в вашем воображении; вы никогда не найдете их во всем мире. Или мужчин: вы никогда не встретитесь с ними. Ни одна реальная женщина или мужчина никогда не удовлетворят вас, и причина заключена в вашем воображении. Ни один реальный мужчина или женщина никогда не осуществят ожиданий вашего воображения. Фантазия есть фантазия; это сон.

Вы можете создать в воображении женщину, которая не потеет, чье тело не имеет телесного запаха. Вы можете создать в воображении женщину, которая будет всегда сладкой и никогда – горькой. Вы можете создать в воображении женщину всегда нежную, теплую и приветливую, которая никогда не будет вас пилить, никогда не разозлится на вас, никогда не забросает вас подушками. Вы можете создать в воображении женщину, которая никогда не стареет, которой всегда восемнадцать лет, всегда свежую, всегда молодую, всегда прекрасную, которая никогда не заболеет, никогда ничего не потребует от вас, никогда не изменит вам, никогда не бросит на другого мужчину полный страстного желания взгляд.

Ваша фантазия может быть безграничной, но вы никогда и нигде не найдете эту женщину. Таким образом, вы создали себе проблему: ваше гармоничное созвучие сексу утрачено.

Природа вполне способна осуществить себя, фантазия неосуществима. Вы можете найти свою женщину в журналах, в порнографических изданиях, но вы не найдете ее в действительности. И то, что вы найдете в действительности, не оправдает ожиданий.

Такова проблема, с которой столкнулся Запад: он слишком много фантазировал о сексе. Запад стал сексуальным вследствие фантазии, Восток стал сексуальным вследствие подавления. И Запад, и Восток стали сексуальными, и Запад и Восток утратили естественную способность наслаждаться сексом. И Запад, и Восток пришли к патологии по разным маршрутам. Патология поразила Запад, вообразивший секс конечной целью жизни, патология охватила Восток, полагавший, что секс – это конечная преграда между Богом и человеком.

Секс – это ни то, ни другое. Он не конечная цель и не конечная преграда. Секс – такое же естественное явление, как голод или жажда; и не более того. Это совсем не то, чем он представляется восточному уму. Ум Востока слишком боится секса. Подгоняемый страхом, секс проник в голову; через дверь страха он проник в голову.

Так называемые святые Востока просто фантазируют о сексе, потому что они подавляют его. А то, что вы подавляете, прорастает снова и снова. Секс не может быть уничтожен; нет ничего, что уничтожается подавлением. Подавление превращает секс в патологическую сексуальность. Это одна крайность.

Запад впал в другую крайность. Другая крайность: фантазировать о сексе. Секс – это все, все остальное вторично, занимайтесь сексом столько, сколько можете. Вы не можете заниматься сексом слишком много, поскольку возможности тела ограничены. Но вы можете нарисовать в своем воображении столько секса, сколько захотите, поскольку фантазия не ограничена.

Существует порнография, существуют голубые фильмы, существуют специальные журналы. И люди питаются этими иллюзорными миражами. Вот почему ни одна реальная женщина, ни один реальный мужчина никогда не удовлетворят вас.

Оба эти состояния патологичны. Сексуальность патологична, что бы ни привело вас к ней: страх или жадность. Восток заболел из-за страха, Запад – из-за жадности. Жадность и страх – это две стороны одной и той же медали. Внешне Восток и Запад выглядят по-разному, как бы находясь на разных полюсах. Но это не так. Те, кто знает, те, кто видит, поймут, что и там, и здесь одна и та же глупость, одна и та же ограниченность. Они пришли к одной и той же глупости разными путями, это верно, но они оказались в одном и том же месте.

И Запад, и Восток нуждаются в пробуждении; и тот, и другой нуждаются в просветлении в сфере секса.

Не стоит создавать никакого шума вокруг секса. Это основное правило. Если вы хотите, чтобы секс стал любовью, первое основное правило таково: примите секс как абсолютно естественное явление. Не следует привносить в него вашу собственную метафизику, не следует привносить в него вашу религию. Он несовместим как с религией, так и с метафизикой: это естественный факт жизни. Это способ, которым жизнь самовоспроизводится. Это так же просто, как и то, что деревья дают цветы и плоды: вы же не станете порицать цветы. Цветы – это сексуальная энергия; через цветы дерево распространяет свои семена, свою потенциальную силу, воспроизводя другие деревья.

Когда танцует павлин, вы не порицаете его. Но его танец – это секс: он должен привлечь самку. Когда кричит кукушка, вы не осуждаете ее, а это секс. Кукушка простонапросто объявляет: «Я готова». Кукушка просто заявляет о себе как о женщине. Звук, красивый звук – это всего лишь обольщение; это ухаживание.

Если вы наблюдаете жизнь, вы будете удивлены. Вся жизнь проникнута сексом. Жизнь воспроизводит себя через секс, это естественное явление. Не вносите в него ненужных усовершенствований.

Это то, что необходимо понять с самого начала, если вы стремитесь трансформировать сексуальную энергию. Первое условие: не отрицайте его, не отвергайте его, не подавляйте его. Не будьте жадным к нему, не думайте, что это все – это не так. В жизни есть многое другое. И хотя секс прекрасен, в жизни есть много других прекрасных вещей. Секс – это только фундамент, это еще не весь храм.

Подавленный секс становится сексуальностью. Рожденный воображением секс становится сексуальностью. Первое – восточный способ превращения секса в патологию, второе – западный. Но никто – ни на Западе, ни на Востоке – не воспринимает секс как простое и естественное явление. Ни святые, ни грешники не воспринимают секс как простое естественное явление. Те и другие одержимы им, поэтому я утверждаю, что между ними нет разницы.

Когда вы принимаете, уважаете, проживаете секс, он становится любовью.

То же самое я говорил позавчера: когда приходит печаль, примите ее: это вы. Не говорите: «Я опечален». Скажите: «Я есть печаль». Не говорите: «У меня печаль». Просто скажите: «Я есть печаль». Когда вы говорите: «Я опечален», в этом есть что-то случайное. Когда вы говорите: «У меня печаль», кажется, будто вы существуете отдельно от нее, и печаль есть нечто, чем вы обладаете. Просто скажите: «Я есть печаль». В это мгновение нет барьера между вами и тем, что вы называете печалью. В это мгновение вы есть печаль. В новое мгновение, возможно, вы станете миром, в следующее – радостью.

Жизнь – это изменение. В жизни есть только одна постоянная вещь – это изменение. Только изменение неизменно; меняется все, кроме изменения. Это означает, что только изменение обладает вечностью. Это континуум, вы не являетесь чем-то определенным, неподвижным. И это хорошо, что вы не неподвижны, иначе вы были бы вещью, товаром на рынке. Вы не вещь. Вы не неподвижное явление; вы – постоянное открытие, изменение.

В одно мгновение наступает печаль, и река делает поворот. В другое мгновение приходит радость, река делает следующий поворот, и воцаряется покой. И это продолжается бесконечно. Это мгновение должно быть принято во всей его полноте: это вы. Если к вам приходит секс, существует секс: это вы. Не говорите: «Я испытываю сексуальное желание». Это способ самораздвоения, это способ саморасщепления.

Если вы испытываете сексуальное желание, у вас две возможности. Если вы против него, подавите его: это восточный способ стать сумасшедшим, ненормальным и патологичным. Другой способ таков: «Я испытываю сексуальное желание: как усилить его? Как сделать его более сильным? Как оптимально насладиться им?» Это путь жадности, западный путь. Однако у них одинаковый конец, один и тот же конечный продукт: идея секса завладевает ими и начинает преследовать их.

Что бы то ни было, просто пусть будет так. Это вы. Вы не испытываете сексуального желания; если вы испытываете сексуальное желание, значит, можно что-то сделать с самим сексуальным желанием. Если вы – оно, невозможно что-либо сделать с ним, потому что нет никого, кто мог бы что-то сделать: вы есть оно.

Вот что должно стать медитацией всех моих саньясинов: вы есть оно, разделения нет. Взгляните, как это прекрасно. Когда нет разделения, нет конфликта. Когда нет разделения, нет страха, нет жадности. Именно разделение рождает страх и жадность. Жадность и страх – это способы восприятия разделения, но разделение первично, ваше же восприятие его вторично.

Когда возникает сексуальное желание, ты воспринимаешь его как нечто существующее независимо от тебя и происходящее с тобой. Оно сходно с вещью в твоих руках: тебе остается лишь решить, хочешь ли ты получить больше или меньше от этой вещи, словно она есть нечто, способное дать тебе больше или меньше. Она такая, какая есть: ни больше, ни меньше.

Нужно просто жить им, быть им, любить его. Это ваше мгновение, это истина мгновения. Не нужно никогда сравнивать, потому что мгновением раньше его не было. Не нужно начинать сравнивать, потому что сравнение вновь приносит раскол. В следующее мгновение оно, возможно, снова исчезнет. Не сравнивайте. Жизнь есть изменение.

Именно это говорил Будда: «Жизнь есть перемена».

Именно это говорил Гераклит: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Жизнь, река находятся в непрерывном движении.

Глубоко внутри вы хотите, чтобы жизнь была неподвижной. Почему? Потому что неподвижная и спокойная жизнь безопаснее, надежнее. Но жизнь – это не спячка, только смерть – спячка. Жизнь динамична, она течет – чем быстрее она течет, тем больше в вас жизни. Жизнь – не тихий омут, это река. Это Ганг, устремившийся с вершин Гималаев в океан, с высот в глубину. И вновь будет испаряться Ганг из океана, из его глубин к высотам, и вновь над Гималаями будут собираться тучи, и вновь будет рождена река. Это прекрасный замкнутый круг.

Таким будет и ваше движение. Каждое мгновение следует принимать таким, как оно есть, не осуждая, не оценивая его. Потому что если ты сможешь принять секс как нечто естественное, он перестает исходить из мозга. Он покидает голову и идет в сексуальный центр, которому он принадлежит. Если секс остается в сексуальном центре, он прекрасен. Если он устремляется в голову, он безобразен.

Прием пищи прекрасен. Ты голоден, и ты ешь: это необходимо, это питание. Но существует два типа людей. Некоторые люди едят слишком много: когда человек ест слишком много, это означает, что его ум участвует в этом. Когда вы едите, тело всегда разумно. Тело всегда говорит тебе: «Остановись». Оно немедленно дает тебе указание, сигнал: «Уже достаточно, теперь остановись! Больше не нужно, мои нужды удовлетворены».

Но голова говорит: «Это так вкусно, так приятно – съешь еще одну тарелочку». Это разум, это не тело. Тело отказывается, тело говорит: «Нет!» Тело всегда разумно.

И это один из основных принципов, о которых мне хотелось бы рассказать вам. Веками ваши так называемые святые говорили вам, что тело – ваш враг. Это не так; тело всегда ваш друг. Если и есть враг, то это голова, но ни в коем случае не тело. Тело всегда разумно.

Наблюдайте это. Я не проповедую никакой философии, я просто констатирую факт. Посмотрите сами: если вы больны, тело говорит: «Не ешь». Но голова говорит: «Если ты не будешь есть, ты ослабнешь. Ты нуждаешься во многих витаминах, ты станешь бледным, ты потеряешь силы». Это говорит голова. Тело говорит: «Ты болен, и еда станет лишней нагрузкой на систему. Организм нуждается в отдыхе; лучше не есть».

Именно так делают животные. Ни одно животное не станет есть, когда оно больно, оно просто перестанет есть. Именно это делают дети: ни один ребенок не будет есть. Но взрослые будут заставлять его, они скажут: «Ешь, иначе ты заболеешь, иначе ты ослабнешь. Ты должен есть». Они заставляют его. Вы часто видите маленьких детей, которые плачут, когда мамы заставляют их есть: «Съешь еще немного».

Именно голова создает проблемы.

Далее, есть люди, которые будут поститься, когда нет необходимости поститься. Тело голодает, но если вы джайн и наступила *парушана*, религиозные дни, вы обязаны поститься. Тело голодает, и тело требует пищи, но вы не можете есть, так как, к несчастью, вы джайн и настали религиозные дни, и если вы будете есть, вас бросят в адский огонь.

Это вмешательство головы. Тело говорит: «Ешь», но, к несчастью, ты мусульманин, и наступил месяц Рамазан, и ты должен голодать. Теперь голова препятствует этому.

Голова вмешивается двумя способами: она либо заставляет вас потакать себе, либо делает вас насильственным. И опять-таки первое – это западный способ, другое – восточный способ. Есть больше, чем нужно – это потворство твоим слабостям. Не есть, когда тело нуждается в пище – это пост, это подавление.

Именно разум всегда пытается помешать: он вмешивается в твою еду, он вмешивается в твой секс, он вмешивается в твой сон, он продолжает вмешиваться во все!

Вспомните Мастера дзен, великого Мастера дзен Бокудзю. Кто-то спросил его:

– Какова твоя дисциплина?

Он сказал:

– Никакая. Когда я чувствую голод, я ем, когда я хочу спать, я сплю. Никакой другой дисциплины нет.

Человек сказал:

– Но это же делаем и все мы.

И Бокудзю ответил:

– Нет. Очень редко можно встретить человека, который делает это, потому что тот, кто делает это, становится буддой. Только будда может делать это по-настоящему.

Вы не едите в соответствии с потребностями тела, вы не спите в соответствии с потребностями тела. Вы постоянно навязываете потребности своего ума телу. Это вмешательство превращает все в патологию. Таким путем секс нарушается и становится сексуальностью. Если вы принимаете, уважаете, проживаете секс, он становится любовью.

Амит Прем, вы спрашиваете: *Укажи мне дорогу от сексуальности к любви.*

Путь таков: сначала сексуальность должна вернуться к сексу. Нет ни прямого пути, ни прямой дороги; не существует дороги от сексуальности к любви. Дороги просто не существует, с этим ничего не поделаешь. От сексуальности к любви нет никакой дороги, потому что сексуальность коренится в голове, а любовь – явление сердца.

Тебе нужно вернуться из сексуальности в сексуальный центр. От секса к любви – прямая дорога, они соединены мостом. Ничего не нужно предпринимать. Проживите мгновения секса в абсолютной радости, молчании, спокойствии, праздновании. Проживите мгновения секса медитативно, и медитация преобразует секс в любовь.

Секс становится не только любовью: в один из дней он становится молитвой, поклонением. Он поднимается выше и выше. Высшая форма – это молитва, низшая форма – это секс. Между ними двумя находится любовь, любовь – это мост. Сексуальность ненормальна, это патология, это болезнь. Поэтому неважно, какой путь к патологии вы выбрали: путь восточных или западных людей.

Примите свою жизнь такой, какая она есть, и пусть ваше принятие будет как можно более полным. Когда вы не боретесь с самим собой, ваша энергия начинает переходить в тонкую гармонию. И эта гармония ведет вас к любви. Потому что когда гармония становится все более и более утонченной, это приводит вас к молитве.

Пока же секс не станет молитвой, помните о том, что цель еще не достигнута.

Третий вопрос:

Почему суфии говорят, что человек – это машина?

Потому что человек – это машина. Человек, какой он есть, совершенно бессознателен. Он не более, чем привычки, полная сумма своих привычек. Человек – это робот. Человек еще не человек: до тех пор, пока сознательность не войдет в ваше существо, вы останетесь машиной.

Вот почему суфии говорят, что человек – это машина. Идея о том, что человек – машина, с которой Гурджиев познакомил Запад, восходит к суфиям. Вы очень редко бываете сознательны. На протяжении всей вашей жизни, семидесятилетней жизни, если вы прожили так называемую обычную жизнь – здоровую и целую внутренне и внешне, если вы не испытали боли роста, внутренней боли растущей жемчужины безмерной красоты – значит, вы никогда не познали и семи мгновений осознанности за всю свою жизнь.

И даже если вы познали эти семь мгновений, или их было меньше, они всего лишь случайность. К примеру, вы можете пережить мгновение осознанности, если кто-нибудь внезапно подойдет к вам и приставит к вашему сердцу револьвер. В это мгновение ваше мыш-

ление, ваше привычное мышление останавливается. На мгновение вы начинаете осознавать, потому что при такой опасности вы не можете оставаться в обычном состоянии сна.

В некоторых опасных ситуациях вы становитесь осознающим. В противном случае, вы крепко спите. Вы прекрасно справляетесь со своими делами, выполняя их чисто механически.

Просто станьте на обочине дороги и понаблюдайте за людьми, и вы сможете увидеть, что все они ходят во сне. Все они лунатики, сомнамбулы. И вы также.

Однажды были арестованы два бездельника, их обвинили в убийстве, которое было совершено в округе. Присяжные признали их виновными, а суд приговорил их к казни через повешение и пожелал, чтобы Бог проявил милосердие к их душам.

Оба стойко держались, пока не наступило утро того самого дня, на который была назначена казнь. Когда они уже приготовились к тому, чтобы взойти на виселицу, один повернулся к другому и сказал:

– Будь я проклят, если я не спятил. Я не могу собраться с мыслями. Я даже не знаю, какой сегодня день недели.

– Сегодня понедельник, – сказал другой бездельник.

– Понедельник? Боже мой! Как тухло начинается эта неделя!

Просто понаблюдайте за собой. До самой смерти люди продолжают повторять старые привычные шаблоны. На этот раз неделя не состоится: наступило утро, когда их должны повесить. Но в силу старой привычки кто-то говорит, что сегодня понедельник, и вы отвечаете: «Понедельник? Боже мой! Как тухло начинается эта неделя!»

Человек реагирует. Вот почему суфии говорят, что человек – это машина. Пока вы не отвечаете, пока вы не стали ответственным... Реакция исходит из прошлого, отклик исходит из настоящего мгновения. Отклик спонтанен, реакция – это всего лишь старая привычка.

Просто понаблюдайте за собой. Ваша девушка что-то говорит вам; что бы вы ни сказали в ответ – наблюдайте, подумайте об этом. Есть ли это лишь реакция? Вы будете удивлены: девяносто девять процентов ваших действий – это не действия, потому что это не ответ, они лишь механичны, всего лишь механичны.

Так происходило и происходит снова и снова: вы всегда говорите своей девушке одно и то же, и она всегда реагирует одинаково, затем реагируете вы, и это всегда заканчивается одним и тем же. Вы знаете это, она знает это, все это предсказуемо.

Я слышал однажды:

– Папа, – сказал мальчик десяти лет, – как начинаются войны?

– Ну, сынок, – начал папа, – скажем, Америка ссорится с Англией...

– Америка не ссорится с Англией, – вмешалась мать.

– А кто говорит, что она ссорится? – сказал явно раздраженный папа. – Я просто даю сыну гипотетический пример.

– Это смехотворно! – фыркнула мать. – Зачем ты вкладываешь такие бредовые мысли ему в голову?

– И вовсе не смехотворно! – парировал папа. – Если он будет слушать только тебя, в его голове не будет вообще никаких мыслей.

Когда спор достиг кульминационной точки, сын снова заговорил:

– Спасибо, папа, спасибо, мама. Мне никогда больше не придется спрашивать, как начинаются войны.

Просто понаблюдайте за собой. Все то, что вы делаете, вы делали много раз. Так же, как вы реагируете, вы реагировали всегда. Вы всегда делаете одно и то же в аналогичной ситуации. Когда вы нервничаете, вы достаете сигарету и закуриваете. В этом состоит реакция: каждый раз, когда вы нервничали, вы всегда поступали так.

Вы машина. Внутри вас вмонтирована программа: когда вы нервничаете, ваша рука опускается в карман, и оттуда появляется пачка сигарет. Точно так же выполняет свои действия машина. Вы вынимаете сигарету, вы подносите сигарету ко рту, вы зажигаете сигарету, и все это происходит механически. Это делалось миллионы раз, и вы вновь делаете это.

И каждый раз, когда вы делаете это, вы закрепляете это действие; действия машины становятся более механичными, действия машины становятся более ловкими. Чем чаще вы делаете это, тем меньше осознанности требуется для того, чтобы это сделать.

Вот почему суфии говорят, что человек действует, как машина. До тех пор, пока вы не начнете разрушать эти механические привычки... У суфиев много способов разрушить их. Они учат многим способам. Они, к примеру, говорят: «Сделай нечто совершенно противоположное тому, что ты всегда делал».

Попробуйте. Вы приходите домой, вы в страхе, вы, как всегда, опоздали, и жена уже готова поругаться с вами. И вы планируете, как ответить ей, что ей сказать – что в офисе было слишком много работы, вы придумываете то одно, то другое. А она заранее знает все то, что вы собираетесь ей сказать, она знает все, что вы хотите сказать в ответ на ее вопрос, почему вы опоздали. И вы знаете, что если вы объясните свое опоздание тем, что в офисе было много работы, она не поверит в это. Она никогда этому не верила. Возможно, она уже проверила, возможно, она позвонила в офис, возможно, она уже навела справки о том, где вы были.

Однако это всего лишь образец поведения. Суфии говорят: «Сегодня, когда ты придешь домой, попробуй вести себя совершенно по-другому. Жена спросит тебя: «Где ты был?» А вы скажите: «Я занимался любовью с женщиной». И затем посмотрите, что произойдет. Она будет потрясена! Она не будет знать, что ответить, она едва ли сможет найти слова, чтобы выразить ими свое состояние. На мгновение она совершенно растеряется, потому что ни одна из реакций, ни одна из моделей неприменима.

Или, возможно, если она уподобилась машине, она скажет: «Я не верю тебе! – потому что она никогда не верила вам. – Ты наверняка шутишь!»

Каждый день вы возвращаетесь домой...

Мне рассказали об одном психоаналитике, который говорил своему пациенту – должно быть, он обучал его суфийскому методу:

– Сегодня, когда вы придете домой...

Но пациент не переставал жаловаться:

– Я всегда боюсь возвращаться домой. Моя жена кажется такой несчастной, такой печальной, она всегда в таком отчаянии, что у меня сердце уходит в пятки. Мне хочется убежать из дома.

Психолог сказал:

– По-видимому, причиной этого являетесь вы. Сделайте что-нибудь: захватите с собой цветы, мороженое, сладости для жены, и, когда она откроет дверь, крепко обнимите и горячо поцелуйте ее. После этого сразу начните помогать ей: вытрите со стола, помойте посуду, подметите пол. Сделайте что-нибудь совершенно необычное: то, что вы никогда не делали раньше.

Идея была подана, и муж попытался осуществить ее. Он пошел домой. В тот момент, когда жена открыла дверь и увидела цветы, и мороженое, и сладости, и сияющего мужа, который никогда не смеялся, и он крепко обнял ее, она не могла поверить тому, что происходит! Она была в шоке, она не могла поверить своим глазам: быть может, это кто-то другой? Ей пришлось еще раз взглянуть на своего мужа.

И затем, когда он поцеловал ее и сразу после этого начал мыть стол и направился к раковине, чтобы вымыть кастрюли, жена заплакала. Закончив, он спросил:

– Почему ты плачешь?

Она сказала:

– Ты сошел с ума! Я всегда подозревала, что рано или поздно ты сойдешь с ума. И вот это случилось. Почему бы тебе не обратиться к психиатру?

У суфиев свои методы. Они говорят: «Действуй совершенно по-другому, и не только другие будут удивлены: ты сам будешь удивлен». Даже мелочи покажутся вам удивительными. К примеру, когда вы нервничаете, вы идете быстро. Не иди быстро, иди очень медленно и наблюдай. Вы удивитесь тому, что это не подходит, что все ваше механическое сознание сразу скажет вам: «Что ты делаешь? Ты так никогда не делал!» И если вы пойдете медленно, вы будете удивлены: нервное возбуждение исчезнет оттого, что вы привнесли в него что-то новое.

Таковы методы випассана и задзен. Если вы идете в них глубоко, вы понимаете, что в основе своей это одно и то же. Если в процессе ходьбы вы будете выполнять випассану, вам придется идти медленнее, чем когда-либо прежде, так медленно, что это будет абсолютно новым. Все эти ощущения будут новыми, и ваш реагирующий ум не будет функционировать. Он не сможет функционировать, так как он лишен программы для этого; он просто прекратит функционировать.

Вот почему, выполняя випассану, наблюдая свое дыхание, вы ощущаете такое спокойствие. Вы всегда дышали, но никогда не наблюдали за этим; а это уже нечто новое. Когда вы сидите в молчании и просто наблюдаете свое дыхание – вдох, выдох, вдох, выдох – ум ощущает смущение: что вы делаете? Ведь раньше вы никогда не делали ничего подобного. Это столь ново, что ум не может немедленно отреагировать на это. Поэтому он погружается в молчание.

Основной принцип тот же. Суфий ли вы, буддист, индуист или мусульманин, – это не важно. Если вы идете глубоко в медитацию, вы поймете одну важную вещь: как деавтоматизировать себя.

Гурджиев делал странные вещи со своими учениками. Иногда к нему приходили люди, которые всегда были вегетарианцами, и он обычно говорил им есть мясо. Здесь действует тот же самый основной принцип. Он обычно говорил им есть мясо. Понаблюдайте за вегетарианцем, который ест мясо. Все его тело хочет избавиться от него, его тошнит, весь его ум озадачен и смущен, и он покрывается испариной, оттого что ум не в состоянии справиться с этим.

Именно это хотел увидеть Гурджиев – как вы будете реагировать на новую ситуацию. Человеку, который ни разу не пробовал алкоголя, Гурджиев обычно говорил: «Пей. Пей столько, сколько сможешь».

А человеку, который постоянно принимал алкоголь, Гурджиев обычно говорил: «Прекрати пить хотя бы на месяц. Полностью прекрати».

Ему хотелось создать некую ситуацию, которая была бы столь нова для ума, что ум просто погрузился бы в молчание; у него нет ответа на это, нет готового ответа на это.

Ум функционирует как попугай.

Вот почему Мастера дзен время от времени бьют своих учеников. Это тот же самый основной принцип. И когда вы идете к Мастеру, можете ли вы ожидать, что будда ударит вас? Когда вы идете к будде, вы идете в ожидании того, что он будет сострадательным и нежным к вам, что он согреет вас любовью и положит руку вам на голову. А этот будда нанесет вам удар – он возьмет свой посох и больно ударит вас по голове. Это такой шок – будда, который бьет вас. На мгновение ум останавливается: он не знает, что делать, он не работает.

И в этом не-функционировании – начало. Временами человек становится просветленным оттого, что Мастер совершил нечто абсурдное.

У людей есть ожидания, люди живут ожиданиями. Они не знают о том, что Мастера не соответствуют никаким ожиданиям.

Индия привыкла к Кришне, Раме и подобным людям. Затем явился обнаженный Махавира. Нельзя представить себе обнаженного Кришну; он всегда носил красивые одежды, самые красивые одежды. Он принадлежал к самым красивым людям; он обычно носил украшения, сделанные из золота и алмазов.

И вот внезапно явился обнаженный Махавира. Что он этим хотел сказать? Он шокировал всю страну, и он помог многим людям посредством этого шока.

Каждому Мастеру необходимо решить, как шокировать людей. В Индии на протяжении многих веков не было человека, подобного мне. Что бы я ни делал, что бы я ни говорил, это всегда шок. Вся страна впадает в шок; великая дрожь потрясает спинной хребет всей страны. Я получаю истинное удовольствие от этого, потому что они не могут подумать...

Я только что получил письмо, в котором говорится: «Мы всегда считали, что ты выше политики. Тогда зачем ты начал говорить о политике?»

Оттого, что я выше ее. Кто еще сможет говорить о ней? Те, кто внутри нее, не могут говорить о ней – это сторонники политики.

Человеку, который стоит на вершине холма, гораздо лучше видна долина внизу. Птица, парящая в небе, видит все, что происходит на земле; у нее больше перспективы, шире кругозор.

Я обладаю лучшим зрением, потому что я больше не часть долины. Я могу видеть то, что происходит в долине, я могу видеть то, что происходит в Нью-Дели, потому что я высоко над ним. Однако для индийского склада ума характерны привычные ожидания. От святого не ждут, что он будет говорить о политике. Но, на самом деле, святой никогда не следует чьим-либо ожиданиям.

Я здесь не для того, чтобы удовлетворить ваши ожидания. Если я выполню ваши ожидания, я никогда не смогу трансформировать вас. Я здесь для того, чтобы разрушить ваши ожидания. Я здесь для того, чтобы шокировать вас. В этом шокирующем переживании ваш ум остановится. Вы не сможете понять это – а это уже та точка, где нечто новое вступит в вас.

Иногда я говорю нечто такое, что, по мнению индийцев, не следует говорить. Но кто вы, чтобы решать, о чем мне следует говорить и о чем мне не следует говорить? И, естественно, когда что-то противоречит их ожиданиям, они сразу реагируют в соответствии со своей прежней обусловленностью.

Те, кто реагирует в соответствии со своей прежней обусловленностью, упускают суть. Те, кто не реагирует в соответствии со своей прежней обусловленностью, погружаются в молчание, попадают в новое пространство.

Я говорю со своими учениками: я пытаюсь ударить их тем или иным способом. Я делаю это умышленно. Когда я критикую Морарджи Десаи, это не столько касается самого Морарджи Десаи, сколько Морарджи Десаи, который внутри вас, потому что в каждом человеке скрыт политик. Нанося удар по Морарджи Десаи, я бью по Морарджи Десаи, который внутри вас, по политику внутри вас.

В каждом человеке скрыт политик. Политик означает желание доминировать, желание быть первым. Политик означает честолюбие, честолюбивый разум. И если, когда я бью по Морарджи Десаи, вы чувствуете себя задетым и начинаете думать: «Этот человек не может быть истинно просветленным, иначе зачем он наносит удары, такие тяжелые удары по Морарджи Десаи?», это просто рационализация. У вас нет ничего общего с Морарджи Десаи: вы спасаете своего собственного Морарджи Десаи внутри вас, вы пытаетесь защитить своего собственного политика.

У меня нет ничего общего с Морарджи Десаи. Какое мне может быть дело до бедного Морарджи Десаи? Но у меня есть дело к политику, который внутри вас.

Суфии говорят, что человек – это машина, так как только машина реагирует в соответствии с программой, которую вложили в нее. Пусть ваше поведение будет откликом, и тогда вы не будете машиной. А не будучи машиной, вы становитесь человеком: тогда рождается человек.

Наблюдайте, будьте бдительны, созерцайте, постоянно отбрасывайте всевозможные реакции внутри себя. Каждое мгновение пытайтесь откликнуться на реальность – не в соответствии с готовой идеей внутри вас, но в зависимости от реальности, поскольку она снаружи. Откликайтесь на реальность! Откликайтесь всем своим существом, но не своим умом.

Потому что когда вы спонтанно откликаетесь, когда вы не реагируете, рождается действие. Действие прекрасно, реакция безобразна. Только человек осознанности действует, человек неосознанности реагирует. Действие освобождает. Реакция продолжает создавать те же самые цепи, постоянно делая их толще, и тяжелее, и крепче.

Пусть ваша жизнь будет жизнью отклика, а не жизнью реакции.

Четвертый вопрос:

Ошо, я так ужасающе уродлив, и я столько страдал от этого. Что мне делать?

Станьте политиком! Как-то на днях Субхути прислал мне доклад об одном опросе, проведенном в Лондонской школе исследователей, Лондонском Политехникуме. В исследовании говорится, что некрасивые люди глуповатого внешнего вида обладают большей привлекательностью на выборах. Было проведено исследование этой проблемы, и был сделан очень странный вывод – странный, но правильный.

Безобразные, глуповато выглядящие люди, неинтеллигентные люди обладают привлекательностью на выборах. Почему? Потому что они внешне так похожи на преобладающую массу людей, что эта масса думает, что этот человек составляет единое целое с ними. Красивый человек, человек интеллигентной внешности сразу воспринимается ими как часть аристократии. Естественно, он не человек из народа, он принадлежит к праздному классу. Народные массы воспринимают его как врага.

Вы спрашиваете: *я так ужасающе уродлив...*

Используйте это, это большое преимущество: станьте политиком. Именно в Индии вы сможете увидеть всевозможных безобразных людей. Очень редко можно встретить политика, который бы интеллигентно выглядел, был бы красив, статен, который обладал бы изяществом и шармом. Нет – чем он безобразнее, тем больше у него возможностей стать представителем народных масс, потому что массы будут чувствовать некое сходство с ним, глубокое сходство и гармонию. Он будет принадлежать им, они будут принадлежать ему. Он станет одним из них.

Вероятно, это была одна из причин, почему Индира Ганди потерпела поражение на последних выборах. Она обладает шармом, она обладает утонченной красотой и изяществом. Она была единственным в Индии политиком, который выглядел изящно и интеллигентно; на смену ей пришли отвратительные люди. Но в этом, возможно, скрыта психологическая причина: она аристократична.

Восстание, которое произошло в Индии, может служить подтверждением исследования, проведенного в Лондонском Политехникуме.

Ее отец был красивым мужчиной, одним из самых красивых мужчин в мире. Он имел влияние на всех индийских политиков; затем она пришла к власти. Она аристократка. И постепенно народные массы начали ощущать, что они не управляют страной, что их люди не управляют страной. На этот раз они выбрали очень глупых, спокойных людей, старых и отвратительных. И они выбрали их по особой причине: они прекрасно гармонируют с народными массами, они – точная копия этих масс. Теперь они уже не смогут помочь этой стране, поскольку стране в состоянии помочь только интеллигентные люди.

Но всегда помните: чем больше говорили о социализме во всем мире, тем больше аристократов разного типа теряли свое влияние в международных делах. Они могли бы помочь. Помните, существует множество типов аристократов. Это не только обусловлено богатством и происхождением: человек с более высоким коэффициентом умственного развития принадлежит к аристократии от интеллигенции. Если же распространяется идея о том, что все равны, хотя, в действительности, равенства нет... Существуют люди, имеющие очень низкий коэффициент умственного развития, и есть люди с очень высоким коэффициентом умственного развития, и они не равны. Они очень далеки, как могут быть далеки люди.

Есть безобразные люди, и есть красивые люди – и это опять-таки аристократы. И если распространяется идея... она получила широкое распространение в мире. Маркс создал один из величайших мифов: миф о равенстве. Люди не равны. Но стоит идее распространиться, как возникает великая зависть. Кто бы ни стоял над вами, его необходимо стащить вниз, он должен стать равным вам, так как все равны. И если они не равны, их надо сделать равными.

В этом мире, постепенно, шаг за шагом приобретают влияние люди низкой интеллигентности. Это происходит во всем мире. Но люди низкой интеллигентности не могут решить всех проблем. Люди низкой интеллигентности не в состоянии решить проблемы, так как проблемы слишком большие. Чтобы решить их, нужна разумность, нужна большая разумность: проблемы очень сложны. Это не вопрос равенства. Мир должен будет прислушаться к интеллигентным людям, мир должен будет прислушаться к людям, которые обладают проницательностью, которые могут создать будущее.

Но если кто-нибудь когда-нибудь захочет создать новое будущее, это будет противоречить привычкам масс, их древним обычаям, их религиозным предрассудкам. Тот, кто готов и хочет принять эти религиозные предрассудки и традиции, без труда станет влиятельным политиком; он станет могущественным.

Так случилось в Индии, так случилось во всем мире. Люди, которые легко приспосабливаются к суеверным массам и которые выглядят точно так же, как и они, станут более влиятельными. Это очень опасно. Но это, по-видимому, происходит все чаще и чаще, и мир все больше и больше приближается к катастрофе. Этого можно избежать только в том случае, если люди будут прислушиваться к интеллигенции. Если люди, в которых есть изящество, в которых есть немного молчания, люди, испытавшие нечто от не-ума, -- если они будут услышаны, мир будет спасен, человечество будет спасено. Иного спасения быть не может.

Это действительно сложная проблема. Как взяться за ее решение? Эти люди не будут услышаны; массы почувствуют, что эти люди против них.

Например, ко мне никогда не будут прислушиваться в этой стране. То, что говорю я, может открыть двери большому богатству, которое хлынет в эту страну. То, что говорю я, может превратить все ее беды и проблемы в перспективы. Но то, что я говорю, идет вразрез с суевериями, то, что я говорю, идет вразрез с обычаями. Если они прислушаются ко мне, они должны будут пойти против своих предрассудков, а это нелегко. Если они последуют своим обычаям и своим предрассудкам, они последуют за Морарджи Десаи и ему подобными. Они не в состоянии решить проблемы.

Именно поэтому потерпела фиаско Индира Ганди. Она пыталась решить проблемы. Она решилась на радикальные меры для того, чтобы изменить ситуацию в стране. Но эти меры слишком противоречили людям, их обычаям и их предрассудкам. Они противоречили их устоявшимся взглядам; и люди восстали против нее.

Вы спрашиваете меня: *Я так ужасающе уродлив, и я столько страдал от этого. Что мне делать?*

Все то, что я говорил, только шутка: пожалуйста, не становитесь политиком! Это отвратительные люди; в жизни так много отвратительных людей – более, чем достаточно, вам не следует беспокоиться о них.

Вы спрашиваете меня: *Что мне делать?*

Уродство никак не связано с вашим телом. Как не связана с ним и красота. Красота или уродство тела – очень поверхностные признаки, подлинная сущность исходит изнутри. Если вы можете стать прекрасными внутри, вы станете светящимися. Это происходило неод-

нократно: даже уродливый человек, когда он становится медитативным, начинает выглядеть красивым.

Я мог наблюдать это непрерывно, из года в год. Когда люди приходят сюда, у них совершенно другие лица. Когда они начинают медитировать, когда они начинают танцевать, когда они начинают петь, их лица расслабляются. Их напряжение ослабевает. Страдание, наложившее свою печать на их лица, постепенно стирается. Они становятся расслабленными, как дети. Их лица начинают светиться новой внутренней радостью, они становятся светящимися.

Физическое уродство или красота не очень важны. Подлинная сущность всегда внутри. Я могу научить вас, как стать красивым внутри, потому что это подлинная красота. Если она есть, ваша физическая форма уже не столь важна. Ваши глаза начнут светиться радостью; в вашем лице будет отблеск красоты. Форма станет нематериальной. Когда что-то начинает струиться изнутри, что-то прекрасное, тогда внешняя форма становится второстепенной. Она теряет свою относительную значимость; но пусть это не тревожит вас.

Все, что я говорил, – это была лишь шутка. Не стремитесь стать политиком, потому что, став политиком, вы станете еще уродливее. Верно и обратное: уродливые люди становятся политиками, а политики становятся еще уродливее. Вы неизбежно станете еще уродливее, поскольку весь мир политики – это непрерывная ссора, непрерывное насилие, непрерывное соревнование. Он сделает вас еще более напряженным, он сделает вас еще более уродливым, он сделает вас еще более безжизненным и глупым. Потому что только тупицы могут преуспеть в мире политики.

Ученые Лондонского Политехникума провели свое исследование только наполовину, мне бы хотелось, чтобы они продолжили его – для того, чтобы завершить вторую половину. Они сделали половину работы, установив, что политический успех более вероятен для уродливых и неинтеллигентно выглядящих людей. Другая половина работы помогла бы установить, что те, кто становится политиками, становятся все более и более уродливыми, они будут выглядеть все менее и менее интеллигентно. И это неизбежно, потому что все, что приносит успех, требует дальнейшего совершенствования – это естественно, очевидно. Все, что помогает вам преуспеть, станет вашим стилем жизни. Это другая половина исследования, которая показывает, что политики становятся безобразными.

Медитируйте, любите, танцуйте, пойте, празднуйте здесь вместе со мной, и уродство исчезнет. Привнесите в себя нечто более высокое, и низшее будет забыто, потому что все познается в сравнении, все относительно. Если вы можете привнести в себя нечто высшее...

Это подобно маленькой свече, горящей в комнате: внесите более крупный источник света в помещение – и маленькая свеча тут же утратит свое значение.

Пусть красота будет внутри вас, это легче. Я не могу помочь вам быть красивым поиному, я не пластический хирург. Вы можете найти пластического хирурга, который сможет помочь вам, но это ничего не изменит. Ваш нос, возможно, станет чуть-чуть длиннее, его форма улучшится, но это не очень вам поможет. Если ваша внутренняя сущность останется прежней, ваша внешняя красота будет просто показывать ваше внутреннее уродство; это станет контрастом.

Привнесите красоту вовнутрь.

Именно этим мы занимаемся здесь. Саньяса – это наука привнесения внутренней красоты, внутреннего блаженства, внутреннего благословения. Позвольте Богу излиться на

вас, и тело будет совершенно забыто. Тело станет удобрением, а вся ваша жизнь станет садом, и великолепные цветы, золотые цветы расцветут в вас.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Чистый объединяет
два воедино;
влюбленный объединяет
три воедино.

Но я боюсь,
как бы твое невежество и глупость
не остановили тебя на мосту.

Наделяя дарами
равно и веры, и мира,
он – не кто иной,
как провидение
наших жизней.
Он – не тиран:
ибо все, что взял,
он отдает семикратно;
и, закрыв для тебя одну дверь,
он открывает десять других.

Оберегая как зеницу ока,
он хранит тебя лучше тебя самого.
Встань, покончив со сказками;
и, оставив низкие страсти, –
приди ко мне.

Ты должен осознать,
что его руководство
не дает тебе сбиться с пути,
но не твоя собственная сила.

Жизнь существует благодаря двойственности. Сам процесс жизни зависит от полярных противоположностей. Жизнь подобна реке: для того, чтобы существовала река, нужны два берега. Река не может существовать без обоих берегов, поддерживающих ее, в точности как и птица не может летать без обоих крыльев, а вы – ходить без помощи двух ног.

Жизнь нуждается в двойственности. Вы найдете ее повсюду, пока не достигнете высшего. Высшее, абсолютное – или вы можете назвать это Богом – трансцендирует двойственность. Но тогда жизнь исчезает. Тогда вы становитесь невидимым. Тогда у вас нет формы, нет имени; тогда вы ушли в запредельное. Это нирвана.

Эти две вещи должны быть поняты: жизнь не может существовать без полярных противоположностей. Жизнь – это диалектический процесс: между мужчиной и женщиной, между тьмой и светом, между жизнью и смертью, между добром и злом. Жизнь не может существовать без этой двойственности; ее проявления невозможны без двойственности.

Поэтому можно понять и другое видение: если двойственность исчезает, исчезает и жизнь в том виде, как вы ее знаете. Жизнь во времени и в пространстве исчезает. Тогда открывается другая дверь. Вы движетесь на другой уровень: уровень невидимого, уровень непостижимого, уровень, на котором нет ни формы, ни имени. Все это остается, но непроявленным. Это называют нирваной, мокшей, окончательным состоянием самадхи, в котором исчезает все.

Если двойственность – это образ жизни, тогда не-двойственность – образ религии, потому что религия есть не что иное, как искусство трансценденции проявленных форм и перехода в непроявленное, в изначальный источник, из которого мы вышли и к которому мы стремимся. Потому что мы его часть. Где бы мы ни были, мы не чувствуем себя дома; что-то остается неисполненным. Нам по-прежнему недостает изначального источника, потому что только в источнике покой.

Сутры сегодняшнего дня необычайно ценны. Обдумайте каждое слово:

Чистый объединяет
два воедино;
влюбленный объединяет
три воедино.

Гностическая традиция утверждает, что есть два способа трансцендировать двойственность, множественность, постоянный конфликт между жизнью и смертью. Первый способ гностики называют *via purgativa:* «через чистоту». А второй способ они называют *via unitiva:* «через единство». Первый путь – путь медитации, второй – путь любви. Первый – дзен, второй – суфизм.

На пути медитации человек должен уничтожить, полностью опустошить себя. На пути любви человек должен следовать обратному процессу: становиться все более и более наполненным. Он становится наполненным и затем начинает переполняться.

На пути медитации человек должен так опустошить себя, чтобы ничего не осталось, чтобы стать чистым ничто. Вот почему Будда говорит, что души нет. Он говорит, что в высшем опыте находится лишь ничто, только лишь ничто. Это абсолютная пустота, состояние не-я: *анатта*. Вот почему он назвал его нирваной. Нирвана означает «задувание свечи» – эго просто исчезает, словно вы погасили свечу. Не остается ничего.

Лишь когда не остается ничего, остается чистота. Если что-то осталось – это не чистота. Когда на зеркале ничего нет, зеркало чисто: ни отражения, ни пыли, ничто не содержится в сознании. Не остается ничего, что можно познать – тогда человек чист. Это *via purgativa*: процесс уничтожения.

Упанишады говорят: «*Нети нети*: ни то и ни это». Продолжайте отрицать, продолжайте отвергать, продолжайте исключать до тех пор, пока ничего не остается. И когда вы достигли этой полной пустоты, вы достигли цели. Тогда все есть мир, все есть покой. Человек вышел за пределы двойственности, множественности.

В этом состоянии наблюдающий становится наблюдаемым. Между наблюдающим и наблюдаемым нет различия. Отсюда известное утверждение Джидду Кришнамурти: «Наблюдающий есть наблюдаемый» – это сама сущность медитации. Тогда больше нет двоих: познающего и познанного, субъекта и объекта. Есть лишь единство. Но вы даже не можете назвать это единством, потому что нет никого, кто назвал бы это единством. Есть единство, но совершенно безмолвное и спокойное. Есть единство, но нет никого, чтобы его провозгласить. Есть единство, подразумевающее, что все отсутствует, а не присутствует.

Именно это утверждает Хаким Санаи:

Чистый объединяет
два воедино...

Наблюдатель и наблюдаемый. «Чистый» означает «человек медитации». Чистый – это тот, кто пытался пойти путем *via purgativa*, тот, кто освободил себя от всего чужеродного, кто продолжает исключать все, что не является его подлинной сущностью. И тогда в руках остается ничто.

Именно это говорят люди дзен. Они говорят, что человек подобен луковице: вы очищаете слой за слоем, продолжаете чистить луковицу, и, наконец, не остается ничего – остается ничто. Но это и есть предмет поиска. Когда руки пусты, остается ничто, и вы достигли цели. Теперь не может быть несчастья, потому что нет никого, кто был бы несчастен. Теперь не может быть боли, потому что нет никого, кто чувствовал бы боль. Теперь нет ни знания, ни невежества, потому что нет знающего. Теперь нет ни рабства, ни свободы, потому что нет никого, кто был бы порабощен или освобожден. Все ушло, все исчезло. Вы снова припали к источнику.

Выраженного больше нет; вы стали невыраженным. В таком состоянии вы больше не мужчина или женщина, в таком состоянии вы не счастливы или несчастливы, потому что все это составные части двойственного мира: счастливый/несчастливый, мужчина/женщина, красивый/уродливый, хороший/плохой. Все это исчезло. Вы ни добры ни злы. Дьявола больше нет, и Бога больше нет – это часть двойственности, той же самой двойственности. Но в двойственности всегда напряжение, в двойственности всегда конфликт. В двойственности всегда есть другой.

И люди дзен согласятся с Жан-Полем Сартром, когда он говорит: «Другой – это ад». Люди дзен тоже говорят: «Да, другой – это ад, другой должен исчезнуть». Но другой может исчезнуть, лишь если исчезнете вы. «Я» и «ты» существуют как две стороны одной монеты. Если исчезнет «ты», то исчезнет и «я», если исчезнет «я», то исчезнет и «ты». Они не могут существовать по отдельности; они часть одного явления. Значит, не существует ни «я», ни «ты».

Вот почему Будда ничего не говорит о душе или Боге. Он идет самым чистейшим путем медитации. И это всегда приводило в замешательство других, не понимающих путь целомудрия. Будда называл этот путь *вишудхи марга*. Это в точности то же, что и *via purgativa*: путь целомудрия.

Христиане, индуисты и мусульмане не могут понять то, что пытается сказать Будда. Нет Бога, нет души – тогда что такое религия? И Будда говорит нам, что это состояние, когда нет ни Бога, ни души, есть религия. Христиане, мусульмане или индуисты не в состоянии понять, о какого рода религии он говорит, поскольку религия представляется им сконцентрированной вокруг идеи Бога. Возможно ли существование религии без Бога?

Однако существует такая религия, как джайнизм, в которой нет Бога. Джайны согласны с Буддой в том, что Бога нет. Но когда Будда говорит, что нет души, даже джайны не соглашаются с ним. Они говорят: «Возможна ли религия без души?» Христиане, индуисты и мусульмане говорят: «Без Бога и без души не может быть религии; это ее неотъемлемые части». И Будда говорит: «До тех пор, пока они не отброшены, вы не войдете в мир религии. Это два препятствия».

Джайны говорят: «Бога можно отбросить, это ненужная гипотеза. Нужно лишь очистить себя, и это все. Нет никакой необходимости в Боге, нет никакой необходимости в священниках, нужна только медитация. Продолжайте очищать себя». Они согласны с Буддой наполовину. И они также наполовину согласны с индуистами, мусульманами и христианами.

Вот почему, несмотря на то, что буддизм и джайнизм появились в Индии одновременно, индуисты полностью уничтожили буддизм. Они не уничтожили джайнизм, они позволили ему сосуществовать с ними бок о бок. Потому что джайнизм, по крайней мере, соглашается с ними в одном существенном вопросе: о душе. Будда в глазах индуистов заходит слишком далеко, отрицая и то, и другое.

Но это важное утверждение: если Бога нет, тогда не может существовать и душа. «Я» и «ты» могут существовать только в паре. Они существуют как пара, их нельзя разъединить. Что будет означать слово «я», если нет «ты»? Оно ничего не будет означать. Оно потеряет смысл; свое значение оно получает только благодаря существованию другого. Что будет значить свет, если нет темноты? И что будет означать жизнь, если нет смерти?

Взгляните на двойственность языка. Весь язык двойствен: слово получает свое значение от слова с противоположным значением. Может показаться странным то, что значение определяется словом с противоположным смыслом. Свет имеет смысл только благодаря темноте, любовь имеет смысл только благодаря ненависти, сострадание имеет смысл только благодаря гневу, а святой имеет смысл только благодаря грешнику. Монастырь наполняется смыслом благодаря миру. Странно, но это именно так. Слова зависят от антонимов.

Если, взяв философский словарь, вы захотите узнать, что такое материя, вы найдете ответ: «То, что не ум». И если вы захотите узнать, что такое ум, вы найдете ответ: «Не материя». Это абсурдно. Вы даете определение материи, говоря: «Не ум», и вы даете определение уму, говоря: «Не материя». Видимо, вы не знаете, что такое материя и что такое разум. Никто не знает.

Язык определяется двойственностью – так же, как и вся жизнь определяется двойственностью. Язык рождается из жизненного опыта; он коренится глубоко в жизненном опыте. Именно поэтому истина невыразима.

И Лао-цзы прав, когда он говорит: «В то мгновение, когда вы произносите слово истины, она становится ложью. Произнесите слово – и вы исказите его смысл. Дао, которое

может быть высказано – не истинное Дао. Истина, которая может быть выражена – больше не истина. Бог, который может быть сформулирован, определен – больше не Бог».

Он говорит, что язык коренится в двойственности, а истина трансцендентальна по отношению к двойственности: о ней нельзя сказать ничего.

Вот почему Будда ничего не говорит об истине – хотя бы «да» или «нет». Он даже не кивает головой. Если вы спросите его об истине, он будет молчать, как каменная статуя. От него не придет ответа – никакого ответа, ни положительного, ни отрицательного, будто он не слышал того, о чем вы его спросили. Он слышал, но сказать что-нибудь было бы неправильно. Любой ответ будет неверным. Даже сказать, что ничего нельзя об этом сказать, будет неверно, потому что вы уже сказали нечто. «Ничего нельзя сказать об истине» – это уже высказывание, которое определяет ее, выражение, которое передает ее смысл.

Будда – самый непонятый человек в мире. В чем причина? – он выбрал путь негативного, путь опустошения себя, путь исключения. Он есть самая чистая форма медитации, в которой два становятся одним. Когда два становятся одним, ничего нельзя сказать. Он даже не может танцевать, поскольку танец был бы высказыванием. Он даже не может петь, поскольку пение было бы высказыванием. Он не может дать ни косвенного указания, ни даже жеста. Он совершенно спокоен. Он просто чистое молчание. Если у вас есть глаза, чтобы видеть, вы сможете увидеть. Если у вас есть сердце, чтобы понять, вы поймете. Но он совершенно недоступен миру языка и общения.

Хаким Санаи говорит:

Чистый объединяет
два воедино;
влюбленный объединяет
три воедино.

Он говорит: «А что же влюбленный? Его единство гораздо богаче, поскольку он объединяет троих воедино: любящего, любимого и любовь». Его единство – своего рода триединство. Это второй путь – путь преданного, бхакти, суфия, влюбленного. И Санаи говорит, что это единство значительно богаче, чем дорога целомудрия. Из-за единства трех влюбленный обретает богатство, он наполнен соками жизни. И, поскольку это путь любви, он не отрицает, он утверждает.

Путь медитирующего говорит: «*нети нети*» – «ни то, ни другое». Путь любви говорит: «ити ити» – «и то, и другое». Любовь принимает, она утверждает, она приветствует, она позитивна. Она не опустошает человека; скорее, она наполняет его Возлюбленным. Она приглашает Бога, она становится гостеприимным хозяином. И тогда рождается единство, но это не единство исчезновения наблюдающего в наблюдаемом или наблюдаемого в наблюдающем. Это не единство исчезновения; это оргазмическое единство. Оно подобно движению двух любовников к вершине страсти – когда они растворяются друг в друге, – но они есть: они реальнее, чем когда-либо.

Приходилось ли вам наблюдать это? Если кто-то очень нежно берет вашу руку в свою руку, тепло, любовно и заботливо сжимает ее, неожиданно рука оживает. В ней пульсирует новая радость. Всего лишь мгновением раньше вы, возможно, не осознавали своей руки. И вот рука ожила, она более жива, чем любая другая часть вашего тела. Рука становится весомее, она становится все теплее и теплее. Она чувствует радость другого, приветствую-

щего вас, она чувствует радость другого, вливающего ее в вас; она начинает откликаться. Она вибрирует, она пульсирует, она струится.

Психологи говорят, что ребенок, которого никогда не обнимали родители, остается мертвым. Его тело никогда не оживет. Ребенок нуждается в том, чтобы его обнимали. Ребенок нуждается в том, чтобы его обнимали снова и снова, ласкали и целовали. Иначе он никогда не познает жизнь, пульсирующую в его теле. Он останется холодным в буквальном смысле слова, потому что он никогда не ощутит тепло, льющееся в него. Если он не ощутит тепло, вливающееся в него, он не сможет ответить на него своим собственным теплом. Его тепло должно быть вызвано, спровоцировано.

Но наш мир все чаще и чаще отказывается любить, ласкать, обнимать. Люди продолжают жить по отдельности, люди живут, сохраняя дистанцию. Даже если они стоят рядом в поезде, соприкасаясь телами, они сохраняют дистанцию и отчуждение. Это прикосновение должно остаться холодным, потому что, если прикосновение становится теплым, другой может почувствовать себя оскорбленным. Вы перешли границы, вы вступили на его территорию, – как вы посмели! Тела могут соприкасаться, но души не должны соприкасаться. Тела могут соприкасаться, но они должны соприкасаться так, как соприкасаются трупы; они не должны становиться теплее, они не должны откликаться.

Так возникает заключенный изолированный человек, который живет, словно в могиле, который живет в холодном мире, темном и холодном.

Когда кто-то обнимает вас, и это объятие не пустое движение, не пустой жест, когда объятие настоящее и подлинное, и оно вливает в вас любовь другого, ваша энергия любви возрастает. Ваше тело становится более живым, вы чувствуете совершенно другое качество жизни. Вы начинаете двигаться к оптимуму. Обычно люди живут минимумом. Они живут монотонной жизнью, их жизнь лишена остроты – ее не может быть без любви.

Я говорю вам: наблюдайте за своим телом: что происходит в то мгновение, когда вы с любовью кого-то обнимаете? Та часть тела, которой коснулась любовь другого и которая ощущает любовь другого, оживает. Любовь дает такую жизнь, которую не может дать ничто другое.

Медитирующий холоден. Не случайно Будда – первый человек, запечатленный в мраморных статуях. Он первый, и мрамор как нельзя лучше подходит ему. Он холоден, как мрамор, и, конечно, столь же молчалив. Но он более статуя, чем человек.

Вы не сможете создать изваяние суфия, потому что оно не может выразить его танец, изваяние не может выразить его песню, изваяние не может выразить его любовь, его молитву, его благодарность. Его экстатическое безумие не может воплотиться в статуе. Можно создать лишь статую медитирующего. Медитирующий – это статуя, холодная, безмолвная, пустая. В пустоте есть чистота, это верно, однако ей чего-то не хватает. Ей не хватает богатства, ей не хватает жизни, ей не хватает оргазмической радости.

Именно это происходит с людьми, которые выбрали путь *via unitiva*: их путь – через оргазмическое единство. В точности, как двое любовников, обнимающих друг друга, проникающих друг в друга – не только физически, но и духовно – растворяются друг в друге, и возникает некое единение... Два индивидуума становятся одним. И когда два индивидуума становятся одним, фактически, три вещи становятся едины: любящий, возлюбленный и любовь.

Для любовников любовь – это очень осязаемое явление. В действительности, любящий и возлюбленная – ничто по сравнению с реальностью любви. Любовь гораздо более реаль-

на, чем их существование отдельно друг от друга. Поэтому когда встречаются любовники, встречаются три вещи.

В ознаменование этого мы создали в Индии священное место, Прейаг, где, как говорят, встречаются три реки. Две из них видимы, третья – невидима. Первая река – Ганг, ее хорошо видно; другая – Ямуна, также видимая, и третья, Сарасвати – река, которую никто не видит. Она здесь – и нужно лишь поверить в это; это невидимая река.

Ученому это может показаться абсурдом. Может ли существовать невидимая река? Никто никогда не видел ее, но индусы продолжают утверждать, что там встречаются три реки: две из них – от этого мира, третья – от иного. Две реки принадлежат земле, третья – запредельному.

Такова подлинная метафора любви. Когда встречаются двое возлюбленных, встречаются три вещи, встречаются три энергии: две из них рождены этой землей, третья – запредельным. Две видимы, вы можете видеть любящего и его возлюбленную, но вы не сможете увидеть любовь, которая обладает гораздо большей ценностью, чем он и она, вместе взятые. Действительно, благодаря третьему элементу встречаются первые два, в третьем растворяются два первых. Когда же растворяются два первых, растворяется и третий – но это совсем другое явление.

Бахауддин совершенно иной, нежели Будда, Хаким Санаи совершенно иной, нежели Сосан. А разница такова: Будда совершенно пустой, Бахауддин до предела наполнен. Будда спокоен и холоден, отчужден, отрешен и безмолвен. Бахауддин танцует в безмерном экстазе. Будда – это просто покой. Бахауддин – это также и блаженство: покой вторичен, блаженство первично. В Будде покой первичен, счастье – вторично. В Будде виден покой, блаженство остается невидимым. В Бахауддине танцует блаженство – очень видимое, осязаемое, вы можете почти прикоснуться к нему, – но покой останется скрытым, покой станет лишь тенью. Вы сможете лишь предположить о его существовании; вы можете догадаться о нем, но не можете прикоснуться к нему.

В Сосане вы найдете чистоту, но и пустоту. А в Санаи вы почувствуете исполненность, предельную исполненность, переполнение.

Есть два способа встретиться с запредельным: либо совершенно исчезнуть, как Будда, либо стать тотальным, как суфий или бхакта.

Чистый объединяет
два воедино;
влюбленный объединяет
три воедино.

Вот почему Санаи называет свой путь «путем сада». Путь медитирующего лежит через пустыню. Пустыня обладает особой красотой: если вы побываете в пустыне ночью, вы найдете там такую прохладу, какой вы не встречали нигде; в пустыне есть безмерное молчание, великое молчание; в ней есть бесконечность. У пустыни собственный вкус. Если вы бывали в пустыне один, под куполом усыпанного звездами неба, вы больше нигде не найдете столь полного одиночества.

Ни одно другое место на земле не наполнено одиночеством в такой же мере, как пустыня. Здесь нет разнообразия, здесь нет ничего отвлекающего внимание. Здесь не увидишь ничего нового на протяжении многих миль, однообразие тянется здесь до черты горизонта. Здесь нечего видеть; если вы хоть однажды видели пустыню, вы видели все

пустыни. Здесь все однообразно: одна и та же декорация, устремившись к горизонту, теряется за ним. Ничто не нарушает этого однообразия.

Вот почему многие медитирующие ушли в пустыню. Веками люди уходили в пустыню. Их привлекало молчание и красота пустыни. Ничто не отвлекает, ничто не движется, все предельно спокойно. Лишь смерть может быть столь же спокойна, как пустыня. В ней есть особая красота – но нет богатства и разнообразия.

В саду есть разнообразие: здесь много деревьев, много зеленой листвы, много цветов, много разных красок, поют птицы, шумят ручьи, журчит вода и ветер раскачивает ветки сосен. Тысяча и одно событие здесь происходят одновременно. Сад наполнен, пустыня пуста.

Духовная жизнь медитирующего становится подобной пустыне, а духовная жизнь влюбленного становится подобной саду. Вот почему Санаи назвал эти сутры *Хадика* – Сад.

И все же это зависит от вас. Кто-то может любить пустыню больше, чем сад, и это определит его путь. Он не совершает никакой ошибки, и он должен идти этим путем дальше. Он должен заглянуть внутрь самого себя и увидеть свой потенциал, свои возможности, свои склонности.

Возможно, для вас пустыня станет садом, или сад станет пустыней, поскольку пища одного человека – это яд для другого. Именно Санаи говорит, что мир влюбленного гораздо богаче – но это влюбленный рассказывает о своем мире, помните об этом.

Но я боюсь,
как бы твое невежество и глупость
не остановили тебя на мосту.

Санаи говорит: «Но помните одно...» Каждый Мастер говорил об этом, потому что проблема возникает на одном и на другом пути. Проблема в том, что человек может остановиться на мосту. Медитирующий привыкает к медитации, и он может остановиться на мосту. Влюбленный привыкает к любви, и тогда он останавливается на мосту. Любовь – это мост, медитация – это мост. Ваша цель – оказаться по ту сторону моста.

В этой окончательной стадии медитирующий должен отбросить свою медитацию, а влюбленный – свою любовь. В противном случае, добравшись до двери храма, вы не сможете войти в него. Метод должен быть забыт.

Будда говорил, что каждый метод подобен плоту, лодке: воспользуйтесь ею, чтобы перебраться на другой берег, но затем оставьте ее, забудьте о ней и продолжайте свой путь. Вам не нужно тащить плот у себя на голове. Если вы несете на голове плот, вы просто глупец.

Но именно это и происходит: миллионы людей привыкают к своим методам. Метод может вызвать привыкание, потому что он дает такие прекрасные переживания. Последнее препятствие – это метод, последнее препятствие – это мост.

Поймите суть – она парадоксальна. Мост позволяет вам перебраться на другую сторону: несомненно, это помощь, и вы должны быть благодарны за нее, вы должны быть признательны за нее. Но он же может стать и проблемой. Возможно, вы влюбитесь в мост и сделаете его своим домом. И если вы начинаете жить на мосту, вы не принадлежите ни этому берегу, ни другому; вы оказываетесь в своего рода преддверии. Среди религиозных практиков немало людей, живущих в преддверии ада, – они не принадлежат ни этому миру, ни другому. Они стали зависимы от своего моста.

Мост прекрасен! Отсюда страх Санаи. Санаи говорит: *Я боюсь...*

Но я боюсь,
как бы твое невежество и глупость
не остановили тебя на мосту.

Каждому ученику нужно сказать: «Однажды метод, который так помог тебе, должен быть отброшен. Когда работа окончена, не носи его с собой ни мгновением дольше. Когда болезнь ушла, ты должен отбросить лекарство. Если ты будешь продолжать, лекарство станет твоей болезнью.

Все методы остаются методами, все средства остаются средствами. И если ты хочешь достичь цели, ты должен отбросить все средства и методы. Это единственный путь к высшему. Влюбленный должен будет забыть все о любви, медитирующий должен будет забыть все о медитации. Да, наступит момент, когда медитирующий не будет медитировать, потому что он сам станет медитацией; теперь медитация для него – не отдельная деятельность. И наступает мгновение, когда влюбленный не любит, потому что он становится самой любовью. Нет никого, отдельного от любви, любовь стала его существом – и он забыл о ней.

Великий индийский суфий, Кабир, говорит:

С того дня, когда я встретил своего Господа,
нет конца веселью нашей любви...
Я смотрю открытыми глазами и улыбаюсь,
повсюду приветствуя его красоту.
Я произношу его имя, и, что бы я ни видел –
напоминает мне о нем; и, что бы я ни делал –
становится служением ему...
Куда бы я ни шел – я иду к нему,
все, чего я достиг – его услуга.
Когда я лежу,
я припадаю к его стопам...
Встаю ли я, или сажусь, – мне уже никогда
не забыть о нем, потому что ритм
его музыки звучит у меня в ушах.

Мало-помалу, постепенно все, что вы делаете, становится вашей молитвой, вашим поклонением. Все, что вы есть, становится вашей медитацией.

Кабир говорит:

Я смотрю открытыми глазами и улыбаюсь,
повсюду приветствуя его красоту.
Я произношу его имя, и, что бы я ни видел –
напоминает мне о нем; и, что бы я ни делал –
становится служением ему...
Куда бы я ни шел – я иду к нему,
все, чего я достиг – его услуга.

Каждое действие преданного или медитирующего становится наполненным его медитацией и любовью. Мало-помалу делающий исчезает. В точности подобно деревьям, непринужденно цветущим, медитирующий непринужденно медитирует? и любящий непринужденно любит.

Но человеческая глупость может создать проблемы.

Один суфийский Мастер, Наджмайни, прогнал одного из своих учеников со словами:

– Твоя верность испытана. Она столь непоколебима, что ты должен уйти.

Ученик сказал:

– Я уйду, но мне непонятно, как верность может быть причиной моего изгнания.

Наджмайни сказал:

– Мы проверяли твою верность три года. Твоя верность бесполезным знаниям и поверхностным выводам безгранична. Поэтому ты должен уйти.

Верность бесполезному глупа. Верность не всегда хороша, она не безусловно хороша. Верность бесполезному – опасная вещь. Есть люди, верные своей глупости, верные своим предрассудкам, не осознающие своего невежества, привязанные к тому, что они накопили. Она бесполезна. Она может быть даже вредной, ядовитой. Но люди цепляются за то, что имеют; они не хотят этого отпустить.

Поэтому что говорить о прекрасных переживаниях, духовных переживаниях? Люди привязываются даже к своему несчастью, они не могут отбросить даже его. Они продолжают страдать, но они не могут отбросить страдание, они не могут отстраниться от своего несчастья. Что же можно сказать об экстатических переживаниях медитации и любви? Это опасно.

Если человек так тесно сживается со своей болью, он может легко привыкнуть к приятным, чрезвычайно приятным переживаниям, которые происходят с ним на пути медитации и любви. Человек может остановиться на мосту: помните об этом! Нет настолько ценных методов, чтобы за них стоило цепляться. Используйте их, но используйте мудро. Пользуйтесь ими, если они могут быть полезны, пользуйтесь ими, если они помогают вам расти. Отбросьте их в то мгновение, когда обнаружите, что они больше не могут помочь вашему росту. Тогда они должны быть отброшены.

Мастер необходим по многим причинам. И это также потребность, очень существенная потребность ученика – чтобы в нужный момент ему подсказали: «А теперь остановись, довольно. Ты использовал этот метод, он очень помог тебе, но если ты понесешь его дальше, он может принести вред».

Люди живут невероятно глупо, и если вы понаблюдаете за их жизнью, вы будете удивлены. Как им это удается? Как они ухитряются обманывать самих себя?

Однажды мне рассказали:

Два ирландца-католика ремонтировали подземные коммуникации напротив хорошо известного публичного дома. Они могли беспрепятственно наблюдать за улицей, оставаясь незамеченными.

Мимо прошел раввин. Он оглянулся по сторонам, чтобы удостовериться в том, что за ним никто не наблюдает, и быстро скрылся в доме. Пэт, повернувшись к Майку, сказал:

– Взгляни на этого грязного еврея, переступающего порог этого притона зла!

Через несколько минут они увидели священника-методиста, который внимательно огляделся, прежде чем тоже зайти в дом. И Пэт опять обратился к Майку:

– Взгляни на этого варвара, крадущегося в обитель зла!

И вот, приблизительно через час, на сцене появился не кто иной, как приходской священник, который также пристально посмотрел во все стороны, прежде чем войти в дом. Пэт обратился к Майку:

– Бедный отец О'Тул! Интересно, кто в этом месте так тяжко болен?

Сейчас все по-другому. Когда речь идет о вашем собственном священнике, вся интерпретация меняется. Это глупость. Если вы не в состоянии увидеть свои предрассудки, привязанности и привычки – это глупость. Человек действительно очень глуп.

Это иллюстрирует небольшая притча. В ней говорится о том, что если пустить крысу в клетку, состоящую из многих отделений, и в отделении номер семь положить маленький кусочек сыра, крыса, обыскав все отделения, найдет сыр в отделении номер семь. Вы делаете это один раз, другой, третий, – и тогда крыса немедленно направляется в отделение номер семь. Она знает, где лежит сыр.

Когда крыса привыкает, что сыр в седьмом отделении, вы меняете место: теперь вы кладете сыр в отделение номер три. Крыса побежит в отделение номер семь, осмотрит его, не найдет сыра, будет немного озадачена, оббежит всю клетку и начнет искать в других направлениях. Раз или два она заглянет в седьмую комнату, не теряя надежды. И все же, рано или поздно, она найдет сыр в комнате номер три и перестанет заглядывать в седьмой номер.

Но не так с человеком. Он будет по-прежнему заходить в седьмой номер всю свою жизнь! Даже если он не найдет там сыра, это неважно. Его верность, его преданность номеру семь, его постоянство безграничны: как он может ему изменить?

Христианин посещает церковь независимо от того, получит он там сыр или нет. Индуист идет в индуистский храм, хотя сыр исчез в нем тысячи лет тому назад. Буддист продолжает поклоняться Будде – да, сыр был в его храме, но с тех пор прошло двадцать пять веков. Сейчас этот сыр здесь!

Таков человек. Человек – самое глупое животное на земле. Ни одно другое животное не отличается такой глупостью; все животные в этом отношении умны, разумны. Невозможно предположить, что крыса будет бесконечно бегать в номер семь, лежит ли там сыр или нет. Крыса, по крайней мере, внимательна – если сыра там нет, конец поискам! Какой смысл продолжать цитировать Коран, если вы не находите в нем никакого сыра? Однако ваши отцы цитировали Коран... и они тоже не находили в нем сыра, но они цитировали Коран, потому что это делали их отцы.

Теперь взгляните: вы будете заглядывать в седьмой номер, ваши дети тоже будут заглядывать в седьмой номер, и дети ваших детей, и так до бесконечности. Это глупость!

Один странствующий дервиш подбежал к суфийскому Мастеру, сидевшему в глубоком созерцании, и сказал:

– Скорее! Мы должны что-то предпринять. Обезьяна только что схватила нож.

– Не нужно волноваться, – сказал Мастер, – раз это был не человек.

Когда дервиш снова взглянул на обезьяну, он увидел, что она, конечно, уже выбросила нож.

Животные обладают своим особенным внутренним разумом. Ни одно животное не отличается такой глупостью, как человек. И причина в том, что ни одно животное не живет го-

ловой. Животные живут своим опытом, вы живете своей головой. Вы составляете готовую программу своей жизни и стараетесь выполнить ее. Не выполнив ее, вы чувствуете себя виноватым. Не посещая церковь, вы чувствуете себя виноватым.

Ко мне приходят многие люди, и они говорят: «Мы молимся, мы медитируем». И я спрашиваю их: «Растете ли вы благодаря этому?» Они отвечают: «Ничего не происходит. Но если мы не молимся, мы чувствуем себя виноватыми».

Думаете ли вы, что крыса почувствует себя виноватой, если она не забежит в седьмой номер? Что ее может заинтересовать в седьмом отделении? Все, что ее интересует – это сыр. Вы продолжаете молиться, по-прежнему ощущая вину: ваш отец приказал вам молиться, и, если вы не молитесь, вам кажется, что вы предаете своего отца и свою мать.

Вы предаете свой собственный разум! И это единственное предательство, о котором стоит беспокоиться. Никогда не предавайте свой разум. Будьте внимательны к тому, чтобы не предавать свой разум, иначе вы можете сесть на мель – остановиться на мосту. Этот мост чрезвычайно красив: ничего подобного вам не доводилось видеть когда-либо прежде. Постепенно вступая в мир медитации, вы испытываете чудесные психоделические ощущения, в высшей степени мистические, которые целиком захватят вас.

К примеру, наступит день, когда вы почувствуете рождение огромной энергии в своем позвоночном столбе, и возникнет ощущение такой прохлады. Внезапно вы почувствуете, что перенеслись в другой мир. Вы ощутите жизнь, трепетание жизни, и вместе с энергией, все выше и выше поднимающейся в позвоночном столбе, вы будете подниматься все выше и выше. Вас больше нет на этой земле, вы переместились в неизвестное пространство. В нем все так прекрасно, так радует глаз, так приятно, что тысячи сексуальных оргазмов – ничто. Достаточно энергии хоть раз проникнуть в голову через позвоночный столб, и тысячи сексуальных оргазмов превращаются в ничто. Вы будете каждый день сидеть и ждать ее, и молиться за нее, и работать для нее. Вы будете каким-то образом способствовать движению энергии.

Знаете ли вы, как индийские йоги начали стоять на голове? Из-за этого переживания. Мм? Естественно предположить, что энергия будет быстрее двигаться к голове, когда вы стоите на ней. Естественно, вам поможет гравитация, она подтолкнет вашу энергию. Когда вы сидите прямо, энергия с трудом поднимается вверх, ее нужно все время толкать, все время поднимать вверх, преодолевая гравитацию. И глупые люди придумали такую идею: почему не сделать стойку на голове? И тогда энергия без всяких усилий польется в голову.

Временами стойка на голове удается вам без больших усилий. Но вы попали в ловушку, вы в затруднительном положении. Опыт такой прекрасный, такой иномировой, такой величественный и такой независимый – теперь вы не зависите ни от женщины, ни от мужчины. Вы совершенно независимы, вы свободны, вы испытываете такое наслаждение, какого не могла бы дать вам ни одна любовная связь. И вы остановились на мосту.

Именно так люди привыкают к наркотикам. Это внутренние наркотики; и они также часть химии вашего тела. В кундалини нет ничего духовного, она так же физиологична, как и ваша кровь. Фактически, это электричество вашего тела, скапливающееся в основании позвоночного столба. Когда его слишком много, оно начинает подниматься вверх по позвоночному столбу, и само движение электричества опьяняет вас. Но какая разница – будете ли вы принимать ЛСД, или вы попробуете овладеть позами йоги для того, чтобы выработать внутренний наркотик, – это одно и то же! Вы сможете прийти к этому также через пост. Вы сможете достичь этого также некоторыми дыхательными упражнениями, и если вы будете выполнять упражнения по определенным правилам, это изменит химию вашего тела:

некоторые железы подвергаются давлению, и из-за этого меняется ваша внутренняя химия. Когда вы дышите по определенной методике, в определенном ритме, вы вдыхаете больше кислорода, а выдыхаете больше углекислого газа, и равновесие внутри вас колеблется.

Я не запрещаю вам наслаждаться этими вещами – но помните: все это прекрасные переживания, но вы не должны останавливаться. Мост в высшей степени психоделичен, и по мере того, как вы будете все ближе и ближе к другому берегу, ваши ощущения будут все более экстатическими и странными. Остерегайтесь – чем больше в них экстаза, тем вероятнее возможность того, что вы скажете: «Я достиг».

Наделяя дарами
равно и веры, и мира,
он – не кто иной,
как провидение
наших жизней.
Он – не тиран:
ибо все, что взял,
он отдает семикратно,
и, закрыв для тебя одну дверь,
он открывает десять других.

Санаи говорит: «Помни, когда начинают случаться эти духовные переживания, так называемые духовные переживания, – помни, что не ты делаешь их; они тоже его дар. И тогда ты не станешь зависимым от них. Если ты думаешь, что это случилось благодаря тебе, что ты стал сиддхой, что ты достиг, что ты уже теперь способен создавать такие переживания, значит, ты в ловушке, твое эго вернулось через черный ход. Если раньше на него давило бремя желаний иметь больше денег, иметь более вместительный дом, иметь красивую жену, иметь то и иметь это, то теперь это же самое эго испытывает удовлетворение от духовных переживаний».

Санаи говорит: «Если вы каким-то образом станете эгоистичным в своих духовных переживаниях, вы впадете в зависимость и остановитесь на мосту». Что делать тогда? Помните:

Наделяя дарами
равно и веры, и мира,
он – не кто иной
как провидение
наших жизней.
Он – не тиран:
ибо все, что взял,
он отдает семикратно,
и, закрыв для тебя одну дверь,
он открывает десять других.

Помните, что все исходит от него. Это возможно лишь на пути любви. На пути медитации вы остаетесь в одиночестве. На пути медитации опасность возникновения эго больше,

чем на пути любви, потому что вы совершенно одиноки. Бога нет. Вы не можете сдаться чему-либо, вы не можете использовать Бога, чтобы он защитил вас от самого себя. Но на пути любви эта прекрасная помощь возможна.

Помните: он не тиран. Почему? Потому что есть другая вещь, о которой следует напомнить вам: когда случаются эти прекрасные переживания, одновременно возникает множество болезненных переживаний – потому что вас вырвали с корнем из вашей тождественности, старой тождественности, и это будет болью.

Когда вы движетесь в новую реальность, вы испытаете великое блаженство; утратив корни старой, вы испытаете великую боль. Наступят ночи и дни, придут боль и мгновения радости. Не воспринимайте эти мгновения радости как свое создание: посвятите их Богу. Он наделяет вас всем; он дал вам и саму жизнь.

И затем приходит боль, и наступает агония, великий хаос и великое смятение, темная ночь души, но не тревожьтесь. Помните: он не тиран. Может ли он быть им? Он источник вашей жизни. Он ваша мать, ваш отец.

...ибо все, что взял,
он отдает семикратно...

Помните это. Да, это происходит в точности так. Если вы немного пострадали, помните, что вам воздастся семикратно. Что бы ни было отнято у вас, вам будет дано гораздо большее, потому что все то, чего вы лишись, иллюзорно, а все то, что должно случиться с вами, гораздо реальнее.

И на каждом шагу это будет так, и с каждым шагом вы будете все богаче и богаче. Но вы должны быть готовы к одному: вам придется пройти через великое пламя. Каждое переживание прохождения через огонь – это опыт роста. Преодоление огня будет болью, абсолютной болью, но в то мгновение, когда вы пройдете через него, вы поймете, что через него нужно было пройти. Теперь вы поднялись на высший уровень, и вам станут доступны гораздо более высокие радости.

Пройдя через огонь, человек становится чистым золотом. Помните: *Он – не тиран.* Это поможет вам. Он не садист, он не получает удовольствия, подвергая вас пытке. Если вы ощущаете муку, таково ваше восприятие. Просто он делает все больше и больше радостей доступными для вас, но вам придется расстаться с вашими игрушками. Расставание с вашими старыми игрушками болезненно. Ваша боль возникает из-за привязанности к игрушкам. Наша вера в игрушки беспредельна, потому что мы знаем, что это игрушки, и мы все же верим в них, и в этом состоит наша глупость. Мы знаем, что деньги – это игрушка, и их отберут у нас, когда придет смерть – отберут все. Однако мы по-прежнему коллекционируем вещи в надежде на то, что «это случается с каждым, но этого не случится со мной. Я не такой как все, я исключение».

Никто не может быть исключением: у вас отберут все. Однако мы продолжаем играть, мы продолжаем верить в свои фантазии, мы продолжаем проецировать.

Французская мышка и слон, придя к мировому судье, просят специального разрешения немедленно зарегистрировать брак. Мировой судья, покачав головой, говорит, что это невозможно, так как слонов и мышей не скрещивают. Маленькая мышка, подняв глаза, полные слез, говорит:

– Мы вынуждены это сделать.

Люди продолжают верить в абсурдные вещи. Маленькая мышка думает, что она беременна: «Нам придется; пути назад теперь нет!»

Взгляните на вашу собственную глупость. Взгляните на вашу собственную жизнь, на то, что вы делаете. Это так нелепо – как люди живут свою жизнь, как люди растрачивают свою жизнь. И когда у них отнимают игрушки – а их непременно отнимут, иначе им никогда не достичь зрелости – это вызывает боль.

На пути любви Бог доступен для вас.

Он – не тиран:
ибо все, что взял,
он отдает семикратно,
и, закрыв для тебя одну дверь,
он открывает десять других.

Но проблема коренится в человеческом уме. Ум человека сфокусирован на определенных вещах. Например, если вы привыкли входить через одну дверь, ваше поле зрения сужается, и вы не замечаете других дверей. Вы видите только эту дверь, вы не обращаете внимания на другие двери. И когда эта единственная дверь закрывается, вы впадаете в панику из-за своего суженного поля зрения.

Человек, ищущий Бога, должен научиться отбрасывать узость зрения, он должен научиться оставаться бдительным и открытым для всех возможностей.

Если закрывается одна дверь, для вас немедленно открываются десять других дверей. Это не философское утверждение, это просто факт. Но вы смотрите лишь в свое прошлое. Вы так одержимы прошлым, что не можете видеть, что открываются другие двери. Вы даже не можете поверить в то, что есть другие двери. Вы знаете только одну дверь, вы хорошо знаете ее. Вы можете выходить и входить через эту дверь механически, бессознательно – в осознанности нет необходимости; вы привыкли к ней.

Сейчас она закрывается, и начинается великая боль, великий страх, великая агония. Агония случается не потому, что закрывается дверь, а потому, что ваше поле зрения сужено. Вы не можете видеть больше ничего, ваши глаза сфокусированы только на одном.

Позвольте глазам видеть шире.

И помните, Санаи говорит, что он никогда не закроет дверь, если он уже не открыл для вас десять дверей. Вам нужно лишь оглянуться, и вы увидите их.

Таков же и мой опыт; я работал с тысячами медитирующих. Это происходит каждый день: когда закрывается одна из дверей... и старые двери должны быть закрыты, иначе как вы сможете двигаться вверх? Если вы всегда продолжаете двигаться через одну и ту же дверь, трансформация становится невозможной. Двери необходимо закрывать, и тогда вы будете вынуждены двигаться под новым углом, в новое измерение.

Мастер всеми способами пытается закрыть ваши старые двери. Отсюда и боязнь Мастера. Вот почему люди сохраняют дистанцию – они сохраняют определенную дистанцию, позволяющую им убежать. Если ситуация становится сложной, невыносимой, они всегда могут убежать от нее.

Когда дверь закрывается, это болезненно. Вы просили роста, но когда закрывается дверь, это болезненно. Вы в гневе, вы в ярости. Вы перестаете понимать простую арифметику: если вы хотите роста, вы должны быть всегда готовы устремиться к новому видению,

новым территориям, новым высотам. Но старое надежно, старое безопасно и удобно – это знаю я и знает каждый Мастер. Но если вы останетесь вместе со старым, вы останетесь старым и мертвым.

Жизнь всегда с новым. Каждое мгновение должно быть смертью и воскресением. Умирайте для прошлого в каждое мгновение!

И на этом проверяется ученик: это его первая проверка. Когда дверь закрыта, ученик думает, что десять других должны быть открыты. Он забывает о закрытой двери, и он начинает оглядываться в поисках дверей, которые должны быть открыты. Это доверие.

Доверьтесь жизни, доверьтесь Богу, доверьтесь существованию.

Оберегая как зеницу ока,
он хранит тебя лучше тебя самого.

Помните: Бог создал вас. Вы не можете остаться ненужными, вы не можете быть случайными. Потому что Бог создал вас столь неповторимыми, столь индивидуальными, что не существует другого подобного вам. Вы единственный в своем роде! Он никогда прежде не создавал человека, подобного вам, и никогда не создаст точно такого же, как вы. Посмотрите, сколько уважения он проявил к вам.

Бог не похож на конвейер, с которого сходят автомобили Форд – совершенно одинаковые автомобили Форд, миллионы автомобилей Форд, похожие один на другой. Бог – это творец, а не конвейер. Каждая индивидуальность была создана не по какому-либо шаблону, не по какому-то определенному образцу – каждому человеку он уделил особое внимание. Рисунок каждого из вас он выполнил индивидуально, он изваял вас индивидуально, придав вам определенную форму, определенное существо. Вы уникальны, каждый из вас – оригинал, а не копия.

Оберегая как зеницу ока...

Вы, без сомнения, его творение – и если вы потерялись, это его потеря.

Оберегая как зеницу ока,
он хранит тебя лучше тебя самого.

И это совершенно очевидный факт. Люди не любят самих себя, они не уважают самих себя. Наоборот, они осуждают самих себя. Все вы само-обвинители. Именно в этом убеждали вас священники, вновь и вновь, повсюду в мире: вас заставляли обвинять самих себя. И вы продолжаете обвинять самих себя. Вы не считаете, что вы чего-нибудь стоите. А это одно из препятствий, самых больших препятствий.

Любите самих себя, уважайте самих себя, и вы отдадите дань уважения Богу – потому что уважать живопись означает уважать живописца, а любить поэзию означает любить поэта. Вы – это поэзия, и вы – это живопись. Вы музыка, созданная им. Вы зримое доказательство того, что Бог есть; творение – это зримое доказательство того, что есть творец. Любите творение, наслаждайтесь им, прославляйте его: это единственный способ прославить Бога. И вы его самое драгоценное творение.

Человек, обвиняющий самого себя, не может любить кого-то еще, потому что человек, обвиняющий самого себя, обвиняет весь мир. В мире много такого рода обвинителей, они отравили все. Прежде всего Мастер должен удалить весь этот яд из души ученика. Труднее

всего заставить вас уважать самих себя, заставить вас убедиться в том, что вы несравненны, что вы драгоценны, что вы заключаете в себе огромный потенциал, что в душе у вас скрыты будды, что вы есть семена будд.

Встань, покончив со сказками;
и, оставив низкие страсти, –
приди ко мне.

Санаи говорит, как и всегда говорил каждый Мастер: *Придите ко мне!* Но вам придется отбросить некоторые вещи, и только тогда вы можете прийти к Мастеру. Если вы не можете отбросить эти вещи, вы останетесь со священниками, вы никогда не найдете Мастера, потому что священники – враги всех Мастеров.

Священник никогда не может быть Мастером, а Мастер никогда не может быть священником; они принадлежат разным измерениям. У священника нет ничего общего с Богом. Священник сделал на Боге бизнес: он эксплуатирует гипотезу о Боге. Священник настолько уродлив, что он не может оставить неиспользованной даже идею Бога.

Согласно одной притче, когда Бог сотворил мир и увидел, что он прекрасен, Сатана пришел к нему, высказав ему свое восхищение и воскликнул, переводя взгляд с одного чуда на другое: «Это хорошо! Это хорошо! Давай организуем все это!»

В этом весь священник. Священник все превращает в бизнес, священник все превращает в учреждение. Каждое прозрение великих будд в конце концов низводится до учреждения, церкви. Священник на службе у Сатаны.

Встань, покончив со сказками...

Именно священник продолжает кормить вас сказками. Он рассказывает о Боге, он рассказывает о рае, и об аде, и об ангелах, и о награде, которую получат добродетельные, и о наказании, которое должны понести грешники. Все это сказки.

Священник продолжает кормить вас сказками. А поскольку вы продолжаете любить сказки, вы остаетесь глупым, вы никогда не взрослеете. Остерегайтесь: священник – это продавец на службе у Сатаны. Вся его задача состоит в приукрашивании сказок. Он продолжает выдумывать все больше и больше сказок. Он не заинтересован в правде, в действительности, он очень боится правды.

Встретив человека, подобного Будде, священник выступает против него. Встретив человека, подобного Христу, священник выступает против него. Священник всегда начеку, поскольку люди, подобные Будде и Христу – противники сказок. Они пытаются уничтожить всю ту ребяческую чепуху, которая выдается за религию. Ведь священник живет за счет этого, и с веками он стал в этом действительно искусен. Священник – величайший коммерсант в мире.

Мужчина, зайдя в бакалейную лавку, попросил продать ему соли на пять центов. Хозяин спросил:

– Какой сорт вы хотите?

– Какой сорт? Я хочу соль, простую, обыкновенную соль. Сколько сортов соли в вашей лавке?

– Ха, ха! – засмеялся хозяин. – Что вы знаете о соли? Пойдемте со мной.

И он повел его вниз по лестнице в подвал, в котором хранилось не меньше сорока или пятидесяти баррелей соли. Покупатель был удивлен.

– И все это разные сорта? – спросил он.

– Да, все они разные. У нас есть соль по разной цене и разного назначения.

– А вы, я вижу, специалист, мой любезный. Думаю, имея столько баррелей соли разных сортов, вы должны продавать чертовски много соли. Вы наверняка владеете секретом продажи соли!

– О, – сказал другой, – я совсем не умею продавать соль, но тот парень, который продал мне всю эту соль – вот он, мой мальчик, это умеет!

Священник постоянно придумывает сказки. Он придумывает их для разных типов людей, с разными взглядами. Вот почему на земле триста разных религий – а это означает триста разных видов вымыслов, и в продаже имеются вымыслы любых размеров, по любой цене, на любой вкус. А иначе зачем на земле существует триста религий? На земле не существует трехсот наук. Наука едина, потому что научный подход един, и основа науки едина.

Религия будет едина – если священники исчезнут и останутся только Будды, Бахауддины, Санаи и Сосаны, религия будет едина. В мире будет качество религиозности – фактически, не религия, как таковая, но качество религиозности.

Вам придется расстаться с вашими сказками – христианскими, индуистскими, мусульманскими.

Встань, покончив со сказками;
и, оставив низкие страсти, –
приди ко мне.

Низкие страсти – это деньги, власть, сексуальность, жадность, гнев, жажда обладания – и так далее, и тому подобное. Человек живет только этими низкими страстями. В них нет ничего странного, они составляют фундамент храма жизни. Но если есть только фундамент, но нет храма, фундамент совершенно бесполезен. Он полезен в контексте храма: если весь храм построен, фундамент становится полезным. Но если храм не построен, и вы продолжаете строить его, и это продолжается вечно – это совершенно бессмысленно, бесцельно, это пустое растрачивание жизни и энергии.

Зигмунд Фрейд находился во власти низких страстей. Это его ошибка. Именно поэтому психоанализ не смог стать храмом. Он только фундамент, голый, обнаженный фундамент. Это еще не дом, в котором можно жить.

Однажды он написал другу: «Я всегда ограничивался первым этажом и фундаментом здания, имя которому – человек».

Олдос Хаксли однажды сказал, что он заложил основы основ.

У человека есть фундамент, это верно, но у него есть и чердак. Человек бессознателен, это правда, но он обладает потенциалом сверхсознания. И пока вы не начнете искать сверхсознания, вы останетесь в основании, или в основе основ. Вы будете по-прежнему ползать по земле – но у вас есть способность летать. Вы можете стать бабочкой, но вы не раскрываете своих крыльев, так как ваша привязанность к земле слишком велика. Эта привязанность должна быть трансформирована. Вы должны начать смотреть на звезды.

Именно это суфии называют *адаб*: быть в присутствии Мастера. Индусы называют это *сатсанг*. Быть в присутствии Мастера означает смотреть на звезды, осознавать, что существует верхний этаж, что в вас возможно нечто более высокое. Трепещите от того, что вы – не законченный в том виде, какой вы есть, что у вас могут быть крылья, что вы можете взлететь так высоко, как захотите, и даже небо – не предел.

Встань, покончив со сказками;
и, оставив низкие страсти, –
приди ко мне.

В мире есть два типа людей. Мирские люди остаются в основании, они остаются во власти низких страстей. А так называемые люди не от мира, религиозные люди, остаются во власти сказок. И те, и другие заблуждаются.

Настоящий искатель отбросит две вещи. Во-первых, он отбросит сказки – вот почему Санаи сначала говорит:

Встань, покончив со сказками...

Сначала нужно отбросить сказки, изобретенные священниками. Второе: наблюдайте свои низкие страсти, потому что в них скрыта великая энергия – освободите ее, и она станет мостом, который соединит землю и небо.

...приди ко мне.

Ты должен осознать,
что его руководство
не дает тебе сбиться с пути,
но не твоя собственная сила.

Но вот Санаи вновь напоминает вам о том, что на пути любви об этом нельзя забывать ни на одно мгновение.

Ты должен осознать,
что его руководство...

Всегда помните о том, что если вы начинаете двигаться к Богу, это он выбрал вас. Ни на мгновение не допускайте мысли: «Посмотрите! Я великий искатель Бога. Я не обычный человек, я не мирской человек, я не похож на эти мирские создания. Я духовный человек. Я ищу Бога, я не ищу денег и власти». Вы опять пали; вы опять пали к основанию. Эго вернулось.

Никогда, ни на мгновение не допускайте мысли о том, что именно вы ищете Бога. Наоборот, на пути любви помните о том, что именно он позвал вас – иначе как могли бы вы отправиться на его поиски? Именно он должен был выбрать вас, именно он подталкивает вас. Именно он должен был каким-то неизвестным, таинственным способом ввести вас в некое неизвестное существование. Именно ему вы принадлежите.

Ты должен осознать,
что его руководство
не дает тебе сбиться с пути...

Никогда, ни на мгновение не допускайте мысли: «Благодаря своей силе я не сбился с пути». Нет. Если вы думаете, что благодаря своей силе вы остаетесь на пути, вы уже сбились с пути. Вы уже стали эгоистом: вы создали разделение между вами и Богом.

«Именно благодаря ему я не сбился с пути. Именно он все время напоминает мне о том, чтобы я не заблудился».

Платон называл истину прекрасным словом. Это слово – *a-lethia*: оно означает «незабывание». Оно означает «напоминание», «постоянное напоминание».

Истина – это постоянное напоминание. Истина означает ни на мгновение не забывать: «Бог есть, есть только Бог. Он дал мне жизнь, он дал мне желание искать истину, он избрал меня для того, чтобы я искал его. Он позвал меня каким-то таинственным образом – иначе как бы я стал двигаться в его сторону?»

Любящий продолжает напоминать себе: «Это Возлюбленный действует как магнит – он все время притягивает меня, он все время увлекает меня за собой. Это не мое желание, это его милость».

И если вы помните о том, что это его милость, эго не возродится. Постепенно, шаг за шагом, эго исчезнет. И когда эго исчезает, вы достигли. И тогда трое едины: любящий, возлюбленный и любовь – одно. Вы вошли в Сад – в *Хадику*.

МОСТ ЛЮБВИ И СМЕХА

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,
Что такое творчество?

Дэва Мохан, действие не есть творчество, недействие – также не творчество. Творчество – это очень парадоксальное состояние сознания и существа: это действие через недействие, это то, что Лао-цзы называет *вэй-ву-вэй*. То, что позволяет некоему событию пройти через вас. Это не действие, это позволение. Оно образует коридор, по которому целое может течь через вас. Это значит стать полым бамбуком, просто полым бамбуком.

Затем что-то сразу начинает происходить, потому что за человеком скрывается Бог. Откройте ему маленькую дорожку, небольшой коридор, и он проникнет в вас. Таково творчество: позволить Богу случиться.

Творчество – это религиозное состояние. Вот почему я говорю, что поэт гораздо ближе к Богу, чем теолог, что даже танцор ближе к нему. Философ от него дальше всего, потому что чем больше вы думаете, тем выше стена, которую вы создаете между собой и целым. Чем больше вы думаете, тем больше вы есть. Эго – это не что иное, как все мысли, накопленные в прошлом.

Когда вас нет, есть Бог. Таково творчество.

Творчество просто означает, что вы в тотальном расслаблении. Оно не означает недействие, оно означает расслабление, потому что расслабление порождает активное действие. Но это не будет вашим действием, вы будете действовать как средство. Песня придет через вас – вы не являетесь ее создателем, она приходит из запредельного. Она всегда приходит из запредельного. Когда вы создаете ее, это самая обычная песня, это заурядная песня. Когда она приходит через вас, она величественно прекрасна, она несет в себе нечто неизвестное.

После смерти великого поэта Колриджа остались тысячи незаконченных стихотворений. Много раз ему задавали вопрос: «Почему вы не заканчиваете эти стихотворения? – поскольку в некоторых из них недоставало одной или двух строк. – Почему вы не заканчиваете их?»

Он обычно говорил: «Я не могу. Я пытался, но, когда *я* завершаю их, чего-то недостает, что-то в них неверно. Мои строчки не бывают сонастроенными с тем, что проходит через меня. Они остаются камнем преткновения, они превращаются в скалу, они препятствуют течению. Значит, я должен ждать. Что бы ни текло через меня, лишь когда снова возникнет поток и завершит стихотворение, оно будет завершено, но не прежде».

Он завершил всего несколько стихотворений. Но они величественно прекрасны, полны мистического благородства. Так было всегда: поэт исчезает, творчество остается. Тогда он одержим. Да, это подходящее слово, он именно одержим.

Быть одержимым Богом – это и есть творчество.

Симона де Бовуар сказала: «Жизнь стремится к тому, чтобы увековечить и превзойти себя; если она утверждает себя в этом стремлении, значит, она не только умирание».

Нетворческий человек просто пока еще не умер, вот и все. Его жизнь лишена глубины. Его жизнь – это еще не жизнь, а лишь пролог; книга жизни еще не начата. Он был рожден, это правда, но он не жив.

Когда вы начинаете творить, когда вы позволяете творчеству случиться благодаря вам, когда вы начинаете петь песню, которая не является вашей собственной песней, под которой вы не можете подписаться и сказать: «Это моя песня» – под которой вы не можете поставить свою подпись, – тогда жизнь обретает крылья, она становится возвышенной.

В творчестве есть превосхождение. Если же его нет, значит, все, что мы делаем – это не более чем непрерывное стремление увековечить себя. Вы создали ребенка – это не творчество. Вы умрете, а ребенок останется, чтобы увековечить жизнь. Но этого мало: чтобы увековечить ее, нужно превзойти самого себя. И это происходит только тогда, когда вас касается нечто из запредельного.

В этом смысл трансценденции – в превосхождении. Потому что в превосхождении происходит чудо: вас нет, и в то же время впервые вы есть.

Сущность мудрости в том, чтобы действовать в гармонии с природой. В этом послание всех великих мистиков – Лао-цзы, Будды, Бахауддина, Сосана, Санаи – действовать в гармонии с природой. Животные бессознательно действуют в гармонии; скалы, растения и звезды бессознательно действуют в гармонии с природой. Человек должен сознательно действовать в гармонии с природой, потому что человек обладает сознанием. Человек может выбрать не действовать в гармонии, и поэтому его ответственность велика.

Человек отвечает за свои действия. Только человек отвечает за свои действия, в этом его величие. Ни одному другому животному не свойственна ответственность, оно действует в гармонии с природой и не может иначе. Животное не может заблудиться; оно не может сбиться с пути, так как у него еще нет сознания. Оно действует точно так же, как вы в глубоком сне.

В глубоком сне вы обретаете гармонию с природой. Вот почему глубокий сон так восстанавливает силы, так расслабляет. Достаточно нескольких минут глубокого сна, и вы снова свежи и молоды, и вся пыль, которую вы собрали, ваши усталость и скука исчезают. Вы соприкоснулись с источником.

Но таким образом и животные соприкасаются с источником; во сне животные соприкасаются с источником. Животные горизонтальны, человек вертикален. Если вы хотите погрузиться в сон, вы должны принять горизонтальное положение. Только в горизонтальном положении вы сможете уснуть; вы не сможете уснуть стоя, это будет очень сложно. Вернитесь назад, на миллионы лет назад, станьте такими, как животные. Вы горизонтальны, параллельны земле – и вдруг вы начинаете утрачивать сознание, внезапно вы уже не ответственны.

Именно этот фактор заставил Зигмунда Фрейда использовать при обследовании пациентов кушетку. Это было сделано не для удобства пациентов, а в качестве стратегии. Если пациент лежит в горизонтальном положении, он становится безответственным. И до тех пор, пока он не почувствует полную свободу выражения, он не станет говорить бессознательного. Оставаясь ответственным и вертикальным, он будет все время взвешивать, сказать ли ему что-то или не сказать. Он будет критически взвешивать свои слова.

Когда он лежит горизонтально на кушетке, – а психоаналитик стоит за ним, его не видно, – он вдруг уподобляется животному. У него нет ответственности. И из него начинает высвобождаться такое, о чем он никогда бы не сказал никому, даже незнакомцу. Он начинает говорить вещи, скрытые глубоко в его бессознательном; это бессознательное начинает выходить на поверхность. Такова стратегия, стратегия школы Фрейда – сделать пациента совершенно беспомощным, таким, как ребенок или как животное.

Когда вы не чувствуете ответственности, вы становитесь естественным. И психотерапия очень помогает; она расслабляет вас. Все, что вами подавлялось, выходит на поверхность, и, оказавшись на поверхности, испаряется. После сеанса психоанализа вы чувствуете себя менее обремененным, вы становитесь более естественным, вы обретаете большую гармонию с природой и с самим собой. Это означает быть здоровым.

Но это возвращение назад, это движение вспять. Это то, о чем я недавно говорил: движение к основам. А иной способ восхождения – это движение вверх, и это не путь Зигмунда Фрейда, но это путь Будды. Вы сможете превзойти самого себя, сознательно сохраняя связь с природой.

В это суть мудрости – быть в гармонии с природой, с естественным ритмом вселенной. А когда вы находитесь в гармонии с естественным ритмом вселенной, вы поэт, вы художник, вы музыкант, вы танцор.

Попробуйте сделать так. Сидя на досуге в тени дерева, сознательно сонастройтесь. Станьте единым с природой; пусть растворятся границы. Станьте деревом, станьте травой, станьте ветром – и внезапно вы увидите, что с вами начинает происходить то, что никогда раньше не случалось. Ваше зрение становится психоделическим: деревья кажутся более зелеными, чем когда-либо раньше, розы – более розовыми, и все начинает светиться. Неожиданно вы хотите спеть песню, не зная, откуда она пришла. Ваши ноги готовы начать танцевать; вы начинаете чувствовать, как пульсирует танец в ваших венах, вы начинаете слышать звуки музыки внутри и снаружи.

Это состояние творчества. Это можно назвать его основным качеством: быть в гармонии с природой, быть сонастроенным с жизнью, с вселенной.

Лао-цзы подарил ему красивое имя: *вэй-ву-вэй* – действие через недействие. Вы можете назвать это «творческим покоем» – процесс, объединяющий внутри отдельной индивидуальности две вещи, кажущиеся несовместимыми: высшую активность и высшее расслабление.

Таков парадокс творчества. Когда вы наблюдаете за рисующим художником, он, безусловно, активен, предельно активен, безумно активен – он есть само действие. Или, когда вы видите танцующего танцора, он – также само действие. Однако глубоко внутри нет деятеля, нет исполнителя; там лишь молчание. Вот почему я назвал творчество состоянием парадокса. Все прекрасные состояния парадоксальны. Чем выше вы поднимаетесь, тем глубже вы погружаетесь в парадокс реальности.

Высшая активность с высшим расслаблением: на поверхности продолжается деятельность, а в глубине ничего не происходит, или происходит *лишь* ничто. Творческий покой – это высшая деятельность: драгоценная гибкость, мягкость, простодушие, спонтанность и свобода, которые изливаются из нас, или, вернее, через нас, когда наши отдельные эго и наши сознательные усилия следуют силе извне.

Следование этой силе извне, сдача силе, которая превосходит вас, есть творчество. Медитация есть творчество. Когда эго исчезает, исчезает ваша внутренняя рана; вы исцелились, вы здоровы. Эго это ваша болезнь. И когда эго исчезает, вы не можете больше со-

хранять неподвижность, вы начинаете течь. Вы начинаете течь в безграничном потоке существования.

Норберт Винер сказал: «Мы – не постоянное вещество, а узоры, увековечивающие себя; водовороты в вечнотекущей реке».

И тогда вы – не эго, а событие, или последовательность событий. Тогда вы процесс, а не вещь. Сознание не вещь, а процесс; а мы сделали его вещью. В то мгновение, когда вы назовете его «я», оно становится вещью – определенной, связанной, неподвижной, застойной. И вы начинаете умирать.

Эго – ваша смерть. А смерть эго – это начало вашей настоящей жизни. А настоящая жизнь – это творчество.

Вам не нужно посещать ту или иную школу, чтобы научиться творчеству. Все, что нужно, это войти внутрь и помочь эго раствориться. Не поддерживайте его, перестаньте усиливать и питать его. Когда эго нет, все истинно, все прекрасно. И тогда хорошо все, что бы ни происходило.

Я не говорю, что вы все станете Пикассо или Шекспирами, я не говорю этого. Некоторые из вас станут художниками, некоторые – певцами, некоторые – музыкантами, некоторые – танцорами, но не в этом суть. Каждый из вас станет творцом по-своему. Вы можете быть поваром, но в этом будет творчество. Вы можете быть всего лишь уборщицей, но в этом будет творчество. Вы не будете скучать.

Вы станете изобретательным в мелочах. Даже в уборке будет своего рода поклонение, молитва. Что бы вы ни делали, вы будете чувствовать вкус творчества. Нам не нужно множество художников – если все станут художниками, жизнь станет очень трудной. Нам не нужно множество поэтов; нам нужны и садовники, нам нужны и фермеры, нам нужны всякие люди. Каждый человек может быть творческим. Если он медитативен и у него нет эго, Бог начинает течь через него. В зависимости от его способностей, в зависимости от его потенциала Бог принимает ту или иную форму.

И тогда все хорошо. Вам не нужно становиться знаменитым. Действительно творческая личность вовсе не стремится к известности; в этом нет необходимости. Этот человек полностью состоялся в том, что он делает, он так удовлетворен всем, где и кем бы он ни был, что нет и вопроса о стремлении. Если вы творец, стремления исчезают. Если вы творец, амбиции исчезают. Если вы творец, вы уже стали тем, кем всегда хотели быть.

Второй вопрос:

Я всегда думал, что вы против политиков, и я был очень удивлен, узнав о том, что вы благословили Индиру Ганди. Возлюбленный Мастер, не скажете ли вы что-нибудь об этом?

Я против политического ума. Политический ум означает коварный ум, политический ум означает убийственный, насильственный ум. Политический ум – это ум, который заинтересован только в подавлении других, который заинтересован только тем, как добиться такого положения, чтобы тем или иным способом держать миллионы человеческих жизней в своих руках. Ум политика это ум отъявленного эгоиста.

Я безусловно против политического ума. Мне хотелось бы видеть мир, который не вращается вокруг политического ума. Мне хотелось бы видеть мир, обладающий религиоз-

ным качеством, а не политическим качеством. Мне хотелось бы, по меньшей мере, чтобы политическое качество ума отошло на задний план. В центре должен быть творческий ум. Политика разрушительна.

Но это не может произойти прямо сейчас. Миллионы лет политики находились в центре, поэтому это не может произойти прямо сейчас. Сначала нужно освободить великую медитативную энергию. Если миллионы людей станут медитирующими, тогда постепенно, шаг за шагом, будет меняться структура энергии на этой земле – политический ум начнет трансформироваться в религиозный. Я против политического ума, но я знаю, что это не может произойти прямо сейчас. На это могут потребоваться тысячи лет. Начало должно быть положено уже сегодня, семя должно быть посеяно прямо сейчас. Но плоды придут гораздо позже. Вы можете стать аполитичной личностью прямо сейчас, и ваша жизнь достигнет своего расцвета. Что же касается всего мира, на это потребуется время.

Что тем временем будем делать мы?

Я благословил Индиру Ганди, потому что на фоне индийских политиков она кажется мне наименее политичной. Возможно, это опять покажется вам странным, – все, что бы ни говорили о ней, какие бы слухи о ней ни распространяли, – на самом деле все наоборот. Согласно моим личным наблюдениям, у нее самый аполитичный ум.

Почему я говорю так? У меня есть две причины.

Первая: будь она политиком, и только политиком, она не пыталась бы делать вещи, противоречащие индийской традиции. Политик никогда не противоречит традиции; он всегда следует за своими собственными последователями. Это взаимосоглашение. В особенности в демократической системе политик не может позволить себе пойти против традиций, потому что через пять лет снова будут выборы. Если вы пойдете против народных традиций – неважно, истинные они или ложные – если вы пойдете против традиций, народ отомстит вам.

Поэтому настоящие политики только *говорят* о переменах, но они никогда не пытаются что-либо изменить. Они только говорят. Поговорить неплохо, это никому не причиняет вреда; и массы даже наслаждаются разговорами. Говорите о революции, но не пытайтесь ее совершить – потому что, если вы попытаетесь совершить ее, многие обычаи и предрассудки народа будут разрушены. Все эти люди будут недовольны, а в условиях демократического порядка их недовольство может стать опасным.

Индира Ганди пыталась что-то *предпринять,* она искренне пыталась что-то сделать. В действительности, именно это принесло ей неприятности. Она пыталась помочь бедным и была против богатых. Она вызывала гнев богатых, могущественных людей; она вызывала гнев у людей с корыстными интересами. Ни один политик не позволил бы себе этого, ни один политик *не может* себе этого позволить. Разрешается говорить о великих вещах – это никого не беспокоит, – но не пытайтесь что-либо предпринять. Вы можете по-прежнему создавать красивые идеалы, но не пытайтесь воплотить их.

Она раздражала богатых людей этой страны, пытаясь что-то сделать для бедных. Но она раздражала и бедных, потому что все, что она делала, шло вразрез с их традициями. К примеру, она ввела контроль рождаемости: индийские массы не могут потерпеть этого. Тысячи лет люди верили в то, что именно Бог дает им детей, а кто ты такой, чтобы препятствовать этому? Дети – дар Божий; они верили в эту идею. В наши дни этот дар становится очень опасным. Дар становится таким опасным, что может привести почти к самоубийству.

Ни один политик не пытался сделать этого. Пусть страна гибнет – кого это волнует?

С тех пор, как Морарджи Десаи пришел к власти, все программы по контролю рождаемости были преданы забвению. А ведь в них единственная надежда этой страны. Если эта страна хочет выжить, ее единственная надежда в том, чтобы уменьшить население. Здесь и так слишком много людей. Семьдесят пять процентов населения живет за чертой бедности, пятьдесят процентов почти голодают. Через двадцать пять лет, в конце этого столетия, вся страна может оказаться на грани голодной смерти.

Но не в этом суть. Политик думает только о *своей* власти *сейчас*. Он может находиться на посту премьер-министра не больше пяти или десяти лет. Кому интересно, что будет потом? Стоит ли рисковать властью и своим положением?

Индира пошла на риск. Вот почему я называю ее наименее политичным человеком в индийской политике.

Второе: она начала преуспевать в выполнении своей программы. Это опасно; ваша программа не должна быть успешной. Когда человек, облеченный властью, терпит крах, все политики счастливы: неудача ведущего политика – это их шанс. Когда к человеку, облеченному властью, приходит успех, у них не остается шанса прийти к власти. Индира стала первым индийским премьер-министром, которому удалось навести в стране некий порядок, создать некую дисциплину из хаоса. Ей удалось поднять жизненный уровень народа, ей удалось сделать жизнь народа более продуктивной и менее разрушительной. Ей удалось сделать очень, очень многое.

Но это злит других политиков: какой шанс остается при этом *у них?* Другие политики живут только за счет неудач тех, кто у власти. Успех противопоказан кому бы то ни было; нет ничего более опасного, чем успех.

Это странно, но все же это факт из истории человечества. Если кто-то процветает, его личный успех обращается против него, как бумеранг. Если бы Индира потерпела неудачу, не было бы проблем. Политики, которые были против нее, остались бы разобщенными, они не представляли бы для нее никакой опасности. Но она начала добиваться успеха, а их шансы прийти к власти все убывали и убывали.

Все они выступали единым фронтом. Им *необходимо* было объединиться – это было вопросом жизни и смерти. Не было вопроса об идеологии.

Очень странное событие произошло в Индии, очень странное. Морарджи Десаи – последователь махатмы Ганди – пришел к власти благодаря тем, кто убил махатму Ганди. Странные отношения. Как только встает вопрос о жизни и смерти, идеологические взгляды перестают кого-либо интересовать. Идеологии хороши только в качестве игрушек.

Все индийские политики, придерживающиеся разных взглядов, разных направлений, принадлежащие к диаметрально противоположным идеологическим партиям, объединились против Индиры Ганди. Почему? Как это произошло?

Она преуспевала. Политики только притворяются; в действительности, они ничего не делают. Но она была искренней, она действительно пыталась сделать что-то для этой страны. Вот почему эта страна никогда не сможет простить ее.

Третье: бюрократическая машина Индии – самая ужасная в мире. Здесь никто ничего не делает, служащие без дела слоняются от одного стола к другому, и так продолжается из года в год.

Я знал одного человека, который защищал одно и то же дело в судах всю свою жизнь – почти пятьдесят лет. Умерли все судьи, которые занимались этим делом, умерли адвокаты, все до одного. В конце концов, умер и он сам, но дело осталось незаконченным. Умерли не только судьи и адвокаты, сменилось и само правительство: в сорок седьмом году Ин-

дия стала независимой. Дело было начато британским правительством. Даже правительство умерло, к власти пришло другое, но дело продолжалось.

Если вы хотите сделать что-то в такой бюрократической стране – это невозможно. Вы должны заставить бюрократию работать.

Бюрократия злилась. Именно она обманывала Индиру Ганди. Ей давали ложные сведения. Ей давали ложные сведения, и Индира на очередных выборах надеялась одержать победу. Она зависела от информации, поступающей из государственного аппарата, а эта информация была ложной. Бюрократия была против нее. Никто никогда не заставлял их ничего делать, она заставляла их.

Когда Морарджи пришел к власти, чиновники были довольны. Снова все стало двигаться медленно, почти замерло.

Сам Морарджи, в прошлом чиновник, начинал свою карьеру как заместитель инкассатора. Он знает, как функционирует государственный аппарат; и он не вмешивается. Стоит человеку оказаться у власти – таково мышление политика – и он перестает вмешиваться: он не хочет, чтобы у него было много врагов.

Богатые люди были недовольны Индирой, пытавшейся вытащить бедных из трясины нищеты. Бедные люди были возмущены тем, что она навязывает им контроль рождаемости – а он может быть введен только насильственным путем; ввести его иначе невозможно. Бюрократия была против нее, поскольку она принуждала ее что-то *делать*, что-то выполнять, и, причем, *быстро*. Вся страна была возмущена. Если бы она была политиком, этого бы не случилось.

Четвертое: она ввела чрезвычайное положение. Она была прямолинейной. Будь она политиком, она бы сделала то же самое, не вводя чрезвычайного положения. Именно это происходит сейчас – все делается точно так же, как при чрезвычайном положении, но оно не объявляется. Хитрый политик всегда действует косвенно, а не прямо. Он не прямолинеен.

Морарджи Десаи в одном из своих интервью «Би-Би-Си» сказал... вопрос был задан корреспондентом «Би-Би-Си», и он, в частности, касался и той работы, которая проводится здесь: «Сможем ли мы свободно проводить съемки в вашей стране?» Он сказал: «Вы можете делать это, если это не будет угрожать нашей безопасности».

Но могут ли мои саньясины угрожать безопасности этой страны? Что может быть опасного в динамической медитации и кундалини, в танце и пении? И если, по мнению Морарджи, в них есть что-то опасное, он может просто сказать людям из Би-Би-Си и из всех других телевизионных компаний, которые просили разрешение снимать ашрам: «Снимайте свой фильм, но ваш фильм должен будет пройти через управление цензуры». Как это просто! Если вы чувствуете, что что-то может нанести вред вашей стране, вы можете запретить это.

Но в этом состоит коварство политического ума: говорите о свободе – только *говорите* о свободе, и больше ничего – и продолжайте создавать все большее и большее рабство для людей.

Объявив чрезвычайное положение, Индира была прямолинейна. Она была честна. Чрезвычайное положение было необходимо: эту страну можно изменить, только если подойти к этому очень серьезно, как будто в стране война. Если не подойти к этому настолько серьезно и с таким вниманием, как будто в стране война, ничего не случится.

Потому что война *действительно* идет. Война демографического взрыва. Она значительно опаснее, чем война с Пакистаном или Китаем, потому что ни Китай, ни Пакистан не

могут вас уничтожить. Китай может отнять у вас несколько миль территории, но демографический взрыв – это настоящий враг. Дети, которые должны появиться на свет, уничтожат вас.

Возникла очень опасная ситуация. Это самый большой кризис, который когда-либо переживала Индия; и она не в состоянии преодолеть его. Ситуация требует серьезного подхода.

Вот почему было объявлено чрезвычайное положение. Но объявлять чрезвычайное положение в демократической стране опасно. На это способен только неполитический ум. Это способен сделать только человек, который действительно хочет изменить ситуацию, чего бы это ни стоило.

Она рискнула своей властью, своим положением для того, чтобы изменить ход истории в этой стране.

Чрезвычайное положение злило журналистов и других сотрудников средств массовой информации. Никакой политик не станет злить журналистов, так как от них многое зависит, от них зависит слишком многое.

Можно с уверенностью утверждать, что пятьдесят процентов неудачи Индиры предопределили индийские журналисты. Они злились все больше и больше. Им не давали сплетничать и распространять слухи, им было отказано в том, что они называют «свободой прессы». Поэтому, когда чрезвычайное положение было отменено, они отомстили за все. Так действует человеческий ум.

Политик должен постоянно отдавать себе в этом отчет.

Пятое: ее сын, Санджай Ганди, пошел в политику. Настоящий политик, хитрый политик позволил бы ему войти только с черного хода. В противном случае это вызвало бы зависть других. Она позволила ему войти через главный вход, и это вызвало зависть всей страны.

Нет смысла мешать кому-либо войти в политику. Даже если человек является сыном премьер-министра, он имеет такое же право войти в политику, как и любой другой. Санджай Ганди обладает некоторым потенциалом. Нет ничего плохого в том, что он вошел через главную дверь, но позволить ему это было не политическим шагом. Она действовала, скорее, как мать и человек, чем как хитрый политик.

Ее собственный отец никогда не позволял ей входить через главную дверь; он был более предусмотрителен. Ему постоянно задавали один и тот же вопрос: «Кто придет после тебя?» Он ни разу не упомянул Индиру Ганди – ни разу. Одному из друзей он однажды сказал: «Я не могу назвать вам имя человека, который будет моим преемником; если я назову вам его имя, этот бедный человек лишится возможности быть моим преемником. Одно лишь упоминание его имени разозлит других претендентов, и тогда они объединятся против него».

Вполне вероятно, что он имел в виду «ее», а не «его». Он был более опытным политиком, чем Индира Ганди; ему были известны все ходы.

Сама Индира Ганди вошла через заднюю дверь. Но она скорее мать, чем политик: она позволила Санджаю Ганди войти через переднюю дверь. Это было опасно; это стало одной из главных причин ее падения. И это было *более* опасно оттого, что Санджай обладал потенциалом. Рано или поздно он непременно станет премьер-министром; он обладает большими потенциальными возможностями и мужеством. Помешать этому невозможно. Но Индира действовала очень недипломатично.

Морарджи Десаи более хитер. Его сын также присутствует на арене событий, но он всегда в тени. А эти двое даже больше стремятся к власти, они пошли еще дальше. Пер-

вый министр Харианы, Деви Дайал, отрекся от своего сына и спас свой пост – спас власть и отрекся от своего сына. Именно так действует политик.

Индира Ганди рискнула своей властью и попыталась спасти своего сына. Такой образ действий нехарактерен для политика, возможно, он более характерен для матери, для человека.

Шестое: она совершила самую большую ошибку, которую только может сделать политик, очень существенную и очевидную: Индира Ганди посадила все политические партии в одну тюрьму. Это было так нелепо! Даже такой человек, как я, не имеющий ничего общего с политикой, увидит, что это совершенно абсурдно. Посадите в одну тюрьму всех своих врагов, и все они объединятся против вас.

Она должна была немного лучше изучить труды Маккиавелли. Она поступила так наивно; политик никогда бы так не поступил. Оставьте хотя бы половину врагов на свободе, а половину – в тюрьме. Они должны бороться, оставаясь разделенными, потому что единственный способ властвовать – это разделять. Какая невероятная глупость! Посадив всех своих врагов в одну тюрьму, вы тем самым вынудили их объединиться: это было неизбежно. Теперь всех для них вы стали врагом.

Они подружились. Они поняли, что, подружившись и объединившись, они вынудят Индиру уйти. В течение тридцати лет это было невозможно; в течение тридцати лет они были разобщены. Индира объединила их, и им открылась простая истина: «Если мы объединимся, Индира уйдет». Партия Конгресса правила в течение тридцати лет благодаря тому, что враги были разобщены.

Индира действовала не как политик.

И седьмое: после объявления чрезвычайного положения, сразу после объявления чрезвычайного положения и после попытки введения контроля рождаемости – что вызвало недовольство и гнев богатых людей, бедных людей, журналистов, всех и каждого – сразу после объявления чрезвычайного положения она объявила общие выборы. И снова это непостижимо.

Если бы она спросила меня, я бы сказал ей: «Подождите хотя бы год. Ликвидируйте чрезвычайное положение, подождите один год». Одного года было бы достаточно. Журналисты выпустили бы пар, люди забыли бы о насильственных мерах – людская память очень коротка – и через год противники, все политические противники снова вернулись бы к своим прежним привычкам, снова возобновили бы свои прежние перебранки.

Немедленное объявление общих выборов в стране было совершенно не политическим шагом. В результате Индира потерпела поражение.

Учитывая эти ошибки, я могу сказать, что она самая аполитичная среди индийских политиков. Поэтому я благословил ее. Я благословил ее, и я вновь благословляю ее.

Третий вопрос:

Что вы скажете о сексуальном образовании маленьких детей?

Правда есть правда, и никого не следует лишать права знать ее. Можно ли обманывать детей только потому, что они еще очень маленькие? И разве правда существует только для взрослых? Означает ли это, что правда опасна для хрупкого сознания ребенка?

Правда не может быть опасна, опасна неправда. Потому что, если вы говорите неправду взрослому человеку, он способен защитить себя; это простительно. Но никогда не гово-

рите неправду ребенку: ведь он так беспомощен, так беззащитен. Он так зависим от вас, он так доверяет вам – не предавайте его. Это предательство! Говоря ребенку неправду, вы предаете его.

И в конце концов возникнет проблема. Рано или поздно ребенок поймет, что вы говорили ему неправду. В этот день он потеряет к вам всякое доверие.

Если молодые люди начинают восставать против родителей, в этом не их вина, в этом вина их родителей. Они так часто говорили неправду – и дети постепенно обнаруживали, что *все,* что они говорят – ложь. Оттого, что вы так часто говорили неправду, даже слова правды, сказанные ребенку, кажутся ему подозрительными. Несомненно одно – они теряют свое доверие к вам. Вы предавали их, вы обманывали их: это кажется им отвратительным. Вы больше не производите на них благоприятного впечатления. Теперь они никогда никому не смогут доверять.

Именно с этой проблемой я сталкиваюсь каждый день. Когда вы приходите ко мне и становитесь саньясинами, проблема, возникающая между вами и родителями, неизбежно становится и моей проблемой. Вы тоже не можете довериться мне; в некотором смысле я становлюсь для вас подобием отца. Ваши родители обманывали вас, и кто знает? Я для вас незнакомец: если даже родители обманывают вас, если даже родителям вы не можете довериться, можете ли вы довериться мне?

Вы никогда не сможете довериться женщине, которую любите, мужчине, которого любите. Вы никогда не сможете довериться Мастеру, которому вы сдаетесь. Никогда в жизни вы не сможете вновь обрести свое доверие. Чем было разрушено ваше доверие? Такими глупостями.

В чем тут дело? Секс – это простейший факт: опишите его таким, какой он есть. Дети же чрезвычайно восприимчивы – если вы не расскажете им, они самостоятельно откроют его для себя. Они очень любопытный народ.

Карл получил задание написать сочинение на тему: «Как я появился на свет» Придя из школы домой, он заглянул на кухню, где его мать готовила обед.

– Как я появился на свет, мама? – спросил он.

– Тебя принес аист.

– А как появился на свет папочка?

– Его тоже принес аист.

– А дедушка?

– И его тоже принес аист, дорогой.

Карл очень аккуратно записал все то, что ему сказала мама, и на следующий день он сдал сочинение следующего содержания:

«Согласно моим сведениям, три поколения моей семьи появились на свет не вследствие естественного акта рождения».

Дети очень восприимчивы; они постоянно наблюдают, они чутко улавливают глупость в ваших словах. Но долго ли вы сможете обманывать их? Жизнь существует, и жизнь сексуальна. И они наблюдают жизнь: они видят животных, занимающихся любовью, они видят птиц, занимающихся любовью.

Вы по-прежнему можете верить в то, что они никогда не видели, как вы занимаетесь любовью – вы по-прежнему можете верить в это, но дети знают, что их родители занима-

ются любовью. Поначалу им может показаться, что они дерутся или что-то в этом роде, но рано или поздно они обнаруживают, что что-то происходит у них за спиной.

К чему эти подозрения и сомнения? Почему не сказать им правду? Правда всегда хороша, правда всегда божественна. Пусть они узнают, как все обстоит на самом деле.

Один из моих друзей, которому пришлось объяснять это своему старшему сыну, несколько часов потратил на то, чтобы подробно объяснить ему физиологию секса. В конце беседы, почувствовав усталость и не желая заново объяснять все младшему сыну, он сказал:

– Билли, теперь, когда я объяснил тебе все, могу ли я рассчитывать на то, что ты все это расскажешь Бобби?

– Хорошо, отец, – сказал молодой Вильям.

Он тут же отправился на поиски своего младшего брата.

– Бобби, – сказал он, когда нашел его, – отец только что прочитал мне длинную лекцию и хочет, чтобы я передал тебе то, что знаю.

– Тогда продолжай, – сказал Бобби.

– Хорошо, ты ведь помнишь, что мы делали с тобой с теми девчонками за амбаром в прошлом месяце? Отец хочет, чтобы я сказал тебе, что птички и пчелки делают то же самое!

Будьте умнее, воспринимайте вещи такими, какие они есть. Правда никогда не станет вашим врагом – правда о сексе или о чем бы то ни было. Относитесь к ней дружелюбно.

Дети очень разумны, они немедленно принимают факт. У них нет предрассудков, у них нет представления о том, что правильно и что неправильно. Скажите им правду, и они поймут, что это так, и тут же забудут об этом. Они будут доверять вам: ведь вы никогда не обманывали их.

Сексуальное воспитание – одна из основных причин разлада между поколениями. В тот день, когда ребенок обнаруживает, что его родители обманывали его, он теряет к ним всякое доверие. Это самый сокрушительный удар, который вы можете нанести его хрупкой системе.

Продолжайте говорить правду – такую, какая она есть, и не пытайтесь философствовать относительно этой правды, не ходите вокруг да около. Расскажите о ней такой, какая она есть.

Почему вы так боитесь? Потому что ваши родители не говорили *вам* правды. Вы чувствуете неуверенность, нервничаете, боитесь, как будто двигаетесь по некоей опасной территории.

Будьте простыми и непосредственными. Когда же ребенок спросит вас о чем-нибудь, ответьте ему, если вы знаете ответ. Если вы не знаете ответа, скажите, что вы не знаете. При этом вы можете сделать две ошибки. Во-первых, вы можете сказать что-то не так – это одна опасность. Другая опасность – если вы скажете то, чего не знаете.

Например, ребенок спрашивает: «Кто создал мир?», и вы отвечаете: «Бог» Этим вы вводите его в заблуждение. Вы не знаете, но делаете вид, что знаете. Вскоре ребенок обнаружит, что вы ничего не знаете, что ваш Бог – поддельный.

Но проблема не в том, что *ваш* Бог оказался поддельным, проблема в том, что теперь вся концепция Бога оказалась поддельной. Вы уничтожили великую возможность познания Бога. Вы должны были сказать: «Я не знаю. Я пытаюсь познать; я так же невежественен,

как и ты. Если я найду раньше тебя, я расскажу тебе об этом, если ты найдешь раньше – пожалуйста, скажи мне».

И ваш сын будет вечно вас уважать за искренность вашего сердца, за это равенство, за то, что вы никогда не притворялись, никогда не пытались показать: «Я знаю, а ты не знаешь», никогда не были эгоистом.

Сказать ребенку, что Бог создал мир, не зная этого – это не что иное, как уловка эго. Вы наслаждаетесь ценой невежества ребенка. Но долго ли вы сможете наслаждаться этим знанием?

Никогда не просите ребенка делать то, чего сами не можете. Не говорите ребенку: «Будь правдив, будь всегда правдив» – если он поймает вас на неискренности, значит, вы разрушили нечто необыкновенно ценное. Потому что нет ничего более драгоценного, чем доверие.

Долго ли вы сможете скрывать этот факт? Однажды кто-нибудь постучит в дверь, и вы скажете ребенку: «Скажи ему, что отца нет дома». Теперь ребенок знает, что говорить о правде – это не значит следовать ей и претворять ее в жизнь. Вы создали в нем двойственность, говоря одно, притворяясь одним человеком, но будучи полной противоположностью. Вы создали разделение.

Если ребенок спрашивает вас о сексе или о том, как дети появляются на свет, и вы знаете ответ, следует просто рассказать ему все, как есть. Ответ должен быть предельно простым, поскольку ребенка не интересует ни физиология, ни химия, ни внутренний механизм секса. Его не интересует вся эта ерунда; и он спрашивает не об этом. Не рассказывайте ему о физиологии, поскольку под видом сексуального воспитания во всех школах преподают физиологию. Ребенку просто скучно, ему неинтересно.

Он просто хочет знать правду: как появляются дети, откуда они появляются. Просто расскажите ему. Не пытайтесь дать ему больше информации, чем он просит, это будет преждевременно. Такое тоже происходит, особенно на Западе, где широко распространена идея о том, что детям необходимо сексуальное образование. Поэтому родители спешат: даже если ребенок ни о чем не спрашивает, они изливают на него знания, взятые из книг. У детей это не вызывает ничего, кроме скуки.

До тех пор, пока ребенок не задает вопросов, не нужно ни о чем говорить. Когда он начинает задавать вопросы, не нужно ничего *скрывать*.

Этот вопрос вообще никак не связан с возрастом, поэтому не спрашивайте о маленьких детях. Кого вы называете маленькими? Каков возрастной предел? Можно ли ребенка семи лет считать маленьким? Или девяти лет? Это не вопрос возраста: как только ребенок начинает задавать вопросы, он готов к тому, чтобы получать информацию. Ему может быть четыре года, ему может быть пять лет, ему может быть семь лет. Чем умнее ребенок, тем раньше он начнет задавать вопросы, это несомненно. Глупый ребенок, с посредственными способностями, возможно, не начнет задавать вопросы так рано; он начинает задавать вопросы не раньше двенадцати или четырнадцати лет. Однако смышленый ребенок неизбежно начинает задавать вопросы раньше. Жизнь – это такая тайна, что с самого начала ребенок осознает: что-то происходит. Повсюду вокруг него идет жизнь, которая воспроизводит себя.

Он видит в саду яйца птиц, и однажды яйца разбиваются, и из них выходят птенцы. Он наблюдает, как все больше и больше становится живот его матери, и, конечно, ему интересно. Что происходит? Она заболела, или с ней случилось что-то еще?

И вот приходит день, когда она возвращается из больницы с ребенком. Откуда взялся этот ребенок? Его принес аист. И он видит, что большой живот исчез. И он удивлен: что случилось с животом?

Не создавайте детям ненужных загадок. Жизнь достаточно загадочна сама по себе. Жизнь так таинственна, и неизбежно возникают вопросы. И помните: чем смышленее ребенок, тем раньше он начинает задавать вопросы. Поэтому, если ваш малыш любопытен, не думайте, что он развращен с самого начала. Он не развращен, он смышлен. Если кто-то и развращен, это *вы*. Он же просто смышлен.

Объясните ему все, как есть, и укажите способ познания. Не философствуйте, не обходите вопрос окольными путями, идите к нему прямым путем. Объясните это просто, ясно, как дважды два – четыре.

И вы будете удивлены: как только вы все объясните ребенку, он пойдет играть. На самом деле, ему больше не интересно, он никогда не спросит об этом еще раз. Если вы начнете искажать суть вещей, он задаст свой вопрос снова и снова – подходя к нему с разных сторон, задавая его по любому поводу; он задаст его снова, потому что хочет знать факт, и до тех пор, пока это не случится, он не будет удовлетворен.

Только факты дают удовлетворение. Ложь может отложить вопрос на потом, но она не удовлетворяет.

Четвертый вопрос:

Возлюбленный Мастер, почему к самому себе и к жизни в целом я по-прежнему отношусь столь серьезно?

Тада, каждый человек воспринимает жизнь серьезно, потому что каждый человек пуст. Будучи серьезным, вы скрываете свою пустоту, будучи серьезным, вы притворяетесь. Будучи серьезным, вы лишь избегаете одиночества, которое внутри вас, пустоты, которая внутри вас.

Вы утратили способность смеяться, способность быть непринужденным, потому что, будучи непринужденным, вы начинаете осознавать свою внутреннюю пустоту. Вы должны быть серьезными. Серьезный держится на поверхности. Расслабившись, вы начинаете погружаться глубоко в свое существо – и возникает страх.

Люди предпочитают быть серьезными, и для этого есть определенные причины. Одна из них в том, что люди не хотят увидеть самих себя. Серьезность придает им некое достоинство; благодаря ему реализуется их эго. Если вы серьезны, любой подумает, что вы значительный человек.

Серьезность означает важность. Важные люди очень серьезны – вы никогда не увидите смеющихся святых. Христиане говорят, что Иисус никогда не смеялся. Это не может быть правдой. Я знаю Иисуса гораздо лучше и уверен, что они ошибаются. Но они предлагают свой собственный подход: может ли Иисус смеяться? Он должен быть серьезным, совершенно серьезным.

Все христианские изображения Христа уродливы и недостоверны, так как лицо Христа изображено слишком серьезным. Художники возвеличивали Христа; они полагали, что его лицо *должно* быть серьезным, поскольку Иисус – это спаситель, а может ли спаситель смеяться и шутить? Можно ли представить себе спасителя мира, который смеется и отпускает шуточки? Вы не сможете представить себе спасителя мира, отпускающего шуточки; он обя-

зан быть серьезным. На его плечах большое бремя, он несет на своих плечах величайшее бремя: бремя всей земли, всего человечества, первородного греха и всех прочих – не первородных – грехов. Он несет на своих плечах бремя миллионов людей и их грехов: он – спаситель.

Христиане не могут представить себе Кришну, танцующего и играющего на флейте, из-за этой идеи. Кришна представляется им крайне несерьезным. Сможете ли вы играть на флейте, когда столько людей страдает от стольких грехов? Все эти люди рано или поздно отправятся в ад – можно ли играть на флейте при мысли об этом? Время ли сейчас играть на флейте? Как вы можете при этом танцевать – да еще с таким количеством подружек!

Это кажется совершенно безответственным. Спаситель, танцующий с подружками в ночь полнолуния, в то время как весь мир так несчастен! Кришна должен открывать больницы или хотя бы начальные школы, чтобы дать людям образование. Он обязан выполнять какие-нибудь миссионерские задачи. Чем занимается он в полнолуние, когда весь мир все больше и больше погрязает в грехе?

Он кажется легкомысленным. Иисус серьезен.

Тада, вы спрашиваете меня: *Почему к самому себе и к жизни в целом я по-прежнему отношусь столь серьезно?*

Это дает вашему эго удовлетворение: вы серьезный человек, вы незаурядная, особенная личность. Вы не похожи на людей, посещающих кинотеатры, веселящихся, сплетничающих и болтающих всякий вздор. Вы серьезный человек: вы целиком отдаетесь медитации, вы полностью отдаетесь чтению Библии и Корана. Вы остаетесь верны всему великому и высокому, вы равнодушны ко всему мирскому.

Серьезность – это опора для эго, серьезность – это климат, в котором расцветает эго. Не-серьезность это смерть эго.

Я учу вас не-серьезности.

Ваша серьезность способна сделать их мухи слона. Вы делаете слона из такой маленькой мухи. К примеру, кто-то курит сигареты, и он так серьезен, как будто из-за этого он попадет в ад. Он полагает, что совершает большой грех.

Не будьте такими глупыми. Просто вдыхая и выдыхая дым, вы не совершаете никакого греха. Возможно, это свидетельствует о том, что вы глупы, но не о том, что вы грешник. И я не думаю, что людей посылают в ад за глупость. В противном случае, вся наша земля стала бы адом. Почему люди здесь? Все глупые люди оказались в этом мире!

Но вы создаете слона. Вы не выносите маленьких вещей, вы хотите чего-то большого.

Говорят, что одна дама пришла на исповедь и рассказала священнику длинную историю о своих грехах, после чего священник пригласил ее в соседнюю комнату для епитимьи, где она должна была двенадцать раз повторить «Ave Maria» и смыть свои грехи, омыв руки святой водой, которая хранилась в чаше на столе.

Пока она бормотала «Ave Maria» и мыла руки в чаше со святой водой, в комнату вошла другая молодая леди, взглянула на эту сцену и воскликнула:

– Немедленно уберите свои грязные руки из воды! Мне придется полоскать ей горло!

Вы полагаете, что совершили большой грех? Есть и другие, более серьезные люди. Вы должны помнить одну вещь: даже в аду вы не будете первым, вы будете стоять в длинной-

длинной очереди. Где бы вы ни были, вы будете стоять в длинной-длинной очереди. Забудьте о том, что можно быть первым, даже в аду.

Джордж Бернард Шоу однажды сказал... На вопрос: «Куда вам хотелось бы попасть: в рай или в ад?», он ответил: «Куда бы я ни попал, я хотел бы быть первым. Я готов оказаться в аду, но я хочу быть первым. И если я буду на небесах вторым, я туда не хочу».

Эго стремится быть первым везде. Эго стремится стать самым великим святым; и если это невозможно, тогда самым великим грешником – но только самым великим.

Почему вам не хочется быть обычным? Заурядный человек необычайно прекрасен, человечный человек – божественен.

Забудьте об идеалах и целях, эти идеалы и цели делают вас невротичным. И люди постоянно меняют свои цели. Вначале они стремились в рай, к святости, к постижению Бога или к просветлению. Теперь они другие: они хотят достичь тотального оргазма. Они не хотят быстротечного оргазма – им нужен тотальный оргазм.

Что такое тотальный оргазм? И как вам узнать, что он тотальный? Существует ли способ измерить его? Вам никогда не стать счастливыми: тотальный оргазм недостижим.

В наше время есть люди, стремящиеся к непрерывным острым ощущения, они хотят испытывать острые ощущения в каждое мгновение жизни. Они сходят с ума. Если хотя бы одно мгновение прошло без острых ощущений, жизнь потеряна. Это мгновение потрачено впустую: где его острое ощущение? Они хотят оставаться на вершине непрерывно, двадцать четыре часа в сутки.

Это желание сводит людей с ума. Образ жизни должен быть более здоровым. Что я имею в виду, когда говорю, что образ жизни должен быть более здоровым? Человек должен принять обычное. Обычное подарит ему великую радость, но эта радость не похожа на острые ощущения, она более рассеяна. Это не вершина, поскольку вершины могут существовать только вместе с долинами. Если вам нужны острые ощущения, спускайтесь в долину, спускайтесь в долину вновь и вновь.

Ваша жизнь повторит миф о Сизифе. Он тащит камень на гору, и в то мгновение, когда он достигает вершины – поскольку вершина так мала, а камень так велик – то он скатывается вниз с другой стороны. Он должен быстро спуститься в долину, чтобы начать свое новое путешествие, чтобы вновь устремиться к острым ощущениям. Потому что, достигнув пика, едва достигнув, только достигнув его, он возвращается в долину.

Нечто подобное происходит и с вами. Каждое переживание вершины мгновенно; это повторение мифа о Сизифе.

Забудьте об этом. Лучше живите обычной жизнью. Такова жизнь ученика дзен, такова жизнь суфийского ученика – это обычная жизнь.

Мне рассказали:

Один американский ученый приехал в Дакку, в Бангладеш. Он слышал о великом суфийском Мастере. Он спешил на встречу с Мастером: он справлялся о нем у многих людей, но никто из них не слышал о нем. В аэропорту никто из тех, к кому он обращался, не слышал о нем. Он стал подозрительным, он впал в уныние. Он приехал из далекой страны, он так много слышал о суфийском Мастере, живущем в Дакке, в Бангладеш, – и что же он увидел? Никто даже не знает его имени!

Сделав последнюю попытку, он обратился с вопросом к шоферу такси. И шофер такси сказал:

– Оставайтесь в моем такси, и я отвезу вас к нему.

Ответ был столь неожиданным, что он не мог поверить ему – потому что о Мастере никто не знал. Он спрашивал, но никто не знал.

Водитель такси сказал:

– Не беспокойтесь, я знаю его. На самом деле, это – я.

Оказалось, что это так. Он был суфийским Мастером, но он работал водителем такси, и его жизнь была самой обычной жизнью.

Таким образом действуют суфии. Кто-то из них ткач, кто-то, возможно, гончар, кто-то, возможно, делает ковры.

Известно ли вам, что делал Гурджиев, живя на Западе? Он занимался продажей ковров. Он был продавцом ковров, в этом состоял его бизнес. Если бы вы увидели его, вы не узнали бы в нем великого Мастера.

Так жили суфии, они жили так в течение многих веков. Они не выделялись, потому что в этом не было нужды.

Но эго страстно стремится к вершине, и именно эго мешает вам жить в постоянной радости. Постоянная радость – не вершина, помните об этом. На самом деле, это более покой, чем блаженство, это, скорее, покой. В ней есть блаженство, подобное благоуханию – но вы не можете поймать его. Это блаженство, но оно очень косвенное, очень тонкое, очень хрупкое. Конечно, это не вершина. Это очень легко и просто.

Тада, вы серьезны, потому что боитесь познать свою обычность. Это правда, а правда не бывает обычной. Как только вы принимаете свою обыкновенность, из самой этой обыкновенности возникает необыкновенность. Ваша обыкновенность становится светящейся и сияющей. И тогда каждое мгновение становится даром, и с каждым мгновением приходит своя особая радость, свой особый мир, своя особая красота.

Но никогда не стремитесь к вершинам. Эта идея вершины – проекция эго. Не впадайте в серьезность и не делайте из мухи слона: нет ничего, заслуживающего вашей серьезности.

Радуйтесь и смейтесь, живите так, словно жизнь – игра, и вы узнаете, что такое жизнь. Она проявляется в смехе, а не в серьезности. Серьезный человек – это закрытый человек, серьезный человек – это недоступный человек. Серьезный человек живет с закрытыми окнами и дверями. Серьезный человек живет, заключенный в себе; он не возводит мостов между собой и людьми. Он закрывает двери, не оставляя за собой никаких мостов.

Смейтесь, потому что смех – это мост. Любите, потому что любовь – это мост. Радуйтесь мелочам, потому что жизнь состоит из мелочей, и радость, извлекаемая из мелочей – это мост.

Вот почему люди дзен даже чаепитие превратили в медитацию. Самое обычное чаепитие: можно ли представить его себе как некое религиозное действо? Но оно может быть трансформировано; это зависит от вашего подхода. Вы можете пить чай медитативно: медитативно пить, чувствовать его вкус, вдыхать его запах. Сначала прислушивайтесь к кипению воды, к ее песне, к танцу пара, вдохните нежный аромат, исходящий от него. Каждое мгновение чаепития заполните молитвой, и тогда самый обычный чай становится чем-то божественным. Потому что, если трансформируется чаепитие, значит, можно трансформировать и многое другое.

Жить религиозно не означает жить серьезно, это означает жить медитативно. А медитация не имеет ничего общего с серьезностью. Медитация – это игривость.

Именно поэтому я настаиваю на том, чтобы здесь было все больше и больше танца и пения. Я использовал випассану и задзен в качестве фона, потому что они могут создать в вас серьезность, но вы уже серьезны, а это опасно. Сначала необходимо уничтожить серьезность, и только после этого вы сможете наслаждаться випассаной, не впадая в серьезность.

Вначале вы растворяетесь в танце, в котором исчезает ваша броня. Сначала вы должны закричать и запеть от радости, и ваша жизнь станет полнее. Вначале вам хочется очищения, затем все, что подсознательно подавлялось, тело выбрасывает наружу, очищаясь от токсинов и ядов, и ваша психика очищается от подавленных ран и травм.

Очищение, испытанное вами, даст вам способность смеяться, даст вам способность любить, способность наслаждаться випассаной. Теперь випассана не сможет сделать вас серьезным, она не сможет ввести вас в ловушку эго. Сейчас вы можете сидеть в молчании; сейчас молчание несерьезно.

Это то особое качество, которое я пытаюсь вложить в випассану, и нигде во всем мире его не найти. Все мои силы направлены на то, чтобы перенести Тантру в двадцатый век, трансформировав ее в Нео-Тантру, чтобы перенести Дао в двадцатый век, трансформировав его в Нео-Дао, чтобы перенести дзен в двадцатый век, трансформировав его в Нео-дзен, и так далее и тому подобное: Нео-суфизм и Нео-йога...

Столетия отделяют вас от этих прекрасных учений; эти столетия должны быть отброшены. И эти столетия будут отброшены, если *вы* отбросите то, что сделали с вами за эти столетия. Вы стали слишком серьезны. Современный человек очень серьезен; раньше этого не было. И эта серьезность создает некую дистанцию между вами и Богом, между вами и целым.

Тада, идите в свою серьезность и посмотрите, что скрывается за ней. Вы одиноки, вы пусты и неспособны взглянуть на нее. Вы должны посмотреть на нее, потому что пустота не есть зло, пустота необыкновенно прекрасна. Если вы уйдете от нее, она станет безобразной. Если вы войдете в нее, она станет молчанием и спокойствием. Если вы растворитесь в ней, она станет творчеством.

Одиночество прекрасно. Только одинокий человек обретает способность любить. Те, кто неспособен быть одинокими, вообще не могут любить, поскольку их любовь остается своего рода потребностью.

Есть два типа любви. Первый тип – когда вы говорите другому человеку: «Ты нужен мне, я действительно люблю тебя». Эта любовь отвратительна, потому что она исходит из потребности. Вы говорите: «Я нуждаюсь в тебе», желая использовать другого. Вы еще неспособны быть одинокими; вам хочется быть вместе с другим человеком, вам хочется цепляться за другого. Другой человек отвлекает вас – не будь его, вы испугались бы собственного одиночества.

Именно это говорят люди, а любящие получают удовольствие от этих слов. Когда кто-то говорит вам: «Ты мне нужен, я действительно люблю тебя», вы чувствуете, что входите во что-то прекрасное. Но это не так: вы входите во что-то разрушительное. Это неверный способ любви.

И такова любовь, которая существует в мире. Каждый человек испытывает страх перед своим одиночеством и тянется к другому, используя его как средство, как объект привязанности. Используя другого, вы низводите его до вещи. Он уже не личность, он становится мужем или женой. Свобода утрачена. Вы не можете позволить другому быть свободным,

потому что, допустив свободу, вы столкнетесь со своим одиночеством. Но именно этого вам хотелось бы избежать.

Вы цепляетесь за другого. Вы держитесь за другого, вы владеете другим. Даже ценой того, что вы становитесь собственностью другого, вы готовы утратить свою свободу. Вы становитесь рабами по отношению друг к другу, заключенными в одну камеру.

Любовь-как-необходимость порождает то, что я однажды назвал узким видением. Вы сконцентрировались на одном человеке и боитесь, что, если он оставит вас, вы вообще не сможете жить. Сама идея о том, что другой покидает вас, немедленно наводит вас на мысль о самоубийстве. В вашей жизни не будет никакого смысла.

Таково узкое видение. Человек старается допустить лишь узкий спектр ощущений; все остальное расценивается как незначительное. И если эти ожидания не оправдываются, человеку кажется, что не стоит жить. Но они никогда не оправдываются, потому что, в действительности, один человек не может принадлежать другому. Возможно ли обладать личностью? Она не вещь, и вы никогда не станете хозяином. Другой будет непрерывно утверждать свою свободу, он будет постоянно саботировать ваши попытки завладеть им. Другой пытается обладать вами, вы же пытаетесь завладеть им. Никому не хочется быть собственностью другого, каждому хочется быть собственником. Но это обречено на неудачу.

Рано или поздно к вам придет ощущение, что жизнь лишена смысла. Данный тип любви патологичен, но это единственный существующий и доступный во всем мире тип. Он делает людей невротичными. На смену ему должна прийти любовь, которая была бы не потребностью, а состоянием. Только тогда человек сможет любить жизнь во всем ее богатстве. Только тогда человек сможет полюбить и позволить другому быть свободным. Тогда любовь не будет обладанием.

Но такая любовь станет возможной, когда вы научитесь жить со своим одиночеством. Когда вы будете совершенно счастливым, абсолютно одиноким и не нуждающимся в другом, только тогда вы сможете полюбить. Но в наши дни существует совершенно иной тип любви – только подумайте об этом, и вы будете шокированы.

Затем любящий говорит: «Я нуждаюсь в тебе, я люблю тебя». Было бы непостижимо, если бы любящий сказал: «Я не нуждаюсь в тебе, я люблю тебя». Это звучит противоречиво, поскольку вы часто слышали: «Я нуждаюсь в тебе, я очень тебя люблю» – и вы привыкли к такому подходу.

Однако, это и есть *подлинная* любовь, иная любовь разрушительна. Она разрушает людей, она разрушает любую возможность развития. Это истинная любовь, это созидающая любовь, когда можно сказать: «Я не нуждаюсь в тебе, я просто тебя люблю».

Просто медитируйте на это. Повторите молча про себя: «Я не нуждаюсь в тебе, я люблю тебя» – и вам откроется совершенно иное измерение. Теперь можно не обладать, теперь можно не низводить другого до уровня вещи, теперь можно не нарушать его или ее свободу, теперь не нужно позволять другому разрушать вашу свободу. Теперь любовь может сосуществовать со свободой.

Когда любовь сосуществует со свободой, она необычайно прекрасна; в ней есть что-то высшее. Теперь вы делитесь ею. Теперь это роскошь, это больше не потребность.

Я учу вас любви-как-удовольствию, а не любви-как-потребности. Это просто переполнение. У вас есть так много, что вы не можете удержаться от того, чтобы не поделиться с кем-то. Но откуда у вас так много? Это приходит, если вы умеет жить в одиночестве. Если вы умеете жить в одиночестве, наслаждайтесь и празднуйте это. Если вы знаете, как быть

пустым без какого-либо желания наполнить себя, начинить себя чем попало – пищей, любовью, деньгами, властью – то, как только интерес к этим вещам, заполняющим пустоту, будет утрачен, пустота внезапно изменит свою окраску, ее качество трансформируется. И вы расслабитесь в ней.

Затем исчезнет ощущение «Я пуст». Придет ощущение «Я есть пустота – и, если я есть пустота, значит, я есть пустота». Пустота необычайно чиста. Даже мельчайшая частичка пыли не может загрязнить эту пустоту. Ничто не может загрязнить пустоту, ее непорочность тотальна и абсолютна. Эта пустота всегда девственна. Из этой пустоты, когда вы живете в этой пустоте – из нее вытекают и бьют ключом великая радость и великий покой.

Именно это я называю созиданием. Оно может стать песней, оно может стать живописью, оно может стать танцем, оно может стать любовью, оно может стать чем угодно. Но во всех этих проявлениях есть одно общее качество: это переполнение. Эта переполняющая любовь есть состояние, наслаждение, когда вы делитесь из чистой радости делиться. Эта любовь – празднование.

А вы, Тада, всегда избегали своего одиночества, вы всегда избегали своей пустоты. И если вы по-прежнему будете избегать ее, вам никогда не удастся познать ее, познать эту созидательную любовь. Это самое великое переживание из всех существующих. Вы не используете свои собственные возможности и свой потенциал.

Пожалуйста, не будьте серьезными. Забудьте о *серьезности.* Она не принесет вам ничего, кроме все новых и новых несчастий.

Задумайтесь над этими словами Халиля Джебрана:

Танцуйте и пойте вместе, и будьте радостными.
Но пусть каждый из вас остается одиноким.
Даже струны лютни одиноки,
Хотя они создают одну и ту же мелодию.
Стойте рядом, но не слишком близко,
Ибо даже колонны, поддерживающие храм, стоят порознь,
И дуб, и кипарис не растут в тени друг друга.

Будьте одинокими: такова медитация. Потому что в одиночестве возникает любовь: это творчество. Тогда любовь может творить чудеса.

Но человек, который остается серьезным, недоступен для своих собственных источников, своих собственных жизненных соков; он недосягаем для своей почвы и своих корней. Человек, который всегда серьезен, продолжает ходить вокруг да около своего бытия.

Отбросьте свою серьезность. Смейтесь немного больше, любите немного больше, и вы познаете, что такое Бог.

СВАРИЛИ И ПОДЖАРИЛИ

Рубин, лежащий здесь – всего лишь камень,
а духовное величие – верх глупости.
Молчание есть благо – довольно пустых речей;
болтовня есть грех, ввергающий вас в скорбь –
довольно!
И вера, и неверие
порождены лицемерием твоего сердца.
Путь очень долог оттого,
что ты все не решаешься вступить на него;
один-единственный шаг
отделяет тебя от него:
стань рабом, и ты будешь королем.
Немой заговорит,
как только аромат жизни,
исходящий из его души,
коснется его.
Слушайте лучше,
но не обманывайтесь:
это не для глупцов.
Все богатство оттенков
сливается в один цвет
в дисгармонии единства;
канат слабеет,
стертый в одну-единственную нить.
Ваш интеллект – всего лишь мешанина
догадок и мыслей,
надвигающихся на лик земли...
его нет там, где есть они;
они – часть его творения.
Человек и его ум – всего лишь
запоздалые плоды, зреющие в его саду.
Как бы вы ни толковали его природу,
вы неминуемо исходите из своей глубины,
словно слепой, тщетно пытающийся описать
внешность своей матери.
В то время как ум гонится за тайной,
ваш поиск иссякает в открытом поле любви.
Путь складывается
не из слов и не из дел:

от них рождается только отчаяние
и ничего долговечного и прочного.
Сладость и жизнь – слова эти
исполнены смысла для того,
кто шагает в молчании по этой дороге;
он говорит не от невежества,
он молчит не оттого, что ленив.

Суфий не эскапист, это не его духовная атмосфера. Он категорически против эскапизма. Он верит в праздник мира, праздник существования, праздник любви. Вот основное положение суфизма: творец становится доступным только через творчество. Нет нужды отвергать его творение, чтобы достичь его; на самом деле, отвергнув его творение, вы никогда не достигнете его. Отвергая его творение, вы косвенно отвергли самого создателя.

Но отречение все же происходит. Это не значит, что суфий отрицает мир, это значит, что он достигает Бога – в то мгновение, когда он достигает Бога, мир исчезает. Тогда отрицать нечего: тогда остается только Бог.

Суфий не удаляется от мира, но приходит мгновение, когда мир растворяется и исчезает. Суфий живет в мире и обнаруживает, что мира нет, есть только Бог.

Суфий не аскет. Он не верит в самоистязание, он не патологичен. Суфий ведет совершенно нормальный образ жизни, без извращений, без навязчивых идей. Несмотря на то, что качество его жизни постепенно меняется, сам он не пытается изменить его. Все силы его сосредоточены на памяти о Боге, а не на изменении самого себя.

Пусть это проникнет глубоко в вашу душу, в противном случает вы упустите смысл суфизма. Суфий концентрируется только на одном: на воспоминании о Боге – зикрах. По мере того, как это воспоминание все больше и больше углубляется, его привязанность к миру ослабевает. По мере того, как он все ближе и ближе подходит к высшей реальности, повседневная реальность утрачивает свою привлекательность; она начинает отступать на задний план. Когда вы нашли настоящее золото, будете ли вы по-прежнему носить фальшивое? Найдя подлинные алмазы, вы автоматически выбрасываете простые камешки, цветные камешки, которые носили прежде.

Эскапист говорит: «Откажитесь от цветных камешков, и вы получите настоящие алмазы». Суфий говорит совершенно противоположное, он говорит: «Найдите настоящие алмазы, и все, что неподлинно, уйдет из вашей жизни само собой».

Достаточно узнать реальное, и тогда нереальное отрицается этим знанием. А поскольку нереальное отрицается этим знанием, оно не оставляет шрамов и ран на вашем теле. Аскета мучают кровоточащие раны. Он еще не созрел, иначе плод упал бы с дерева, не оставляя следов на его теле. Если плод еще не созрел и вы срываете его, это вредно для дерева, это вредно для плода; это ранит и дерево, и плод.

Вы видели, как прекрасен зрелый плод, падающий сам по себе? Беззвучно, спонтанно. Возможно, дерево даже не подозревает, что плод исчез, возможно, плод не осознает, что дерева больше нет.

Суфизм предлагает простейший из возможных способов. Суфий живет простой жизнью. Но он не культивирует простоту, поскольку культивированная простота уже не проста: она уже сложна. В культивировании есть мотивация, есть желание, есть стремление; вы страстно желаете чего-то. Культивируя что-либо, вы стараетесь чем-то стать. Это желание. А как может желание быть простым? Культивирование не может быть простым. Искусственная саньяса, деланная простота не могут быть прекрасны. Точнее, это вообще не простота.

В Индии и в других странах вы можете увидеть множество святых: их простота искусственна, просчитана, мотивирована. Их желание – Бог, они жаждут Бога, а значит, они готовы заплатить цену.

Суфий говорит: «Бог открыт, он уже открыт». Все, что вам нужно – это неусложненный ум, все, в чем вы нуждаетесь – это состояние немотивированности. Все, что вам нужно – это погрузиться в безмолвие данного момента, не пытаясь достичь некоего завтра. А что

такое ваша «жизнь после смерти»? Это продолжение тени завтрашнего дня. Эти люди, надеющиеся достичь рая и нирваны после смерти – очень жадные люди. Они совсем нерелигиозны.

Суфизм не верит в сказки о потустороннем мире, о рае и аде. И дело не в том, что рая не существует, а в том, что суфия это не интересует. Суфий живет тотально в данном мгновении. Его простота – следствие его понимания, но не культивирования; он не практикует ее. Смотря на жизнь, он осознает чистоту цветка розы: как он прост, как прекрасна его чистота. Он очищается подобно цветку розы: цветок розы не беден, он прост и богат. Разве может быть большее богатство? Цветок розы прост и необыкновенно роскошен – разве может быть большая роскошь?

Суфий живет мгновением, он расцветает в каждом мгновении, подобно цветку розы: простому – и все же богатому. Это не вынужденная нищета; он нищ духом. Что значит быть нищим духом? Это просто означает, что нет эго, вот и все; это не значит, что он привязан к нищете.

Опасайтесь этого! Есть люди, привязанные к богатству, и есть люди, привязанные к бедности. Но это точно такая же привязанность.

Я слышал историю о дервише, который отправился навестить знаменитого Мастера-суфия. Увидев его богатство, дервиш подумал про себя: «Разве может суфизм сочетаться с подобной роскошью?» Погостив несколько дней у Мастера, он решил покинуть его. Мастер сказал:

– Позволь мне сопровождать тебя!

Когда они отошли немного, дервиш обнаружил, что он забыл свой *кашкул*, чашу для подаяния. И он попросил у Мастера разрешения вернуться и забрать его.

Мастер ответил:

– Я оставил все свое имущество, а тебе жалко какой-то чаши. Считай, что отныне наши пути разошлись.

Суфий не привязан ни к богатству, ни к бедности; он ни к чему не привязан. Если человек ни к чему не привязан, ему не приходится отрекаться. Отречение – обратная сторона привязанности. Тот, кто постиг всю глупость привязанности, не отрекается. Он живет в этом мире, но он не от мира сего.

Упрямое и настойчивое желание жить в бедности есть род привязанности: не забывайте об этом. Упрямое стремление к *чему угодно* – это игры эго.

Суфий живет просто, суфий живет, не имея собственной воли. Он счастлив, когда судьба дарит ему дворец; и он счастлив, когда судьба дарит ему хижину. Он доволен, если ему выпала роль короля, и он не менее доволен, если ему выпала роль нищего. Он не отдает предпочтения ничему. Он живет мгновением, довольствуясь тем, что послал Бог, не пытаясь что-то изменить.

Это важно понять, поскольку веками религии учили вас самоотречению. Веками религии культивировали склонность к эскапизму. Для суфизма характерен совершенно противоположный подход, гораздо более здоровый, гораздо более целостный, гораздо более человечный, гораздо более естественный. Ваша попытка избежать чего-либо *вызвана* страхом, а трансформация никогда не происходит от страха.

Если что-то прекращается само собой – не оттого, что вы пытаетесь отбросить это, а просто потому, что это стало несущественно, неважно – тогда приходит свобода.

Свобода не может быть следствием страха, свобода есть следствие глубокого осознания. Суфий живет в мире, заботясь о Боге. Он живет в мире, но помнит о Боге. Он идет на рынок, но его сердце наполнено памятью о Боге. Зикры не останавливаются. В мире он не забудет ничего; это его труд.

Уходите вы из мира или не уходите – но если вы забывчивы, вы потеряете Бога, где бы вы ни были: на рынке или в монастыре. Если вы не забывчивы, если вы в полном сознании, бдительны и алертны, то Бог повсюду – здесь точно так же, как где бы то ни было, сейчас точно также, как когда бы то ни было. Дело не в том, чтобы куда-нибудь уйти; можно просто расслабиться здесь и погрузиться в безмолвное созерцание. И тогда жизнь станет простой и безыскусной.

Да, именно это и есть простота: не характер, отшлифованный воспитанием, а жизнь, свободная от всего несущественного, незначимого, мирского, повседневного, тривиального.

И позвольте мне вновь повторить, что суфий не верит в сказки, а значит, дело не в мотивациях. Он не верит в завтрашний день. Единственное известное ему время – это сейчас, единственное известное ему пространство – здесь.

Это пение птиц божественно для него. Иного Бога, отдельного от существования, нет. Танцор живет в танце, и поэтому не может представить себе личного Бога, восседающего где-то высоко в облаках. Его Бог – это безличное присутствие.

Ощутите это сейчас, сию минуту. Он присутствует и здесь, как и всюду. Нужно лишь ощутить свое глубокое созвучие ему, свою сонастроенность ему. И тогда вы услышите, как каркают вороны, и кукушка прокричит вам откуда-то издалека... и снова тишина. В этой тишине вы ощутите это безликое присутствие, обступающее вас со всех сторон.

Один молодой банковский клерк украл в банке пять тысяч фунтов и не смог вернуть их – его поймали с поличным. В отчаянии взобрался он на высокую скалу, решив покончить жизнь самоубийством.

В тот момент, когда он собирался прыгнуть, кто-то похлопал его по плечу. Оглянувшись, он увидел очень некрасивую женщину. Она заявила, что она – его добрая фея, и обещала выполнить три его желания.

Его первым желанием было вернуть пять тысяч фунтов – оно было исполнено. Его вторым желанием был большой дом и третьим – роллс-ройс. Добрая фея выполнила все три его желания.

Довольный собой, он направился домой, чтобы получить свои пять тысяч, дом и роллс-ройс. Добрая фея остановила его, потребовав, чтобы и он, в свою очередь, выполнил одно ее желание. Он с радостью согласился, и тогда она попросила его заняться с ней любовью.

Она была ему отвратительна, но он чувствовал себя обязанным. Он быстренько исполнил ее просьбу, поспешно натянул брюки и хотел удалиться, но она снова остановила его. Она спросила:

– Сколько вам лет, молодой человек?

– Тридцать пять. А почему вы об этом спрашиваете?

– И вы до сих пор верите в добрых фей?

Человек, верящий в личного Бога – незрелый человек. На свете нет ничего похожего на персонального Бога. Персональный Бог – это ваша идея отца, спроецированная и раздутая. Вы инфантильны. Если, молясь, вы полагаете, что молитесь персональному Богу, это

обычная глупость. Вашу молитву никто не слышит. Тем не менее, Бог есть. Но Бог – не личность, Бог – безличное присутствие.

Бог – это все существование, он абсолютно во всем, что есть. Вот почему молитва может быть только молчанием. Вы не можете обратиться к Богу – молитва может быть лишь абсолютным молчанием.

Если вы сейчас молчите, это мгновение заполнено молитвой. В этом вся суть молитвы. Все останавливается: ни одна мысль не возникает в голове, ваше дыхание замедляется, и наступает мгновение, когда вы почти не дышите. В этом состоянии вы соединяетесь, вы включаетесь в реальность. Больше ничто не отделяет вас от нее; вы едины с ней.

Это единство и есть молитва.

А теперь сутры.

Рубин, лежащий здесь – всего лишь камень...

Где? Что подразумевает Хаким Санаи под словом «здесь»? Молчание, о котором я говорил. Когда вы погружаетесь в абсолютное молчание, в молитву, в самадхи...

Рубин, лежащий здесь – всего лишь камень...

Ваш взгляд на вещи полностью меняется. Когда в вашем уме бурлят желания, даже обычный камень может показаться рубином. Проецируя свое желание на обычный камень, вы создаете иллюзию, что он драгоценный.

Что такое рубин для человека, не одержимого желаниями? Самый обычный камень. Все алмазы для него – всего лишь обычные камни. Будет ли отличаться самый обычный камень от алмаза в тот день, когда начнется третья мировая война и с лица земли исчезнет все человечество? Будет ли отличаться знаменитый Кохинор от придорожной гальки? Едва ли.

Это значит, что отличие создается человеком, проецируется человеком. Это искусственное отличие. Это нечто, существующее в уме человека: если он исчезнет, не будет ни рубинов, ни обычных камней, различие между ними исчезнет. Сможет ли Кохинор тогда претендовать на какие-то особые привилегии?

Жил-был в лесу Мастер дзен, и король той страны отправился навестить его. Он привез с собой много подарков, и среди них – красивую мантию, усыпанную алмазами, очень ценную, самую дорогую мантию из личных вещей короля. Он привез в подарок эту бархатную мантию.

Мастер принял подарок, но после короткого раздумья вернул его, сказав:

– Прошу тебя взять это назад.

Король почувствовал себя обиженным. Он сказал:

– Это подарок от меня. Почему ты не хочешь порадовать меня, приняв его? Иначе я буду чувствовать себя отвергнутым.

Мастер сказал:

– Дело не в том, что я не хочу доставить тебе удовольствие. Если ты настаиваешь, я сохраню твой подарок. Но я должен сказать тебе одну вещь: я живу здесь в полном одиночестве, здесь нет ни одной живой души. Кто оценит эту мантию? Я живу здесь вместе с ла-

нями и павлинами, изредка сюда заглядывает лев, все эти животные поднимут меня на смех. Не делай меня посмешищем, возьми свой подарок назад. Все они будут смеяться надо мной; они подумают, что я свихнулся на старости лет.

Все мои лесные друзья – это птицы и звери, и никто из них не поймет ценности этих алмазов. Пожалуйста, возьми их обратно, будь добр, возьми их обратно. Они прекрасно выглядят там, где обитает человеческая глупость, но здесь они бессмысленны.

Человек создал различия и категории, иначе все было бы едино. Для того, чтобы понять это, не нужна третья мировая война. В тот момент, когда вы отбрасываете ум, вы сразу начинаете понимать. Ум отброшен, и мир преображается – потому что ум создал определенный образ мира. Если вы отбросили ум, весь мир исчезает. Это был сон.

Затем наступает пробуждение, и вы начинаете видеть вещи такими, какие они есть.

Немецкий философ Иммануил Кант говорил: «Вы не можете видеть вещи в себе».

С точки зрения философии он прав. Если вы работаете через ум, вы не сможете видеть вещи такими, какие они есть, потому что ум существует для того, чтобы искажать, совершенствовать, изменять, проецировать, придавать тот или иной оттенок в силу присущих ему предрассудков. Ум будет вмешиваться. Он не позволит вам видеть вещи такими, какие они есть, вещи в себе, поскольку любая информация, достигающая вас, проходит через ум. В этом Иммануил Кант прав.

Однажды я слышал историю:

Англичанин и ирландец, придя на корабль, отправлявшийся в Америку, обратились к капитану с просьбой присоединиться к команде при условии, что они отработают свой проезд. Капитан согласился, пригласил англичанина на борт, но от ирландца потребовал представить рекомендации. Ирландец сошел на берег и принес их, но дискриминация возмущала его, и он решил отомстить.

Однажды, когда эти двое помогали мыть палубу, англичанин подошел к перилам, держа в руке ведро с привязанным к нему канатом, и спустил ведро в воду. Только он наклонился, чтобы поднять его, как вдруг огромная волна обрушилась, подхватила его и унесла в море.

Ирландец, прекратив мыть палубу, подошел к перилам и пристально посмотрел за борт. Англичанин бесследно исчез.

Справедливо негодуя, ирландец направился в капитанскую каюту.

– Капитан, вы еще помните о том, как потребовали от меня рекомендаций, а этого англичанина взяли без всяких рекомендаций?

– Конечно, помню. Надеюсь, вы не сожалеете об этом?

– Сожалею, капитан? Я никогда ни о чем не жалею. Я пришел к вам только для того, чтобы сказать, что ваше доверие обмануто. Знаете, капитан, этот англи...

– Что значит «обмануто»?

– А вот что: этот англичанин утонул вместе с вашим ведром!

Если у вас есть хоть один предрассудок, вы будете смотреть на мир через призму этого предрассудка. А ум есть не что иное, как великое множество предрассудков. Ум заключает в себе все ваше прошлое, и все, что воспринимается им, должно пройти через это прошлое. К тому времени, когда оно дойдет до вас, оно будет искажено, оно будет перекраше-

но, оно полностью изменится – настолько, что вы никогда не узнаете, что происходит на самом деле.

Иммануил Кант прав, но только как философ. Он не знает о том, что существует мир медитации, он не подозревает о том, что есть суфии, и люди дзен, и даосы. Иначе он знал бы, что есть простой способ познания вещей – вещей в себе: для этого достаточно отложить в сторону ум. Взгляните на реальность пустыми глазами, и тогда никто не будет вмешиваться.

И вы внезапно увидите, что жемчуг – больше не жемчуг, рубин – больше не рубин, алмаз – больше не алмаз. Тогда все разграничения, различия, оценки и суждения исчезнут. Тогда вещи неожиданно предстанут без всяких ярлыков, без всяких названий и вне всяких категорий.

Рубин, лежащий здесь – всего лишь камень,
а духовное величие – верх глупости.

Для тех, кто ощутил вкус медитации, мир утрачивает значимость. Они не отвергают его, просто он уже не значим для них – он не стоит отрицания. Он вообще утрачивает всякую ценность.

Отрицая мир, вы признаете его ценность. Вы говорите: «Ценность мира так высока, что, если я не отрекусь от него, я застряну в нем». Избегая мира, вы боитесь его. Иначе к чему эскапизм? Уже само бегство показывает, что вы одержимы вещами, что вы привязаны к ним и боитесь утонуть в них. Это свидетельствует о вашем бессилии. Эскапист просто демонстрирует свою трусость и бессилие.

Суфии говорят: «Не волнуйтесь, устремитесь в медитацию. Найдите точку естественного безмолвия. Расслабьтесь внутри собственного существа, просто будьте и смотрите. Отрицать нечего. И разрешать тоже нечего; обе эти противоположности исчезли.

Рубин, лежащий здесь – всего лишь камень,
а духовное величие – верх глупости.

И исчезает не только все мирское: ваш так называемый опыт другого мира оказывается глупостью. Все претензии оказываются глупостью.

Таков критерий истинного суфия: он не претендует на величие, он не претендует на особый духовный опыт. Его жизнь обыденна, она лишена каких-либо претензий. Как он может на что-либо претендовать? Ведь в глубине души он понял: нет никого, чтобы претендовать, ибо все есть пустота. Он пришел в состояние *фана*: он растворился. Кто будет чего-то желать? Он не может желать мирской власти и престижа, он не может претендовать на духовное величие.

Санаи говорит: «Это *верх глупости*». Почему? Потому что того, кто говорит: «Я владею богатствами мира», можно простить: он глупец, ему простительно. Но человек, претендующий на духовные богатства, не может быть прощен. Это высшая глупость; вы по-прежнему живете устаревшими понятиями этого мира, вы по-прежнему хвалитесь собой.

Подлинно духовный человек становится безымянным.

Есть одна странная история о Мастере дзен. Когда он достиг самадхи, к нему стали слетаться птицы, прежде никогда не посещавшие его. Они садились ему на плечи или на

голову, резвились на его коленях, плотным кольцом окружали со всех сторон, словно и он тоже был птицей из их стаи.

Вскоре молва о славном Мастере облетела округу. Его ученики начали похваляться: «Смотрите, вот настоящий Мастер. Именно таким и должен быть подлинный Мастер. Нет Мастера, равного нашему; он достиг таких высот самадхи, что птицы перестали бояться его. Он достиг таких высот любви и сострадания, что даже птицы стали понимать его».

Затем последовало странное событие: птицы больше не появлялись, они исчезли. Не один день провели в ожидании ученики, но птицы не появлялись. Озадаченные ученики поспешили к Мастеру за объяснением. И он сказал им:

– Теперь действительно кое-что произошло. Птицы прилетали потому, что внутри меня оставалась некая претензия: «Я достиг». Теперь исчезла даже эта претензия, и птицы забыли обо мне.

Теперь я утратил имя. Даже птицы поняли, что я анонимен, что я никто. Они прилетали ко мне потому, что я был кем-то. А теперь они не появляются, потому что никого здесь не видят – здесь пустота.

Это *фана*. Это то, что суфии называют исчезновением. В этом состоянии вы не можете претендовать на духовное величие или на что-то в этом роде. Помните о том, что любая претензия на духовность становится помехой.

Молчание есть благо...

Теперь нет даже молитвы. Слова утратили смысл; все ваши молитвы – всего лишь слова. Молчание есть благо, молчите – и этого достаточно.

...довольно пустых речей;
болтовня есть грех, ввергающий вас в скорбь –
довольно!

Если вам действительно хочется достичь молитвенного состояния, довольно слов!

Как христиан, как индуистов, как мусульман, вас учили, как правильно молиться, какие слова произносить, какой должна быть правильная молитва. Все молитвы фальшивы. Истинная молитва не имеет ничего общего со словами и формулировками, истинная молитва не может быть ни индуистской, ни мусульманской, ни христианской.

Может ли молчание быть индуистским или мусульманским? Молчание есть молчание. Слова могут быть индуистскими или мусульманскими, следовательно, слова создают конфликт, следовательно, слова создают насилие в мире. Люди борются не за что-то реальное – они борются за слова.

Люди сражались в тысячах войн – не за что-то реальное, а за пустые слова. Один верит в Коран, другой верит в Гиту; этого достаточно, чтобы уничтожить миллионы людей. Но и Коран, и Гита – всего лишь слова, а не реальность.

Вы когда-нибудь видели, чтобы люди убивали друг друга из-за цветка розы, из-за луны или из-за солнца? Эти вещи реальны. Но они могут убивать друг друга за *имя* луны: тот, кто заявляет: «Луна – наш Бог», отождествляет слово «Бог» с Луной. А потом кто-то говорит: «Ты дурак. Луна – не настоящий Бог, подлинный Бог – Солнце», – и начинается новая борьба, и начинается новая ссора.

Слова были причиной всех войн – религиозных войн, политических войн. Идеология – коренная причина любого насилия. Сейчас появились люди, которые пытаются установить мир во всем мире – они создают новую идеологию.

Например, сторонники махатмы Ганди считают, что их идеология *принесет* мир всему миру. История ничему вас не научила. Ни одна идеология не может дать миру мир; все идеологии порождают в мире войны.

Вы считаете, что Мухаммед сознательно дал миру свою идеологию, чтобы вызвать войну? Название, которое он дал своей религии – Ислам; «ислам» означает «мир». Но идеология никогда не приносила мира, она приносила тысячи войн.

Иисус – это человек мира. Кто еще принес в жизнь столько мира, сколько Иисус? Но христианство, идеология, созданная вокруг имени Христа, стала настоящим бедствием.

Все идеологии неизбежно порождают войны, даже идеологии, созданные во имя мира. Вследствие чего наступает мир? Мир наступит, когда человек осознает глупость всех идеологий и порвет с ними. Как только он освободится от всех идеологий, наступит мир. Иначе мир невозможен.

И помните, вы даже из этого можете сделать идеологию: «Наша идеология состоит в том, чтобы не верить ни в одну идеологию». Тогда снова придет война. Тогда тот, кто не верит в нее и не соглашается с ней, объявит вам войну.

Я не говорю, что вы должны сделать *это* своей идеологией – что идеология не нужна. Я просто хочу, чтобы вы попытались понять, что произошло благодаря идеологиям, словам, теориям, философиям. Поймите суть; а, поняв ее, вы избавитесь от этого груза.

Не создавайте новую идеологию вопреки старым идеологиям. Просто разберитесь в них и отбросьте, покончите с ними.

Довольно!

Санаи прав. Он говорит: довольно, живите без идеологий. Живите без теорий, рекомендующих, *как* жить. Живите без идеалов, живите без обязательств.

Любой факт раньше или позже обязывает к решению, и этим он опасен. Любая истина рано или поздно становится идеологией, и тогда она несет в себе зло и яд.

Разве человек не может жить без всяких идеологий? Я не вижу здесь никаких проблем. Если птицы, животные и деревья живут без идеологии, значит, человек тоже может жить без идеологии. Вы когда-нибудь видели дерево-католика или коммуниста-павлина? Если все существование живет вне идеологии, почему не может человек?

Мгновение, прожитое вне идеологии, заполнено молитвой. Тогда вся жизнь человека – молитва, тогда он религиозен. Человек, у которого есть идеология, политичен; все идеологии политичны.

Религиозный человек живет вне всякой идеологии. Он просто живет, в каждое мгновение реагируя на реальность, – не через слова, не через дисциплину, не через выводы и умозаключения, нет. Он просто реагирует на все, что происходит и что истинно в данный конкретный момент, безотносительно какой-либо идеи.

Религиозный человек, без сомнения, должен быть бдителен, чтобы реагировать правильно. Человеку с определенными идеологическими взглядами не обязательно быть бдительным, он может спать. У него есть конкретная идеология; в любой ситуации у него готов ответ. Зачем ему быть бдительным? Потому-то люди и живут словно во сне, им ни к чему бдительность. Вы уже получили готовые ответы на все случаи жизни.

Если вам придется самому каждую минуту искать ответ, сможете ли вы, как и раньше, жить в состоянии дремоты? Действительность постоянно бросает вам вызов, и, если у вас нет готовых ответов, приходится быть бдительным и осторожным.

Человек, расстающийся со словами и идеологиями, мгновенно становится очень, очень бдительным. И его сознательность – это молитва. Молчание всегда наполнено осознанием, а болтливый ум всегда несознателен.

И вера, и неверие
порождены лицемерием твоего сердца.

Обратите внимание на революционный смысл этих слов:

И вера, и неверие
порождены лицемерием твоего сердца.

Откуда приходит вера? И откуда неверие? Они идентичны, они исходят из одного источника: лицемерного сердца.

Вы видите множество лицемеров в храмах, мечетях и церквях. Они могут скрываться за разными формами и размерами, за самыми разными словами, но корень у них один: лицемерие.

Почему лицемерие становится источником веры и неверия? Человек говорит: «Я верю в Бога», ничего не зная о Боге. Не имев возможности познать Бога, прикоснуться к Богу, он говорит: «Я верю в Бога». Откуда эта вера? Из лицемерия. Он притворяется; он обманывает других, он обманывает самого себя.

Как вы можете верить в Бога, не имея собственного опыта? Но ваш отец говорил вам о Боге, ваша мать говорила вам о Боге, ваш священник, государство учили вас верить в Бога. Они все время насаждают в вас веру. Если вы родились в католической стране, вам дадут католическую веру, если вы родились в коммунистической стране, вас посвятят в коммунистическую веру.

Еще до того, как ребенок станет сознательным человеком, он уже обусловлен, отравлен. Вся его дальнейшая жизнь будет повторением веры, вложенной в него, и в силу этой веры он останется лицемером.

Человек, говорящий: «Бога нет», – откуда он знает? Спрашивал ли он? Исследовал ли все сущее, прежде чем *обнаружил,* что Бога нет? Нет, не исследовал, и причина тому – все то же лицемерие.

Итак, помните: вера и неверие, кажущиеся столь несовместимыми, теист и атеист, кажущиеся столь антагонистичными – суть одно и то же. Они исходят из одного источника. Не познав, не испытав на собственном опыте, они продолжают верить, они продолжают провозглашать веру.

Вся суть лицемерия сводится к этому: говорить то, что не знаешь, провозглашать то, что не является следствием личного подлинного опыта. Жить, пользуясь заимствованным знанием – лицемерие. В глубине вы один, на поверхности притворяетесь кем-то другим. В этом суть лицемерия.

Слова Санаи в высшей степени революционны, поскольку он относит верующего и неверующего к одной и той же категории.

Религиозный человек не относится ни к верующим, ни к неверующим, потому что он не лицемер. Он будет говорить только то, что он знает, он не произнесет ни единого слова о том, чего не знает. Если он не знает, он скажет, что не знает.

Сократ – религиозный человек, ибо он говорит: «Я знаю только одно – что я ничего не знаю». Это и есть религиозность. Это искренность сердца, это простота, это смиренность.

Путь очень долог оттого,
что ты все не решаешься вступить на него...

В противном случае путь не был бы столь долгим. Между вами и Богом – только один шаг, и вы должны сделать его, – всего один шаг. Но все же люди не решаются сделать его – они постоянно откладывают, потому что у них есть убеждения; убеждения не позволяют им сделать этот шаг.

Так называемый религиозный человек знает, что Бог есть; не зная, он знает, что Бог есть. «К чему спешить? Завтра или, возможно, послезавтра я пойду к Гангу, чтобы совершить омовение. Или пойду в Каабу, чтобы помолиться. Или в последний момент, умирая, вспомню о нем. Он есть – к чему волноваться и спешить?»

Это можно отложить. Вера делает ненужными исследование, изучение, постижение.

Для того, кто говорит: «Бога нет», необходимость в исследовании совсем отпадает. Если Бога нет, зачем исследовать и изучать? Достаточно одного объяснения.

Человек, которому неизвестно состояние постоянного поиска, будет все время отставать – хотя расстояние и не очень велико, расстояние не больше одного-единственного шага. Что это за шаг? Это шаг от лицемерия к искренности: один-единственный шаг.

Бросьте все, что вы не знаете, – нет, вы продолжаете делать вид, что знаете. Пусть все заимствованные знания исчезнут; будьте верны одному – своему личному опыту. Только знания из личного опыта помогут вам, все остальное станет помехой в жизни.

Поймите суть. Слова Санаи действительно чрезвычайно важны.

...один-единственный шаг
отделяет тебя от него...

Шаг от лицемерия к искренности. Это не долгое-предолгое путешествие, вы можете сделать этот шаг прямо сейчас, в это мгновение. Вы уже способны отличить свой опыт от чужого, не правда ли? На это способен каждый. Верующий знает: «Я верю, но я не знаю». Неверующий знает: «Я не верю, но я не знаю – может быть, Бог и есть». Верующий все время сомневается: «Возможно, его нет».

Вы прекрасно знаете, что ваши знания заимствованы. Почему же вы так держитесь за них? Возможно, потому, что они красиво украшают ваше эго. Они дарят эго чувство радостного удовлетворения; вы можете притворяться очень знающим. Вы можете смело идти к людям и сказать им: «Я знаю, а вы не знаете», – сохраняя при этом праведно-благочестивую маску на своем лице. Вы получите удовлетворение от общения с людьми, цитируя наизусть Гиту, как попугай, или вызубрив Коран, как компьютер.

Это не знание. Довольно всего этого! Достаточно одного шага:

...один-единственный шаг
отделяет тебя от него:

стань рабом, и ты будешь королем.

В тот момент, когда вы делаете шаг от лицемерия к искренности, ваше эго безвозвратно исчезает – только лицемерие помогает эго жить. Избавившись от всего заимствованного, вы лишите эго опор, поддерживающих его, и оно рухнет.

В этом падении эго – начало подлинной жизни. Вместе с падением эго происходит сдача, вы становитесь рабом. Помните: на Востоке и на Западе вкладывают принципиально разное значение в слово «раб». Запад знает только один тип раба: человек, которого принуждают. Вот почему слово «раб» в любом западном языке так отвратительно.

Однажды, посвящая в саньясу молодого человека, я дал ему имя Девадасио – «божественный раб». По выражению его лица я сразу понял, что это обидело его. «Раб»? И хотя в тот раз он промолчал, на следующий день он написал мне письмо с такими словами: «Любимый Мастер, я поинтересовался этим вопросом. Если бы слово «раб» означало просто «слуга», оно зазвучало бы более достойно – не «раб», а «слуга». Можно ли понимать его просто как «слуга»? Я спрашивал многих людей, и они говорили, что возможны оба значения».

Столь сильный страх перед словом «раб», вероятно, вызван тем, что на Западе оно одномерно: это рабство, навязанное человеку силой.

То же самое относится к слову «сдача». На Западе оно не ассоциируется с чем-то прекрасным. На Востоке слово «раб» имеет два значения. Первое, известное вам, «как навязанное силой рабство» – отвратительно. Второе – «сознательно принятое рабство» – прекрасно, ибо оно принято добровольно. Поняв: «Я – только часть, неотделимая от целого: разве могу я быть хозяином?», человек сдается.

Это совершенно другое значение слова «сдача». Это высшее счастье. Оно не означает, что вас вынудили подчиниться силой; сдача не происходит по принуждению. Сдача означает свободу – вы осознали, что вы всего лишь частица, всего лишь слитая воедино с океаном волна, подвластная океану, которая могла бы сказать: «Я неотделима от океана, зачем мне притворяться отдельной? Океан – мой хозяин, все целое – мой хозяин, я же – лишь крохотная волна в этом океане. Я сдаюсь ему; пусть океан скажет свое слово».

То же самое Иисус говорит на кресте: «Да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя». Это сдача, это означает стать рабом. В этот момент Иисус расстался с последней тенью своего эго.

Стань рабом, и ты будешь королем.

Это истинное чудо – став рабом, вы становитесь королем. Почему так происходит? И как?

Когда вы сдаетесь океану как волна, вы становитесь океаном. Отделившись от океана, вы становитесь просто волной, вы постоянно боретесь и боитесь смерти. Став независимым от океана, вы обрекаете себя на муки и страдания, и ни на что другое.

Единство с океаном исключает смерть. Волна исчезнет, вы же останетесь в океане навечно. Больше нет никаких тревог, нет никаких целей. Куда бы ни двигался океан, это правильно; это единственно правильное направление движения. Больше нет индивидуальной судьбы, а значит, не о чем беспокоиться.

Даже исчезновение уже не кажется исчезновением, поскольку вы осознали свою неотделимость. Ваше присутствие – это присутствие в океане, ваше отсутствие – это присутст-

вие в океане. Океан остается всегда. Волны приходят и уходят; волна была только формой. Формы приходят и уходят, а сущность остается.

Волна, обретающая единство с океаном или помнящая о том, что она неотделима от него, – уже не раб, она – король. Она достигла бессмертия, вечности.

Немой заговорит,
как только аромат жизни,
исходящий из его души,
коснется его.

Когда это случится, даже тот, кто был нем, обретет дар речи. Даже тот, кто не произнес ни единого слова, чья жизнь была только молитвой, чья жизнь была только молчанием, внезапно начинает петь. Его молчание становится песней.

В то самое мгновение, когда исчезает раб и появляется король, когда волна исчезает в пучине океана, наступает великое созидание. В вашей жизни теперь нет ничего ординарного и мирского. Она овеяна благоуханием божественного, священного.

Немой заговорит...

Те, кто никогда ничего не говорил, начинают говорить невероятные вещи, неправдоподобные вещи, слова, полные света, полные глубокого смысла. Их жесты отныне исполнены силы: стоит им коснуться вас – и они преображают вас своим прикосновением: стоит им взглянуть вам в глаза – и вы уже не сможете быть прежним.

...как только аромат жизни,
исходящий из его души,
коснется его.

Великий суфийский Мастер Джалалуддин Руми написал три строчки в качестве собственной эпитафии:

Всего три слова –
Вся моя жизнь заключается в этих трех словах:
я был сырой, а теперь меня сварили и поджарили.

Именно смерть приносит воскресение.

Я был сырой, а теперь меня сварили и поджарили.

Джалалуддин, величайших из суфиев, говорит: «В этих трех словах – вся моя жизнь».

Если вы отдельны, вы – сырой. Если вы соединяетесь с бытием, вы проходит через первую стадию – вы варитесь. Бесследно исчезнув, не оставив после себя даже крошечной тени своего эго, вы поджариваетесь.

Патанджали назвал это состояние *«нирбидж самадхи»:* самадхи, лишенное семени, самадхи, в котором семя сгорает. Отныне не будет страдания, появления и исчезновения, постоянного изменения формы. Отныне вы принадлежите вечности, будучи вечным.

Джалалуддин также говорит:

Прислушайтесь к жалобному шуму камыша.
Он жалуется на разлуку:
«С тех пор, как меня с корнем вырвали из почвы,
Мой плач заставляет рыдать женщин и мужчин.
Каждый, оказавшийся далеко от источника,
Хочет вернуться во времена единства».

«Прислушайтесь к камышу... каждый, кто оказался далеко от источника, хочет вернуться во времена единства». Мы все пытаемся отыскать свой источник. Мы все напоминаем камыш в своих поисках почвы, которую потеряли.

Джалалуддин очень любил тростниковую флейту. «Не спрашивай, почему Бог создал флейту, – поется в народной песне, – он хотел, чтобы люди поняли Руми». Как иначе людям понять Руми? Вот почему он создал флейту.

Когда человек достигает предельного, он становится флейтой. И вот рождается песня: песня, которая не кончается. Будда пел ее сорок два года – изо дня в день, из года в год, в течение сорока двух лет он непрерывно пел свою песню. Махавира делал то же самое, а также Мухаммед, Бахауддин и Джалалуддин. Это именно та песня, которую мы слышим до сих пор: теперь это песня Хакима Санаи.

Откуда пришла эта песня? Она пришла из безмолвия. Это концентрация безмолвия, она рождается из вашей абсолютной тишины. Для Бога вы – всего лишь полая трубка, пустой бамбук, флейта; через вас начинает петь Бог.

Все великие священные книги мира суть песни божественного. Но они станут понятны вам, только если вы познали безмолвие. Вы познаете священные книги, погружаясь не в них, а в собственное безмолвие. Оказавшись в состоянии Кришны, вы сможете понять Бхагавад Гиту. «Бхагавад Гита» означает «божественная песнь, небесная песнь». Но как вы сможете понять эту песнь, не познав безмолвия, из которого она исходит? Она состоит из безмолвия, это концентрированная тишина.

Вы не сможете понять Коран до тех пор, пока не достигнете состояния *фана*, в котором был Мухаммед, когда на него снизошел Коран. Только тогда вы сможете понять Коран. И это действительно прекрасно: постигнув безмолвие собственного существа, вы одновременно постигнете великие священные книги мира, и вы не найдете в них никаких противоречий. Но если вы начнете читать Коран, Библию и Гиту прямо сейчас, вы будете озадачены и очень смущены. Вы обнаружите там только бесконечные противоречия, и больше ничего.

Что говорить о противоречиях между Гитой и Кораном? Даже если вы будете читать только Гиту, вы найдете в ней тысячи противоречий. Что уж тут говорить о сравнении ее с Кораном; достаточно критически почитать одну только Гиту, и вы будете озадачены – Кришна постоянно противоречит самому себе. Вы не сможете понять его. Понимание приходит только в процессе медитации.

А когда вы достигнете медитации, даже ваши слова будут иметь сладость Корана и Гиты – даже *ваши* слова. Вы, немые – вы вдруг заговорите, и это станет неожиданностью не только для других, это станет неожиданностью также для вас, поскольку вы даже не будете понимать, откуда идут ваши слова. Они пришли из запредельного: вы просто принимаете их.

Немой заговорит,
как только аромат жизни,
исходящий из его души,
коснется его.
Слушайте лучше,
но не обманывайтесь:
это не для глупцов.

И когда в молчании что-то заговорит в вашей душе – слушайте внимательно – не обманываясь! Что имеет в виду Санаи, говоря: *слушайте лучше?* Не пытайтесь истолковать эти слова по-своему, полагаясь на свой старый ум, иначе вы упустите. Просто прислушайтесь к тому, что происходит. Забудьте о необходимости толковать слова, забудьте о том, что вы должны понимать их, полностью забудьте о том, что нужно привносить в них свой интеллект.

Просто прислушайтесь – так, как вы прислушиваетесь к пению птиц, журчанию струящейся воды или шуму ветра, раскачивающего ветки сосен: как вы слушаете? Пытаетесь ли вы расшифровать значение услышанного? Как вы слушаете игру на гитаре? Ваш ум отключен, вы слушаете сердцем. Вы не привносите в это свой интеллект, вы слушаете сердцем. Вы слушаете, не ставя перед собой иной цели, вы слушаете, испытывая огромную радость. Вы начинаете раскачиваться в такт музыке, и вам кажется, что вы танцуете вместе с ней.

Это и есть правильное слушание – когда бесконечность начинает проникать в вашу душу, запредельные источники начинают изливаться в нее.

Будьте осторожны, не будьте глупцами. Подключив свой разум, вы разрушаете все. Вы можете научиться тому, чему никогда не учились, и будете говорить то, о чем никогда не слышали.

Безмолвие – величайшая подготовка, – безмолвие не-ума. Только когда молчание полностью созреет, вы обретете способность слушать.

Эта музыка звучит всегда, но вы не способны услышать ее, поскольку вы не настроились на молчание. Не думайте, что в давние времена, двадцать пять веков тому назад, в тени дерева Бодхи Бог обратился к Будде. Или что четырнадцать веков тому назад, высоко в горах, Бог вдруг стал изливаться Мухаммеду. Нет, это не так: он изливает себя каждое мгновение.

И, говоря вам это, я говорю это как свидетель. Он изливает себя каждое мгновение. Он не может остановиться, он бессилен, это его способ существования. Коран вливается в вас каждый миг, Гита мощным потоком заливает все вокруг вас. Но вы не настроены. Вы напоминаете горшок, который поставили вверх дном: дождь не прекращается, но горшок остается пустым.

Все равно, что солнце взошло – но вы сидите с закрытыми глазами. Откройте глаза, и вам покажется, что солнце взошло только что – в тот миг, когда вы открыли глаза. Но это не так: солнце есть всегда.

Бог не может отсутствовать ни на мгновение – если его не будет, весь мир рухнет.

Слушайте лучше,
но не обманывайтесь:
это не для глупцов.

Кто эти глупцы? Ответ удивит вас: брамины, пандиты, ученые, образованные люди. Все они глупцы, поскольку они так насыщены знаниями, что не в состоянии слушать. Даже если Бог начнет изливаться в их души, они будут поправлять его. Они обязательно примутся исправлять; они не могут не вмешаться. Если какой-то человек исповедует Гиту и Бог обратится к нему, он станет перекраивать Бога, чтобы он соответствовал Гите. Это доказывает, что он глупец.

Бог всегда говорит по-новому. Он всегда самобытен и свеж: зачем ему повторять старое? Однажды он говорил так, как написано в Гите, но так говорить он не будет больше никогда. Когда-то он говорил так, как рассказал в Дхаммападе Будда, но больше так говорить он не будет никогда.

Но люди ждут как раз этого. Я получаю тысячи писем, и главная их мысль такова: почему я не живу, как Будда? Но почему я должен жить, как Будда? У этих людей есть определенные ожидания. Если то, что говорю я, противоречит Будде, они начинают тревожиться и волноваться. Они боятся сделать неверный шаг.

Известно ли вам, что Будда говорил *по-своему* – он не повторял Кришну, вовсе нет. И люди приходили к нему со словами: «Почему ты говоришь иначе, чем Кришна?» А Кришна тоже говорил по-своему, он не повторял Раму. И люди тоже шли к нему: «Почему ты говоришь иначе, чем Рама? Почему ты живешь не так, как Рама?»

Так говорят глупцы. И это ученые глупцы. Они знают много о священных писаниях, но они ничего не знают о жизни. Жизнь всегда нова.

Когда на розовом кусте появляется цветок, он не повторяет цветок розы, предшествовавший ему. Он неповторим, ни с чем не сравним.

И точно так же происходит каждый раз, когда Бог изливает себя через кого-то. Он всегда неповторим. Он не соответствует собственному прошлому способу выражения. Он постоянно превосходит собственное прошлое, он непрерывно превосходит самого себя. Прошлое не ограничивает и не сдерживает его, ибо он не мертв.

Если Бог обращается к вам точно так, как он говорил через Кришну, это значит, что за последние пять тысяч лет он совершенно не изменился. Это значит, что пять тысяч лет он был мертв. Это значит, что он не нужен, достаточно записи Его Повелительного Гласа.

Помните об этом. Если вы ощутили в себе нечто, созвучное Библии, созвучное Гите, созвучное чему-либо еще, будьте осторожны: возможно, ваш ум обманывает вас. Бог не может соответствовать чему-либо, он всегда неповторим. Песнь всегда новая.

Слушайте лучше,
но не обманывайтесь:
это не для глупцов.
Все богатство оттенков
сливается в один цвет
в дисгармонии единства...

И если вы слушали внимательно, вы будете удивлены:

Все богатство оттенков
сливается в один цвет...

И Коран, и Гита, и Библия, и Дхаммапада, и Дао-де-Цзин – все они сливаются в один цвет. Все оттенки цветов растворяются в одном цвете. Исчезает весь спектр, состоящий из семи цветов, и образуется один цвет – белый. Вот почему белый цвет всегда был символом единства, согласия, чистоты.

...канат слабеет,
стертый в одну-единственную нить.

Это мистическое единство: unio mystica. По мере вашего исчезновения в целом мало-помалу исчезнут все различия. Все станет раздельным и в то же время единым, различным и в то же время одинаковым. Песни будут разными, но мелодия останется единой. Это единство в разнообразии, это богатство жизни. Песни будут разные, но мелодия – одна.

Ваш интеллект – всего лишь мешанина
догадок и мыслей,
надвигающихся на лик земли...

Остерегайтесь: ваш разум – коренная причина ваших заблуждений. Это невнятная мешанина догадок и мыслей.

Ум не способен привести вас к истине. Самое большее, на что он способен – это предположения и умозаключения, но истина – не умозаключение и не предположение. Дело совсем не в предположениях: она или известна вам, или нет.

Как вы можете гадать о том, чего не знаете? Вы можете строить предположения относительно известного, но нельзя гадать относительно неизвестного. Неизвестное просто означает, что вы не имеете никакого представления о нем, совершенно никакого представления. Можно ли строить какие-либо предположения относительно неизвестного? Можно ли размышлять о неизвестном? Только известное может быть объектом размышлений. Мышление – повторяющийся процесс, оно движется по замкнутому кругу. Оно никогда не приведет вас к новым истинам, оно никогда не приведет вас к открытиям.

Это можно видеть не только в религии, это можно видеть везде, даже в науке. Ни одно великое научное открытие не было сделано путем размышления; все они были сделаны благодаря не-уму. Современные ученые начинают признавать это явление.

К примеру, мадам Кюри сделала открытие, проработав над одной научной проблемой три года. Она использовала все возможные методы исследования, но проблема оставалась нерешенной. Однажды вечером, почувствовав предельную усталость, она подумала: «Ну все, хватит! Довольно!»

То же самое произошло однажды ночью с Буддой. В течение шести лет он пытался выяснить, кто он, но все попытки оказались безуспешными. Наступил критический момент. Однажды вечером он решил: «Довольно! Способа узнать, по-видимому, не существует. Все мои усилия напрасны». И, отбросив все усилия, он решил как следует выспаться; а к утру он стал просветленным.

Этой ночью, пока он спал, с ним произошла метаморфоза. В нем не было никакого напряжения; он сделал все возможное, и он устал. Этой ночью он расслабился, полностью расслабился. Во сне ему не привиделось ничего, что потревожило бы его, ибо, когда все желания уходят, уходят и сны. Сны – это тени ваших желаний.

Вся эта ночь была тихой молитвой. Медитация, которой он не мог достичь усилием воли, случилась в тот момент сама собой. Она всегда случается, когда ваши усилия оказываются безуспешными, когда вы сделали все, что могли. Помните, она не может получиться сейчас, просто так. Вы можете отправиться к дереву, которое все еще растет в Бодхгайе: вы можете пролежать под ним всю ночь, и с вами ничего не случится. Вам просто приснится подружка, возможно, вас будут мучить кошмары. Ваша ночь будет *вашей* ночью, она не будет ночью Будды. Вы не предприняли ничего, чтобы достичь ее.

Это достижение парадоксально. Поначалу человек должен сделать все, что может сделать, затем он должен прекратить свои действия. Затем наступит медитация, она не замедлит наступить.

Нечто подобное произошло с мадам Кюри. Разумеется, их миры тотально противоположны. Будда исследовал вопрос «Кто я?» Мадам Кюри искала математическое решение определенной проблемы: она была математиком, ученым.

В ту ночь она устала до последней степени, она потеряла всякую надежду решить эту задачу. «Три года потрачены впустую, – решила она, – на этом следует поставить точку. Начиная с завтрашнего утра я приступаю к разработке нового проекта».

Образовался промежуток. Новый проект начнется утром, старый же проект завершен. Эта ночь, эти восемь, десять или двенадцать часов образовали временной интервал. И как раз ночью это и случилось. Что-то беззвучно проникло в ее сознание из более глубоких слоев. Что-то проникло из интуиции в интеллект.

Во сне она подошла к столу, написала ответ – во сне – затем вернулась и снова легла в кровать. Утром она обнаружила ответ, нацарапанный на собственной руке. Она даже не сразу вспомнила, что сама сделала это. Затем, мало-помалу, она вспомнила, что видела сон. Во сне она видела, что пошла к столу и что-то записала. Теперь ей стало ясно, что это было не во сне: это случилось на самом деле, и ответ был перед ней. Она искала его три года, но ответ ускользал.

Что же произошло? Это тот же самый феномен. Интеллект не может проникнуть в неизвестное, неизвестное доступно только интуиции. Интеллект действует только в мире известного – он по-своему хорош, но ограничен.

Ваш интеллект – всего лишь мешанина
догадок и мыслей,
надвигающихся на лик земли...
его нет там, где есть они...

Там, где присутствует мысль, там, где присутствует ваш интеллект – там нет Бога. Ваш интеллект не дает ему войти, он занимает все пространство. Бог приходит, он вновь и вновь приближается к вам, он стучится в дверь, но он никогда не застает вас незанятым, доступным, открытым. Вы постоянно заняты своим интеллектом; и он вынужден отступить.

...они – часть его творения.

Ваши мысли, ваш разум, ваш интеллект – неотъемлемая часть его творения. Может ли часть познать целое? Может ли ваша рука познать всю вашу сущность? Может ли ваш волос познать вас целиком? Это невозможно.

Интеллект – это крошечный феномен в необъятном существовании. Что такое ваш интеллект? А ведь он стремится к невозможному, он стремится объять целое. Это совершенно невозможно.

Осознание тщетности этого усилия даст вам расслабление, и за этим последует чудо; то, что невозможно захватить силой, становится доступным. Но вы можете присвоить это. Напротив: когда вы безмолвны, существование овладевает вами, захватывает вас.

Человек и его разум – всего лишь
запоздалые плоды, зреющие в его саду.
Как бы вы ни толковали его природу,
вы неминуемо исходите из своей глубины,
словно слепой, тщетно пытающийся описать
внешность своей матери.

Вы словно слепой, пытающийся описать то, что никогда не видел. Хотя он вышел из утробы матери, где прожил девять месяцев, он не может описать мать, ибо не имеет глаз.

Мы жили в Боге, мы *живем* в Боге. Он – наша утроба: проходят века, но мы не покидаем его утробу. И все же мы не можем описать его, ибо не имеем глаз, чтобы увидеть его.

Поэтому возник символ третьего глаза. Наши два глаза способны видеть его мир, наши два глаза способны видеть внешнее. Наши два глаза способны видеть дуализм дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти, мужчины и женщины, положительного и отрицательного, инь и янь – наши глаза способны увидеть любой из этих дуализмов. «Два» подразумевает двойственность.

Третий глаз означает наличие одного-единственного глаза. Этот глаз, скрытый в недрах вашей души, пока не функционирует. Это метафора, помните об этом. Это не значит, что существует некий третий глаз как факт: это метафора, очень важная, полная огромного смысла. Она подразумевает *один*. Только один познает единство; два познают двойственность.

Позади наших двух глаз находится один глаз. Два смотрят наружу, один смотрит внутрь. До тех пор, пока этот глаз не выявился, вы не можете познать Бога. Не поможет ни вера, ибо она лицемерна, ни неверие, ибо оно тоже лицемерно.

Не будьте теистом, не будьте и атеистом – будьте пытливым исследователем. Всю свою страсть отдайте познанию Бога. Не говорите, что он есть, не говорите, что его нет. Можно ли утверждать что-либо, не зная и не видя?

Отправляйтесь в существование – и ваше внутреннее ядро должно стать началом всего. Этот единственный глаз рождается медитацией, молчанием.

В то время как ум гонится за тайной,
ваш поиск иссякает в открытом поле любви.

Какие прекрасные слова! Однажды вы будете потрясены: то, что изо всех сил разыскивали и не нашли ваши два глаза, вдруг нашел третий глаз – он внезапно открылся и обнаружил искомое. Ваш интеллект старательно разыскивал тайну – и вот, внезапно, проявилась интуиция, и сердце познало тайну.

Интеллект непрерывно размышляет, но он ничего не знает. Сердце не размышляет, оно просто знает. Сердце – область подлинного знания. Для сердца знание означает бытие; между знанием и бытием нет никакой разницы.

Интеллект все время думает, думает – и никогда не знает. А сердце никогда не думает – оно просто знает. Сердце – область подлинного знания. В мире сердца «знать» – означает «быть»; здесь нет разницы между знанием и бытием.

Ученый познает объект *там,* существующий независимо от него. Мистик познает Бога не как объект, но как свою собственную субъективность – здесь, в себе самом, как самого себя.

Хаким Санаи говорит: «Чистый человек, медитатор, знает единство двоих. Любящий знает единство троих: любви, любящего и любимой». Внутри вас возникает некая точка, в которой все интегрируется. Ваши мысли делают вас фрагментарными и раздробленными. После того, как все они исчезнут, будет ли душа ваша по-прежнему фрагментарна и раздроблена? Возникает интеграция; вы центрированы, вы едины. И в этом единстве вы познаете; вы уже познали.

Ваше сердце познает, а затем начинает информировать интеллект: «Не нужно, не следует волноваться: это уже произошло. Нет нужды исследовать и искать – стоп! Я уже все знаю».

Знает всегда сердце, помните об этом. Поэтому всегда и подчеркивается доверие, сдача. Когда вы приходите к Мастеру, вы обретаете единство с ним через сердце, но не через интеллект. Единство посредством интеллекта – очень слабый мост, поскольку интеллект не умеет строить мост – он умеет только возводить стены.

Несколько дней назад одна женщина приняла саньясу. Вскоре она написала мне письмо, где было следующее: «Ваша критика священников отвратительна». Она и не подозревает, что строит стену. Ей будет трудно почувствовать меня, поскольку она исходит из своего интеллекта. Она провела здесь всего несколько дней. Но позвольте: если я критикую священников, для этого должны быть какие-то причины. Подождите, будьте терпеливы, прислушайтесь к тому, что я говорю, постарайтесь понять, почему я говорю именно это. Не торопитесь, иначе вы начнете воздвигать стены.

Но если вы создаете стены, контакт между вашим бытием и моим бытием утрачивается. Тогда я не смогу найти вас. Вы скроетесь за высокими стенами: я приду и постучусь, но вы не услышите меня – из-за пустяков.

Какое вам дело до священников? Почему вы беспокоитесь о священниках? Вы что, приехали сюда для того, чтобы послушать, как я хвалю ваших священников? Вы пришли сюда ради трансформации: но что может быть общего между этим желанием и священниками? Это такие пустяки!

Но эта женщина, помимо всего прочего, написала: «Когда вы употребляете слово 'отвратительно', само использование этого слова кажется мне отвратительным».

Но если вы пребываете в таком состоянии ума, что мое употребление слова «отвратительно» кажется вам отвратительным, значит, вас вообще здесь нет. Значит, вы где-то далеко, на другой планете: вы живете внутри своего интеллекта. Что отвратительного в слове «отвратительно»? Оно очень выразительно и красиво. Сама эта женщина пользуется словом «отвратительно» – она говорит: «То, как вы употребляете слово 'отвратительно', отвратительно». Оно очень выразительно; в этом и состоит функция слова – оно должно быть выразительным. И оно *действительно* выразительно, оно выполняет свою функцию!

Вы здесь, по-видимому, для того, чтобы вынести приговор моим словам? Быть может, вы пришли сюда как экзаменатор? Тогда вы действуете глупо. Тогда вы глупец, о котором говорит Хаким Санаи: вы все упустите. Вы пропустите все, что я говорю; вы погрязнете в ненужном. Кто знает, возможно, за этим скрывается невероятно раздутое эго: возможно, она думает, что знает все гораздо лучше.

Вы не сможете сдаться, вы абсолютно не в состоянии доверять. Только сердце, верящее сердце способно принять реальность – а не ум, сомневающийся во всем.

Путь складывается
не из слов и не из дел:
от них рождается только отчаяние...

Хаким Санаи говорит о существовании трех путей: *жнани-йога* – пути знания; *карма-йога* – пути действия и *бхакти-йога* – пути любви. Он говорит:

Путь складывается
не из слов и не из дел...

Следовательно, ни путь знания, ни путь действия не смогут вам помочь, ибо и действие, и знание – результат усилий ума.

Вам не поможет ни первое, ни второе, но вам поможет третье: любовь и молчание, которые не подчиняются уму.

Путь складывается
не из слов и не из дел:
от них рождается только отчаяние
и ничего долговечного и прочного.
Сладость и жизнь – слова эти
исполнены смысла для того, кто шагает в молчании по этой дороге...

Ни слов, ни дел – но полное молчание. И тогда сама жизнь ваша станет сладостью, сама жизнь ваша станет выразительной, а ваше существование – изящным. Оно станет песнью, оно станет вашей проповедью.

Сладость и жизнь – слова эти
исполнены смысла для того,
кто шагает в молчании по этой дороге...

И тот, кто проникнет в глубину этого молчания, тот, кто познает, как посвятить себя любви и как посвятить себя молитве, как посвятить себя молчанию, тот, кто полностью порвет с умом и его уловками, тот познает всю сладость жизни. В его словах будет выражаться его жизненность, сияние.

...он говорит не от невежества,
он молчит не оттого, что ленив.

Такой человек иногда говорит, но речи его далеки от невежества. Ваши разговоры обусловлены только невежеством. Вы говорите только для того, чтобы скрыть свое невежество, вы говорите, чтобы показать свое знание.

В письме, адресованном мне, женщина написала: «Ваша критика священников отвратительна». Этим она как бы пытается продемонстрировать свое знание о священниках. Полагая, что знает их лучше меня, она поучает меня.

Говоря что-либо, помните, что вы не должны показывать свое знание, ибо всякая попытка показать свое знание есть не что иное, как желание скрыть свое невежество. Человек, познавший, что такое молчание и что такое любовь, не может говорить как невежда: он говорит, ибо он познал.

Он говорит – эта фраза, возможно, не совсем точна, ибо через него говорит Бог. Его больше нет. Он не говорит, он всего лишь сосуд, посредник.

...он молчит не оттого, что ленив.

И его молчание – не следствие вашей инерции, лености, усталости. Его молчание – не лень. Его безмолвие рождено молитвой, любовью. Он молчит, но он чрезвычайно жив в своем безмолвии. Он молчит, но в его молчании – огромная сила. Он не нем, его молчание не от неразумия, его молчание не от лени, его молчание необычно.

В его молчании слышатся песни, оно исполнено глубокого смысла. Его молчание подобно семени, и когда он произносит что-то, его слова подобны цветам, появляющимся из семени. Его молчание прекрасно, его песни прекрасны, ибо эти песни несут в себе аромат молчания.

Если мысль, заключенная в словах, несет в себе аромат молчания, вы должны знать, как употреблять слова. Вы больше не немы.

Немой заговорит,
как только аромат жизни,
исходящий из его души,
коснется его.

Но все это исходит не от него, а из запредельного. Будда, Бахауддин, Кабир, Христос, Мухаммед, Махавира, Сосан и Санаи – все они говорят не от своего лица. Они подобны полому бамбуку, флейте: песнь, которую они поют, проходит сквозь них, но это не их песнь. Под их песнями стоит подпись Бога.

ВЕЛИКИЙ ДВОРЕЦ СОЗНАНИЯ

Первый вопрос:

Могут ли трусость и лицемерие тоже быть прекрасными? Можно ли принять даже свою трусость, свое лицемерие, скупость и скрытность, которую вы называете «идиотизмом»? И если я приму все это – все, что сдерживает меня, – разве я смогу стать свободным?

Дева Ашока, само желание быть свободным делает человека несвободным. Любое желание – это цепи, это рабство, это тюрьма. Желания никогда не исполняются. Отказ от желания означает его осуществление.

Величайшее желание в мире – это желание внутренней трансформации. Стремление к деньгам – ничто, стремление к власти, престижу – ничто. Самое большое желание – это так называемое духовное желание. И если вы попадаетесь на эту удочку, вы становитесь несчастным навеки.

Трансформация возможна, но не через желание. Трансформация возможна только через расслабление в сущем, во всем сущем. Безоговорочное приятие себя самого приносит трансформацию.

Необходимо глубже проникнуть в этот феномен, поскольку это не только вопрос Ашоки, это вопрос каждого.

Человек испытывает страдания, человек испытывает муки. Поэтому каждый стремится к состоянию блаженства, к состоянию единства с существованием. Человек чувствует себя отчужденным, лишенным корней. Отсюда естественное желание вновь обрести корни в существовании, снова обрести зеленую листву и вновь расцвести.

Есть несколько вещей, на которые необходимо медитировать. Во-первых: чтобы установить это совершенное единство, сознание сначала должно стать единым во всех своих внутренних аспектах, не отрицая ничего из того, что реально с точки зрения опыта. Это первое, что необходимо понять.

Вы ощущаете страх. Этот страх стал существующей реальностью, эмпирической реальностью; он есть. Вы можете отрицать его – но, отрицая, вы подавляете его. Подавляя его, вы создаете внутри себя рану.

Вы трусите. Вы можете заставить себя не замечать свою трусость. Но она стала фактом, реальностью; оттого, что вы просто не будете замечать ее, она не исчезнет. Вы ведете себя как страус: заметив врага, заметив смертельную опасность, страус прячет голову в песок. Но оттого, что он спрячет голову в песок и закроет глаза, враг не исчезнет. В действительности, страус становится более уязвимым для врага. Думая, что врага нет, потому что его не видно, думая, что только вид врага делает его реально существующим, страус избавляется от страха. Но теперь он в большей опасности: враг более опасен оттого, что страус его не видит.

Если бы страус не зарывал голову, он мог бы что-то предпринять.

Люди поступают ведут себя точно так же. Вы знаете о своей трусости, но пытаетесь не замечать ее. Но это факт. Не замечая его, вы создаете в себе часть, на которую не будете смотреть. Вы расчленили себя на сегменты. А потом придет что-нибудь еще – гнев, например, – и вы не захотите принять то, что в вас есть гнев. Вы не будете смотреть на него. А потом появится жадность – и так далее, и тому подобное. Но все, на что вы не желаете смотреть, остается. И теперь вы все время уменьшаетесь. Все больше частей вашей души отделяются от вас – вы сами отделили их. И чем более вы фрагментарны, тем несчастнее вы будете.

Первый шаг к блаженству – это стать единым. Именно на этом вновь и вновь настаивает Хаким Санаи: быть единым означает быть счастливым, быть множественным означает быть в аду. Поэтому все эмпирически реальное должно быть принято вами. Отрицая это, вы ничего не добьетесь. Отрицая это, вы создаете проблему, и эта проблема все более усложняется – а она была простой.

Вы чувствуете себя трусом – ну и что? Да ничего: просто – «Я трус». Поймите: если вы способны принять трусость, вы тем самым становитесь храбрецом. Только храбрый человек способен признать тот факт, что он трус, ни один трус не в состоянии сделать этого. Вы уже на пути к трансформации. Итак, самое первое: нельзя отрицать реальность ни одного из ваших переживаний.

Второе: чтобы достичь этого, сознание должно сначала перестать идентифицироваться со всеми устойчивыми вымышленными личностями, с которыми оно привыкло отождествляться, – потому что, если оно держится за некий устоявшийся вымышленный образ самого себя, оно не потерпит реальности переживаний, которые противоречат тому определенному, стойкому, «официальному» «я».

Если у вас есть определенное представление о том, каким вы должны быть, тогда вы не сможете принять эмпирическую истину своей жизни. Если вы полагаете, что должны быть смелым человеком, что смелость – это достоинство, вам будет нелегко примириться с вашей трусостью. Если вы полагаете, что должны быть человеком, подобным Будде – сострадательным, абсолютно безгневным, – вы не сможете принять свой гнев. Ваши идеи создают проблемы.

Если у вас нет никаких идеалов, нет никаких проблем. Если вы трус – значит, вы трус. И если вы не полагаете, что человек должен быть смелым, то вы не будете отвергать этот факт, вы не станете подавлять его, вы не будете осуждать себя, вы не станете прятать свою трусость в подвал своего существа, чтобы иметь возможность не замечать его.

Но все, что вы отправляете в свое подсознание, будет действовать и оттуда, оно по-прежнему будет создавать для вас проблемы. Это можно сравнить с болезнью, которую вы загоняете внутрь. Она уже выходила на поверхность – там она могла бы исчезнуть. Если рана вскрывается, это хорошо: это значит, что она наполовину зажила, поскольку только на поверхности она соприкасается со свежим воздухом и солнцем и поэтому заживает. Если вы насильно загоните ее внутрь, не давая выйти на поверхность, она переродится в рак. Самая несерьезная болезнь, подавляемая вами, может стать опасной. Ни одну болезнь не следует подавлять.

Но такое подавление естественно, если у вас есть какой-нибудь идеал. Годится любой идеал. Если ваш идеал – безбрачие, *брахмачарья*, секс станет для вас проблемой. Если у вас нет идеи стать *брахмачарином*, сохранять целибат, вы не будете отвергать секс. Тогда между вами и вашей сексуальностью не будет разделения. Тогда будет единство, и это единство приносит радость.

Внутреннее единство личности – основа радости.

Это второе, что следует помнить: не стремитесь к идеалам. Задумайтесь: если, согласно идеалу, у вас должно быть три глаза, перед вами сразу возникнет проблема: у вас только два глаза, в то время как, согласно идеалу, их должно быть три; и если их не три, то вы неполноценны. Теперь вы жаждете получить третий глаз. Вы создали для себя неразрешимую проблему, ее невозможно разрешить. Вы можете, самое большее, нарисовать третий глаз у себя на лбу. Однако нарисованный третий глаз – это всего лишь нарисованный третий глаз; и это лицемерие.

Идеалы порождают в людях лицемерие. Получается полный абсурд: следуя идее, что лицемерить нехорошо, люди становятся лицемерами. Если бы не было идеалов, не было бы никакого лицемерия. Почему существует лицемерие? Оно есть тень идеала. Чем выше идеал, тем глубже лицемерие.

Вот почему в Индии вы найдете больше лицемеров, чем в любой другой стране мира, – ведь Индия многие века жила великими идеалами. Странными, немыслимыми идеалами...

К примеру, джайн-*муни* не может успокоиться до тех пор, пока не научится есть только изредка – как рассказывается в мифах о Махавире. Говорят, что в течение двенадцати лет Махавира ел не более одного года. Следовательно, он ел не чаще одного раза в двенадцать дней, то есть день приема пищи чередовался с двенадцатью днями поста. Если у вас есть подобный идеал, вы будете глубоко несчастным человеком. Если у вас нет такой идеи, то нет и проблемы.

Посмотрите: эта проблема порождена идеалом. Монах-христианин не ломает над ней голову, для него она не существует. Джайнский монах постоянно страдает оттого, что не может достичь идеала, ему не хватает сил. Если вы действительно чисты, ваше тело не будет потеть – такова идея джайнов. Это просто глупость. Тело будет потеть, а вы будете постоянно страдать.

Чем больше у вас идеалов, тем больше вы будете страдать, и тем глубже будет ваше лицемерие, поскольку, если вы не можете осуществить свои идеалы, вы должны, по крайней мере, притвориться. Так рождается лицемерие.

Мир избавится от всякого лицемерия, если мы примем эмпирические факты, не оценивая их. Все сущее есть. Если мы будем жить сущим, а не должным, возможно ли будет лицемерие?

Не так давно кто-то спросил: «Багван, разве ты не лицемер? Ты живешь в достатке, у тебя красивый дом и прекрасная машина, ты живешь как король».

Ему непонятно, что означает слово «лицемерие». Все, чему я учу – это жить так, чтобы жизнь была как можно прекраснее. Я не лицемер. На самом деле, я живу так, как учу других. Если бы я проповедовал бедность, а сам бы жил во дворце, это было бы лицемерием. Но я не проповедую бедность; я не стремлюсь к бедности.

Вы можете пойти и сказать Морарджи Десаи, что он лицемер. Или сказать Сандживу Редди, президенту этой страны: «Вы лицемер». Вы не можете сказать этого мне. Вы можете сказать президенту Сандживу Редди: «Вы лицемер: вы проповедуете гандизм, но едите мясо. Вы пропагандируете ненасилие – и продолжаете питаться мясом! Это лицемерие, чистой воды лицемерие!»

Но вы не можете сказать этого Иисусу. Он ел мясо – но он никогда не проповедовал вегетарианства; он никогда не говорил об этой разновидности ненасилия. Вы не можете сказать ему, что он лицемер. Иисус пьет вино; вы не можете сказать ему, что он лицемер, если он не учит иначе.

Суть моего отношения к жизни состоит в ее тотальном приятии – в праздновании жизни, а не в отречении от нее. Как вы можете говорить, что я лицемер? Очень может быть, что я единственный человек на земле, который не является лицемером, поскольку у меня нет идеалов.

Первая необходимость для лицемера состоит в том, чтобы иметь идеалы. У меня нет никаких идеалов; я не-идеалист. Я живу естественно – совершенно естественно жить в достатке и комфорте. Если вы можете жить в комфорте, было бы просто глупо не пользоваться этим. Если он недоступен – другое дело. Но если это возможно, живите комфортно, пользуйтесь тем, что у вас есть.

Я пережил много сложных жизненных ситуаций, но я всегда жил с комфортом. Когда я был студентом, я добирался до университета пешком, проходя ежедневно четыре мили. Я любил эти прогулки. Я проходил каждый день эти четыре мили, испытывая чувство комфорта и истинного наслаждения. Став преподавателем, я совершал свой ежедневный путь в университет на велосипеде, испытывая не меньшее удовольствие.

В какой бы ситуации я ни находился – был у меня простой велосипед или мерседес – это не имело никакого значения: я жил в комфорте. Комфорт – это состояние ума, это отношение к жизни. Мне приходилось жить в очень бедных домах. Когда я начинал преподавать в университете, я жил в одной комнатушке без окон, без вентиляции. Я платил за нее всего двадцать рупий в месяц. Но я любил ее, я получал удовольствие, живя в ней, и у меня не было никаких проблем.

Что бы ни предлагала мне жизнь – я всегда извлекал из этого максимум. Я выпивал до дна каждый момент, никогда ни о чем не жалел и никогда не желал ничего лучшего; если начиналось что-то новое, я радовался также и ему.

Вы никак не можете обвинить меня в лицемерии. Я никак не могу быть лицемерным, потому что у меня нет идеалов, к которым я должен стремиться, нет обязательств, нет долга. Настоящее – это все, что есть, и я живу в нем.

Второе, что необходимо помнить, Ашока: не стоит иметь определенных идей о себе самом. Должно быть, у тебя масса идей относительно того, каким должен быть человек. В связи с этим возникает проблема: *Могут ли трусость и лицемерие тоже быть прекрасными?*

Если у вас есть идея о том, что человек должен быть смелым, роль труса покажется вам отвратительной. Но трусость – это реальный факт, а идеал – всего лишь идея, фантазия вашего разума.

Пожертвуйте иллюзиями в пользу реальности, откажитесь от всех идеалов, и тогда жизнь станет целостной и единой. Все фрагментарное, отвергаемое вами, вернется на круги своя. Все подавляемое всплывет на поверхность. Впервые у вас возникнет ощущение некоей общности; вы больше не будете распадаться на отдельные фрагменты.

К примеру, если я считаю себя «добрым» человеком, я никогда не смогу принять и признать гнев, возникающий в моей душе, поскольку добрые люди никогда не злятся. Следовательно, прежде чем говорить о единстве личности, я должен сначала понять, что я не вещь, определенная и постоянная, и научиться считать себя только эмпирической реальностью, которая каждый миг рождается в сознании.

Наступает мгновение гнева, чередующееся с мгновением печали, мгновением ревности и мгновением радости. Вы принимаете все происходящее из мгновения в мгновение, и тогда обретаете единство. И это единство – самое важное, что нужно понять.

Мастер должен помочь ученику повернуться лицом к отвергнутым эмпирическим аспектам своей личности, которые и *составляют* его сущность в каждый данный момент, и интегрировать их – вместо того, чтобы пытаться помочь актуализировать качества, противоположные тем, которые он подавляет в себе. Мастер не должен помогать ученику актуализировать то, каким, по мнению ученика, ему *следовало бы* быть; Мастер не должен помогать ученику защищать, усиливать или утверждать в себе те или иные идеи относительно самого себя.

Моя цель и моя функция здесь состоят в том, чтобы освободить вас от бремени всех идеалов. Вы пришли сюда с идеалами; вы желаете, чтобы я усилил ваши идеалы, вы хотите, чтобы я поддержал вас и помог вам стать тем, кем вы хотите стать. Возможно, именно по этой причине вы и пришли сюда, но это не является целью моей работы.

Цель моей работы совершенно противоположна: помочь вам принять то, что действительно есть, и забыть обо всех фантазиях. Я хочу, чтобы вы были более реалистичны и прагматичны. Я хочу дать вам корни в земле, а вы жаждете небес, совершенно забыв о земле.

Да, небо тоже доступно, но только для тех, чьи корни глубоко в земле. Если дерево хочет вырасти высоким, до небес, чтобы пошептаться с облаками, поиграть с ветром и пообщаться со звездами, оно должно пустить в землю глубокие, глубокие корни. Сначала – корни, глубоко уходящие в землю, все остальное произойдет само собой. Чем глубже в землю уходят корни, тем выше тянется дерево; и больше ничего не нужно.

Я пытаюсь направить ваши корни глубоко в почву истинного. А истина – это то, чем вы являетесь. И тогда все вдруг придет в движение: вы начнете расти. Идеалы, к которым вы всегда стремились и которых не могли достичь, начнут воплощаться сами по себе.

Если человек способен принять свою реальность такой, как она есть, в самом этом приятии исчезнет всякое напряжение. Муки, тревоги, отчаяние сразу испарятся. А когда нет тревоги, нет напряжения, нет фрагментарности, нет деления на части, нет шизофрении, внезапно приходит радость, внезапно придет любовь, сострадание. Это не идеалы, это самые естественные явления. Все, что требуется от вас – это выбросить идеалы, потому что идеалы функционируют как препятствия. Чем идеалистичнее человек, тем больше он заблокирован.

Возможно, это звучит странно и противоречиво, но мир можно найти только в сердцевине страдания, а не в борьбе или бегстве от того, что принято считать негативными или болезненными эмоциями.

Да, трусость причиняет вам боль, страх причиняет вам боль, гнев причиняет вам боль – все это отрицательные эмоции. Однако покой достигается только приятием и абсорбированием всего того, что причиняет боль, а не отрицанием. Отрицая все это, вы будете все быстрее и быстрее уменьшаться в размерах, и у вас будет все меньше и меньше сил. Вы будете находиться в состоянии непрерывной внутренней войны, гражданской войны, в которой сгорит ваша внутренняя энергия, – ваши руки будут непрерывно бороться одна с другой.

Не следует забывать о главном: только единение с психологическим страданием открывает дверь для освобождения от него и трансценденции – только единение с психологическим страданием. Необходимо принять все, что причиняет психологическую боль, необходим диалог между вами и ею. Это вы. Нет иного способа преодолеть ее, единственный способ – это абсорбировать ее.

Она заключает в себе огромный потенциал. Гнев – это энергия, страх – это энергия, трусость – тоже энергия. Все происходящее с вами имеет в себе огромную движущую силу, в нем скрывается невероятная энергия. Как только вы примете ее, она станет вашей энергией. Вы станете сильнее, вы станете богаче, ваши границы расширятся. Ваш внутренний мир станет больше.

Только при абсолютном приятии боли наступает ее конец. Психологическая боль уходит только через тотальное приятие. Она существует не потому, что вызвана одним из неких стимулов или реалий, которые мы называем «болезненными». Скорее, боль – результат толкования того или иного факта, следствием которого становится тенденция избегать или отрицать этот факт.

Попытайтесь понять: вы сами создаете свои психологические страдания. В трусости нет ничего болезненного – боль вызвана вашей мыслью о том, что трусость неправильна, вашей интерпретацией – что трусости не должно быть.

Ашока, наверное, говорит сам себе: «Ашока, неужели ты трус? Нет. Разве ты можешь быть трусом? Ведь ты храбрый человек».

У вас есть определенное эго: это эго осуждает трусость. Отрицательная интерпретация вызывает боль. Трусость становится раной: вы не можете принять ее, но вы не можете избавиться от нее, отвергая. Нет ничего, что можно было бы уничтожить отрицанием; рано или поздно вам придется справиться с этим. Снова и снова рана будет прорываться, снова и снова она будет нарушать ваш покой.

Боль возникает только тогда, когда ум отшатывается от реального факта. Вы отворачиваетесь от фактов малодушия, страха, гнева и печали. Не делайте этого. Отталкивание факта создает боль.

Психологическая боль – родная сестра бегства и сопротивления. Боль не присуща каждому чувству, но возникает, как только у вас появляется намерение отвергнуть что-либо. В то мгновение, когда вы решили отвернуться от чего-либо, возникает боль.

Понаблюдайте за этим внутри себя, станьте лабораторией, в которой проводится грандиозный эксперимент. Взгляните: вы ощущаете страх. Вокруг темно, вы один, на многие мили вокруг – ни одного живого существа. Вы заблудились в джунглях, вы сидите под деревом темной ночью, где-то рычит лев – и вам страшно.

Так вот, у вас есть две возможности. Первая – это отрицание. Возьмите себя в руки, прекратите дрожать от страха. И тогда страх станет мучительным: ощущение страха будет причинять вам боль. Даже если вы держите себя в руках, страх остается и причиняет вам страдание.

Вторая – это удовольствие. Дрожите. Пусть это станет медитацией. Боязнь естественна – рычат львы во мраке ночи, опасность так близка, смерть может прийти в любой момент. Наслаждайтесь! Пусть ваша дрожь станет танцем. Как только вы примете свою дрожь, она станет танцем. Став единым со своей дрожью, вы будете поражены: став единым с дрожью, став *самой* дрожью, вы утрачиваете всю свою боль.

Действительно, если вы дрожите, боль внутри вас сменяется ощущением мощного подъема энергии. Это именно то, к чему стремится ваше тело. Почему, когда вы боитесь, вы дрожите? Дрожание – это химический процесс: он освобождает энергию, он готовит вас к борьбе или бегству. Он дает вам внезапный мощный подъем, приводит вас в критическое состояние. Когда вы дрожите, вы начинаете нагреваться.

Вот почему, когда холодно, вы начинаете дрожать. Страха нет, тогда почему вы дрожите, когда холодно? Тело на холоде автоматически начинает дрожать, чтобы согреться. Это

своего рода природное упражнение для тела. Внутренние ткани начинают дрожать, чтобы согреться и выдержать холод.

Если вы попытаетесь подавить дрожь, когда вам холодно, это вызовет боль. В этом-то и смысл: когда вам страшно, тело пытается подготовиться: оно выпускает в кровь определенные химические вещества, готовя вас к встрече с опасностью. Возможно, вам придется вступить в драку, возможно, придется срочно спасаться бегством. И то, и другое потребует энергии.

Взгляните, как прекрасен страх, взгляните на алхимическую работу страха, готовящую вас к ситуации, в которой вы сможете принять вызов. Но вместо того, чтобы принять вызов, вместо того, чтобы понять природу страха, вы начинаете отрицать его. Вы говорите: «Ашока, ты такой замечательный человек, ты прекрасный саньясин, и ты дрожишь от страха? Вспомни, Багван часто говорил о том, что смерти нет, что душа бессмертна. Разве бессмертной душе пристало дрожать от страха? Вспомни, что говорил Кришна: «Смерть не может разрушить тебя, огонь не может сжечь тебя, никакое оружие не может убить тебя». Вспомни эти слова! И не дрожи: держи себя в руках!»

Вы сами создаете противоречие. Ваше естественное состояние – страх, но вы начинаете впадать в неестественное состояние, чтобы побороть страх. Вы обращаетесь к своим идеалам, вмешиваясь в естественный процесс. Вам становится больно, потому что возникает конфликт.

Пусть вас не волнует вопрос о том, бессмертна душа или нет. В данный момент истина в том, что вы боитесь. Прислушайтесь к этому мгновению, и пусть оно полностью захватит вас, пусть оно полностью завладеет вами. И тогда боль отступит. Тогда страх выльется в тонкий танец энергии внутри вас. И он готовит вас – он ваш друг, а не враг. Но ваши интерпретации все время толкают вас на неправильные шаги.

В сущности, чувство психологической боли создается попыткой сознания отделиться от самого себя, расщеплением единого сознания на дуальность: с одной стороны – умозрительно-наблюдающую сущность, которая пытается избежать, исказить или подавить отрицаемое чувство, и с другой стороны – само наблюдаемое чувство. Если причиной боли является двойственное сознание, значит, только единое сознание может избавить вас от нее. В единстве всякая боль исчезает.

Трещина, которую вы создаете между чувством – страхом, гневом – и самим собой, делает вас двойственным. Теперь вы разделены на наблюдателя и наблюдаемое. Вы можете сказать: «Я здесь, я наблюдатель – а вот боль, объект наблюдения. Я – не боль». И эта двойственность создает боль.

Вы не объект наблюдения, и вы не наблюдатель, вы и то, и другое. Вы одновременно и наблюдатель, и объект наблюдения.

Не говорите: «Я чувствую страх», – говорить так неправильно. Скажите просто: «Я есть страх. В это мгновение я – страх». Не нужно разделять.

Когда вы говорите: «Я чувствую страх», вы отделяете себя от этого чувства. Вы где-то далеко, а страх где-то около вас. Это создает разобщенность. Скажите: «Я есть страх». И вы увидите – это действительно так! Когда страх есть, вы *есть* страх.

Неверно думать, что иногда вы чувствуете любовь. Когда любовь настоящая, вы есть любовь. Когда приходит гнев, вы есть гнев.

Именно это имеет в виду Кришнамурти, повторяя вновь и вновь: «Наблюдатель есть наблюдаемое». Видящий есть видимое, а переживающий есть переживание. Не создавайте

разделения между субъектом и объектом. Это коренная причина всех страданий, всех несчастий.

Таким образом, человек должен воздерживаться от всяких положительных или отрицательных оценок, от навешивания ярлыков, от любых желаний или целей в отношении к тому, что происходит в его сознании. Ничего не нужно избегать, не нужно сопротивляться, оправдывать, искажать или испытывать привязанность к тому, что возникает в сознании; должно быть только невыбирающее осознание и внутреннее единство.

Невыбирающая осознанность – это главный ключ, открывающий сокровенную тайну жизни. Не говорите: «Это хорошо, а это плохо». Давая положительную оценку тому или иному явлению, вы создаете привязанность, вы создаете симпатию. Когда вы говорите: «Это плохо» – приходит антипатия. Страх есть страх, он ни хорош, ни плох. Воздерживайтесь от оценки, оставьте все как есть. Пусть все останется как есть.

Когда вы живете, ничего не осуждая и не оправдывая, то в состоянии невыбирающей осознанности все ваши психологические страдания просто испарятся, как роса в лучах утреннего солнца. Останется только чистое пространство, девственное пространство.

Это Единое, Дао – можете назвать его Богом. Это Единое остается, когда исчезает вся боль, как только вы перестаете ощущать свою расчлененность, как только наблюдатель становится наблюдаемым – это Бог, самадхи, называйте как хотите.

В этом состоянии нет личности как таковой, поскольку нет наблюдателя-контролера-судьи. Есть только то, что возникает и меняется каждое мгновение. В одно из мгновений это может быть восторг, в другое мгновение – грусть, нежность, страх одиночества и так далее.

Не следует говорить: «Я печален», лучше сказать: «Я *есть* печаль» – поскольку два первых высказывания предполагают личность, изолированную от того, что есть. В действительности, нет другой личности, которая испытывает какое-то чувство. Реально существует только само чувство.

Медитируйте над этим: реально существует только само чувство.

Ашоки, чувствующего страх, нет; в этот момент Ашока – это страх. В другие моменты Ашока – не страх, но Ашока не существует отдельно от данного мгновения, от того, что рождается в данный момент.

Существует только чувство, как таковое. Таким образом, то, что эмпирически возникает в данный момент, изменить невозможно. С этим ничего не поделаешь.

Объединение с болью не усиливает ее; это единение дает настоящее освобождение и радость. Действительно, сознание, единое с чем угодно, не только с болью, порождает радость и покой. Будьте подлинны, и эта подлинность сделает вас свободными.

Повторю вопрос еще раз:

Могут ли трусость и лицемерие тоже быть прекрасными?

Все сущее прекрасно, даже уродство.

Можно ли принять даже свою трусость, свое лицемерие, скупость и скрытность, которую вы называете «идиотизмом»?

Все сущее есть, независимо от того, принимаете вы его или нет. Ваше приятие и отрицание совершенно ничего не меняют. Все сущее есть. Если вы принимаете его, рождается радость, если вы отрицаете его, рождается боль. Однако реальность остается по-прежнему неизменной. Возможно, вы ощущаете боль, психологическую боль: она возникла вследствие вашей неспособности принять и усвоить то, что встает на вашем пути. Вы отрицаете истину, отрицание становится вашей тюрьмой. Истина дает свободу, но вы отвергли ее. И вот вы в цепях.

Отвергая истину, вы становитесь все более и более несвободными.

Истина остается; неважно, отрицаете вы ее или принимаете. Это не меняет сам факт истины, это меняет вашу психологическую реальность. Существуют две возможности: боль или радость, болезнь или здоровье. Вы отрицаете истину – и наступает болезнь, дискомфорт, поскольку вы отсекаете кусок своего существа; на теле остаются раны и рубцы. Вы принимаете истину – и наступает праздник, здоровье и жизнь во всей ее полноте.

И если я приму все это – все, что сдерживает меня, – разве я смогу стать свободным?

Они не сдерживают тебя, Ашока, это твоя интерпретация. Истина никого не ограничивает; это не есть свойство истины. Но когда вы отрицаете ее, в своем отрицании вы ограничиваете и сдерживаете себя. Ваше отрицание делает вас калекой, парализует вас.

И если я приму все это – все, что сдерживает меня – разве я смогу стать свободным?

Сама идея освобождения – снова идеал. Свобода – не идеал, а следствие признания вами собственной сущности. Свобода – следствие; она не цель ваших стараний и устремлений. Она не достигается чрезмерным усилием, она приходит в момент расслабленности.

Но разве вы сможете расслабиться, если вы не способны принять собственную трусость? Если вы не можете принять свой страх, любовь, если вы не можете принять свою печаль – сможете ли вы расслабиться?

Почему люди не могут расслабиться? В чем основная причина их постоянного, хронического напряжения? Основная причина такова. На протяжении многих веков ваши так называемые религии учили вас только отрицать, отрицать и отрицать. Они учили вас отвергать, они учили вас, что все устроено неправильно, что вы должны изменить все, и только тогда Бог примет вас. Они создали столько отрицания – что же говорить о Боге? Вы не угодны самим себе, не угодны людям, с которыми живете: будете ли вы угодны Богу?

Бог уже принимает вас, вот почему вы существуете. Иначе вас не было бы.

Это то главное, чему я учу вас: Бог и так принимает вас. Вам не нужно добиваться его благосклонности, вы уже достойны его. Расслабьтесь, возрадуйтесь образу, в котором Бог сотворил вас. Если он сделал тебя малодушным, Ашока, значит, он заложил в это некий смысл. Доверься ему и прими это. Что плохого в том, что вы трус? И что плохого в страхе? Только идиотам неведом страх, только дураки ничего не боятся.

Если у вас под ногами оказалась змея, вы немедленно отскочите в сторону. Только слабоумные, дураки, идиоты не побоятся змеи. Но если вы умны... чем вы умнее, тем поспешнее будет ваше бегство. Это признак разумности! И это замечательно; это помогает вам жить, это защищает вас.

Но человеку всегда навязывали глупые идеологии. Вот почему даже сегодня, даже здесь вы продолжаете мыслить по-старому. Вы не слушаете меня, не слушаете, что я говорю. Я говорю: каким бы вы ни были, безоговорочно примите себя, ибо такое приятие есть ключ к преображению.

Я не говорю: примите себя, чтобы преобразиться; так вы совершенно не примете себя из-за того, что в глубине души будете желать трансформации. Вы скажете: «О'кей, если это преобразит меня, я приму самого себя». Однако это не приятие; вы упустили самое главное. Вы по-прежнему стремитесь к трансформации. Поэтому вопрос так и кончается: *«Разве я смогу освободиться, приняв...»*

Вы спрашиваете меня: «Гарантируете ли вы мне свободу, если я приму самого себя?»

Если я гарантирую вам ее и вы примете себя на условиях этой гарантии, в чем суть приятия? Приятие для вас – средство; цель же состоит в трансформации, в достижении свободы, Бога, нирваны. Где же здесь приятие?

Приятие должно быть безоговорочным, безусловным, немотивированным. Только тогда оно освободит вас. Оно принесет огромную радость, оно принесет величайшую свободу, но эта свобода не придет как некая конечная цель. Приятие себя – другое название свободы. Если ваше приятие истинно, если вы правильно понимаете, что я имею в виду под словом «приятие», свобода придет к вам тотчас же, мгновенно.

Это происходит не так, что сначала вы принимаете себя, практикуете приятие, а потом, в один прекрасный день, приходит свобода, – нет. Примите себя – и вы свободны, ибо психологические страдания сразу исчезнут.

Попробуйте. Все, что я говорю, можно проэкспериментировать. Вы можете сделать это – дело не в том, доверяете вы мне или нет. Вы долго боролись со своим страхом – примите его, и вы увидите результат. Посидите в тишине и примите его, скажите: «Я ощущаю страх, потому я *есть* страх». И в этом состоянии глубокой медитации, повторяя слова «я есть страх», вы почувствуете, как на вас нисходит свобода. Когда приятие абсолютно, приходит свобода.

Второй вопрос:

Я с большим подозрением отношусь к своей жене, хотя знаю, что она невинна. Что мне сделать, чтобы избавиться от своих подозрений?

На самом деле, нечто скрытое в вашей душе делает вас подозрительным. До тех пор, пока вы не будете доверять себе самому, вы не сможете доверять своей жене или кому-то еще. Если вы не доверяете себе самому, вы будете проецировать свое недоверие на людей, окружающих вас. Вор думает, что все люди воры. Это естественно, потому что он знает самого себя, а это единственный способ познать других.

То, что вы думаете о других, есть, по существу, декларация того, что вы думаете о себе самом. Вы знаете, что, если ваша жена не будет постоянно наблюдать за вами, вы обязательно что-нибудь натворите. Вы начнете флиртовать с какой-нибудь женщиной – вы знаете это. Отсюда страх: «Когда я на работе, моя жена, наверное, флиртует с соседом». Вы прекрасно знаете, что происходит между вами и вашей секретаршей; это знание и создает проблему.

Поэтому вы говорите: «Хотя я знаю, что моя жена невинна, я не доверяю ей». Вы будете подозревать ее до тех пор, пока не измените что-то в самом себе. Проблема не в жене; на самом деле, все вопросы, возникающие у вас, касаются вас самих.

Один путешественник, отправившись в кратковременную поездку, задержался в пути. Каждые две-три недели он посылал жене телеграмму, где сообщал: «Приехать домой не могу, продолжаю делать покупки». Следующая телеграмма ничем не отличалась от предыдущей: «Приехать не могу, продолжаю делать покупки». Прошло три или четыре месяца, и его жена отправила ему телеграмму следующего содержания: «Лучше приезжай: я продаю то, что ты покупаешь!»

Вот как происходит в жизни.

Муж и жена, едва оправившись от похмелья, обсуждают вечеринку, на которой они гуляли предыдущей ночью.

– Дорогая, я никак не могу вспомнить, – говорит муж, – это с тобой мы занимались любовью в библиотеке?

Жена задумчиво смотрит на него и отвечает:

– Это смотря во сколько...

Причина недоверия кроется в самом человеке. Вы относитесь недоверчиво к самому себе: быть может, вы чрезмерно подавляете самого себя? Когда человек что-то подавляет в себе, он начинает проецировать это на других. Почти всегда человек, в душе которого живет инстинкт убийства, боится, что окружающие хотят убить его; он становится параноиком.

Насильственный человек всегда чего-то боится, так как убежден: «Люди очень насильственны, поэтому я всегда должен быть начеку».

Люди, не доверяющие самим себе, не могут доверять никому: ни жене, ни другу, ни отцу, ни матери, ни сыну, ни дочери. Люди живут в состоянии хронического подозрения. И все же главная причина заключена в том, что вы не можете принять свою действительную сущность.

Я хотел бы, чтобы вы поразмыслили над тем, что я только что говорил Ашоке. Примите себя таким, какой вы есть: в этом приятии самого себя вы придете к приятию других. Да, это вполне возможно: если, бросив взгляд на женщину, вы начинаете испытывать к ней интерес, значит, и ваша жена может увлечься каким-нибудь мужчиной. Только поняв самого себя и *приняв* самого себя, вы поймете и примете свою жену.

Если вы можете принять, что нет ничего дурного в том, что иногда вас привлекают другие женщины, то вы поймете, что и ваша жена может увлекаться другими мужчинами. Но, если вы отрицаете это в себе, если вы осуждаете это в себе, вы осудите это и в других.

Святой в моем понимании – это тот, кто способен простить всех и вся, ибо он познал себя самого. Но ваши святые не способны прощать. Ваши святые продолжают изобретать все более и более технически совершенный ад. Почему? Они не в состоянии понять и принять самих себя.

Один молодой симпатичный адвокат, фигурирующий в нашей следующей истории, хвастался, что ни разу не встречал женщины, которую ему не удалось бы соблазнить. И вот в

один прекрасный день в офисе появляется очень красивая секретарша, которую пытаются соблазнить все мужчины, но все их усилия тщетны.

Молодой адвокат хвастливо заявил: «Держу пари, что смогу ее победить». В ответ на вопрос, как он это докажет, он ответил, что запишет все, что произойдет между ними, на магнитофон, который спрячет под кроватью. Заключив пари на кругленькую сумму, он назначил секретарше свидание. К вечеру этого дня она оказалась в его постели. Адвокат включил магнитофон.

Прошло некоторое время, и, как бы подтверждая его репутацию блестящего любовника, секретарша в порыве самозабвенной страсти воскликнула: «Поцелуй еще раз сюда же, милый, поцелуй еще!»

В этот момент адвокат, свесившись с постели в сторону микрофона, продиктовал тем же тоном, каким произносил речи на своих лучших процессах: «Прошу отразить в записи: леди показывает на свою левую грудь».

Ум адвоката – это постоянное подозрение. Должно быть, он испугался: «Поцелуй еще раз сюда же, милый, поцелуй еще!» Куда? В записи не говорится ничего конкретного, и это подозрительно.

Таков же ум каждого человека: он хитер, расчетлив, подозрителен. Ум живет в состоянии хронического недоверия, сомнения. Вообще, сомнение – это преобладающее состояние ума.

Так что вопрос не в том, как научиться доверять жене, вопрос заключается в *доверии* вообще. Ум живет в атмосфере сомнения, он питается сомнением. И до тех пор, пока вы не научитесь отключать ум, когда вы не нуждаетесь в нем, и жить сердцем, вы не научитесь доверять.

Атмосфера сердца – это доверие. Ум не склонен доверять; разум не склонен к доверию. Все мы стали заложниками головы. Поэтому, даже если мы и говорим, что доверяем, мы не доверяем. Мы настаиваем, что доверяем, но само это подчеркивание свидетельствует, что мы не доверяем. Мы хотим доверять, мы делаем вид, что доверяем, мы хотим, чтобы другие *поверили* в то, что мы доверяем, но мы не доверяем. Голова слишком слаба для того, чтобы доверять. Ум – это механизм сомнения; голова – это вечный знак вопроса.

Вам нужно научиться опускаться в сердце, которое общество обходит. Общество не учит вас идти путем сердца, общество учит вас путям ума. Оно учит вас математике и логике, оно преподает вам науки, и так далее, и так далее – но все эти науки культивируют сомнение.

Наука идет вперед благодаря сомнению, сомнение – это благо для науки. По мере развития и прогресса науки люди становились все суше и суше. Гуманность исчезла, любовь превратилась чуть ли не в миф. Любовь перестала быть реальностью на земле. *Может* ли она быть реальностью? Ведь сердце прекратило биться.

Даже когда вы любите, вы *думаете*, что любите; любовь идет через голову. А голова не обладает способностью любить.

Начните медитировать. Прервите непрерывную работу ума. Ум постепенно успокоится. Займитесь вещами, не требующими умственных усилий – к примеру, танцами. Танцуйте, танцуйте до изнеможения, потому что танец не требует работы ума. Возможно, вы потеряете себя в танце. Когда вы потеряете себя в танце, сердце вновь начнет функционировать.

Попробуйте утонуть в музыке. Постепенно вы увидите совершенно другой мир – мир сердца. А в сердце всегда живет доверие. Сердце не знает сомнения, точно так же, как ум не знает, что такое доверие.

Третий вопрос:

Что такое сексуальное извращение? Как и откуда возникают странные сексуальные наклонности? Например, садомазохизм?

Человек не такой, каким он кажется, он значительно больше. Наши знания о человеке носят далеко не полный характер.

Вам придется понять пять категорий: первая из них – это сознательный ум. Сознательный ум – это крошечный ум, это маленькая частица вас, которая может рассуждать, думать, давать разумные объяснения в процессе логического мышления и даже проявлять бдительность. Это очень маленькая частица вас, и все, что мы знаем о человеке, сводится к этой крошечной частице.

В великий дворец человеческого сознания мы заглянули через крошечное отверстие, через замочную скважину. Но то, что мы увидели через замочную скважину, далеко не полная реальность.

Человек бесконечен. За умом сознательным скрыт бессознательный ум. Открытие бессознательного – огромный вклад Зигмунда Фрейда в науку о человечестве. Подсознательный ум в девять раз больше, чем сознательный. Он заключает в себе все внутренние функции, механизмы тела, эмоции и чувства. Он заключает в себе все, что в вас есть, кроме логики.

Однако все это тонет в глубоком мраке. Фрейд определил психоанализ как попытку сделать подсознательное сознательным, благодаря которой ваше сознание становится чуть-чуть больше. Как можно больше света должно проникнуть во мрак подсознательного, потому что подсознательное в девять раз сильнее. Все то, что решается вами на уровне сознания, не будет материализовано до тех пор, пока не достигнет подсознания.

Именно поэтому гипноз проникает глубже, чем любые другие методы. Гипноз воздействует непосредственно на подсознание. Вы можете годами пытаться избавиться от какой-нибудь привычки, но вы не избавитесь от нее, поскольку ваши попытки останутся на уровне сознательного ума. А сознательное очень мало; оно бессильно перед бессознательным. Бессознательное же лишено возможности познать то, что думает сознательное.

Но гипнотизер может помочь вам избавиться от привычки за несколько секунд или, самое большее, за несколько сеансов, поскольку он усыпит сознательное и установит непосредственный контакт с бессознательным. И если бессознательное согласно бросить эту привычку, то она исчезает. Сознательное уже не в силах следовать ей.

Реальность полностью меняется, если мы смотрим на нее через призму подсознательного. Однако само подсознательное – только часть, за которой скрыто коллективное подсознательное, заключающее в себе все ваше прошлое. А ваше прошлое – вовсе не мелочь. Когда-то вы были львом, вы были змеей, вы были деревом.

Восточная идея о том, что человек рождается восемьдесят четыре миллиона раз, очень примечательна. Цифра, возможно, не совсем точна, но сама мысль полна глубокого значения и смысла. Вы рождались на свет восемьдесят четыре миллиона раз, прежде чем стали человеком, и все ваши прежние ипостаси и их опыт – это ваше коллективное бессоз-

нательное. Это почти вся история, начиная с самого начала – если можно вообще говорить о начале.

Идея о коллективном бессознательном принадлежит Карлу Густаву Юнгу, который ввел это понятие в психологию.

Но все это только части, и даже коллективное бессознательное – это только часть. Западная психология еще не начала движения вверх. Она устремилась вниз: в сознательное, затем еще ниже – в бессознательное, и потом еще ниже – в коллективное бессознательное.

Над сознанием находится сверхсознание, которое в девять раз больше сознательного. Над сознательным, параллельно бессознательному, возвышается сверхсознательное. А еще выше находится космический разум – вы можете назвать его божественным разумом, Богом или Дао. Это предельное, конечное сознание: все сущее становится сознательным, и ваш разум столь же велик, как и космос.

Если вы опускаетесь ниже сознательного, вы вступаете в темноту. Если вы поднимаетесь над уровнем сознательного, вы вступаете в зону света.

Таким образом, внутри вас не один ум, а пять. Но вы осознаете только крошечную его часть – сознательный ум.

Так вот, очень многое приходит из подсознательного и коллективного подсознательного. В снах происходит много такого, что может озадачить вас своей странностью. Сны могут казаться вам полной бессмыслицей, вы часто не можете понять, что они означают; они бывают просто абсурдны. Это бывает нечто из коллективного бессознательного – время от времени что-нибудь оттуда выплывает на поверхность вашего подсознания, и вы видите сон.

Время от времени из зоны коллективного подсознательного что-то начинает профильтровывается в зону сознательного. Это странные, причудливые, извращенные вещи. Но они только кажутся извращенными, на самом деле, это не извращения, они так же естественны, как все остальное, они просто очень ненормальны.

Вы спрашиваете: *Например, садомазохизм.*

Есть люди, которые получают удовольствие, истязая других, и есть люди, которые получают удовольствие, истязая самих себя, особенно в любовных отношениях. Есть люди, предпочитающие истязать любимого человека, и есть люди, склонные к тому, чтобы их мучили возлюбленные.

Слово «садизм» происходит от фамилии «де Сад». Этот маркиз вступал в сексуальные отношения с женщиной только после того, как избивал ее. В своем чемоданчике – саквояже врача – он носил с собой все необходимые орудия пыток. Он был богатым человеком, маркизом, и все женщины в округе были доступны ему. Увидев красивую женщину, он просто делал жест, и ей приходилось идти в эти камеры пыток, так как назвать их камерами любви было невозможно. В камерах был широкий выбор разнообразных инструментов. По его требованию женщина сразу раздевалась донага, после чего он избивал ее и вступал в извращенный сексуальный контакт. Он не получал сексуального удовлетворения до тех пор, пока женщина не начинала истекать кровью.

Это извращение. Откуда оно пришло? Оно пришло из глубин коллективного подсознания, осталось в наследство от восьмидесяти четырех миллионов жизней. Оно пришло от животных. Есть такие животные...

Примером может служить один африканский паук. Самка съедает его, пока он занимается с ней любовью. Он в таком экстазе, в тотальном оргазме, он забывает абсолютно обо всем – и в этот момент леди начинает есть его. Он еще даже не закончил свой... К тому моменту, когда подходит к концу оргазм, пауку тоже приходит конец! Он может совершить акт любви только один раз. Это не извращение, это естественно.

По аналогии со словом «садизм», восходящим к фамилии «де Сад», слово «мазохизм» произошло от человека по имени Мазох, который был полной противоположностью де Сада. Он заставлял женщину бить, хлестать, колотить его. Он не испытывал сексуального удовлетворения, если не был избит и поколочен ею.

Такие люди страдают из-за коллективного подсознания, от которого исходят некие частицы, оседающие на поверхности сознания; люди не могут понять, откуда исходят эти частицы. Они не преступники, они нуждаются в лечении.

Де Сад провел всю свою жизнь в тюрьме. Это ужасно и несправедливо. Он нуждался в глубоком гипнотическом лечении. Такие люди должны вызывать у нас чувство сострадания; они страдают от своего прошлого.

Подобные вещи случаются с каждым, но только они происходят в подсознании, во сне. Люди становятся ненормальными; из зоны подсознательного в зону сознательного через открытый канал поступают сигналы, влияющие на поведение людей. Избежать этого влияния невозможно.

Если вы посмотрите на привычки некоторых животных, многие из них поразят вас. Примером могут служить слоны, известные своим особым способом ухаживания, которое продолжается годами. Если кто-то в прошлом был слоном и память об этом сохранилась в коллективном подсознании, ухаживание может продолжаться годами.

Самка слона занимается любовью только два раза в десять лет. В наши дни немало женщин считают, что этого достаточно. Это естественно, когда речь идет о слонах, поскольку самка слона ходит беременной двадцать два месяца. Представьте, каково ей приходится! Двадцать два месяца носить в своем чреве слона... Слониха начинает так бояться всех этих любовных глупостей, что в течение двух-трех лет ни один плейбой не может склонить ее к повторению этой ошибки. Ее можно уговорить не раньше, чем через три, четыре или пять лет, когда воспоминание о беременности стирается. Поэтому ухаживание становится довольно продолжительным.

Все это живет внутри коллективного подсознания. Одно и то же может быть совершенно естественным для животных и противоестественным для человека. Так возникают извращения.

Известно ли вам, что у животных существуют такие странные явления, которые непременно заинтригуют вас, как только вы о них узнаете? Вы не сможете поверить в то, что они действительно существуют в природе.

Знаете вы обыкновенного клопа? Леди-клоп не имеет гениталий, у нее *нет* гениталий. Каждый раз, собираясь заняться любовью с самкой, самец-клоп должен просверлить отверстие. У нее нет входа. И это опасно! Но природа оставляет свои метки: на животе у леди-клопа различается четкая линия, и если самец начнет сверлить в другом месте, он может убить ее! Отверстие можно сверлить только по определенной линии. Положите леди-клопа кверху животом, и вы узнаете, девственна она или нет, и сколько раз с ней занимались любовью, так как после акта любви на ее животе остается отверстие и шрам.

Но если кто-то, движимый подобной идеей, начнет сверлить отверстие в теле женщины, это будет извращением. И все извращения таковы. Существует огромное коллективное

подсознание миллионов и миллионов жизней, хранящее в себе все виды опыта. Буддисты называют его *алайя-вигьян*: хранилище сознания. Оно бесконечно.

Вы спрашиваете меня: *Что такое сексуальное извращение?*

Это нечто отделяющееся от поверхности коллективного подсознания.

Как и откуда возникают странные сексуальные наклонности?

Они возникают из коллективного подсознания. Некоторые люди имеют открытые проходы в бессознательное; это ненормально. Эти люди подобны детям, родившимся с шестью пальцами на руке, или детям, родившимся слепыми, – это исключение, поэтому они и считаются извращенцами.

Как раз вчера вечером я читал книгу о Сатья Саи Бабе под названием «Повелитель воздуха». Книга написана людьми, прожившими вместе с Сатья Саи Бабой многие годы; в ее основу легли факты их личного опыта. Они считают, что он не только гомосексуалист, но и гермафродит. Гермафродит – это человек, имеющие как мужские, так и женские гениталии.

Существуют животные, двойные гениталии которых не извращение, а самая естественная вещь. Есть земляные черви и с мужскими, и с женскими гениталиями; определить их пол невозможно, поскольку у каждого червя есть гениталии и самца, и самки. Когда земляные черви занимаются любовью, то любовь реализуется двумя способами. Один червь функционирует по отношению к другому и как самец, и как самка; любовь каждого из них реализуется обоими способами. Они соединяются в двух точках, поэтому определить, кто из них самец, трудно. Оба они самцы, и оба они самки. Так «А» занимается любовью как самец по отношению к женским гениталиям «Б», а «Б» занимается любовью как самец по отношению к женским гениталиям «А». Эта любовь замкнутого цикла, после которой оба беременеют.

Для земляных червей это вполне нормально, но в случае Сатья Саи Бабы возникает проблема. Судя по его походке, эти люди правы. Это случается изредка, но разве можно это осуждать – может ли Сатья Саи Баба что-то изменить? Некоторые дети рождаются с мужскими и женскими гениталиями, это случается очень редко. Испытывая страх перед жизнью, они пытаются спрятаться от нее: они не хотят, чтобы кто-то знал об их существовании.

Люди все еще недостаточно мудры, иначе они не видели бы в этом какие-то проблемы. В действительности, Сатья Саи Баба гораздо богаче, чем кто-либо еще, поскольку он получает наслаждение от любви, совершаемой обоими способами – в роли мужчины и в роли женщины.

Извращения могут быть в теле, извращения могут быть в сознании, но и те, и другие возникают в глубинах коллективного подсознания. Оба типа извращений могут быть устранены, но для этого необходим чрезвычайно сильный гипноз. Обычный гипноз не поможет; обычный гипноз приведет вас только к подсознательному. Для того, чтобы достичь коллективного подсознания, необходимо очень сильный гипноз.

В новой коммуне я научу вас способам погружаться в глубины коллективного подсознания. Но это очень опасное путешествие, и требуется серьезная подготовка, прежде чем

кто-то отправится в коллективное бессознательное: там столько всего, миллионы переживаний – и все они внезапно откроются вам.

Необходима коммуна. Необходима закрытая коммуна, необходим закрытый Сад – ибо это совсем не тот вопрос, о котором должна знать масса обычных людей, не способных понять. Вот почему, когда некая информация достигает масс, когда какие-то фотографии с обнаженными телами доходят до масс, люди тут же оборачиваются против меня. Они не понимают, что здесь происходит.

Мы пытаемся проникнуть в глубинные слои сознания. Это своего рода алхимическая лаборатория; масса обычных людей не способна понять суть этого процесса. Они понимают это только на своем уровне.

Я жду новую коммуну: нужно сделать гораздо больше. Но тогда все будет гораздо более причудливым и странным, и вам потребуется поле, энергетическое поле, окутывающее вас своей успокаивающей энергией, соединяющее вас и меня и мешающее вам исчезнуть в коллективном подсознании. И только тогда распахнутся двери коллективного подсознания.

Они распахнутся, и это чрезвычайно важно, если они смогут распахнуться. Если вы познали все свое прошлое, вы будете свободны от него. Любое знание дает освобождение: знание истины дает свободу. Если вы получите доступ в свое прошлое, до самого конца, вы покончите со всеми долгами. Миллионы раз вы пытались накопить богатство, и каждый раз безуспешно. Но если вы вспомните все свои прошлые жизни и осознаете, что миллионы раз играли в одну и ту же игру, очень глупую игру, совершенно бессмысленную игру, сможете ли вы по-прежнему играть в нее в этой жизни? Игра станет невозможной.

И если вы готовы осознать свой сексуальный опыт, эта игра тоже покажется вам смешной и ненужной.

Но для этого необходимо создать абсолютно изолированную среду и огромное доверие, безграничное доверие. Вот почему я пытаюсь создать коммуну, изолированную от мира, где станут возможными самые смелые эксперименты из всех, когда-либо задуманных и осуществленных. Вернувшись назад, вы обретете способность двигаться вверх и вперед, ибо сам процесс остается неизменным. Назад идти легче, потому что вы знаете этот путь; вы подзабыли его, но все же это пройденный путь, вы можете вернуться назад.

Движение вверх – к сверхсознанию и космическому разуму – идет по неизвестному пути. Если вы сможете идти назад, вы научитесь проникать в опасные уголки своего бытия. Затем вы сможете сделать следующий шаг вверх, двигаясь от сознательного к сверхсознательному.

Сверхсознание – место, где находятся переживания, связанные с ангелами, дэвами, богами, кундалини, чакрами; здесь лотос раскрывает свои лепестки – все это содержится в сверхсознании. Это прекрасный мир, это психоделический мир. За ним скрывается мир космического разума, в котором исчезает опыт – и безобразный, и прекрасный, и где познающий остается наедине с самим собой. В тотальном, абсолютном одиночестве. И это конечная цель сознания, к которой направлена вся эволюция.

Но прежде, чем сделать этот прыжок в мир, который возвышается над вами, вам придется спуститься к корням, темным корням вашего подсознания, вашего прошлого опыта.

И Будда, и Махавира практиковали важную технику. Их эксперименты известны под названием *джати смаран* – вспоминание прошлого. Прошлое необозримо – если вы постоянно вспоминаете, оно будет раскрывать вам свои тайны

Человек, спустившийся к корням своего прошлого, вернется в настоящее абсолютно здоровым физически и психологически. Это избавит его от всех извращений. Вся его жизнь

преобразится благодаря пути туда и возвращению назад. Тогда он будет знать, что тысячу раз уже делал все дела, которые задумал сделать – и все они тщетны, это только пустая трата времени.

Осознайте это – и все начнет изменяться. Обретая свободу от прошлого и способность двигаться в настоящее, вы погружаетесь в бытие, происходящее здесь и сейчас.

После нескольких месяцев замужества молодая женщина написала своему врачу письмо следующего содержания:

«Дорогой доктор, с самой свадьбы меня не оставляет чувство, что мой муж сошел с ума. Он домогается меня круглые сутки: за завтраком, за кофе, за обедом и вечерним чаем; а потом еще всю ночь будит меня. Могу я что-то сделать, как-то помочь ему? Надеюсь, вы будете столь любезны и дадите мне совет.

P.S. Прошу простить меня за прыгающий почерк.»

Муж и сейчас не отстает от нее. Есть много таких животных...

Женщина обратилась к своему врачу с жалобой по поводу снижения сексуального влечения мужа. Врач, старый друг семьи, назначил таблетки, которые нужно было незаметно подсыпать в чай мужа. Этот курс лечения, по мнению врача, должен был помочь ему преодолеть комплекс неполноценности, вызванный мужской слабостью.

Прошло два дня, и женщина вновь пришла к врачу.

– Что случилось? – спросил врач. – Мои таблетки помогли?

– Невероятно! – ответила женщина. – Мне так хотелось проверить их действие на муже, что я бросила целых три таблетки в его чашку кофе, и уже через секунду, проглотив их, он вскочил из-за стола, опрокинул стул, повалил меня на пол и изнасиловал.

– О! – сказал врач. – Надеюсь, это не очень удивило вас?

– Удивило? – переспросила женщина. – Едва ли когда-нибудь я смогу снова переступить порог этого ресторана!

Именно так занимаются любовью животные. Вы тоже можете утратить свое сознание и вести себя как животное.

Извращение означает, что вы утрачиваете свое сознание и начинаете вести себя как низшие виды. Таково свойство, присущее человеку: он может пасть ниже животных, и он может подняться выше богов. В этом состоит величие человека, и в этом его ничтожество. В этом мучение человека, и в этом же его экстаз.

Человек – единственное животное в мире, единственное существо, способное достичь глубин ада и вознестись в райские высоты.

Извращение просто означает ваше обратное движение. Превращение означает ваше движение вверх, падение вверх. И если человек не прошел этап превращения, преображения, открывающего ему путь наверх, он останется извращенным. Ваше извращение, возможно, выглядит не очень странным, и вы приспособились к нему. Возможно, это самое обычное извращение, которое есть у каждого человека; тогда все нормально, и его можно считать допустимым. Однако у некоторых людей есть необычные извращения, индивидуальные извращения, свои собственные извращения, и они не могут адаптироваться в обществе.

Но помните, что существует только два типа людей: извращенные и преображенные. Существуют только две категории: извращенные и превращенные.

Вступите в категорию превращенных: начните возноситься над человечеством. Однако, единственный способ возвыситься над человечеством – это принять животное начало, все еще таящееся в вашей душе.

Человек, способный принять себя таким, каков он есть, сможет принять себя таким, каким он может стать.

СВАДЬБА И ПОМИНКИ

Зло и добро – равное благо в глазах мудреца.
Нет зла, исходящего от Бога;
и если вдруг тебе показалось,
что от него происходит зло,
постарайся увидеть в этом добро.

Боюсь, что, ступив на путь веры,
ты уподобишься одному косоглазому,
который видит мир раздвоенным,
или глупцу, доказывающему,
как безобразно тело верблюда.
Если он дает тебе яд, считай его медом;
и если он разразится гневом, сочти это милостью.

Будь доволен своей судьбой;
а если у тебя есть жалобы,
пойди и расскажи о них кадию,
чтобы получить по заслугам –
вот как рассуждает разум глупца!

Что бы с тобой ни случилось –
счастье или несчастье, –
это чистое блаженство;
а сопутствующее зло –
мимолетная тень.

«Добро» и «зло» не имеют значения
в мире слов:
это всего лишь пустые названия,
отчеканенные в мире «моего» и «твоего».

Твоя жизнь – просто лакомый кусочек у него во рту;
его праздник – это и свадьба, и поминки.
Отчего темнота так печалит сердце?
– ведь ночь несет в себе новый день.

Ты говоришь, что размотал клубок времени,

так преступи грань самой жизни и разума,
и ты познаешь власть Божию.

Ты ничего не видишь: ночью ты слеп,
а днем вооружен своей одноглазой мудростью!

Что такое мудрость? Это, конечно, не знание. Знание – это притворство, фальшивая монета. Оно прикидывается мудростью, и оттого, что оно похоже на мудрость, оно очень опасно.

Знание приходит извне, мудрость возникает внутри. Знание – это товар, вы можете купить его на рынке; оно продается, оно покупается. Мудрость – не товар, вам приходится рисковать своей жизнью, чтобы добыть ее. Это не вещь, купленная по дешевке, это рискованное предприятие.

Знание состоит из всего того, что вы знали в прошлом. Мудрость не имеет с прошлым ничего общего, она жива в настоящем. Она не имеет ничего общего с прошлым, и она не имеет ничего общего с будущим, поскольку будущее – не что иное, как проекция прошлого, видоизмененного, приукрашенного, чуть-чуть подновленного тут и там, отшлифованного, подкрашенного, это проекция обновленного старого.

Знание существует во времени; время состоит из прошлого и будущего. Мудрость не знает времени, мудрость знает только вечность. Вечность состоит только из сейчас, данного момента, настоящего. Вечность не приходит и не уходит, она всегда здесь.

Мудрость несет с собой мир, знание несет с тобой тревогу. Какими бы похожими они ни казались, они диаметрально противоположны. Мудрость дает удовлетворение, полное удовлетворение. Знание приносит все больше и больше неудовлетворенности, поскольку ум проявляется в желании большего. Ум – не что иное, как другое название желания получить больше, больше и больше. Это постоянное стремление к большему. Если у вас есть деньги, он желает *больше* денег; если у вас есть власть, он желает *больше* власти; если у вас есть знания, он желает *больше* знаний. Это один и тот же процесс, и, хотя объекты разные, процесс остается неизменным.

Мудрость не знает слова «больше»; это абсолютное удовлетворение. Если вы живете в окружении «больше», вы погружаетесь в состояние постоянного напряжения, хронического напряжения, потому что вам всегда мало. Вы погружаетесь в состояние глубокого отчаяния и страданий.

Знание дает удовлетворение эго. В мудрости эго просто исчезает, бесследно исчезает. Знание различает, знание зависит от различий: это и то, здесь и там, сейчас и тогда, хорошо и плохо, красиво и безобразно, Дьявол и Бог. Знание дуалистично – «я и ты», такова его форма. Оно делит реальность. Знание шизофренично, мудрость едина.

Мудрость – это *unio mystica*, мистический союз. Здесь нет Бога и нет Дьявола, есть только Единство. Имя, которым будет названо это Единство, зависит от вашего произвольного выбора. Вы можете назвать его «Бог» – но помните, что этот Бог – не противоположность Дьяволу. Бог мудрости – не противоположность Дьяволу, он заключает в себе Дьявола. Вы можете назвать его Дао, вы можете назвать его Дхарма, вы можете назвать его Логос, как угодно. Но помните одно: он содержит в себе противоположное. Это основное, что нужно помнить. Когда мудрый человек произносит слово «Бог», в нем подразумевается Дьявол.

Известно ли вам происхождение слова «дьявол»? Оно восходит к санскритскому корню *dev*, к тому же корню, от которого произошло санскритское слово *devata:* оба слова происходят от одного и того же корня. «*Devata*» означает Бог, «Дьявол» означает «Сатана», но они восходят к одному корню – «*dev*». Именно от *dev* произошло английское слово «devil» – «Дьявол», а также слово «divine» – «божественное». Божественное и Дьявол – это не два разных понятия.

Бытие едино, абсолютно едино, это органическое единство. Так что, когда мудрый человек произносит слово «Бог», оно содержит в себе понятие Дьявола. Когда мудрец произносит слово «свет», оно содержит в себе все темное. Это всеобъемлющее понятие, включающее в себя разные значения, оно ничего не исключает.

Но когда человек знания употребляет те же слова, их значение различно. Когда он говорит слово «Бог», оно направлено против Дьявола. Когда он говорит «я», оно противоположно слову «ты», когда он употребляет слово «жизнь», оно противоположно смерти.

Мудрость не знает различий. Все различия должны быть утрачены, только тогда человек становится мудрым. Различия, порождаемые моралью, различия, на которых строится наша повседневная жизнь – все эти различия необходимо отбросить. Различие между мужчиной и женщиной – это внешнее различие, поверхностное. Различие между материей и разумом также внешне, поверхностно. Материя – это спящий разум, разум – это пробудившаяся материя. Различие между телом и душой поверхностно. Тело – это лишь видимая часть души, а душа – невидимая часть тела; это не два понятия. Мудрость не знает двух понятий.

И мудрость не собирается вследствие накопления информации. Она не приходит, когда вы сидите в библиотеке или в университете, она приходит, когда вы растворяетесь в собственном ядре. Она приходит в процессе движения внутрь, она приходит, когда вы соприкоснулись с твердым основанием. Как только вы коснетесь своей почвы, она взрывается. Все различия исчезают: жизнь внезапно становится единой. Все взаимосвязано, все взаимозависимо, все есть часть всего.

Тогда вы уже не увидите дерева, отдельного от земли – это не так. Тогда вы уже не увидите дерева, отдельного от солнца – потому что это не так. Тогда дерево воссоединится с солнцем невидимыми лучами. Исчезнет солнце – исчезнет и дерево: оно уже никогда не зазеленеет, оно уже никогда на расцветет. И если исчезнет земля, то исчезнут и соки, питающие его, и оно не оживет; и если исчезнет океан, оно неизбежно погибнет. Если вы углубитесь в дерево, вы обнаружите, что в нем заключено все сущее.

Альфред Теннисон прав, когда говорит: «Если вы познаете один-единственный цветок, его корни и все остальное, вы познаете все сущее». Почему? Потому что в одном-единственном цветке содержится все. В нем есть частица солнца, частица луны, частица миллионов звезд, изливающих себя в этот крошечный цветок. Он питается соками земли и всем тем, что, как вам кажется, вообще не связано с ним. Ребенок, игравший под розовым кустом, помог ему вырасти: если бы не было ребенка, куст был бы совсем другим.

На этот счет есть научная теория. К примеру, когда ребенок танцует вокруг розового куста, напевая веселую песенку, между ним и розой возникает невидимая связь. Роза чувствует танец, вибрацию, и начинает расти быстрее. В наши дни наукой доказано, что, если розы слышат музыку, они растут быстрее, они становятся больше. Если растения слышат музыку, они начинают расти быстрее, они дают более крупные плоды, и эти плоды созревают быстрее, чем в других условиях.

Если они питаются шумом, а не музыкой, диссонирующим шумом вместо гармоничных звуков, они задерживаются в своем росте. Они останавливаются в росте. Появляются цветы, но их значительно меньше; растения задерживаются в своем развитии.

Таким образом, все взаимосвязано. Вы есть именно то, что вы есть, ибо и существование есть именно то, что оно есть. Вы есть неотъемлемая часть этого существования. Переступив границу собственного бытия, вы становитесь доступным для всеобщего бытия, и

всеобщее бытие становится доступным для вас. Перед вами раскрываются новые перспективы.

Следовательно, мудрость не есть знание. Тогда что же она? Мудрость – это медитация, мудрость – это молчание, мудрость – это покой, тишина. Мудрость означает состояние полного безмолвия в абсолютном единстве с бытием. Это оргазмический опыт гармонии с целым.

Человек знания подобен обезьяне, несущей груз прошлого – священных книг, теорий, философий и теологий. Он не может ответить ни на один реальный вопрос, хотя он может ответить на миллионы нереальных вопросов.

Еврей, погоняющий осла, запряженного в маленькую тележку, подъехал к мосту, на котором взымался дорожный сбор. Сборщик налога вышел из своего домика и сказал:

– Вы сможете проехать через мост только после того, как заплатите сбор.

– Что? Заплачу сбор?

– Да, пять центов.

После недолгого спора еврей заплатил пять центов и проехал. Вечером, возвращаясь назад, он подъехал к мосту, но на этот раз на его месте восседал осел, а повозку тащил он сам.

Сборщик подати, выйдя из своего домика, сказал:

– Согласно закону, вы должны заплатить пять центов.

Еврей покачал головой и ответил:

– Скажите об этом кучеру.

Брамин, ученый, академик ничем не отличаются от осла, восседающего в повозке и претендующего на роль кучера. Он не кучер. Он ничего не знает. Хотя он накопил много знаний, он пока не знает ничего.

Ученость – совершенно иной феномен, чем знание.

Архиепископ посетил небольшой католический приход, расположенный в горнорудном районе, с целью проведения конфирмации. Во время беседы он спросил одну нервную маленькую девочку, что такое брак.

– Это состояние невыносимой муки, которое в течение некоторого времени вынуждены переносить те, кто вступает в него, для того чтобы подготовить себя к более светлой и значительной жизни, – сказала она.

– Нет, нет, – возразил ее пастор. – Это не брак. Это определение чистилища.

– Оставь ее, – сказал архиепископ. – Возможно, она права. Разве мы знаем что-нибудь о браке?

Знание приобретается через опыт. Ученость – это не ваш собственный опыт. Вы можете знать миллионы вещей, не познавая их – но не будьте зависимы от них. Это не может объяснить истину, это не может открыть вам тайну жизни.

В Бостоне две леди присутствовали на проповеди епископа, восторженно описывавшего прелести супружеской жизни. Они покинули церковь с чувством духовного подъема и удовлетворения.

– Чудесную проповедь прочитал сегодня утром Его Преподобие, – заметила одна.

– Да, пожалуй, – согласилась другая. – Хотелось бы мне знать о супружестве так же мало, как он.

Есть способ познания, исключающий всякое реальное знание – это путь учености. Есть способ познания через реальное знание – это путь мудрости. Мудрость экзистенциальна, ученость интеллектуальна. Ученость заключает в себе только часть вашего разума, мудрость включает в себя все ваше существо в целом. Разница очень большая. Различие невероятно, неизмеримо.

Знание о реальности не есть реальное знание ее. «О» водит вас кругами и никогда не приводит к цели. Это топтание вокруг да около. Вы можете вечно ходить вокруг да около, но это будет совершенно бесполезно.

Мудрость требует прямого приближения. Мудрость требует прыжка в центр, а не движения вокруг. Двигаясь кругами вокруг предмета, вы можете больше узнать о нем, но узнать не означает знать. То, что обычно называют знанием – это просто неправильное употребление термина, так как знание есть не что иное, как память. Память – не знание, память – просто попугай.

Знание реально только тогда, когда вы видели собственными глазами: вы видите, и поэтому верите. Но люди в церквях, в храмах, в мечетях говорят совсем противоположное. Они говорят: «Мы видим, потому что верим». Может ли вера означать способность видеть? Вера может быть только обманом. Вера может создать нечто вроде галлюцинации вокруг вас: если вы действительно верите во что-то, постепенно вы начнете видеть это. Но этого нет, это порождение вашего сознания. Это ваша проекция.

Ни в коем случае не начинайте с веры, иначе вы никогда не познаете истину. Идите в исследование без всякой веры, без всякого неверия, пустыми. Идите открытыми, не зная, тем путем идти или этим. Идите невинными, совершенно обнаженными.

Ученику нужны только открытость и уязвимость, но он не нуждается в вере. Настоящий ученик – агностик. Он говорит: «Я не знаю. Я *готов* узнать, но я не знаю. И пока я не узнаю, я не собираюсь верить. Ни «за», ни «против» – я вообще не буду верить. Я останусь открытым для истины, которая придет и постучится в мою дверь. Я буду искать».

Однако для того, чтобы исследовать – без веры, без неверия, – необходимо большое мужество. Ум страстно стремится к вере, ибо он ищет опоры в вере, которая дает огромное утешение. Он начинает чувствовать: «Я знаю немного, но, по крайней мере, это я знаю. Я не совсем невежественный».

Ученику нужно мужество, чтобы быть абсолютно невежественным. В этом невежестве рождается невинность. В этой невинности нет места для эго. Эго нуждается в вере – *или* в неверии, которое есть не что иное, как негативная вера. Один человек верит в Бога, другой не верит в Бога, но оба они упрямые догматики. У обоих есть костыли, чтобы опереться.

Только избавившись от всех своих костылей, вы, возможно, познаете истину. Вот что я понимаю под «иным видом знания»: бытие в реальности, а не получение информации о ней.

Узнайте любовь через состояние любви – тогда это мудрость. Вы можете пойти в Британский музей, вы можете прочитать все, что было написано о любви, вы можете написать о любви обширную диссертацию, но вы совершенно не узнаете любви. Вы не почувствуете вкуса любви, не ощутите даже капельки любви. Возможно, вы станете невероятно образованным в вопросах любви, возможно, вы сможете говорить о ней, но вы не сможете жить

ею. И до тех пор, пока вы не обретете способности жить ею, вы не будете знать ее, помните об этом.

Истинное знание приходит, если вы существуете в этой реальности, если вы едины, или согласны, или тождественны этой реальности, в ее внутреннем свете.

Люди дзен говорят: если вы хотите нарисовать бамбук, пойдите сначала в бамбуковую рощу, поживите в ней во все времена года; пусть наступит лето или зима, пусть льют дожди, поживите вместе с бамбуком – и вы почувствуете то, что чувствуют деревья бамбука. Во мраке ночного безмолвия, пронизанном сиянием далеких звезд, вы почувствуете то, что чувствует бамбук. В ранних лучах восходящего солнца, в стремительных порывах ветра, раскачивающих ветки бамбука, танцующих свой причудливый танец, вы ощутите то, что чувствует бамбук. Пусть наслаждение, которое испытывают бамбуковые деревья под проливным дождем, проникнет в ваше существо.

Если вы хотите нарисовать бамбук, для начала станьте бамбуком. До тех пор, пока вы не познаете бамбук изнутри, до тех пор, пока вы полностью не отождествите себя с бамбуком, все нарисованное вами будет лишь фотографией, а не картиной. В этом разница между фотографией и картиной.

Ни один фотоаппарат никогда не нарисует картину, похожую на Ван Гога, никакая фотокамера не может сделать ничего подобного.

Недавно вечером один известный художник, Келли, принял саньясу. Он нарисовал мой портрет, хотя ни разу не видел меня, – но он поймал ощущение. Черты лица, возможно, переданы им неточно, так как, рисуя, он не видел меня. Но он точно передал мою сущность.

Он нарисовал меня сидящим в окружении гор. Он передал не только мою сущность: горы, окружающие меня, несут в себе то же качество, ту же созерцательность, то же безмолвие, спокойствие, ту же прохладу. Между мной и горами есть необычайная гармония. Ни один фотоаппарат не способен передать ее.

Когда был изобретен фотоаппарат, многие думали, что живопись вскоре выйдет из моды, что портреты выйдут из моды. Случилось обратное: благодаря появлению фотокамеры живопись пережила новый взлет. Все фальшивые художники исчезли, поскольку их работу теперь могла выполнить фотокамера. Теперь оставались только истинные, подлинные художники.

До изобретения фотокамеры любой ремесленник, знавший, как нарисовать лицо, точно соблюдая его пропорции, считался большим художником. Теперь это в состоянии сделать фотоаппарат, причем более точно. Поэтому ремесленники больше не нужны. Теперь нужны медитативные художники, способные зафиксировать не только внешность, но и внутренний мир.

Посвящая Келли в саньясу, я понял, что он обладает внутренней способностью взаимодействовать с любым объектом, настроиться на любой объект. И я дал ему новое имя: «Ананд Надо» – «блаженный беззвучный звук». Это свойство медитации. В ней нет звука, звук отсутствует, но есть непостижимая мелодия – неслышная, недоступная для уха, но мелодия есть. У нее нет окраски, но она необыкновенно красочна. Это парадокс, такое состояние парадоксально. Вы есть, и вас нет – и оба утверждения истинны.

Вы в состоянии *фана,* но в то же время вы еще в *бака.* Ваше отсутствие абсолютно – это *фана,* и ваше присутствие абсолютно – это *бака:* вы – и то, и другое одновременно.

Надо обладает этим качеством. Глядя на него, всматриваясь в его глаза, я увидел, что ему по силам нарисовать меня. Будучи в далекой Америке, ни разу не взглянув на меня, он

сумел передать мою сущность. Должно быть, он чувствовал глубокое соучастие: находясь в этой далекой стране, на расстоянии многих тысяч миль, он мог общаться со мной.

Знание ходит кругами; это не общение. Мудрость – это общение. Вот почему я вновь и вновь повторяю, что артист гораздо ближе к мистику, чем ученый, специалист, профессор; артист гораздо ближе. В определенные мгновения артист становится мистиком – хотя эти мгновения быстротечны: они приходят и уходят – и он вновь возвращается к обычной жизни.

Мистик живет на вершинах, там он построил свой дом. Время от времени и артист достигает этих вершин; в самые драгоценные мгновения жизни он возносится к этим вершинам и парит над ними. Но он не может жить на этих вершинах; он падает вниз. Я надеюсь, что Надо способен достичь этих вершин и будет их постоянным жителем.

Всему этому учит саньяса. Не обязательно возвращаться в повседневность, можно оставаться в сакральном и двадцать четыре часа. В этом мудрость.

И это самоблистающее состояние. Когда вы способны общаться, если вы можете общаться с бамбуком, трепещущим и колеблющимся на ветру и под дождем, этот опыт общения несет в себе свет. Он самоочевиден, другие доказательства не нужны.

Если вы можете общаться с человеком – своей женой, мужем, вашим другом, ребенком – это общение самоочевидно. Оно так мощно, оно столь потрясающе, что другие доказательства уже не нужны. Оно достаточно само по себе. Вот почему, несмотря на то, что весь мир твердит, что Бога нет, Иисус, вступающий в подобное общение, готов рисковать своей жизнью, но он не скажет, что Бога нет.

Весь мир говорит Мансуру: «Прекрати провозглашать себя богом!» Риск велик; Мансура предупреждают об этом вновь и вновь. Даже его Мастер сказал: «Перестань твердить: '*Аналь хак*, я Бог, я истина!', – люди очень фанатичны, они убьют тебя».

Мансур сказал: «Конечно, они могут убить меня. Но то, что происходит во мне, так самоочевидно – даже если весь мир восстанет против меня, это совершенно ничего не изменит. Я по-прежнему буду говорить: '*Аналь хак*, я истина!', ибо я существую!»

Это состояние света. Мудрость есть сама по себе свет. Знание не самодостаточно, знание нуждается в опоре.

Я получаю много писем от профессоров, академиков и браминов, которые спрашивают: «Почему в своих книгах вы не приводите сносок и не делаете приложений, информирующих о том, из какого источника взяты цитаты и какому автору они принадлежат?»

Все, что я говорю, самоочевидно. Оно не нуждается в сносках, оно не нуждается в приложениях. Оно не нуждается в подкреплении, я самодостаточен. Все, что я говорю, является выражением моих взглядов. Я не пытаюсь доказать те или иные гипотезы, подкрепляя их большим количеством аргументов, собирая данные в их поддержку.

В Упанишадах нет никаких сносок, в Коране нет никаких сносок. Будда не приводил никаких источников – откуда он заимствовал свою мысль и какому автору она принадлежит.

Когда рождается истина, она самоочевидна. Это ложь нуждается в доказательствах, помните об этом. Это сомнение копит доказательства. Ваши слова не самостоятельны сами по себе; они нуждаются в поддержке.

Знание аккумулирует большое количество информации, фактов и аргументов. Мудрость существует сама по себе: ясная, чистая, открытая для всех тех, кто готов испить от нее.

В эти моменты мудрости рождается ясное понимание того, что не объекты, как таковые, могут быть связаны или известны, а само знание объектов – в том виде, как оно существует в сознании, полученное через опыт или известное. Следовательно, все объекты, в сущности, есть только объективизация и сводятся к чистому сознанию: единой и единственной реальности. Иными словами, то, что известно, не отличается существенным образом от процесса познания или осознания уже известного, а познание существенным образом не отличается от познающего, поэтому человек осознает, что мир, в сущности – это сам познающий или чистое сознание, и, таким образом, все *едино.*

Когда вы в состоянии мудрости – светлой, безмолвной, вы предельно расслаблены и чувствуете полный покой, – вы убеждаетесь, что сознание – это все, ибо все, что известно, стало известно благодаря сознанию. Все, что известно, есть не более чем отраженное сознание; все, что известно, всего лишь образование внутри сознания. Все формы возникают в океане сознания и исчезают в нем. Но сознание остается, оно неизменно, оно вечно.

К примеру, утром, пробуждаясь от сна, вы покидаете один мир и вступаете в другой. Всего лишь одним мгновением раньше вы не имели никакого понятия, что этот мир существует – дом, жена, дети, люди, соседи. Вы потерялись в другом мире, мире сна, предав забвению этот мир. Но вот, пробудившись от сна, вы обнаружили, что мир сна начинает исчезать. Он исчез за считанные секунды, и вот вы уже окончательно пробудились для этого мира. В течение всего дня вы будете жить в нем. Ночью, когда вы снова глубоко заснете и этот мир исчезнет, вам откроется мир сна. Днем мир сна уходит в небытие. Погружаясь в мир сна, вы совсем забываете мир бодрствования. Но одна вещь остается неизменной: сознание. То, что созерцает мир бодрствования, и то, что созерцает мир сна. Лишь одно остается неизменным; это постоянное есть высшая личность, *Атман*, присутствие. Это не эго, поскольку само эго – это образование, которое приходит и уходит.

Бывают мгновения, когда вы не чувствуете никакого эго. Созерцая красоту вечернего заката, вы забываете о существовании эго: вы просто чистый свидетель, без всякого эго. Слушая музыку, вы полностью забываете об эго. Вы не помните себя, это становится вам безразлично. Но наблюдающий остается.

Достигая вершины любовного экстаза, разрешающегося в оргазме, вы полностью забываете об эго. Вы становитесь пульсирующей энергией, мощной пульсирующей энергией, и вы забываете про эго. Но свидетель остается. Ваше зеркало продолжает отражать все происходящее.

Мудрость означает, что это зеркало отражает все. Оно отражает добро, оно отражает зло, оно отражает безобразное, оно отражает прекрасное. Но если вы поняли, что это только отражения и что вы позади всех этих отражений неизменны, тогда есть ли разница между безобразным и прекрасным, между добром и злом? Все это волны внутри вас – одну волну вы называете безобразной, другую волну вы называете прекрасной, но и та, и другая волна – это ваши волны. Это ваше танцующее сознание.

Осознание этого освобождает. Оно освобождает вас от двойственности, и вы обретаете единство с недвойственным, с Единым.

А теперь сутры:

Зло и добро – равное благо в глазах мудреца.
Нет зла, исходящего от Бога;
и если вдруг тебе показалось,

что от него происходит зло,
постарайся увидеть в этом добро.

И зло, и добро – равное благо в глазах мудреца. В глазах мудрого человека, знающего, что все едино, возможно ли различие между добром и злом, между святым и грешником? Возможность какого-либо различия исключается.

В тот момент, когда вы сделали различие, вы стали выбирающим, вы вернулись в мир выбора. Вы перестали быть невыбирающим сознанием – а именно в этом заключается мудрость.

...и если вдруг тебе показалось,
что от него происходит зло...

И поскольку все сущее есть только Бог, может ли существовать зло? Но если подчас вам кажется, что случилось зло,

...постарайся увидеть в этом добро.

Должно быть, вы в чем-то неправы; должно быть, ваше толкование ошибочно. Например, кто-то умирает. Смерть кажется вам злом. Но смерть – не зло; и если она кажется злом, значит, вы неверно понимаете ее, просто вы неверно понимаете ее. Вы не знаете, что такое смерть, поэтому и воспринимаете ее как зло.

Смерть – это не более, чем смена одежды. Если кто-то выбрасывает свою старую одежду после того, как приобрел новую, можно ли назвать это злом? Узнав о том, что он приобретает новую одежду и по этой причине выбрасывает старую, вы можете только поздравить его. У вас не возникает чувства жалости к нему. Вы будете счастливы оттого, что бедный человек наконец-то купил себе новую одежду; старая превратилась в настоящие лохмотья.

Аналогичный случай – смерть. Тело – многосоставное явление: вчера оно родилось, вчера оно было молодым, сегодня оно стареет, завтра оно должно умереть. Это только подготовка. Смерть – это подготовка к новому рождению. Тот, кто знает это, не скажет, что смерть – это зло. Она – добро, только добро.

Но все зависит от вашего толкования.

На обычной воскресной проповеди священник взывал к прихожанам:

– Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!

Одна полная пожилая дама, конвульсивно дрожавшая всю службу, внезапно вскочила на ноги и воскликнула:

– Прошлой ночью я была в руках Дьявола, но сегодня ночью я – в руках Господа!

С задних скамеек храма раздался голос:

– А кто назначил тебе свидание на завтра, сестра?

Люди имеют собственную позицию, точку зрения, свой выбор, свои взгляды, свое толкование, свои интерпретации. Они смотрят на мир сквозь толстый слой множества мыслей.

Они смотрят на вещи через множество цветных очков, и вещи кажутся им цветными. Но эти цвета – только проекция их очков.

Один ирландский строитель поскользнулся на лесах строящегося здания и упал вниз с девятого этажа. Падая, он зацепился за телефонный провод, затем повис на веревке для белья, и, в конце концов, приземлился на стог сена, оставленный на корм лошадям.

Прибывший на место происшествия врач установил, что кости пострадавшего чудом уцелели. Когда ирландец пришел в себя, врач поднес к его губам стакан воды, чтобы окончательно привести в чувство.

– Что, черт побери, произошло – неужели дом упал?

– Нет, просто ты упал, дружище, и чудом остался жив.

– А что это у вас в стакане?

– Вода, – ответил врач.

– Вы даете мне воды после того, как я пролетел девять этажей! Черт, с какого же этажа нужно было упасть, чтобы получить глоток виски?

Загляните в себя: у вас есть надежды, у вас есть предрассудки, на которых вы зациклились, априорные идеи, через призму которых вы смотрите на мир.

Мудрый человек отбрасывает все свои мысли, отбрасывает все предвзятые выводы. Мудр тот, кто живет, воздерживаясь от выводов. И как только вы взглянете на реальность, не делая выводов, вы будете поражены, как много вы упустили. Это невероятная красота, это абсолютное благо.

Это *сатьям*, это истина. Это *шивам*, это добро. Это *сундарам*, это прекрасное. *Сатьям шивам сундарам.*

Однако мы постоянно видим не то, что есть на самом деле.

Боюсь, что, ступив на путь веры,
ты уподобишься одному косоглазому,
который видит мир раздвоенным,
или глупцу, доказывающему,
как безобразно тело верблюда.
Если он дает тебе яд, считай его медом;
и если он разразится гневом,
сочти это милостью.

Санаи говорит: не уподобляйтесь косоглазому, которой видит мир раздвоенным, и не уподобляйтесь глупцу, полемизирующему по поводу недостатков формы верблюда. Есть люди, полагающие, что верблюд мог бы быть более стройным, более изящным. Верблюд совершенен такой, какой он есть, мир совершенен такой, какой он есть, и всякие споры по этому поводу излишни.

Есть люди, полагающие, что, если бы они создавали мир, он был бы лучше. Если бы они сами создавали мир, они сделали бы то и это... Они избавили бы мир от болезней, от смерти, от уродства, от глупости. Это кажется так логично: да, мир без болезней – как это прекрасно!

Но знаете ли вы? Если нет болезней, не будет и здоровья. Знаете ли вы? Если нет безобразного, не будет и прекрасного. Знаете ли вы? Если нет шипов, не будет и цветов.

Знаете ли вы? Если нет смерти, не будет и жизни. Не бывает жизни без смерти. Если бы это было возможно, это была бы крайне скучная жизнь: у вас не было бы возможности избавиться от нее.

Есть история о том, как Александр Великий пришел на Восток. Он слышал, что где-то в пустыне, по которой он проходил, есть пещера с небольшим углублением, полным волшебного нектара. Выпив этого нектара, человек становился бессмертным.

Это предание прекрасно. Александр нашел эту пещеру и вошел внутрь. Он был безгранично счастлив, обнаружив нектар – любой на его месте был бы счастлив! Еще мгновение – и он станет бессмертным.

Он зачерпнул было руками нектар, как вдруг ворон, сидевший на камне, произнес:

– Не пей, подожди одну минуту!

Александр изумился – говорящий ворон? Он спросил:

– Что ты хочешь сказать?

Ворон сказал:

– Всего одну вещь, для того я и сижу здесь. Я выпил из этого бассейна: отныне мне сидеть здесь миллионы лет. Я хочу умереть. Единственная мысль, которая не умирает во мне, которая живет во мне двадцать четыре часа в сутки – это мысль о смерти. Я хочу избавиться от своего бренного тела, но не могу. Все мои усилия бесполезны. Я принимал яд, но это не помогло. Я падал с горы, но это не помогло. Я прыгал в огонь, но не сгорел. Умереть невозможно – а я смертельно устал.

Представь: миллионы лет, изо дня в день, мне приходится делать все одно и то же, одно и то же. Никакой надежды нет и в будущем. Я никогда не смогу умереть, я не смогу совершить самоубийство, и я так устал от жизни! Отныне моя миссия такова: я сижу здесь, чтобы предупредить об опасности других.

Рассказывают, что Александр подумал и оставил мысль о нектаре: он поспешил покинуть пещеру, боясь поддаться искушению выпить его.

Жизнь без смерти стала бы невыносимой ношей. Смерть освобождает. И только благодаря болезни у вас появляется ощущение здоровья. Только благодаря ночному мраку так прекрасен утренний свет.

Существование двойственно, существование несовершенно. Но только благодаря несовершенству есть рост. Представьте себе: если бы все были совершенными, всякое развитие прекратилось бы. Мир стал бы кладбищем; он остановился бы в своем развитии.

Многие современные картины внушают ужас. Они изображают жизнь такой, словно она сделана из цемента и бетона, словно все в ней остановилось. Только представьте себе этот кошмар: все остановилось, не растут ни деревья, ни дети. Мир, в котором остановилось время, прекратился всякий рост и все люди застряли в своем развитии – этот мир будет совершенным. Он будет скучным и монотонным, совсем непригодным для жизни.

Жизнь несовершенна. Следовательно, она заключает в себе возможность роста. Если вы вдумчивый наблюдатель, если вы вглядываетесь глубоко, вы оставите глупую идею об ее усовершенствовании. Жизнь хороша такая, какая она есть.

Мудрецы всего мира свидетельствуют: мир совершенен в своем несовершенстве, его нельзя усовершенствовать. Но ум все-таки считает, что мы умнее, чем мы есть. Наш ум хитер, и мы полагаем, что с помощью хитрости можно улучшить жизнь.

Наш хитрый ум преуспевает в миру, на базаре; он преуспевает в университетах, в научных лабораториях. Но он не может преуспеть в мире медитации.

Мальдун славился своим остроумием, за счет которого он, в общем-то, и жил; самым большим его талантом было добывание бесплатной выпивки в кабаках.

Однажды ночью он заглянул в пивную, находившуюся в другой части города. Бармен спросил его:

– Что желаете?

– Немного виски, – ответил Мальдун.

Ему принесли виски, он выпил, но заплатить отказался. Бармен вызвал своего босса, но Мальдун заявил, что не заказывал виски – просто бармен спросил его, что он желает, а он ответил. Босс, поняв, что имеет дело с отъявленным мошенником и, не желая неприятностей, велел бармену отпустить Мальдуна, но не допускать повторения случившегося.

Несколько месяцев спустя Мальдун вновь посетил пивную.

– Это ты как-то раз выпил и не заплатил? – спросил бармен.

– О нет, это был не я.

– Тогда, – сказал бармен, – не желаете ли двойное виски?

– Большое спасибо, с удовольствием, – сказал Мальдун.

Хитрость может оказаться полезной в вашем мире, который сотворили *вы,* но она не поможет вам в том мире, который сотворил Бог. Ваши знания помогут вам в мире, созданном человеком, но в мир, созданный Богом, проникнуть может только мудрость.

Ученость хитра, мудрость невинна.

Боюсь, что, ступив на путь веры,
ты уподобишься одному косоглазому,
который видит мир раздвоенным,
или глупцу, доказывающему,
как безобразно тело верблюда.
Если он дает тебе яд, считай его медом;
и если он разразится гневом, сочти это милостью.

Те, кто следует путем веры, доверия, любви, знают, что, если Бог дает яд, он *должен* быть медом, и это не может быть иначе. Возможно, мы не готовы понять это прямо сейчас, потому что наше понимание ограниченно. Возможно, мы не готовы осознать смысл этого прямо сейчас, потому что поле нашего зрения крайне мало, наша перспектива очень узка, в то время как бытие огромно. И все взаимосвязано.

Мы находимся в таком же положении, что и пятеро слепцов, отправившихся взглянуть на слона. Прикоснувшись к какой-то части слона, каждый решил, что знает все его тело. Они принялись спорить.

Точно так же непрерывно спорят друг с другом философы. Никто из них не видел слона, но каждый глубоко убежден в том, что прав. Эти слепые хоть как-то поняли, что такое часть слона, они, по крайней мере, потрогали эту часть. Кто-то потрогал ногу и решил, что слон похож на колонну. Сказать, что он абсолютно неправ, было бы неверно: отчасти он прав. Но каждый раз, когда некая часть истины начинает претендовать на то, чтобы казаться истиной полной, это становится опасным – тогда эта истина более опасна, чем ложь.

Но именно этим занимаются философские системы. Ученые люди слепы; они ни разу не видели слона, но они стали узкими специалистами. Все пятеро слепых – специалисты, знатоки. Один из них прикоснулся к ноге, другой прикоснулся к уху, третий потрогал туловище: все они стали узкими специалистами, они знают только часть.

Такова ситуация, сложившаяся сегодня в науке. Химик знает только химию, физик знает только физику, психолог же знает только область ума, и так далее, и тому подобное, причем точек соприкосновения между ними, кажется, не существует. Между слепыми знатоками разгорается яростный спор. Физик ничего не знает о химии, химик ничего не знает о поэзии, поэт, в свою очередь, ничего не знает о музыке, музыкант ничего не знает о математике, и все они спорят друг с другом.

Спор приобретает все более грандиозные масштабы. Ибо каждая область знания становится настолько узко специализированной, что ее контакт с другими специальностями становится едва ли возможным.

Очень трудно найти человека, который одновременно был бы поэтом, математиком, физиком, философом и мистиком: это такая редкость. Но нам нужны такие люди. Без таких людей человек распадется на части. Без таких людей синтез невозможен. Кто будут эти люди? Может ли один человек знать все, что известно физике, химии, биологии, геологии, и так далее – реально ли это? Это не в силах человека. Никто не может знать все отрасли знания, которые существуют сегодня.

В Оксфордском университете преподают триста пятьдесят предметов, и каждый предмет заключает в себе огромное количество знаний, которые накапливались веками. Говорят, что специалист – это человек, который знает все больше и больше о предмете, который становится все меньше и меньше. А самый большой специалист – это человек, который не знает ничего, или знает *все* о ничто.

В этой необычной ситуации человечество оказалось впервые. Кто же тогда будет связующим звеном? Только мудрый человек может стать мостом. Мудрец – не тот, кто знает все эти области знания. Мудрец – тот, кто, погружаясь в собственную сущность, исследует свое сознание, из которого и родились все эти знания. Мудрец углубляется к корням, он хочет познать корни. А познание корней дает понимание всех областей знания, сущности листьев, плодов и цветов.

Любящий умер и оставил
как веру, так и неверие.
Сгорая от любви к огню,
мотылек не отличает свет мечети
от света монастыря.

Так говорит суфий. Мудрость рождается, когда вы умираете, когда исчезает эго.

Любящий умер и оставил
как веру, так и неверие.
Сгорая от любви к огню,
мотылек не отличает свет мечети
от света монастыря.

Мотыльку безразлично, где горит пламя, притягивающее его – в мечети или в храме. Мотылек различает только пламя, его не интересует, где оно горит.

То же ощущает и любящий, суфий, ученик. Ему безразлично, где он находит Мастера и где горит пламя – в храме, в мечети, в церкви. Ему это безразлично. Где бы ни увидел он пламя, он готов умереть в пламени, он готов исчезнуть в пламени. И в самом этом исчезновении рождается мудрость. Смерть эго – это возрождение мудрости. Вы вновь ребенок, невинный, всему удивляющийся, полный благоговейного трепета. Отныне бытие – тайна.

Тогда оно чудесно. Тогда его красота неправдоподобна, его радость непереносима, его восторг всеобъемлющ.

Будь доволен своей судьбой;
а если у тебя есть жалобы,
пойди и расскажи о них кадию,
чтобы получить по заслугам –
вот как рассуждает разум глупца!

Если вы развеете свое эго в высшем, придет глубокая удовлетворенность. Примите вещи такими, какие они есть, и вы утратите желание куда-либо идти, быть где-либо в другом месте. Вы будете безгранично благодарны за то, что вам выпало. И вы поспешите склониться пред Богом с глубоким удовлетворением, с великой благодарностью.

Будь доволен своей судьбой;
а если у тебя есть жалобы...

У мудреца нет жалоб, он глубоко удовлетворен. Но если у вас есть жалобы, тогда идите к священнику, к кадию; идите к священнику, и вы получите заслуженное, вы будете довольны, ибо такова его функция.

Какая разница между словами «удовлетворенность» и «довольство»? Удовлетворенность рождается из мудрости, довольство просто насаждается через знание. Если вы пойдете к священнику, он утешит вас, и вы будете довольны. Если вы пойдете к священнику и скажете: «Я старею и начинаю бояться смерти», он скажет: «Не бойтесь. Умирает только тело, душа бессмертна». Он просто дает вам чужое знание. Сам он ничего не знает, ничего не достиг, иначе он не был бы священником.

Функция священника – утешать вас. Функция священника – научить вас приспосабливаться к жизни. Это всегда было функцией священника, вплоть до наших дней.

В наше время, преимущественно на западе, эту функцию взяли на себя психотерапевты. Священник выполнял те же функции, какие выполняет сегодня психотерапевт. Священник – самый древний психотерапевт, а психотерапевт – это современный священник. Их функция – постоянно утешать людей, помогать людям адаптироваться в обществе, в котором они живут.

Это не похоже на удовлетворение, это всего лишь одеяло из разноцветных лоскутков. Раньше или позже вновь появится сомнение. Священник говорит, что душа бессмертна, но кто знает? Священник может ошибаться. Может быть, он врет, может быть, он заблуждается – вы ведь видели этих священников в разных ситуациях.

Как-то раз я провел несколько дней в Раджпуре. В это время умерла жена одного профессора, и я пошел навестить его. Собралось много людей, они утешали его: «Не беспокойся». Один человек, образованный муж, ученый брамин, говорил: «Душа бессмертна,

умирает только тело». Несколько дней спустя, по случайному совпадению, умерла жена этого ученого. Я поспешил к нему, чтобы взглянуть, в каком он состоянии. Он плакал. Я сказал:

– Невероятно. Вы, и плачете? Я же своими глазами видел, как вы утешали профессора, у которого умерла жена, – вы говорили, что душа бессмертна. Куда девались ваши знания?

Он сказал:

– Забудьте об этом. Как знать? Я просто пытался утешить бедного человека. Прошу вас не поднимать этот чрезвычайно неприятный вопрос в данный момент. Моя жена умерла, а вы заводите философские дискуссии.

Ваш священник, возможно, сказал вам, что душа бессмертна, но долго ли вы сможете верить в это? Наступит время, и вы увидите, что священник ведет себя совсем по-другому. Священник говорит одно, но ведет себя по-другому. Священник не может привести к удовлетворению.

Такова функция священника – постоянно утешать вас. Быть довольным не значит быть удовлетворенным, потому что довольство подобно фальшивой монете. Если знание – фальшивая монета в сравнении с мудростью, то довольство – фальшивая монета рядом с удовлетворением. Удовлетворение приходит из вашего личного понимания, довольство дается другими.

Опасайтесь всего того, что заимствуется, заимствованное всегда ложно. Но как раз этим-то и живет ум глупца, именно так он работает. Ум глупца нуждается в утешении больше, чем в мудрости.

У одного из моих старых друзей, которому было за семьдесят, умер сын. Он умер молодым, ему было не более сорока. Смерть сына потрясла старика-отца. Я пошел к нему и сказал:

– Не плачь и не кричи, это бессмысленно. Теперь тебе известно, что даже молодой человек, совершенно здоровый, может умереть. А ты стар, тебе за семьдесят, и ты не отличаешься хорошим здоровьем. Последуй моему совету: не теряй понапрасну время на слезы и причитания. Это знак того, что близка *твоя* смерть.

Он сказал:

– Что?

Он тут же забыл о своем сыне, рассердившись на меня. В такие моменты люди ждут утешений. Я сказал:

– Да, это знак того, что близка твоя смерть. Готовься: Бог просто предупредил тебя, это сигнал тревоги.

Он очень рассердился на меня. Кому приятно услышать о собственной смерти? Ему хотелось, чтобы я сказал что-нибудь утешительное о его сыне. Он спросил:

– Неужели тебе трудно сказать что-нибудь приятное?

Я ответил:

– Приятные слова не помогут; они только утешают и успокаивают. И многие уже стараются утешить тебя словами. Позволь мне дать совет, реально необходимый тебе. Не трать понапрасну время, крича и причитая, ища утешения в сострадании. Ты вступил в полосу испытаний. Только шок способен разрушить амортизаторы в твоей душе. Взгляни на труп своего сына. Молодой, здоровый сорокалетний мужчина ушел из жизни в одно мгновение. Он не был болен. Ночью он скоропостижно скончался, и утром его нашли мертвым. Вечером, ложась спать, он был совершенно здоров. Разве это не повод задуматься о собственной жизни?

Мои слова так разгневали его, что он перестал ходить ко мне. Не прошло и года, как он умер. Но он не был готов к смерти. Будь он предусмотрительнее, он подготовил бы себя к смерти, он встретил бы смерть совсем по-другому, он встретил бы смерть медитацией. Но глупец рассуждает определенным образом. Его беспокоит лишь утешение.

Удовлетворение – это нечто реальное, и оно возможно только тогда, когда вы узнаете свою реальность, когда вы проникнете в сокровенный центр своего существа и увидите, что смерти нет, что болезни нет: то, что вы увидите там, вечно, оно вне времени.

И тогда все страхи, боязнь смерти, все муки, страдания и тревоги исчезнут. Придет абсолютное удовлетворение. Эта удовлетворенность и есть молитва.

Что бы с тобой ни случилось –
счастье или несчастье, –
это чистое блаженство;
а сопутствующее зло –
мимолетная тень.

«Добро» и «зло» не имеют значения
в мире слов:
это всего лишь пустые названия,
отчеканенные в мире «моего» и «твоего».

Что бы ни случилось – если к вам пришла удовлетворенность, едва уловимый вкус удовлетворенности, едва зримый свет мудрости, значит, некая малая часть вашего существа осветилась – и тогда...

Что бы с тобой ни случилось –
счастье или несчастье, –
это чистое блаженство.

Тогда все блаженно, тогда все может быть только блаженством, ибо все исходит от Бога. Все бытие божественно: разве тогда возможно зло?

Но если вы видите сопутствующее зло, твердо знайте: это мимолетная тень. Когда вы идете по улице в солнечный день, вы отбрасываете тень, но эта тень неэкзистенциальна. Когда вы в глубоком экстазе, создается тень; эта тень не-экзистенциальна. Твердо знайте, что о неэкзистенциальном не следует беспокоиться, это всего лишь тень.

Зло есть тень добра, ненависть – тень любви, равнодушие – тень сострадания, уродство – тень красоты, печаль – тень радости. Как только вы сами это увидите, не принимая слова на веру только оттого, что они сказаны мной, – жизнь хлынет нескончаемым потоком невыразимого блаженства.

«Добро» и «зло» не имеют значения...

Тогда нет вопроса о добре и зле: все суть добро, абсолютное добро.

...в мире слов...

Логос, Бог, Дао. Добро и зло...

это всего лишь пустые названия,
отчеканенные в мире «моего» и «твоего».

Нет ни меня, ни вас, в этом смысл *адаб*. Суфии называют это *адаб*: быть в присутствии Мастера, видя и чувствуя, что нет ни меня, ни вас.

Почувствуйте это сейчас! Я не просто говорю вам о возвышенном, я говорю для того, чтобы вы почувствовали его. Если хотя бы на миг вы перестаете быть отдельным, не считаете себя отдельным от меня – в этот миг мы соединяемся; и в этот миг вы увидите, как снисходит великое благословение. Это блаженство бытия в присутствии Мастера.

В присутствии Мастера отбросить разделение на «я» и «ты» легче, чем где бы то ни было. Почему? Почему вы не можете отбросить это разделение где-нибудь в другом месте? Потому что в другом месте отбрасывать придется двоим, и это сложнее. Причем двое должны отречься одновременно, только тогда, возможно, они испытают мимолетное мгновение радости. С Мастером это легче, потому что у одной стороны, у Мастера, нет разделения на «я» и «ты». Половина работы уже сделана. Теперь дело за вами. Так что, как только вам удается отбросить свое «я», вы тотчас вступаете в контакт, вы тотчас воссоединяетесь.

Мастер отсутствует, он суть отсутствие. Когда вы начинаете отсутствовать, два нуля растворяются друг в друге. Два нуля не могут оставаться разделенными. Два нуля уже не два нуля; два нуля становятся одним.

На днях я сказал, что связь между учителем и учеником – это односторонняя связь, так как с моей стороны связи нет. Четна написала мне чудесное письмо. Она пишет: «Ты сказал это так мило, это было похоже на сладкую пилюлю, но она застряла у меня в горле».

Четна, испей чуть больше от меня, и пилюля проскочит. Испей чуть больше от меня, испей чуть больше от этого отсутствия, испей чуть больше от того, чего *нет*. Я знаю, это причиняет тебе боль. Пилюля горька, хотя и покрыта сладкой оболочкой. Чувствовать, что связь исходит лишь с одной стороны – не со стороны Мастера – неприятно. Тебе хотелось бы, чтобы Мастер тоже нуждался в *тебе*. Тебе хотелось бы, чтобы я сказал вам: «Вы мне нужны, я вас очень люблю».

Мне понятно ваше желание, но оно нереально, поскольку я могу лишь сказать: «Я не нуждаюсь в вас, я люблю вас».

Нужда существует только вместе с эго. Я не могу быть связан с вами, потому что меня нет. Вы можете быть связаны со мной, потому что вы пока есть. Присутствуя здесь, вы поддерживаете связь со мной, но эта связь становится все слабее и слабее.

И как только вы исчезнете так же, как я, произойдет встреча – не связь, а слияние, растворение. Связь не дает удовлетворения. У вас было много связей – и что, в конце концов, они дали вам? Вы любили, вы были друзьями, вы любили свою мать и отца, своего брата и сестру, вы любили свою возлюбленную, своего мужа, жену. Вы любили много раз, пытаясь построить взаимоотношения с любимыми. И вам знакомо ощущение горечи, которое остается после каждой связи. Она не приносит вам удовлетворения. Она способна удовлетворить лишь на мгновение, каждый раз принося разочарование. Она может утешить вас, но каждый раз вы остаетесь в холоде одиночества.

Связь не истинна. Истинна лишь общность, истинно лишь слияние. Находясь в связи с другими, вы остаетесь отделенным, и в этом разделении неминуемо остается безобразное, ведущее к страданиям эго. Оно исчезает только в слиянии.

Так что, Четна, испей чуть больше от моего отсутствия, испей чуть больше от моей любви, которая не нуждается в вас. Тогда ты сможешь проглотить пилюлю, и тогда ты сможешь переварить ее. И наступит день, великий день, когда и ты полюбишь меня, не нуждаясь во мне.

Когда два человека любят, не нуждаясь друг в друге, у этой любви вырастают крылья. Это уже не обычная любовь, она уже не от мира сего, отныне она принадлежит иному миру. Этот мир трансцендентен.

Твоя жизнь – просто лакомый кусочек у него во рту;
его праздник – это и свадьба, и поминки.
Отчего темнота так печалит сердце?
– ведь ночь несет в себе новый день.

Все мы во рту у бога: это чрезвычайно глубокая мысль.

Твоя жизнь – просто лакомый кусочек у него во рту...

Пусть он проглотит вас. Не сопротивляйтесь, не боритесь: растворитесь в нем.

Твоя жизнь – просто лакомый кусочек у него во рту...

Пусть он съест вас. Не противьтесь, потому что, только растворившись в нем, вы познаете, что такое истинная жизнь.

...его праздник – это и свадьба, и поминки.

Это прекрасно: помедитируйте. *Свадьба, сыгранная на поминках* – поминки устраивают, когда кто-то умирает и вы должны попрощаться с трупом. *Свадьба, сыгранная на поминках?*

Да, они взаимосвязаны, ибо смерть – это ваше воскресение. С одной стороны, вы умираете: это поминки. С другой стороны, вы воссоединяетесь с ним навечно: это свадьба. Это крест, это распятие, за которым следует воскресение. Только готовые умереть в Боге рождаются заново, обретая космическую душу, обретая вечную душу.

Отчего темнота так печалит сердце?

Не беспокойтесь о смерти и мраке...

...ведь ночь несет в себе новый день.

По мере того, как ночная тьма становится все плотнее и плотнее, утро становится все ближе. Учитесь умирать, умрите, и вы обретете жизнь в изобилии.

Ты говоришь, что размотал клубок времени,
так преступи грань самой жизни и разума,
и ты познаешь власть Божию.

Как долго вы жили во времени? Миллионы жизней. Если верить восточному представлению, вы прожили восемьдесят четыре миллиона жизней. Это было долгое путешествие, и клубок времени основательно размотан. Пора остановиться и стать чуть-чуть умнее. Разве вы не извлекли урока из своей жизни? Вы жили так долго, и вы достигли всего, чего могли желать, и ваши желания сбывались миллионы раз. Неужели вы еще не пресытились жизнью, разве вам не все надоело?

Ты говоришь, что размотал клубок времени,
так преступи грань самой жизни и разума...

Этот момент наступил. Преступите грань жизни: умрите в Боге. И естественно, желая умереть в Боге, вы должны будете преступить границу разума, потому что ум говорит: «Что ты собираешься сделать? Умереть? Но кто знает? Последует ли за этим воскресение или нет? Кто может знать это? Семя может погибнуть, росток не взойдет, и дерево на его месте не вырастет. Можно ли гарантировать это?» Ум порождает тысячу и одно сомнение.

Но вы миллионы лет все рассуждали и рассуждали, и ваш ум не привел вас ни к одному заключению, он не сделал вас даже чуточку умнее. Он не дает вам вырваться из старой колеи.

Обнаружив, что он держит вас в старой колее, будьте мужественны и поверьте. Мужество означает доверие, доверие означает мужество. Рискните: преступите границу разума и самой жизни...

...и ты познаешь власть Божию.

Как только вы сможете преступить границу разума и так называемой жизни, внезапно вами завладеет Бог, он примет вас под свое покровительство. Теперь он будет жить через вас. Тогда вы станете флейтой, полым бамбуком, тогда он будет петь песню.

Ты ничего не видишь: ночью ты слеп,
а днем вооружен своей одноглазой мудростью!

Вы не видите ночью, поскольку ночью темно. Вы не видите сквозь свое незнание, потому что вы невежественны, и вы не видите сквозь свою ученость, потому что знание застилает глаза. Невежественный страдает от своего невежества, ученый страдает от своей учености.

Отбросьте и то, и другое! – и невежество, и знание. Станьте абсолютно свободны от того и от другого, от знания и незнания: просто станьте открытым.

Если вы открыты, вы станете хозяином, и к вам явится великий гость. Бог готов проникнуть в вас, но ему мешает или ваше незнание, или ваше знание.

Помните: невинность – это отсутствие *и того, и другого* – и невежества, и знания. Простой человек не знает о том, что он знает, не знает того, что он не знает. Он просто чистое зеркало, отражающее все происходящее.

Станьте чистым зеркалом: в этом суть медитации.

КОЕ-ЧТО НА ЗАМЕТКУ

Первый вопрос:

Народ был против Иисуса, он был против Будды, он был против тебя. Почему?

Жизнь народа лишена индивидуальных особенностей. Люди живут как стадо баранов. Поэтому, когда является человек, подобный Иисусу или Будде, утверждающий свою индивидуальность, свой протест, свою свободу, он, естественно, вызывает неприязнь. Народ испытывает страх перед ним, ибо устои его жизни пошатнулись. Если Иисус прав, необходимо в корне изменить жизнь народа. Это немалый труд, ибо люди сделали все возможное для того, чтобы превратить свою жизнь в рабство.

В присутствии Иисуса люди чувствуют свое банкротство. Встретившись с Буддой, вы превращаетесь в отвратительное существо, утратившее человеческий облик, все свое достоинство, и все ощущают лишь унижение. Если вы умны, вы поймете, что до сегодняшнего дня жили в невежестве, в состоянии дремоты. И вас осенит чувство благодарности к Будде, ибо его присутствие озарило лучом света ночной мрак вашей души.

Но умные люди – большая редкость. Люди глупы и упрямы. и их реакция примитивна. Они не стремятся достичь вершины – символа Будды; они уничтожают Будду, они уничтожают Христа, погружаясь в сладостные ночные грезы.

Вот почему они недовольны мной: я нарушаю их душевный покой. Мое присутствие игнорировать невозможно: или вы со мной, или вы против меня. Если вы не можете игнорировать чье-либо присутствие и это побуждает вас к выбору, вы теряете душевный покой, ибо сделать выбор всегда непросто. Выбор означает перемены.

В течение пятидесяти лет вы жили, следуя определенному принципу, и у вас выработались определенные привычки. Но вот явился я, призывая восстать из могилы, которая казалась вам истинной жизнью; я явился и выношу приговор всему тому, ради чего вы жили: вашим ценностям, вашей так называемой морали, вашим знаниям, вашей религии. Только самые мужественные люди, немногие избранные, способны найти выход и рискнуть ради абстрактных ценностей, которые невозможно увидеть и в которые нужно верить.

Простым людям это не дано; они выбирают известное. Иисус принадлежит неизвестному, Будда – потустороннему. Люди либо выбирают известное, знакомое, безопасное, удобное, привычное, либо рискуют, следуя за Буддой в неизвестное, в несуществующее на карте, в безымянное, и никому не дано знать, существует оно реально или нет. Будда либо мог быть обманут, либо он сам обманывает других. Доказать абсолютную несомненность этого невозможно. Человек устремляется за Буддой, испытывая глубокое сомнение, замешательство и страх. Только тот, кто все еще молод, чье сознание ясно, ибо незамутнено толстым слоем пыли, скопившейся в нем, кто еще способен удивляться, ощущая благодатный трепет жизни, кто еще не определился окончательно, замкнувшись в себе, кто еще не погиб духовно – тот способен последовать за мной, за Иисусом, за Буддой. Другие, не готовые к этому, становятся противниками Будды и Иисуса.

Для этого есть и множество других причин.

Люди предпочитают принадлежать к какой-нибудь группе. Это дает им удовлетворение, а также утешительную мысль: «Я на правильном пути». Если вы христианин, это означает, что с вами миллионы христиан, вы принадлежите им, вы не одиноки.

Если вы со мной, вы становитесь одиноким. Вы утрачиваете связь с толпой, частью которой были до сих пор. И вот, наконец, вы никто, вы нигде – это длится всего несколько мгновений. Вы анонимны. Наконец вы не христианин, не индуист и не мусульманин – а ваша идентичность заключается в этом.

Вы были христианином, индуистом или иудеем, и в этом заключается ваша идентичность, это то, что вам известно о себе самом. Если кто-нибудь спросит вас: «Кто вы?», вы можете сказать: «Я католик». И у вас появится неверное ощущение, будто бы вы знаете самого себя. Люди продолжают жить в мире «будто бы». Но если вы живете в этом мире достаточно долго, он начинает казаться реальным, и вы начинаете верить в него.

Когда на свет рождается ребенок, он не христианин, не иудей, не индуист. И он счастлив, не будучи индуистом. Пройдет время, и он станет индуистом, или мусульманином, или кем-нибудь еще. Его заставят учиться; ему навяжут идентичность, навесят ярлык – и этот ярлык будет многозначителен, ибо под ярлыком – пустота.

Стоит лишь удалить ярлык – и придет ощущение абсолютной пустоты. И если вам недостает мужества, если вам недостает силы воли, вам придется смириться с ярлыком.

В опытах, проведенных Генри Тейфелем в Бристольском университете, были получены неожиданные результаты. Группа мальчиков четырнадцати-пятнадцати лет участвовала в психологическом эксперименте: каждому внушили, что он «Юлий» или «Август», не уточняя, какими чертами характера обладали при жизни эти люди. И хотя никто из мальчиков не знал, какую роль играли остальные члены группы, они быстро адаптировались в ней, гордые возложенной на них ролью Юлия или Августа и готовые (материально) поддержать своих безымянных братьев по группе, но при случае – создать психологический дискомфорт в их лагере. Тейфель считает, что можно изменить в предсказуемых пределах поведение человека, сообщив ему, что он принадлежит к конкретной группе – возможно, и такой, о которой он никогда не слышал прежде. Участник эксперимента как бы непроизвольно помогает безымянным членам своей группы, но при первой возможности готов создать для них ситуацию психологического дискомфорта. Люди, как правило, защищают группу, к которой принадлежат, независимо от ее состава и личных качеств членов группы.

Если вы осознали, что люди склонны идентифицировать себя с той волевой группой, в которой они обрели себя, вы обнаружите в этой склонности источник их враждебности. Опыты Генри Тейфеля имеют огромное значение. Люди хотят *принадлежать*. Но когда является человек, подобный Христу, он с корнями вырывает вас из вашей группы. Иисус является и удаляет вас из общины евреев. Он несет с собой нечто новое, что не имеет ни прошлого, ни истории, ни настоящего. Он просто начинает все с самого начала.

Итак, те несколько человек, которые последовали за Иисусом, были обособлены от других, иначе они не последовали бы за ним – ибо последовать за Иисусом означало, что они больше не были частью еврейской общины, в которой они родились и выросли и которой всегда принадлежали. Они всегда были горды тем, что они евреи – народ, избранный Богом. Они всегда верили в то, что они избранный народ.

Но вот является сын плотника, Иисус, бродяга с сомнительным прошлым, который начинает формировать вокруг себя группу людей. Это необычная группа: люди вступают в нее только после того, как Иисус ее покидает. Но как только Иисус исчезает, жизнь этих людей теряет всякий смысл.

Прошло не менее двух-трех столетий после смерти Иисуса, пока христиане образовали новую социальную группу. В то время люди были счастливы вступить в нее. И сегодня миллионы людей были бы счастливы стать христианами.

Люди хотят принадлежать. Но, придя ко мне, вы утрачиваете свою принадлежность, и вас начинает преследовать одиночество. И вы вынуждены последовать за теми, у кого нет прошлого, у кого нет традиций и устоев, вступая на неизведанный, рискованный путь. Вы рискуете. Ибо люди предпочитают принадлежать к искусственно созданным ролевым группам, а можно ли считать религию таковой?

Артур Кестлер говорит: «Я считаю, что эксперименты Генри Тейфеля чрезвычайно важны не только с точки зрения теории, но и для изучения тех забавных эпизодов детства, которые не перестают удивлять и озадачивать меня.

В первый день занятий в школе, куда меня определили пяти лет – это было в Будапеште, столице Венгрии – мальчики моего класса задали мне один критический вопрос: «Ты МТК или FTC?»

Это были начальные буквы двух футбольных команд, постоянных соперников на чемпионате всемирной лиги, которые были хорошо известны каждому из них – за исключением меня, ни разу не посетившего ни одного футбольного матча. Сознаваться в своем невежестве ужасно не хотелось, мой ответ прозвучал с высокомерной самонадеянностью: «Разумеется, МТК!»

Таким образом, жребий был брошен. Последние годы детства, проведенные в Венгрии, и время после переезда в Вену я оставался горячим и стойким приверженцем МТК; в сердце моем и по сей день сохранилась эта детская привязанность вопреки Железному Занавесу, отрезавшему меня от прошлого. И естественно, что очаровательные рубашки, в белую и голубую полоску, моих любимцев по-прежнему оказывают на меня свое магическое действие, а вульгарные, в зеленую и белую полоску, рубашки их недостойных противников по-прежнему мне отвратительны.

Я склонен даже поверить в то, что голубой цвет так полюбился мне благодаря моей ранней конверсии. Но ведь и небо, в конце концов, голубое, и это основной цвет, в то время как зеленый цвет – всего лишь результат смешения с желтым. Я мог бы посмеяться над собой, но эмоциональная привязанность, некая незримая магическая связь во мне еще жива, и если раньше я любил голубое и белое, а сегодня полюблю белое и зеленое, это будет явным богохульством».

И в самом деле, наши эмоциональные привязанности зачастую цепляются к нам, словно заразные микробы, и нередко мы совершаем свою жизненную прогулку, не осознавая патологической предрасположенности, которая не раз приводила человечество на грань исторической катастрофы.

Вы спешите присоединиться ко мне – ибо всю жизнь принадлежали к какой-нибудь группе. Вы были индусом, мусульманином, христианином, иудеем. Эти группы не относят к обычным группам, таким, как футбольные команды, ибо они духовно формируют вас, с самого начала они начинают формировать вашу духовность.

И когда является человек, подобный Иисусу или Будде, ваша духовность сопротивляется ему. Он хочет создать безусловный разум, в этом суть проблемы. Вы слишком зависимы от своей болезни, от патологии, и любой, кто захочет увидеть вас живым и здоровым, покажется вам врагом. Поймите это.

Один из новопосвященных саньясинов, Двабха, написал мне в своем письме: «Я чувствую себя здесь очень хорошо, но, когда я выхожу на улицу, ко мне подходят христиане,

протягивая брошюры о христианстве, об Иисусе, и они говорят мне о том, что вы анти-Христ. Так что же я должен предпринять?»

Это естественно. Ко мне приходит так много христиан, напуганных христиан. Их страх естественен, ибо интерес их корыстен. Индуисты напуганы, джайны напуганы; их испуг понятен. Удалите любого человека из любой группы, которой он принадлежал – и вы оскорбите этим всю группу, сократив число ее членов. Ибо это число означает власть. Этот мир устроен так: чем больше людей в вашей группе, тем вы сильнее. Политика силы в наши дни по-прежнему вершится под знаком религии.

Итак, они скажут вам, что я – анти-Христ. Они говорили последователям Иисуса, что Иисус – анти-Моисей, они говорили последователям Будды, что Будда – анти-Веда. Это старая история; в ней нет ничего нового.

Правда чужда народу, ибо народ живет во лжи. Люди так долго жили во лжи, что эта ложь перестала быть для них ложью, и они действительно поверили в нее. Поэтому, когда вы говорите о чем-то, противоречащем их вере, вы сеете смятение в их душах, но никто не хочет испытывать смятение. Вы сеете в их душах сомнение и страх, и сомнение неизбежно. Познав истину, они не испытывали бы страх. Они не познали истину, они только верили. Сомнение в их душах, сомнение глубоко в их душах, и когда слова ваши противоречат состоянию их души, их сомнение просыпается и всплывает на поверхность. Они боятся своего сомнения. Каждый из них хочет уверенности. Почему? Потому что уверенность дает безопасность, уверенность дает вам доверие. Сомнение лишает твердости.

Я не пытаюсь посеять сомнение в вашей душе, ибо считаю, что, если сомнение не способно разрушить ваши ложные убеждения, достичь истинной убежденности невозможно. Истинная убежденность идет не от веры; она идет от опыта, она обусловлена вашим пониманием.

Я не анти-Иисус, я убежденный анти-христианин, я убежденный анти-буддист. Я не анти-Кришна, но я убежденный анти-индуист.

Что бы я ни говорил и ни делал, это творение Иисуса, творение Кришны и Будды. Конечно, я говорю не на одном с ними языке – ибо можно ли говорить на одном языке? Могу ли я говорить с вами на арамейском языке, и могу ли я употреблять метафоры Иисуса? Его метафоры устарели, они не от века сего.

Я хочу быть более научным, я хочу быть более логичным. И пусть я считаю, что вы должны преступить законы логики, но моя задача – подвести вас к ее высшей точке; и только оттуда вы сможете сделать прыжок в алогичное.

Я не могу говорить с вами так, как говорил Будда. Он обращался к иной аудитории. Мои слова могут быть иными, мой подход может быть иным, моя методология может быть иной. Но луна, на которую я показываю, неизменна. Мой палец – иной, и по-другому быть не может. Сравните мой палец с пальцем Иисуса, и вы увидите, какие они разные. Но луна, на которую мы показываем, неизменна. Взгляните на луну – и поменьше думайте о наших пальцах.

Второй вопрос:

Не меньше семи лет я думал о том, чтобы стать саньясином. Почему же я не способен сделать прыжок?

Мне кажется, вы не осознаете опасность смерти. Если вы верите в смерть, вы поспешите стать саньясином. Вы откладывали это семь лет, и отсрочка стала вашей привычкой. Вы долго откладывали; вы привыкли откладывать.

Отсрочка создает положительные эмоции. Во-первых, она не опасна: вам не нужно менять свою сущность. Каждый раз вы делаете отсрочку на завтра, а завтра никогда не наступит. Вы можете тем временем остаться таким же, каким были до сих пор. Завтра защитит вас: «Завтра я стану саньясином. Каким бы я ни был сегодня, я обязан им быть. Это вопрос одного дня: завтра я стану саньясином и сделаю прыжок».

Ибо, когда наступает завтра, оно приходит всегда так же, как сегодня.

В течение семи лет вы отсрочивали свой прыжок. Это стало пагубной привычкой. Помните: смерть может наступить в любой момент. Тот, кто знает о неизбежности смерти, не станет отсрочивать, ибо завтра неопределенно. Лишь данное мгновение определенно, мгновение, которое уже в ваших руках. И даже следующее мгновение неопределенно.

Поэтому, если вы видите, что вещь заключает в себе что-то ценное, действуйте! И действуйте сейчас же. Помните об этом: сейчас или никогда. Но если вам не хочется, кто принуждает вас сделать это? Тогда забудьте об этом. Но пожалуйста, не откладывайте. Или примите решение: «Я не приму саньясу» – и этого будет достаточно. И ваше решение поможет вам избавиться от тревог. Примите решение: «Я не приму саньясу» – и забудьте об этом. Или сделайте прыжок и забудьте обо всем.

Динозавр-самец и динозавр-самка любили друг друга. Десять миллионов лет провели они вместе, гуляя, беседуя и глядя друг другу в глаза. Время от времени они держались за руки, и это продолжалось еще двадцать миллионов лет.

Все последующие пятнадцать миллионов лет они целовались и нежно обнимались. В конце концов самец сказал самке:

– Дорогая, мы провели вместе столько лет, тебе не кажется, что сейчас самое подходящее время заняться любовью?

– Я не против, но сейчас не могу, – ответила она. – У меня опасный период, который продлится семьдесят миллионов лет.

Вы не динозавр, и ваше время ограничено. Жизнь коротка. Из семидесяти лет жизни тридцать пять лет вы тратите на сон. Приплюсуйте сюда время, которое уходит на еду, питье, уход за одеждой, на дорогу в офис и из офиса домой... а также время, которое вы тратите, чтобы заработать себе на жизнь, на посещение друзей, клубов, отелей, на кино и на телевизор. Подсчитайте – и у вас не останется даже одного года жизни. У вас не останется даже года, чтобы медитировать, чтобы исследовать, чтобы быть.

И если семь лет жизни вы потратили на размышления о саньясе, это уже очень много. Примите саньясу или забудьте о ней, но будьте решительны.

Опасно так долго проявлять нерешительность, ибо она становится вашей второй натурой.

Третий вопрос:

Возлюбленный Ошо, наконец я понял, что никогда не стану просветленным. Но я не вижу способа умереть. Что же мне делать?

Пратима, то, что ты осознал это, очень важно. Никому не дано достичь просветления, ибо гарантировать его невозможно. Оно уже наступило, вы уже просветленный человек, и нет никого, кто был бы не просветлен.

Но человеку дана способность помнить или забывать, и вы забыли о ней.

Вы решили забыть о ней, и вы скрываете свое знание от себя самого. Вы можете скрывать свое знание от себя самого миллионы лет, но оно не может быть скрыто. И в то самое мгновение, когда вы примете решение повернуть на сто восемьдесят градусов, вы будете поражены: это знание поджидает вас, оно всегда поджидало вас, чтобы вернуться домой.

Пратима, ты не стремишься к просветлению, ибо ты просветлен. Я здесь не для того, чтобы *сделать* тебя просветленным, а только для того, чтобы напомнить тебе. Лишь для того, чтобы напомнить тебе; в этом заключается функция Мастера – пробудить твою бдительность.

Бог – твое сокровище. Все, в чем ты нуждаешься, все, в чем ты вообще можешь нуждаться, тебе уже дано. Всем этим ты обеспечен. Но ты не исследовал свою душу, ты не раскрыл сокровища своей души. И ты по-прежнему ищешь по всей земле. Ты можешь отправиться на поиски, но не найдешь искомого, ибо оно не есть нечто такое, что можно найти, оно есть нечто такое, что нужно помнить.

Обратите внимание на отличие, на разницу: она велика. Это отличие огромной значимости.

Сравните: у вас в кармане лежат деньги, о которых вы забыли. В один прекрасный день вы вдруг вспомнили, что они лежат там. В один прекрасный день, разыскивая что-то другое, вы неожиданно обнаруживаете их.

Просветленность не может быть понятием будущего, она – ваше настоящее. Поймите это сейчас. Ибо это так.

Четвертый вопрос:

В своем интервью для «Санди» Морарджи Десаи сказал: «Раджниш придает большое значение обобществлению женщин. Он хочет, чтобы все женщины стали точно такой же общественной собственностью, какой являются проститутки». Он также сказал: «Раджниш идет еще дальше, когда говорит о том, что брак не нужен. Раджниш также пропагандирует свободную любовь».

Что ты мог бы об этом сказать, Ошо?

Морарджи Десаи – шовинист мужского толка, утверждающий, что женщины – не собственность, следовательно, они не могут быть ни общественной, ни личной принадлежностью. Что такое мужчина – общественная или личная собственность? И если мужчины не хотят быть ни общественной, ни личной собственностью, то почему женщины должны быть общественной или личной собственностью? Идея целиком и полностью восходит к мужскому шовинизму.

Морарджи Десаи – представитель идей, уходящих корнями в далекое прошлое человечества. Он рассказывает о двух направлениях теории, о женщинах, придуманной мужчинами.

Карл Маркс и Энгельс высказывали свое понимание данного вопроса. Они говорят, что собственность на женщин возникла одновременно с собственностью на вещи. Отношения мужа-жены развивались как побочный продукт частной собственности. Вот почему Маркс и

Энгельс высказывались за социализацию женщин. В таком подходе немало слабых мест, но основная идея не нова, она сводится к тому, что женщина является собственностью. Она или принадлежит конкретному мужчине в течение всей его жизни – и тогда она считается женой. Или она принадлежит мужчине только одну ночь – и тогда она считается проституткой.

В чем состоит разница между проституткой и женой? Первая принадлежит ему по временному соглашению, вторая – по долговременному. Брак – это долговременная форма проституции; между ними нет существенной разницы. Вот почему брак и проституция всегда сосуществовали друг с другом.

По сути, именно брак создал проституцию. Проституция не может исчезнуть во всем мире до тех пор, пока существует брак; она, словно тень, преследует брак. Фактически, проститутки всегда спасали брак. Это своего рода мера предосторожности: время от времени мужчина для развлечения навещает какую-нибудь женщину, проститутку, и этим спасет свой брак и его постоянство.

Именно так происходило в течение многих веков. Проститутка была нужна для того, чтобы спасти вас и ваш брак. И поэтому всякий раз, когда ваш брак был на мели, вы всегда могли пойти к проститутке. Каждый раз, когда вам становилось скучно с вашей женой, когда вы уставали от нее, вы могли пойти к проститутке, после чего отношения с женой вновь налаживались. Проститутка играла роль праздника.

Люди, считающие, что проституция мешает браку, совсем не правы. Проституция – обратная сторона одной и той же медали. С одной стороны – брак, с другой стороны – проституция.

Вот почему брак существует не менее пяти тысяч лет, но люди не могут избавиться от проституции – это не в их силах. Здесь прослеживается некая взаимосвязь, они зависят друг от друга. Если проституцию ликвидировать, браки начнут распадаться. Проститутка похожа на клей: только благодаря ей жена не надоедает вам. И брак, и проституция связаны с идеей собственности.

В Китае на протяжении многих веков существовало правило, согласно которому мужа, убившего свою жену, не считали убийцей. Его нельзя было наказать в судебном порядке, так как женщина была его собственностью. Вы вправе уничтожить стул, на котором сидите, или снести свой дом, и никому не дано право вмешиваться в это.

Женщина веками считалась собственностью. В Индии женщину называют parisampatti, то есть женская собственность. Когда девушка выходит замуж, отец отдает ее мужу как вещь, как подарок.

На женщину смотрели как на вещь. Я против этого.

Кто сказал Морарджи Десаи о том, что женщина должна быть обобществлена? Вероятно, он сам пришел к такому выводу. Я никогда не говорил этого. Нет никакой необходимости в обобществлении женщин, ибо оно вновь означает бесчеловечное обращение с ними.

Эта идея была высказана Энгельсом и Марксом, поскольку они были революционерами. Они выступали против частной собственности. Национализируясь, обобществляясь, все личное должно было стать собственностью общества. Их предложение состояло в том, что женщина также должна стать собственностью общества. Все, что принадлежало людям, отныне должно было принадлежать государству или обществу.

Я не коммунист, я антикоммунист. Я считаю, что женщина не вещь, женщина – это человеческое существо, в такой же мере, как Морарджи Десаи. Человеку не дозволено владеть другим человеком. И если жена не должна быть собственностью мужа, то и муж не

должен быть собственностью жены. Сама идея собственности отвратительна, насильственна и унизительна. Я никогда не высказывал этой идеи.

Однако обо мне, о моих речах и деяниях в этой стране ходят тысячи слухов. Это поистине странно. Ведь люди эти ни разу не побывали у меня, чтобы взглянуть, что происходит; они продолжают верить слухам.

Первое: женщина устроена иначе, чем мужчина, но это не значит, что она не равноправна с ним. Она имеет равные права. Они устроены по-разному, и это различие прекрасно, и это различие необходимо сохранить.

На Западе в последнее время наблюдается тенденция уничтожения этого различия. Это вызвано изменениями в сознании, которые сразу начинают воздействовать на тело. Западная женщина утрачивает свою женственность. В этих условиях возникла идея: ликвидируйте различие, и вы обретете равноправие.

Это неверная идея. Человек может быть другим *и* в то же время равноценным. Роза отличается от лотоса, но им дано равное право быть на солнце, быть на ветру, быть под дождем; у них равное право на существование. Они разные, но их различие прекрасно: оно обогащает жизнь, оно делает ее разнообразной.

Мужчины и женщины устроены по-разному, и они должны оставаться такими, ибо их влечет друг к другу оттого, что они разные. Они должны быть диаметрально противоположными, они должны быть как можно дальше друг от друга, и тогда между ними сохранится таинство и желание изучать друг друга.

Западная женщина утрачивает что-то очень важное. Восточную женщину не считают человеком – ее считают собственностью. Люди, подобные Морарджи Десаи, по-прежнему относятся к женщине как к собственности, личной собственности. На Востоке женщина по-прежнему остается вещью, товаром, который продается и покупается, и если постоянно – это брак, если временно – это проституция.

Отличие проституции от так называемого брака – это отличие степени, а не качества, это всего лишь количественное отличие.

На Западе, в условиях женской эмансипации, возникла идея о том, что женщина должна быть точным подобием мужчины, только тогда она будет равноправной. Это очередная глупость. Равенство не означает сходства. Ибо, если женщина обретает сходство с мужчиной, она теряет все свое очарование, все свое изящество, всю свою красоту.

Даже тело ее, адаптируясь, становится все более похожим на мужское тело. Она утрачивает свою мягкость, она ожесточается. Она становится агрессивной, утрачивая свою чуткую восприимчивость и претендуя на сходство с мужчиной. Если женщина начинает претендовать на то, чтобы быть похожей на мужчину, она станет мужчиной второго сорта: ей никогда не стать первым сортом, ибо она всего лишь копия. Возможно ли, чтобы женщина стала мужчиной первого сорта? Это невозможно. Это так же невозможно, как попытки мужчины стать женщиной первого сорта; он останется лишь копией, актером, претендентом. А всякая претензия требует порицания.

Женщина должна оставаться женщиной, женщина должна сохранять дистанцию. Женщина должна сохранить свою специфику, так как она чрезвычайно важна. Благодаря ей возникает влечение между полами, рождается поэзия жизни. Различия между полами – это великая притягательная сила: уравняйте мужчину и женщину, пусть они будут очень похожи друг на друга, подобны друг другу – и вы уничтожите нечто необыкновенно ценное. Естественное влечение между полами погибнет.

Я вовсе не ратую за это, и я не поддерживаю восточную глупость, согласно которой к женщине следует относиться как к предмету потребления. Почему мужчины и женщины не могут сосуществовать как равноправные друзья, но при этом разные? Нужно ли превращать женщину в личную, частную или общественную собственность? Сама идея о собственности – ложная идея, ибо никому из нас не дано владеть другим.

Если этот мир станет разумным, дети уже не будут личной собственностью своих родителей. И они не должны быть ею, ибо сама идея собственности антигуманна. Дети, рожденные вами – не ваша собственность, ибо вы не можете владеть ими. Любите их, ведь вы дали им жизнь, но не пытайтесь сделать их подражателями. Не используйте их и не эксплуатируйте в своих собственных целях, не требуйте, чтобы они принадлежали вам. Они принадлежат только экзистенции, и ничему больше.

Ты спрашивает: *В своем интервью для «Санди» Морарджи Десаи сказал: «Раджниш придает большое значение обобществлению женщин. Он хочет, чтобы все женщины стали точно такой же общественной собственностью, какой являются проститутки».*

Это неверно, я не говорил ничего подобного. И я надеюсь, что какой-нибудь влиятельный и мудрый человек, к примеру, премьер-министр страны, внимательно проанализировав факты, определит, что я говорил и чего не говорил.

Он также сказал: «Раджниш идет еще дальше, когда говорит о том, что брак не нужен».

Это правильно, брак не нужен, вполне достаточно дружбы. Брак существует только потому, что мужчина не способен на любовь и дружбу; по своей сути брак – это суррогат. Если вы любите кого-нибудь, нет нужды оформлять эту любовь в официальный брачный договор. Ведь официальный договор не гарантирует, что вы будете любить человека всю жизнь. Законный договор не властен над любовью. Брак – это официальный договор; это собственность, это частная собственность. Это разрешение на владение женщиной как собственностью.

Вы получили разрешение иметь собаку, а вместе с ним – права владельца.

Брак наглядно показывает, что любви нет. Закон вступает в силу, когда нет любви; иначе достаточно самой любви.

Любовь должна быть главным ощущением вашей жизни, и тогда она соединит вас. Ваше единство будет и дружбой, и ответственностью. Когда два человека любят друг друга, они отвечают друг за друга, они заботятся друг о друге. Закон не гарантирует такой заботы и такой ответственности; ни один закон не может гарантировать их. Он может сделать для вас обязательной некую формальную структуру, которая уничтожит вашу любовь, вашу дружбу.

По мере того, как общество становится все более и более сознательным, а это мы можем наблюдать ежедневно, брак начинает изживать себя, постепенно трансформируясь в дружбу. И если в прошлом нам казались прекрасными слова «муж» и «жена», то слова «подруга» и «друг» достойно зазвучат в будущем.

Вы можете вступить в брак, поскольку вы член общества, но брак ваш будет вторичен. Он необходим, если вы любите друг друга, он будет результатом вашей любви, но не наоборот.

В прошлом муж и жена делали так: они сначала вступали в брак, а потом пытались полюбить друг друга. Это невозможно: любовь неуправляема, вызвать ее принудительно невозможно. Она приходит в то самое мгновение, когда она приходит.

Вы можете соединить двоих. Так делали всегда, так делали веками. Сочетайте двоих браком – и это будет принудительная совместная жизнь. Когда двое живут вместе, между ними возникает такая же любовь, как между братьями и сестрами и как между сестрами и братьями. Это принудительный брак. Но когда двое живут вместе, между ними возникает симпатия, чувство, близкое к симпатии, зависимость друг от друга, потребность в другом. Однако любовь – совсем иное.

Если сначала заключается брак, едва ли любовь когда-нибудь озарит его. Брак, фактически, придуман для того, чтобы предупредить любовь, поскольку любовь опасна. Ибо она уносит вас к таким высотам радости, романтического экстаза и поэзии, которые опасны для общества, вот почему оно никогда не позволит вам воспарить столь высоко и познать взлеты и падения любви. Ибо, если человек познал любовь, ничто и никогда не принесет ему удовлетворения. Тогда и вы едва ли удовлетворите его, даже если вы в состоянии дать самую надежную банковскую гарантию. Даже солидный счет в банке едва ли заинтересует его, ибо он познал нечто такое, что дает реальное богатство.

Если человек любил и пережил мгновения экстаза, вы никогда не сделаете его сторонником политики принуждения. Зачем? Вам никогда не принудить его к участию в отвратительном и бесчеловечном. Он предпочтет остаться бедным, но страстно влюбленным. Как только вы убьете любовь – а брак есть попытка убить ее, – как только вы убьете любовь, энергия человека, утратившего ее, становится доступной для общества и может быть использована им.

Вы можете сделать его солдатом, и он будет готов убивать – без всякого предлога, он готов убивать или быть убитым. Он будет кипеть от гнева, потерпев жизненное крушение, и вы можете скорректировать направление его амбиций. Он станет политиком. Он станет похож на Морарджи Десаи, который всю свою жизнь мечтает только об одном: как стать премьер-министром.

И вот, наконец, в возрасте восьмидесяти трех лет он стал премьер-министром. На днях газеты писали о том, что он обращается к людям с просьбой помолиться за его долгую жизнь. Долгую жизнь? Вы когда-нибудь покинете эту убогую, несчастную страну, или нет? Долгая жизнь его и его коллег позволит им долгое время служить своей стране. Неужели вы не дадите возможность и другим людям принести пользу своей стране? И как долго он намерен мучить нас?

Это люди, не познавшие любви. Разочарование в любви делает человека жадным, разочарование в любви делает человека жестоким, разочарование в любви уводит в мир амбициозных желаний. Разочарование в любви пагубно воздействует на человека.

Но обществу нужны деструктивные люди. Обществу нужна армия политиков, ему нужна армия служащих, начальников станций и так далее, и тому подобное. Ему нужны люди, готовые делать что угодно, у которых в жизни не было ничего высокого.

В их жизни не было ни одного поэтического мгновения, они по-прежнему считают и пересчитывают свои деньги, полагая, что в жизни не существует ничего, кроме денег.

Любовь опасна.

Я хочу, чтобы любовь стала доступной всем и каждому. И если брак существует, он должен быть результатом любви, он должен играть второстепенную роль. Но если в один прекрасный день любовь проходит, не следует создавать никаких препятствий для растор-

жения брака. Когда два человека вступают в брак, каждый дает согласие на него. Но для развода достаточно желания хотя бы одного человека. Согласие двоих на развод не требуется. В наше время никаких препятствий для брака не существует. Любой неумный мужчина и любая глупая женщина могут прийти в отдел регистрации браков и сразу пожениться. Однако для того, чтобы развестись, им придется преодолеть тысячи препятствий. Это ненормальное решение проблемы.

Я считаю, что люди должны преодолевать самые различные препятствия при вступлении в брак. Им следует сказать: «Подождите два года. Поживите вместе два года. И если через два года желание быть вместе не покинет вас, возвращайтесь сюда».

Людям надо дать возможность пожить вместе, и тогда они поймут, подходят ли они друг другу, сойдутся ли они и смогут ли создать гармонию в своей жизни, или нет.

Любой человек, придя в бюро регистрации, может зарегистрировать свой брак, и никто не вправе помешать этому. Однако, когда вы хотите получить развод, суд, закон, полиция пытаются помешать вам. Общество за брак и против развода.

Я не отношу себя ни к сторонника брака, ни к сторонникам развода. Дружбу я понимаю как ответственность и заботу людей друг о друге. Думаю, что людям, которые не проверили друг друга в самых разных ситуациях, следует запретить вступать в брак. Любовь с первого взгляда и поэтический роман не следует считать поводом для вступления в брак.

Дайте чувствам остыть, и вещи предстанут перед влюбленными в самом обычном свете. Пусть они поймут, в состоянии ли они наладить свою повседневную жизнь, решить свои будничные проблемы, и только после этого им можно разрешить пожениться. Этот брак должен быть временным. Возможно, каждые два года им придется являться для того, чтобы возобновить его; в случае неявки он будет считаться расторгнутым. Разрешение должно возобновляться каждые два года, желание супругов развестись должно быть удовлетворено.

Таково мое мнение. Я не против брака, но я *за* любовь. Любовь должна быть решающим фактором.

И он сказал: «Раджниш также пропагандирует свободную любовь».
Что ты мог бы об этом сказать?

Морарджи Десаи и людям, подобным ему, нелегко понять то, о чем я говорю. Все то, что я говорю, утверждает превосходство секса. Я не проповедую секс, я проповедую любовь. но в понимании этих людей любовь ничем не отличается от секса. В их понимании любовь означает секс, ибо они не познали любви, они знают только секс.

Любовь и секс далеки друг от друга. Секс – это биологическое явление, любовь – человеческое явление. В чем разница между ними?

С биологической точки зрения природа заинтересована в воспроизводстве человека, в силу этого продолжается жизнь. Секс – это система воспроизводства. Так устроена природа, секс не имеет другого значения, другого смысла, кроме воспроизводства. Благородство, достоинство и свобода человека воздействуют на секс, и он постепенно освобождается от биологического наследия прошлого.

Секс становится игрой, забавой, праздником. Когда секс становится игрой, забавой, праздником, он трансформируется в новое качество, то есть любовь.

Воспроизводство не нуждается в любви. Любовь – это искусство, подобное музыке, подобное поэзии, подобное живописи.

Различие состоит в следующем: животные едят, человек тоже ест; что касается еды, между ними нет никакой разницы. Но взгляните внимательно: когда животные едят, они стараются уединиться в таком месте, где никто не может видеть их, так как они все время боятся, что кто-то отнимет у них пищу. Животные предпочитают есть в полном одиночестве.

И только человек предпочитает есть в обществе других людей, превращая еду в праздник. Это новый признак, это совершенно новый признак; вы не найдете его в животном мире.

Животные едят для того, чтобы удовлетворить свои физические потребности. Человек привносит эстетику в свои привычки, связанные с едой. Он занимается приготовлением пищи: он готовит еду, придавая своим блюдам красивую форму и окраску, приправляя их чудесными ароматами. Он соблюдает определенные обычаи подачи еды на стол, сопровождая застолье музыкой, свечением огней и курением фимиама, он собирает за столом друзей, чтобы за едой поболтать и посплетничать с ними. Ритуал приема пищи теперь оформляется в другом стиле: он стал искусством.

Секс у животных играет только репродуктивную роль.

Гуру Морарджи Десаи, махатма Ганди, часто говорил: «В половой контакт следует вступать только в целях воспроизводства». Это животный контакт, он ниже человеческого. Он полагал, что проповедует что-то великое, духовное. Но его идеи совсем не духовны; они ниже человеческого достоинства.

Все, чему он учил – анималистично. Он говорил, что секс допустим лишь в том случае, если вы хотите родить ребенка, в противном случае он непозволителен. Он исключал всякую возможность любви.

Любовь – это эстетика секса. Любовь – это попытка освободить его от биологического прошлого. Вы любите женщину не потому, что вы заинтересованы в рождении ребенка; вы любите ее ради нее самой. Вы любите женщину за радость общения с ней, вы любите мужчину за радость разделить с ним свою энергию. Секс не всегда является компонентом этой любви.

Когда приходит любовь и воцаряется ее атмосфера, пронизанная сексом, секс перестает быть обычным сексом. Он трансформируется в атмосфере любви.

Любовь не всегда сопровождается сексом. Нередко двое любящих просто сидят, взявшись за руки и глядя на полную луну. Секс не всегда примешивается к их любви. Им достаточно их чувства, оно дает им огромное удовлетворение. Двое влюбленных могут читать друг другу стихи, петь песни, танцевать, крепко обниматься, держа друг друга в объятиях. Секс не является необходимостью. Если он примешивается к любви, это хорошо. Если нет – не следует стремиться к нему. Любовь реализует себя вне секса. Она выше, чем секс.

Я учу любви. И если вы познали любовь, вы будете постепенно удаляться от секса.

Махатма Ганди не проповедовал любви. Морарджи Десаи, которому передал свои знания махатма Ганди, тоже не имеет представления о любви. Не думаю, что он когда-нибудь кого-нибудь любил; не думаю, что он хоть что-нибудь знает о любви. Все, что он знает – это амбиции, жадность и политика насилия.

Он, безусловно, познал секс, поскольку произвел на свет детей. Но это был отвратительный, животный, механический секс, направленный на воспроизводство. Будучи противником человеческого тепла и любых человеческих контактов, он пытался настроить махатму Ганди, своего гуру, против них.

Махатма Ганди, достигший преклонного возраста, любил совершать прогулки с двумя молоденькими девушками, поддерживавшими его с двух сторон. Он отправлялся на прогулку, опираясь на плечи девушек, которых в шутку называл своими палочками-выручалочками.

Вы будете удивлены, узнав о том, что Морарджи Десаи дал махатме Ганди совет: «Тебе не следует прикасаться к женщинам, тебе не следует прогуливаться с ними, положив на их плечи свои руки; это нехорошо».

Этому человеку не дано понять, что такое человеческое тепло. Этот человек одержим сексом. В своей жизни он познал лишь примитивный животный секс.

И он продолжает проецировать на меня свои идеи. Я не проповедую свободный секс, я проповедую свободную любовь. Конечно, любовь возводит секс на более высокий уровень; она помогает сексу преступить границы биологии и приблизиться к духовности.

Затем вы делаете следующий шаг. Если вы продолжаете любить и ваша любовь не является собственностью, принадлежностью другого, если ваша любовь трансформируется в глубокую дружбу и вы принимаете другого таким, какой он есть, не требуя от него иного и не оказывая на него давления, если ваша любовь трансформируется в дружбу, – рождается молитва.

Секс нередко становится компонентом любви. В молитве секс исчезает бесследно. Любовь – это мостик между сексом и молитвой. Не задерживайтесь на мосту: вознеситесь над сексом.

Но, если вы хотите вознестись над каким-то понятием, вам придется опуститься до него, пройти через него. Вот почему я говорю: не отвергайте секс, иначе вам никогда не познать любви. Трансформируйте секс, не отвергайте его. Ибо все отвергнутое вами будет по-прежнему притягивать вас, как магнит.

Морарджи Десаи – шовинист мужского направления, традиционалист и фашист-мракобес.

Пятый вопрос:

Блаженный, возлагаю на тебя, как на любимого учителя, все свои проблемы, в надежде на помощь и поддержку. Могу ли я надеяться, что мои проблемы отныне – твои проблемы?

Субудда, ты можешь полностью довериться мне. Забудь о своих проблемах, я взял их на себя. Возможно, проблема вновь и вновь встанет перед тобой: все время помни о том, что ты доверил ее мне, что ты можешь забыть о ней, что она больше не касается тебя.

И если ты сможешь подойти к этой проблеме таким образом, ты найдешь выход. Тогда ты сможешь точно так же подойти ко *всем* свои проблемам. Проблемы никогда не решаются, они постепенно исчезают. Они едва ли стоят того, чтобы решать их; человек должен подняться над ними.

Таково одно из положений *адаб:* поручите свои проблемы учителю и забудьте о них. Это тоже способ решения проблем, это способ избавиться от них.

И помните: если я скажу, что эта проблема стала моей проблемой, будет неверно, ибо я даже не знаю, в чем состоит ваша проблема. И это не значит, что она затруднит меня, что она побеспокоит меня, что я потеряю из-за нее сон – ничего подобного! Это всего лишь отговорка – и вы можете забыть о своей проблеме. Забывая о ней, вы поднимаетесь над ней.

При этом в душе у вас рождается доверие, рождается понимание. При этом высвобождается энергия, скрытая в данной проблеме. Вы становитесь энергичнее, в вас пульсирует новая энергия, и вы возноситесь все выше и выше.

Вы никогда не решите свои проблемы, но вы можете переступить через них. Достаточно переступить через них – и они утрачивают материальность, они становятся неактуальными.

Но я ничего не делаю, ограничиваясь только отговорками. Однако вы можете творить с моей помощью чудеса.

Субудда способен сделать это, он *обладает* необходимыми качествами для этого. Далеко не каждый способен сделать это, но, взглянув в глаза Будды, я ощутил, что он знает, как подчиниться.

Я не прошу вас, чтобы вы отказались от ваших денег в мою пользу. Я только прошу: откажитесь от ваших проблем в мою пользу, откажитесь от ваших болезней в мою пользу, откажитесь от ваших патологических отклонений в мою пользу. Ибо в этом отказе, сбросив свое бремя, вы обретаете свободу.

Последний вопрос:

Багван, ты говоришь о невозможности сравнить непросветленных. Я оцениваю себя и постоянно сравниваю с другими, этим как бы увеличив дистанцию, разделившую нас, и позволив тучкам омрачить горизонт наших отношений. Можно ли изменить их?

Витдхарма, я говорил, что непросветленные несопоставимы, ибо разница между ними велика. У них разные истории, у них разные биографии, у них разное прошлое. Они шли разными путями, по разным территориям, прожили разные жизни; у них разные кармы. Они несопоставимы.

Сопоставить их означало бы сравнить камень и розу, или розу и звезду. Люди несопоставимы, ибо разница между ними велика.

Сопоставимы лишь просветленные, ибо они ничем не разнятся между собой, поскольку их больше нет. Ощущение пустоты неповторимо.

Можно ли сравнить две комнаты, которые абсолютно пусты и этим столь подобны? Вы можете сравнить их, если вам захочется сравнить, сказав, что обе они пусты. Иначе сравнивать было бы нечего. Обставьте обе комнаты разнообразной мебелью, развесьте по стенам картины, и вы можете сравнить множество предметов, заполнивших их: эти комнаты такие разные.

Непросветленный человек неповторим, ибо нет другого подобного. У него своя собственная патология, свой особый невроз, которые дают возможность сравнения.

Два просветленных настолько схожи, что вы можете констатировать лишь их сходство. Следует, однако, осознать парадокс: сходство двух просветленных столь велико, что исключает возможность их сравнения. И другой парадокс: несходство двух непросветленных так велико, что наше сознание склонно сравнивать их. К примеру, у одного человека много денег, у другого – еще больше, у одного – один склад характера, у другого – другой; так возникает соблазн сравнения. Откуда исходит соблазн сравнения? Он исходит от вашего собственного эго. Вы постоянно сравниваете свое положение в обществе с положением других. Кто-то беднее вас, и вам становится от этого хорошо; кто-то богаче вас, и вам от этого плохо. Когда вы видите бедного человека, у вас возникает приятное чувство и есте-

ственное желание помочь бедняку. Когда вы видите богатого человека, вы чувствуете обиду и зависть. Когда вы видите богатого человека, у вас возникает непреодолимое желание разбогатеть, заняв высокое положение в обществе.

Ваши ощущения – явление нескольких пространственных измерений. Когда вы видите безобразного человека, вам хорошо; когда вы видите прекрасного человека, вам плохо: ваше эго живет благодаря непрерывному сравнению, между двумя сравнениями. Если, устав от сравнения, вы просто говорите: «Я есть то, что я есть, а они – то, что они есть», – этим вы вырываете с корнем эго из своей души. Вы лишили его жизни, ибо оно существует между чувством неполноценности и чувством превосходства: осознайте это. Эго – тоненькая прослойка сэндвича, лежащая между чувством неполноценности и чувством превосходства. И, поскольку в сэндвиче эго занимает промежуточное положение между чувством неполноценности и чувством превосходства, оно испытывает непрерывное напряжение, тревогу и печаль.

Понаблюдайте за собой, и вы отчетливо увидите примыкающего сзади и примыкающего впереди, ощутив себя тоненькой прослойкой сэндвича. И если примкнувший сзади пытается опередить вас, остановите его. И если примкнувший впереди пытается вырваться вперед, остановите его. Вы должны опередить его, развив высокую скорость и вдохнув всю свою энергию в это состязание.

Мир эго по-прежнему существует. Проследите его пути, и ваше отречение от него будет легким. Проследите и познайте их, и тиски власти этого мира ослабнут. Какой смысл? В нашем мире миллионы людей, и если вы будете сравнивать себя с каждым из них, ваша собственная жизнь покажется вам жалкой и убогой.

К примеру, кто-то гордится своими красивыми глазами, каких нет у вас, кто-то обладает другими достоинствами, каких нет у вас. Этот вариант так же неблагоприятен, как и другой – когда кто-то лишен достоинств, какими обладаете вы, – поскольку в том и другом случае страдает эго. Оно становится повышенно чувствительным, раздражительным, и любой может обидеть его.

Ты спрашиваешь меня: *Ты говоришь о невозможности сравнить просветленных.*

В некотором смысле их невозможно сравнивать, ибо они уникальны. В определенном смысле их можно сравнить, поскольку их уникальность сводится к количественным признакам. Просветленные люди сопоставимы, поскольку все они похожи друг на друга. И в то же время они несопоставимы, ибо все они так непохожи друг на друга.

Если вы меня правильно поняли, сравнение, как таковое, бессмысленно. Оно бессмысленно для непросветленных, и оно бессмысленно для просветленных. Неверно само сравнение, как таковое, а сравнивающее сознание – это эгоистическое сознание.

Исследуйте свою внутреннюю сущность – ибо, когда вы сравниваете, вы исследуете внешнюю сущность, вы должны сконцентрироваться на других. Исследуйте себя внутри, и вы поймете, кто вы есть. Познайте свою сущность безотносительно к другим.

Вы по праву обладаете подлинной сущностью. Почему не признать ее? Зачем сравнивать? Сравнение порождает ложную идентичность. И эта ложная идентичность есть то, что называют эго.

Когда отрекаются от ложного, рождается истинное. И это истинное не сравнимо ни с чем. Ибо истинное не порождается личностным, истинное рождается под открытым небом.

В народе рассказывают легенду об одном богатом пожилом господине, который подобрал на улице молоденькую девушку и пригласил ее поселиться в своей фешенебельной квартире. Стояла жаркая летняя ночь, когда они, наконец, добрались до постели, этим осуществив его тайное страстное мужское желание.

К несчастью, он переоценил свои возможности, лицо его, искаженное страстью, покрылось испариной, и, лежа в объятиях молоденькой любовницы, он, как любовник, себя не проявил.

Наконец, молоденькая красавица, нетерпеливо протянув руку к подушке, на которой покоилась ее голова, извлекла из нее длинное перо и начала нежно поглаживать им его волосы.

Старый господин воскликнул:

– Какого черта ты это делаешь? У меня и так достаточно забот!

Подняв глаза, она сладко прошептала:

– Если уместно грубое сравнение, я просто вышибаю мозги из твоей башки!

Наш разум мыслит сравнениями, он постоянно сравнивает. Разум мыслит категориями относительности, разум – это результат относительности. но вы – не составной элемент относительности. Вы находитесь за пределами мира относительности Альберта Эйнштейна. Вы – не время, и вы – не пространство, вы – нечто запредельное: вы – свидетель. Ведь свидетель не ограничен каким-либо временем, свидетель – за пределами относительного. Свидетель суть абсолютное присутствие; его существование абсолютно.

Альберт Эйнштейн говорит о том, что у абсолюта нет аналога. Он прав, когда речь заходит о науке, и он неправ потому, что не взглянул в глубину собственной души. Во внешнем мире все относительно. Нет ничего относительного во внутреннем мире. Снаружи все находится в движении, внутри ничто не движется. Снаружи все движется непрерывным потоком. Внутри движение застыло на века.

Но он не заглянул внутрь, он не заглянул в центр циклона.

Довелось вам слышать о маленьком десятилетнем мальчугане, которого мама водила в зоопарк посмотреть на слона?

Когда они приблизились к слону, мальчик спросил у мамы о странном предмете, который свешивался у него между ног.

– Это хвост, сынок, – ответила мать.

– Нет, там висит что-то другое, – настаивал ребенок.

– Это хобот, – ответила мать.

– Нет, там висит что-то другое, – упирался мальчик.

– Там ничего нет, совсем ничего, – ответила смущенная мать.

Прошло несколько недель, и мальчик отправился с отцом в цирк. Когда они приблизились к слону, мальчик обратился со своими вопросами к отцу.

– Что там такое висит у слона между ног?

– Это хвост, сынок, – ответил отец.

– Нет, это что-то другое, – сказал сын.

– Это хобот, сынок.

– Нет, там висит что-то другое, – настаивал сын.

– Хорошо, сынок, ты уже достаточно взрослый, чтобы знать это, – решился отец. Он рассказал ему кое-что о жизни. Когда рассказ был окончен, мальчик спросил:

– А почему мама сказала мне, что у слона между ног ничего нет?

– Потому, – сказал отец, – что твоя мать немного зажралась.

Вы поняли суть? Именно так сравнивает, сравнивает, сравнивает разум.

Прекратите сравнивать. Будьте таким, какой вы есть, примите вещи такими, какие они есть, безотносительно к чему-либо. Взгляните внутрь себя, и вы увидите все как есть, безотносительно к чему-либо, и вы будете поражены, как много вам не хватало. Откройте шире глаза и взгляните на вещи без всякого сравнения.

Не сравнивайте цветок розы с другими цветами розы: он имеет право на существование, он существует безотносительно к любой другой розе, которая когда-то цвела или когда-то будет цвести на этой земле. Он неповторим, он подлинно неповторим.

Взгляните на каждого человека как на неповторимую индивидуальность. И жизнь покажется вам богатой, бесконечно богатой, ибо ее суть бесконечно уникальна. Сравнение притупляет разум, сравнение аккумулирует пыль на зеркале нашего сознания.

Витдхарма, расстаньтесь с этой старой привычкой сравнивать. Все должно начинаться внутри. Старые привычки не хотят умирать, но, если вы очень захотите, вы избавитесь от них. Для этого потребуется время, но, когда привычки исчезают, вы вступаете в мир реальности, которая не поддается сравнению. Но мир, который не-сравним – это мир абсолюта, это мир Бога.

Таков объект наших исследований здесь. Наука использует мир относительности, религия – мир абсолюта.

НА ПУТИ ВЗДОХОВ

Друг мой, все существующее
существует через него;
твое собственное существование – просто подделка.
Нет большего вздора! Утрать себя,
и ад твоего сердца превращается в небеса.
Утрать себя – и что-то можно завершить.
Твой эгоизм – необученный жеребенок.

Ты то, что ты есть:
отсюда твоя любовь и ненависть;
ты то, что ты есть:
отсюда вера и безверие.

Надежда и страх управляют судьбой на твоем пути;
утрать себя, и их больше не будет.

Какая разница у его дверей
между мусульманином и христианином,
добродетельным и грешным?
У его дверей все – искатели,
а он – цель.

Бог существует без причины:
зачем ты ищешь причины?
Солнце истины восходит нежданно,
и с ним закатывается луна учения.

На этой стоянке, всего лишь на неделю,
быть – значит не быть,
а приходить – значит уходить.

И существует ли солнце
для пения петуха?
Что для него –
здесь ли ты или нет?
Многие пришли, подобно тебе,
в дом его.

Ты не найдешь свой путь
на этой улице; если есть путь,
он на твоей дороге вздохов.
Все в тебе далеко
от пути посвящения:
иногда ты добродетелен,
иногда ты грешен,
потому что ты надеешься на себя и боишься себя;
но когда твоя маска мудрости и глупости
наконец поблекнет, ты увидишь,
что надежда и страх – едины.

Истина – это не традиция. Она не может быть ею, потому что истина никогда не бывает старой. Она вечно новая, она вечно свежая, такая же свежая, как капли росы утром или звезды в ночи.

Претензии традиций в основном неистинны. Слово «традиция» («tradition») происходит от корня «tradere». Он означает «от кого-то кому-то еще, передаваемое». От «tradere» происходит также слово «trade», торговля. Истину нельзя передать от одного человека другому. Ее невозможно передать. Это не вещь, поэтому она непередаваема. Ею нельзя торговать, никто не может дать ее, никто не может ее взять. Она возникает в бытии каждого человека, это – цветение вашего сердца.

Поэтому суфизм – не традиция. Нет истинной религии, которая будет традицией; всякая истинная религия будет революцией, восстанием. Суфизм – один из самых проникновенных, самых подлинных экспериментов и исследований истины из всех, которые были на этой земле. А Хаким Санаи, в сутры которого мы снова погрузимся сегодня – один из трех величайших суфиев во всей истории человеческого сознания. Он стоит среди трех великих Мастеров – Аттара, Руми и Санаи.

На несколько дней вы снова погрузитесь в одну из величайших душ. Это паломничество, святое паломничество; вы будете ходить по святой земле. Будьте очень бдительными, наблюдательными, любящими, открытыми, уязвимыми, тогда что-то может возникнуть в вас, тогда в вас возникнет то, что может стать трансформацией; что-то может быть в вас затронуто. Но помните, это не обусловлено внешним, это не вопрос причины и следствия. Следовательно, это далеко за пределами науки. Наука может понять только закон причины и следствия. Если что-то может быть обусловлено, это обязательно будет принадлежать науке. Но истина не может быть обусловлена.

Тем не менее в присутствии Мастера это может случиться. Это случается беспричинно; это синхронность. Это похоже на то, когда кто-то танцует – и что-то в вас пробуждается, – не вызывается в вас, помните, потому что никакой танцор не может вызвать в вас танец, – но вы начинаете что-то чувствовать. Вы начинаете покачиваться, вы внезапно чувствуете прилив энергии, вы хотели бы танцевать сами. Это синхронность: что-то происходит в вас одновременно, но не вызвано этим.

Я буду здесь, подобно полому бамбуку, доступен Хакиму Санаи, так что он может петь свою песню, и он может танцевать свой танец. Если вы открыты, что-то может начать происходить в вас. Это не будет передаваться от меня вам – этого нельзя передать; это не будет вызвано. Я не буду источником этого, вы останетесь источником этого. Но это можно запустить: я могу действовать как катализатор.

Эти несколько дней, проведенные с Хакимом Санаи, могут преобразить вашу жизнь. Вы будете здесь с одним из величайших из когда-либо бывших здесь людей – людей такой величины, как Будда, Иисус и Мухаммед.

Но помните: во первых, истина не есть традиция. Если вы верите в традицию, вы никогда не узнаете, что есть истина. Традиция – это верование, она заимствована; это знание, но не опыт. Традиция – это писание, философия, много слов – слова о словах. Это огромные джунгли теорий, и можно очень легко заблудиться в них. Ум готов попасть в ловушку.

Поскольку истина – не традиция, к ней нельзя подойти через ум. Ум – это традиция, ум живет прошлым. Ум всегда стар; ум никогда не оригинален, он никогда не нов, он никогда не свеж, он никогда не юн, он никогда не жив. Ум есть не что иное, как накопленное прошлое: все, что вы узнали в прошлом, записано внутри вас. Это не реальность этого мгновения. Ум – это традиция.

Поэтому, если кто-то говорит, что он индуист, или христианин, или джайн, или мусульманин, он говорит, что он не религиозен. Он говорит, что он принадлежит к прошлому, не к настоящему. Он говорит, что он принадлежит уму, а не сознанию.

Сознание всегда здесь и сейчас: оно не знает прошлого, оно не знает будущего. И в этом красота сознания – оно медитативно. Ум – это процесс мышления, череда воспоминаний, образов, мечтаний, проекций. Сознание – это чистота, зеркало, которое просто отражает реальность как она есть.

Все системы верований должны быть отброшены, только тогда вы можете быть суфием. А быть суфием – это самое величайшее, что может случиться с человеком.

Никто другой, кроме человека, не может быть обманут словами; никто, кроме человека, вообще не может быть обманут.

Я слышал:

У Мерлин был ручной любимый попугай, но попугай смущал ее всякий раз, когда она приходила в квартиру с мужчиной. Он кричал разные непристойности, и первой всегда было:

– Кто-то это сегодня получит! Кто-то это сегодня получит!

В отчаянии Мерлин пошла в зоомагазин и объяснила его владельцу проблему со своим попугаем.

– Мне кажется, вам нужна самка попугая. У меня сейчас ее нет, но я закажу одну для вас. А пока я могу предложить вам самку совы, пока не прибудет самка попугая.

Мерлин взяла клетку с совой и поставила ее около своего попугая. Сразу же стало ясно, что попугаю она безразлична. Он просто посмотрел на нее.

Этим вечером, придя со своим другом домой Мерлин не нервничала как обычно, открывая дверь. И вдруг она услышала зловещий крик попугая и поняла, что все осталось по-старому.

– Кто-то это сегодня получит! Кто-то это сегодня получит! – сказал попугай.

Сова сказала:

– Ктооооо? Ктооооо?

А попугай ответил:

– Не ты, лупоглазая сукина дочь!

Только человека можно обмануть. Вы не обманете даже попугая, но пандитов обмануть можно – и они обманываются. Пандиты – большие попугаи, чем сами попугаи.

Остерегайтесь. Ваш ум готов попасть в любую ловушку из слов. Он создает прекрасные теории, философии; он подолжает производить великие системы мысли – все воображаемые.

Истина не имеет ничего общего с вашим воображением. Она также не имеет ничего общего с вашим вмешательством, вашим воображением. Истина уже здесь: истина есть. Вам нужно не искать ее, но быть доступными, открытыми и пустыми как зеркало, так, чтобы вы могли отражать то, что есть. Истина окружает вас; истина внутри и снаружи. Есть лишь истина. Вам не нужно куда-то идти – в Каабу или в Каши. Вам не нужно даже выходить из комнаты, вам не нужно даже выходить из вашего тела, вам не нужно никуда идти.

Сидите в молчании, ничего не делая, – и весна приходит, и трава растет сама по себе.

Просто сидите молчаливо в своей комнате, когда вы пусты, и она раскрывается.

Она была открыта Мухаммеду, когда он был предельно молчалив и пуст, она была открыта Санаи, когда он был молчалив и пуст, она была открыта Махавире, когда он был молчалив и пуст. Быть пустым – это быть религиозным.

Но вы так полны знаний, вы так полны ненужным багажом, ваш ум находится в постоянной болтовне. Вы можете назвать это Ведами, или вы можете назвать это Кораном, это несущественно. Пока вы не пусты, Веды не случатся с вами, Коран не изольется на вас. Пока вы не пусты, вы не соприкоснетесь с истиной – а истина есть другое имя Бога. Я использую слово «истина», чтобы атеисты не обиделись, но истина и Бог – синонимы, они взаимозаменяемы, они обозначают одно и то же.

Тогда что такое истина, если она не традиция? Это революция, это обращение вовнутрь. Традиция смотрит назад, традиция смотрит на других, традиция хочет чтобы что-то было дано вам. Революция смотрит внутрь. Вам не нужно ничего давать ни из какого источника; вы уже получили это, это уже есть. Просто обратитесь во внутрь, просто посмотрите во внутрь, ждите, наблюдайте, идите вовнутрь к самому сердцу своего бытия.

Суфизм – это внутреннее путешествие. Когда я говорю «революция», я не имею в виду политическую революцию. Политические революции – вообще не революции; они просто заменяют одно рабство другим. Единственная возможная революция – религиозная. Есть лишь одна революция – уйти от традиций и повернуть внутрь, к источнику собственного бытия.

Знать «кто я?» есть единственный революционный шаг – первый и последний, альфа и омега.

Вот значение того, что вы стали суфием или стали саньясином. «Саньясин» – это мое название для суфия – тот, кто пресытился внешним миром, тот, кто познал его огорчения, тот, кто познал его полную тщетность, тот, кто познал все его тревоги и беспокойство и готов жить глубоко в себе, чтобы узнать: «Кто я?» Потому что пока человек не познает себя, все знания бесполезны.

Самое главное, фундаментальное в том, чтобы осознать суть своего бытия. И это чудо – осознать его, потому что в сердцевине вашего существа вы всегда чисты, невинны, всегда непорочны, всегда целомудренны. В самой сердцевине вашего существа вы никогда не покидали райского сада, вы все еще в раю.

Таково название книги Хакима Санаи: «The Hadiqa». Оно означает «Сад» – Сад Бога, рай.

Где этот рай? Есть глупцы, которые ищут сад Эдема. Некоторые думают, что он был в Вавилоне, некоторые думают, что он был на континенте атлантов, который ушел под воду – там ищут. Это полная глупость.

Сад существует *в вас*. Адам не изгонялся из сада Эдема, он заснул. «Первородный грех» просто означает, что вы забыли, кто вы есть. Адам стал способен познавать и потерял чистоту сознания.

Вот в чем значение притчи о Древе Познания. Адам вкусил от Древа Познания – вот первородный грех. Взгляните на красоту притчи: знание – первородный грех, стать познающим – выпасть из благодати. Тогда, как достичь ее вновь? Отбросьте ваши знания, станьте снова невинными. Будьте снова детьми, и вы сможете войти в сад Эдема.

Адам стал познающим, Христос стал невинным. Становясь познающим, Адам идет во внешнее, становится жертвой философий, систем веры, теорий, слов. Иисус отбросил все традиции; вот почему евреи были так злы на него. Евреи – самый традиционный народ, они были разгневаны, потому что он был революционером. Он вышел – он просто отбро-

сил все знания всех старых раввинов – и стал невинен. Но когда он стал невинен, он снова вошел в то первоначальное состояние Адама перед тем, как тот съел плод с дерева познания.

Я слышал вот что:

Два университетских профессора прогуливаются вокруг университета. Они оба известные историки и выражают свое уважение к Иисусу. Когда они расстаются, один говорит задумчиво:

– Ты знаешь, он действительно был хорошим парнем, но он не издавался.

Профессор, пандит, человек, полный знаний, ученый не имеет понятия о внутреннем опыте. Он знает лишь мусор так называемой исследовательской работы, он знает лишь слова. Те слова пусты, они ничего не содержат, они бессмысленны – поскольку смысл возникает только из вашего собственного опыта.

Суфизм – это эксперимент в экзистенциальном опыте. Это не философия; скорее о нем можно думать, как о лестнице. Вы не соглашаетесь с лестницей и также не верите в нее. Вы поднимаетесь по ней, а если она ломается, вы берете новую. Поэтому относиться к суфизму, как к системе, в которую надо верить или к которой надо привязываться – есть упустить всю суть. Это лестница, не система веры. Используйте ее, поднимайтесь по ней – и идите дальше за ее пределы. Это лодка.

Будда называет свою систему «плот» – вот что такое суфизм. Используйте это, чтобы идти к другому берегу, к удаленному берегу, а потом полностью забудьте о нем. Истина, в которую верят, есть ложь; истина, которую заимствуют, есть ложь. Моя истина не может быть вашей истиной; в момент, когда моя истина достигает вас, она больше не та же самая. Со мной, во мне она имела смысл моего переживания, опыта. Когда она идет к вам, вас достигают только слова – пустые, бессодержательные. Можно привязаться к этим словам, можно очень сильно верить в них, и вы потеряете.

Это самое основное, что нужно запомнить: суфизм – практическая наука, он прагматичен. Он не зависит от философствования, спекуляции и предположений; он указывает прямо на экзистенциальный опыт.

Вы можете много знать о любви. Вы можете пойти и посмотреть в библиотеках, вы можете посмотреть в Британской энциклопедии, и вы многое узнаете о ней. Но это будет о любви – это не будет любовью. Чтобы узнать любовь, вы должны влюбиться; нет другого, более краткого пути.

Двое итальянцев разговаривали в Риме, когда над ними пролетел самолет, и один сказал другому:

– На борту этого самолета Папа Римский.

– Нет, – сказал другой, – он в южной Италии, на летнем отдыхе.

Нет, он на борту этого самолета, – сказал первый.

Слово за словом – и вскоре было заключено пари на несколько тысяч лир на то, находится или нет Папа Римский на борту самолета. Двое мужчин поспешили в аэропорт как раз вовремя, чтобы увидеть, как Папа Римский выходит из самолета.

Проигравший пари повернулся к своему другу и сказал:

– Скажи мне, Тони, как ты мог утверждать, что в шести тысячах метров над тобой на борту самолета находится Папа Римский?

– Это легко, – сказал он. – На нем так четко было написано: «Т. В. П».

– Что это значит?

– «Только для высоких персон».

Иногда ваша догадка даже может сработать, но все же это никогда не истина. Истина должна быть пережита.

Вы догадываетесь о Боге, вы спорите о Боге, рассуждаете о Боге, боретесь из-за Бога. И не остается времени, чтобы ощутить его.

Когда вы здесь со мной, всегда помните: мы не интересуемся предположениями, мы заинтересованы в том, чтобы в самом деле войти в это. А когда переживание возможно, зачем спорить о нем? Зачем ходить вокруг да около? Почему бы не проникнуть в самую сердцевину? Вы можете ходить вокруг да около веками – и вы никогда никуда не придете. А вы можете прийти прямо сейчас, в это самое мгновение, если вы идете вовнутрь.

Все эти сутры «Хадики» просто готовят вас к совершению внутреннего скачка, внутреннего прыжка.

Суфизм – это попытка разморозить процесс мышления, сделать его более мягким и убрать ограничения. Суфизм критикует, растворяет и перешагивает через все предрассудки, растворяя все жесткое и ограничивающие структуры мышления. Суфизм – это расслабление в вашем собственном «Я»; это отпускание.

Когда все предрассудки отброшены, все концепции отвергнуты, все писания сожжены, все традиции отброшены, тогда вы невинны, вы незагрязнены. В этой чистоте настоящего момента восходит солнце.

Именно с этой точки человек начинает становится подлинным человеком. Именно отсюда он начинает идти за пределы человечества; он начинает выходить за пределы обычного человека. Настоящий рост не знает пределов. Вы содержите в себе что-то бесконечное, что-то океаническое – и пока вы не познали это, не будьте удовлетворены, не будьте довольны. Эта самоудовлетворенность будет самоубийственна.

Я вижу миллионы людей: они все мертвы, они совершили самоубийство, потому что они стали самоудовлетворенными – и заполненными ерундой, заполненными ничем.

Никогда не будьте удовлетворены, пока вы не узнали ваше внутреннее бытие, пока вы не пришли в свой внутренний храм. Оставайтесь неудовлетворенными. Суфии называют это «божественной ненаполненностью».

Тейяр де Шарден говорит: «Самая подлинная часть жизни есть страсть роста».

Да, будьте страстно увлечены вашим собственным ростом. Никогда не допускайте ни единого дня без роста, иначе вы останетесь семенем, и вы никогда не узнаете красоты существования цветка. Весна придет и уйдет, а вы останетесь мертвы.

Миллионы людей мертвы. Они ходят, они разговаривают, они делают свою работу, но все это механично, совершенно механично. Они ходят в каком-то сне, они сомнамбулы.

Один мужчина отвез свою жену на спектакль на Бродвее. Во время антракта после первого действия он мучительно хотел сходить в туалет. Он поспешил в фойе театра и долго напрасно искал мужскую комнату.

В конце концов он наткнулся на фонтан, окруженный зарослями. Он понял, что заблудился за кулисами. Убедившись, что вокруг никого нет, в отчаянии он расстегнул свои брюки и помочился в фонтан.

Он с трудом нашел обратную дорогу в зал, и к тому времени, как он сел рядом со своей женой, занавес был поднят и актеры двигались по сцене.

– Я много пропустил во втором действии? – прошептал он.

– Пропустил? – сказала она. – Ты же в нем участвовал!

Но это – ситуация. Люди двигаются бессознательно, механически, неосознанно; они не знают, что они делают. Как могут они знать, что делают? – ведь они не знают, кто они сами. Если вы не знаете своего существа, вы не можете осознавать свои действия; это невозможно. Сначала человек должен осознавать свое существо – а это и есть рост. Расти вовнутрь есть рост, достичь внутреннего есть рост.

Сутры.

Друг мой, все существующее
существует через него;
твое собственное существование – просто подделка.
Нет большего вздора! Утрать себя,
и ад твоего сердца превращается в небеса.
Утрать себя – и что-то можно завершить.
Твой эгоизм – необученный жеребенок.

Первое, помните: Хаким Санаи обращается к вам «мой друг». Это отношение всех великих Мастеров. Ученик думает, что Мастер очень-очень далеко – и со стороны ученика это истина, потому что ученик крепко спит. Мастер в его сне – далекая звезда.

Но не так со стороны Мастера. Мастер знает, что вы можете спать, но вы – Будда; вы можете спать, но вы – Бог. Ученик может не знать, что он Бог, но Мастер знает это. Мгновение, когда он знает себя, должно быть божественным, он знает, что все существование должно быть божественным. Со стороны Мастера, никто не является учеником, все – учителя. Некоторые спят, некоторые бодрствуют; различие только в этом. Со стороны Мастера, это только вопрос времени: завтра, или послезавтра, или кто знает – даже сегодня вы можете стать просветленным.

Возможность есть. С точки зрения семени, цветок далеко. Но цветок знает, что семя содержит цветы, бесконечные цветы. Со стороны цветка, семя – друг.

А если вы находите Мастера, который не думает в этих терминах, тогда запомните очень хорошо – он еще не Мастер. Если он думает, что вы грешники, если он думает, что вы – падшие души, тогда он еще не Мастер; он не пришел к осознанию своей собственной реальности.

Будда заметил: «В день, когда я стал просветленным, все существование стало просветленным во мне – все деревья, все камни».

Хаким Санаи говорит:

Друг мой, все существующее
существует через него...

Бог – это единственная реальность – или назовите его истиной, или природой, или дао, или всем, чем бы вы ни назвали. Имена несущественны. Не продолжайте бороться из-за

имен; X-Y-Z – подойдет любое. Просто помните одно: что-то здесь, удивительное настоящее, которое окружает все, которое пронизывает все.

Суфии говорят: «Бог содержит все вещи как абсолютный максимум». Несомненно, это определение Бога: «Тот, кто содержит все». Он есть свое свертывание и свое развертывание. Бог – в семени, Бог – в цветке: в семени – скрытый, в цветке – проявленный. Бог в грешнике и в святом: в грешнике спящий, в святом бодрствующий. Но все есть Бог; Бог равноценен существованию.

Христианские мистики используют два слова: одно – «компликацио», оно означает «свертывание». Бог это компликацио, свертывание, и экспликацио, развертывание. Это два движения Бога: свертывание и проявление. Каждое семя становится цветком, а потом, в свою очередь, цветок становится семенем, и круг замкнут.

Подобно тому, как каждую ночь вы засыпаете, а утром вы просыпаетесь снова, так и Бог – в природе спящий, в Буддах бодрствующий. Просто поймите, – это великое освобождение. Внезапно вы самодостаточны; внезапно вы больше не осужденное существо. Внезапно вы необходимая часть существования; вы не случайны, вы принимаете участие в божественном труде своим собственным способом. Вы нуждаетесь в Боге, Бог нуждается в вас; вы не ненужные.

В этом столетии миллионы людей чувствуют свою ненужность, потому что Бог исчез из их жизней. А это одна из фундаментальных потребностей – быть нужным. Если вы чувствуете нужность, вы чувствуете достоинство. Если вы чувствуете ненужность, вы чувствуете никудышность, вы чувствуете себя похожим на грязь.

Вот почему мужчины женятся: потому что всегда будет женщина, которой они нужны. Мужья не любят, когда их жены работают, потому что тогда они меньше нужны, тогда они менее достойны. Мужья любят, чтобы их жены постоянно нуждались в них; это дает им достоинство, чувство важности.

Жена также, своим собственным способом, делает мужа предельно зависимым; без нее он не будет способен существовать. Даже если она уходит на один день, ее муж словно потерянный. Он не может найти вещь в своем собственном доме; он начинает понимать, что без жены невозможно существовать. Тогда они оба приносят в мир детей, и оба счастливы, потому что дети нуждаются в них чрезвычайно, абсолютно.

Вот почему люди любят детей – они беспомощны, они зависимы. Но рано или поздно дети пойдут своим собственным путем. И это одна из проблем в мире: когда дети пошли своим собственным путем и обзавелись своими собственными семьями, тогда старики, пожилые люди, начинают чувствовать ненужность – они никому не нужны.

Это психологическая истина, что, раз человек начинает чувствовать, что он не нужен, он начинает совершать самоубийство, психологическое самоубийство. Он умирает на десять лет раньше. Когда он уволен со своей работы, он начинает уменьшаться – он более не нужен. Он был начальником, и так много людей шумело вокруг него; он делал что-то необходимое для общества. Это дело ушло. Теперь, если он умрет, миру будет все равно, он будет продолжать существовать таким, как он есть.

Дети вырастают, они уходят жить своей собственной жизнью, и старики просто чувствуют себя оставленными. Они начинают медленно умирать, уменьшаться. Они были здоровы, когда они работали на своей работе, когда они были нужны, они были здоровы. Но теперь внезапно что-то исчезает; исчезает земля под их ногами, они более не нужны.

Мы создаем произвольные потребности. Но человек, у которого есть ощущение, что «Бог существует, и я необходим Богу», никогда не чувствует никчемность – никогда. До по-

следнего мгновения, до последнего дуновения жизни он действует, служит чему-то высшему, чем он сам. Он знает о существовании чего-то большего, чем он сам, и из этого существования появляется смысл.

Смысл всегда есть только в определенном контексте, содержании. Одно слово бессмысленно; когда оно включено в стихотворение, оно имеет безмерное значение: теперь у него есть контекст. Краска в тюбике бессмысленна; когда она покрывает холст и становится частью картины, она больше, чем краска, она имеет контекст, внезапно появляется смысл.

Рассказывают, что однажды очень богатый человек попросил Пабло Пикассо сделать его портрет. Пикассо сказал:

– Это будет очень дорого стоить.

Человек был очень богат, он сказал:

– Не беспокойтесь об этом. Вам не нужно даже говорить об издержках, деньги несущественны. Сделайте мой портрет, и я дам все, что вы потребуете.

Через шесть месяцев портрет был готов. Богач пришел, но запрошенная цена была фантастична: один миллион долларов, – просто за маленький холст и несколько красок! Богач сказал:

– Ты шутишь? Просто за несколько красок и холст?

Пикассо сказал:

– Хорошо, тогда ты можешь взять пустой холст и несколько тюбиков, наполненных краской, и ты можешь заплатить столько, сколько хочешь.

Богач сказал:

– Но это не то же самое.

Пикассо сказал:

– Вот что я пытаюсь донести до вас. Я создал содержание, я создал структуру, образ. И никто другой не может создать это, отсюда и цена. Это – картина Пикассо: никто другой не может сделать ее так же, как я сделал ее, это моя подпись на ней. Созвучие красок, музыка красок, поэзия красок – эта вещь. Я прошу цену не за краски, а за то, что было выражено через краски.

Настоящая картина не есть просто полная сумма красок, она большее – и это «большее» есть значение, смысл. Настоящая жизнь не есть полная сумма того, что вы делаете; пока нет чего-то большего этого, вы живете ненастоящей жизнью. Это «большее» – Бог. Эта поэзия – Бог, эта музыка – Бог: то, что окружает и затопляет вас.

Люди приходят ко мне и спрашивают: «Где Бог?» Это не вопрос «где»: Бог есть смысл, не человек. Я не могу указать: «Там – идите туда, и вы найдете его». У Бога нет адреса, Бог нельзя обнаружить, он есть смысл. Вы должны создать смысл в вашей жизни, тогда Бог здесь. Бог должен быть создан.

И начало сотворения Бога – начинать становиться все более и более чувствительными к существованию, что окружает вас. Деревья, камни, звезды, земля – вы окружены великой поэзией. Но вы остаетесь отделены, и поэтому вы продолжаете упускать ее.

Друг мой, все существующее
существует через него;
твое собственное существование – просто подделка.

Если вы живете отделенно, если вы думаете: «Я отделен», если вы живете как эго, тогда ваше существование – подделка. Тогда ваше существование останется бессмысленным. Тогда вы никогда не узнаете славы и величия жизни; вы никогда не узнаете великолепия, что всегда было доступно вам – но вы продолжали упускать.

Если вы существуете как отдельный индивид, вы создали вокруг себя стену, вы стали островом. А нет человека-острова, мы – части бесконечного континента: этот континент – Бог. Мы части океана. В мгновение, когда вы осознаете это – что мы части океана – ваша жизнь начинает приобретать контекст, больший, чем вы, выше, чем вы. В этом контексте начало смысла – а смысл есть Бог.

Нет большего вздора! – говорит Санаи. – Утрать себя,
и ад твоего сердца превращается в небеса.

Достаточно просто одного шага: утратьте себя. Не существуйте как «Я», не продолжайте провозглашать себя как эго. Отбросьте эго, и внезапно, немедленно, тотчас же ад вашей жизни превращается в небеса. Страдание исчезает.

Страдание – побочный продукт вашей отделенности. Блаженство – это тень возвращения в единство: *unio mystica*. Когда вы снова начинаете чувствовать себя подобно волне в океане, страдание не существовует. Что есть страдание? Страх смерти. Но вы можете умереть, только если вы отделены, вы не можете умереть, если вы не отделены.

Если волна думает: «Я отдельна от океана», она собирается умереть; она останется испуганной, дрожащей. Если она знает, что она часть океана, она не умрет. Она вернется к источнику, она снова вернется; она уйдет, она придет, она возникнет, она исчезнет, но она не может умереть.

Рождение – это появление, смерть – это исчезновение. Но рождение не является началом, а смерть – это не конец: океан продолжается. Наполненность этим океаническим чувством есть медитация, молитва.

Утрать себя – и что-то можно завершить.

Тогда невозможное возможно, потому что нет ничего невозможного для Бога. Мы напрасно стали такими ограниченными, маленькими; мы стали земными. Мы утратили наше собственное наследство, мы не осознаем всех красот, что мы содержим, и всего потенциала, который внутренне присутствует в нас.

Твой эгоизм – необученный жеребенок.

Ваше эго – не что иное, как ваша неосознанность, ваш недостаток дисциплины. Создайте внутреннюю дисциплину, небольшую тренировку в осознанности, и ваш эгоизм исчезнет, потому что ваше эго исчезнет.

И когда эго не будет, тогда возникает подлинное, высшее эго. Вы исчезаете как волна, вы появляетесь как океан. Это освобождение.

Признайте высшее эго, которое не является простым эго. Индусские мистики назвали это *атман*. Будда дал этому полностью другое имя, не только другое, но диаметрально противоположное: он назвал это *анатта*, не-самость.

Быть эго – значит пасть из вашей реальности; это первородный грех. Самость – это не эго, абсолютно не эго; это также не личность. Говорить «мое эго» – заблуждение. Самость универсальна. В мгновение, когда вы говорите «мое эго», вы утратили путь всеобщего, и вы уменьшились. Теперь вы почувствуете удушье; вы сами создали себе удушье.

Самость, подлинная, высшая самость, превыше всякой личности, отождествления, формы, процесса, места. Но все они возникают из нее и растворяются в ней – это океан. Самость – это пространство, в котором все появляется и исчезает. Это пространство нужно найти в в самом себе. Не отождествляйтесь ни с каким содержанием, иначе появляется эго.

Например, вас окружает печаль. Вы немедленно начали отождествляться, вы говорите: «Я печален». Это глупо, неразумно, вы не осознаете, вы не знаете, что вы говорите. Вы не печаль, вы – свидетель. Печаль здесь, но вы отделены от нее; вы – знаете ее.

Говорите: «Я вижу печаль, окружающую меня», но не говорите: «Я печален». Гнев здесь, но не говорите: «Я – гнев» или: «Я сержусь». Просто скажите: «Здесь гнев, я могу видеть его здесь». Гнев – это содержимое вашего сознания, это не само сознание. Сознание – это пространство, свидетельствующее пространство.

Это революция: если вы забываете содержимое и вспоминаете сознание. В вас постоянно присутствуют две вещи: содержимое и сознание. Мысль движется через ваш ум – и вы становитесь отождествленными с ней, вы говорите: «Я есть это». Если вы голодны, вы говорите: «Я голоден». Пожалуйста, будьте немножко осознаннее; скажите: «Я наблюдаю, я свидетельствую, что мое тело чувствует голод».

Когда вы хорошо поели и вы чувствуете сытость, не говорите: «Я сыт». Снова, помните. Из-за нашего невежества мы также создали и неверный тип языка. Мы говорим: «Я сыт». Вы никогда не были голодны, и вы никогда не были сытыми. Голод был содержимым, как и насыщение. Печаль была содержимым, как и радость.

Эту полноту ума суфии называют *зикр*, вспоминание. Будда назвал это «полнотой ума, правильным осознанием».

Просто продолжайте отсекать себя от содержимого. Постепенно мост разрушен. В день, когда вы осознаете, что вы никогда не являетесь содержимым, но всегда сознанием, вы достигли дома.

Английское слово «созерцание» (contemplation) очень красиво; оно происходит от корня «tem». «Тем» означает «отсекать». От того же самого корня происходит «temple» (храм); это так же прекрасно. Temple означает то, что отсекает вас от мира, а «contemplation» означает процесс отсечения вас от ума, от содержимого. Отождествление – это ловушка: вы стали Адамом, вы изгнаны. Через разотождествление, отсечение себя от ума и его содержимого вы становитесь Христом. Вы больше не изгнанник, началось внутреннее путешествие. Адам повернулся к источнику, возвращается домой.

Эго возникает из-за отождествления, обычное эго возникает из-за отождествления. Высшее эго возникает из-за разотождествления. И в этом – все искусство религии.

Ты то, что ты есть:
отсюда твои любовь и ненависть;
ты то, что ты есть:
отсюда вера и безверие.

Прямо сейчас вы двойственны: ваше сознание и его содержимое. Вы разделены между этими двумя. Поэтому во всей вашей жизни имеется двойственность. Вы любите одного и того же человека, и вы ненавидите одного и того же человека: вы верите, и вы не верите. А они идут вместе – вера и безверие, любовь и ненависть, гнев и сострадание, счастье и несчастье, это две стороны одной и той же медали. Поскольку ВЫ двойственны, каждое ваше действие будет двойственным, дуальным. И в этой двойственности – страдание, поскольку в двойственности имеется напряжение.

Вы всегда растерзаны. Вы любите женщину, и вы ненавидите ту же самую женщину. Вот почему пары постоянно ссорятся. Это что-то, что надо понять. Почему пары продолжают постоянно ссориться? Они любят, они определенно любят, но почему они ненавидят? Это остается тайной, если вы не понимаете двойственности человека. Он двойственен во всем. Пока вы не разотождествились с умом, вы никогда не станете недвойственными.

Вот почему я говорю, что только тот, кто достиг, может любить, и он может любить без ненависти. В его любви совсем не будет ненависти, его пламя будет бездымным. Ваше пламя не может быть бездымным, у вашей любви будет дым – ваша любовь останется отравленной ненавистью. Ваша вера – не что иное, как скрытое безверие; за вашей верой всегда есть сомнение. Вы говорите: «Я верю в Бога» – но просто поищите немножко глубже, и вы увидите, что сомнение есть.

Когда человек – это чистое сознание, нет ни веры, ни безверия. Это состояние называется доверием: ни сомнение, ни вера.

Один человек, профессор философии, пришел к Шри Ауробиндо и спросил его:

– Верите ли вы в Бога?

И Ауробиндо сказал:

– Нет, совсем нет.

Философ был очень озадачен и смущен. Он приехал из отдаленного места, чтобы увидеть этого человека, думая, что он *узнал* Бога. И этот человек здесь, и он говорит: «Я даже *не верю* в Бога». Философ спросил:

– Что вы сказали? Вы не верите в Бога?

Ауробиндо сказал:

– Да – я не могу верить в Бога, поскольку я *знаю* его.

Когда вы знаете, вы знаете; это не вопрос веры. Вера – из невежества, безверие – из сомнения. Если вы спросите меня, я не могу сказать, что я верю в Бога: я знаю.

Вы не верите в солнце, вы *знаете*. Верите ли вы в этот день? Если кто-то верит, это только покажет, что он слеп. Человеку, имеющему глаза, не нужно верить, что это день – он есть! Только слепец может верить, что день есть.

Когда сознание не загрязнено никаким содержимым, двигающимся вокруг вас, когда ваше внутреннее пространство чисто – оно всегда чисто, вы просто должны осознать факт – внезапно вся двойственность исчезает. А вместе с двойственностью исчезает и ад.

Ад – не что иное, как двойственность. Любить одного и того же человека и ненавидеть того же самого человека – это ад, верить в Бога и сомневаться в Боге – ад. Вы двигаетесь в диаметрально противоположных направлениях, вы распадаетесь надвое. Это чудо, как вы вообще продолжаете удерживать себя вместе, почему вы не падаете со стены, как Шалтай-Болтай.

Надежда и страх управляют судьбой на твоем пути;
утрать себя, и их больше не будет.

Санаи говорит: «Надежда и страх – две стороны одной монеты». Если вы надеетесь, всегда будет присутствовать страх. Надежда – следствие страха, она не против страха. Вы надеетесь, что завтра что-то придет, случится, что-то великое, на что вы всегда надеялись. Теперь, можете ли вы не бояться? Это может случиться, это может не случиться; может быть, вам удастся это сделать, может быть, нет. Это всегда вопрос «быть или не быть», это всегда неясность, и есть страх.

Будда говорит: «Отбросьте надежду». А когда он впервые сказал ученику: «Отбрось надежду», ученик был озадачен. Он сказал: «Если я отбрасываю надежду, тогда все потеряно! Поскольку есть надежда, я живу из-за нее и ради нее».

Будда сказал: «Не беспокойся – отбрось надежду!» И вы будете удивлены, поскольку в мгновение, когда вы отбрасываете надежду, исчезает страх. А когда нет ни надежды, ни страха, человек слитен; разделение отсутствует.

Разделение – это ад. Стать слитным – это небеса – стать кристаллизованным, быть единым: одним куском, одним целым, одним единством; нет даже объединения, есть единство. Помните, объединение не есть единство, это соглашение: в вас имеется много частей, и все они договорились жить в сосуществовании, они решили не бороться. Это и есть союз – но борьба может разразиться в любой момент.

Индуисты и мусульмане тихо жили в Аллигархии в течение стольких лет; это было объединение. Потом однажды что-то, какой-то вздор – и союз исчез. Индуисты и мусульмане жили вместе в этой стране так долго; это был союз, и теперь он закончился. Теперь здесь две страны: Индия и Пакистан. Потом Пакистан разделился на две страны: Бангладеш и Пакистан.

Это всё союзы. Единство означает, что все малые части исчезли и появилось Высшее Я. Теперь нет даже возможности когда-либо разделиться снова.

Какая разница у его дверей
между мусульманином и христианином,
добродетельным и грешным?
У его дверей все – искатели,
а он – цель.

Медитируйте над этими прекрасными словами Санаи. В доме его никто не христианин, или мусульманин, или индуист, или буддист. В доме его вы – любящий, а он – возлюбленный. В доме его вы – искатель, а он – цель. В доме его вы – река, а он – океан.

А когда Ганг исчезает в океане, считаете ли вы, что океан принимает Ганг по-другому, нежели он принимает другие реки? Океан даже не знает имени – кто Ганг, кто Брахмапутра, кто Волга, кто Амазонка. Когда река исчезает в океане, она утрачивает все имена, все формы.

Вот почему я повторяю снова и снова, что действительно религиозный человек не может быть мусульманином, не может быть индуистом, не может быть джайном, не может быть сикхом. Действительно религиозный человек – это лишь любящий, искатель. Он не может отождествляться ни с какой церковью; он не может носить никаких названий.

Мухаммед – не мусульманин, не может им быть. И Христос не христианин, не может им быть. И Будда не буддист, он не может им быть.

И я говорю вам: вы тоже не будьте индуистами, мусульманами, христианами, буддистами. Если вы становитесь буддистом, вы никогда не станете Буддой, запомните, а если вы становитесь мусульманином, вы никогда не будете Мухаммедом. Если вы становитесь христианином, вы упустили возможность быть Христом – а быть Христом прекрасно, а быть Мухаммедом – благословение. Быть мусульманином, быть индуистом просто безобразно; это просто политика и ничто иное. Это не имеет ничего общего с религией.

Послушайте этого великого суфия, Санаи:

Какая разница у его дверей
между мусульманином и христианином,
добродетельным и грешным?

Он говорит: «Здесь даже нет различия между грешником и святым. В доме его исчезают различия. Никто не грешник и никто не святой, никто не добродетелен и никто не виновен».

Вы не достигнете Бога добродетельными, поскольку это – эго. Чувствовать: «Я добродетелен» – это тончайшее эго: чувствовать про что-то, что «я знаю, потому что я выучил Веды; я знаю, потому что я могу продекламировать Коран». Если вы пытаетесь достичь Бога как познающий, вы никогда не достигнете его; его двери останутся для вас закрытыми. Его двери могут открыться, только когда вы невинны. Когда вы ни добродетельны, ни грешны, когда вы ни знающи, ни невежественны, когда вы ни мужчина, ни женщина, ни черный, ни белый – только тогда.

Я слышал:

Однажды ночью негр постучал в дверь церкви. Конечно, днем он боялся: церковь принадлежала белым, они не пустили бы его. Но он знал священника, он был славный парень: может быть, ночью, когда никто не видел, он смог бы впустить его внутрь – он хотел помолиться в церкви.

Священник открыл дверь. Он *был* славным парнем – но быть славным парнем – это одно, а быть настоящим мужчиной – совершенно другое. Все эти славные формальности – просто подделка, фальшивка. Он говорил великие вещи, но когда этот негр постучал в дверь, и он открыл дверь, и негр сказал: «Не могли ли бы вы позволить мне войти? Я ничего никому не скажу, но я хочу помолиться Богу», священник был озадачен: что делать? У него была маска славного парня, очень религиозного, святого: из-за этой маски он не мог бы сказать «нет». Но глубоко внутри действительность была такова, что он, как никто другой, был сектантом, сторонником расовой сегрегации. Так что он в глубине не был готов позволить человеку войти – церковь могла бы быть осквернена, отравлена.

Итак, он нашел стратегию, технику, как избежать этой ситуации. Он сказал:

– Да, ты можешь войти, но сначала ты должен стать чистым. Я дам тебе молитву: твори эту молитву, требуются годы, прежде чем человек становится чистым. Когда ты очистишься, возвращайся, и, если я увижу, что ты очистился, я пущу тебя внутрь.

Бедный человек поверил ему. Это была просто стратегия, как избежать ситуации, так что священнику нет нужды говорить «да» или «нет». И это был трюк. Если он когда-нибудь придет, вы всегда можете сказать:

– Ты все еще не очистился: иди и твори молитву дальше.

Человек был прост: он ушел прочь и молился. Три недели, день и ночь, он молился. Даже когда он работал, он молился, молился.

К исходу третьей недели священник увидел его идущим к церкви, и он очень испугался, поскольку у человека была такая прекрасная аура. Он был так наполнен светом, что священник изумился. Он сказал: «Теперь это трудно – что я скажу? Он сделал это. Он идет как чистейший человек, которого я только видел. У меня нет такой чистоты, у меня нет такой ауры. А этот человек идет полный света, излучая свет».

А когда человек подошел ближе, священник задрожал: «Теперь, если он спросит, я не смогу сказать «нет». Но я *должен* сказать «нет»!»

Но человек вообще не вошел. Он просто подошел к церкви поближе, засмеялся и ушел прочь.

Священник озадачился еще больше. Он побежал за человеком, взял его за руку:

– В чем дело? Ты шел в церковь, не так ли?

Он сказал:

– Нет!

– Тогда почему ты смеялся?

Он сказал:

– Я смеялся потому, что прошлой ночью Бог явился ко мне, и он сказал: «Человек, зачем ты стремишься войти в эту церковь? Я больше здесь не живу! И поверь мне, – продолжал он, – что они никогда не пустят тебя войти – потому что они не пускают даже меня!»

Церкви пусты, храмы пусты, мечети пусты. Бог не живет там более.

Бог существует без причины:
зачем ты ищешь причины?
Солнце истины восходит нежданно,
и с ним закатывается луна учения.

Бог существует без причины: зачем ты ищешь причин?

А люди продолжают спрашивать: «*Как* могу я достичь Бога? Как могу я сделать так, чтобы Бог случился со мной?» Бог не имеет причины. Он уже здесь: его не надо обуславливать, его даже не надо вызывать. Он был здесь прежде вас, существовал всегда, и он будет здесь спустя много времени после того, как вы уйдете навсегда.

Бог *есть*. Не нужно аскетизма. Он не ставит перед вами условий: «Сначала ты должен поститься, тогда я приду». Это будет неправильный Бог, желающий, чтобы вы страдали от голода много-много дней, только тогда он придет. Это будет Бог-садист, желающий истязать людей: «Сначала стойте нагими на жарком солнце много лет, только тогда я приду».

Никакая мать не ведет так себя со своим ребенком. Никакая мать не требует от ребенка оставаться голодным в течение многих дней: только тогда она уделит ребенку свою любовь.

Бог – это матка, материя, мать. Бог – мать, из которой мы все возникаем и в которой мы все исчезаем. Бог есть любовь! Как может он требовать тех глупостей которые аскеты творили веками!

Суфизм не аскетичен. Бог желает, чтобы вы праздновали. Взгляните на его деревья, как зелены они и как насыщены. Взгляните на его розы, как красны они и как живы. Взгляните на его птиц в полете, взгляните на его звезды: все существование – танец, все существование это постоянное празднование. Почему он должен просить, чтобы мы стали грустными, усталыми и тоскливыми? Думаете ли вы, что он хочет, чтобы вы стали безобразными – истязали себя, насиловали себя – тогда вы будете способны вызвать его реакцию, тогда вы будете способны провоцировать его? Он не ставит условий, помните. Его любовь безусловна. Он уже полюбил вас, вот почему он создал вас. Ведь вопрос не в том, чтобы вызвать его, он явился вашей причиной. Тогда что надо сделать?

Солнце истины восходит нежданно...

Вам не нужно звать его, вам не нужно побуждать его, вам не нужно даже готовиться для него. Все, что нужно – это чтобы вы стали разотождествленными с тем, чем вы не являетесь. Всякий раз, когда вы есть ваша реальность, ваша естественная реальность, Бог существует – поскольку это естество есть Бог. И в мгновение, когда вы разотождествлены со всем мусором ума, луна учения закатывается и солнце мудрости восходит в вас.

Незваный, беспричинный, он приходит сам по себе. Бог – это происшествие, это не что-то, что вы должны делать. Вы должны допустить его, вот и все. Вы должны стать доступными, открытыми – и он начинает снисходить, он начинает воскресать, он окружает вас во всех закоулках и углах, он переполняет вас, и он начинает изливаться из вас.

Это мое переживание, это может также быть и вашим переживанием. Санаи говорит, исходя из своего переживания; это не слова философа, это полные смысла сообщения мистика.

На этой стоянке, всего лишь на неделю,
быть – значит не быть,
а приходить – значит уходить.

Не становитесь слишком привязанными к вещам здесь, поскольку это только вопрос недели. Семь ли дней или семьдесят лет, это не имеет значения: скоро вы уйдете, и все, что вы собрали, будет утрачено. Вы пришли с пустыми руками, вы уйдете с пустыми руками. Можете ли вы жить с пустыми руками? Если вы можете жить с пустыми руками, Бог ваш.

И под жизнью с пустыми руками я не имею в виду, что вы должны идти в Гималаи. Это – только осознанность. Живите, как вы живете, просто измените отношение. Я не говорю: «Отвергните мир» – это *его* мир; если вы отвергаете его, вы оскорбляете Бога. Я не говорю: «Отвергните вашу семью» – это *его* семья; если вы отвергаете ее, вы плохо себя ведете по отношению к Богу.

Тогда что надо сделать? Живите в мире – и все же не будьте его частью. Оставайтесь пустыми внутри, постоянно помня, что ваше сознание есть чистое зеркало. В этой осознанности случается Бог. Бог – это происходящее.

И существует ли солнце
для пения петуха?
Что для него –
здесь ли ты или нет?

Многие пришли, подобно тебе,
в дом его.

И не хвалитесь вашей религиозностью. Не хвалитесь вашей дисциплиной, не хвалитесь, что вы сделали это для Бога и то для Бога. Любовь никогда не хвастает, любовь свершает деяния из чистой радости. Делайте то, что естественно для вас, из чистой радости этого. Если вы хотите рисовать, рисуйте; если вы хотите петь, пойте; если вы хотите ваять, ваяйте. Все, что, чувствуете вы, вы любите делать, делайте – но помните: вы не делатель, он делатель. Позвольте ему овладеть вами.

Вы – исчезните. Позвольте ему действовать через вас, и тогда каждое действие становится таким прекрасным, таким неправдоподобно прекрасным, что вы не можете представить. Тогда все, что вы делаете – свято.

Ты не найдешь свой путь
на этой улице; если есть путь,
он на твоей дороге вздохов.
Все в тебе далеко
от пути посвящения:
иногда ты добродетелен,
иногда ты грешен,
потому что ты надеешься на себя и боишься себя;
но когда твоя маска мудрости и глупости
наконец поблекнет, ты увидишь,
что надежда и страх – едины.

Ты не хочешь найти свой путь на этой улице.

Какая улица? Улица двойственности: улица надежды и страха, улица любви и ненависти, улица тьмы и света, улица индуиста и мусульманина. Вы не найдете Бога на этой улице; он не существует в двойственности. Он существует до двойственности, он случается перед разделением. Тогда где вы найдете его?

...если есть путь, – *говорит Санаи,* –
он на твоей дороге вздохов.

Слезы. Слезы любви, вздохи сердца. Это – не на улице головы, но на улице сердца. Суфизм предлагает пробудить сердце: станьте любящими и осознающими в своем сердце. Суфизм – это путь любви.

Все в тебе далеко
от пути посвящения...

Буддизм – путь размышления, медитации, дзен – это медитация. Суфизм – это путь любви, суфизм есть любовь. А есть только два пути, чтобы достичь его: или через медитацию, или через любовь. И оба они встречаются на вершине, оба они становятся одним на

вершине. Если вы достигаете одного, другое достигается просто как часть этого; это только вопрос расстановки ударений.

Если вы становитесь медитативными, вы удивитесь: после медитации приходит любовь сама по себе. Если вы любите, вы снова удивитесь: медитация, точно тень, приходит за ней.

Любовь – это сердце медитации, медитация – это сердце любви. Они вместе, как два имени одного и того же явления. Подходы различны, но достигается одна и та же вершина, одна и та же высшая точка. Некоторые люди найдут легким следовать по пути медитации – несомненно, пятьдесят процентов людей в мире найдет легким следовать пути медитации: дзен – это их путь. А пятьдесят процентов найдет любовь ближе своему существу: суфизм – это их путь.

В настоящем мире, в разумном мире, будет только два пути, суфизм и дзен, а все остальные исчезнут. Все остальное бесполезно. Почему два? Потому что есть мужчины и есть женщины. И запомните, под «мужчинами» я не имею в виду биологических мужчин, поскольку есть женщины, которые психологически мужчины, и есть мужчины, которые психологически женщины. Я подразумеваю психологических мужчин и женщин. Есть мужчины, более способные к любви, чем иная женщина, но их мало. Есть некоторые женщины, более способные к медитации, чем иной мужчина, но их мало. Подавляющее большинство женщин должно будет следовать суфизму, а подавляющее большинство мужчин должно будет следовать дзен. Но это не может быть предопределено биологически; это совершенно другое. Вы должны наблюдать себя: то, что кажется хорошим для вас, то, что естественно, спонтанно, это и есть ваш путь.

У Санаи душа женщины. У всех суфиев душа женщины.

Все в тебе далеко
от пути посвящения:
иногда ты добродетелен,
иногда ты грешен...

Но никогда не посвященный. Не поможет ни добродетель, ни ваша греховность; это сохраняет вас разделенными.

Я слышал:

Человек был близок к совершению своего первого прыжка с парашютом и очень нервничал. Инструктор пытался убедить его, что ничего не может произойти, поскольку, во-первых, парашют раскрывается сам; а если он, что маловероятно, не раскроется, тогда был второй парашют, который он мог дернуть за веревку; и в-третьих, если не сработают оба, он должен был выкрикнуть три раза имя Дьявола.

Короче говоря, он прыгнул, первый парашют не раскрылся, второй не отреагировал, и в беспамятстве он заорал «Дьявол» три раза и, вполне очевидно, под ним появилась гигантская рука, мягко поднесла его к земле и усадила на землю. Он упал на колени и в молитвенной позе вскричал: «Благодарю, Боже!»

После чего сверху протянулась гигантская рука и раздавила его насмерть.

Бог или Дьявол – это снова та же самая двойственность, а двойственность раздавит вас. Добродетель или греховность – это та же самая двойственность, а двойственность

раздавит вас. Бог – это не ваш Бог, поскольку ваш Бог есть что-то, что против Дьявола. Бог – это что-то, что превыше вашего Бога и Дьявола: Бог – трансцендентен, Бог и есть трансцендентность. Эта трансцендентность возможна, легка; она также и не труднодостижима. Позвольте мне снова напомнить вам: измените направление вашего сознания с содержания на сознание, с ума на пространство, в котором ум существует.

В небе есть облака; вы можете видеть облака, тогда вы забываете небо. Измените ваше направление: смотрите на небо и забудьте облака. Это приносит преображение.

Небо – это ваше сознание, а ваши мысли, ваши желания – не что иное, как облака; они приходят и уходят. Они вообще не касаются вашего неба, ваше небо остается нетронутым. Вы чисты от века, и вы останетесь чисты в веках. Чистота – это ваша природа. Признать это, осознать это – значит стать просветленным.

И храните жар неудовлетворенного горения. Пока вы не стали просветленными, не оставляйте неперевернутым ни одного камня. Вы должны стать тем, что вы есть, потому что только тогда есть блаженство, только тогда есть свобода, только тогда есть благословение.

ПОБЕЖДАЯ БУДДУ

Первый вопрос:

Ошо, что я ищу?

Ева Пармита, человек – это поиск Себя – чего-то определенного в себе. Человек постоянно ищет утраченный рай: где-то глубоко в тайниках человеческого существа остается тоска по родине. Мы узнали что-то, что есть только далекая память. Память даже не осознаваема; мы утратили всякий след этого, где это. Но аромат продолжает распространяться.

Поэтому религия – не случайное явление. Она не исчезнет в мире; ни коммунизм, ни фашизм не могут заставить ее исчезнуть. Религия останется, потому что она очень нужна. Пока человек не превосходит человеческое, пока человек не становится Буддой, религия остается важной. Только для Будды религия не важна. Он достиг, и ему не нужен никакой поиск.

Пармита, нет различных поисков различных человеческих существ. Поиск единственен, он один, он всеобщ. Поиск Себя, высшего я. Человек хочет знать: «Кто я?», ибо все остальное вторично. Без знания себя все, что делает человек, бессмысленно. Пока я не знаю точно, кто я, вся моя жизнь останется бесполезной. Она не принесет насыщения, она не принесет цветения, она не принесет наполненности.

Первое, что необходимо сделать – самопознание. Но парадокс в том, что если вы начинаете искать себя, вы упустите Себя. Под «себя» я подразумеваю эго, процесс эго. Это ложная самость: поскольку мы не можем найти истину, мы начинаем создавать ложь, просто чтобы утешить себя. Это заменитель. Но заменитель никогда не может стать истиной, и заменитель становится рабством.

Истина освобождает. Замены истине создают тюрьмы. Эго – величайшая тюрьма из уже придуманных человеком; вы все чувствуете удушье, сдавленность. И не кто-то другой делает это с вами: творящий это – вы. Вы сделали неверный шаг. Вместо того, чтобы искать, что это, вы стали это чем-то заменять – игрушкой, псевдо-вещью. Это может утешить вас, но это не может принести празднование в вашу жизнь. А все утешение – самоубийственно, поскольку пока вы остаетесь утешенными, время продолжает ускользать из ваших рук.

Высшее Я – это не эго. Высшее Я – это точно не ваше эго: в нем нет идеи личного «Я», оно всеобще. Все идеи возникают в нем, но его нельзя отождествить ни с какой из идей, возникающих в нем. Все идеи возникают в нем, все идеи растворяются в нем. Это – небо, то, где все проявляется, это пространство, в котором все происходит. Но пространство само по себе никогда не происходит – оно постоянно, оно всегда здесь, а поскольку оно всегда здесь, легко упустить его. Поскольку его здесь так много и оно всегда здесь, вы никогда не осознаете его присутствие.

Это как воздух: вы не осознаете его присутствие. Это как океан, окружающий рыбу: рыба никогда не осознает его. Это как давление воздуха: давление такое сильное, оно всегда

было здесь, но вы не осознаете его. Это как гравитация: она так велика, но вы не осознаете ее. Это как бег Земли с огромной скоростью вокруг Солнца: Земля – это космический корабль, но никто не осознает этого. Мы на борту космического корабля, и он движется с огромной скоростью. Все же мы не осознаем этого.

Осознанности нужны пустые места. Когда нет пустых мест, вы спите; вы не можете оставаться осознающими.

Если человек всегда был здоров, он не знает об этом. Осознанности нужно пустое место – иногда вы должны быть нездоровыми. Вы должны заболеть, тогда вы можете иметь ощущение здоровья. Если бы в мире не было тьмы и был только свет, никто никогда не смог бы узнать света; люди упустили бы его.

Вот как мы продолжаем упускать подлинное я – вы можете называть это «Бог» или «нирвана», несущественно. У суфиев есть два прекрасных слова. Одно – *фана: фана* означает растворение эго, растворение ложного заменителя. И другое слово – *бака*: *бака* означает достижение, возникновение, подлинное Я.

Настоящая самость всеобща. Как найти ее? Она недалеко отсюда, так что вам не надо предпринимать к ней долгое путешествие. Она так близко, что никакого путешествие не нужно вообще. Она внутри вас. Прежде чем путешествовать, вы должны будете научиться тому, как молчаливо сидеть.

Вот что такое медитация во всей полноте – просто молчаливое сидение, неделание ничего. Мысли возникают – вы наблюдаете. Желания возникают – вы наблюдаете. Но вы остаетесь наблюдающим. Вы не становитесь жертвой желаний и мыслей, что возникают; вы остаетесь наблюдающим. Вы остаетесь основой всех основ, вы остаетесь местом, перед которым все возникает. Но место никогда не возникает перед самим собой – оно не может, это невозможно.

Зеркало не может отразить себя, глаза не могут видеть себя. Я не могу схватить мою руку той же самой рукой; это невозможно.

Это наиболее важная вещь, запомни, Пармита. Ты – наблюдающий и никогда – наблюдаемый, ты – видящий и никогда – видимое, ты – свидетель и никогда – свидетельствуемое. Ты – чистая субъективность. Ты никогда не возникаешь как объект – как можешь ты возникнуть как объект перед самим собой? Все, что возникает перед тобой – не ты.

Продолжайте исключать содержание. Продолжайте говорить: «*Нети нети*, я не это, я не то». Продолжайте исключать, и приходит момент, когда не осталось ничего, что можно исключить. Это чистое молчание: нет содержимого, что движется перед вами, зеркало отражает ничто. Это – мгновение, когда в вас возникает самопознание. Вы становитесь светящимися, вы становитесь просветленными.

Итак, эти несколько фундаментальных вещей нужно запомнить: истинное Я – не есть эго. Истинное Я не лично, оно всеобще. Истинное Я – это пространство или контекст, в котором все «события» в жизни появляются, встречаются, возникают. Это экран жизни, но сам экран никогда не появляется на экране, он не может. Все остальное возникает на нем, но сам он остается скрытым. Это – чистая субъективность.

Эта чистая субъективность есть окончательная цель всех ищущих. Но это кажется трудным. Мы так основательно стали отождествленными с содержанием. Итак, прежде чем искать настоящее, мы создали что-то ненастоящее, что легко. Искусственное всегда легко, вы можете изготовить его.

Ваше эго – изготовленное явление. А раз вы изготовили эго... Как эго изготавливается? «Я индус» – и вы на пути создания эго. «Я прекрасен, я разумен, я то, я се» – вы приносите все больше и больше кирпичей, строя тюрьму, называемую эго.

И это то, что мы продолжаем делать всю нашу жизнь. Зарабатывайте больше денег, имейте большой банковский счет – и ваше эго почувствует большую основательность, большую поддержку, большую безопасность. Станьте знаменитыми: чем больше людей знают о вас, тем больше вы будете думать, что вы есть.

Отсюда постоянный поиск внимания. Если никто не платит вам вниманием, вы сводитесь к ничтожеству. Если вы идете по улице и никто не говорит «привет», люди продолжают идти мимо, даже не обращая на вас никакого внимания, внезапно вы начинаете чувствовать, что земля исчезает под вашими ногами.

Что случилось? Они не подпитывают ваше эго. Но люди питают эго друг друга, и вот как *они* могут это делать. Кто-то говорит: «Как поживаешь?» В действительности, он говорит: «Спроси *меня*: 'Как поживаешь?'» Он просто напрашивается на ответное вознаграждение. И люди делают друг другу приятное; мы поддерживаем эго друг друга: кто-то хвалит вас, вы в ответ хвалите его.

Вот что мы называем обществом. Оно зависит от взаимного удовлетворения, и величайшее удовлетворение – это удовлетворение эго.

Поэтому люди так много интересуются политикой, поскольку политика может доставить вам удовольствие, как не может ничто другое. Если вы стали влиятельным политиком, вся страна в вашей власти; вся страна должна платить вам вниманием. Вы можете навязать людям свою волю, у вас есть власть.

Власть политика – это власть насилия. И он контролирует весь механизм насилия: он контролирует полицию, правительство, войска, он контролирует все. Он может навязать вам свою волю. Вот почему политики склонны рано или поздно становиться жестокими. Глубоко внутри политики желают войн, поскольку только в войне политик становится *великим* политиком. Если просмотреть историю, вы поймете суть.

Уинстон Черчилль не мог бы быть таким великим политиком, если бы не было второй мировой войны. Ни Адольф Гитлер, ни Муссолини не имели бы такой власти, если бы не было второй мировой войны. Война создала контекст: они могли максимально проявить свою жестокость. Они могли убивать, умерщвлять людей миллионами.

Люди немедленно уделяют вам внимание, если вы жестоки. Если вы живете мирной жизнью, ни одна газета не сообщит о вас за всю вашу жизнь. Но если вы убиваете кого-то или совершаете самоубийство, то ваше имя немедленно появятся в газетах.

Только несколько дней назад священник Джонс совершил самоубийство вместе со своими девятьюстами учениками. Вы никогда прежде не слышали об этом бедном человеке, никто не знал, что такой существует. И о нем знает весь мир.

Они жили в коммуне много лет, но никто не обращал на них внимания. Возможно, что, обрати вы на них внимание, им не нужно было бы идти на такую крайность, они могли не совершить самоубийство. Это их способ заставить весь мир почувствовать их присутствие – это очень патологический, безобразный способ. Но это снова то же самое явление. Люди ищут Эго: если они не могут найти его через творчество, они найдут его через разрушение. Если они не могут найти его как великие святые, они найдут его, как великие грешники.

Кто-то спросил Джорджа Бернарда Шоу:

– Куда бы вы хотели попасть, когда вы умрете: в рай или в ад?

Он сказал:

– Все зависит от обстоятельств.

Человек сказал:

– Что вы имеете в виду под этим?

Он сказал:

– Если я буду первым в раю, тогда рай. Если я буду вторым, тогда нет. Тогда лучше быть в аду, но быть первым.

Он шутит, но он говорит правду – правду о вас, правду о всем человечестве, то, как оно живет честолюбием, созданием эго.

Помните, настоящая индивидуальность не имеет ничего общего с кем-то другим, платящим вам вниманием. Заметьте различие: эго нуждается во внимании к вам других, а ваша истинная индивидуальность нуждается только в вашем внимании – просто ваше внимание, и этого достаточно.

Если вы обратите свое внимание внутрь, вы узнаете свое настоящее лицо. Если вы продолжаете искать внимания других, вы будете постоянно жить в ложном существовании, которое всегда готово исчезнуть, если вы не питаете его постоянно. Оно должно поддерживаться.

Эго – это не сущность. Это не существительное, это глагол. Вот почему я называю это эго-творением. Вы не можете оставаться удовлетворенными без какого-то ответного внимания к вам, вы должны спрашивать и страстно желать большего. Вы должны продолжать творить эго; эго может существовать только через действие. Это процесс – и он так лжив, и его требования так безобразны! Это ложь. Это требует от вас все больше и больше лжи, и, чтобы удовлетворить его, вы должны стать предельно лживыми. Вы должны стать личностью.

Личность означает ложное явление, маску. Вы должны стать актером; вы больше не настоящий человек, вы больше не подлинны. У вас нет никакого основания, вы просто тень. И из-за этой тени всегда присутствует страх смерти, поскольку в любой момент эта тень может исчезнуть.

Ваш банк может обанкротиться, и немедленно вы исчезли, вы никто. Ваша власть может быть утрачена, поскольку есть другие соперники, подталкивающие вас. Вся эта жизнь – постоянное толкание и напряжение, отсюда так много агонии.

Знаете ли вы корень слова «агония» (agony)? Оно происходит от «ag»: «ag» означает подталкивание. Вас постоянно толкают, и в ответ вы подталкиваете других; это создает страдание.

Весь мир живет в тоске и страдании. Только человек, пришедший к знанию своего настоящего «Я», идет за пределы этого и входит в мир экстаза. Существуют два состояния: страдание и экстаз.

Пармита, ты в страдании, как и все остальные. А поиск – это поиск экстаза. Всегда помните: ваши обязательства, ваши идеологии, ваши так называемые вечные ценности, ваши теологии, философии и религии предоставляют вам основу, иногда важную, для индивидуального существования. Но вы не являетесь этим.

Вы даже не ваше тело. Вы – не ваш ум. Вы ни белые, ни черные, вы ни индусы, ни немцы. Вам нельзя дать никакого определения, все определения будут неверными. Вы неопределимы; вы что-то, превосходящее все определения. Вы – огромное небо, в котором возникают планеты и появляются Земля, Солнце, Луна, звезды – и все они исчезают, а не-

бо остается, таким, каким оно было всегда. Небо не знает изменения. Вы – это неизменяющееся небо. Облака приходят и уходят, вы всегда здесь.

Когда Раман Махарши умирал, кто-то спросил: «Багван, скоро ты покинешь свое тело; куда ты уйдешь?» Он открыл глаза, засмеялся и сказал: «Куда я могу уйти? Я был здесь, я буду здесь. Куда я могу уйти – *куда*? Некуда идти. Я везде: я был здесь и я останусь здесь навсегда, вечно».

Он говорит, что он познал свое бытие как небо; он больше не облако.

Если вы действительно хотите искать подлинное «Я», не привязывайтесь ни к каким обязательствам, ни к каким программам, ни к каким идеям. Оставайтесь непривязанными, гибкими, текучими; не становитесь статичными. Всегда оставайтесь в состоянии незамороженности; не замерзайте. В мгновение, когда вы заледенели, у вас в руках что-то фальшивое, ложное; появилось облако. Оставайтесь в состоянии растопленности, не вверяйтесь никакой форме или имени. И тогда что-то безмерное начинает происходить в вас: вы впервые начинаете чувствовать, кто вы. Ощущение не приходит извне, оно появляется из внутренних глубин вашего существа. Оно затопляет вас. Это свет, высший свет, это блаженство, чистое блаженство. Это божественно. Это – другое имя Бога.

Никогда не становитесь кристаллизованными; если вы становитесь кристаллизованными в чем-то, вы попали в клетку. Оставайтесь свободными, оставайтесь свободой. Все отождествления создают закрепление; а любое закрепление, любое отождествление – это долг. Чем фиксированнее чье-то отождествление, тем меньше переживание, на которое он способен. Смысл не в отсутствии позиции, а в том, чтобы не быть позирующим.

Я не говорю стать бездумными. Оставайтесь разумными, способными к размышлению, но никогда не отождествляйтесь ни с какой мыслью. Используйте мысль как орудие, как инструмент; помните, что вы хозяин. Не быть привязанным к той позиции, которую ты занимаешь в каждое отдельное мгновение, есть начало самопознания. Человек *есть*, он жизнеспособен до той степени, до которой он может превзойти определенные позиции и может воспринять другие точки зрения.

Вот что я подразумеваю под тем, чтобы оставаться текучими, струящимися. Человек должен оставаться доступным настоящему. Умирайте для прошлого каждое мгновение, так что бы ничто в вас не оставалось фиксированным. Не несите свой характер с собой; все характеры это доспехи, латы, тюрьмы.

Настоящий человек характера бесхарактерен – вы будете удивлены этим. Настоящий человек характера бесхарактерен: у него есть сознание, но нет характера. Он живет от мгновения к мгновению. Он отзывчив, но он отвечает исходя из настоящего мгновения, а не из прошлых состояний. Он не несет в себе готовых программ. Чем больше у вас готовых программ, тем больше вы, это эго. Когда у вас нет ничего – нет программ, в вас нет ничего готового – когда в каждый момент вы так свежи, как будто родились заново, – по мне, это и есть свобода. А только свободное сознание может познать истинное «Я».

Это поиск, Пармита. Ничто другое никогда не удовлетворит, ничто другое не может никогда удовлетворить. Все это утешения – и лучше отбросить их, лучше стать осознающим, потому что утешения не помогут.

Вот что я называю саньясой: отбросить утешения, отказаться от утешений – не от мира, но от утешений, оставить все, что ложно, стать истинным, простым, естественным и спонтанным. Вот мое видение саньясина, мое видение полной свободы.

И в эти прекрасные моменты полной свободы первые лучи света входят в вас, первые проблески того, кто вы есть. И величие этого таково, и великолепие этого таково, что вы

будете удивлены, узнав, что вы несли в себе царство Божие, но вы так долго были такими неосознающими. Вы удивитесь тому, что было возможным не знать о таком сокровище. В вас есть такое неистощимое сокровище.

Иисус продолжает повторять снова и снова: «Царство Божие внутри вас». Назовите это царством Божьим, или высшим «Я», или нирваной, или чем хотите. Это поиск всех – не только человеческих существ, но всех. Даже деревья растут к нему, даже птицы ищут его, даже реки стремятся к нему. Все существование – приключение.

И в этом – красота существования. Если бы оно не было приключением, жизнь была бы совершенной скукой. Жизнь – это празднование, потому что это приключение.

Второй вопрос:

Почему мне так повезло попасть в милость твоей любви в эти времена такого беспорядка в мире?

Прем Дебал, времена беспорядка и хаоса – это самое лучшее время для жизни. Когда общество стабильно, больше незачем и не для кого жить. Когда общество безопасно и нет беспорядка, нет хаоса, тогда люди живут тупой, тусклой, тянущейся жизнью – удобной, подходящей, стабильной, но не живой.

Только во времена хаоса и беспорядка случается все великое, поскольку люди свободны. Они свободны, неукоренены: они могут искать новые земли, они могут искать новые области, они могут искать новые страны, они могут искать новые континенты бытия.

Это один из величайших моментов в истории человеческого сознания. Такого никогда не было; это – крещендо.

Будда сказал – и, кажется, заметил верно – что каждые двадцать пять столетий приходит момент великого смятения и хаоса. И это время, когда огромнейшее количество людей становятся просветленными.

И со времен Будды минуло двадцать пять веков. Снова вы ближе и ближе подходите к тому мгновению, когда прошлое утратит весь смысл. А когда прошлое утрачивает всякое значение, вы свободны, вы не определяетесь прошлым: вы можете использовать эту свободу, чтобы безмерно расти, расти к высотам, которые вам и не снились.

Но вы также можете разрушить себя. Если вы не интеллигентны, беспорядок и хаос разрушат вас. Миллионы будут уничтожены – из-за своей неинтеллигентности, не из-за хаоса. Они будут уничтожены, потому что они будут неспособны найти безопасную, удобную и подходящую жизнь, какая была возможна в прошлом. Они не смогут найти то, чему они принадлежали. Им придется жить самим по себе; они должны будут быть индивидуумами, они должны будут быть бунтарями.

Общество исчезает, семья исчезает; и очень трудно. Пока вы не способны к существованию как индивидуум, жить будет очень, очень трудно. Выживут только индивидуумы.

И люди, которые привыкли к рабству, которые привыкли к тому, что ими командуют, привыкли к тому, что им кто-то приказывает, люди, так сильно привыкшие к фигуре отца – они будут в состоянии психоза. Но это их вина, это не вина времени. Время – прекрасное, ибо времена хаоса – это времена революции.

Сейчас возможно выбраться из колеса жизни и смерти с большей легкостью, чем это было возможно в течение двадцати пяти веков, прошедших со времени Будды. Во времена

Будды многие люди стали просветленными; общество было в смятении. Это происходит снова. Впереди великие времена – приготовьтесь к ним.

Вот что я пытаюсь делать здесь. Ортодоксальные люди не могут понять, что здесь происходит; у них нет глаз видеть это и нет сердца чувствовать это. У них есть только старые гнилые ценности, и они продолжают судить меня согласно этим ценностям. Эти ценности устарели. Я создаю новых людей, я создаю новые ценности, я создаю новое будущее. Они живут в прошлом; они не могут понять будущее, которое я пытаюсь принести на землю.

Мои саньясины не принадлежат прошлому, они не представляют никакую традицию. Они принадлежат будущему: они принадлежат чему-то, что собирается произойти и еще не произошло. Поэтому нет критериев – они не могут быть легко судимы, и они будут непонятыми.

Я буду непонятым, поскольку у людей есть свои ценности, и эти ценности пришли из прошлого. А я пытаюсь создать пространство, чтобы произошло будущее.

Ты говоришь: *Почему мне так повезло попасть в милость твоей любви в эти времена такого беспорядка в мире?*

Это не вопрос везения, это вопрос интеллигентности. Есть одно везение в мире – интеллигентность, разумность. И запомните, всякий рождается с интеллигентностью, но люди не используют ее, ибо быть интеллигентным – это жить в опасности.

Сообразительный ребенок будет постоянной головной болью для своих родителей; они пытаются уничтожить, раздавить его сообразительность. Никто не хочет смышленого ребенка, потому что он создает в вас подозрение, он создает в вас сомнения. Смышленый ребенок задает вопросы, на которые вы не можете ответить. Смышленый ребенок – это проблема для учителей в школе, в колледже, в университете.

Разумный, интеллигентный человек всегда будет оставаться проблемой, где бы он ни был. Так что общество пытается всеми способами разрушить вашу интеллигентность.

Я слышал:

Учительница сказала учащимся, что они будут играть в игру.

– Я что-то спрячу за спину и опишу это, а вы догадайтесь, что это такое, – сказала она. – Я держу что-то круглое и красное. Может кто-нибудь догадаться?

– Яблоко? – сказал маленький Герби.

– Нет, – сказала учительница, – но это показывает, что ты думаешь. Это вишня. А теперь я держу что-то круглое и оранжевое. Можешь ли ты сказать мне, что это?

– Апельсин? – сказал маленький Герби.

– Нет, – сказала учительница, – но это показывает, что ты сообразительный. Это персик.

Герби поднял руку:

– Учительница, можно я тоже сыграю в игру?

Учительница сказала: «Да», и Герби подошел к задней стене комнаты, повернулся спиной и сказал:

– Учительница, я держу что-то около пяти сантиметров длиной с красным концом.

Учительница сказала:

– Герби!!!

– Нет, – сказал маленький Герби, – но это показывает, что вы думали. Это спичка.

И эти сообразительные дети не могут быть допущены жить! Никто не любит смышленого человека. Поэтому люди начинают играть в жизни глупые роли, поскольку неинтеллигентных людей принимают везде. Вот почему миллионы людей стали посредственностями. Никто не рождается посредственностью, позвольте мне напомнить вам. Бог дает разум всем; точно как он дает всем жизнь, он дает разум. Интеллигентность – существенная часть жизни.

Видели ли вы когда-нибудь неразумное животное? Видели ли вы когда-нибудь неразумную птицу, неразумное дерево? Каждое дерево достаточно сообразительно для того, чтобы найти источник воды и дотянутся до него корнями. И вы будете удивлены, ученые очень сильно удивились, как деревья находят места.

Когда дерево начинает тянуть свои корни, оно иногда вытягивает их на сотни футов в определенном направлении, туда, где есть вода. Но как оно находит ее? Вода в сотне футов отсюда к северу; оно не вытягивает свои корни к югу, оно вытягивает свои корни на север – за сотню футов! И не только естественные водные источники – иногда оно протягивает свои корни к трубам, большим трубам; оно обнаруживает их. Это занимает у него *годы* – вытянуть свои корни. Оно живет по-своему разумной жизнью.

Если соперников слишком много, деревья растут выше; они должны. Вот почему в джунглях Африки деревья растут очень высокими. Те же самые деревья в Индии не вырастут до этой высоты: нет необходимости, соревнование не такое острое. В дремучих лесах, если дерево остается маленьким, оно умрет; оно будет в тени других деревьев. Оно должно достичь солнца: оно продолжает двигаться, двигаться вверх.

Деревья разумны по-своему, птицы разумны по-своему, животные разумны по-своему. Так же и человек.

Вы найдете посредственности и глупцов только среди людей. Я никогда не натыкался на глупого пса – я попробовал – но есть миллионы глупых людей. Что случилось с людьми? Разумность не допускается.

Все общество и модель общества против разумности; оно поддерживает посредственных людей. Все счастливы с ними, поскольку, когда вы с ними, проблем не возникает; он всегда готов быть послушным, и он дает вам чувство, что вы выше его.

Если бы люди жили разумно, это было бы удачей для всех. Если вам не везет, это не оттого, что Бог несправедлив к вам, это только потому, что вы пошли на компромисс с обществом.

Дебал, ты смог прийти ко мне, потому что ты достаточно смел, чтобы использовать свою разумность. Это не вопрос везения, это только вопрос мужества, смелости. И эти дни действительно прекрасны, чудесны. Используй эти дни, это время: ты можешь парить выше, выше, чем это было возможно когда-либо прежде.

Миллионы людей находятся в ситуации, когда просветление может произойти. Мы можем в первый раз нанести поражение Будде. Время очень благоприятно, поскольку так много хаоса и так много беспорядка, а все старые идеологии мертвы и умирают, каждая по-своему. Человек становится свободным, выходит из своей скорлупы.

Третий вопрос:

Ошо, у меня было много гуру, но я ничуть не изменился. Почему?

Ожидать, что просто через пребывание со многими гуру ты будешь трансформирован – глупо. Никто не может трансформировать тебя. Сама идея, само ожидание того, что кто-то может трансформировать тебя, сохраняет твою неразумность. Когда ты собираешься объявить о владычестве над своим существованием? Когда ты собираешься взять вожжи в свои собственные руки? Когда ты собираешься сказать: «Я буду жить в согласии с самим собой»?

А те так называемые гуру, у которых ты был, сделают тебя все более и более посредственным и глупым. Они хотят твоего подчинения – а только глупец может быть послушным. Они не помогут тебе стать более разумным.

Это большая редкость – найти Мастера. Девяносто девять из ста поддельны, а один, кто не подделен, потребует от вас так много. Сначала он потребует разумности – а вы вообще забыли, что она у вас есть. Он потребует осознанности.

Ложные гуру, ложные, так называемые мастера снабжают снотворными таблетками получше. Они снабжают вас психологическими стратегиями, как оставаться удобно спящими, они дают вам колыбельные, так что вы можете жить одурманенной жизнью. Их методы – не что иное, как психологические транквилизаторы, немедицинские транквилизаторы. Итак, в течение нескольких дней вы чувствуете себя хорошо; вы повторяете определенную мантру, и вы чувствуете себя хорошо, а потом вы насытились, и вы начинаете видеть главное – что это не приводит вас никуда. Тогда вы идете к следующему гуру, он дает вам какой-то другой метод, снова на несколько дней медовый месяц, а потом это исчезает.

Но за одно вы должны быть благодарны: что из-за всех тех гуру вы пришли сюда. И вы не можете валять дурака; это невозможно.

Я не даю вам никакой колыбельной, я шокирую вас – потому что это единственный способ, каким вас можно вывести из вашего одурманенного состояния.

Двое пьяниц сидели в баре, размышляя о том, как провести время.

– Давай играть в телевидение, – сказал один.

– О'кей, – сказал другой. – Как?

– Я делаю вид, что я великая телезвезда, а ты догадываешься, кто я.

– Хорошо, – сказал первый. – Во мне пять футов четыре дюйма, светлые волосы, голубые глаза, у меня 90-60-90, и я хорошенькая.

Второй пьяница быстро и изумленно на него посмотрел.

– Неважно, кто ты, – сказал он. – Поцелуй меня.

Это ваше состояние. Вы должны быть шокированы, вы должны быть приведены в сознание. Поэтому я не снабжаю вас утешениями – вы предпочитали их, вы любили их.

Итак, те, кто пришел сюда за утешениями, могут не понимать, что здесь происходит. А вы можете продолжать дальше и дальше переходить из одной школы в другую, от одного гуру к другому гуру; это вообще не изменит вас. Это не вопрос путешествия с одного места на другое; вы останетесь теми, кто вы есть. Только если вы шокированы, только если есть кто-то, кто может разрушить вас таких, какие вы есть, – только тогда выйдет ваша настоящая сущность. Фальшь стала густой кроной вокруг вас.

Индуист может стать христианином; ничего не изменится. Вместо Кришны он начнет истязать Христа, вот и все. Еврей может стать индуистом; это также не поможет. Вы продолжаете менять ваши маски, ваши одеяния, но перемена нужна где-то глубоко в вашем существе – не на поверхности, но в сердцевине.

Моргенштерн жил в трудные времена. Жизнь тяжела, особенно если ты еврей. И он решил стать католиком и крестился.

В первый раз, когда он пришел на исповедь, он украл золотые часы приходского священника! Но он был честен и немедленно исповедовался:

– Отец, я украл дорогие часы и чувствую себя очень виноватым за это. Я исповедуюсь, что то, что я сделал, было аморально и полностью неправильно. Пожалуйста, отец, нельзя ли отдать вам часы?

Священник был удивлен, но помотал головой:

– Нет, я не могу принять их.

Моргенштерн настаивал:

– Пожалуйста, отец, я чувствую такую вину, не могли бы вы принять часы как знак моего покаяния?

– Это невозможно, сын мой, – сказал священник, глубоко тронутый искренностью Моргенштерна. – Вы должны вернуть часы их законному владельцу.

– Ах-х! – сказал Моргенштерн с глубоким вздохом. – Я пытался, отец, я, клянусь, пытался, но я боюсь, что добрый человек не хочет взять их.

– В этом случае, сын мой, – сказал священник, – я не вижу ничего плохого, если ты оставишь часы у себя, и поскольку сейчас ты исповедовался, для тебя вообще нет нужды больше испытывать вину!

Вы видите еврейский ум?

Вы можете продолжать менять вашу религию, вы можете продолжать менять вашу философию – это способы избежать подлинных перемен. Настоящие перемены должны произойти глубоко в вас. Вы бессознательны, и единственная перемена, которая поможет – стать сознательным. Вы живете механически; единственное, что может помочь – это жить немеханично. Деавтоматизируйте себя, дегипнотизируйте себя.

Общество загипнотизировало вас. Общество затупило ваши чувства, оно отравило вас. Оно хочет умелые эффективные машины; оно не хочет людей. Оно свело вас к машине. Вы хороший клерк, или хороший солдат, или хороший начальник станции, или хороший представитель – оно свело вас к чему-то, что полезно. Оно сделало вас товаром. Оно не хочет вашей разумности, вашей осознанности. Вы должны будете восстать против этого.

А гуру, которые у вас были, не что иное, как агенты того же самого общества. Поэтому общество уважает их, поэтому общество поддерживает их.

Меня общество не может поддерживать. Это чистое чудо, что я существую, это очень нелогично. Я не должен быть здесь вообще. Общество не поддерживает меня, оно *не может* поддерживать меня. Всеми возможными способами оно будет создавать – оно *создает* – помехи моей работе.

Буквально на днях я читал в газетах, что один человек убедил правительство, что я должен быть выслан из Индии. Он, наверное, очень религиозный человек, потому что он сказал, что я разрушаю религию. И он не удовлетворяется просто моим изгнанием – он предлагает также отрезать мне язык, чтобы я не мог говорить, и мои руки также должны быть отрезаны, чтобы я не мог писать. И он думает, что он религиозный человек.

Но это то, что люди делали всегда. Они распяли Иисуса, и они думали, что они сделали что-то очень религиозное. Они умертвили великого суфийского Мастера, Аль-Хилладж

Мансура, точно таким же образом. Этот человек, который предложил это правительству, должно быть, был в толпе, которая убивала Мансура, поскольку все было именно так: его руки были отрезаны, его язык был отрезан, потом отрубили голову. Кажется, общество продолжает увековечивать свои старые глупости. И он думает, что он предлагает это, чтобы защитить религию, что религия в опасности – из-за меня религия в опасности.

Религия не в опасности из-за меня, но псевдорелигия действительно в опасности. А обществу нужны псевдорелигии, чтобы избежать настоящей религии, потому что подлинная религия всегда создает беспокойство.

Будда, Иисус, Мансур, Санаи – когда эти люди приходят на землю, они творят огонь, они творят революцию. Они начинают преображать людей, трансформировать их бессознательность в сознательное. И тогда возникают проблемы.

Это происходит здесь каждый день: пары приходят сюда, и через семь дней они уже раздельны. Что произошло? А они жили вместе двадцать лет! В течение двадцати лет они все время шли на компромисс. В течение двадцати лет они страдали; они были несчастны вместе. Но они влачили свое существование в бессознательном состоянии.

Когда они приезжают сюда, они начинают медитировать, думать. Они проходят несколько терапевтических групп, они становятся бдительными, и они говорят: «Что мы делали?» Мужчина приходит к пониманию, что он никогда не любил эту женщину, он обманывал – он обманывал женщину, он обманывал себя. Женщина приходит к пониманию, что она никогда не любила этого мужчину; этот мужчина выглядит чужаком, она не знает, кто он. И почему они должны жить вместе и истязать друг друга? Внезапно они пробудились – и брак летит к черту.

Люди будут бояться такого места: их брак может исчезнуть, их старые способы жить могут быть разбиты. Это очень хорошо, что что-то неправильное отпадает и исчезает, но в начале это больно. Вы прожили с женщиной двадцать лет; это трудно – отцепить себя, это больно, это агония.

Но если вы не прекратите фальшивые отношения, в вашей жизни никогда не будет истинных отношений. А истинные отношения – это зеркало: они помогают вам увидеть ваше лицо, кто вы. Но только истинные отношения – зеркало. Фальшивые отношения подобны каменной стене, в них нельзя отражаться, они совершенно бесполезны.

Родители боятся; они не хотят, чтобы их дети приходили сюда, поскольку я учу их быть самими собой. А если ребенок хочет быть музыкантом, я скажу: «Стань музыкантом, даже если ты останешься нищим». А родители хотели, чтобы он стал врачом или инженером – и возникает конфликт.

Ребенок, если он станет инженером, будет иметь много денег, престиж, власть, но он упустит свою душу. Он никогда не узнает никакой радости в своей жизни; он познает несчастье, он никогда не узнает никакого блаженства. Но родителей больше интересуют деньги, власть, престиж. Именно так говорили им ИХ родители; это их традиция.

Каждое поколение продолжает развращать новое поколение. Каждое поколение продолжает нагружать новое поколение своими собственными болезнями, страданиями, патологией.

Если вы пришли сюда, я собираюсь снять с вас груз всех ваших патологий. А они могут быть очень традиционными и уважаемыми очень долгое время, и ваши предки могли нести их тысячи лет, но я буду учить вас отбрасывать весь этот вздор, весь этот мусор и просто становиться вашим собственным бытием, вашей собственной личностью. И общество не

может вытерпеть это. Общество обречено быть враждебным, антагонистичным по отношению ко мне. Так было всегда.

Должно быть, вы ходили к гуру, являющихся агентами того же самого гнилого общества. Как они могут помочь вам измениться? Они здесь, чтобы защитить общество. Общество дает им уважение: вот как общество оплачивает их услуги.

Ваши учителя – на службе у прошлого. Ваши священники – на службе у прошлого, ваши политики – на службе у прошлого. А я хочу, чтобы вы стали осознавать настоящее.

Если у вас в вашем сердце есть какая-то смелость и вы не убегаете из этого операционного энергетического поля, вы будете преобразованы. И помните: не я преобразую вас, я могу только создать ситуацию, в которой вы можете преобразить себя. Я просто создаю поле, в котором все может случиться, и все случается. И не бегите отсюда. Всего несколько месяцев – и тогда вы *не сможете* уйти!

Четвертый вопрос:

Почему вы так сильно против аскетизма? Разве аскетизм не является действенным путем к Богу?

Путь? Это патология. Быть аскетом – это просто показывать, что вы мазохист, что вы самоубийственны, что вы просто наслаждаетесь, истязая себя. А истязанием себя вы можете создать определенный характер, но характер будет только на поверхности. Это не преобразит вас, это будет лишь притворством. Это будет только личиной, фасадом, маскировкой.

Аскеты существуют в мире, поскольку есть самоубийственные люди. А в человеке есть инстинкт смерти – Зигмунд Фрейд назвал его «танатос». Вклад Зигмунда Фрейда в человеческий рост огромен. В своей юности он открыл инстинкт жизни – секс, эрос. А потом, в своей старости, когда он старел, он открыл другое явление – танатос, противоположное эросу.

В человеке есть два основных инстинкта: один – жить, другой – умереть. Оба присутствуют. Если инстинкт жить не поддерживается, усиливается другой инстинкт. Если инстинкт жить поддерживается, если жизнь утверждается, тогда другой инстинкт исчезает. Это одна и та же энергия – или она будет течь через эрос, или она будет течь через танатос. Это зависит от вас.

Мировые религии до сих пор были ориентированы на смерть. И запомните, когда я говорю «религии», я не включаю будд. Я не включаю Бахауддина, Санаи, Аттара, Махавиру, Иисуса, Мухаммеда, нет. Но я включаю ислам, христианство, индуизм, иудаизм, джайнизм, буддизм. Все организованные мировые религии ориентированы на смерть. И это что-то невероятное: все подлинные существа были ориентированы на жизнь.

Будда предельно ориентирован на жизнь, но буддизм ориентирован на смерть. Мухаммед ориентирован на жизнь, но ислам ориентирован на смерть. Как это произошло?

Только на днях я говорил, что истина, переданная от одного к другому, становится ложью; она переворачивается. Когда Будда что-то говорит, он подразумевает что-то полностью отличное от того, что было понято слепыми и бессознательными людьми. Все стало шиворот-навыворот. Его утверждение жизни становится в учениках утверждением смерти. Это было и остается постоянной проблемой. Вплоть до настоящего времени не было возможности передать истину, и я не думаю, что когда-либо будет возможно ее передать. Ибо

Будда говорит с вершины Гималаев, а вы слушаете в темном ущелье. Но к тому времени, когда она достигает вас, когда вы интерпретировали ее, она уже прокисла, стала горькой; это уже не та же самая истина.

Итак, все изначальные основатели религий были ориентированы на жизнь. А все религии, родившиеся из их учений, стали ориентированными на смерть.

Аскетизм – это влюбленность в смерть. Это патология, это не путь. Но люди уважают его, потому что аскет кажется таким отличным от вас. Вы любите пищу – он ненавидит пищу. Вы любите хорошую ванну – он ненавидит принимать ванну. Джайнские монахи не принимают ванн – не только это, они также не чистят свои зубы. Они против тела.

Вы любите комфорт – аскет любит дискомфорт. Ему неспокойно в комфорте, ему спокойно, только когда ему неудобно. Вы называете это путем? Это патология. Человек, стоящий на голове и чувствующий себя удобно, только когда стоит на голове – болен, ненормален.

Все животные смеются над этим. Когда животные видят йога, стоящего на голове, они смеются. Они не могут понять, что случилось с этим человеком. Люди продолжают истязать свои тела, уродовать их.

Я слышал:

У Реджи был слон, но стоимость питания была ему не по карману. Тогда у него появилась идея. Он видел слонов, поднимающих одну ногу, даже две ноги. Однажды в цирке он видел слона, поднимающего в воздух три ноги и стоящего только на одной.

Итак, Реджи оповестил мир, что он заплатит десять тысяч долларов любому, кто сможет заставить его слона оторвать от земли все четыре ноги. Однако каждый человек, желавший попробовать, должен был заплатить сто долларов.

Люди пришли из близких и дальних мест. Они пробовали все, от уговоров до гипнотизма, но ни один не смог заставить слона подняться в воздух.

Потом однажды подкатил голубой кабриолет, из него вышел маленький человечек и обратился к Реджи:

– Правда ли, что вы заплатите десять тысяч долларов, если я заставлю вашего слона оторвать от земли все четыре ноги?

– Да, – сказал Реджи. – Но вы должны заплатить мне сто долларов за попытку.

Малютка отдал Реджи стодолларовую банкноту. Потом он вернулся к машине и вытащил металлическую дубинку. Он забрался на слона и посмотрел ему в глаза. Потом он зашел за слона и, хорошенько размахнувшись, стукнул слона прямо по яйцам. Слон взревел и взмыл в воздух.

После того, как малютка забрал свои десять тысяч долларов, Реджи был очень угнетен. Он заработал только восемь тысяч долларов, и он не только потерял связанный с этим доход, но не решил проблему питания и содержания слона.

Внезапно Реджи посетила другая светлая мысль. Он знал, что слоны могут двигать своей головой вверх и вниз, но он никогда не видел ни одного, двигавшего головой из стороны в сторону. Итак, он оповестил, что он заплатит десять тысяч долларов любому, кто сможет заставить его слона качать головой из стороны в сторону. Однако каждый человек, желавший попробовать, должен был заплатить сто долларов.

Люди пришли из ближних и дальних мест. Они заплатили свои сто долларов, и они попытались, но, разумеется, ни один не достиг успеха.

И тогда, когда все шло хорошо, подкатил знакомый голубой кабриолет из которого выскочил тот же маленький человек. Он обратился к Реджи:

– Правда ли, что вы заплатите мне десять тысяч долларов, если я смогу заставить вашего слона помотать головой из стороны в сторону?

– Да, – сказал Реджи. – Но вы должны заплатить сто долларов за попытку.

Малютка вручил Реджи сто долларов. Потом он обернулся к своей машине и вытащил свою металлическую дубинку. Он забрался на слона.

– Помнишь ли ты меня? – спросил он.

Слон кивнул, тряхнув головой вверх-вниз.

– Хочешь ли ты, чтобы я сделал это опять?

Слон быстро помотал головой из стороны в сторону.

Даже слоны понимают это – но человек так глуп. Аскетизм – путь? Это патология.

Жизнь должна быть прожита в своей полноте. Ваши энергии должны струиться через эрос: эрос – это жизнь, любовь – это жизнь. А если ваша энергия течет против любви, против жизни, остерегайтесь: вы заблуждаетесь, вы отпали, вы уходите прочь от Бога. Бог – это жизнь, Бог – это любовь.

Поймите суть: все аскетичные люди и все аскетичные школы против любви, против секса, против жизни, против пищи – против того, чтобы жить здоровой радостной жизнью.

Вот почему они так сильно против меня – потому что я хотел бы, чтобы вы жили наполненно, тотально, целостно. Я хотел бы, чтобы вы приняли жизнь без отрицания чего-либо в себе, без ощущения какой-то вины. Любая вина – это хитрая стратегия священников, чтобы направить вашу энергию от жизни к смерти.

Почему люди сделали это? Причины есть. Политикан хочет, чтобы люди не любили жизнь слишком сильно – потому что если люди любят жизнь слишком сильно, тогда их нельзя заставить участвовать в войне. Кто хочет умирать? В мире не осталось бы армий. Люди должны быть принуждаемы против эроса, они должны быть принуждаемы против жизни, они должны быть научены любить смерть, уважать смерть и ощущать смерть священной – только тогда могут существовать армии. А великие армии необходимы. Политикан против любви, против жизни, поскольку ему нужны солдаты для смерти – умирать и убивать.

Священник всегда хочет, чтобы люди не любили жизнь. Если они любят жизнь, они не побеспокоятся о храмах, церквях, монастырях. И если они действительно любят жизнь, они найдут Бога через жизнь – священник не будет нужен. Священник нужен только когда люди заблудились в жизни – только тогда он может стать провожатым, и он может сказать им: «Теперь я поведу вас правильным путем». Сначала им надо помочь заблудиться, потом приходит провожатый.

Сначала людей нужно сделать больными, тогда вы можете продать лекарство. Иначе вы не можете продать лекарство. Если все здоровы, кто пойдет к врачу и кто пойдет к аптекарю? И кто сможет продать людям лекарство? Это будет невозможно. Люди должны быть больны, только тогда фабрики, фабрики лекарств, могут продолжать производить новые снадобья.

Священнику нужно, чтобы люди шли прочь от жизни. В то мгновение, когда они идут прочь от жизни, они идут прочь от Бога. Тогда есть потребность в священнике, храме, церкви, организации, организованной религии. Тогда люди хотели бы быть христианами, индуистами, мусульманами.

Ведь жизнь сама по себе доставляет такое огромное удовлетворение – кого это тогда будет волновать? Кто тревожится?

Преподобный Джонс был способен убить девятьсот человек, невинных людей, по простой причине: он тренировал их для смерти. Вы удивитесь, узнав, что в Джоунстауне среди членов секты не допускались занятия любовью. Безбрачие было навязанным. Были твердые строгие правила: людям не разрешалось выходить за пределы коммуны, контакты с посторонними не разрешались. Они жили в изоляции, они все были аскетами.

И из-за этого аскетизма они были готовы совершить самоубийство. Сейчас люди ищут причины. Некоторые думают, что он гипнотизировал людей, некоторые думают что-то еще – находится тысяча и одна причина. Причина проста: он повернул их эрос – вот и все. А эрос может быть повернут очень легко.

Веками религиозные люди делали то же самое. Он довел это до логического конца. Обычно монахи умирают медленно; они совершают медленное самоубийство. Он ушел скоро и быстро. Но было стремление, атмосфера смерти. Они практиковали смерть почти каждый месяц. Каждый месяц он мог созвать коммуну и приказать им умереть. И они были готовы. Они говорили «да» так много раз, что, когда он в самом деле сказал им, они не смогли сказать «нет». Это стало встроенной программой.

А их жизнь была так безобразна, вот почему они были готовы умереть.

Мне очень нравится одна история. Английский дипломат пришел увидеть Адольфа Гитлера перед второй мировой войной. Они стояли на крыше трехэтажного здания, беседовали. Просто чтобы показать английскому дипломату свою власть, Гитлер приказал одному солдату прыгнуть. Солдат немедленно прыгнул, упал на дорогу и умер.

Английский дипломат был очень сильно потрясен. А Адольф Гитлер засмеялся и сказал:

– Вся моя страна готова последовать моим приказам.

Чтобы еще раз подчеркнуть это, он приказал прыгнуть другому солдату. И прежде, чем английский дипломат смог остановить его, тот также прыгнул. Чтобы сделать все абсолютно ясным, он приказал третьему солдату – но, прежде чем он смог прыгнуть, английский дипломат схватил его и сказал:

– Ты сумасшедший? Что ты делаешь? Почему ты готов отдать свою жизнь?

И человек сказал:

– Оставьте меня в покое! Разве это жизнь?

Быть с Адольфом Гитлером много хуже – лучше умереть. Те люди, что совершили самоубийство, должно быть, жили худшей жизнью, чем смерть сама по себе. Логика этого проста. А аскетическое отношение делает вашу жизнь такой безобразной, такой нестерпимой, что человек начинает думать о смерти как об освобождении.

Я против аскетических отношений, ибо это больные отношения, нездоровые, не целостные. Я целиком за эрос, я целиком за жизнь, ибо жизнь – храм Бога, единственный храм. А секс – единственный способ, каким Бог выражен в мире.

Если вы полностью двигаетесь в секс, в любовь к жизни, в утверждение жизни, в радость, вы найдете самого Бога, скрытого глубоко в жизни. Жизнь – это его проявление; он – скрытый источник ее. Не идите прочь от жизни – идти прочь значит идти от Бога. Поэтому мои саньясины не отвергают, но радуются.

Сейчас несколько людей задали мне вопрос: «Может ли здесь случиться то же самое, что в коммуне Джонса?»

Это будет последним местом в мире, где это сможет случиться, потому что я учу вас любви, я учу вас жизни. Все мое усилие в том, чтобы заставить вашу энергию двигаться через жизнь полностью, ничего не оставляя, и, если вы двигаетесь через жизнь полностью, смерть исчезает. Даже когда вы умрете, вы не увидите, что с вами случается смерть – вы увидите только, что вы меняете свой дом, вы меняете свои одежды. Вы в вечном паломничестве.

Я учу вас жизни, я учу вас изобильной жизни. Это не может случиться здесь – я не учу вас самоубийству. Это может произойти в любом аскетическом обществе, в любой аскетической коммуне. Но моя коммуна вообще не аскетическая.

Вот почему христиане против нее, и индуисты против нее, и джайны против нее, мусульмане против нее, и все против нее – потому что все они ориентированы на смерть. А я, безусловно, люблю жизнь.

Я учу вас любить и жить. Смерть невозможна здесь – что говорить о самоубийстве? Даже смерть невозможна здесь. Если вы умираете так, как я вас учу, если вы живете так, как я вас учу, вы никогда не узнаете смерть. Даже умирая, вы будете знать, что пламя продолжает пылать вечно.

Последний вопрос:

Ошо, Индия – единственная страна в мире, столько говорящая о безбрачии; и все же каждые четыре секунды в Индии рождаются три ребенка. Пожалуйста, объясни это.

Камал Бхарти, идеалы создают лицемерие. И если вы хотите быть лицемерными, первое требование – иметь великие идеалы. Вы не можете быть лицемерными, если у вас нет никаких идеалов.

Например, мои саньясины не могут быть лицемерами; это невозможно. Лицемерие – это тень, длинная тень великого идеала.

Индия – одна из самых лицемерных стран. А причина в том, что людям проповедуются великие идеалы. Об этих идеалах только говорят, а жизнь продолжает течь в полностью противоположном направлении. Люди продолжают говорить о безбрачии – и продолжают воспроизводить детей. Они продолжают говорить об истине, а в их жизни нет никакой истины. Они продолжают говорить о великой моральности, а вся их жизнь аморальна.

Вы не можете найти в мире более аморальную страну, чем эта страна – это невозможно, потому что нет другой страны, проповедующей так много идеалов. Когда идеалы велики, вы не можете исполнить их; они так неестественны, они невозможны. Тогда единственный способ – продолжать говорить о них и продолжать жить по-своему. Итак, вы должны жить двойной жизнью.

В разговоре, в проповедях индийцы – велики. Никто не может состязаться с ними в философствовании. Они – великие мастера логики, аналитики, великие мастера языка. Но их жизнь пуста и совершенно не соответствует идеалам.

Несомненно, если вы знаете идеал человека, то, просто зная идеал, вы можете узнать его жизнь. Скажите мне, каков ваш идеал, и я немедленно узнаю вашу жизнь. Если ваш идеал – безбрачие, я знаю, кто вы: вы одержимы сексом. Только у одержимого сексом человека есть идеал безбрачия. Если вы не привязаны к сексу, не будет вопроса безбрачия.

Вы будете любить вашу жизнь: когда секс происходит, это прекрасно, когда он исчезает, это прекрасно. Оба момента священны.

Секс священен, когда он случается. Когда он исчезает, это тоже священно. В обоих моментах есть своя красота.

Когда дерево цветет, оно красиво, и когда дерево лишено всех листьев, оно красиво. Да, осенью у деревьев полностью другая красота, суровая красота. Нагие, без единого листка, стоящие под небесами, они выглядят такими медитативными, такими дзеноподобными. А потом, весной, с пышной кроной и множеством цветов, как будто они готовы пожениться – новобрачные... Так много празднования, эта красота в них – красота суфия.

Подлинный человек живет свою жизнь без всякой вины. Секс однажды возникает и однажды исчезает. Помните: все, что возникает – исчезает. До четырнадцатилетнего возраста секс не возник. Потом, внезапно, однажды приходит весна: секс вошел в жизнь, с огромной радостью, с великими песнями. Если человек проживает его тотально, тогда около сорока двух лет он однажды исчезает. И красота осени... Обнаженные, лишенные зелени деревья под вечерним небом.

Секс существует только от четырнадцати до сорока двух лет, если вещи идут естественно. Но они не идут естественно – появляется священник. Он начинает говорить о безбрачии. Когда нужно было именно искусство любви, он начинает говорить о безбрачии. Он создает вину. Сексуальная энергия становится подавленной, уходит вниз, в бессознательное.

И тогда секс останется и в восемьдесят два года. Вы останетесь привязанными к сексу; он не сможет вас покинуть.

Индия – так называемая религиозная страна. Несомненно, страны могут быть только так называемыми религиозными. Только индивидуумы могут быть действительно религиозными, страны могут быть только так называемыми. Как могут страны быть религиозными? Религия – это что-то, что происходит в душе человека. Политика – это то, что происходит в коллективе. Религия – это то, что происходит в одиночестве.

Но великие идеалы продолжают истязать. Индия очень подавлена – огромные камни лежат на ее сердце. И из-за этих камней родники жизни не могут струиться.

Итак, Камал, в этом нет противоречия. Несомненно, есть логическая связь между этими двумя вещами – разговором о безбрачии и зачатием трех детей каждые четыре секунды. Чем больше вы говорите о безбрачии, тем более вы одержимы сексом. Если вы принимаете секс как естественное явление, вам не нужно говорить о безбрачии; оно приходит в свое время.

Просто как юность превращается в старость, секс превращается в безбрачие. Безбрачие – это секс, прожитый по-настоящему, аромат секса, прожитого по-настоящему. Безбрачие – это сексуальность, ставшая зрелой. Иначе лицемерие продолжается.

Медитируйте над этой историей.

Один человек был в постели с замужней женщиной, когда они услышали, как открывается дверь.

– О Боже мой, – выдохнула она. – Это мой муж! Быстро прячься в туалет!

Человек поспешил в туалет и закрыл дверь. Внезапно он услышал голосок, говорящий:

– Здесь очень темно.

– Кто это?» – спросил он.

– Моя мать вышла, – сказал голосок, – и я собираюсь кричать.

– Пожалуйста, не делай это! – сказал человек.

– О'кей, но это будет стоить вам денег, – сказал мальчик.

– Вот пять долларов.

– Я буду кричать! – сказал голосок.

– О'кей, вот десять долларов!

– Я все равно буду кричать – сказал голосок.

– Вот двадцать долларов.

Под конец, когда мальчик отверг тридцать пять долларов, человек сказал:

– Все, что у меня есть – сорок долларов.

– Я возьму это.

В конце концов муж ушел, и человек смог выбраться из туалета и быстро уйти.

Днем мать взяла мальчика с собой в магазин.

– Я хочу этот велосипед – сказал он.

Мать сказала:

– Нет, нельзя. Он стоит слишком дорого.

Мальчик сказал:

– Я заработал сорок долларов.

Мать сказала:

– Где ты смог заработать сорок долларов?

Мальчик не мог сказать, и она начала его ругать. Он отказался отвечать. Она дала ему пощечину. Он стоически вытерпел. В конце концов, выкрутив ему руку, она притащила его в ближайшую церковь и подвела к приходскому священнику.

– Отец, у моего сына сорок долларов, и он не хочет говорить мне, где он взял их. Может быть, вы сможете доискаться?

Священник кивнул. Он привел мальчика в исповедальную кабину. Мальчик сел по одну сторону, а священник по другую. Мальчик сказал:

– Здесь очень темно...

А священник сказал:

– О нет! Ты опять за свое?!.

СМЕРТЬ СЕМЕНИ

Если ты знаешь свою собственную цену,
что за нужда тебе заботиться о
принятии или отказе других?

Поклоняйся ему, как если бы ты мог видеть его
своими телесными очами;
хотя ты не видишь его,
он видит тебя.

Пока ты в этой стране
бесплодных стремлений,
ты всегда неуравновешен,
всегда или весь позади, или весь впереди;
но если ищущая душа продвинулась
хотя бы на несколько шагов выше этого состояния,
любовь хватает поводья.

Пока остается этот мир,
этого не может быть;
пока ты существуешь,
Бог не может быть твоим.

Смерть – это ключ, что отпирает
неизвестную область;
но для смерти дом истинной веры
должен оставаться закрытым.

Если сам ты,
в действительности, перевернут,
то твоя мудрость и вера
обречены быть вывернутыми наизнанку.

Прекрати плести паутину о себе:
вырвись, как лев из клетки.

Растопи себя в этом поиске:
рискни своей жизнью и своей душой
на пути искренности;
старайся избегнуть никчемности бытия

и сделай себя опьяненным вином Бога.

Ум – это изначальное падение: падение из состояния бытия. Ум – это первородный грех. Быть в уме – значит быть в мире; не быть в уме – значит быть в Боге.

Это большое отличие – действительное отличие.

Падение нужно понять. Медитируйте над тремя словами: быть, делать, иметь. От бытия к владению – это падение, а делание – это процесс прихода от бытия к владению. «Быть» – это Бог, «иметь» – это мир, «делать» – это процесс падения от быть к иметь.

Следовательно, ум – это делатель. Ум постоянно хочет быть занят. Великое стремление оставаться занятым – это ум. Он не может одиноко сидеть; он не может сидеть в пассивном восприятии даже несколько мгновений. Это для ума такая пытка, потому что в момент, когда вы прекращаете делать, ум начинает исчезать.

Если вы идете к Мастеру Дзен и спрашиваете: «Что ты здесь делаешь? Что делают эти люди, твои последователи?», он скажет: «Они просто сидят. Они не делают ничего».

Было так:

Король пришел с визитом в монастырь дзенского Мастера. Мастер провел его вокруг; королю было очень интересно узнавать все о монастыре. Мастер провел короля по всем местам, кроме одного – центрального храма. А это было самое внушительное строение, и все же, когда бы король ни спросил: «Почему ты не ведешь меня в храм?», Мастер вел себя так, как если бы не слышал вопроса.

Под конец король очень рассердился, потому что он был даже в ванных комнатах и туалетах. Он сказал:

– Ты сумасшедший, или что? Почему ты не ведешь меня в храм?

А Мастер сказал:

– По определенной причине: потому что ты постоянно спрашиваешь: «Что вы здесь делаете?» В библиотеке мы читаем: я могу провести тебя в библиотеку. В ванных комнатах мы моемся: я могу провести тебя в ванные комнаты. На кухне мы готовим пищу. Но я не могу провести тебя в этот храм, потому что там мы ничего не делаем! Это место, где мы двигаемся в неделание, в недействие. И будет невозможно объяснить это тебе – вот почему. Ты великий король, ты великий делатель, и ты так сильно поглощен тем, чтобы иметь все больше и больше. Ты понимаешь способы и дороги ума, но ты не поймешь способы и дороги, которые не принадлежат уму.

Ум – это делатель. Наблюдайте ваш собственный ум – и вы поймете. То, что я говорю – не философское утверждение, это просто факт. Я не предлагаю никакой теории, чтобы вы верили или не верили, но это что-то, что вы можете наблюдать в вашем собственном существе. И вы увидите это: когда бы вы ни были одни, вы немедленно начинаете смотреть: что-то нужно сделать, вы должны куда-то идти, вы должны кого-то видеть. Вы не можете быть одни. Вы не можете быть неделателем.

Делание – это процесс, которым создается ум; он – сгущенное делание. Поэтому медитация означает состояние неделания. Если вы можете сидеть молча, ничего не делая, внезапно вы возвращаетесь домой. Внезапно вы видите ваше изначальное лицо, внезапно вы видите источник. А этот источник – *Сатчитананд*: это истина, это осознание, это блаженство – назовите это Богом, или нирваной, или чем хотите.

От «быть» к «делать» и к «иметь» – вот как в мире возникает сознание Адама. Двигаться обратно, от «иметь» к «делать», от «делать» к «быть» – вот что такое сознание Христа. Но суфии имеют для мира послание огромной важности. Они говорят, что совершенный

человек – это тот, кто способен двигаться по ступенькам: быть, делать, иметь, делать и быть, и так далее, и так далее. Когда круг совершенен, тогда совершенен и человек.

Человек должен быть способен к деланию. Я не говорю, что вы должны стать неспособными делать; это не будет иметь никакого значения, это будет просто импотенцией. Вы должны быть способны к действию, но вы не должны поглощаться этим. Вы не должны становиться вовлеченными в него, оно не должно владеть вами, вы должны оставаться хозяином.

И я не говорю, что все, что вы имеете, надо отбросить. Я не говорю отвергнуть то, что у вас есть. Используйте это, но не будьте используемыми этим, вот и все. Тогда рождается совершенный человек.

Я называю этого совершенного человека саньясином: он будет обоими – Адам и Христос. Мирской человек – это Адам, и вплоть до настоящего времени человек не от мира сего был вовлечен в сознание Христа. Но и то и другое – это половины.

Человеку нужно стать полным, целостным. А для меня быть святым есть не что иное, как быть целым – способным войти в мир и все же оставаться вне его, выше его; способным использовать ум – и все же оставаться центрированным в своем существе. Тогда ум – это механизм огромной ценности; тогда это не грех – иметь прекрасный ум. Вы имеете прекрасный механизм, очень сложный, и это радость – использовать его, – подобно радости управлять прекрасной машиной, которая является совершенным механизмом.

Нет ничего подобного уму, если вы можете пользоваться им; тогда ум также божественен. Но если он использует вас, и ваше небо теряется под облаками ума, тогда вы останетесь в нищете, в невежестве.

Рождение ума происходит через отождествление с содержимым сознания. Нужно только маленькое изменение, один шаг, и этот шаг соединяет одно с другим. Этот шаг соединяет мир с Богом, внешнее с внутренним, земное со святым. Что это за шаг? Неотождествление.

Оставайтесь свидетелем. Всегда помните: оставайтесь свидетелем. Что бы ни проходило через ум, знайте совершенно ясно, что вы – не это. Вы не вещь, называемая умом. Однажды вы стали отождествленными со всеми производными ума, вы попали в тюрьму. После вы можете продолжать изменять и переиначивать эти производные снова и снова, но ничего не случится.

Вот что продолжают делать люди – совершенствовать самих себя, создавать прекрасную репутацию, становится святыми, религиозными, но основное все еще не сделано. Они просто переупорядочивают содержимое своего ума.

Вы можете продолжать переставлять мебель в вашем доме; вы можете расположить ее лучшими способами, немного эстетичнее, но мебель останется все той же. Грешник и так называемый святой не очень отличны; оба они – разные создания одного и того же ума.

Настоящий мудрец – тот, кто стал осознавать, что он не является умом. Идея греха возникает в нем, а он остается отчужденным; и идея быть святым возникает в нем, а он остается отчужденным. Он не отождествляется ни с чем – ни с гневом или состраданием, ни с ненавистью или любовью, ни с хорошим или плохим. Он остается не-выносящим-приговоры, он ничего не осуждает в уме. Если вы просто свидетель, какой смысл осуждать что-то? И он ничего не хвалит в уме – если вы просто свидетель, похвала просто бесполезна. Он остается невозмутимым, собранным, центрированным. Ум продолжает бушевать вокруг него просто по старой привычке.

За тысячи жизней вы стали отождествленными с умом, вы вложили в него так много энергии. Он продолжает вращаться и вращаться несколько месяцев, даже несколько лет. Но если вы можете оставаться молчаливым наблюдателем, наблюдателем на горах, тогда медленно-медленно энергия, привычка исчезает, и ум приходит к остановке.

В день, когда ум останавливается, вы достигли. Первое понимание того, что есть Бог и что есть вы, приходит немедленно – потому что когда ум останавливается, вся ваша энергия, что была вовлечена в это, освобождается. А эта энергия огромна, она бесконечна; она начинает изливаться на вас. Это великое благословение, это милость.

Так называемые революционеры продолжают терпеть неудачи, так как они продолжают изменять тот же самый ум. Кто-то верит в Бога, а потом приходит революционер, говорящий: «Бога нет, и я не верю ни в какого Бога». Но он такой же сильный фанатик своей идеи, как люди, верящие в Бога.

Верующий и неверующий – оба фанатики. Один стал привязан к «да», другой стал привязан к «нет», но «да» или «нет» – оба части ума. Вы выбрали одну часть, кто-то еще выбрал другую часть. Один христианин, другой индуист, но оба остаются умом. Один выбрал Библию, другой выбрал Веды, но оба – части ума.

Тогда кто же действительно религиозен? Тот, кто не выбирает вообще. Вы не можете назвать его христианином, вы не можете назвать его индуистом, вы не можете назвать его коммунистом, вы не можете назвать его теистом или атеистом. Он просто есть; он неопределим. Вы не можете наклеить на него ярлык. Бытие такое огромное, что оно не может быть обозначено, нет слова, достаточно адекватного, чтобы описать его. В этой огромности – свобода, в этой огромности блаженство.

Это настоящая революция: прыжок из ума в бытие. А процесс останется тот же самый. Если делание – это процесс падения от «быть» к «иметь», тогда неделание будет процессом возвращения обратно домой.

Медитация – это не что-то, что вы делаете: медитация – это что-то, случающееся, когда вы вообще ничего не делаете. Вы можете сидеть без движения снаружи, ничего не делать снаружи, но глубоко внутри ум может продолжаться. Вот как это происходит в монастырях, как это происходит в пещерах. Вы больше ничего не делаете, но вы можете продолжать сотворять некоторые вещи снова и снова. Вы можете продолжать повторение мантры: но это будет действием, этого будет достаточно для ума. Будет производиться одно и то же действие снова и снова, проигрывание одной и той же ленты снова и снова, годами, и благодаря этому ум не умрет.

Три йога сидели в пещере, медитируя. Мимо прошла лошадь, посмотрела на них и ушла. Минуло несколько лет, и один из йогов сказал:

– Входил жеребец.

Прошло еще несколько лет, и другой сказал:

– Нет, это была кобыла.

Еще через несколько лет третий сказал:

– Если это превращается в спор, я ухожу.

Ничего особенного не произошло за столько лет: лошадь просто подошла и посмотрела внутрь, но этого достаточно, чтобы сохранить вас занятыми на годы. Этого достаточно, ум может жить даже на таком незначительном материале. Человек должен осознавать, что это

не вопрос того, делаете ли вы какое-то одно действие или несколько; это не вопрос количества. Это вопрос качества.

Вы можете быть очень богаты, вы можете быть королем и иметь огромное состояние, вы можете быть вовлечены в тысячу и одну вещь, и вдруг – вы внезапно оставляете королевство и все ваши владения, становитесь нищим и живете в хижине – но это не принесет никаких изменений! Посторонние, зрители увидят, что случилась великая революция: император стал нищим, он так много отверг. Но ничего не произошло внутри.

Сначала вы были вовлечены в дела королевства, теперь вы будете вовлечены в дела маленькой хижины. Просто уменьшилось количество, но уменьшением количества качество вашего сознания изменить невозможно. Бедняк беспокоится о своей воловьей упряжке, а богач беспокоится о своей золотой колеснице. Но беспокойство одно и то же; у беспокойства то же самое качество. Бедняк беспокоится о пропитании, а король беспокоится о соседней стране; объект беспокойства различен, но процесс беспокойства тот же самый.

Вопрос в том, как переместить сосредоточение сознания с ума на бытие. Делание привело вас в мир, делание – это лестница, которая привела вас в мир; неделание будет лестницей... И неделание не есть неактивность. Это указание необходимо ясно понять, тогда вы будете способны воспринять сутры Хакима Санаи сегодня.

Неделание – это не неактивность, это не бездействие. Действие есть, потому что действие – это жизнь. Если действие полностью исчезает, вы умрете. Даже дышать – действие; есть, переваривать пищу, спать – всё действия. Жить – значит быть активным. Тогда что же такое неделание, если это не неактивность? Если вы понимаете неделание как неактивность, вы упустите самую суть. Теперь вашим занятием станет неактивность. Вы будете постоянно заняты неделанием того и неделанием этого. Весь процесс станет негативным, но это все еще делание: «Я не могу сделать то, я не могу сделать это». Теперь вы беспокоитесь. То же самое напряжение все еще будет здесь: «Я не могу есть то, я не могу есть это, я не могу носить то, я не могу носить это». Теперь вы становитесь негативным – но процесс, эго все еще здесь, ум все еще здесь. Он стоит вверх тормашками, он выполняет стойку на голове, но это тот же самый ум.

Неделание есть нечто, ничего общего не имеющее с действием, но имеющее очень много общего с эго, с идеей эго. Делатель есть эго: он должен стать неделателем. Тогда Бог – делатель. Тогда вы в свободном движении. Тогда вы не толкаете реку, тогда вы не создаете для себя страдания, пытаясь плыть против течения.

Позвольте мне напомнить вам то, что я говорил вам только на днях: слово страдание (agony) происходит от корня «ag» – «ag» значит «подталкивание». Чем больше вы толкаете реку, тем больше страдания создается. И пока вы толкаете реку, вы постоянно стремитесь плыть вверх по течению. Вы идете против природы, против Дао, против Бога.

Неделатель – это тот, кто расслабился с рекой, кто плывет с рекой, течет с рекой, тот, кто стал частью реки, кто вообще не представляет себя отдельным; тот, у кого нет личной судьбы. Вот значение неделания. Теперь судьба целого – его судьба. «Куда бы ни шло целое, я тоже иду – куда бы, к какому бы предназначению или без предназначения. Куда бы это прекрасное существование ни двигалось, я часть его. Я рябь на этом огромном озере, просто небольшая рябь. Мне нет нужды иметь личную судьбу».

Из личной судьбы возникают страх, боль, страдание. Из личной судьбы – что «Я должен что-то делать, я должен чего-то достичь» – создается ум. Делание означает: «У меня есть некая идея, каким я должен быть, кем я должен быть». Неделание означает: «Я отбросил все идеи о моем бытии, отделенном от существования».

Неотделенность есть неделание. Действие продолжается, но это больше не ваше действие. Теперь это естественно. Если во время вашей утренней прогулки перед вами неожиданно появляется змея, вы просто отпрыгиваете с ее пути. Не то, чтобы вы сделали это – действие случилось, но оно естественно. Вы не думали о нем, вы не размышляли над ним. Вы не были готовы к этому; вы могли наткнуться на змею первый раз в жизни. Вы не практиковали этого, это не программа в вашем уме. Вы откликнулись. В форме змеи здесь была смерть. Вы откликнулись – немедленно, тотчас. Ум никогда не входил, поскольку уму нужно время обдумать, подумать, продумать. А здесь нет времени, смерть так близко: вы просто отпрыгнули.

Сидя под деревом, когда змея промелькнула, вы можете думать об этом; теперь у вас достаточно времени, чтобы подумать. Но в тот момент, в тот микроскопически малый момент, когда змея была лицом к лицу с вами, вы просто действовали – не из ума, но из вашей полноты. Это было действием Бога.

Человек, действительно желающий стать неделателем, начинает действовать как проводник божественного, целого. Действие продолжается, но делатель исчезает. Вот значение неделания. Вы живете той же самой жизнью, но теперь у нее полностью другое качество, другой вкус.

Сутры:

Если ты знаешь свою собственную цену,
что за нужда тебе заботиться о
принятии или отказе других?

Это фундаментальная вещь. Санаи говорит: *Если ты знаешь свою собственную цену,* тебе не нужно беспокоиться, что другие думают о тебе, принимают ли они тебя или отвергают. Если вы беспокоитесь об отказе и принятии других, это просто показывает, что вы не знаете свою собственную цену, что вы не знаете своего собственного бытия, что вы не знаете Бога, находящегося в вас, что вы не знаете, что вы – обитель божественного.

Поэтому вас беспокоит, что люди думают о вас – потому что от их суждения, от их мнения будет зависеть многое. Ваше эго зависит от мнений других; ваше бытие не зависит ни от кого. Вот почему человек бытия всегда бунтарь, а человек, живущий в эго, должен так часто идти на компромисс с обществом. Эгоист должен идти на компромисс, потому что если он не идет на компромисс, никто не поддержит его эго. Эго нуждается в поддержке других, оно должно опираться на других: чем больше людей любят вас, тем более отполированное и очищенное эго вы можете иметь.

Вот почему люди читают книги, подобные «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» Дейла Карнеги, или Наполеона Хилла, и аналогичные. Есть тысячи так называемых философов, которые продолжают учить людей, как полировать эго лучшим способом, как украшать его.

Современный ум озабочен тем, как вы выглядите в глазах других; это значит так много. Почему? Потому что мы полностью утратили ощущение нашего собственного бытия. Теперь все, что мы имеем – это эго, а эго нуждается в поддержке других. Если они в вас разочаруются, то заберут назад свою поддержку. А чем больше вы исполняете их ожидания, тем большим рабом вы становитесь. Вы делаете все, что они хотят. Вы просто послушны, постоянно идете на компромисс. Любите ли вы это или нет, вас никто не спрашивает; весь

вопрос в том, любят ли это другие. Если они хотят, чтобы вы улыбались, вы улыбаетесь. Улыбка может быть фальшивой, но дело не в этом – она нравится людям. А когда люди любят вашу улыбку, они полюбят вас. А если они любят вас, они дадут вам внимание, они будут уважать вас. Они удовлетворят вашу потребность быть нужным.

Весь этот процесс мы называем нашей жизнью. И если эта жизнь постоянно огорчает, это не удивительно.

Если ты знаешь свою собственную цену,
что за нужда тебе заботиться о
принятии или отказе других?

Человек, знающий себя, совершенно не обеспокоен тем, что говорят другие.

Когда Иисус нес свой крест, беспокоился ли он о том, что говорили другие? Они сделали, или пытались сделать его посмешищем. Они оскорбляли его, они грязно шутили над ним, они бросали в него банановой кожурой. Они высмеивали его всеми возможными способами, самыми бесчеловечными способами. Но беспокоился ли Иисус? Вовсе нет, ибо они ничего не могли сделать с его существом. А то, что они могли взять, он уже оставил; он отбросил все, что могли бы отобрать другие. Теперь он существует как обнаженное бытие, как собственная индивидуальность, которую не может забрать даже смерть. Огонь не может сжечь его; нет меча, способного рассечь его. Все, что может быть отобрано другими, уже было им отброшено. Теперь люди могут смеяться; он может наблюдать. Он может наблюдать, – спокойный, невозмутимый.

Когда убивали Мансура, он посмотрел на небо и громко засмеялся. Тысячи людей собрались высмеять его, оскорбить его, осудить его. Они не могли понять, почему он смеялся. Ситуация была такова, что если бы он кричал, все было бы прекрасно, но почему он смеялся? И кто-то из толпы спросил:

– Мансур, почему ты смеешься?

Он сказал:

– Я смеюсь, потому что вы думаете, что убиваете меня. Вы не можете убить меня. А то, что вы убиваете, не есть я. Я смеюсь над вашей глупостью. Вы убиваете мое тело; это подобно сжиганию моих одежд, – а я стою здесь и смеюсь над глупостью всего этого. Я сам оставил того, кого вы могли убить. Только то, что неразрушимо, только то, что бессмертно, я сохранил. Теперь здесь нет страха: нет вора, способного украсть это, и нет убийцы, способного убить это. Поэтому я смеюсь. Вы, люди, собравшиеся здесь, глупы – вот почему я смеюсь.

Но общество с самого начала начинает отбирать у вас все, что имеет для вас собственную ценность. Ребенок – каждый ребенок на земле, во всех обществах – принужден отвергать свое бытие, принужден принимать мнения других о себе. Каждый ребенок рождается абсолютно принимающим себя, как он есть. У него нет неприязни к себе, он полностью любит самого себя. Каждый ребенок рождается с большой любовью к себе; у него есть самолюбие, самоуважение – потому что он еще не является умом.

Но родители испуганы, общество испугано: если он остается ориентированным на бытие, он никогда не будет рабом. А обществу нужны рабы, обществу нужны послушные граждане. Обществу не нужны индивидуальности, ему нужны фальшивые личности. Ему нуж-

ны люди, которые эффективны, но не интеллигентны. Оно допускает разумность только в степени, которая необходима, чтобы вы оставались эффективными, но оно не позволяет вашей разумности расти до своего максимума – потому что в своей высшей точке разумность будет такой бунтарской, такой революционной, – она будет огнем.

А общество такое гнилое, оно не может допустить в людях так много огня, так много свободы. Ему нужны мертвые люди, тупые люди, неразумные люди, которые могут продолжать работать в интересах других – священников, политиков, – они продолжают работать. Ему нужны миллионы рабов. Это действительно чудо, что время от времени Будда, Иисус, Санаи вырываются из тисков общества и становятся независимыми.

Общество с самого начала учит вас: «Слушай, что говорят о тебе другие, потому что это то, что ты есть». Но это такая глупость – вся идея. Другие не знают даже себя, и они решают, кто есть я. Я не знаю о себе, кто я, и я решаю о других, кто они. Это взаимный обман. Я не знаю, кто я, вы не знаете, кто вы; вы решаете обо мне, я решаю о вас. Слепые люди решают друг о друге. Слепые люди говорят друг другу: «Вы прекрасны; ваше лицо так прекрасно, или так безобразно». Слепые люди решают, кто грешник, а кто святой.

И с самого начала в каждом ребенке создается такой огромный страх, что всю вашу жизнь вы страдаете от этого. Если кто-то не думает о вас хорошо, вы теряете сон, вы не можете спать: кто-то не думает о вас хорошо. В чем дело? Кто он, чтобы судить о вас? Но причина в том, что вы забыли себя, вы не знаете, кто вы. Вы зависите от него – если он не думает о вас хорошо, тогда с вами что-то неправильно; вы утрачиваете самоуважение.

Когда никто вас не уважает, как можете вы уважать себя? Ваше самоуважение – просто эффект совокупного изливания на вас уважения многих людей. А это невежественные люди, такие же невежественные, как и вы. Они ничего не знают, но это их способ управления друг другом. «Я уважаю тебя, потому что хочу, чтобы ты был управляем мною. Уважая тебя, я плачу тебе, я даю тебе взятку, чтобы управлять тобой. Ты уважаешь меня, потому что ты хочешь управлять мной».

Вот как все идет. Человек, знающий себе цену, человек, знающий, кто он, останется абсолютно незатронутым. Поймите суть: когда вы абсолютно равнодушны к тому, что говорят о вас люди, у вас есть свобода, психологическая свобода, вы освободились от психологического рабства общества. Ваша душа родилась.

– Я боюсь, что у меня развилась ужасная привычка, – рассказал пациент психиатру. – Где бы я ни был, я продолжаю говорить сам с собой. Не можете ли вы что-нибудь сделать для меня?

– Я полагаю, да, – ответил психиатр. – Но я должен предупредить вас, что это будет долгая, медленная, болезненная терапия, и к тому же очень дорогая. Но предположим, вы говорите с собой – разве это плохо?

– Нет, я думаю, нет, – согласился пациент. – Но я такой зануда!

Никто не может жить сам с собой, поэтому вам нужны другие. Они не могут жить одиноко сами с собой, поэтому им нужны вы. Они скучны, вы скучны – и все думают, что от пребывания вместе скука исчезнет? Она не только удвоится, она приумножится. Видели ли вы когда-либо более скучных людей, чем супруги?

Вы можете видеть: если по дороге проходит пара, вы немедленно можете узнать, муж ли это с женой или нет. Если это муж и жена, они оба выглядят такими скучными, предель-

но скучными. Если мужчина выглядит счастливым и женщина выглядит счастливой, тогда они не муж и жена. Она, должно быть, жена кого-то другого, а он чей-то муж.

Однажды я путешествовал в поезде; со мной ехала женщина, а ее муж или друг был в другом купе. На каждой станции, где бы ни останавливался поезд, он заходил к ней. Иногда он приносил мороженое, иногда сласти, то одно, то другое.

Я спросил женщину:

– Кто этот человек?

Она сказала:

– Это мой муж.

Я сказал:

– Не врите!

Она сказала:

– Как вы узнали?

– Не существует мужей, делающих столько для своей жены – на каждой остановке! Раз муж избавился от жены, тогда он появляется только на последней станции, если вообще появляется. Вы везучая: он приходит на каждой остановке, принося разные подарки!

Она сказала:

– Вы правы. Он не мой муж, он просто мой друг.

Я спросил ее:

– Как долго вы вместе?

Она сказала:

– Около семи лет.

Я сказал:

– Опять неверно!

Она сказала:

– Как вы узнали это?

– Семь лет – слишком большой срок! Медовый месяц заканчивается в течение пятнадцати дней – а все это выглядит как медовый месяц.

Она сказала:

– Вы удивляете меня – у нас действительно медовый месяц! Я знаю его только семь или восемь дней.

Каждому скучно с самим собой. Вот почему, когда Будда говорит: «Сидя в молчании, я достиг, и блаженство случилось со мной», мы слушаем его, но мы не верим ему. Или, может быть, он просто исключение – потому что когда вы сидите молчаливо, случается только скука и ничего другого.

Каждый когда-то пытался сидеть молчаливо, подобно Будде, но через несколько минут вы так себе надоедаете, потому что шум ума постоянно продолжается, внутренний разговор не прекращается, и это скучно. Вы знаете это: вы скучали с другими, теперь вы скучаете сами с собой. Вы слышите вещи, сказанные вашим умом так много раз, и это продолжается и продолжается без остановки. И когда вы одни, случается то, что вы начинаете осознавать свой ум. Когда вы с другими, вы забываете себя: вы начинаете интересоваться другими, другие начинают интересоваться вами. Это вид самообмана.

Все техники медитации говорят, что пока вы не способны быть одни, вы никогда не будете способны узнать ваше существо. Для ума потребуется определенное время, чтобы остановиться. Но если вы можете сидеть молчаливо по несколько часов каждый день, незанятыми, ничего не делая – ум будет вначале бежать как сумасшедший, будет вне себя, он будет бегать кругами, но если вы можете продолжать терпеливо ждать, ждать, ждать – вы увидите, что постепенно беспокойство ума исчезает. Мысли движутся, но не так быстро – не бегут, но прихрамывают, озадаченные, глядящие на вас: «Что с тобой случилось?» Они уже не так сильны, как будто их жизнь исчезает; не так самоуверенны. Они потрясены, глядя на вас, озадачены, удивлены: «Что ты делаешь?»

Если вы продолжаете наблюдать свои мысли в течение определенного времени, однажды происходит чудо: даже если это случается только на несколько мгновений, вы взглянули в ваше существо. В те несколько мгновений вы были в вашем существе; ум исчез, не было ни единой двигающейся мысли. А раз вы соприкоснулись с вашим существом, вы никогда не будете беспокоиться о том, что говорят другие. Они могут осуждать вас, они могут думать о вас как о грешнике, или они могут почитать вас, они могут думать о вас как о святом – это все одно и то же. Удача и неудача – одно и то же, слава и бесславие – одно и то же. Знает ли кто-нибудь о вас, или о вас не знает никто, – это одно и то же.

И просто созерцайте состояние, когда ничто не затрагивает вас: впервые вы укоренены, впервые вы центрированы, составляете целое, впервые ума нет, а вы есть.

Поклоняйся ему, как если бы ты мог видеть его
своими телесными очами;
хотя ты не видишь его,
он видит тебя.

Только когда вы полностью безразличны к тому, что говорят о вас люди, вы будете способны увидеть Бога. Иначе вы остаетесь смотрящими на лица людей. Когда вы стали абсолютно безразличны к тому, что о вас говорят люди, вы способны повернуться лицом к Богу. Иначе ваши глаза, ваши уши, ваши чувства – все сфокусировано на других; они идут наружу, они не идут вовнутрь.

Раз вы стали способны к отбрасыванию людей и того, что они о вас говорят, ваша энергия доступна для движения к Богу. *Поклоняйся ему*... теперь пусть ваша энергия станет поклонением. А под поклонением подразумевается удивление, благоговение, любовь. Под поклонением не подразумевается никакое формальное поклонение: ходить в храм и поклоняться статуе – это не подразумевается. Поклонение – это новое видение, новое проникновение в реальность.

Когда ребенок смотрит на восход солнца, посмотрите в его глаза: это поклонение – он так удивлен, в таком благоговении. Когда он смотрит в звездное небе ночью, – посмотрите в его глаза: те далекие звезды отражаются в его глазах, это – поклонение.

Ребенок знает, что такое поклонение. Мы забыли, потому что мы забыли язык чуда. Мы стали слишком знающими: когда солнце восходит, мы знаем, что это такое. Никто, в действительности, не знает, но мы были в школе, колледже, университете, так что нас этому научили. Когда цветет цветок, мы знаем, как называется этот цветок, к какому виду он принадлежит и из какой страны он пришел. Но все эти вещи незначительны, неуместны.

Происходит что-то чудесное: цветок раскрылся, распространяется аромат. Цветок необыкновенно прекрасен, он живой, а вы просто заклеймили его. Вы говорите: «Это роза» –

и вы думаете, что вы узнали его, просто дав ему имя? Вы упустили. Вы лишили цветок загадки, и поэтому вы упустили его чудо. Иначе каждый цветок передаст вашему сердцу трепет, каждая звезда даст ему новый толчок, и каждая птица начнет петь в вас.

Жизнь так психоделична, она – такое великолепие. Чувствовать ее тайну, чувствовать благоговение – это и есть поклонение. И тогда, в какой-то неведомый момент, вы можете склониться перед существованием. Вы можете преклонить колени к земле, вы можете упасть на песок – в великой молитве, в великой любви, как будто земля является вашей матерью. И она такова: существование – это ваша мать, – и великая любовь поднимется в вас. Эта поднимающаяся любовь и есть поклонение.

Поклоняйся ему, как если бы ты мог видеть его
своими телесными очами;
хотя ты не видишь его,
он видит тебя.

Когда бы ни случился момент поклонения, вы будете удивлены: все существование наблюдает за вами, все существование смотрит на вас, ласкает вас, заботится о вас. Вы почувствуете, что некие невидимые руки ласкают вас, некие невидимые глаза смотрят на вас, некая невидимая энергия обнимает вас.

Пока ты в этой стране
бесплодных стремлений,
ты всегда неуравновешен,
всегда или весь позади, или весь впереди;
но если ищущая душа продвинулась
хотя бы на несколько шагов выше этого состояния,
любовь хватает поводья.

Если вы допускаете случаться поклонению, вскоре произойдет любовь – та любовь, о которой вы даже не мечтали. Любовь, которую вы знаете – не настоящая любовь, потому что в ней нет ощущения тайны, в ней нет благоговения, нет поклонения, нет молитвы.

Если вы действительно любите женщину, вы полюбите ее как богиню. Если вы действительно любите мужчину, вы полюбите его как бога. Нет другого способа любить. Любовь преобразует все в божественное; это алхимия любви. Если любовь не делает этого, тогда это – что-то другое. Это может быть страстью, это может быть сексуальным желанием. Это может быть просто потребностью – физической, психологической.

Любовь – не потребность! Любовь – это переполняющая радость. Она случается только с поклоняющимися, молитвенными людьми. Иначе вы остаетесь в этом бесполезном мире – *этой стране бесплодных стремлений.* С самого детства до старости что вы продолжаете делать? Играете в игрушки.

Маленький мальчик сидел, плача, на обочине, и старик, проходивший мимо, склонился над ним.

– В чем дело, малыш? – спросил он. – Почему ты плачешь?

Маленький мальчик сказал:

– Я плачу, потому что я не могу делать то, что делают большие мальчики.

Старик сел на обочину и тоже заплакал.

Нет большой разницы: ребенок есть ребенок, но ваш так называемый старик такой же ребенок, иногда даже больше. Зрелость очень редка: люди остаются незрелыми. Если вы интересуетесь только игрушками – обладанием тем, обладанием этим, достижением славы, достижением какой-то политической власти, престижа, владением деньгами, известностью в мире, – если вы интересуетесь этими вещами, вы остаетесь частью этого глупого мира бесполезных, бесплодных стремлений. Но эти стремления сохраняют вас занятыми, они делают вас несвободными. Это интоксиканты.

А самая удивительная вещь – то, что рядом с этим бесплодным, бесполезным миром находится мир плодородия. Он очень близко, прямо за углом.

В Чикаго, в одной квартире, жили два друга, Джим и Джо. Однажды Джим пришел домой и нашел Джо плачущим, уткнувши лицо в ладони.

– Я такой невезучий! Такой невезучий! – стонал он.

– Ты всегда так говоришь, но это не так, – сказал Джим.

– Так! Так! – сказал Джо. – Я самый невезучий парень, которого ты знаешь!

– Что теперь случилось?

– Ну, я встретил эту прекрасную женщину на Мэдисон-стрит. Мы разговорились, остановились около маленького бара и немного выпили. Ох! Мы действительно выпили. Когда она убедила меня, что я должен пойти с ней, я думал, что удача наконец повернулась ко мне лицом.

– Кажется, так и было, – сказал Джим.

– Через несколько минут мы вошли в ее квартиру и я был с ней в постели. Я как раз начинал разгораться, когда мы услышали, как хлопнула дверь.

– Это мой муж! – сказала она.

У меня даже не было времени схватить полотенце. Я отскочил к окну и только управился, чтобы вылезти, вися на руках на выступе, когда он схватил меня.

Он немедленно оценил ситуацию и увидел, что моя дражайшая жизнь держится на моих руках. Он влез в окно и начал бить молотком по моим пальцам. Затем он помочился на меня. Затем он захлопнул окно на мои окровавленные пальцы.

Затем, как будто у меня было недостаточно неприятностей, две старухи на улице увидели меня висящим нагишом и начали пронзительно звать полицию.

Пришли полисмены, и я был арестован. Теперь ты видишь, что я имею в виду, когда говорю, что я невезучий?

– Чепуха! – сказал Джим. – Ты расстроен, но случай, подобный этому, мог случиться с каждым.

– Ты не понял, – сказал Джо. – Когда полисмены пришли арестовать меня, я посмотрел вниз – а мои ступни были только в нескольких сантиметрах от земли. Теперь ты видишь, что я имею в виду, когда говорю, что я невезучий?

Другой мир недалеко! Он прямо за углом – даже не в четырех дюймах. Только небольшое изменение вашей фокусировки, вашего осознания, вашей осознанности – и вы перемещаетесь отсюда туда. И это может произойти в любой момент. Все, что нужно – это понимание, что все, что вы делали до настоящего момента, и все, что вы делаете теперь, бесполезно. Пусть глубоко в ваше сердце войдет то, что все, что вы делаете, бесполезно.

Деньги не помогут, слава не поможет, власть на поможет. Смерть придет – и все будет отобрано у вас. И какое значение, сколько у вас денег? Единственное, что подлинно в мире – это то, сколько в вас *бытия.*

Владеть – значит падать: быть – это возвышение, воскрешение Христа.

Пока остается этот мир,
этого не может быть;
пока ты существуешь,
Бог не может быть твоим.

Вы можете выбрать только один мир: этот или тот. Вы можете жить в мире снов, но тогда вы потеряете мир реальности, мир бодрствования. Если же вы живете в мире бодрствования, то мир снов исчезает. Но люди продолжают выбирать сны.

Почему люди выбрали мир снов? Только по одной причине: они принуждены забыть свою реальность. А когда вы не знаете вашу реальность, вы должны создать что-то, к чему можно прицепиться, вы должны создать заменитель. Пустота неприемлема: что-то лучше, чем ничего, даже сон лучше, чем ничего. В таком случае, даже заниматься бесполезными вещами хорошо: по крайней мере, человек занят, человек не теряет даром время; по крайней мере, он что-то делает, он ищет, и ему некогда сидеть и плакать над своим состоянием падения.

Это оставляет вас одурманенным, оставляет вас надеющимся: «Сегодня ничего не случилось, но завтра это обязательно произойдет». Вы продолжаете создавать «завтра». Но вы знаете, что этого не случилось вчера, и этого не случилось сегодня. Вчера вы тоже думали, что это может случиться завтра, сегодня вы тоже думаете, что это случится завтра, а завтра вы тоже будете продолжать думать и откладывать.

Надежда сохраняет вас, определенным образом, в здравом уме. Иначе – ничего не происходит, и это сведет вас с ума.

Мастера дзен, суфийские Мастера, хасиды – все великие учителя мира говорят одно: что ученик не должен пытаться сидеть молчаливо без Мастера. Почему? Потому что если ученик пытается молчаливо сидеть без Мастера, скоро он начнет сходить с ума. Мир снов начинает исчезать. Это был его мир, единственный мир, который он когда-либо знал – он начинает исчезать, растворяться подобно тающим облакам. А другой мир еще не пришел; он придет только тогда, когда мир снов полностью ушел, совершенно испарился. Даже если имеется незначительный, тонкий слой снов, реальность увидеть невозможно.

Вы можете жить либо снами, либо реальностью; когда все сны исчезли, случается реальность. Но для этого требуется время. Когда девяносто процентов снов исчезли, вы все еще не узнали реальность. Когда девяносто девять процентов снов исчезли, вы все еще не узнали реальность. Теперь вы становитесь очень неустойчивыми: все, что вы имели, исчезает, утекает, истощается, а ничего другого не произошло.

Ум скажет: «Поспеши и схвати исчезающие сны». Ничто страшит, пустота выглядит как смерть. Вам будет нужен кто-то, чтобы сказать «Не беспокойся, все совершенно правильно, вот как это происходит. Вот как это произошло и со мной тоже. Осталось совсем немного – подожди еще чуть-чуть, имей немного больше терпения: этот один процент снов тоже исчезнет...» А это очень пугает. Пустота сводит с ума.

Мастер нужен, чтобы вы сохраняли терпение, Мастер нужен, чтобы помочь вам не бояться слишком. Страх естествен: вы падаете в бездну, вы исчезаете – потому что с вашими

привязанностями ваше эго исчезнет; с вашими делами ваше эго исчезнет. И, медленно-медленно, вы найдете пустоту, возникающую в вас. А вы не искали пустоту, вы искали Бога, вы искали истину. Вы искали что-то вечное, бессмертное – а вместо этого вы начинаете умирать, случается смерть. Имеются все возможности, что в одиночестве вы поспешите назад. Нужен Мастер.

Все великие Мастера создали поля Будд. Если можно создать поле, это помогает даже больше. Когда имеются миллионы медитирующих людей, создается огромное поле. Вы не одиноки: есть те, кто были перед вами, и те, кто будут после вас. Те, кто были до вас, говорят вам: «Да, это происходит, но оно исчезает». И вы можете сказать тем, кто придет за вами: «Да, то, что случилось с вами, случается, но оно исчезает». Вы в цепи.

Вот почему веками создавались коммуны. Вокруг каждого великого Мастера возникает коммуна – она *должна* возникнуть. Она создает определенное энергетическое поле: в этом энергетическом поле люди могут расти намного легче. Это становится Садом.

Хаким Санаи назвал эту книгу «Огражденный Сад Истины: *Хадика*».

Когда есть тысячи цветущих деревьев, новые семена могут обрести храбрость и прыгнуть в почву, и умереть, потому что они знают, как это происходит. Так много деревьев говорят, так много цветов объявляют: «Не беспокойтесь. Исчезайте в почве – и вы воскреснете. Это произошло с нами».

Пока остается этот мир,
этого не может быть;
пока ты существуешь,
Бог не может быть твоим.

Вы должны исчезнуть подобно семени в почве. Это исчезновение выглядит как смерть – но это не так. Вы умираете только видимо: на самом деле, вы впервые рождаетесь. Это воскрешение, это возрождение, вы становитесь дваждырожденными. Впервые вы что-то знаете о бессмертии. Вы несли это в форме семени, но вы сможете увидеть это, только когда семя станет цветком, когда оно станет ароматом.

Семя полно, но семя – только потенциал. Пока оно не станет реальным, вы не сможете увидеть его; оно останется скрытым. А если вы вскроете его, вы также ничего не найдете. Как если бы кто-то пошел к хирургу и спросил его: «Есть ли во мне Бог?» Хирург может разрезать человека и посмотреть внутри, но он не найдете нигде никакого Бога. Нет рентгеновского аппарата, который дал бы вам картинку вашей души.

Вот почему ученые продолжают говорить, что Бога нет, души нет – они просто препарируют семя. Семя не должно быть препарировано; семя должно упасть в почву и исчезнуть во тьме почвы, в утробе земли. Оно должно исчезнуть.

Мастер – это чрево, коммуна – большое чрево: ученик приходит и исчезает в нем. И тогда однажды приходит весна, и что-то прорастает – что-то, чего вы никогда не могли предположить в семени, – два зеленых листка... и дерево начинает расти.

Смерть – это ключ, что отпирает
неизвестную область;
но для смерти дом истинной веры
должен оставаться закрытым.

Итак, не бойтесь той смерти, которую семя должно встретить. Каждый ученик встретится с ней.

Приход смерти...

Когда смерть постучится к вам, не бойтесь. Это начало новой жизни, изобильной жизни. Вот смысл распятия и воскрешения Христа. Это не исторический факт. Если вы пытаетесь сделать это историей, вы разрушите поэзию, вы разрушите величие. Вы перенесете все в мир фактов. Это не факт, это вечный миф. Это случалось до Иисуса; это случалось с каждым Мастером, это должно случиться с каждым учеником. Это вечная истина: рассказ просто обрисовывает ее, описывает ее. Но не сводите это к историческому факту.

Христиане продолжают разрушать прекрасную поэму жизни Иисуса; они пытаются сделать ее исторической. Если воскрешение Христа – историческое, вы перенесли его во время, в обычный мир фактов, где существуют Адольфы Гитлеры и Муссолини. Вы перенесли его в безобразный мир истории, времени, событий. Это не событие, этого никогда не случалось – хотя это случается всегда.

Такова истина жизни всякого искателя. Всякий искатель должен умереть на кресте, а после трех дней – трех дней ожидания, символического ожидания – может прийти весна и воскрешение.

Смерть – это ключ, что отпирает
неизвестную область...

Только умирая, семя отпирает дверь – и дерево начинает расти. Только умирая как Адам, вы отпираете дверь сознания Христа в вас. Только умирая как ум, вы отпираете дверь бытия.

Смерть – это ключ, что отпирает
неизвестную область;
но для смерти дом истинной веры
должен оставаться закрытым.

Смерть также прекрасна. И помните, мы вообще не говорим о физической смерти; мы говорим о психологической смерти. Мы говорим о смерти эго, «эгоизирования».

Если сам ты,
в действительности, перевернут,
то твоя мудрость и вера
обречены быть вывернутыми наизнанку.

Мы именно таковы. Мы забыли свое бытие – кто мы. И мы отождествились с умом, с тем, чем мы не являемся. Это состояние вывернутости наизнанку: реальность забыта, и нереальное претендует на то, чтобы быть реальным.

В этом состоянии вы не можете знать то, что есть. Бог окружает вас, истина окружает вас, но вы не можете знать Бога, вы не можете знать истину, потому что вы стоите вверх

тормашками. Чтобы знать истину, вы должны стать истиной: вы должны вернуться назад к источнику, вы должны искать и надеяться.

Вы утратили себя в мире владения, обладания. Вы вошли в мир владения по лестнице делания – теперь двигайтесь обратно. Когда вы двигаетесь назад по той же самой лестнице, это неделание, потому что делание становится все меньше и меньше, а потом оно исчезает. Этот первый вкус бытия есть начало полностью новой жизни – жизни вечности.

Как-то двое негров из южного города безумно хотели женщину, но не могли найти ни одной. Они ехали по сельской дороге и заметили свинью. Один из них выскочил наружу, схватил свинью и положил ее на сиденье между ними.

Они пыхтели дальше на своем «Форде» 1969 года выпуска, когда внезапно за ними зазвучала полицейская сирена. Посмотрев назад, они увидели что у полицейской машины серьезные намерения. Они съехали с дороги. Не желая быть схваченными с ворованной свиньей, они бросили на нее одеяло.

Офицер подошел к их машине.

– Что вы делаете? – спросил он.

– Мы просто искали женщину, – правдиво сказал один из парней.

Внезапно свинья высунула свою морду из складок одеяла.

Полицейский изумленно вгляделся, печально покачал головой и сказал:

– Леди, можете ли вы мне сказать, что хорошенькая южная девочка вроде вас делает с этими двумя неграми?

Человек в таком бессознательном состоянии! Человек почти пьян. Он не может видеть, что есть что; он продолжает верить тому, что говорят другие. Он не уважает свои собственные глаза, свои собственные уши; он не уважает свои собственные ощущения. Он стал очень нечувствительным.

Вы продолжаете верить тому, что говорят другие. Кто-то говорит: «Это дом Бога» – храм, или синагога, или церковь, – и вы начинаете верить им, идете и начинаете поклоняться камню.

Это нелепость, это предельная глупость – мысль о том, чтобы быть религиозным. Религия принадлежит только интеллигентности; религия – это цветение интеллигентности. Просто подумайте над этим снова: что вы делаете под именем религии? Повторение, имитация – вы поверили тому, что сказали другие. Когда вы станете искать сами? Когда вы станете думать сами?

Только думая сами, только смотря на явления из своего центра, вы будете способны проснуться. Иначе этот сон продолжится. Он продлится долго, он может продлиться вечность – пока вы не возьмете власть над своим собственным бытием, пока вы не начнете работать над своей собственной интеллигентностью, пока вы не начнете оттачивать ее. И никто не поможет, помните. Но если вы можете найти кого-то, кто может помочь, тогда это – ваш Мастер.

Люди помогут вам остаться посредственностью, потому что так они могут продолжать эксплуатировать вас. Если вы можете найти кого-то, кто готов помочь вам отточить вашу интеллигентность, тогда будьте с этим человеком: вы нашли друга. Это очень трудно – найти друга в этом мире, этот мир очень недружелюбен. Всякий заинтересован в том, чтобы эксплуатировать – а люди, желающие эксплуатировать вас, не могут помочь вам стать разумными.

Моя задача здесь – как можно больше отточить вашу интеллигентность. Все происходящее в этой коммуне направлено на то, чтобы отточить вашу интеллигентность, чтобы вы могли стоять на своих собственных ногах.

Не продолжайте повторять идеи, как попугаи, иначе вы никогда не станете человеком.

У миссис Келлер был очень талантливый попугай. На ее вечерних приемах он был в центре внимания, так как она научила его повторять то, что сказал дворецкий, когда он объявлял гостей.

У попугая был только один недостаток: он любил заниматься любовью с цыплятами. Он использовал каждый шанс, он перелетал через забор на соседскую ферму и занимался там любовью с цыплятами.

Фермер пожаловался миссис Келлер, и в конце концов она строго поговорила с попугаем.

– Бертрам, – сказала она, – лучше послушай меня! В следующий раз, когда ты уйдешь на участок фермера Уэлена, я тебя сильно накажу!

Попугай склонил голову на плечо, чтобы показать, что он понял. Но двумя днями позже он не смог противиться искушению и перелетел через изгородь. Он уже занимался любовью с третьим цыпленком, когда фермер Уэлен заметил его и прогнал его. Он снова пожаловался миссис Келлер.

– Теперь ты получишь, – сказала она. Она взяла парикмахерские ножницы и состригла все перья с макушки попугая.

Этим вечером миссис Келлер давала прием. Она усадила попугая на пианино.

– Бертрам, – сказала она, – ты сделал нехорошее дело. Ты будешь сидеть здесь всю ночь. Не летай вокруг и не играй как обычно!

Итак, хотя и чувствуя себя несчастным, попугай сел на пианино. Так как дворецкий объявлял гостей, то Бертрам, как обычно, повторял имена. Дворецкий сказал:

– Мистер Арнольд Леви и леди Стелла, – и попугай сказал:

– Мистер Арнольд Леви и леди Стелла.

Дворецкий сказал:

– Мистер и миссис Роберт Соломон, – и попугай сказал:

– Мистер и миссис Роберт Соломон.

Потом в комнату вошли двое лысых мужчин. Не дожидаясь, пока дворецкий их объявит, попугай завопил:

– Прекрасно, должно быть, вас тоже поймали, когда вы занимались любовью с цыплятками! Лезьте ко мне на пианино!

Помните, вы не попугай, вы человек. Уважайте вашу человечность, уважайте разумность, данную вам. Уважайте дар Бога и оттачивайте его, вырастайте в нем, дайте этому развиваться.

Люди используют только пять процентов своего потенциала – вот к чему пришли психологи. Даже люди, являющиеся очень талантливыми, используют не больше, чем десять процентов, а люди, известные как гении, используют только пятнадцать процентов своей разумности. Можете ли вы вообразить, что мы теряем? Можете ли вы представить? Если люди используют сто процентов своей разумности, эта земля станет уникальной, эта земля будет раем. Не будет нужды думать о рае после смерти, рай будет здесь и сейчас.

Это возможно – Бог дал вам потенциал. Но политики и священники не допустили, чтобы вы использовали его, и ваши так называемые священники все против него.

Если вы можете найти человека, который помогает вам отточить вашу разумность, который уважает ее, который хочет, чтобы вы максимально развили ее, чтобы вы зажглись ею, тогда вы нашли Мастера.

Это единственное условие, которое должно выполняться настоящим Мастером. И это единственный критерий, по которому вы можете понять, нашли ли вы настоящего Мастера или нет. И это так просто, это так очевидно – когда вы встретились с человеком, который помогает вам отточить ваше сознание, который помогает вам идти выше посредственности, навязанной вам обществом.

Отбросьте ваши посредственные эго. Внутри вас – источник великой разумности, божественного разума.

Прекрати плести паутину о себе:
вырвись, как лев из клетки.

Вот как настоящий Мастер доносит свое послание. Санаи говорит:

Прекрати плести паутину о себе...

Прекратите плести паутину мыслей, желаний, амбиций, образов.

Прекрати плести паутину о себе:
вырвись, как лев из клетки.

Клетка, в которой вы находитесь, поставлена обществом. Вырвитесь наружу! Издайте рык льва! Выйдите из снов, в которые вы упали, в которые вы попались. Будьте бунтарями, будьте революционерами.

Растопи себя в этом поиске:
рискни своей жизнью и своей душой
на пути искренности...

Одно нужно запомнить: будьте подлинны, будьте искренни с собой. Объявляйте вашу истину, какой бы ни была цена. Даже если вы рискуете жизнью, рискните ею, ибо истина намного значительнее, чем все остальное, ибо истина есть подлинная жизнь. Рискните всем – будьте подлинны! Все, что у вас есть, – поставьте это на карту! Не допускайте никого управлять вами, не допускайте никого порабощать вас. *И растопите себя в этом поиске* – и пусть эго растопится.

Вы стали замороженными кубиками льда: пусть эти ледяные кубики растают. И если они растаяли, они начинают цвести, они становятся живыми и динамичными.

Растопи себя в этом поиске:
рискни своей жизнью и своей душой
на пути искренности;
старайся избегнуть никчемности бытия

и сделай себя опьяненным вином Бога.

Вы пробовали разные сорта вин в этом мире – деньги, власть, славу; все это – отрава. Но есть вино – вино Бога, вино любви, вино медитации, вино, что льется из глубины вашего сердца. Станьте доступными ему.

А как человеку стать доступным ему? Будьте открытыми. Только подлинный человек может быть открытым человеком. Человек, который не подлинен, который не верит в себя, который претендует быть кем-то, кем он не является, *не может* быть открытым. Он фальшив: он должен скрывать ложь многими способами.

Только искренний человек может быть открытым – ему нечего скрывать, ему нечего защищать. Вся его периферия, вся его окружность открыта для существования; триста шестьдесят градусов окружности открыты для существования. Он соприкасается с реальностью в каждом направлении, во всех направлениях. Он доступен реальности, полностью доступен.

Люди, живущие ложью, не могут быть полностью доступны; они всегда боятся, что их могут поймать на вранье. Они должны защищать себя, они должны создавать доспехи вокруг себя. Они открывают только небольшое окошко – может быть, просто замочную скважину, откуда они смотрят на мир и через которую мир входит к ним. Но это всего лишь маленькая часть мира. Через замочную скважину не может войти много солнца, и не могут войти ветра, и дожди не могут войти. А вы скрыты за замочной скважиной и смотрите через замочную скважину, поэтому все, что вы усматриваете, будет очень частичным, ущербным. И все утверждают свое частичное видение как истину.

Вырвитесь наружу из этой клетки. А это возможно, только если вы уважаете себя, если вы чувствуете значимость бытия здесь, если вы чувствуете, что Бог создал вас как уникальное существо. Он никогда не создал никого, подобного вам, и он никогда не создаст никого, подобного вам, снова. Вы уникальны, вы несравнимы. Ощутите этот дар, эту милость, и уважайте себя.

Человек, уважающий себя, подлинен. Он не может идти на компромисс: он предпочитает умереть, но утвердить свою истину. А это цена, запрашиваемая Богом. Рискуйте всем, что у вас есть – ибо у вас нет ничего, вы только думаете, что вы что-то имеете. В действительности, вы – ничто.

Санаи говорит:

Старайся избегнуть никчемности бытия
и сделай себя опьяненным вином Бога.

Будьте открытыми, и Бог начнет изливаться на вас подобно вину из всех уголков и закоулков существования. Тогда, куда бы вы ни посмотрели, вы находите Бога. Тогда, чего бы вы ни коснулись, вы находите Бога. Тогда, что бы вы ни пили и ни ели, вы находите Бога. А когда Бог изливается отовсюду, такая жизнь есть празднование.

ПОЛЕ БУДДЫ ВЕСНОЙ

Первый вопрос:

Ошо, во вчерашней лекции ты сказал, что программы, имена, ярлыки, становление кристаллизованным и отождествленным – это помехи и обязательства в поиске искателем истинного «Я». Для меня это так. Я не хочу ярлыков. Я хочу быть обширным, неограниченным. Я не хочу быть кристаллизованным. Я хочу течь подобно горному потоку. Чтобы стать признанным как ученик организацией вокруг тебя, человек должен принять программу, которая, в частности, настаивает на ношении малы, оранжевых одежд и изменении имени, что, кажется, действует как метки и ярлыки, обозначающие человека как саньясина.

Пожалуйста, объясни, что такое неосаньясин и что требуется (если есть что-то), чтобы быть им. Это важно для меня, потому что ты для меня – свет во тьме, но единственный способ стать к тебе ближе, говорить с тобой – стать саньясином, что означает вовлечение в тяжелую работу – большую, чем простое желание стоять под твоим путеводным светом.

Роланд Симан, саньяса – это не программа: это процесс депрограммирования, и поскольку ты уже запрограммирован, тебе надо депрограммироваться.

Ты говоришь, что ты не хочешь быть отождествленным с именем – тогда кто такой Роланд Симен? Ты говоришь, что ты не хочешь становиться ярлыком, но ты и есть ярлык. Вопрос не в становлении ярлыком или именем – ты уже являешься этим. Это подобно тому, что загипнотизированный человек говорит: «Я не хочу быть загипнотизированным». Неосаньяса – это процесс дегипноза: человек, который уже загипнотизирован, нуждается в том, чтобы быть разгипнотизированным; если он говорит, что это снова вид гипноза, тогда он останется загипнотизированным навсегда.

Общество гипнотизирует вас, церковь гипнотизирует вас, ваши родители гипнотизируют вас. Вы уже прошли через этот процесс; теперь вы должны будете вернуться назад. Неосаньяса – это процесс отбрасывания всего, что было навязано вам; неосаньяса – это антипроцесс.

У Муллы Насреддина было объявление на фронтоне его офиса: «Продавцы не допускаются. Если кто-то попробует войти, он будет преследоваться по суду».

Друг спросил его:

– Почему ты так против продавцов?

Он сказал:

– Они смертельно скучны.

Друг сказал:

– Это правда, это и мой собственный опыт. Откуда ты взял эту табличку?

А Мулла засмеялся и сказал:

– Это единственная практичная вещь, что я когда-либо купил у продавца.

Саньяса – не новая программа. Оранжевое, мала и новое имя – просто жест с вашей стороны, что вы готовы отбросить все программы, жест с вашей стороны, что вы открыты мне. Это просто жест; вот почему это так просто. Всякий может получить саньясу вне зависимости от условий; нет нитей, прикрепляющих к ней.

Вы когда-нибудь слышали о какой-нибудь духовной традиции в мире, так легко дающей саньясу? Нужны великие приготовления. Если вы хотите стать индусским саньясином, вы должны будете пройти через долгий процесс подготовки. Если вы хотите стать христианским монахом, то же самое. Это происходит впервые во всей истории человечества: я даю вам саньясу, не спрашивая, достойны ли вы этого, готовы ли вы. Почему? Потому что это не программа.

Быть католическим монахом... Нужно выполнить ряд условий перед тем, как вы будете допущены, это потребует для подготовки годы. Чтобы стать джайнским монахом, потребуется еще больше, потому что джайнский монах – это аскет: чем неестественнее программа, тем более долгие приготовления понадобятся.

Я даю вам саньясу без требований, без условий. Это просто жест. А вы думаете только о новом имени, о необходимости носить оранжевые одежды. Но вы не знаете: новое имя поможет вам развязаться со всем вашим прошлым. Эти оранжевые одежды объявляют, что вы больше не часть никакой религии, что вы просто религиозны – что вы не индуист, не христианин, не мусульманин.

Саньяса подобна шипу, с помощью которого вы вытаскиваете занозу из своей ступни. Этот шип – точно такая же заноза. Саньяса – это просто шип, чтобы вытолкнуть все занозы, засевшие в вашем существе. Вы не отождествляетесь с чем-то опять. Саньяса не серьезна; она очень игрива, она несерьезна.

Я сказал вам, что *программы, имена, ярлыки, кристаллизация и отождествление – это помехи и обязательства в поиске искателем истинного «Я».*

Да, я повторяю это снова. Но у вас все же будет имя: не отождествляйтесь с ним. Я не сказал вам не иметь никаких имен – не так ли? Без имен будет невозможно существовать. От них есть некая польза. Без имен, без адресов будет невозможно существовать там, где вокруг вас так много людей. Вам нужно определенное имя; это утилитарно, в этом нет окончательной истины. Когда вы начинаете думать, что ваше имя имеет в себе что-то истинное, тогда вы стали кристаллизованным и отождествились с ним.

Я сказал: не отождествляйтесь с вашим именем и не отождествляйтесь ни с каким ярлыком, что вы используете в жизни. А вы должны будете использовать много ярлыков. Я не против жизни. Если вы отбросите все ярлыки и все имена, вы должны будете вернуться к очень примитивному состоянию – жить в пещере в Гималаях. Здесь не нужно никаких имен, поскольку нет почтальона, который когда-либо принесет вашу почту, никто никогда не окликнет вас, никто никогда не обратится к вам. Но это будет разновидность самоубийства. Я не учу вас никакому виду самоубийства. Я против отречения от мира.

Я хотел бы научить вас жить в мире, жить более полно, жить более интенсивно. Но тогда будут нужны ярлыки и имена. Тогда что же делать? Не отождествляйтесь с ними, вот и все.

Если вы пронесли имя через сорок лет, хорошо поменять его, поскольку не отождествляться с новым именем будет легче. Со старым, сорокалетним, ассоциация очень сильна; это глубоко вошло в вашу плоть и кровь. Новое имя будет просто на поверхности. Теперь не делайте с новым именем то же, что вы сделали со старым.

Та организация, что существует вокруг меня, в действительности, не организация, но механизм – механизм, который создает определенное пространство. Вы можете быть неспособным увидеть это прямо сейчас, пока вы не вошли в это пространство. Те, кто вошли, знают, что организация существует между мной и миром, и она должна выполнять некую функцию.

Роланд Симен, если бы здесь не было организации, ты не смог бы сидеть со мной молчаливо и двух минут. Здесь были бы тысячи и тысячи людей, всегда шумящих вокруг меня; никакая работа была бы невозможна. Я жил таким образом на протяжении многих лет. Было невозможно работать с людьми, поскольку не было возможности какого-то единства. Здесь всегда были толпы. Даже когда я спал в моей комнате, люди сидели вокруг; я ел, а люди сидели вокруг. Это была непрерывная толпа. Никто не мог задать никакой личный вопрос, интимность была невозможна.

Эта организация была создана, чтобы не быть в организации, а просто быть здесь, так что весь мир не стал бы посягать на меня, а я мог оставаться доступным для настоящих, подлинных искателей.

Сейчас вы сидите в молчании, здесь, со мной, и скажите за это спасибо так называемой организации. Иначе это было бы невозможно. Так было: тысячи людей слушали меня; я путешествовал по стране. В городах собиралось по пятьдесят тысяч человек. На одной стороне стояли люди, которые кричали против меня, а на другой – люди, бывшие за меня, и они тоже кричали, а я в это время говорил! И постоянно дежурила полиция.

Было почти невозможно работать; вот почему я прекратил путешествовать. Теперь я никуда не иду. Те, кто действительно заинтересован в истине, должны будут прийти ко мне. А организация – просто механизм, просвечивающий людей. Если вы действительно искатель, тогда это ничто – носить оранжевую одежду, стать саньясином. Если даже это для вас большая цена, тогда вы не настоящий искатель, может быть, просто любопытствующий.

Для того, чтобы быть с Мастером, необходимо соучастие с Мастером. Это единственный способ быть в объединении. Это не только вопрос разговора со мной: это вопрос разделения моего бытия. Вы должны будете дать мне знак, что вы останетесь открытыми, что вы не будете защищаться.

Твой вопрос, Симен, не что иное, как защита. Ты хочешь иметь все возможности, которые даны тем, кто сдался, и все же ты не хочешь сдаться и не хочешь соучаствовать. Ты хочешь выгод без того, чтобы платить за них.

Ты говоришь: *Во вчерашней лекции ты сказал, что программы, имена, ярлыки, кристаллизация и отождествление – это помехи и обязательства...*

Да, это так. Когда ты примешь саньясу, если ты когда-нибудь примешь ее, не отождествляйся с именем: думай о нем, как о полезном приспособлении. И не становись отождествленным с оранжевыми одеждами: думай о них, как о жесте.

И ты говоришь: *Для меня это так.*

Для тебя это не так. Если бы это было так, истина уже случилась бы с тобой. Тогда что же мешает истине? Если ты отбросил все ярлыки, все программы, все имена – если ты не отождествлен ни с чем, – тогда что препятствует истине случиться? Несомненно, ты очень умен и хитер. Ты *отождествлен* со своим именем, ты отождествлен с программами, ты отождествлен со своим прошлым и всеми условностями, что прошлое дало тебе. Но слушая меня... эта идея очень хорошая, удобная – так что тебе не нужно ничего менять, ты

можешь просто сказать: *для меня это так.* Если для тебя это так, то, во первых, почему ты здесь?

Ты говоришь: *Я не хочу ярлыка.*

Кто этот «Я», что не хочет ярлыка? Это уже ярлык – самый большой ярлык!

Ты говоришь: *Я хочу быть обширным, неограниченным.*

Кто этот «Я», что хочет быть обширным и неограниченным? Это и есть путешествие эго! Ты никогда не можешь стать обширным и неограниченным. Когда вы исчезли, – это обширность, это неограниченность, – но это не будет принадлежать вам, запомните. Вы не сможете утверждать: «Я огромен». Если здесь есть «Я», тогда безграничность невозможна. «Я» обречено остаться ограниченным. Идея эго никогда не может быть неограниченной; идея эго сохраняет вас отдельным от бесконечности существования.

Ты говоришь: *Я хочу быть обширным, неограниченным.*

Твое эго хочет стать обширным и неограниченным. Саньяса просто означает, что ты отбросил все трюки своего эго. Тогда ты говоришь: «Я не хочу никем быть, я не хочу быть кем-то особенным, я не хочу иметь никакой цели». Стать бесконечным, стать обширным, – это всё в будущем. А если появляется цель, эго усиливается.

Эго существует через цели; как вы их назовете, – несущественно. Вы можете сделать целью деньги, власть, престиж – или же бесконечность, обширность, Бога; это тот же самый трюк эго. Теперь оно стало более неуловимым и более ядовитым, поскольку чем неуловимее эго, тем оно опаснее.

Вы боитесь, но пытаетесь философски прикрыть свой страх. Вот почему непрерывно продолжается то, что я говорю одно, но вы понимаете другое. Вы понимаете согласно самим себе, вы немедленно начинаете манипулировать, искажать то, что вы услышали.

Вот почему общение между светом и тьмой так трудно. Между теми, кто знает, и теми, кто не знает, это практически невозможно. Ты немедленно набросился на идею, и ты сделал прекрасное оружие из нее, чтобы защитить себя.

Пойми смысл. Саньяса означает отбрасывание всех целей, саньяса означает жить счастливо таким, какие вы есть. Саньяса означает проживание совершенно обычной жизни. Что за вздор ты несешь – становление обширным и бесконечным! Жить жизнью в ее чистоте, обычности – есть саньяса. И тогда однажды это случается: внезапно оковы исчезают. Но они исчезают только у тех людей, которые живут обычно: едят, когда голодны, спят, когда хочется спать; просто жить обычной жизнью – рубить дрова, носить воду из колодца – без претензий, без путешествий в будущее, мирское или потустороннее; просто жизнь от-момента-к-моменту, без желания возвестить о себе.

У тебя, должно быть, огромное желание стать известным:

Я хочу быть обширным, неограниченным.

Ты никогда не сможешь быть обширным, ты никогда не сможешь быть неограниченным. ТЫ – это барьер! Теперь болезнь хочет быть здоровьем. Болезнь не может быть здоровьем; болезнь должна уйти. Когда не осталось болезни, появляется здоровье.

Ты спрашиваешь: *Что такое неосаньяса?*

Это создание пространства, в котором становится возможным расплавление, создание пространства, в котором многие люди плавятся, растворяются, и вы видите красоту, появляющуюся в них, вы видите их благость, вы видите что-то мистическое вокруг них.

Благодаря этому внутри вас начинается тот же процесс. Саньяса не может стать причиной Бога в вас. Саньяса не верит в причинно-следственную связь; саньяса – это синхронность, в которой цветут многие люди. Здесь вам становится легче расти: просто так

много людей цветут – и в вас освобождается великая энергия. Это не обусловлено другими; это просто передача. Кто-то поет песню, и внезапно песня возникает в вашем сердце – и ваши губы начинают двигаться. Это не было вызвано, в этом не было неизбежности. Это не следствие чьего-то пения, это параллельно ему. Это спровоцировано, не обусловлено; вы стали откликаться.

И вы знаете, как это случается: в обычной жизни это тоже случается. Кто-то приходит счастливым, смеющимся, ликующим; вы сидели в печали, но внезапно увидели этого человека, услышали его смех, почувствовали его бурлящую энергию – и ваша печаль исчезает. Вы начинаете смеяться. Вы полностью забываете про ваши несчастья, ваши страдания, ваши проблемы, ваши заботы. На мгновение другой человек вызвал что-то из вашей глубины просто своим присутствием. Он – каталитический фактор. Так же действует Мастер.

Когда есть энергетическое поле, поле Будды, когда вокруг Мастера столько учеников, вы в весеннем саду. Цветут тысячи деревьев – внезапно ваше семя набирается храбрости, оно чувствует возможность, ваше семя готово рискнуть. Вот что такое саньяса.

Если у вас есть смелость, если вы действительно искатель истины, тогда прыгните в неизвестное.

Это не условие; это антипрограмма, разобуславливание. Это не гипноз, это дегипноз. Это не программа, это депрограммирование.

Второй вопрос:

Что такое любовь?

Это зависит от многого. Существует столько типов любви, сколько и людей. Любовь – это иерархия: от самой нижней ступени до самой верхней, от секса до сверхсознания. Есть много слоев, множество планов любви. Все зависит от вас. Если вы существуете на самом нижнем уровне, у вас будет полностью другая идея любви, чем у человека, существующего на высшем уровне.

У Адольфа Гитлера будет одна идея любви, у Гаутамы Будды – другая; и они будут диаметрально противоположными, потому что это две крайности.

В самом низу любовь – это вид политики, политики с позиции силы. Если любовь загрязнена идеей преобладания, это политика. Называете вы это политикой или нет – не имеет значения, – это политично. Миллионы людей ничего не знают о любви, кроме этой политики – политики, существующей между мужьями и женами, любовниками и любовницами... Сама идея политична: вы хотите господствовать над другим, вы наслаждаетесь господством.

И любовь – это не что иное, как подслащенная политика, подслащенная горькая пилюля. Вы говорите о любви, но есть глубокое желание эксплуатировать другого. Я не говорю, что вы делаете это намеренно или осознанно – вы все еще бессознательны. Вы не можете делать это специально; это бессознательный механизм.

Поэтому желание обладать и ревность становятся существенной частью вашей любви. Вот почему любовь создает больше страдания, чем радости. Девяносто девять процентов ее горько; есть только один процент сахара, которым она присыпана. Но рано или поздно сахар исчезает.

Когда любовная связь только-только началась, – это дни медового месяца: вы вкушаете нечто сладкое. Скоро этот сахар стекает и реальность предстает перед вами во всей своей наготе, вся идея становится безобразной.

Миллионы решили больше не любить других людей. Лучше любить собаку, кошку, попугая; лучше любить машину – поскольку вы можете спокойно ею обладать, и она никогда не станет пытаться обладать вами. Это просто; это не так сложно, как быть с человеком.

На коктейле хозяйка случайно подслушала беседу учтивых джентльменов.

– О, я обожаю ее, я поклоняюсь ей, – объявил один.

– Я тоже хотел бы, чтобы она была моей, – согласился его друг.

– То, как она бежит и рассекает воздух... Ее прекрасные большие карие глаза... Ее красиво посаженная голова...

– Тебе очень везет, – откликнулся друг.

– А ты знаешь, что действительно приводит меня в трепет? Это то, как она щиплет меня за ухо.

– Сэр, – вмешалась хозяйка. – Я нечаянно подслушала эти возвышенные слова. В наше время бесчисленных разводов я восхищаюсь человеком, который так пылко любит свою жену.

– Мою жену? – удивленно говорит джентльмен. – Нет, речь шла о моей любимой скаковой лошади!

Люди влюбляются в лошадей, собак, животных, машины, вещи. Почему? Потому что влюбиться в человека – это создать ад, постоянный конфликт, ссоры, ситуации, когда люди кидаются друг на друга.

Такова самая нижняя форма любви. Нет ничего неверного в ней, если вы можете использовать ее как точку отсчета, если вы можете использовать ее как медитацию. Если вы наблюдаете за этим, если вы пытаетесь понять – в самом понимании вы достигаете другого уровня, вы станете двигаться вверх.

Только с высочайшего пика, когда любовь больше не является связью, когда любовь становится состоянием вашего бытия – лотос раскрывается полностью и великий аромат освобождается, – но только на вершине. Внизу любовь – это просто политические отношения. На вершине любовь – это религиозное состояние сознания.

Я вас тоже люблю, Будда любит, Иисус любит, но эта любовь ничего не требует взамен. Они дают любовь из чистой радости давания; это не сделка. Отсюда ее светящаяся красота, отсюда трансцендентная красота этого. Это превосходит все радости, которые вы знаете.

Когда я говорю о любви, я говорю о любви как о состоянии. Она безадресна. Вы не любите этого человека или того человека, вы просто любите. Вы есть любовь. Чем говорить, что вы любите кого-то, лучше сказать, что вы *есть* любовь. Так всякий, кто способен поделиться, может поделиться. Вы доступны всякому, кто способен испить из ваших бездонных источников – доступны без условий.

Это возможно, только если любовь становится все более и более медитативной.

Слова «Медицина» и «медитация» происходят от одного и того же корня. Та любовь, которую вы знаете – это вид болезни: она нуждается в лечении, лекарстве медитации. Если она проходит через медитацию, она очищается. И чем больше она очищается, тем более она экстатична.

Нэнси пила кофе с Элен.

Нэнси спросила:

– Ты уверена, что твой муж любит тебя?

– Он каждое утро выносит мусор.

– Это не любовь. Это хорошее ведение хозяйства.

– Мой муж дает мне столько денег, сколько мне нужно.

– Это не любовь. Это щедрость.

– Мой муж никогда не смотрит на других женщин.

– Это не любовь. Это плохое зрение.

– Джон всегда открывает для меня дверь.

– Это не любовь. Это хорошие манеры.

– Джон целует меня, даже когда я поела чеснока и в моих волосах бигуди.

– Да, вот это любовь.

У всякого есть своя собственная идея любви. И только когда вы пришли к состоянию, где все идеи о любви исчезли, где любовь уже больше не идея, но просто ваше существо, только тогда вы узнаете ее свободу. Тогда любовь – это Бог. Тогда любовь – это высшая истина.

Пусть ваша любовь движется через процесс медитации. Наблюдайте ее, отслеживайте извилистые дороги вашего ума, наблюдайте вашу силовую политику. И ничто другое, кроме непрерывного наблюдения и отслеживания, не поможет. Когда вы говорите что-то вашей женщине или вашему мужчине, взгляните на это: каков бессознательный мотив, почему вы говорите это? Тот ли это мотив? Тогда что это? Осознавайте этот мотив, перенесите его в сознание – потому что это один из секретных ключей трансформации: все, что становится осознанным, исчезает.

Ваши мотивы остаются неосознанными, вот почему вы находитесь в их тисках. Сделайте их осознанными, вынесите их на свет, и они исчезнут. Это как если бы вы выкопали дерево и вынесли корни на солнечный свет: они умрут, они могут существовать только во тьме почвы. Ваши мотивы также существуют только во тьме вашего бессознательного. Итак, единственный способ трансформировать любовь – это вынести все ваши мотивации из бессознательного в сознание. Постепенно мотивы умрут.

А когда любовь не мотивирована, тогда это величайшая вещь, которая может с вами произойти. Тогда любовь – это что-то высшее, пришедшее из запредельного.

Вот смысл слов Иисуса: «Бог есть любовь». Я говорю вам: любовь есть Бог. Бога можно забыть, но не забывайте о любви, потому что именно чистая любовь приведет вас к Богу. И если вы полностью забыли о Боге, ничего не теряется. Но не забывайте о любви, потому что любовь – это мост. Любовь есть процесс чудесного изменения вашего сознания.

Третий вопрос:

Во мне были воспитаны ложные идеалы, что в гневе на существование проявляется человеческое достоинство. Всю мою жизнь я боролась, но не нашла достоинства – только боль и страдание. Жизнь – это жизнь, она беспричинна. Откуда этот глупый идеал?

Я хочу держаться за что-то, даже за гнев на то, что я верю в ложь, во всю большую ложь. Я хочу, чтобы эта ложь была истиной. Как я могу быть такой глупой?

Вика, каждый воспитан на идеалах борьбы с существованием, поскольку единственный способ создать эго – бороться против существования. Только через борьбу с существованием создается эго – поскольку в борьбе вы становитесь отдельным, в борьбе вы начинаете плыть против течения. Тогда поток и вы – это враги: вы должны обуздать поток, а любая идея победы – основная в создании эго.

Вы захвачены идеей борьбы. Бороться с природой, бороться с людьми, соревноваться, поскольку это единственный способ выжить. Только наилучший выживает – так что становитесь все более и более умелыми бойцами. Общество хочет создать в вас эго. И раз эго создано в вас, вы страдающий человек – ложный, фальшивый; вами можно управлять.

Тогда общество может эксплуатировать вас, родители могут эксплуатировать вас, священники могут эксплуатировать вас. Тогда каждый способен эксплуатировать вас.

Если вы действительно хотите освободится от эго – а избавиться от него – это единственная свобода – тогда вы должны будете отбросить эту глупую идею борьбы с природой, с существованием. Это не человеческое достоинство, это человеческий первородный грех. Это человеческое бремя, стихийное бедствие, проклятие.

Человек становится возвышенным, только когда он исчезает. Когда человек исчезает как человек и позволяет существованию течь через него, тогда есть достоинство, изысканная красота, грация, великолепие. Когда вас нет, это величественно. Если вы прекращаете бороться, – вы исчезнете, вы исчезнете автоматически.

Но поскольку вы не хотите исчезать, вы продолжаете следовать глупой идее, которая была вам дана. Тогда вся ваша жизнь не что иное, как постоянная война – а как вы можете быть счастливыми, блаженными и празднующими, когда каждый момент – это борьба? Вы боретесь против многого: на самом деле, целый мир – ваш враг, а вы так одиноки. Есть страх – он должен быть, – и беспокойство, и мука, поскольку сама идея кажется невозможной.

Как можете вы покорить это существование? Оно было здесь до вас, оно будет, когда вы уйдете. Как можете вы победить его? – вы такая маленькая часть. Сама идея – абсурдна. Волна пытается победить океан, ваша рука пытается победить все тело, – сама эта идея абсурдна.

Расслабьтесь, отпустите себя. Живите в природе как ее неотъемлемая часть. Сотрудничайте, а не конфликтуйте.

Идея выживания сильнейшего неправильна. Выживание само по себе также не имеет значения. Вопрос не в том, сколько лет можно прожить; вопрос в том, как жить: тотально, глубоко, интенсивно, страстно. Тогда даже один момент полной жизни более значим, чем долгая-долгая жизнь на протяжении сотен лет.

Один момент страстной любви, страстной жизни, страстного молчания более значим, чем вся вечность. Это не вопрос выживания, это, в действительности, вопрос того, как прожить этот момент. Идея выживания делает завтрашний день более важным, чем сегодняшний, идея выживания делает для вас более возможным пожертвовать сегодняшним днем в пользу завтра. А завтра никогда не приходит: когда оно наступает, это уже сегодня. Ваш ум запрограммирован жертвовать настоящим ради будущего всю вашу жизнь.

Родители жертвуют своими жизнями для своих детей. Дети тоже, в свою очередь, будут жертвовать своими жизнями в пользу своих детей, и так далее, и тому подобное. И никто никогда не будет жить.

Я против самой идеи жертвования. Никогда не жертвуйте! Живите этим мгновением; проживайте его тотально, интенсивно, страстно. И тогда происходит чудо: если родители

прожили свою жизнь прекрасно, если они наполнены, эта наполненность создает для детей пространство для жизни, правильной жизни. А под правильной жизнью я не имею в виду мораль, под ней я имею в виду путь тотальности. Жить частично значит жить неправильно, жить тотально – это жить правильно.

Если дети цепляются за родителей, проживших свои жизни огненно, пламенно, праздновавших свои мгновения, эти дети научатся, как праздновать, как жить радостно, как жить утверждающе, как жить, говоря существованию «да». Глубокое «да» возникнет в их сердцах: их родители будут причиной этого. И если родители никому не отдавали себя в жертву, то и дети не научатся этой самоубийственной идее жертвования.

Если родители жертвуют чем-то для своих детей, тогда рано или поздно, когда родители состарятся, они потребуют жертвы от детей. Они скажут: «Мы пожертвовали для вас столь многим, теперь вы жертвуйте для нас».

Страна требует жертвы от людей, живущих в ней. Церковь требует жертвы. Все требуют жертвы. Просто посмотрите вокруг себя: все они стоят вокруг вас, требуя жертвы. Они учат вас, что жертвовать – морально.

Жертвовать – аморально! Жертвуете ли вы для страны, религии, детей – это аморально. Это аморально, поскольку это не позволяет вам жить своей жизнью. Вы становитесь печальны, вы становитесь застывшими, и тогда в ответ вы начинаете заставлять других жертвовать для вас. Тогда вся жизнь этого мира становится просто искалеченной и парализованной.

Мать учила свое маленькое дитя великим истинам жизни и религии. Она была католичкой; она сказала своему маленькому сыну:

– Бог создал тебя, чтобы служить другим.

Маленький мальчик поразмыслил над этим и сказал:

– Хорошо, если так говоришь ты. Но тогда зачем он создал других? Служить мне? Это так абсурдно: я создан, чтобы служить кому-либо другому, а кто-то создан, чтобы служить мне. Это выглядит так нелогично. Почему ни я, ни он не можем служить себе?

Это выглядит логичным, математическим.

Я учу вас разновидности самолюбия. Вы не созданы, чтобы жертвовать собой ради кого-то еще, вы не созданы, чтобы служить другим. Вы выучили это, поскольку другие хотят, чтобы вы служили им, жертвовали. А поскольку они хотят, чтобы вы служили им, они должны служить вам; поскольку они хотят, чтобы вы жертвовали собой ради них, они должны жертвовать собой ради вас. Так вы все время душите друг друга, требуя жертвы.

Саму идею нужно отбросить. Вы созданы, чтобы жить и праздновать, точно так же, как другие. Бог не убийца, он не требует от вас жертв. Он хочет, чтобы вы цвели и расцветали.

Только когда вы расцвели, вы будете приняты. Дорога цветения есть дорога приятия. Не сопротивляйтесь. Не гневайтесь на существование; расслабьтесь, сдайтесь, плывите вместе с потоком.

Вика – этой истине ты научилась благодаря своей собственной жизни. Ты говоришь: *«Всю мою жизнь я боролась, но не нашла достоинства, только боль и страдание».*

Теперь время пришло: если ты поняла, отбрось это! Отбрось это немедленно – не тащи это больше не единого мгновения, ибо – кто знает? Следующий момент может никогда не прийти. Отбрось в это самое мгновение!

Всегда осознавай – все, что понято, должно немедленно стать твоей жизнью. Не откладывай этого.

Четвертый вопрос:

Я хочу принять саньясу, но мой муж упорно против этого. Что может быть причиной его сопротивления?

Дениз сильно озабочена своим лицом. «Я безобразна, – сказала она себе, глядя в зеркало. – У меня нос крючком, у меня слабовольный подбородок, торчащие уши, и у меня под глазами мешки. «

В отчаянии она идет на пластическую операцию и подтягивает кожу лица: ее подбородок приобрел более резкие очертания, нос переделан, ее уши приведены в порядок, а мешки под глазами убраны.

После месяца страдания порядок, наконец, наступил. Она снова была способна развлекать друзей, но все еще сердилась на себя.

Однажды ее подруга Джоан поглядела на нее в изумлении.

– Я не понимаю, почему ты выглядишь такой печальной, у тебя теперь лицо, как у кинозвезды.

– Я знаю, – всхлипнула Дениз. – Но теперь мое лицо не подходит к моему старому телу.

Это – страх. Если женщина хочет принять саньясу, муж боится, если муж хочет принять саньясу, жена боится – потому что приходит что-то новое. Если вы становитесь саньясином, это означает, что связь между вами и вашем мужем не может быть той же самой. Вошло что-то новое; ваш муж должен приспособиться.

Он, должно быть, был хорошим мужем для жены-несаньясинки, ему не может быть хорошо с женой-саньясинкой: в этом страх.

Это происходит всегда, это не ново. Такое случается почти каждый день. Всякая пара ощущает тревогу, потому что все новое беспокоит. Это создаст хаос. Вы должны будете начать с самого начала. Когда-то вы приспособились, и помните – это всегда приспособление. Вы пришли к компромиссу, вы научились жить с женщиной. А теперь она хочет стать саньясинкой. Вы не знаете, кем она будет после этого, как она будет себя вести. Она станет непредсказуемой.

А это опасно, поскольку саньяса обозначает революцию. Она жила с вами: она может не осознавать того, что никогда не любила вас. Могли быть другие мотивы, – может быть, вы были богаты, и она хотела жить безопасной жизнью; теперь она становится саньясинкой: рано или поздно она обнаружит – поскольку саньяса – это путешествие в ее собственное бытие, исследование – рано или поздно она станет осознавать, что никогда не любила вас, она любила ваши деньги. Она может увидеть, что из-за этого была упущена возможность любви.

Саньяса может придать ей смелость. Она должна придать смелость. Она может отбросить эту жизнь, увидев, что мотив был неверен, увидев, что она обманывала себя и вас – хотя и не зная, не намеренно, но если она понимает и видит это – кто знает, что может произойти?

Она жила с вами; ей, наверное, было скучно, но она не могла набраться смелости уйти от этой скуки, – связь может стать застывшей. Саньяса заставит ее осознать, что такие отношения не нужны.

Саньяса – это не обычная религиозная идея, о которых вы знали в прошлом. Саньяса в действительности является путешествием в вашу глубину. Это значит жить в соответствии с вашим пониманием, жить подлинно. Если саньяса и означает что-то, то это смелость жить искренне.

Существует опасность: женщина может покинуть вас, она может влюбиться в кого-то еще – может быть, она подавляла эту идею до настоящего времени.

Моя саньяса не подавляет. Я хочу, чтобы вы жили естественно, радостной и открытой жизнью, в которой ничего не подавлено. Моя саньяса выражает все и ничего не подавляет.

Если вы были христианином, ходили в церковь – не было никакого беспокойства, поскольку церковь сделала вас еще более подавленными, церковь сделала вас еще большими рабами. Ваш муж был счастлив; он даже мог иногда ходить в церковь вместе с вами, чтобы поддержать вас. Церковь поддерживает существующее положение вещей, церковь одобряет вещи такими, какие они есть. Церковь антиреволюционна – все церкви, индуистская, христианская, мусульманская.

Я – не церковь, я против основательной, удобной жизни. Я за реальную жизнь: даже если она приносит хаос, идите в нее. Поэтому возникает страх.

Постепенно супружеские пары становятся безразличными друг к другу. Видя, что нет возможности для изменения, они впадают в разновидность комы. Их связь не жива, не осознанна, не сияюща, – любовь мертва.

Я снова приношу в вашу жизнь романтические отношения, поскольку я не могу представить реальную жизнь без романтики. Вы как бы впервые влюбляетесь в вашего мужа: вы можете снова влюбиться в вашего мужа; либо вы влюбитесь в кого-то еще. Или же вы можете стать такими бдительными, что в очередной раз вы ни в кого не влюбитесь. Вы можете просто быть одинокими, вы можете быть способными наслаждаться красотой одиночества. Никто не знает; мои саньясины непредсказуемы, и это создает беспокойство.

Близкие отношения рождают презрение, но люди продолжают тащить их на себе.

Марго часто была в плохом настроении, потому что ее муж Эльмар, кажется, не замечал ее.

– Как тебе моя новая шляпка? – громко спросила Марго.

– А... ага... все хорошо.

– Правда, мое платье очень симпатичное?

– Да, сойдет.

– А белые туфли к нему подойдут?

– Да, может быть.

– Не думаешь ли ты, что эти бусы подходят к блузке?

– Все отлично.

– Почему бы тебе не отложить газету, дорогой? – прошипела она сквозь зубы.

– Немножко попозже.

– Не возражаешь ли ты, если я положу тебе в суп мышьяк?

– Как хочешь, дорогая.

Рано или поздно мужья и жены теряют всякую возможность общения. Они живут вместе, но не совместно. Они становятся тупыми, бесчувственными. Отсюда страх, страх того, что вы однажды снова станете живыми. И тогда кто знает, что может случиться?

Сади и Джордж обедали, когда внезапно погас свет.

– Авария, – заметил Джордж.

– Что же делать, – вздохнула Сади.

– Я думаю, если подключить автомобиль к сети... – подумал вслух Джордж.

– Кого беспокоит, как это произошло? – объявила Сади. – Что будем делать мы?

– Я знаю, – сказал Джордж, – не беспокойся. Мы зажжем несколько свечей.

– Великолепно, – согласилась Сади, – они в серванте.

Итак, они продолжили обед при свечах.

– Разве это не романтично? – прошептала Сади.

– Да, – согласился Джордж, – как жалко, что мы женаты.

Женатые люди полностью забыли, что такое романтика. В настоящем браке романтические отношения продолжатся. Но вся наша жизнь не подлинна, поэтому наши браки не настоящие. Поскольку наши индивидуальности не участвуют в них, мы остаемся фальшивыми, и все, что мы делаем с этими фальшивыми личностями, становится вдвойне фальшивым.

Всегда, когда появляется возможность встречи с истиной, возникает страх. Жена хочет стать саньясинкой – муж упорно против; муж хочет стать саньясином – жена становится против.

Страх в том, что появится что-то новое, способное разрушить все устоявшееся. Но люди хотят жить в безопасности, даже если безопасность означает смерть. Люди хотят жить в комфорте, даже если комфорт означает, что вы просто влачите свое существование. Безопасность, комфорт, удобство стали высшими ценностями.

В обществе, которое думает о безопасности как о ценности, комфорте как о ценности, удобстве как о ценности, каждый становится испуганным, никто ничего не хочет менять. Все за существующее положение: пусть вещи остаются такими, как есть, не трогайте их.

А саньяса действительно – решительный шаг.

Ваш муж просто представляет всех мужей мира. Это просто страх, имейте к нему сострадание. Помогите ему медитировать, помогите ему пройти через несколько терапевтических групп. Помогите ему, не спорьте. И не спешите принять саньясу – подождите немного. Просто пустите его подойти ко мне ближе, и тогда он, может быть, сам захочет принять саньясу, и тогда *вы* можете испугаться. Тогда вы поймете, что происходило с ним.

Мы живем такой безобразной жизнью, и для этого совсем нет причин, кроме того, что мы цепляемся за этот образ жизни.

Будет хорошо, если вы оба станете саньясинами, но будьте немножко терпеливы, не пугайте его слишком сильно. Если вы слишком сильно настаиваете на принятии саньясы, он будет в такой же степени выступать против нее. Относитесь ко всему более расслабленно, легко. Если вы действительно хотите стать саньясинкой, это произойдет. Но помогите также и ему, этот бедный человек также нуждается в революции в своей жизни.

Если бы это был вопрос от мужа, мой ответ был бы другим. Поскольку это вопрос от жены, то мой ответ таков. Если бы муж попросил о саньясе, я сказал бы ему: «Прими ее

немедленно», – поскольку нет способа убедить женщину, нет способа спорить с женщиной. Только если вы принимаете саньясу, она будет способна понять, иначе – нет.

Я сказал бы также, если бы вопрос был от мужа: «Прими ее немедленно, впервые в твоей жизни ты сделаешь что-то, что *ты* хочешь сделать. Не будь у жены под каблуком: сделай это! И ваша женщина будет уважать вас, потому что вы сделали это. Глубоко внутри она будет чувствовать радость, что у нее есть настоящий мужчина. Иначе жены никогда не думают, что в их мужьях есть какая-нибудь цельность».

Но поскольку вопрос от жены... Я очень сильно доверяю женщинам, я знаю, что она примет саньясу, я не беспокоюсь об этом. Сегодня или завтра – она может ждать, она примет ее. Таков мой опыт: если женщина решает, она решает. Муж может сомневаться; завтра он, может быть, вообще неспособен принять ее. Так что я не могу сказать ему подождать. Муж всегда колеблется. Но раз женщина решила, она решила – поскольку муж решает через интеллект, а женщина решает от сердца. И качество решения полностью другое.

Когда женщина решает, она готова идти до самого конца. Она может даже пожертвовать своей жизнью, если решится на что-то. Она знает, как отдать себя, через сердце; она знает, как любить. Ее решение – это не интеллектуальное заключение, поэтому оно непоколебимо. Ее решение больше интуитивно, оно полно, оно абсолютно, поскольку интуиция никогда не разделяет, она не двойственна. А когда вы решаете что-то через интеллект, это всегда парламентское решение. Может быть, сегодня какая-то часть вас говорила: «Давай» – но это не было большинством. Это всегда решение меньшинства, а большинство всегда против.

Женщина решает через сердце. Это не парламентское решение, оно тотально. В каком-то смысле оно окончательное: она может ждать годами, и все же решение будет принято.

Вот почему женщины очень терпеливы в любви – они могут ждать. Я знаю женщин, которые ждали многие-многие годы. Но мужчины очень нерешительны: сегодня он влюблен, завтра любовь исчезает. Это была не любовь, это была *мысль* о любви.

Тебе я говорю – подожди. Я знаю, что ты можешь соблазнить его принять саньясу – возьми его с собой! Когда у меня есть возможность, чтобы двое стали саньясинами, я могу подождать.

Пятый вопрос:

Возлюбленный Ошо, я хотел бы знать, есть ли в Индии закон, препятствующий индийским гражданам обитать, проживать или жить в доме, домах или ашраме в любой части Индии, учиться и следовать благословенной человеческой жизни для роста религии и науки. Если да, тогда что такое независимость? Если нет, тогда почему мы не начинаем основывать поселение для неосаньясинов, «Раджнишдхам», вне муниципальной юрисдикции?

Дхарма Шаран Дас, нет закона, препятствующего нам основать коммуну. Но люди у власти всегда думают, что они выше закона. Нет закона, направленного против основания коммуны, ашрама. Но люди, находящиеся у власти, всегда могут найти способы отсрочить это – вот что они делают.

В своей книге «Путешествия с моей тетушкой» Грэхэм Грин рассказывает историю об отставном чиновнике по сбору подоходных налогов, мистере Поттифере, ставшем сейчас консультантом по подоходным налогам и квалифицированно советующим своим клиентам, как перехитрить налоговые бюро, сводя их с ума.

«Он глубоко верил в тактику промедления. 'Никогда не отвечайте на все их вопросы, – говорил он. – Заставьте их писать вам снова. Вы всегда можете решить, что вы имели в виду, позже, по обстоятельствам. Чем больше дело, тем больше работы. Персонал часто меняется. Новичок должен начинать смотреть дело с начала. Конторское время ограничено. В конце ему легче уступить.' Временами, если инспектор нажимал очень сильно, он говорил мне, что как раз время бросить им ссылку на несуществующее письмо. Он писал в точности следующее: 'Вы, по-видимому, не обратили внимания на мое письмо от 6 апреля 1963 года'. Мог пройти целый месяц, прежде чем инспектор признает, что не может найти и следа этого письма. Мистер Поттифер мог послать копию письма, содержащую ссылку, которую инспектор снова был не в состоянии найти. Если он был в районе новичком, конечно, он обвинял своего предшественника; иначе, после нескольких лет общения с мистером Поттифером, он получал нервный срыв.»

Так все и происходит. Мистер Морарджи Десаи был сборщиком налогов: он и продолжает так функционировать. Вот что делается с нами – просто тактика откладывания. Они продолжают запрашивать о том, о сем, и конца этому не видно.

Например, магараджа Катча подарил нам четыреста акров земли в Катче. Эта пустынная земля не используется; на ней ничего нельзя вырастить. Вот почему никто не хотел ее купить, вот почему магараджа легко пожертвовал ее нам.

Тогда началась волокита – ей уже почти полтора года. Сначала они сказали, что должны изучить вопрос, потому что земля слишком близко от Пакистана: она им нужна во время войны. Во время войны – когда случится эта война, никто не знает – но во время войны им понадобиться эта земля.

Как-то мы убедили их, что она непригодна. Тогда они начали писать письма, говорящие, что поскольку здесь может быть много иностранцев, а это на границе страны, это будет вопросом безопасности: могут проникнуть шпионы.

Мы убедили их. Тогда они начали говорить нам, что совсем близко – не очень близко, за тридцать миль – есть военный лагерь. А они не хотят, чтобы мы были так близко от армейского лагеря.

Закона нет, но вы всегда можете найти все что угодно. Итак, мы отбросили эту идею. Все же это продолжается, но мы отбросили эту идею, потому что это, кажется, слишком большая стычка.

Итак, мы купили семьсот пятьдесят акров земли, совсем близко от Пуны – за пятнадцать миль. Теперь начались проблемы – тактика откладывания.

Первое, что они сказали – что мы должны представить сертификат медицинского совета, что климат в этом районе подходит для жизни людей. Всего пятнадцать миль от Пуны! И прямо за той землей, в двух милях, есть деревни, и люди живут здесь. Совсем близко к этой земле живут двести человек.

Итак, мы представили свидетельство. Это потребовало двух или трех месяцев, потому что совет состоит из шести членов, и пока эти шесть членов не соберутся и не согласуют... Так они откладывали и откладывали; в конце концов это произошло. Тогда они потребовали другой медицинское свидетельство, подтверждающее пригодность земли и воды.

Закона нет, но есть уловки и стратегии. Они не могут сказать «нет», но они не хотят говорить «да».

Мы спрашивали. Все авторитеты сказали, что этого никогда не случалось прежде. Никто никогда не спрашивал о воде, земле и климате – но если они спрашивают, мы должны удовлетворять их требования. Так бумажная работа тянется и тянется.

Теперь мы справились с этим. Земля бесплодна, никакой работы на ней нет. Но в их делах она упоминается как сельскохозяйственная земля. Теперь они создали новую проблему: мы не можем строить на сельскохозяйственной земле; сначала мы должны представить свидетельство, гласящее, что это не сельскохозяйственная земля. Никто никогда ничего не вырастил здесь. Мы привели чиновников посмотреть, что это бесплодная земля, всякий может прийти и убедиться: камни, бесплодие, абсолютно бесполезна. Но они говорят, что, поскольку в деле...

Итак, сначала мы должны преобразовать землю из сельскохозяйственной в несельскохозяйственную. Это требует времени; теперь они тянут с этим. Это могло быть легко сделано в течение одного дня – и вот как это делалось. Прошло четыре месяца: всем официальным лицам приказали тянуть сколько возможно. А когда они не могут больше откладывать, когда это становится явной проблемой, из-за которой мы можем пойти в суд – «Вы слишком долго тянете это» – тогда этот чиновник просто пересылает дело чиновнику повыше. Он говорит: «Поскольку это такая сложная проблема, и политический вопрос, а ваш учитель – противоречивый человек, а я такой маленький чиновник, я не могу решить это. Идите выше».

Теперь весь процесс начинается сначала с высшими инстанциями. Это могло бы быть сделано Тасилдаром, самым мелким чиновником. Но он передал дело в комиссию, а ее глава, в свою очередь, передал дело министру штата. А министр штата сказал что это превышает его власть: «Ваш Мастер такой противоречивый, что я не могу рисковать, решая что-либо 'за' или 'против', поскольку это будет иметь политические последствия. А я не хочу потерять свое кресло, так что вам было бы лучше решить это с премьером». Он сказал: «Даже премьер не может решить сам по себе; он должен будет согласовывать со всем кабинетом».

И мое ощущение таково, что они скажут: «Правительство Махараштры не может этого решить, это необходимо решать центральному правительству в Дели».

И я не только национально противоречивая фигура, я – интернационально противоречивая фигура. Я так боюсь, что в конце концов этот вопрос придется решать в ООН! О том, когда это решится, нельзя ничего сказать. Так все откладывается... Если они говорят «нет», они могут быть немедленно схвачены, поскольку это незаконно – говорить «нет». Но они не говорят «нет».

Дхарма Шаран Дас, я могу понять твое беспокойство, твою проблему. Это беспокойство каждого саньясина. Это становится таким трудным, места так мало. А придет еще много тысяч людей: я послал весть всем, они в пути.

Даже эта земля, на которой мы сидим: мы здесь уже пять лет, и все же еще не узаконили ее. Мы уже здесь, они не могут нас выгнать, но они не узаконили это. У нас нет бумаг, бумаги у правительства. Они продолжают говорить: «Мы сделаем это, мы сделаем это», – но этого никогда не происходит.

Вот как себя ведет Морарджи Десаи: фашистским образом – но совершенно легально; вы не можете найти ни одной законной лазейки. Это очень трусливый способ. Если вы против меня, это нормально. Я готов на любую дискуссию с вами, я готов спорить с вами. Если

ему нужен публичный спор, это можно сделать. Если ему нужно, чтобы я ответил, я могу прийти в парламент и ответить парламенту, я действительно буду наслаждаться этим!

Но это трусливые, хитрые способы... он остается сборщиком налогов. Он недостоин быть премьер-министром такой большой страны. Его ум -- только для сборщика налогов – очень маленький ум. Я не называю его Морарджи-бхай Десаи, я называю его Мелочевка-бхай Десаи.

Мой вызов открыт. И даже если он не согласен со мной, и тогда нет смысла препятствовать моей работе. Ваше согласие не нужно вовсе. Вот смысл независимости и демократии: люди, которые не могут согласиться друг с другом, могут сосуществовать. Иначе какая разница между демократией и диктаторским режимом?

Я могу существовать, я имею полное право существовать, даже если Морарджи Десаи не согласен со мной. Его согласие вообще не требуется – кому оно нужно? Это *его* проблема. Если он не согласен, что из этого?

Но если из-за его персонального несогласия он притесняет мою работу такими хитрыми, изуверскими методами, тогда он разрушает демократию от самых корней. Тогда независимость – просто лозунг, не реальность.

Я все же не думаю покидать эту страну. Но если это продолжается и работа становится невозможной, тогда я *должен* буду покинуть эту страну. А они должны знать совершенно ясно, что если я покину страну, это докажет всему миру, что эта страна только притязает на то, чтобы быть демократичной – но это не так. И если я оставлю эту страну – со мной ее покинут тысячи. Это покажет всему миру, что индийское притязание быть величайшей демократией в мире – просто ложно.

Если я однажды покину эту страну – на что они меня *принуждают* решиться – это будет катастрофой. Поскольку миллионам моих саньясинов во всем мире станет известно, что эта страна не независима, и эта страна также и не демократична.

Тридцать лет назад, когда Индия стала независимой, Уинстон Черчилль сказал в британском парламенте: «То, что мы делаем, неправильно. Хотя быть свободным – право каждого от рождения, давать свободу Индии – неправильно, поскольку время не подошло. За тридцать лет она падет жертвой бродяг, мошенников и убийц».

И я полагаю – тридцать лет прошло: кажется, слова пророчества Черчилля стали истиной.

ЗАБЫТЫЙ ПАСТУХ

Его прощение приходит так быстро:
оно достигает нас прежде, чем раскаяние
обретает форму на наших губах.

Он – ваш пастух,
но вы предпочитаете волка;
он зовет вас к себе,
а вы все еще мучаетесь от жажды;
он дает вам свою защиту,
а вы продолжаете спать.
О дети сладкого обмана,
бессмысленно выказывающие свою глупость!

Он исцеляет нашу природу изнутри,
он добрее к нам, чем мы сами.
Мать не любит своего ребенка
и половиной той любви, что дарует он.

Вы разрушили веру,
и все же он хранит свою веру в вас:
он доверяет вам больше,
чем вы самим себе.

Он создал ваш ум,
но его знание – это невинность мысли.
Он знает вашу душу –
он создал ее вместе с вашим прахом.
Но если вы считаете, что он знает
тем же образом, что и вы,
тогда вы становитесь подобны ослу,
который вымазался в своей собственной грязи.

В его присутствии
молчание подобно красноречию.

Он знает о следе, оставляемом
лапкой муравья, ползущего в темноте по камню.
Он знает, что происходит
в человеческих умах:

вы сделали бы лучше,

если бы откликнулись на это.

Иисус говорит: «Бог есть любовь». Но я говорю вам: любовь есть Бог. «Любовь» – намного более важное слово, чем «Бог»; у любви есть реальный смысл. Слово «Бог» абсолютно пусто; оно ничего не значит, оно не связано ни с чем в вас. Это чистое слово, чистое в том смысле, что в вашем опыте нет связанной с ним реальности.

Несмотря на это, оба слова обозначают одну и ту же истину: «любовь» – это поэтическое слово, «Бог» – это слово теологическое. Но несомненно то, что поэтическое прозрение глубже, поэтическое чувство намного чище, намного тоньше, чем теологическое. Поэтическое видение эстетичнее, прекраснее, изысканнее; в нем больше грации, больше смысла, больше значения. Кроме того, теологический вариант загрязнялся в течение веков столь многими – индуистами, христианами, мусульманами, многими церквями, многими религиями, которые претендовали на то, чтобы быть религиозными, но не были такими.

Любовь все еще остается незагрязненной; она все еще невинна.

Так позвольте же мне повторить: прежде чем говорить, что Бог есть любовь, скажите: «Любовь есть Бог» – и вы будете ближе к истине. И не только ближе – вы будете непосредственно связаны с истиной, потому что любовь – это ваш опыт, ваше переживание. Она может не достигнуть той глубины, где она становится Богом, но все же даже неочищенное золото – это золото. Даже неотделенный от породы, неотшлифованный алмаз – это алмаз. Алмаз может потеряться в грязи, но его можно очистить в любой момент; грязь не может войти в его бытие.

Любовь – это ваша реальность. В тот же момент, когда мы используем слово «Бог», возникают большие противоречия. Используйте слово «любовь», тогда теизм, атеизм и все виды ненужных аргументов отбрасываются.

Любовь – это самое ядро существования. Существование не отлично от вас, оно не отделено. Вы его часть, оно заботится о вас. Может быть, оно заботится не так, как хотели бы *вы*, но оно все же заботится, по-своему. А то, что ожидаете вы, в действительности, может не быть вашей потребностью, это может оказаться прямой противоположностью.

Существование удовлетворяет только ваши настоящие потребности: заботой окружены не ваши симпатии и антипатии, не ваши желания, но ваши настоящие, истинные, подлинные нужды. Существование не может быть отличным от вас: вы его часть. Быть отличным от вас будет означать, что оно отлично от самого себя – это невозможно. Существование давно бы исчезло, если бы это было так.

Мы – его волны. Мы – цветы этого дерева жизни. Ваше желание быть любимым и любить есть ваше высшее желание. Оно должно показывать вашу истинную, изначальную природу, ваше внутреннее ядро – и оно показывает его.

Когда вы понимаете любовь как Бога, все ваше видение жизни изменяется. Тогда вы не пойдете поклоняться в храм, или в церковь, или в мечеть: тогда вашим поклонением будет любовь. И тогда вы не будете бояться существования, поскольку оно заботится о вас. Страх исчезнет. Вы не будете бояться даже смерти, поскольку смерть может отобрать только то, что больше не нужно, но она не может разрушить вас.

Существование – это ваша мать, оно не может допустить разрушения. Ничто в мире не может быть разрушено. Теперь с этим согласны даже физики: ничто никогда не разрушается и ничто никогда не создается. Нет даже песчинки, которая может быть разрушена или создана. Существование содержит то же самое количество материи, жизни, любви и энергии, какое оно всегда содержало, какое будет содержать всегда.

Мартин Лютер сказал безмерно важную вещь. Он говорит: «*Pecca fortiter*» – «Грешите смело». Это странно. Утверждение кажется таким невероятным – человек, подобный Мар-

тину Лютеру, говорит: «Грешите смело». Но смысл действительно достоин того, чтобы над ним поразмыслить. Он говорит: «Любовь проникает во все существование, так не бойтесь же. Даже если вы грешите, будьте смелыми, потому что существование всегда готово простить, оно есть прощение». Любовь – это всегда прощение. Он не имеет в виду, что вы должны пойти и согрешить. Он просто говорит: «Ваш величайший грех – ничто в сравнении с тем всепрощением, которое продолжает изливаться на вас».

Буквально на днях кто-то спросил меня: «Я великий грешник. Как я могу узнать Бога?»

Вы не можете быть таким великим грешником. Вы не можете быть настолько падшими, чтобы Божья рука не могла достичь вас, вы не можете быть столь отягощены и обременены грехом, чтобы Бог не смог поднять вас. Сила тяжести греха не может быть больше, чем милость Бога.

Это одна из основ суфизма – то, что Бог есть безусловное прощение: он должен быть им, потому что его природа есть любовь. Любовь – это его реальность. Не то, что любовь прощает: любовь есть прощение. Здесь нет вопроса прощения вас. Вопрос возникает только тогда, когда Бог уже рассердился на вас. Только тогда возникает вопрос о прощении.

Но Бог не может сердиться на вас. Вы – это способ, которым он сотворил вас, вы не ваше собственное творение. Как он может сердиться на вас? Это было бы равносильно тому, чтобы сердиться на самого себя; это было бы самоосуждением.

Но вы начинаете думать о малом так, как если бы вы совершали огромные грехи. Эго всегда любит творить великие дела. Даже если вы делаете что-то плохое, вы хотите сделать вид, будто это – самое плохое из всего, что когда-либо делалось или когда-либо будет сделано. Вы хотите, чтобы это было уникальным, несравненным; вы хотите, чтобы это было самым большим. Эго всегда чувствует себя хорошо, если делается что-то великое. Это может быть и грехом – какая разница.

Какой великий грех вы можете совершить? Все наши грехи – не что иное, как малые вещи: мы малы, наши грехи не могут быть великими. Наши руки малы: все, что мы делаем, останется малым, потому что на всем лежит наша подпись.

Ваша жизнь, добродетельная или безнравственная, не будет барьером или мостом – потому что вы уже соединены мостом, и нет способа разъединить вас с Богом. И это не вопрос того, что, когда вы грешите, Бог прощает вас. Он есть прощение: он есть постоянное течение любви к вам.

Его любовь подобна наводнению, ваши грехи подобны соломинкам: наводнение унесет их прочь. Но наводнение не приходит, чтобы унести ваши грехи прочь: оно уже здесь. Понять это, осознать суть этого – есть великое освобождение, как если бы гора внезапно упала с ваших плеч. Вы становитесь легкими, невесомыми. И только в этой невесомости вы можете молиться.

Грешник не может молиться, он постоянно испуган. Страх не может сотворить молитву. Молитва, созданная страхом, остается политическим средством, стратегией ума для упрашивания Бога: это вид взяточничества. Настоящая молитва возникает из понимания, из любви.

Лютер в самом деле прав, когда говорит: «*Pecca fortiter*» – «Грешите смело». Что бы вы ни делали, делайте это смело. Вы принадлежите Богу и Бог принадлежит вам. Это ваш дом. Не живите подобно страннику, не будьте подобны гостю: вы часть этого дома. Живите без страха.

Но наше эго постоянно продолжает все преувеличивать.

Человек был влюблен в женщину в течение многих лет. А женщина ждала и ждала: «Сегодня он сделает предложение. Сегодня он сделает предложение». И однажды он сделал предложение. Она не могла поверить своим ушам, она не могла поверить своим глазам. Она прождала так долго, что почти уверилась в том, что этого не случится.

Она обняла мужчину, она поцеловала его и сказала:

– Я не могу поверить своим ушам. Я прождала так долго!

Человек сказал:

– Выйдете ли вы за меня замуж?

И она сказала:

– Да, да! Тысячу раз да!

Он достал из своего кармана маленькую черную коробочку, открыл ее и дал ей кольцо. Она посмотрела на него очень внимательно – алмаз был настолько мал, что было почти невозможно увидеть его невооруженным глазом.

Человек сказал:

– Не беспокойтесь, – потому что она выглядела обеспокоенной, даже шокированной оттого, что после ожидания в течение стольких лет этот человек приносит свадебное кольцо с таким маленьким алмазом. А человек был очень богат. Человек сказал:

– Не беспокойтесь, не смотрите так озадаченно. И он извлек из другого кармана увеличительное стекло и сказал:

– Взгляните! Взгляните через это стекло.

Наши умы постоянно преувеличивают. Так существует эго. Мы преувеличиваем наши добродетели, мы преувеличиваем наши грехи, мы преувеличиваем все. Мы создаем так много шума из ничего, так много беспокойств из ничего.

Это увеличительное стекло надо полностью отбросить. И тогда вы внезапно видите вещи в их перспективе. Мы малы: наши добродетели малы, наши грехи малы. Нет никакого достоинства ни в наших добродетелях, ни в наших грехах. Все, что мы можем сделать, так мало, что не имеет никакого значения.

Ваши грехи не приведут вас в ад. Все священники, что продолжают вам это говорить, просто преувеличивают. И ваши добродетели также не приведут вас на небеса, потому что все эти добродетели такие крохотные, так мелки.

Тогда здесь нет никакой надежды, не так ли? Не нужна никакая надежда. Вы уже в раю. Все, что нужно – это посмотреть вокруг с необремененным сердцем. Вы уже в раю: вам не нужно никуда идти. Вы – в Боге. Отбросьте увеличительное стекло, и ваши грехи и добродетели исчезнут, поскольку все они есть творения увеличительного стекла.

Слониха в джунглях чувствовала себя ужасно, потому что у нее под хвостом обосновался слепень, и она ничего не могла с этим поделать. Она махала хоботом, но он был вне досягаемости.

За этим наблюдал маленький воробей. Внезапно он слетел вниз и снайперски ухватил слепня так, что он наполовину исчез в его клюве.

– О, благодарю вас! – сказала слониха. – Это было таким облегчением.

– Не стоит благодарности, мэм, – сказал воробей.

– Послушайте, мистер Воробей, если есть что-то, что я могла бы для вас сделать, не стесняйтесь, попросите.

Воробей смутился.

– Мэм..., – сказал он.

– В чем дело? – сказала слониха. – Вам не нужно стесняться.

– Ну, – сказал воробей, – по правде говоря, всю мою жизнь я мечтал почувствовать, каково заниматься любовью со слонихой.

– Так вперед же, – сказала слониха, – входите!

Воробей залетел за слониху и сразу же начал заниматься любовью. Это увидела обезьяна на дереве прямо над ним и начала возбуждаться. Она так начала трясти дерево, что кокос оторвался и упал, с силой шмякнув слониху по голове.

– Ох!, – сказала слониха.

В тот же миг воробей выглянул сзади и сказал:

– Дорогая, я сделал тебе больно?

Отбросьте увеличительное стекло – тогда нет ни греха, ни добродетели, нет ни грешников, ни святых, – просто человеческие существа, обыкновенные люди.

В этой простоте появляется Бог. В этой простоте существование начинает струиться любовью. Оно уже изливает ее, но из-за идей, великих идей о самих себе вы все еще невосприимчивы.

Хаким Санаи говорит:

Его прощение приходит так быстро:
оно достигает нас прежде, чем раскаяние
обретает форму на наших губах.

Увидьте, осознайте красоту утверждения Санаи. Эта сутра достойна быть написанной золотом в вашем сердце.

Его прощение приходит так быстро:
оно достигает нас прежде, чем раскаяние
обретает форму на наших губах.

Он есть прощение, он уже течет к вам. Вам не нужно даже раскаиваться. Вам просто нужно быть простыми, невозмнившими; вы должны отбросить ваши маски грешников и святых. И даже *прежде, чем раскаяние обретает какую-то форму на ваших губах,* даже без этого – вы прощены.

Это переживание всех великих мистиков мира. Лютер прав, когда говорит: «*Peccа fortiter*» – «Грешите смело», – потому что его прощение безмерно, бесконечно. Все, что вы делаете – просто крохотные соломинки: придет наводнение и унесет их прочь.

Суфизм – путь милости. С вашей стороны не нужно усилия: только восприимчивость, открытость, любящее сердце, состояние сдавшегося, «пусть-идет». И то, чего все так называемые йоги не могут достичь в течение миллионов жизней, вы достигаете в одно мгновение. *Его прощение приходит так быстро*: оно немедленно, потому что Бог знает только одно время: сейчас. Бог не может откладывать; у него нет будущего. Он не может сказать: «Завтра», потому что для него не существует никакого «завтра» – его время означает это мгновение, этот момент.

Для Бога все – настоящее. Так как наше видение ограниченно, появляется прошлое, будущее и настоящее. Наше видение столь ограниченно, что наше настоящее очень мало.

Оно соразмерно нашему видению. Мы смотрим в реальность сквозь замочную скважину: мы можем видеть совсем немного, все остальное – прошлое.

Просто сядьте перед замочной скважиной и наблюдайте. Кто-то приходит: вы видите человека, внезапно появляющегося из ниоткуда, поскольку только мгновение назад вы не могли видеть его. Когда он проходит перед замочной скважиной, вы видите его, а затем, в следующее мгновение, он ушел, он прошел, его больше нет. Только мгновение назад он был в будущем, мгновением позже он в прошлом.

Думаете ли вы, что человек исчез? Думаете ли вы, что человек внезапно появился из ниоткуда, а теперь снова внезапно исчез в никуда и возник только на одно мгновение? Ошибку создает наш способ видеть. Выйдите из своего убежища, откройте дверь, и вы будете удивлены: он был прежде, чем вы увидели его, и он останется после того, как вы его увидели. Теперь ваше видение расширится.

Для Бога все есть вечное сейчас.

Разбойник, что был распят вместе с Иисусом, спросил его: «Господи, смогу ли я снова увидеть тебя когда-нибудь в будущем?» Иисус сказал: «Сегодня ты сможешь увидеть меня в царстве Небесном».

Слово «сегодня» очень значимо. «Сегодня ты увидишь меня в моем царстве Божьем». Здесь не может быть никакого завтра.

Бог немедленен, Бог – всегда настоящее. Итак, все, что случается через Бога, случается сейчас. И это не случается с вами, Бог не случается с вами, потому что вы живете или в прошлом, или в будущем, а он – никогда в прошлом и никогда в будущем.

Отсюда и наука медитации: она приносит вас в настоящее, она приносит вас в этот момент. Прошлое – это мысль; оно исчезает, когда исчезают мысли. Будущее – это тоже мысль; оно исчезает, когда вы отбрасываете думание. Когда вы в состоянии безмыслия – нет прошлого, нет будущего, есть только настоящее – в этом состоянии безмыслия вы *едины*, в согласии с Богом. И внезапно наводнение здесь: вы затоплены светом, любовью, милостью. Вы больше не человек, вы божественны. Вы превзошли человечество.

Человечество находится в состоянии глубокого сна.

Он – ваш пастух,
но вы предпочитаете волка;
он зовет вас к себе,
а вы все еще мучаетесь от жажды;
он дает вам свою защиту,
а вы продолжаете спать.
О дети сладкого обмана,
бессмысленно выказывающие свою глупость!

Бог – наш пастух, он проявляет всяческое внимание. Мы напрасно беспокоимся и пытаемся заботиться о себе сами. Так мы становимся жертвой волка – ума.

Ум говорит: «Этот путь – более надежный, более безопасный. Построй жизнь по этому образцу, не живи в небезопасности». Таково постоянное послание ума: «Не живи в небезопасности, сделай жизнь безопасной. Имей банковский счет, семью, будь привязан к земле. Создай как можно больше порядка, так ты будешь защищен».

А наш защитник – Бог. Но ум начинает играть в защитника – а ум это волк, потому что ум создан всеми видами эксплуататоров, существующих в мире. Священник, пандит, поли-

тик – они создают ум, они создают в вас страх. Они живут вашим страхом, они создают постоянное беспокойство; вы остаетесь в муке, трепете, страхе всю вашу жизнь. Они создают в вас беспокойство, а беспокойство – это источник вашего ума.

Если человек готов жить в небезопасности, ум исчезает. Тогда в уме нет необходимости.

Саньяса означает жить в небезопасности, потому что Бог – это единственная безопасность. Саньяса означает жить без всякого страха, потому что мы часть этого существования. Бояться некого. Существование не воюет с нами, оно защищает нас.

Но ум – это побочный продукт страха, и из-за этого страха он продолжает создавать свои собственные средства защиты: имейте больше денег, большой дом, уважение, престиж, политическую власть. Завоевывайте друзей, влияйте на людей, – так вы в безопасности. У вас так много друзей: они пригодятся. Говорят, что друг является другом только тогда, когда он поддерживает вас во времена нужды. Итак, имейте много друзей, идите на компромисс. Носите фальшивое лицо, улыбку, так что вы сможете влиять на людей.

Вы доверяете себя чему-то весьма ненадежному. Бог – ваша единственная безопасность. Но чтобы узнать Бога, узнать, что он ваш пастух, вы должны будете довериться, жить под открытым небом. Если вы не можете довериться, вы будете собирать вокруг себя мусор. Люди любят мусор, и они продолжают собирать его.

Кенморы обедали у Харрингтонов. После обеда мистер Харрингтон стал показывать гордость и радость своей жизни – коллекцию колючей проволоки.

– Что это? – спросила миссис Кенмор.

– Это какой-то хлам, – разочарованно добавил мистер Кенмор.

С лицом, сияющим от гордости, мистер Харрингтон сказал:

– Это моя коллекция колючей проволоки. У меня есть колючая проволока времен Гражданской Войны *(войны в США 1861 года – прим. перев.)*.

Мистер Кенмор потянулся, чтобы потрогать один из образцов.

– Пожалуйста, – предостерег мистер Харрингтон, – не трогайте. Я очень горжусь этими драгоценностями, а человек может быть не очень аккуратным.

– Они действительно ценны? – спросил мистер Кенмор с выражением пьяной важности на лице.

Мистер Харрингтон выглядел слегка обалдевшим:

– Ценны? – он взял себя в руки. – Эти вещички очень трудно встретить у кого попало.

Просто посмотрите вокруг себя. Посмотрите на людей, понаблюдайте. Люди собирают мусор. Под видом денег, под видом знания, под видом добродетели люди собирают мусор, разный мусор. Это – их безопасность; они думают, что это сохранит их. Несомненно, они утонут в этом – они утонут *из-за этого*.

Пока вы тащите этот ненужный груз, вы не можете достичь вершин, озаренных солнцем, вершин Гималаев. Пока вы тащите эту ненужную поклажу, вы всегда останетесь в темных долинах жизни. Вы никогда не узнаете, что такое солнечный свет, вы никогда не узнаете, что такое быть на вершине, перешептываться с облаками, не узнаете близость к звездам, ясность и невинную чистоту этого.

Люди плетутся; их жизнь – это непрерывная скука. Но за это не ответственен никто, кроме них самих.

Арнольд был старым бродягой, чья жизнь была простой и непритязательной. Однажды богатый джентльмен нашел его спящим на лужайке перед своим домом.

– Мистер, – сказал джентльмен, – Это моя собственность.

– Сожалею, – извинился Арнольд. – Я думал, что это парк.

Джентльмен сочувственно посмотрел на оборванного бродягу:

– Мистер, вы счастливы, живя такой жизнью?

– Сэр, деньги и мирские блага не делают счастливым, – проповедовал бродяга. – По мне, так счастье – это свобода бродить без гнета общества и экономики. Небо – моя крыша, а земля – моя постель. Дайте мне все это, кусок хлеба, можно печеных бобов, и мое счастье полно.

– Я восхищен вашей простотой и искренностью, – сказал джентльмен и дал ему стодолларовую банкноту.

– Сэр, – простонал бродяга, взяв деньги, – вы сделали меня очень несчастным.

Просто посмотрите на людей. Чем они богаче, тем несчастней они выглядят. Это не должно быть так; почему это так? Это нелогично. Почему они становятся такими несчастными? Кажется, они не знают, как жить в доверии, они не знают, как жить в радости. Всю свою жизнь они работали, чтобы быть все в большей и большей безопасности. А собрать богатства нетрудно – но ко времени, когда вы собрали много денег, вся ваша жизнь улетела в трубу. Тогда человек внезапно начинает осознавать: «Что я делал? Я растранжирил свою жизнь».

С осознанием того, что вы растранжирили свою жизнь в собирании ненужных вещей, а теперь все те прекрасные дни ушли и в будущем только смерть, – появляется великое чувство разочарования. Человек потерпел неудачу, безмерную неудачу.

Говорят, что ничто так не радует, как успех, но я говорю, что ничто не терпит такой неудачи, как успех. В тот момент, когда вы достигли успеха, вы узнаете вкус полной неудачи.

Он – ваш пастух,
но вы предпочитаете волка;
он зовет вас к себе,
а вы все еще мучаетесь от жажды...

Его призыв звучит всегда. Он звучит каждый день в лучах восходящего солнца, но вы никогда не танцуете вместе с солнечным светом. Он звучит в песнях птиц, но вы никогда не поете с ними. Он звучит в каждом раскрывающемся цветке, но вы не распускаетесь с цветами.

Его призыв звучит постоянно; он продолжает звучать двадцать четыре часа, круглые сутки. Но вы стали глухими, вы не слышите. Тихий внутренний голос продолжает говорить вам: «Что ты делаешь? Ты просто тратишь свое время, свою энергию».

Лучший способ растрачивать свою энергию, свое время, свою жизнь – это продолжать думать о прошлом и будущем. А его призыв звучит в настоящем, его зов принадлежит настоящему.

...он зовет вас к себе,
а вы все еще мучаетесь от жажды;
он дает вам свою защиту,

а вы продолжаете спать.

Что это за сон, о котором говорят все мистики? Что это за метафизический сон? Вы не сознаете настоящее: это – сон. Вы здесь, и все же не здесь. Ваш ум бродит где-то еще – в прошлом, которого больше нет, или в будущем, которого еще нет. А то, что есть, остается для вас абсолютно неизвестным.

Вся земля населена сомнамбулами, лунатиками.

Профессор Пибоди только что вернулся из своего кругосветного свадебного путешествия. В аэропорту его узнала одна из его воспитанниц.

– Доктор Пибоди! – окликнула его студентка. – Как прошел медовый месяц?

– Великолепно.

– Было ли путешествие волнующим? – спросила она, запыхавшись.

– Бесподобным. Я посетил все великие музеи и картинные галереи. Лувр был величествен. Я и моя жена обедали и ужинали в лучших ресторанах мира. Это было физическим, эмоциональным и гастрономическим приключением.

– Что же вы собираетесь делать сейчас, когда волнения улеглись?

– Волнения все еще не кончились, – сказал профессор замогильным голосом.

– Вы отправляетесь в другое путешествие?

– Нет, я забыл мою жену в Токио.

Просто понаблюдайте за своей собственной жизнью. Вы постоянно забываете жить здесь-и-сейчас, а это единственная жизнь. Вы продолжаете спешить в прошлое или в будущее, но и то и другое лишено смысла, это простая утечка энергии. В настоящем вы бессильны, пусты, ненаполненны. Вы не можете соединиться с настоящим, а настоящее – это единственная дверь к божественному.

Он дает вам свою защиту,
но вы продолжаете спать.
О дети сладкого обмана,
бессмысленно выказывающие свою глупость!

Иван был маленьким беспокойным человечком. Он беспокоился день и ночь. «Как я заплачу за следующий месяц? Я уверен, что моя дочь была на том разбившемся самолете. Экономическая ситуация ужасна. Мы кончим тем, что будем питаться хуже собак.»

Но однажды умерла тетка Ивана, и он унаследовал миллион долларов. Он купил новый дом, самую дорогую мебель и великолепный автомобиль. Мир теперь казался прекрасным местечком.

Однажды, навещая жену Ивана, соседка обратила внимание, что Иван сидит один в своей комнате и стонет как раненая гиена.

– Что стряслось с Иваном? – поинтересовалась соседка. – Он болен?

Жена Ивана многозначительно улыбнулась.

– Ничего серьезного: Иван беспокоится, что теперь ему не о чем беспокоиться.

Да, это тоже создает беспокойство – когда вам не о чем беспокоиться. Вы стали так привязаны, механически привязаны к беспокойству, что если вам не о чем беспокоиться, вы будете беспокоиться об этом.

Люди приходят ко мне, они говорят: «Жизнь – это изменение. Мы чувствуем великую радость, мы чувствуем, как приходит молчание. Теперь мы обеспокоены: 'Что же дальше?' Теперь мы обеспокоены: 'Действительно ли эта радость настоящая? Не является ли это молчание просто проекцией? Может быть, это просто вид гипноза?'»

Теперь они создают новые беспокойства. Люди не могут жить без беспокойств – почему? Потому что беспокойства – это еда, пища для ума. Всегда, когда ум видит, что что-то происходит и вы можете избавиться от беспокойства, он тянет вас назад и создает новые беспокойства, абсурдные беспокойства – потому что без беспокойств ум не может существовать.

Суфийское послание гласит: оставьте все Богу, оставьте все целому. Просто взгляните: это бесконечное существование столь совершенно. Энергия, которая заботится о миллионах звезд, также может позаботиться и о вас; вам не нужно нести ваш груз на своей собственной голове, вы можете доверять. Только небольшое переживание доверия – и вы никогда не попадете снова в старую ловушку, потому что вы узнали того, кто заботится.

Но это не значит, что вы становитесь бездеятельными. Несомненно, вы становитесь *более* деятельными, но в ваших действиях есть другой аромат, новый вкус. Вы становитесь очень активными, но это больше не ваша деятельность, теперь через вас действует Бог. Вы соединяетесь с настоящим, и он начинает течь через вас. Случается великое творчество, но оно не будет вашим деланием. Он будет делателем, а вы останетесь совершенно расслабленными, не беспокоящимися.

Просто подумайте о том состоянии, когда в вашем существе не существует беспокойства, нет напряжения. Эта расслабленность есть то, чего желают все. Но вы разрушаете все возможности этого, когда она случается. Мы продолжаем творить неверное пространство и продолжаем стремиться к тому, что в этом пространстве произойти не может.

Вы должны будете создать другой вид пространства. Необходимо другое пространство: пространство доверия, сдачи, отпустить-себя; пространство, наполненное верой, любовью, – как бы вы его ни называли. Когда создано такое пространство, вы начинаете существовать совершенно на другом уровне. Вы входите в новое измерение: это измерение – бессмертие, это измерение – бесстрашие. Тогда вы живете полно, смело; тогда, что бы вы ни делали, вы полностью в этом, вы в этом тотально. Каждое действие становится таким пылким, страстным усилием, таким творческим, что создаются не только вещи вне вас, но благодаря творчеству что-то внутри вас обретает целостность.

Вы можете рисовать: снаружи случится великая живопись, а внутри будет создан художник. Вы можете писать стихи: снаружи создана поэзия, внутри поэт обрел целостность.

Каждый акт творчества создает творца. Вы становитесь более центрированными, укорененными. А чем больше вы укоренены, тем меньше и меньше вы чувствуете себя чужаком. Идея: «Я здесь посторонний» исчезает. Все существование принадлежит вам, и вы принадлежите всему существованию. Великое празднование случается само по себе.

Он исцеляет нашу природу изнутри,
он добрее к нам, чем мы сами.
Мать не любит своего ребенка
и половиной той любви, что дарует он.

Это суждение выглядит немного ошибочным, потому что любовь матери и любовь Бога нельзя так сравнивать – что Бог любит больше, чем ваша мать, вдвойне больше, чем ваша мать. Различие не в количестве. Вы знаете все о любви матери – ваше сердце не затрепещет, если Бог любит только вдвойне против этого, это даже может сделать вас очень печальными! Это выглядит не больше чем обещанием.

И люди, читающие Хакима Санаи, постоянно спотыкаются на этом. Не существует ни одного комментария, в котором была бы дана правильная интерпретация этого утверждения. Не то, чтобы ее не было; оно имеет очень проникновенный смысл, полностью отличный от того, что вы прочтете в этих строках. Вы должны будете посмотреть между строк.

Первое, Божественная любовь качественно отлична. Тогда почему Санаи говорит:

Мать не любит своего ребенка
и половиной той любви, что дарует он.

Он приносит нечто, дающееся Мастером ученику частным образом, тайно. Но теперь это может быть сказано, потому что теперь психологи пришли к знанию – они наткнулись на факт, что был известен суфиям, людям дзен, тантристам – всем подобным людям: что ум разделен на две части: сознание и бессознательное.

Материнская любовь – это бессознательная любовь. Она любит, но она спит, так же как и любой другой; ее любовь бессознательна. Божественная любовь – это сознание. Если мы делим ум на две части – сознательное и бессознательное – тогда Божественная любовь – это и то и другое, потому что Он абсолютно сознателен. Психологи говорят, что сознательна только одна часть нашего ума, а девять частей бессознательны. Бог – это стопроцентное сознание.

Вот почему всегда, когда человек, подобный Иисусу, Будде или Махавире, становится полностью сознательным, мы называем его божественным, мы называем его богом. Причина – психологическая: в нем больше не существует ничего бессознательного; не осталось ни одного уголка тьмы, все есть свет.

Бог любит сознательно. Материнская любовь бессознательна, и, естественно, когда любовь бессознательна, она загрязнена всеми видами бессознательного. Есть жадность, гнев, есть ненависть и ревность, есть господство, политика с позиции силы – присутствует все. Несомненно, существует такое множество бессознательных, безобразных вещей, что красота любви почти раздавлена, искалечена, отравлена.

Божественная любовь полностью сознательна. Будда любит вас без желания господствовать над вами, без желания получить что-то взамен, без желания какой-то будущей награды, без мотивации. Он любит, потому что он есть любовь. Несомненно, сказать, что он любит, будет неправильным, потому что любовь не есть действие с его стороны. Он не может помочь этому. Просто как река течет в океан, так любовь течет из него ко всем, с кем он встречается.

Даже если никого нет, любовь продолжает излучаться Буддой. Даже когда он спит, любовь продолжает лучиться из его существа. Он есть любовь.

Мы видели немного таких людей на этой земле: они называются посланцами Бога, воплощениями Бога, аватарами, Буддами, *тиртханкарами*. Это просто имена, имена, чтобы показать, что они больше не человеческие существа в обычном смысле. Они в теле, но это

уже не тело. Мы можем получить от Будды маленький проблеск того, на что похожа Божественная любовь.

Хаким Санаи в этом смысле прав. Мать любит только бессознательно, так что ее любовь половинчата. Бог любит сознательно, так что его любовь полная – в этом смысле она двойная.

Когда любовь становится сознательной, происходит качественное изменение; это не только вопрос количества. Бессознательная любовь – это одно; она подобна ходьбе наощупь в темноте, тому, как идет слепой. Когда любовь сознательна, она – полный свет, полдень; вы не слепы, вы больше не идете наугад.

Но помните, что эта метафора значительна. Бог – это мать, матка. Существование – это мать, это – утроба; оно питает вас, оно постоянно течет к вам со всем, в чем вы нуждаетесь. Но мы полностью забыли то, что питает нас; мы забыли эту защиту, мы забыли пастуха.

А поскольку мы забыли, мы стали очень одинокими, незащищенными, бесприютными, потерянными. Взгляд из нашей одинокости создает страх. Мы паникуем, мы должны защитить себя, так мы создаем наши собственные маленькие крепости и убежища. Вся наша жизнь становится не чем иным, как попыткой создать какую-то безопасность. А затем приходит смерть и разрушает все, что мы создали.

Все наши дворцы оказываются не чем иным, как карточными домиками. И все наши огромные корабли оказываются не чем иным, как бумажными корабликами. Вся наша жизнь сделана из вещества, называемого снами – потому что мы спим.

Проснитесь!

Вы разрушили веру,
и все же он хранит свою веру в вас:
он доверяет вам больше,
чем вы самим себе.

Мы заблудились, мы ушли далеко от Бога. Но он не оставил нас – он не может, это невозможно. С его стороны это невозможно. Мы можем идти так далеко, как нам хочется, но с его стороны мы будем недалеко. Его любовь будет продолжать изливаться на нас.

Он продолжает изливаться на святых и грешников, он не делает различий. Он изливается на горы, и он изливается в долины; он не делает различий. Горы не смогут принять дождь, льющийся на них, потому что они слишком велики, в них нет места. Тогда долины станут великими озерами: они пусты, у них есть место, они восприимчивы, они открыты, они принимают и могут стать резервуаром.

Религиозный человек – тот, кто создает для Бога пространство, чтобы он мог войти. Он стучится в двери – двери каждого, безусловно. Но очень немногие открывают свои двери. Те, кто открывает их, становятся действительно богатыми, они становятся королями, потому что царство Божие принадлежит им. А те, кто так сильно занят своими домами – переставляют мебель, укладывают правильно вещи, считают деньги – они не могут услышать стук.

Стук очень тих, это шепот; вы должны быть молчаливыми, чтобы услышать его. Вы должны быть незанятыми, чтобы услышать его – а наши занятия... это выглядит таким абсурдом – человеческие существа озабочены такими глупыми и смешными вещами.

Он слышал, что один из борделей в Бутылочном Горлышке в Нью-Йорке имеет необычную репутацию. Итак, он приехал туда и, войдя внутрь, попросил мадам дать ему попробовать что-нибудь необычное.

– Сегодня есть прелестные вещички, – сказала она, – и у меня есть номер, где вы можете насладиться.

Она стала описывать курочку из Нью-Джерси, которая была обучена для работы.

– Мы поместили ее сюда, но только на один день.

Визитер с трудом мог поверить этому, но он заплатил взнос и вошел в комнату с курочкой. После утомительного часа попыток заняться с курочкой любовью он понял, что имеет дело ни с кем иным, как с заурядным старым цыпленком. Он ушел.

Думая об этом позже, он решил, что получил при попытках так много приятного, что вернулся на следующий день и спросил мадам:

– Есть ли у вас сегодня что-нибудь новое?

– Идите вот сюда, – сказала она и оставила его в темной комнате, где группа мужчин смотрела через полупрозрачное зеркало. Он увидел, что там, куда они смотрели, девушка пыталась заниматься любовью с собакой.

– Ух ты! – сказал он мужчине, стоявшему сзади. – Это действительно потрясающе!

Мужчина ответил:

– Это еще что, парень! Был бы ты здесь вчера и посмотрел бы на этого мужика с цыпленком!

(Весь анекдот построен на непереводимой игре слов: «hen» по-английски – курица, женщина (шутл.) – прим. перев.)

Человек, кажется, сошел с ума. И как могут такие люди услышать стук Бога? Люди погрязли в глупостях. Не смейтесь над этим бедным человеком – таково положение каждого. Детали могут отличаться, но история та же самая. И она продолжается и продолжается до самого конца.

Старик стоял, трясясь, в дверях ранчо «Мустанг» Джой Конфорта, что за Рено в Неваде.

Секретарша вытаращила на него глаза.

– Вы пришли в неподходящее место! – воскликнула она. – Что вы ищете?

– Это знаменитый «Мустанг»? Это здесь вы держите наготове сорок пять девушек?

Секретарша взглянула ошеломленно.

– Наготове для чего?

– Я хочу девочку, – проскрежетал старик. – Я хочу ее уложить.

– Сколько вам лет? – спросила она.

– Девяносто два, – ответил он.

– Девяносто два? Сэр, вы уже кончили!

– Ох, – сказал старик немного растерянно, трясущимися пальцами расстегивая карман. – Сколько я вам должен?

Нет даже памяти, он утратил весь свой ум. Но что-то механическое остается – что-то, что продолжается, кажется, само собой. С начала и до конца люди остаются незрелыми.

Дорасти до старости не значит вырасти, стать старым не значит стать зрелым. Зрелость не имеет ничего общего со старостью, вообще ничего общего с возрастом. У зрело-

сти есть что-то общее со становлением все более и более сознательным, все более и более молчаливым и осознающим, с тем, как стать все более и более внимательным к тому, что вы делаете и почему, куда вы идете и почему.

Франклин Д. Рузвельт сказал в своей первой речи: «Мы не знаем, куда мы идем, но мы на своем пути».

Все, кажется, пребывают в том же самом состоянии. Никто не знает куда, но каждый на своем пути и все идут – быстрее и быстрее. Кажется, что заботятся только о скорости: делайте быстрее и никогда не спрашивайте, куда вы идете, потому что это – тревожащие вопросы, они создают беспокойство. Итак, пожалуйста, не спрашивайте, куда вы идете, спрашивайте, как идти туда достаточно быстро. И сделайте ваше путешествие таким быстрым, станьте так озабочены скоростью, чтобы забыть все цели – чтобы вы утратили все остальное и были заняты только скоростью.

Человек так озабочен, и никто, кажется, не спрашивает: «Куда вы идете, зачем? Ведь Бог здесь! Куда вы идете?» Чтобы достичь Бога, скорость не нужна. Несомненно, до тех пор, пока вы не научитесь, как сидеть молчаливо, как быть в состоянии расслабленности, как полностью отбросить вечно спешащий ум, вы никогда не придете к знанию истины, реальности, того, что есть.

Бог так близко, но вы в такой спешке. Вы должны будете остановиться и научиться слушать тихие голоса.

Вы разрушили веру,
и все же он хранит свою веру в вас:
он доверяет вам больше,
чем вы самим себе.

Вы не искренни с самим собой. Как это могло случиться, что вы стали такими неискренними? Вы никогда не делали этого сознательно; ложь – побочный продукт. Вы лгали другим и, как следствие этого, случилось так, что вы перестали быть искренними с самими собой.

Таково основное явление: кем бы вы ни прикидывались перед другими, рано или поздно вы начинаете в это верить. Если вы продолжаете улыбаться – фальшивой улыбкой, нарисованной улыбкой – всем, с кем вы встречаетесь, рано или поздно вы начнете верить, что вы очень счастливый человек. Ведь те люди, что видят вас улыбающимися, всегда улыбающимися, начнут говорить вам, что вы действительно счастливы, вы велики: так они будут подпитывать вас. Вас это загипнотизирует, вы начнете улыбаться шире, потому что это хорошо окупается. И вы будете продолжать улыбаться все шире и шире.

Я слышал, что жена Джимми Картера каждую ночь прикрывает ему рот, потому что он продолжает улыбаться и ночью... это становится механическим.

Вы узнаете о себе от других. Если безобразному человеку дать зеркало, которое делает его красивым, он поверит, что он прекрасен, потому что нет способа узнать ваше собственное лицо. Он посмотрит в зеркало, зеркало скажет: «Ты прекрасен», и он начнет верить этому.

А если иногда он встречает истинное зеркало, которое просто отражает его таким, какой он есть, он подумает, что это зеркало неверное. Он может даже уничтожить это зерка-

ло, потому что оно создает в нем печаль: мало того, что зеркало не отражает истины, оно искажает.

Вот что происходит. Если вы встречаете истинного человека, вы рассердитесь на него, потому что он не поддержит ваши обманы, он не поддержит вашу фальшь. Он сорвет ваши маски и попытается показать вам ваше настоящее лицо. Он может только отразить то, что есть, он не может отразить то, чем вы притворяетесь.

Вот почему человек истины всегда будет возмутителем спокойствия. Общество не любит его. Общество не хочет слышать истины, все совершенно счастливы, помогая друг другу лгать. Всякого, кто помогает вашему обману, вы называете своим другом: он ваш враг, но вы называете его другом.

Даже если иногда ваш друг говорит вам правду, дружба начинает разрушаться.

Зигмунд Фрейд заметил, что если каждый человек на земле решил бы говорить правду, буквально через двадцать четыре часа во всем мире не осталось бы и четырех дружеских пар. Если бы каждый человек, буквально один день, был бы правдив, произошли бы миллионы разводов, дружба исчезла бы, семьи распались. Наступил бы хаос, потому что мы живем во лжи.

Человек, не любящий вас, говорит: «Я люблю тебя». У него есть мотивы: говоря так, он готовит для себя почву. Мы верим, что другие говорят нам о нас. У нас нет прямого подхода, у нас нет прямого контакта с нашим собственным существом; все – через других.

Но как же вы можете узнать себя через других?

Единственный способ узнать свое истинное Я – это забыть других, закрыть глаза и просто быть внутри: отвергнуть все мнения, данные вам, отвергнуть все, что было сказано о вас кем-то, когда-то, стать полностью пустым, освобожденным от мнений других. Вот что такое медитация.

И однажды, когда вы абсолютно пусты, вы узнаете свое подлинное лицо. Люди Дзен называют его изначальным лицом. Иногда это отнимает годы, потому что имеется столько фальшивых лиц – фальшивые лица за фальшивыми, слои за слоями – что вы должны будете чистить вашу луковицу месяцы, годы.

Это зависит от того, с какой интенсивностью и с какой искренностью вы работаете над собой.

Вы разрушили веру,
и все же он хранит свою веру в вас...

Бог все еще верит в вас.

Рабиндранат Тагор писал: «Всегда, когда я вижу рождение нового ребенка, я смотрю на небо и благодарю его, потому что новое дитя – это доказательство того, что Бог все еще верит в человека. Иначе он перестал бы творить. Мы предали его, но он все еще надеется. Его надежда на нас является абсолютной. Мы не можем изменить его надежду; что бы мы ни делали, наши действия к этому не относятся».

Существование все еще надеется, что человек придет, что человек будет способен превзойти свои мечты, свои сны, что человек будет способен стать сознательным. Существование все еще надеется – вот почему оно продолжает творить вас.

Он создал ваш ум,
но его знание – это невинность мысли.

Он знает вашу душу –
он создал ее вместе с вашим прахом.
Но если вы считаете, что он знает
тем же образом, что и вы,
тогда вы становитесь подобны ослу,
который вымазался в своей собственной грязи.

Бог знает полностью другим способом, нежели знаем мы. Наше знание интеллектуально. Его знание не интеллектуально; его знание просто, оно невинно. То, что он знает, он знает не через мысли. Он просто знает; знание – это его природа.

В точности так отражает зеркало: оно не думает, отражать или не отражать, оно просто отражает. В точности так солнце восходит и земля становится полной света: солнце не думает будить людей, потому что сейчас день. Солнце не думает: «Сейчас я должно достичь каждой птицы и побудить птицу к утренней песне, и я должно дойти до каждой розы и раскрыть лепестки розы». Нет, со стороны солнца нет размышления. Солнце просто восходит; это его природа – излучать свет.

Природа Бога есть знание. Его природа – это разумность, абсолютная разумность. Он отражает подобно зеркалу. И если вы хотите узнать Бога, вы должны будете научиться его способу знать.

Бога нельзя узнать через писания, потому что это не Божественный способ знать. Вы должны будете научиться его путям; вы должны будете стать невинным. Обучившийся человек умен, хитер, но не невинен. Ученый человек полон информации – а чем больше у вас информации, тем меньше возможность того, что вы действуете разумно.

Я слышал:

Женщина принесла какую-то вещичку, новую безделушку для своей кухни, но она не знала, как заставить ее работать. Итак, она вошла в дом, поискала каталог и начала читать об устройстве. Прочитав его, она вернулась, но повар уже все наладил.

Она сказала:

– Как вы с ним справились?

Старый повар сказал:

– Когда вы необразованны, приходится соображать. Когда вы образованны, вам это не нужно. Вы пошли смотреть в каталог; я не умею читать, так что я должен использовать свой разум.

Поразмыслите над этим. Чем больше у вас знаний, тем меньше нужен разум. Поэтому интеллектуалы остаются глупыми; они могут продолжать хвастаться своими знаниями, но глубоко внутри они остаются неразумными. Ученые знатоки всегда неразумны. У них могут быть ученые степени, но если вы посмотрите на их исследовательскую работу, вы будете удивлены: они просто коллекционируют мусор. Они продолжают собирать мусор. Никто никогда не читает их диссертаций; они продолжают копиться в университетских библиотеках. Единственная функция и польза от этих диссертаций в том, что они помогут другим глупцам написать еще больше диссертаций; они будут единственными людьми, которые их прочтут.

Каждый год пишутся миллионы трактатов, награждаются миллионы докторов философии и литературы, а мир действует все так же неразумно. Наш мир – самый образованный

и самый неразумный. В этом столетии мы достигли успеха в образовании людей; особенно в развитых, богатых странах, – там сейчас образование стало всеобщим.

Но что в результате? Люди не действуют разумно. Если вы знаете, что человек очень интеллектуален, вы можете быть уверены, что он не будет действовать разумно – ему это будет не нужно. Дети действуют намного разумнее, чем старшие, потому что у них нет никакого знания. Они должны использовать свои собственные ресурсы; они не могут зависеть от знания, у них его нет.

Если вы хотите узнать Бога, вы должны будете узнать его способ знать. Каков его способ? Разумность – но не интеллект; невинность – но не образованность.

Медитация делает вас невинным, потому что она помогает вам отбросить все знание. Любовь делает вас разумными, потому что любовь не имеет ничего общего со знанием.

Он создал ваш ум,
но его знание – это невинность мысли.
Он знает вашу душу –
он создал ее вместе с вашим прахом.
Но если вы считаете, что он знает
тем же образом, что и вы,
тогда вы становитесь подобны ослу,
который вымазался в своей собственной грязи.

Его способ знать полностью отличен, диаметрально противоположен вашему. Но вы можете научиться его способу. И в тот момент, когда вы научились этому, вы становитесь все ближе и ближе к Нему.

Вот почему Иисус говорит: «Пока не станете как дети, не войдете в царство Небесное».

В его присутствии
молчание подобно красноречию.

Это единственный язык, который понимает Бог: молчание. Он не понимает санскрита, хотя индусы верят, что Девавани – это язык Бога. Он также не понимает арабского, во что бы там ни верили мусульмане. Он не понимает иврита, что бы ни утверждали евреи. Он не понимает арамейского, хотя Иисус мог понимать и говорить по-арамейски.

Каков же его язык? Он понимает только молчание.

Итак, если вы молитесь с помощью слов, вы никогда не достигнете его, ваша молитва никогда не достигнет его. Слова слишком тяжелы; они не позволят вашей молитве воспарить высоко и достичь высшего. Только у молчания могут быть крылья.

Он понимает молчание. Настоящая молитва содержится только в молчании: молчаливых слезах, молчаливом крике души, молчаливом смехе, молчаливом танце, молчаливой музыке внутри вашего существа. Когда вы полностью молчаливы, вы немедленно становитесь созвучны с Богом... Веды не помогут, ни Библия и ни Коран. Хотя, несомненно, Веды были порождены теми, кто пребывал в молчании.

Вот как на землю сошел Коран: Мухаммед медитировал сорок дней в молчании – молился, медитировал, сидел молча среди холмов – и однажды, внезапно, что-то стало происходить. Свет проник в него, песня вошла в него. Он был использован как проводник; через него говорил Бог.

Конечно, когда Бог говорит через Мухаммеда, он использует арабский, потому что это то, что Мухаммед знает. Когда Бог говорит через Будду, он использует пали, потому что это то, что знает Будда.

Но собственный язык Бога – только молчание. Несомненно, когда он течет через Будду, механизм ума Будды переводит молчание на пали. Механизм ума Мухаммеда переводит молчание на арабский. Тогда появляются огромные противоречие: знатоки пали, и знатоки пракрита (древний санскрит – прим. перев.), и знатоки санскрита, и знатоки еврейского, арамейского и арабского – продолжают ссориться. А сказано было только одно. Лишь молчание снизошло на вас. Но оно было переведено; оно приобрело вид и форму, оно стало языком.

Если вы хотите достичь Бога, вы должны будете научиться молчанию.

В его присутствии
молчание подобно красноречию.

Только те, кто молчалив, знают, как говорить с ним. Они знают, как взаимодействовать, как общаться.

Он знает о следе, оставляемом
лапкой муравья, ползущего в темноте по камню.
Он знает, что происходит
в человеческих умах:
вы сделали бы лучше,
если бы откликнулись на это.

Нет необходимости что-то ему говорить. Просто склонитесь – потому что он знает. Он уже знает, прежде вас, что в вашем уме: он знает это, он отражает это. Ваше сознание, ваше бессознательное, ваше коллективное бессознательное – все отражено в нем. Не надо ничего говорить, это совершенно не нужно. Просто раскройтесь, просто сдайтесь. Будьте молчаливы...

Еще одно: он не человек, он – присутствие. Вот почему никогда не было образа, который может представить его, никогда не было идола, который мог бы заменить его. Он есть присутствие, чистое присутствие.

Чувствовали ли вы когда-нибудь разницу между человеком и присутствием? Есть люди, которых что-то окружает – вы можете назвать это присутствием. Например, если вы видите идущего Будду, вы немедленно поймете, что он ходит не так, как другие. Сам по себе он подобен всем остальным, но вокруг него есть что-то таинственное, присутствие чего-то. Вы не можете ухватить это, вы не можете измерить это, вы не можете взвесить это, оно трудноощутимо, но оно есть.

Иногда вы также чувствуете это и в обычных людях: иногда, время от времени, вы встречаете человека, который окружен присутствием. Когда он с вами, он трансформирует вас, просто находясь рядом. Есть люди, которые своим присутствием делают вас печальными, есть люди, которые своим присутствием делают вас счастливыми. Они могут не сказать ни одного слова, – просто из-за того, что они здесь, что их окружает определенная аура, определенное энергетическое поле.

Бог – это энергетическое поле. Итак, не ищите его лица, у него его нет. И не ищите его местонахождения, потому что вы не сможете обнаружить его. Он подобен энергетическому полю. Но вы можете испытать его: если вы доступны, вы можете почувствовать его присутствие. А когда вы почувствовали его присутствие, вы узнали... Тогда вы обнаружите его везде, во всем.

Молчаливое дерево стоит под небом, и вы почувствуете что-то вокруг дерева. Или в горах: горы будут выглядеть очень медитативными, если вы испытали его присутствие. В цветах, в аромате вы почувствуете его, в закате и в звездах... В глазах людей, в смехе ребенка, в слезах наполненного молитвой человека – вы увидите присутствие.

Присутствие необходимо ощутить. Ему нужно молчаливое, медитативное, любящее сердце. Вы не можете коснуться его; оно не материально, оно очень тонко, тончайшее. Но оно есть. Оно всегда есть.

Мы живем в пространстве, называемом Богом, мы живем в океане Божественного присутствия. Станьте немного более чувствительны к нему. А как можно стать чувствительным? Эти сутры дают вам несколько ключей.

Первое: отбросьте увеличительное стекло вашего эго.

Второе: доверие, сдача. Он заботится о вас.

Третье: он постоянно исцеляет вас из ваших собственных источников, изнутри. Идите к внутреннему источнику вашего существа, и там вы найдете его пищу, его постоянно бьющую ключом энергию.

Четвертое: будьте истинными. Отбросьте ваши маски, вашу фальшивость.

Пятое: учитесь Божественному способу знать – невинности.

Шестое: будьте молчаливы, потому что это его единственный язык.

Он знает о следе, оставляемом
лапкой муравья, ползущего в темноте по камню.
Он знает, что происходит
в человеческих умах:
вы сделали бы лучше,
если бы откликнулись на это.

Седьмое и последнее: ваша молитва не должна быть требованием. Ничего не просите; он знает прежде, чем знаете вы, он знает, в чем ваша нужда. Просто склонитесь. Он есть присутствие – так что, где бы вы ни склонились, вы склоняетесь перед ним. В чьи бы ноги вы ни кланялись, все – его.

Если вы склоняетесь перед землей, вы склоняетесь перед ним. Если вы склоняетесь перед солнцем, вы склоняетесь перед ним. Будьте язычником – тогда не нужно идти ни в какую церковь или храм. Деревья – прекрасные храмы, горы, люди – все существование является его храмом. Он воплощен в этом существовании.

Не спрашивайте о его лице, потому что все лица – его. И не спрашивайте о его местонахождении, потому что он – все. Он не может быть обнаружен, у него не может быть адреса, у него нет формы и нет имени.

Если вы глубоко войдете в эти вещи, он может случиться немедленно, в этот самый момент.

Его прощение приходит так быстро:

оно достигает нас прежде, чем раскаяние
обретает форму на наших губах.

Он – ваш пастух,
но вы предпочитаете волка;
он зовет вас к себе,
а вы все еще мучаетесь от жажды;
он дает вам свою защиту,
а вы продолжаете спать.
О дети сладкого обмана,
бессмысленно выказывающие свою глупость!

Он исцеляет нашу природу изнутри,
он добрее к нам, чем мы сами.
Мать не любит своего ребенка
и половиной той любви, что дарует он.

Вы разрушили веру,
и все же он хранит свою веру в вас:
он доверяет вам больше,
чем вы самим себе.

Он создал ваш ум,
но его знание – это невинность мысли.
Он знает вашу душу –
он создал ее вместе с вашим прахом.
Но если вы считаете, что он знает
тем же образом, что и вы,
тогда вы становитесь подобны ослу,
который вымазался в своей собственной грязи.

В его присутствии
молчание подобно красноречию.

Он знает о следе, оставляемом
лапкой муравья, ползущего в темноте по камню.
Он знает, что происходит
в человеческих умах:
вы сделали бы лучше,
если бы откликнулись на это.

НАЗАД К ЭРОСУ

Первый вопрос:

Ошо, я была приверженцем Бабу Муктананды и руковожу его центром. Я пережила чрезвычайно трудный период; он продолжался до тех пор, пока я не прочла твои книги. Тогда я поняла все, что происходило и все, что происходит со мной.

Нужно ли оставаться привязанным к другому Мастеру, когда я глубоко чувствую и понимаю вас? Я знаю, что я не могу вернуться к методам Бабу. Я смущена – можете ли вы мне помочь?

Бернадетт Браун, помочь можно только ученику. И ученик должен стать вовлеченным, преданным. Без преданности нет возможности для какой бы то ни было помощи. Дерево должно быть укорененным в почве, только тогда оно может расти. Если оно начинает говорить о непривязанности к земле, оно умрет.

Почему ты боишься привязанности к новому Мастеру? Думаешь ли ты, что вышла за пределы привязанности? Действительно ли это непривязанность? Или это просто привязанность к прежнему учителю, заслоняющая тебе путь?

Ты все еще привязана к человеку, к которому, как ты думаешь, не можешь вернуться. Однако это неразумно. Оставайся привязанным к нему во всех отношениях, если ты чувствуешь, что там ты растешь – это интеллигентность. Всегда, когда происходит рост, всегда, когда ты становишься все более и более зрелой, более блаженной – оставайся привязанной.

Но в тот момент, когда рост прекратился, в момент, когда вы видите, что вы никуда не идете или движетесь по кругу, – время разорвать связи. Ищите новую почву, новые земли, новые пастбища. Человек должен продолжать искать до тех пор, пока он сам не станет Мастером.

Зачем бояться нового? Вы привязаны ко вчерашнему солнцу, но сегодня взошло новое солнце. И из-за вашей привязанности ко вчерашнему вы продолжаете закрывать глаза! Ваш страх – страх предательства. Но что вы можете сделать? Не то, что вы предаете кого-то, это просто поиск вашего собственного роста – и это ваша ответственность.

Вы должны будете продолжать искать, исследовать. Человек должен идти все дальше до тех пор, пока он не приходит в свое собственное существо. Учитесь везде и не будьте так несчастны. Теперь ты хочешь моей помощи, но не привязываясь ко мне. Это невозможно; ты должна будешь подключиться.

Вот что такое саньяса. Пока вы не подключены, моя энергия не может течь в вас. Вы можете продолжать читать мои книги, но это – совершенно другое дело. Это останется интеллектуальным, это никогда не станет реальным.

То, как слушает мои слова саньясин, полностью отличается от того, как слушает меня не саньясин. Слова те же самые, но значение полностью другое.

Когда вы находитесь в любовной связи со мной, эти слова становятся пламенными. В них есть свет, они светящиеся. Это не обычные слова; это слова вашего Мастера, это сло-

ва, приходящие из источника, которому вы преданы. Они, в действительности, *ваши* слова – как если бы ваше собственное существо сказало их вам. Есть интимность, есть любовь. И в этой любви случается чудо.

Это зависит от вас. Но не хитрите; хитрость не поможет. Быть со мной означает быть вовлеченными в меня. Вы можете быть здесь, но если вы не со мной, ваше нахождение здесь поверхностно. Вы останетесь на периферии, вы останетесь посторонним. А великие тайны могут быть переданы только в глубокой интимности. Они могут быть переданы только через любовь.

Ты говоришь: *«Я была приверженцем Бабу Муктананды...»*

Ты уже «была», это закончилось. Ты научилась всему, чему ты могла у него научиться; ты выросла из него, ты закончила этот класс. Теперь войди в новый класс, войди в новую землю, исследуй эту новую страну.

Ты говоришь: *«И я руководила его центром. Я пережила чрезвычайно трудный период; он продолжался до тех пор, пока я не прочла твои книги.*

Тогда я поняла все, что происходило и все, что происходит со мной.

Если тебе помогло просто чтение моих книг, тогда подумай, что возможно, если ты вовлечена в меня. Возможно даже невозможное.

Муктананда помог тебе, вот почему ты здесь. Это не предательство. Он помог по-своему; без него ты никогда не была бы здесь. Но теперь ты должна идти дальше. Ты использовала лодку, теперь ты должна оставить ее позади. Не становись слишком привязанной к лодке, иначе все путешествие станет абсурдным. Если ты слишком привязана к лодке, ты не оставишь ее; ты не достигнешь другого берега, ты будешь озадачена и смущена.

Чтение моих книг – это интеллектуальный способ общения со мной. Быть учеником – не-интеллектуальный, интуитивный способ общения. Чтение моих книг, слушание моих слов – от головы к голове. Быть саньясином – от сердца к сердцу.

Да, некоторые вещи могут быть переданы посредством головы, посредством слов, но эти некоторые вещи, в действительности, не являются существенными. Истина может быть сообщена только от сердца к сердцу. Только в безмерной преданности, восприимчивости, страстной любви, сдаче, в доверии перескакивает пламя от Мастера к ученику. И пламя может перескочить, только когда вы подошли очень близко.

Все зависит от вас.

Ты спрашиваешь: *«Нужно ли оставаться привязанным к другому Мастеру?»* Если ты все еще привязана к Муктананде, возвращайся к нему, забудь все обо мне. Тогда я не для тебя. Но не смущайся, потому что я совершенно другой человек. Тогда ты останешься привязанной к первому классу, тогда ты можешь продолжать играть в одну и ту же игру снова и снова.

Муктананда – учитель ортодоксальный, общепринятый, пуританин, часть существующего положения вещей, традиционный. Я – прямая противоположность: я не учитель, я не учу вас никакой доктрине, я не даю вам никакого кредо.

Слово «кредо» прекрасно, оно происходит от корня *credere: credere* значит «верить». Я не даю вам никакой системы верований, я разрушаю их все.

Муктананда дал тебе систему веры. Он обычный учитель, на службе у общества, на службе у прошлого, на службе у этой гнилой структуры, истеблишмента. Он не Мастер.

Я видел его, я встречался с ним: в нем нет огня. Ничего не случилось с ним – или все, что случилось – очень обычно, это может случиться со всяким. Такого рода вещи случаются в Индии с тысячами людей. У него нет озарения, он не просветлен. Ты можешь оста-

ваться привязанной к нему, и ты можешь продолжать играть в игру, но ты останешься в очень примитивном состоянии.

И я не говорю, что он не помог тебе – даже первый класс помогает, иначе никто никогда не поступил бы в университет. Но я человек полностью другого вида, диаметрально противоположный. Я учу вас восстанию. Я против всего прошлого, я целиком за настоящее. А будущее родится из настоящего.

Я не за существующее положение. Вся моя работа здесь в том, чтобы создать совершенно другое человечество. Человечество, существовавшее вплоть до настоящего времени, теперь больно, ненормально, невротично. Я не принадлежу ни к какой традиции: я не индуист, не христианин, не мусульманин. Я совершенно покончил с прошлым, и я учу вас тому же.

Я не даю вам доктрин, я даю вам проникновение в реальность. Я не даю вам веру, я забираю у вас все веры и предрассудки, так что вы можете стать чистым ясным зеркалом, и то, что есть, может отразиться в вас.

Но это возможно только если вы подходите близко ко мне. Чем вы ближе, тем лучше. И говоря «быть ближе», я не имею в виду физическую близость, я имею в виду духовную близость.

Ты говоришь: *«Нужно ли оставаться привязанным к другому Мастеру, когда я глубоко чувствую и понимаю вас?»*

Теперь ты будешь в смятении. Ты создаешь в себе раскол. Твое сердце закончило с твоим так называемым учителем, Муктанандой; просто твой ум цепляется. Твое сердце будет теперь со мной, а твой ум будет продолжать цепляться за прошлое. Ум всегда цепляется за прошлое. Ум абсолютно против настоящего и будущего; он живет и существует прошлым, мертвым. Теперь ты будешь в великом расколе: твой ум скажет одно, а твое сердце скажет другое.

А мои пути настолько отличаются от ваших так называемых учителей, что разрыв с каждым днем будет становиться все больше и больше. Или сожгите все мои книги и забудьте обо мне – по крайней мере, вы будете спокойны; вы останетесь глупыми, но по крайней мере будет спокойствие – или покончите с вашими старыми привязанностями. Тогда вы можете начать расти снова.

Я могу помочь тебе.

Ты говоришь: *«Я знаю, что я не могу вернуться к методам Бабу».*

У этого Бабу Муктананды не очень много методов. Это так по-детски, все так неразумно! Но есть люди, которым нужно это; есть люди, которые могут понять только очень поверхностное. Счастье, что ты выросла из этой потребности. Теперь, пожалуйста, не продолжай тащить с собой свою детскую одежду: она не подойдет тебе, она задушит тебя.

А твоя преданность – это преданность истине. Если твоя преданность – преданность истине, тогда, откуда бы она ни приходила, ты должна склониться, ты должна сдаться.

Ты спрашиваешь: *«Я смущена – можете ли вы помочь?»*

Я могу помочь. Но, Бернадетт Браун, можешь ли ты принять мою помощь? Это вопрос. Все дело не в том, могу ли я помочь – можешь ли ты принять это, воспринять это?

Саньяса – это просто жест с вашей стороны, что вы готовы воспринять это. А я могу вам дать, только если вы готовы это принять.

Второй вопрос:

Если самость во всех людях одна и та же, значит ли это, что все люди одинаковы? Если это так, как может любой отдельно взятый человек быть неотъемлемой частью существования?

Ричард Митчли, Высшее Я во всех людях одно и то же. И не только во всех людях, но во всех существах вообще – людях, животных, птицах, деревьях, камнях. Высшее Я – это центр всего существования. Это не моя самость или ваша самость, это просто Самость. Она всеобща, она не личностна.

И все же каждая индивидуальность отлична, каждая индивидуальность уникальна. Это одна из самых парадоксальных вещей, но это так.

Все волны – часть одного и того же океана. Все же – подумайте об этом, помедитируйте над этим – каждая отдельно взятая волна полностью отлична от любой другой волны, которая когда-либо была или когда-либо будет. Оба утверждения – истина. Каждая волна – не что иное, как часть океана; одного и того же океана: океан – это высшее Я. Но у волны есть форма. Одна волна приливает, стремится достичь звезд; другая такая маленькая, такая застенчивая. Они различны: их вид, их форма, их выражение различны. Нет двух одинаковых волн, и все же океан за каждой волной один и тот же. Итак, я не вижу здесь никакой трудности в понимании этой простой истины, хотя она парадоксальна.

Самость – одна. И все же все индивидуальности различны. Самость с заглавной «С» – одна; самостей с маленькой буквы «с» – миллионы. И они все различны – они волны. Бог творит из одного и того же материала, но каждый раз он рисует по-разному, лепит скульптуру по-разному.

Я слышал:

Американский торговый агент по искусству, путешествующий по Китаю, увидел прекрасный стул ручной работы в магазинчике при мастерской и был им очарован. Он спросил мастера, сколько он взял бы за изготовление еще одиннадцати стульев.

– Все разные? – спросил мастер.

– Нет, все в точности как этот.

– Ну, – нерешительно сказал мастер, – если они все должны быть в точности одинаковыми, я взял бы с вас вдвое за каждый стул.

– Вдвое! – воскликнул американец, надеявшийся на скидку из-за количества. – Почему так много?

– Мне было бы скучно делать их все одинаковыми, – ответил мастер. – Я был бы счастливее, делая каждый по-своему.

Богу действительно было бы скучно, если бы он продолжал производить один и тот же вид людей снова и снова. Бог не сборочный конвейер. Продукция не массовая; она всегда уникальна, что бы ни создавалось. Вы не можете найти двух одинаковых булыжников на всей земле, нет даже двух одинаковых листочков. Что тогда говорить о двух людях?

Но материал один и тот же: это одно и то же всеобщее сознание, из которого мы все сделаны, вылеплены, нарисованы. Оно одно и то же, и все же каждому дана различная форма. Мир прекрасен, потому что каждый человек уникален – у него свое собственное лицо, своя собственная подлинность. Войдите в нее глубже, и вы обнаружите, что индивидуальное исчезает. А когда вы достигли самой сердцевины, индивидуального не осталось, только всеобщее.

Итак, позвольте мне сказать это таким образом: на периферии мы различны, в центре мы одно и то же. Центр один, периферий миллионы. И у каждой периферии есть свой способ выражения, бытия.

Бог – творец, не производитель. И его творение бесконечно. Он никогда не повторяет, он никогда не имитирует, он никогда не творит под копирку. Он творит каждую индивидуальность только один раз – и это ваше величие, ваше достоинство, ваша слава.

Митчли, ты спрашиваешь меня: *«Если самость во всех людях одна и та же, значит ли это, что все люди одинаковы?»*

Они не одинаковы. На окружности они абсолютно уникальны. В центре вопроса одинаковости нет: они одно. Они не два, как же они могут быть одинаковыми? В центре есть только одно всеобщее существование; не возникает вопроса о том, чтобы быть с кем-то абсолютно похожим – ничего нет. На периферии, на окружности тоже нет вопроса одинаковости: все волны различны, нет двух похожих волн.

И ты спрашиваешь: *«Если это так, как может каждый человек быть неотъемлемой частью существования?»*

Каждая отдельная волна есть неотъемлемая часть океана; это не случайно. Под «неотъемлемой» я подразумеваю, что она нужна океану, иначе ее не было бы с самого начала. Бог нуждается в вас таких, какие вы есть; он нуждается в вас именно в таких, какие вы есть. Так, пожалуйста, не пытайтесь стать кем-либо еще.

Не пытайтесь стать Буддой, не пытайтесь стать Иисусом, не пытайтесь стать Мухаммедом. Просто будьте самим собой, потому что он желает вас, он хочет, чтобы вы были именно такими. Если бы он захотел Мухаммеда, он сотворил бы намного больше Мухаммедов; он не хочет их. Он покончил с Мухаммедом, Буддой, Иисусом – кого бы он ни сотворил, он закончил с этим. Теперь он создал вас. Нужны *вы* – не Мухаммед, не Кришна, не Христос. Нужны вы, вы как вы есть.

Итак, не пытайтесь имитировать никакой великий идеал, не пытайтесь быть копией кого-либо еще. Будьте искренни в форме, что дал вам Бог, потому что это единственный способ отблагодарить Бога, быть признательным Богу. Будьте подлинно своим, индивидуальным существом.

А если вы подлинные существа, вы будете способны узнать также и всеобщее, – и намного легче, потому что всеобщее недалеко от подлинной индивидуальности. Океан прямо здесь, в волне: взгляните внутрь, и океан проявится.

Но если вы стали фальшивыми, вы не сможете смотреть внутрь. Маска не может смотреть внутрь. Фальшивое не может смотреть внутрь, потому что у фальшивого нет ничего похожего на внутреннее. Только у настоящего есть две стороны, внешняя и внутренняя. У фальшивого есть только одна сторона, внешняя. У него нет внутренней стороны; это просто маска, внутри ничего нет. Это просто нарисованное лицо.

Пожалуйста, не будьте индуистами, не будьте мусульманами, не будьте христианами. Будьте религиозными – а под этим я подразумеваю «смотрите внутрь, ищите внутри». И вы найдете эти две вещи: первое – вашу подлинность, вашу индивидуальность, а на втором шаге вы найдете вашу всеобщность. Сначала должно быть подлинным малое я, и тогда вы найдете высшее Я.

От малой истины к высшей истине: таково путешествие, паломничество.

Третий вопрос.

Я начал смотреть яснее на игры, в которые играем я и другие люди. Верны ли эти наблюдения, или я снова трачу время на умственные игры?

Прем Ташир, доверяй только чистому сознанию, когда не осталось ничего, что можно наблюдать. Если осталось что-то, что можно наблюдать, это все еще игра. Та же самая игра с новыми игрушками.

Ты говоришь: *«Я начал смотреть яснее на игры, в которые играем я и другие люди».*

Теперь, если ты не станешь бдительным, ты можешь начать играть в эту игру наблюдения. И ты будешь постоянно наблюдать.

Я слышал о психоаналитике, пришедшем посмотреть на конкурс красоты. Проходили прекрасные обнаженные женщины; все зрители были возбуждены, каждый был полностью увлечен наблюдением за прекрасными женщинами. Но психиатр, психоаналитик, наблюдал за людьми.

Его друг, сидевший рядом, спросил его:

– Что ты делаешь? Женщины на сцене, так почему ты не смотришь туда?

Он сказал:

– Я смотрю на людей. Я наблюдаю, как они реагируют, что в их глазах.

Итак, это снова та же самая игра. Несколько людей смотрят на обнаженных женщин, а кто-то наблюдает за людьми, наблюдающими за обнаженными женщинами. Теперь игра ушла немного глубже. А может быть и третий человек, наблюдающий, как этот психоаналитик наблюдает за людьми, наблюдающими обнаженных женщин... и так далее, все дальше, это может продолжаться и продолжаться.

Наблюдение хорошо, но не позволяйте ему стать игрой. Оно *может* стать игрой, и тогда это все то же самое; это не вопрос того, в какую игру вы играете. Вы можете играть в религиозные игры, вы можете играть в психологические игры, вы можете играть в духовные игры – вы можете продолжать играть.

Мирской человек гонится за деньгами: он играет в игру. Человек-другого-мира гонится за отречением от денег: он играет в другую игру. Мирской человек заинтересован в огромном успехе, славе, общеизвестности. Религиозный человек убегает в пещеры, так что никто не знает его, так что он становится абсолютно анонимным.

Но, хотите ли вы, чтобы о вас знали другие, или вы хотите, чтобы другие о вас *не* знали, вы сосредоточены на других: это та же самая игра.

Человек торжественно вошел в свой любимый бар после того, как он получил весьма существенную прибавку к жалованию.

– Джо! – крикнул он бармену, – налей за мой счет всему заведению, кроме того еврея, что сидит в углу. Не давай ему ни капли!

Еврей, хотя и немного обиженный, промолчал.

Немного времени спустя человек снова крикнул бармену:

– Джо, еще стаканчик для всех присутствующих! Но ничего тому еврею, что в углу! Я не хочу ему ничего давать!

На этот раз еврей не смог себя сдержать и в большом расстройстве подошел к мужчине.

– Что такое? – возопил он. – Что мы, евреи, тебе сделали? Почему ты меня так угощаешь?

С великим презрением человек взглянул на еврея и сказал:

– Вы потопили «Титаник», вот что вы сделали!

– Что? – закричал еврей, не поверив. – Что за вздор? «Титаник» потопил айсберг, дурак!

Человек кивнул со знанием дела и ответил:

– Именно так – Штейнберги, Гринберги, Айсберги, – вы все заодно!

Все игры – это одно и то же. Играйте – но помните, все игры одни и те же. Человек должен прийти к точке, где не осталось ничего, что можно наблюдать, в сознании нет содержания. Не-содержащее сознание – это медитация.

А когда нет содержания, все игры исчезают, потому что вы не можете играть с пустотой, с ничем. Нет способа играть с ничем. Когда все игры исчезли, все содержания исчезли, вы будете удивлены, узнав, что с вашими играми исчезли также и вы – потому что «Я» существует только посредством игр. Вы можете изменить ваши игры – «Я», эго начнет ездить на новой игре.

Когда все игры исчезают – включая игру наблюдения, включая духовную игру – когда содержания нет, а сознание есть, просто чистое, ни к чему не цепляющееся, ни за что не хватающееся, это – мгновение, когда вы идете за все игры, за пределы мира.

Мир состоит из игр. Нирвана в том, чтобы выйти за пределы всех игр.

Четвертый вопрос:

Есть ли нечто похожее на глубокое врожденное стремление человека умереть как эго, исчезнуть, раствориться – и чем это стремление отличается от фрейдовского танатоса, отрицания жизни?

Сона, в реальности нет эго, чтобы оно могло исчезнуть. Исчезновение возможно, только если эго реально. Если эго действительно существует, только тогда возможно исчезновение. Тогда в чем смысл, того, что ты говоришь: «Пусть эго исчезнет»? Все, в чем есть смысл – это: «Посмотрите глубоко, и вы не найдете в себе никакого эго». Это – исчезновение. Не то, что эго исчезает – его не было с самого начала. Вы только поверили, что оно было; это было просто мнением, просто идеей в вас, ничем иным.

Это подобно тому, как вечером солнце село, опускается ночь, и вы видите веревку, но для вас она выглядит змеей. Из-за вашего страха вы думаете, что веревка – это змея, вы убегаете, вы так напуганы. Змеи нет. Если кто-то хватает вас, смеется, дает вам веревку, показывает, что это только веревка и ничего больше, скажете ли вы, что змея исчезла, растворилась, ушла, умерла? Это будет чепухой. Вы тоже рассмеетесь; вы скажете, что змеи не было с самого начала. Веревка всегда была веревкой: вы проецировали змею на нее. Эта змея было просто страхом, поднимающимся в вас.

Таково эго. Эго – это просто идея, и если вы начинаете пытаться отбросить эго, вы будете в великом затруднении. Оно не может быть отброшено. Как вы можете отбросить что-то, чего не существует?

Вот почему люди, пытающиеся отбросить эго, находятся в такой нелепой ситуации: они продолжают отбрасывать его, а оно продолжать кипеть, возникать. Они становятся очень

смиренными, но глубоко внутри их смиренности имеется эго. Смирение само по себе становится причиной их эго. Они начинают провозглашать миру: «Нет никого смиреннее меня, я – верх смирения». Теперь смирение стало другой формой эго.

Эго не может быть отброшено, на него можно только посмотреть. Когда вы смотрите на него, его нельзя найти, потому что его нет. Оно исчезает, как исчезает сон, когда вы просыпаетесь утром. Вы можете проснуться, вот и всё; эго не может быть растворено. Все усилие нелепо, потому что, растворяя его, вы допустили его существование – в этом вся ошибка.

Сона, ты спрашиваешь: *«Есть ли нечто похожее на глубокое врожденное стремление человека умереть как эго?»*

Нет, его не существует, потому что нет эго. Да, в человеке есть глубокое врожденное стремление узнать: «Кто я?» – оно присутствует, но не умереть как эго. В человеке есть великое стремление узнать: «Кто я?» Оно составляет и пронизывает всю вашу жизнь.

Даже маленький ребенок начинает спрашивать: «Кто я?» Этот вопрос есть нечто фундаментальное. Это врожденное явление – исследовать свое собственное существо. А когда вы глубоко исследуете свое собственное бытие, эго не обнаруживается. Можно найти лишь Бога. Когда вы идете внутрь, эго не обнаруживается, обнаруживается Бог. Когда вы идете наружу, Бога нет, и вы продолжаете верить в эго.

Эго – это вера сознания, направленного вовне, не-эго – это переживание, опыт сознания, идущего вовнутрь. Оно не имеет ничего общего с фрейдовским *танатосом*; это полностью другое явление. У человека есть жажда жизни, это – эрос. Но когда эта жажда жизни терпит разочарование, она заменяется своим антагонистом, своей диаметральной противоположностью.

Подобно тому, как любовь может прогоркнуть и обратиться в ненависть, жажда жизни может стать жаждой смерти. Вы будете удивлены, узнав, что в бедных странах лишь очень немногие люди кончают жизнь самоубийством. По логике вещей, должно быть прямо наоборот: бедные люди должны совершать самоубийств больше, в их жизни нет ничего, ради чего можно жить. Но богатые люди чаще совершают самоубийства. В чем тайна этого нелогичного явления? Чем богаче становится общество, тем больше людей совершают самоубийство, все больше и больше людей, – почему? Жажда жизни прогоркла.

Бедный человек даже не жил – как он может разочароваться в жизни? Разочарование возможно, только когда вы пожили и увидели, что в этом ничего нет. Бедняк все еще надеется: он надеется на завтра, он все еще надеется на жизнь.

Богатый человек знает о жизни все; он увидел ее, он прожил ее. Он осмотрел все вокруг, он искал везде, и это не было найдено. В безмерном разочаровании ЭРОС, инстинкт жизни, становится самоубийством. Богатый человек хочет умереть, потому что в жизни нет смысла, потому что надежды больше нет. У него есть все, что может дать мир, и все же это бессмысленно. Так зачем без нужды продлевать это?

Самая большая проблема – в том, что будущее самоубийственно. Наука будет делать землю все богаче и богаче, и все больше и больше людей будут кончать жизнь самоубийством, потому что они увидят: «Какой смысл проживать заново одну и ту же жизнь снова и снова? Нет ничего, что человек может здесь выполнить; почему бы не прекратить это?»

В богатых странах, в богатых культурах это всегда очень значительный вопрос: «В чем смысл жизни?» Но в бедной стране никто не спрашивает, в чем смысл жизни; люди спрашивают о материальных вещах. Вопрос о смысле жизни возникает в последнюю очередь: когда вы узнали жизнь, вы можете спросить об этом.

На Западе люди спрашивают о смысле жизни и поворачиваются к Востоку. А люди на Востоке поворачиваются к Западу, потому что они хотят лучшие технологии, более хорошие дома, более хорошую пищу, более хорошие дороги, более хорошие автомобили; они хотят всего, что стало доступным на Западе. Восток становится коммунистическим, Запад становится религиозным. Восток становится все более и более материалистичным – почему? Потому что на Востоке эрос не исполнен, так что танатос, стремление к смерти, все еще не может иметь место.

На Западе эрос пришел к точке высшего насыщения. Он прикоснулся к высшему пику; теперь некуда больше идти. Круг замкнулся, колесо повернуло обратно; оно повернуло к танатосу.

Несомненно, приготовления к третьей мировой войне есть не что иное, как приготовления к всеобщему самоубийству. Потрачено так много энергии, так много технологии, так много ума просто на приготовление к третьей мировой войне, которая уничтожит всю жизнь на земле – не только человеческую жизнь, но *всю* жизнь. Зачем так много усилий для войны? Это просто альтернативный способ совершить самоубийство.

Танатос – это прогоркший эрос. До тех пор, пока ваш эрос не сможет снова возродиться, до тех пор, пока ваш эрос не сможет воскреснуть к жизни, пока он не обратиться вовнутрь, до тех пор, пока что-то, что не имеющее ничего общего с материальными вещами, что-то от высшего, не войдет в вашу жизнь и не станет вашим вопрошанием, эрос обречен превращаться в танатос. Но это – не обязательное явление. Когда умирает ваш эрос, вы можете совершить прыжок в новое качество бытия.

Иисус говорит: «Придите ко мне, я покажу вам путь жизни обильной, жизни вечной». И это было и есть учение всех великих Учителей мира. «Вы закончили с этой жизнью? Хорошо, – говорят они. – Не нужно сердиться. Мы покажем вам путь к вечной жизни, который существует всегда, потому что он вечен и бесконечен. Вы можете продолжать и продолжать, вечно, и всегда удивляться».

Вот что такое вообще религия: поиск эроса, который никогда не превращается в танатос. Настоящая религия всегда жизнеутверждающа: она утверждает на земле жизнь, а когда обнаруживается, что эта жизнь не удовлетворяет никого, она открывает двери божественной жизни. Если эти двери остаются закрытыми, тогда возникает проблема; тогда ваша энергия начнет обращаться в свою противоположность.

Энергия всегда может стать своей противоположностью. Любовь может стать ненавистью, гнев может стать состраданием, жадность может стать щедростью, дружба может стать враждебностью, и наоборот. Энергии всегда могут обратиться в свою диаметральную противоположность, потому что вся энергия – это диалектический процесс. Тезис может обернуться своим антитезисом.

Вы любите человека, и тогда вы чувствуете неудовлетворенность: вы начинаете ненавидеть его. Брак может обернуться разводом; только брак может стать разводом. Если вы действительно хотите, чтобы в мире не было разводов, должен исчезнуть брак, и разводов не будет. Как может быть развод, если нет брака?

Всегда, когда вы стремитесь к чему-то с великим ожиданием и ожидание терпит разочарование, наступает кризис. Альтернативы две: или ваша энергия обратится в свою противоположность, или она совершит квантовый скачок и изменится – перенесется на другой план бытия.

Живите земной жизнью полно. А когда вы увидите, что больше нет ничего, удовлетворяющего вас, тогда совершите прыжок, квантовый скачок в не-земную жизнь. Живите

внешней жизнью во всей полноте, а когда вы видите, что теперь вы стали зрелыми, научились у нее, тогда поворачивайтесь вовнутрь.

В этом весь мой процесс. А момент кризиса – это величайший момент. В момент кризиса вам нужен кто-то, чтобы вести вас: вам нужен учитель, Мастер. Психотерапевт не может помочь вам; он может только помочь вам приспособиться к вашей старой жизни, в которой вы чувствуете разочарование. Он может справляться в течение нескольких месяцев, нескольких лет, но то же самое случится снова.

Только Мастер может помочь вам совершить квантовый скачок, прыжок с более низкого уровня на более высокий. И это не конец: есть все более и более высокие планы, вершины за вершинами ждут вас. Когда вы покорили одну из них – вы будете удивлены: есть и другие вершины, бросающие вам вызов.

Это – вечность жизни.

Пятый вопрос:

Ошо, откуда ты знаешь внутренний мир человека? Потому что я всегда чувствую, что в момент, когда ты видишь кого-то, немедленно вся его жизнь обнажается перед тобой. Это также и мое собственное переживание.

В этом нет большой тайны, это очень просто. Если вы зеркало, если вы молчаливы, если внутри вас нет смятения, если у вас нет мыслей и движения ума, другой просто отражается. Это не великая тайна.

Если вы идете к озеру и на нем нет ряби, вы отражаетесь в озере, луна и звезды отражаются в озере. Озеро не знает искусства; это вообще не искусство, это простое явление.

Я сижу здесь молча, без движения ума. Вы проходите передо мной, зеркало отражает вас. Озеро моего сознания отражает вас: я вижу вас, всех и вся, из одного конца в другой, в вашей полноте. Но это познание не есть знание, это познание – просто отражение. Это так же просто, как...

Дональд Клоу остановил свой грузовичок на обочине дороги в Йеллоустоунском Национальном Парке.

– Медведь! – крикнул Дональд с восхищением.

Его жена предостерегла его:

– Дорогой, указатели говорят: «Медведей не кормить!»

– Бутерброд или даже два не обидят мишку.

Дональд выскочил из грузовичка и подошел к медведю с бутербродом в правой руке. Затем он бросил бутерброд, который медведь поймал и проглотил одним махом. Под конец он отдал медведю свой второй бутерброд.

Внезапно медведь свирепо зарычал. Он захотел третьего бутерброда, которого у Дональда не было. Дональд выверну карманы наизнанку, чтобы показать, что у него больше нет еды.

– Нету больше. Видишь? Я отдал тебе все мои сэндвичи.

Медведь погнался за Дональдом. Дональд побежал, спасая свою жизнь. Ввалившись в открытую дверь грузовичка, Дональд, не переводя дыхания, выдохнул:

– Этот медведь не знает ни слова по-английски!

Не нужно понимать ваш язык, не нужно хоть что-то понимать в вас. Не нужно вообще понимать вас: вы просто отражаетесь. Медведь это медведь. Откуда вы знаете, что медведь это медведь? Откуда вы знаете, что роза это роза? В это не вовлечен анализ, нет техники, нет технологии.

Рассказывают историю о психиатре, который спешил на самолет, а у него в приемной все еще сидели три женщины вместе со своими детьми. Он решил вылечить их всех вместе за один раз.

Он подошел к первой леди, которая была очень большая и толстая, и сказал ей:

– Мадам, сразу видно, что ваша проблема связана с едой, вы думаете о ней непрерывно. Как зовут вашего ребенка?

– Хони *(honey – мед – прим. перев.),* – ответила женщина.

– Вот видите, вы бессознательно думали о еде, когда вы назвали своего ребенка. Мой вам совет – пойти домой и прекратить думать о еде.

Следующая женщина, к которой он подошел, была одета в дорогие одежды с ювелирными украшениями.

– Мадам, сразу видно, что ваша система ценностей связана с материальной стороной жизни и деньги – ваш бог. Как зовут вашего ребенка?

– Голди *(goldie – золотинка – прим. перев.),* – ответила она.

– Вот видите, даже бессознательно вы думали о богатстве, когда называли своего ребенка. Мой совет – пойти домой и забыть о материальных вещах.

Как только он подошел к третьей женщине, она встала, схватила сына и громко сказала:

– Пошли, Дик *(dick – на сленге означает мужской половой орган – прим. перев.),* нам сейчас лучше пойти домой.

Вещи очень просты. Вы просто должны быть зеркалом, и люди проявятся сами. Вам даже не нужно задавать ни одного вопроса. Как они ходят, как они сидят, как они смотрят, как они говорят – это показывает все. Это не открывается вам, потому что вы на них не смотрите. Вы так заняты собой, вы находитесь в своими мыслях, вы окружены туманом.

В противном случае все понимали бы всех. Все были бы обнажены. Вам просто нужны открытые глаза, молчаливый ум, и вы будете удивлены: никто не может ничего скрыть от вас, нет способа что-либо скрыть.

Шестой вопрос:

Пожалуйста, объясните, что такое интеллигентность.

Патрик Куглан, интеллигентность – это просто открытость существа; способность видеть без предрассудков, способность слышать без помех, быть вместе со всем без всяких предвзятых идей – вот что такое интеллигентность. Интеллигентность – это открытость существа.

Вот почему это полностью отлично от интеллектуальности. Интеллектуальность прямо противоположна разумности. Интеллектуальный человек постоянно тащит предрассудки, информацию, предвзятости, веры, знание. Он не может слушать; прежде, чем вы что-то сказали, он уже сделал вывод. Все, что вы говорите, должно пройти через такое количест-

во мыслей в его уме, что к тому времени, когда это достигает его, это уже что-то совершенно другое. В нем происходит искажение, и он очень закрыт, почти слеп и глух.

Все эксперты, образованные люди – слепы. Знаете ли вы старую историю о пяти слепцах, пришедших посмотреть слона?

Учительница рассказывала своим ученикам, маленьким мальчикам и девочкам, старую басню. Она рассказала всю историю, а затем спросила маленького мальчика:

– Можешь ли ты сказать мне, кто были эти люди, которые пришли посмотреть слона, а затем стали спорить?

Она хотела узнать, слушал ли мальчик, пока она рассказывала историю.

А мальчик встал и сказал:

– Да, я знаю. Они были специалистами.

Она думала, что он скажет: «Это были пять слепцов». Но маленький мальчик сказал: «Они были специалистами». Он намного более прав: да, они были экспертами.

Все эксперты слепы. Экспертиза означает, что вы становитесь слепы ко всему остальному. Вы знаете все больше и больше о все меньшем и меньшем, и потом однажды вы достигаете окончательной цели – знания всего о том, чего нет. Тогда вы полностью закрыты, и нет даже открытого окна: тогда вы стали безоконными.

Это – неинтеллигентность. Интеллигентность – быть открытым ветру, дождю и солнцу, быть открытым всему. Не тащить прошлое – это интеллигентность, умирать в прошлом, каждое мгновение – это интеллигентность, оставаться свежим и невинным – интеллигентность.

Дональд вел свою спортивную машину по главной улице, когда внезапно заметил сзади мигающий красный свет. Это была полицейская машина.

Дональд быстро съехал на обочину.

– Офицер, – заторопился он, – я делал только двадцать пять миль в тридцатипятимильной зоне.

– Сэр, – сказал офицер, – я только...

– В дальнейшем, – негодующе прервал Дональд, – я не потерплю подобное насилие!

– Пожалуйста, – продолжал офицер, – успокойтесь, расслабьтесь...

– Расслабьтесь! – возбужденно возопил Дональд. – Вы собираетесь вручить мне карточку за нарушение движения – и вы хотите, чтобы я расслабился!

– Мистер, – заявил офицер, – дайте мне возможность сказать. Я *не* даю вам квитанцию на штраф.

– Нет? – сказал Дональд, удивленно.

– Я только хотел сообщить вам, что у вас спущена правая задняя шина.

Но никто не готов слушать то, что говорят другие. Вы когда-нибудь слышали то, что говорят другие? Прежде, чем слово произнесено, вы уже сделали заключение. Ваши заключения стали фиксированными; вы больше не текучи.

Стать застывшим – значит стать идиотичным, оставаться текучим – значит оставаться разумным. Интеллигентность всегда течет подобно реке. Неинтеллигентность подобна кубику льда, застывшая. Неинтеллигентность всегда последовательна, потому что она застывшая; она определена. Интеллигентность непоследовательна, она течет, в ней нет оп-

ределенности, она продолжает течь сообразно ситуациям; она сознательна, но она не последовательна.

Только глупые люди – последовательны. Чем вы разумнее, тем непоследовательнее вы будете – потому что кто знает о завтра? Завтра принесет свои собственные переживания. Как вы можете быть последовательными с вашими вчера? Если вы мертвы, вы будете последовательны. Если вы живы, вы *должны* быть непоследовательными: вы выросли, мир изменился, река течет в новую землю.

Вчера река проходила через пустыню, сегодня она проходит через лес; он полностью отличен. Вчерашний опыт не должен определять ваше поведение всегда, иначе вы умерли еще вчера. Человек должен продолжать двигаться вместе со временем. Человек должен оставаться процессом, он никогда не должен становиться вещью. Это – интеллигентность.

Седьмой вопрос:

На лекции вы сказали, что действительно осознающ тот, кто был способен жить один. Как это согласуется с мечтой об общине, общности?

Ситаро, действительно осознающий человек – определенно тот, кто способен жить один. Но это только половина правды. Другая половина состоит в том, что тот, кто действительно способен быть один, также способен быть вместе с другими. Несомненно, только он способен к совместному бытию.

Человек, который неспособен быть один, не может быть вместе с кем-нибудь еще, потому что у него нет индивидуальности. Человек, не имеющий индивидуальности, не может быть вместе с кем-то. Почему? Есть множество проблем. Во-первых, он всегда боится, что если он подойдет к другому человеку слишком близко, он утратит себя. В нем все еще нет целостности; он боится.

Вот почему люди боятся любви, слишком большой любви. Люди боятся подойти слишком близко, потому что если они подходят слишком близко, они могут раствориться в другом. Это – страх. Другой может победить их, другой может стать всей их реальностью. Они могут быть захвачены другим – это страх.

Только человек, знающий красоту бытия в одиночестве, способен подходить настолько близко, насколько это возможно, потому что он не боится. Он знает, что он *есть*, в нем есть целостное существо. В нем есть нечто кристаллизованное, потому что без этого кристаллизованного он не смог бы быть один.

Второе: когда человек не способен быть один, он всегда зависим от другого. Он цепляется – потому что боится, что другой может покинуть его, и тогда он должен будет страдать в одиночестве. Он цепляется, он эксплуатирует другого, он создает вокруг другого разные оковы.

А всегда, когда вы начинаете обладать другим, другой начинает обладать вами. Это взаимно. Когда вы сводите другого к положению раба, другой превращает вас в раба. А когда вы боитесь, что другой вас покинет, вы готовы идти на компромисс; вы готовы соглашаться на любые условия.

Вы увидите, что это происходит со всеми мужьями и женами. Они пошли на компромисс, они продали свои души по одной причине: потому что они не могут быть одни. Они боятся, что женщина может покинуть, мужчина может покинуть – а потом? Сама идея так пугает, ужасает.

Способность быть одному – это способность любить. Это может выглядеть для вас парадоксальным, но это не так. Это экзистенциальная истина: только люди, которые способны быть одни, – только они способны любить, разделять, идти в глубочайшую сердцевину другого человека – без обладания другим, без того, чтобы становиться зависимым от другого, без сведения другого к вещи и без привязанности к другому. Они оставляют другого абсолютно свободным, потому что они знают, что если другой покидает их, они будут счастливы так же, как и сейчас. Другие не могут забрать их счастье, потому что оно не дано другими.

Тогда почему они хотят быть вместе? Это больше не нужда, это богатство. Попытайтесь понять это. Настоящие люди любят друг друга как богатство; это не нужда. Они наслаждаются разделением: у них так много радости, что они хотели бы излить ее на кого-то. И они знают, как играть в своей жизни соло.

Одинокий музыкант с флейтой знает, как насладиться своей флейтой одному. А если он идет и находит музыканта с барабаном, одинокого музыканта с барабаном, они оба насладятся, будучи вместе и творя гармонию между флейтой и барабаном. Они оба насладятся этим: они оба будут изливать свои богатства друг на друга.

И, Ситаро, ты спрашиваешь: *«Как это согласуется с мечтой об общине?»*

Есть разница между так называемым обществом и коммуной. Общество состоит из людей, исполненных нужды, которые все зависимы тем или иным образом. Дети зависимы от родителей – но помните, родители тоже зависимы от детей. Это может быть не столь явным, но это так – просто поищите немного побольше. Мать не может быть без ребенка; конечно, ребенок не может быть без матери, но мать также не может жить без ребенка.

Члены семьи зависимы друг от друга, они цепляются один за другого. Это дает определенный комфорт, защищенность, безопасность. Затем, семьи зависят от других семей. Люди зависят от церкви, люди зависят от клубов, от разных обществ. Это великий мир зависимых людей, недорослей.

Коммуна – полностью другой мир. Это – не общество. Коммуна – это собрание людей, которые все способны быть одинокими, и они хотели бы быть вместе для того, чтобы создать новый оркестр бытия. Коммуна – это не явление зависимости, это – независимость.

Вот почему в этом ашраме много раз люди приходят и говорят мне: «Все здесь кажутся такими счастливыми сами по себе, что кажется, как будто никто не интересуется никем другим». В особенности новички чувствуют это – всё так, как если бы люди были безразличны. Это не так: они не безразличны. Но вы приходите из общества, где каждый зависит от кого-то еще. Это не общество – не как ваше старое общество. Здесь каждый наслаждается *своим* бытием, и никто не вмешивается ни в чью жизнь, нет вмешательства.

Все мое усилие состоит в том, чтобы сделать вас такими бдительными, такими любящими, чтобы вы не вмешивались. Любовь никогда не вмешивается, любовь дает полную свободу. Если она не дает свободы, тогда это не любовь. Это не безразличие – то, что чувствуют новички – и постепенно они понимают. К тому времени, когда они прожили здесь несколько недель, они знают, что происходит. Люди не безразличны, люди очень любящи. Но они невмешивающиеся, так что они не покушаются на вас. И они не-нуждающиеся, они не алчущие, так что они не цепляются к вам.

Конечно, вы знали только один тип людей, и поэтому эти новые люди пугают вас. Вы думаете, что вы не нужны, что никто не заботится, что эти люди очень себялюбивы, что они слишком заняты собой. Ничего подобного; это вообще не тот случай, это абсолютно неверно. Но для вас сначала это может выглядеть так.

Коммуна саньясинов будет празднованием, собранием людей, никоим образом не нуждающихся в других. Это прекрасно, если два человека вместе; это хорошо, если это продолжается и они могут петь песню вместе, это хорошо – петь хором. Но если дела идут неправильно, если это становится тяжелым, если совместное существование вмешивается в вашу свободу, тогда вы можете идти и петь свою песню один. Тогда нет необходимости быть частью хора.

И коммуна – это место, где допускается так много свободы. Здесь будут пары, но здесь не будет мужей и жен. Здесь, в коммуне, будут друзья.

Вот почему индийское правительство, индийское общество так сильно боится меня: ведь я собираюсь создать полностью другой вид общности, которая разобьет все их идеи – их так называемую мораль, и их традиционно лелеемый идеал брака, и весь этот вздор.

Люди могут жить вместе, если они наслаждаются совместным бытием; но быть вместе только для этой радости бытия – это не нужда. Если в какой-то момент человек решает выйти из отношений, он может сделать это без всяких проблем, без всякого беспокойства, без всякого крика, плача, борьбы и мерзостей, без всякого нытья и затягивания.

Люди должны быть истинными. Если они чувствуют себя хорошо, будучи вместе, – прекрасно. Если они чувствуют, что больше нет роста, что больше нет радости, они говорят друг другу «до свидания». Они чувствуют друг к другу признательность: все, что было разделено, было прекрасно, они будут всегда помнить друг о друге, но сейчас настала пора уходить. Они жили в радости, они уйдут в радости; их дружба останется невредимой. И это может случиться снова: они могут снова начать жить вместе. Они не оставят друг на друге шрамов, они не поранят друг друга, они будут уважать свободу другого.

Моя коммуна, в частности – а все, что я говорю, я говорю о моей коммуне – моя коммуна создаст индивидуумов, способных быть одинокими, и которые также способны быть вместе – которые могут играть соло и которые могут стать частью хора.

Последний вопрос:

Я был индуистским монахом в течение семи лет. Я говорил о целибате, так что я насиловал этим себя. Это было очень трудно, но я как-то, физически по крайней мере, преуспел в этом. Но теперь все перешло в мою голову. Теперь я постоянно думаю о сексе и ни о чем другом. Я заключен в этом, и всегда, когда я вижу женщину, я начинаю дрожать внутри.

Ошо, пожалуйста, помоги мне выбраться из этого.

Это естественно. Нет способа выйти за пределы секса. Подавление никогда не способ; в действительности, подавление все усложняет. Секс прост. Подавление делает его очень сложным, потому что подавление сдвигает всю сексуальную энергию из половых органов в голову. А когда секс в голове, это уродливое явление. Это не секс, это сексуальность. Это порнография.

Когда секс вошел в вашу голову, вы создаете свои собственные, частные, порнографические фильмы.

Вот почему ты боишься женщин. В тот момент, когда ты видишь женщину, возникает страх, потому что все, что ты подавил – здесь, подобно вулкану, а ты сидишь на его вершине. Это может взорваться. Эта женщина может стать детонатором; она может стать искрой, и ты можешь взорваться.

Ты стал взрывоопасным, ты несешь огромную опасную энергию. Секс, проживаемый естественно, прекрасен; подавляемый, он становится безобразным и движется в голову. А когда секс движется в голову, нет способа выйти из него. Вы можете выйти из него, только проходя через него: путь наружу – *через*.

Тебе повезло, что ты пришел сюда, иначе бы твое индусское монашество разрушило бы тебя полностью. Все монахи становятся сексуальными, более сексуальными, чем обычные люди. Все их мышление вращается вокруг сексуальности. И запомни, всегда, когда какая-то энергия перемещается из естественного центра в какой-то другой, тогда дела плохи. Сначала твою энергию надо перенести обратно в сексуальный центр.

В этом – весь процесс тантры. Ваша энергия должна быть перенесена в естественный центр, которому она принадлежит. Нет возможности освободиться из неестественного центра.

Но что происходит: когда вы что-то подавляете, куда оно пойдет? Какое-то пустое место есть только в голове, пустота имеется только в вашем черепе. Так что все, что вы подавляете, обречено медленно идти в голову. Давление будет ощущаться только как напряжение в голове. И чем больше оно там, тем больше ваши так называемые учителя – Муктананды и так далее – будут говорить, что единственным способом борьбы является еще большее подавление.

И они дадут вам методы, как подавлять это больше: продолжать пост, стоять на голове... Это еще больше войдет в голову, если вы будете стоять на голове! Сила тяжести тянет вас к голове. И вы попадете в еще большее затруднение.

Это был волнующий момент: жены двух друзей собрались рожать в один и тот же день в одном и том же роддоме. Врачи пришли и сказали первому мужу, еврею, что у него родился сынишка и осложнений не было.

В ту же минуту врач пришел снова, говоря второму, что у него родился мальчик, но у него проблемы с кожей на шее и ему надо сделать пересадку тканей.

Первый спросил доктора:

– Скажите, а не пригодилась бы тут кожа после обрезания моего сына?

Врачи прикинули, что это превосходная идея, операцию сделали, и все стало прекрасно – не осталось даже шрамов.

Разъехавшись по разным городам, друзья не видели друг друга восемнадцать лет и встретились в ресторане во время отдыха в Майами Бич. Они воодушевлено обменивались воспоминаниями и новостями. Под конец еврей спросил:

– Есть ли у твоего сына какие-нибудь проблемы с шеей?

– Нет, никаких, – сказал другой, – за исключением одной таинственной вещи – даже врачи не могли вообразить такого. Каждый раз, когда мой сын видит хорошенькую девушку, у него костенеет шея.

Теперь это очень трудно! Даже доктора не могут помочь, пока не сделана дополнительная операция.

Твои семь лет монашества сделали это: у тебя закостенела шея! Но ты пришел вовремя, мы сделаем операцию. Не беспокойся: мы действительно научим тебя, как стоять на ногах, а не на голове, и мы научим тебя, как должен действовать этот центр – своим естественным образом; ни один другой центр не должен вмешиваться.

Но голова стала замещающим центром. Некоторые люди продолжают думать о пище, некоторые о сексе, некоторые продолжают думать о чем-нибудь еще. А думая, вы не живете этим, думая, вы создаете ложный аппетит, но он не может быть удовлетворен думанием. От думания ваш голод не уйдет; секс и ваше естественное желание его не исчезнет благодаря думанию, оно станет более интенсивным. А чем оно интенсивнее, тем более отравленным оно становится. Секс становится застоявшейся энергией.

Я также хотел бы, чтобы ты вышел за пределы секса, потому что выход за пределы секса есть безмерно прекрасное переживание, ощущение свободы – свободы от тела, свободы от этой постоянной одержимости. Когда секс действительно исчезает – без всякого подавления, когда он исчезает через медитацию, впервые он дает вам вкус полной свободы. Вам больше никто не нужен; вы вышли из тисков биологии.

Несомненно, когда секс исчез, вы впервые становитесь человеком, потому что с сексом вы остаетесь частью мира животных. Но путь за пределы идет через него; вы не можете миновать его, короткого пути нет.

Итак, отбрось свое монашество, свой целибат, отбрось весь вздор, которым напичкали тебя. Начни снова с азбуки, потому что это *новая* саньяса: это должно быть новым рождением. Забудьте все, чем вы были обусловлены. Семь лет – долгий срок, и быть с неправильными людьми, быть семь лет с отравителями – значит быть как-то обусловленным ими. Это будет для тебя трудно – отбросить все, но это необходимо отбросить.

И если ты понял, что эти семь лет вовсе не помогли тебе, тогда проблемы нет. Если ты понял, не цепляйся к этим идеям, просто отбрось их. Забудь о них все, начни все сначала. Будь простым, обычным человеческим существом.

И если ты можешь жить естественно в этой жизни, в ней самой, Бог приходит как милость. Бог приходит через природу, но никогда против природы. Бог приходит через природу – и его приход преображает. Когда на тебя снизошла его энергия, секс исчезает. А когда секс исчезает сам по себе, он – прекрасное явление, он – благословение.

Но живи этим, живи этим полно – это единственный путь выйти за пределы этого. Никакого больше подавления, никакого навязывания. Примите секс как дар Бога – он таков. И если вы принимаете его, вы будете готовы принять большие дары, лучшие дары.

СВЯЩЕННЫЙ ВЗРЫВ

Завоевателем любви назову того,
кто побежден любовью.

Отдай всего себя поиску,
но, достигнув океана,
прекрати болтовню потока.

Когда он впускает тебя в свое бытие,
не спрашивай его о том, что не является им.
Когда он избрал тебя другом,
ты увидел все, что существует явно.
В мире любви нет двойственности:
что значат все эти разговоры о «ты» и «я»?
Как можно наполнить чашу, которая уже полна?

Положи к его порогу всего себя:
если ты отдашь только часть,
ты вообще ничего не принес.

Это твое собственное эго
придает значение доверию и неверию,
что неизбежно искажает твое восприятие.
Вечность не знает ничего
о вере и безверии;
для истинной природы
подобной вещи не существует.

И если ты спрашиваешь меня о пути, друг мой,
я отвечу тебе прямо:
обрати свое лицо к миру жизни,
повернись спиной к чинам и репутации;
отбрасывая прочь процветание,
удвой старания в служении ему;
расстанься с теми, кто не знает ничего, кроме слов,
и займи свое место в лоне вечно молчащего.

Недолог путь
от тебя к другу,
ты сам есть этот путь:

так следуй же ему.

Ты, ничего не знающий о жизни,
наполненной соком винограда, –
сколь долго ты будешь оставаться завороженным
внешней формой ягод?
Зачем ты лжешь, что пьян?

Как ты можешь идти вперед?
Нет места, куда идти.
Как ты можешь встать?
У тебя нет ног.

Хаким Санаи говорит:

Завоевателем любви назову того,
кого завоевывает любовь.

Утверждение, безмерно наполненное смыслом: медитируйте над ним. В тот момент, когда вы начинаете искать Бога, помните, он – всегда зачинщик этого поиска. Если вы выбираете Бога, это просто означает, что он уже выбрал вас. Поиск начинается только по его благости. Вы можете думать, в своей эгоистической манере: «Я ищу Бога», – это совершенно неправильно. Вы не способны искать его, пока он не ищет вас. Вы не можете выбирать его, пока он не выбирает вас.

Вы всегда выбираетесь им. Но это явление происходит в таких глубинах вашего существа, что вы никогда не начинаете этого осознавать, пока вы не достигли.

Это утверждение есть утверждение того, кто достиг. Теперь он знает все свое существо. Зная его, он знает, что это был Бог, положивший начало всему поиску: «Я смог полюбить его, потому что сначала его любовь заставила трепетать мое сердце».

И эта сутра также утверждает основное для суфизма, пути любви: любовь никогда не пытается завоевать, и все же она завоевывает. Ненависть всегда пытается завоевать, но никогда не завоевывает. Ненависть бессильна, она не может завоевать; она домогается, она очень амбициозна, но она обречена на провал. У любви нет идеи завоевания, у любви нет идеи господства, у любви нет идеи стать первой в мире. И все-таки любовь становится первой, завоевателем.

Иисус говорит: «Последние в этом мире будут первыми в моем Царстве Божьем». И наоборот.

Лао-цзы проповедует путь воды, путь потока. Он говорит: «Камень силен, всеми способами пытается завоевать, он агрессивный, стойкий, но в конце концов разбивается, разрушается, становится пылью и исчезает в океане». Вода очень покорная, ни на что не претендующая, не сопротивляющаяся, у нее нет побуждения кого-то завоевывать или кого-то разрушать, она всегда готова склониться, сдаться. Но всегда, когда есть конфликт между водой и камнем, камень в конце концов терпит поражение, вода же – никогда.

Санаи говорит:

Завоевателем любви назову того,
Кто побежден любовью.

Чтобы победить в мире любви – а мир любви есть мир Бога – чтобы победить в мире любви, человеку нужно быть в очень глубокой, полной сдаче. Человеку нужно быть завоеванным любовью. А когда любовь завоевывает вас, вы возведены на престол, вы коронованы, вы победоносны. Но – только когда любовь завоевывает вас.

Никогда не сопротивляйтесь. Сопротивление обречено на неудачу, потому что сопротивление рассеивает вашу энергию.

Лао-цзы снова говорит: «Не будьте подобны большому сильному дереву – потому что, когда приходит буря и дует сильный ветер, большое дерево будет сопротивляться и из-за этого сопротивления упадет». В этом вина не сильного ветра, ошибка заключается в эгоистическом сопротивлении большого дерева: оно не хочет склонится, поэтому оно умирает.

А посмотрите на траву. Приходит ветер, и трава просто идет с ветром, склоняется с ветром. Если он дует на юг, трава склоняется к югу – вообще без сопротивления, в безмерной сдаче, доверии. Когда ветер уходит, трава возвращается на свое первоначальное место; ветер не может разрушить ее. А трава смиренна, слаба, женственна, мягка. А большое дерево было жестким, мужественным, высокомерным.

Научитесь у травы путям любви.

Иисус говорит: «Блаженны кроткие, ибо их Царство Божье». Это одно из самых значительных утверждений Иисуса: «Блаженны кроткие». И помните, он не говорит «Блаженны кроткие, ибо их *будет* Царство Божье» – нет. Он говорит «...ибо *их* Царство Божье». Это не вопрос достижения чего-то в будущем; в самой их кротости, в самой их покорности они достигли, они пришли. В этом – значение сдачи.

Бога нельзя завоевать; вы можете только допустить, чтобы вы были завоеваны Богом. Не будьте агрессивны с истиной – это лучший способ упустить ее. Вот почему наука продолжает упускать Бога и будет продолжать упускать, пока не возьмет за основу Дао. Она будет продолжать упускать.

Наука никогда не придет к знанию, что Бог существует; у нее не будет даже проблеска божественного. И причина – в ее мужской методологии. Наука агрессивна: все ее усилие направлено на завоевание природы. В самой этой идее завоевания, покорения она сделала явным то, что Бог никогда не будет доступен для нее. Сама ее методология помешала Богу показать, явить себя.

Религия приходит к знанию Бога – но путь религии есть прямая противоположность пути науки. Наука агрессивна, мужественна, насильственна на тонком плане. Наука насилует природу, религия учит вас, как любить.

И запомните, снаружи любовь и изнасилование могут выглядеть одинаково. Действия кажутся похожими. Но это не одно и то же; это полностью противоположно, диаметрально противоположно. Акт насилия не имеет в себе ничего общего с любовью, и акт любви не имеет в себе ничего от насилия. Поэтому не обманывайтесь внешним.

А мы все обучены способам науки; это стало нашей обусловленностью. Это одна из величайших проблем, стоящих сегодня перед лицом человечества: мы утратили всякий след религиозного подхода, и мы стали настолько настроенными на научный метод, что продолжаем пытаться применять тот же метод в измерении религии. Он неприменим здесь, он совершенно не подходящ, но мы цепляемся за этот метод.

А всякий, цепляющийся за какой-либо метод, не есть искатель истины. Метод – это не цель; не нужно цепляться за метод, нужно искать правильный метод. И если какой-то метод не работает, отбросьте его!

Если наука не раскрывает для вас Бога, это просто означает, что ее метод здесь неприменим. Где-то нужен меч, а где-то будет нужна просто иголка. Пожалуйста, не используйте меч там, где нужна игла.

О великом суфийском мистике Фариде рассказывают, что однажды его пришел навестить король. Он принес ему подарок: прекрасные ножницы, золотые, усыпанные алмазами – очень ценными, очень чистыми – нечто уникальное. Он принес эти ножницы в дар Фариду. Он коснулся ног Фарида и отдал ему ножницы; Фарид взял их, посмотрел на них, отдал их обратно и сказал:

– Господин, большое спасибо за подарок, что вы принесли мне. Это прекрасная вещь, но для меня абсолютно бесполезная. Будет лучше, если вы дадите мне иголку. Мне не нужны ножницы: нужна иголка.

Король сказал:

– Я не понимаю. Если тебе нужна иголка, тебе также понадобятся и ножницы.

Фарид сказал:

– Я говорю метафорами. Мне не нужны ножницы, потому что они режут вещи на куски. Мне нужна иголка, потому что иголка соединяет все вместе. Я учу любви. Все мое учение основано на любви – соединении вещей, обучении людей общности. Мне нужна иголка, чтобы я мог соединить людей. Ножницы бесполезны; они режут, они разъединяют. Когда ты придешь в следующий раз, обычной иголки будет достаточно.

Когда нужна иголка, меч опасен. И нужно осознавать методы. Мы так сильно привязаны к методу, что готовы скорее отбросить Бога, чем изменить метод. Мы готовы сказать, что Бога нет, потому что наш метод неспособен выявить его. Но мы никогда не думаем, что, может быть, неправилен наш метод.

Вы не можете слышать музыку глазами. Если глаза говорят, что музыки нет, это не значит, что музыки не существует. Вы не можете видеть цвета ушами. Это не значит, что цвета не существуют; это просто означает, что уши неспособны узнать цвета, а глаза неспособны узнать музыку. Для музыки нужны уши; для красок, цветов, радуг – нужны глаза.

Религия – это путь сдачи, не завоевания. Но это парадокс...

Завоевателем любви назову того,
кто побежден любовью.

Парадокс в том, что те, кто готов быть побежденными любовью, становятся победителями. Но помните одно: это не должно быть вашим подсознательным стремлением, иначе вы снова упустите.

Санаи говорит: «Если ты хочешь завоевать, будь завоеван». А вы хотите завоевать; глубоко внутри всегда есть желание завоевать. Итак, вы говорите: «Хорошо. Если это есть способ завоевать – то пусть я буду завоеванным, потому что я хочу быть завоевателем». Вы упустите. Неуловимое стремление разрушит всю красоту, весь подход: вы все еще пытаетесь завоевать. Нет, стремление, мотивация должна исчезнуть полностью.

Победа – следствие, не причина. Это не причина, не то, что вы можете сделать, – это следствие. Победа приходит, когда отсутствует стремление завоевать. Победа приходит, когда вы не в ловушке покорения, не в ловушке эго. Она – следствие, естественное следствие души покорной, кроткой, сдавшейся.

Что это значит – быть покорным, кротким и сдавшимся? Это означает оставаться в состоянии отпустить-себя; это означает идти с целым, не бороться с ним. Если вы печальны, не боритесь с этим. Тогда будьте печальны, наслаждайтесь вашей печалью, потому что она – дар Бога в данный, конкретный момент. Она, должно быть, нужна, потому что ничего не происходит без вашей потребности. Вы, наверное, нуждаетесь в таком окружении в данный момент: именно таким вас хочет Бог.

Итак, если вы печальны, будьте печальны полностью – без всякого слабого или скрытого стремления бороться с этим, отбросить это, идти за пределы этого, быть непечальным. Нет, просто расслабьтесь в этом, и вы увидите, как внутри вас происходит чудо: когда вы расслабляетесь в печали, печаль становится светящейся. Да, даже печаль становится светящейся, потому что принятие – такое магическое явление. Поэкспериментируйте – и увидите.

Будда говорит: *Ihi passiko* – приди и смотри, экспериментируй и увидишь.

Когда вы что-то чувствует, просто будьте с этим, полностью с этим, без вынесения суждений о хорошем и плохом. Это так, так будьте же с этим. Будда называет это *tamxata*, таковость. Таково положение вещей в данный момент. Так Бог изливается в вас. Ему известно лучше, может, это и есть ваша потребность, можете ли вы это понять или нет. Вопрос не в вашем понимании, вопрос в вашем принятии. В полном расслабленном приятии у вас есть ключ к преобразованию всего.

Быть в доверии означает, что все, что происходит – благо, потому что это происходит через Бога. Все, что случается – благо, потому что оно приходит от целого. Это – дар: это должно быть принято с великой благодарностью. И тогда кто может препятствовать вам быть победителем? Тогда нет силы, способной помешать вам быть победителем: вся победа – ваша.

Отдай всего себя поиску,
но, достигнув океана,
прекрати болтовню потока.

Богу нужно, чтобы вы были полностью включены в него, частичное включение не подойдет. Частичное включение – не истинное включение; истинное включение всегда тотально.

Отдай всего себя поиску...

Поиск должен быть страстным. Все, что вы искали вплоть до настоящего времени – вы искали деньги, власть, престиж, тысячу и одну вещь; в длинном списке ваших желаний под первым пунктом не было Бога. Даже если вы ставите его первым в список, и тогда вы будете продолжать упускать его. Он должен быть вашим единственным поиском. Все ваши желания должны стать одним желанием, все ваши желания должны изливаться подобно тому, как реки изливаются в океан. Бог должен стать вашим единственным поиском – тогда, и только тогда, приходит радость.

О Боге думают миллионы людей, но они никогда не могут проникнуть в эту тайну и никогда не способны достичь переживания Бога. Причина? А причина проста: Бог – не единственный пункт в их окончательном списке, просто один из пунктов. Они, на самом деле, не готовы быть преданными. А в этом мире только полная преданность приводит к успеху.

Так же и в вашей обычной мирской жизни – всегда, когда вы встречаете великого поэта, вы немедленно увидите его полную преданность своему искусству. Вот почему он велик. Полнота приносит величие. У всей его жизни есть только один смысл, один центр – его искусство, – и она обращается вокруг этого центра.

Когда вы видите Ван Гога или Пикассо, тогда вы видите – вся его жизнь есть не что иное, как его рисование. Он думает о нем, он медитирует над ним, он видит о нем сны, он постоянно зачарован им. Нет ни единого мгновения, когда он забывает о нем.

Если художник идет по улице, он не видит лица людей как лица: он постоянно думает о том, как нарисовать их. Если он смотрит на цветы, он не просто так смотрит на цветы: весь его интерес в том, как нарисовать их. Даже в своих снах великий художник смотрит цветные сны как бы вторым планом: как нарисовать их? Это все его дыхание, весь жар его души; вот что делает его великим.

И в обычной жизни так – всегда: когда ваше стремление полно, вы достигаете великих талантов. Тогда что говорить о Боге? Бог – это самый центр существования. У вас может быть достаточно энергии для достижения этого центра, только если вы поставили на кон все, что у вас есть. Это рискованное предприятие, это не бизнес. Вы так или иначе должны поставить на карту все, что бы ни происходило. Вы должны рискнуть.

И любовная связь с Богом должна быть страстной, горячей. Она не может быть холодной философской спекуляцией. А вот что происходит: многие люди думают о Боге очень холодно. Но Бог – это жизнь всей жизни, он есть самая горячая вещь в существовании. Вы не можете достичь его, если вы так холодны, философски холодны.

Ученый очень холоден; его работа – это беспристрастное дело. Это часть его обучения – то, что он должен оставаться отдельным, то, что он должен оставаться отделенным, то, что он не должен становиться соединенным, то, что он не должен становиться включенным, то, что он должен всегда оставаться наблюдателем, чужаком, очень холодным, аналитичным.

Поэт не может быть холодным, иначе его поэзия будет холодной, иначе в его поэзии не будет никакого дыхания. В ней не будет пульса жизни. Поэт должен быть включенным.

И мистик должен быть полностью включенным, вовлеченным. Поэт включен время от времени, поэтому он и поэт только время от времени. Нет поэта, включенного двадцать четыре часа в сутки. Если он поэт двадцать четыре часа в сутки, он мистик. Тогда поэзия – это его молитва. Если художник является художником двадцать четыре часа в сутки, тогда ему не нужна никакая другая медитация, ему не нужно идти ни в какой храм. Он может забыть все о Ведах, Библиях и Коранах: он нашел свои Веды, свою Библию, свой Коран. Рисование – это все. Если он может быть горяч в этом двадцать четыре часа в сутки, и если он может стать просто круговоротом, постоянным круговоротом в своем существе, подобно круговороту крови в теле, тогда он мистик.

Поэт становится страстным только время от времени. Потом он падает в обычный земной мир холодных образов, подсчета, арифметики; он утрачивает след поэзии. Время от времени окно открывается, и он может видеть солнце, луну и звезды – но только время от времени.

Мистик – это поэт двадцать четыре часа в сутки. Запомните это: если вы действительно хотите узнать, что есть Бог, вы должны будете быть предельно страстными. Это не научный поиск, это любовная связь. Этот поиск – вопрос жизни и смерти – и в действительности это не только поиск, это *искомое*. Это не любопытство, не интеллектуальное исследование, это насущная жажда.

Подумайте о человеке, затерянном в пустыне, жаждущем. Это не интеллектуальный вопрос – он не беспокоится о компонентах воды. Если вы начинаете читать ему длинную лекцию о воде, ее химии, как она образуется, и попытаетесь объяснить ему формулу H_2O, он подпрыгнет и убьет вас. Он не интересуется философски, научно. Он хочет воды: это вопрос жизни и смерти. А вы говорите об H_2O! Как может это удовлетворить его?

Когда поиск страстен, нет писания, способного удовлетворить вас. А люди удовлетворены писаниями, потому что их поиск неистинен, ложен. Они читают каждое утро свою Гиту, ссылаются на свой Коран – их поиск ложен. Если их поиск подлинный, они не будут удовлетворены словами – они что-то *сделают*. Они начнут искать Бога. Они будут готовы идти на любое расстояние, в любое странствие. Они будут готовы рискнуть всей своей безопасностью, надежностью, комфортом, материальной выгодой, потому что тогда Бог будет их единственной жизнью.

Отдай всего себя поиску,
но, достигнув океана,
прекрати болтовню потока.

Когда река достигает океана, она полностью забывает саму себя. Она растворяется в океане сама по себе, без всякого колебания. Она не провозглашает ветрам и небу: «Я – Ганг», или «Я – Амазонка», или «Я то, я се, и посмотрите – я отрекаюсь от всего, и я вхожу в океан». Она просто скользит в океан без всякого шума, без всякой суматохи.

Ищите Бога с полной страстью. Но когда вы достигли, медленно растворитесь в его присутствии. Тогда не хвалитесь – потому что это последняя стратегия эго – хвалиться, что «Я достиг», что «Я стал Буддой», что «Я стал *сиддхой*» что «Теперь я знаю». Это последняя цитадель эго: остерегайтесь этого. И поскольку это последнее, оно самое тонкое.

Ваше эго будет претендовать на то, чтобы стать великим святым; оно будет претендовать на то, что оно достигло окончательной истины. Но пока не исчезнут все претензии, пока река не утратит в океане саму себя, не достигнуто ничего.

Упанишады говорят: «Те, кто говорит, что они знают – не знают».

Сократ говорит:

– Когда я был молод, я думал, что знаю все. Когда я стал немного постарше, я начал понимать, что знаю очень мало. Когда пришло время еще немного большей зрелости, я пришел к знанию, что я ничего не знаю – или, я знаю только одно – что я ничего не знаю.

В день, когда Сократ объявил это – «Я знаю только одно – что я ничего не знаю» – оракул дельфийского храма провозгласил: «Сократ – величайший мудрец из живущих». Те, кто услышал это, поспешили к Сократу. Они сказали:

– Ну, это парадокс. Ты знаешь только одно – что ты ничего не знаешь. А оракул из Дельф провозгласил: «Сократ – мудрейший человек на земле» – именно в тот же день! Теперь, пожалуйста, объясни это нам; мы озадачены.

Сократ сказал:

– Идите и спросите оракула снова. Здесь, должно быть, какое-то взаимонепонимание – потому что я знаю только то, что я ничего не знаю.

Люди вернулись и спросили оракула. И он сказал:

– Да, вот почему я объявил, что он мудрейший человек на земле – *вот почему* я сделал это. Его приход к знанию «Я ничего не знаю» – это окончательное знание. Река исчезла в океане. Теперь нет знающего, так кто же может утверждать? Отличия не осталось, Сократа больше нет. Вот почему он мудрейший из живущих на земле.

Эго постоянно с вами, оно следует за вами подобно тени, куда бы вы ни шли. Вы в миру – оно следует за вами. Вы идете в храм – оно следует за вами. Вы становитесь религиозными – оно следует за вами. И оно так хитро, что, какой бы наряд ни требовался, оно надевает его. Если вы религиозны, ваше эго становится религиозным; если вы аскетичны, ваше эго становится аскетичным. Оно – ваша тень; оно продолжает следовать за вами, оно повторяет вас, оно есть ваше отражение в зеркале.

И запомните: пока ваше отражение в зеркале не исчезает полностью, вы не встали лицом к лицу с Богом, потому что Бог – не зеркало. Бог – это океан по отношению к реке: она просто растворяется в нем. Когда вы узнали, вы не можете обратиться к Богу на «ты» – ведь нет «Я», чтобы обратиться к нему: «Ты».

Великий еврейский мыслитель, Мартин Бубер, постоянно думал о религии как о диалоге. Его знаменитая книга «Я и Ты»... и он думает, что молитва означает диалог между «Я» и предельным «Ты».

На первых шагах это верно, это диалог; но не в окончательном плане. В конце концов диалога нет вовсе, потому что не осталось двоих. Это – молчание, вовсе не диалог. Это абсолютное молчание. Искатель и искомое стали одним, нет ни дюйма различия, отличия. Кто скажет: «Я», и кто обратится к Богу: «Ты»?

Мартин Бубер прав, поскольку в начале молящийся озабочен, но это не конец. Он, должно быть, остался на периферии молящегося – хороший человек, редкий человек, но как-то застрял на периферии, потому что сильно привязался к периферии. А причиной была еврейская обусловленность ума. Был бы он в этой стране, он бы не написал этой книги «Я и Ты». Или он написал бы и другую книгу, чтобы провозгласить высшее единство, когда властвует молчание.

Молитва – в высшем смысле не диалог, запомните это. Это растворение, исчезновение: вы ушли окончательно и ушли навсегда, и возвращение невозможно, вы прошли точку возврата. Но будьте внимательны к эго.

Слоны и мыши играли в футбол. Внезапно случилось так, что слон наступил на мышь и вдавил ее в землю. Когда мышь выкарабкалась из земли, слон сказал с большой грустью:

– Я очень, очень сожалею.

Мышь ответила с величайшим дружелюбием:

– Не стоит беспокоиться. Со всяким бывает!

От самого низкого до самого высокого остается все то же самое эго. От мыши и до человека остается и от земного до священного остается, упорствует все то же самое эго.

Когда происходит настоящий священный взрыв и вы входите в священнейшее из святого, только когда утрачен всякий след эго.

Когда он впускает тебя в свое бытие,
не спрашивай его о том, что не является им.
Когда он избрал тебя другом,
ты увидел все, что существует явно.
В мире любви нет двойственности:
что значат все эти разговоры о «ты» и «я»?
Как можно наполнить чашу, которая уже полна?

Бог не человек, позвольте мне снова напомнить вам. Бог – это присутствие.

Подумайте об этих трех стадиях: семя, цветок, аромат. Семя очень грубо, жестко, выглядит почти как камешек. Оно безобразно, вы не можете найти в нем никакой красоты – даже если вы разделите его на части, разрежете его, вы не найдете здесь никаких цветов, нет даже малюсеньких цветков, и, разумеется, вы не найдете никакого аромата. Семя – это самое грубое состояние.

Затем приходит цветок. Когда семя умерло, исчезло, тогда приходит цветок. Цветок неуловимее, нежнее, женственнее, мягче, прекраснее. Цветок приносит на землю что-то от неба. Цветок – это мост, дом посередине между землей и небом, между известным и неизвестным, между видимым и невидимым.

Но все-таки есть более высокая ступень – аромат этого. Цветок прекрасен – но все же видим, осязаем, материален. Он сотворен из более нежной субстанции, чем семя, но он все еще часть физического мира – может быть, на грани между физическим и метафизическим. Но аромат – это чистая невидимость.

Если цветок опадает, он опадает обратно на землю. Он все еще часть земли. Он ушел высоко, достиг великой красоты, перешептывается со звездами, луной и солнцем, но если он опадает, сила тяжести увлечет его назад, земля притянет его обратно, и он опадет вниз. Он может возникнуть только на день и достичь неба. Его восход моментален – к вечеру лепестки могут начать опадать, ночью их уже нет, утром вы не найдете от него и следа.

Но аромат покинул землю. Земля не может призвать его обратно; он стал так неуловим, что он выше силы тяжести. Аромат восходит вверх, он призван небом. А между ароматом и семенем – цветок.

Это также и три стадии человеческого сознания. Большинство людей живет в форме семени; они никогда не становятся цветами. Очень немногие люди, один из миллиона, становятся цветами. Даже стать цветком – такое чудо в мире. Но из тысяч цветков только один становится ароматом. Будда, Санаи, Сосан, Заратустра – только один из миллионов становится ароматом, чистым ароматом, просто чистотой, чистой милостью. Эта милость есть просто присутствие.

Когда Будда умер, его ученики годами чувствовали его присутствие, Он был с ними. Несомненно, его присутствие *все еще* здесь, но больше нет его учеников, способных воспринять его, способных открыться ему. Чем больше проходит времени, тем все менее возможно войти с ним в контакт.

Когда бы ни случилось, что человек достиг Бога, он становится присутствием. Когда он в теле, присутствие окружает его тело. Художники изобразили это присутствие как ауру, окружающую просветленного человека – это просто способ нарисовать это, нарисовать что-то, что не может быть нарисовано. Но присутствие окружает его. И это присутствие не имеет ничего общего с телом; когда тело ушло, присутствие все же остается. Но теперь оно будет видно только тем, кто глубоко в медитации, глубоко сдался Мастеру, полностью доверяет – для них Мастер никогда не умирает, для них Мастер всегда остается живым присутствием.

Бог – это вечное присутствие, от начала и до конца. Будды только представляют, время от времени, вечное присутствие. Время от времени человек становится так чист, так бдителен и сознателен, становится таким любящим и сострадательным, что вечное начинает струиться через него. Время от времени человек становится таким сдавшимся – подобно флейте, таким пустым – подобно флейте, что Бог начинает петь через него. Но Бог поет всегда.

Это похоже на следующее: пока мы сидим здесь, проходит много-много радиоволн, но мы не можем слышать их. Принесите радиоприемник, настройте его на определенную станцию, и немедленно то, что было невидимым, становится видимым.

Бог подобен всегда присутствующим радиоволнам. Время от времени Будда, Иисус, Кришна или Магомет существуют на земле как радиоприемники – настроенные, соединенные, подключенные к Богу. Тогда вы становитесь более осознающими присутствие. Но Бог – это присутствие, а не человек.

Вот почему Мухаммед настаивал, что нет образа, который мог бы быть сделан – и его требование верно. И евреи правы, что образа Бога не существует. Причина такова: как вы можете сделать образ присутствия? Человек может быть представлен: у вас может быть

фотография человека, вы можете сделать статую человека. Но как вы можете сделать статую чего-то, что есть только присутствие? Да, у вас может быть фотография цветка, но у вас не может быть фотографии аромата.

Когда он впускает тебя в свое присутствие...

Когда вам дарует возможность стать гостем в его присутствии...

...не спрашивай его о том, что не является им.
самого.

Потому что если вы спрашиваете о чем-то еще, вы упустили самую суть.

О великому суфийском мистике Баязиде рассказывают, что однажды ночью перед ним возник Кхидр, великий ангел, продолжающий помогать людям на пути.

Темная комната, где медитировал Баязид, внезапно стала ярко освещенной. Он открыл глаза: свет был настолько силен, что он мог видеть его даже с закрытыми глазами. Он открыл глаза: Кхидр был здесь.

И Кхидр сказал:

– Бог очень рад за тебя. Ты можешь попросить о чем угодно, и твое желание будет исполнено.

Баязид сказал:

– Но ты пришел немного поздно. Все мои желания исчезли; теперь у меня нет желаний.

Кхидр настаивал. Он сказал:

– Это будет оскорбительно для Бога. Ты должен попросить! Ты можешь попросить о чем угодно, но ты должен попросить. Это будет оскорблением Бога, потому что когда он предлагает, ты должен что-нибудь пожелать.

Он так настаивал... Снова и снова Баязид смотрел и думал, но не возникало ни одного желания. И он спросил:

– Но что я могу сделать? Я не могу найти, чего бы пожелать. Все уже исполнено. Его сострадание таково, что прежде, чем я смогу почувствовать желание, оно уже исполнено; прежде, чем я даже могу сформулировать желание в моей голове, оно исполнено. Прежде, чем оно достигает меня, оно достигает его – так о чем я могу попросить?

Но Кхидр настаивал и говорил:

– Это оскорбление, и Бог будет очень разгневан.

Итак, Баязид сказал:

– Хорошо, если ты настаиваешь, и если ты думаешь, что это не *адаб* – что это не неправильный способ вести себя с Богом – тогда скажи ему, что я желаю только его и ничего больше.

Кхидр засмеялся и сказал:

– Ты глупец – ты упустил!

Даже сказать: «Я хочу Бога» – значит пожелать. Даже желать Бога есть желание. Санаи говорит – сначала отбросьте *все* желания. И если вы допущены в его присутствие...

...не спрашивай его о том, что не является им.

Это просто чтобы не удивить вас слишком сильно. Когда вы достигли такого состояния, что вы спрашиваете только о Боге, тогда Мастер может дать окончательную истину. Тогда Мастер скажет: «Теперь не спрашивай даже о нем – потому что всякое спрашивание все еще ориентировано на эго. Просто будь в его присутствии, без всякого желания. Когда отсутствует желание, между тобой и им нет туман. Желание создает туман, и он может стать Великой Китайской Стеной».

Не спрашивайте ни о чем. Будьте трепещущими, танцуйте в экстазе – он допустил вас в свое присутствие. Но если вы еще не можете быть в таком состоянии отсутствия желаний, тогда второе, что вы можете – но помните, что это только второе из лучшего – желайте его.

Когда он избрал тебя другом,
ты увидел все, что существует явно.

О чем спрашивать, если видно все существующее, если постигнуто все существующее, если он избрал вас другом? А он уже избрал вас другом, иначе он вовсе не дал бы вам родиться. Он уже избрал вас, создавая вас. Взгляните, осознайте величие этого, осознайте славу этого. Взгляните, как вы благословенны.

Ты увидел все, что существует явно.
В мире любви нет двойственности...

Так кто может спросить, и кого?

...что значат все эти разговоры о «ты» и «я»?

Теперь Санаи подводит вас все ближе и ближе к точке, где вам будет ясно, что даже спрашивать о Боге, желать Бога – значит создавать дуальность: «я» и «ты». Кто эти «я» и «ты»?

Как ты можешь наполнить чашу, что уже полна?

Что вы можешь попросить? Он уже дал вам все, что вы можете принять. Ваша чаша полна! Просто посмотрите внутрь: ваша чаша полна, нет ничего недостающего.

Вот почему я продолжаю говорить вам: вы уже боги, все исполнено. Осознайте это! Ничего не пропущено, ничего не упущено в вас, вы совершенны – такие, как вы есть. Это величайшее провозглашение всех мистиков на земле – то, что вы совершенны такими, какие вы есть.

Упанишады говорят: «Из совершенства может прийти только совершенство».

Как вы можете быть несовершенными, если Бог совершенен? А если вы несовершенны, то как может быть совершенным Бог? Дерево узнается по плодам. Никто не несовершенен, но ваши священники продолжают говорить вам, что вы несовершенны, что вы грешники, что вы недостойны, что вы будете осуждены на ад. Это все утка, ерунда, это все просто вздор. Ада нет; все – рай, и грешники, и святые совершенны такие, какие они есть. Когда вы осознали это, ваша жизнь приобретает новые краски, новый танец, она становится песней, празднованием. Вот чему я учу вас.

Как можно наполнить чашу, которая уже полна?

Положи к его порогу всего себя:
если ты отдашь только часть,
ты вообще ничего не принес.

Еще одно утверждение, безмерно наполненное смыслом. Человек есть органическое единство. Вы не можете расчленить человека; если вы расчленяете, вы убиваете его. Если вы разрезаете цветок розы, чтобы найти, где в нем находится красота, вы разрушите цветок, и вы никогда не найдете его красоту. Красота – это органическое единство; вы не можете найти ее расчленением, единственный способ найти ее – со-участвовать с цветком.

Вы не можете узнать красоту женщины, разрезав ее, отведя к хирургу. Вы можете найти красоту женщины, только если вы любите ее, если вы разделяете ее существование, если вы пьете ее энергию и позволяете ей пить вашу энергию. Когда вы пьете от бытия друг друга, вы узнаете красоту; красота познается в глубокой интимности и участии. Красота – это органическое единство.

Итак, ваше сознание – это органическое единство. Ничего не должно быть пропущено. Если вы что-то пропускаете, вы будете половиной – а половина не будет принята.

В Афганистане есть народное поверье, сказка, прекрасное поверье. Афганцы верят, что вы должны умереть полными – они не хотят быть прооперированными. Если доктор говорит: «Нужно удалить почку», афганец никогда не согласиться на это и говорит: «Я должен идти к Богу целым. Он спросит меня» 'Где твоя почка?'»

Однажды случилось следующее: В Пешаваре, в дни британского владычества, был госпитализирован афганец. У него была ампутирована одна рука. Вся его жизнь была в опасности; если бы не ампутировали руку, он мог умереть. Было очень трудно уговорить афганца, но врач сказал:

– Не беспокойся, мы сохраним твою руку нетронутой. Мы законсервируем ее в химикалиях и, когда ты умрешь, мы положим руку рядом с тобой.

Это выглядело логичным.

– Так ты можешь предстать перед Богом с рукой. Ты можешь сказать: «Она здесь!»

Афганцы – простые люди, очень простые. Он сказал:

– Это верно. Однако помните, что моя рука не должна быть потеряна, и вы должны сохранить ее.

Доктор обещал. Конечно, не очень серьезно, но он обещал. Видя невинную радость афганца, он позаботился о сохранении руки. Рука была сохранена в большом кувшине с химикатами. Но через два года госпиталь сгорел, сгорело все, и рука также была уничтожена. Афганец никогда не приходил, чтобы узнать об этом.

Доктор ушел на пенсию, вернулся в Лондон. Однажды ночью он был кем-то разбужен. Он удивился, потому что двери были закрыты. Он открыл глаза и узнал – это был тот самый афганец, и он был очень сердит! Афганец был разгневан, стал трясти его и сказал:

– Где моя рука? Я умер! И теперь Бог спрашивает: «Где твоя рука?»

Некоторое время доктор не мог сообразить, что же делать. Но он сказал:

– Подожди. Приходи завтра ночью. Я собрал большую коллекцию; твоя рука здесь, но я должен буду найти ее. Так что завтра я найду ее. Ты приходи завтра ночью.

А на следующий день он искал во всех госпиталях Лондона, стремясь найти руку. Он нашел руку; он был очень счастлив. Следующей ночью он ждал, когда гость появится снова.

Афганец пришел, он был очень счастлив, что получит свою руку. Доктор отвел его в комнату, где была рука. Афганец посмотрел, открыл кувшин, вытащил руку и бросил ее на пол. Он был очень разгневан – потому что он потерял правую, а эта была левой.

Я не знаю, насколько близка эта история к истине... но смысл есть. Смысл таков: не отбрасывайте ничего. А ваши священники говорили и говорят вам – отбросить: отбросить секс, отбросить гнев, отбросить жадность. Ваши священники говорили и говорят вам, что вы должны отбросить тысячу и одну вещь. Если вы слушаете их, вы придете к Богу почти пустыми. Он спросит: «Где твоя рука?» Он скажет: «Я дал тебе так много энергий: что ты сделал с этими энергиями? – потому что эти энергии должны быть преобразованы. Они должны были быть не отброшены, но преобразованы».

Ваш секс должен стать вашим безбрачием, а ваш гнев должен стать вашим состраданием. Все, что дано вам, имеет в себе огромный потенциал: вы должны прожить это очень искусно, разумно. Просто отбрасывая гнев, вы останетесь только частью – а часть не может достичь целого. К целому вы должны будете прийти *как целое*.

Это утверждение прекрасно:

Положи к его порогу всего себя:
если ты отдашь только часть,
ты вообще ничего не принес.

Моя задача здесь – помочь вам остаться целыми. Во всем, что бы он ни дал, должен иметься смысл. Ваша сексуальность, наверное, бережет в вас что-то скрытое – вы должны исследовать это. Ваш гнев – это чистая энергия: если она может быть разрушительной, она также может быть и созидательной. Гнев нейтрален, он зависит от того, как вы используете его.

А религиозные люди говорили и говорят вам: «Отбросьте гнев». Вот почему все религиозные люди становятся нетворческими – они живут очень-очень нетворческой жизнью. Их жизни есть не что иное, как долгие истории бессилия; они не создают. Они не творцы, они просто балласт на земле.

Ваши святые, ваши так называемые мудрецы – просто лишний груз. Они ничего не вносят в существование, они не делают его немного прекраснее, они не добавляют в жизнь ни одной песни. Они живут здесь, как паразиты. А причина в том, что они отбросили энергии, которые могли бы быть преобразованы в созидание. Человек, отбросивший гнев, становится не-восставшим – а быть не-восставшим значит умереть! Гнев должен быть преобразован в великое восстание – восстание против всего того, что неправильно, восстание против всего того, что гнило, восстание против прошлого, восстание ради будущего, восстание, чтобы принести в мир что-то новое.

Секс – это творчество. Секс создает не только детей: все великие произведения искусства – это побочный продукт сексуальной энергии. Все великие люди искусства – очень сексуальные люди: поэты, художники, певцы, танцоры – все – сексуальны. А у величайших мистиков больше сексуальной энергии, чем у кого-нибудь еще, но их сексуальная энергия больше не в форме семени: она расцвела, стала цветком – и не только цветком, она стала

ароматом. Тогда все, что они делают, приносит в мир новые благословения. Они сами – благословение.

Когда вы идете к Богу, идите как органическое единство, идите как целое. Частичными вы будете выглядеть очень безобразно. Вы не будете допущены как часть.

Это твое собственное эго
придает значение доверию и неверию,
что неизбежно искажает твое восприятие.
Вечность не знает ничего
о вере и безверии;
для истинной природы
подобной вещи не существует.

Ваша вера, ваше неверие, ваш теизм, ваш атеизм, ваши идеологии – все это создано эго. В реальности нет ни веры, ни неверия, есть только невинность. По-настоящему религиозный человек ни теист, ни атеист; он не верит, он не не верит, он просто открыт всему, что случается. У него нет идеологии. Идеологии – от ума, и они поддерживают ум, они лелеют ум.

Сердце ничего не знает об идеологии, сердце знает только любовь. А любовь – это дверь к божественному.

Это твое собственное эго
придает значение доверию и неверию,
что неизбежно искажает твое восприятие.

Вы продолжаете видеть сон, что вы индус, вы мусульманин, вы христианин, вы то и это, католик, коммунист – все это ваши сны. Реальность не имеет ничего общего с индуизмом, христианством, буддизмом, джайнизмом. Реальность просто реальна.

Цветок – это просто цветок. Спросите у цветка: «Ты мусульманин?», и он засмеется над вами. Спросите у льва: «Ты индуист?», и он засмеется над вами.

Просто посмотрите на существование: никто, кроме человека, не кажется невротичным. Кажется, никто, кроме человека, не уделяет столько внимания идеям.

Юной леди приснился сон, в котором в ее спальню влетел красивый ангел-мужчина и обнял ее. Они вместе вылетели в окно и некоторое время путешествовали по воздуху. В конце концов они достигли замка на небе и влетели внутрь через раскрытое окно. Он нежно бросил ее на сияющую постель.

– Что вы собираетесь теперь делать? – спросила она испуганным голосом.

– Это зависит от тебя, – сказал он. – Это не мой сон.

Все ваши идеологии – не что иное, как ваши сны. Отбросьте сновидение, войдите в ваши чувства. Отбросьте голову, войдите в ваши сердце. Чувства – это невинность. Будьте чувствительнее к существованию, его красотам, его радостям.

Вечность не знает ничего
о вере и безверии;
для истинной природы

подобной вещи не существует.

И если ты спрашиваешь меня о пути, друг мой,
я отвечу тебе прямо...

Слушайте внимательно.

...обрати свое лицо к миру жизни,
повернись спиной к чинам и репутации;
отбрасывая прочь процветание,
удвой старания в служении ему;
расстанься с теми, кто не знает ничего, кроме слов,
и займи свое место в лоне вечно молчащего.

Первое, что говорит Санаи:

И если ты спрашиваешь меня о пути, друг мой,
я отвечу тебе прямо...

И то, что он говорит, есть просто абсолютная истина.

...обрати свое лицо к миру жизни...

Вот что я говорю вам: будьте жизнеутверждающими.

...обрати свое лицо к миру жизни...

К деревьям, птицам, животным, звездам, рекам, океанам, людям. А ваши священники говорили и говорят вам прямо противоположное. Они говорят: «Повернитесь спиной к жизни». Они говорят: «Будьте жизнеотрицающими». Они говорят: «Отрекитесь от жизни».

Санаи говорит: «Радуйтесь жизни».

Ваши священники просто отравители. Величайшие из известных врагов человечества – его священники: они учат вас смерти.

Священник Джим Джонс – не первый священник, который помог своим ученикам умереть. Это древнейшая профессиональная тайна всех священников: они учат вас самоубийству. Преподобный Джонс сделал это в американском духе, быстро и скоро, только и всего. Остальные священники делают это медленно – это занимает семьдесят, восемьдесят лет. Но процесс тот же самый; все они учат вас, что эта жизнь неправильна. Когда жизнь неправильна, тогда правильна смерть. Все они учат вас, что жить – грех. Тогда не жить – это святость. Все они учат вас убегать от жизни в монастыри, в горы; они учат вас эскапизму. Самоубийство – это высшая форма эскапизма.

А сейчас вы увидите, что все священники мира осудят Преподобного Джонса – они *осуждают* его. Христиане, мусульмане, индуисты, католики и протестанты – все они осуждают его. Несомненно – то, что он сделал, есть логическое следствие их учений. Вот чему они учили и учат: они учили и учат, что жизнь безобразна, что жить – значит быть грешником. Тогда логичное заключение – умереть, совершить самоубийство; тогда самоубийство выглядит самым духовным действием.

Джайнизм даже разрешает это – не только разрешает, но и высоко ценит его. Буквально на днях я читал о джайнском монахе, который совершил самоубийство. Они не называют это самоубийством, у них есть для этого прекрасное слово – они называют это *сантхарой: сантхара* означает «тот, кто покидает тело посредством поста».

Итак, этот человек постился много дней. А *сантхара* – это пост до смерти: ни пищи, ни воды. Если человек действительно здоров, это умирание займет, по крайней мере, три месяца.

Теперь это кажется более безобразной смертью, более насильственной, более продлевающей страдание. В этом смысле преподобный Джонс сделал хорошую работу: он сделал *сантхару* научным способом; он сделал ее моментальной. А если дело может быть сделать моментально, тогда зачем растягивать страдание на три месяца? Зачем истязать себя? Если вы можете достичь какого-то места на самолете, тогда зачем ехать на воловьей упряжке?

Я хотел бы сказать всему миру: пожалуйста, не осуждайте то, что сделал Джонс! Вы не имеете права осуждать его, потому что это то, чему веками учили и учат все ваши церкви и все ваши храмы.

Только *я* могу осуждать его, ни у кого другого нет *права* осуждать его – потому что я учу жизни. Он был сумасшедшим, невротиком. Так же, как и все ваши священники – сумасшедшие, невротичные, садомазохистские, патологичные.

Санаи прав. Он говорит, что это единственный способ:

... обрати свое лицо к миру жизни,
повернись спиной к чинам и репутации;
отбрасывая прочь процветание,
удвой старания в служении ему;
расстанься с теми, кто не знает ничего, кроме слов,
и займи свое место в лоне вечно молчащего.

Он говорит: если вы хотите от чего-то отречься, отрекитесь от престижа, отрекитесь от власти, отрекитесь от чинов и репутации. Это не отречение образца ваших священников и ваших монахов. Несомненно, они отрекаются от мира, чтобы получить большую репутацию, они становятся аскетичными, чтобы их могли почитать как святых. Они цепляются за репутации – это ловушка их эго. Они отрекаются от жизни, чтобы получить от людей все больше и больше уважения, респектабельности.

Санаи говорит прямо противоположное. Вот что я делаю сейчас. Я говорю: отрекитесь от респектабельности, это все дерьмо. Не имеет значения, уважают вас люди или нет. В конце концов, имеет значение лишь то, уважаете ли вы самих себя или нет. А вы можете уважать самих себя, только если вы прожили полно, страстно. И если вы уважаете себя и достаточно храбры для того, чтобы прожить жизнь во всех ее измерениях, Бог счастлив с вами. А когда вы войдете в его присутствие, вы войдете целыми, вы войдете здоровыми, вы войдете как полное, оргазмичное, органичное единство.

И он говорит:

...расстанься с теми, кто не знает ничего, кроме слов.

Это священники, пандиты, умники, вся их работа заключена в словах. Действительность должна быть переживанием, не просто спекуляцией.

Перед тем, как Будда вошел в окончательную нирвану, перед тем, как он покинул свое тело, ученик попросил его проповедовать снова. Будда устыдил его и сказал: «Я жил в мире сорок девять лет, и я никогда не сказал ни единого слова. Теперь ты просишь меня проповедовать снова. Не подразумеваешь ли ты, что я проповедовал прежде?»

Он проповедовал в течение сорока девяти лет – утром, днем, вечером – непрерывно в течение сорока девяти лет. Несомненно, нет другого человека (кроме меня), болтавшего так много, как Будда. Но все-таки он говорит: «Что ты имеешь в виду под 'проповедовать снова'? Не думаешь ли ты, что я в своей жизни проповедовал? Я не произнес ни единого слова».

И я говорю вам – я также не произнес ни единого слова. Нет другого способа общаться с вами, раз вы не можете понять молчания. Но все слова используются только для того, чтобы создать в вас все больше и больше молчания. Слова не важны; молчание, которое содержится в них – вот подлинное. Слова – это просто капсулы: внутри капсулы находится молчание, безмолвное послание.

Недолог путь
от тебя к другу,
ты сам есть этот путь:
так следуй же ему.

Другого пути нет. Вы не идете куда-то, вы не следуете какому-то внешнему пути – вы и есть путь. Вы должны просто войти, и тогда друг недалеко.

Еще одна история.

Однажды Будда увидел Манджушри, одного из своих величайших учеников, стоящим за воротами. Он сказал:

– Манджу! Манджу! Почему ты не входишь?

Манджу сказал:

– Мой господин, нет способа войти.

Будда засмеялся и снова сказал:

– Войди через ворота!

Манджу тоже засмеялся и сказал:

– Господин мой Бхагван, ты, должно быть, шутишь, ведь здесь нет даже ворот!

Будда благословил Манджушри и сказал:

– Сын мой, ты понял меня хорошо. Пути нет, и нет ворот.

Потому что он в вас, уже в вас. Вам не нужно проходить ни через какие ворота и не нужно следовать никаким путям. Он уже прибыл, он достиг – так же, как и *вы*.

Искатель есть искомое. Вы есть это.

Недолог путь
от тебя к другу,
ты сам есть этот путь:
так следуй же ему.

Ты, ничего не знающий о жизни,
наполненной соком винограда, –
сколь долго ты будешь оставаться завороженным
внешней формой ягод?
Зачем ты лжешь, что пьян?

Люди, читающие наизусть Коран, продолжают хвалиться, что они пьяны. Это невозможно – как могут слова сделать вас пьяными? Вы не можете опьянеть, просто глядя на форму винограда; вы должны будете попробовать его на вкус. Только переживание, экзистенциальный опыт может освободить вас. Слова станут новыми оковами – прекрасными оковами, очень-очень культурными, украшенными оковами, но слова будут оковами.

Все ваши писания не что иное, как тюрьмы. Выйдите из них.

И запомните: то что я говорю о писаниях, включает также и мои слова. Слушайте мои слова, но не будьте схвачены ими. Слушайте меня так внимательно, чтобы вы могли услышать безмолвное сообщение, которое находится между слов, между строк. И тогда откажитесь от слов; бросьте оболочку и выпейте содержимое.

Зачем ты лжешь, что пьян?

Прекратите лгать! Никто не может напиться просто словами, писаниями, знанием. Единственный способ быть пьяным – идти глубоко в ваше существо и пить из самого источника вашего сознания. И тогда вы будете пьяны, и пьяны навсегда.

И у этого пьянства есть парадоксальное свойство: вы становитесь неосознающими в том, что касается эго, и становитесь сознательными в том, что касается самости. Вы забываете себя в этом пьянстве, и в этом пьянстве вспоминается Бог. С одной стороны, забвение, с другой стороны, вспоминание.

Как ты можешь идти вперед?
Нет места, куда идти.
Как ты можешь встать?
У тебя нет ног.

У сознания нет ног, оно не может прыгать. И вы не можете никуда идти, потому что идти некуда.

Всё здесь, все сейчас! У Бога есть только одно время, и это – сейчас. И у Бога есть только одно место, и это – здесь. Не нужно никуда идти.

Не думайте в терминах «тогда», и не думайте в терминах «там», и не думайте «то». Бог – это здесьность, таковость. *В этот самый момент* Бог здесь, так как он всегда здесь. Просто будьте молчаливы и почувствуйте его вкус.

И только его вкус может освободить вас.

УМИРАНИЕ В ЧУДЕ

Первый вопрос:

Ошо, ты, кажется, сделал смыслом жизни атаковать премьер-министра Морарджи Десаи и поддерживать Индиру Ганди, прежнего премьер-министра, со всей духовной силой, которая есть у тебя. Какова подоплека этого? Не хочешь ли ты заменить мистера Десаи на миссис Ганди? Является ли, в таком случае, оправданным вмешательство духовных людей в индийскую политическую жизнь?

Р. К. Каранджа, редактор, «Blitz»

Мой дорогой Каранджа, я не против лично Морарджи-бхай Десаи (бхай – выражение почтения – прим. пер.). Но я против того прогнившего образа мыслей, который он представляет, я против индусского шовинистического ума, который он представляет. Я против его поз и подходов мракобеса. Я против его упрямства в навязывании своих личных причуд всей стране. Я против его бюрократических, авторитарных, диктаторских методов. Я против его ненаучного подхода к жизни. Я не имею ничего общего с Морарджи Десаи, но все это, соединенное вместе – бедствие для страны.

В основном я против политиков. Но мы не можем полностью избавиться от них. Человечество все еще не в том состоянии роста и разумности, когда можно отменить политику. Так что они будут нужны – это неизбежное зло.

Но это зло. Так что лучше уж выбрать политика, у которого, по крайней мере, гибкий ум, научные подходы – того, у которого, по крайней мере, современный ум.

Морарджи Десаи просто устарел. Он не принадлежит этому столетию, этому времени. Все, что он продолжает говорить – чистый суеверный вздор. Он отстал, по меньшей мере, на тысячу лет.

Но когда вы у власти, вы можете навязать другим все, во что вы верите. Опасность – в этом. Он хитер, изворотлив и неразумен. Политик обязан быть хитрым, изворотливым и неразумным, потому что только неразумные люди хитры и изворотливы. Это их заменитель разумности.

Если вы разумны, этого достаточно. Не нужно быть хитрым, не нужно быть изворотливым, не нужно использовать методы «черного хода».

Я слышал:

Политик учил своего маленького сына меньше бояться, быть храбрее, заставляя его прыгать по ступенькам. Он поставил мальчика на вторую ступеньку и сказал:

– Прыгай, я тебя подхвачу.

И мальчик прыгнул. Тогда отец поставил его на третью ступеньку, говоря:

– Прыгай, я подхвачу тебя.

Хотя мальчик и боялся, он доверял своему отцу, что бы он ни говорил, и прыгнул в его отцовские руки. Тогда отец поставил его на следующую ступеньку, и на следующую, говоря

каждый раз: «Прыгай, я тебя подхвачу». И каждый раз мальчик прыгал и подхватывался отцом. И так продолжалось.

Затем мальчик прыгнул с самой высокой ступеньки, как и прежде, но на этот раз отец отступил на шаг и мальчик ударился лицом об пол. Когда он приподнялся, кровоточащий, ревущий, отец сказал ему:

– Учись, сын мой: никогда не доверяй политикам, даже если это твой собственный отец.

Я не доверяю политикам. Что-то изначально неправильно в том, чтобы быть политиком. Политик страдает от патологии, он страдает от комплекса неполноценности. Теперь это установленный факт: те люди, которые ищут власти, страдают от комплекса неполноценности. А люди, страдающие от комплекса неполноценности, обречены нести людям опасность, когда оказываются у власти.

Морарджи Десаи страдал от комплекса неполноценности всю свою жизнь. Вся его жизнь была посвящена одной цели: стать премьер-министром этой страны. И теперь он стал премьер-министром. И эти последние двадцать месяцев показали, что вы не можете найти более неразумного человека, чем он. Эти двадцать месяцев показали, что он достиг своей цели и теперь не знает, что с ней делать.

Политик ловок в приходе к власти, но что теперь делать с этой властью? Он стремился к ней всю свою жизнь; это было его единственным желанием. Теперь оно исполнилась. Он истощен. Теперь он не знает, что делать, кроме как цепляться за свое место.

Он крепко уцепился. А страна с каждым днем приходит в упадок – становится беднее и беднее, становится все беспорядочней и беспорядочней, все более и более насильственней, разрушительной. Людей убивают, их имущество уничтожается, целые деревни преданы огню, женщины насилуются. Нет порядка, нет закона.

А Морарджи Десаи заинтересован только в одном: как продолжать оставаться у власти. Это очень, очень отсталый ум. Если властью интересуется юноша, его можно простить. Но если человек интересуется властью в восемьдесят три или восемьдесят четыре года, его простить нельзя.

Берта была так озабочена своим сыном, что попросила совета у семейного психолога.

– Господин, – с отчаянием сказала она. – Я беспокоюсь за моего сына. У него странные способы развлекать себя.

Психолог вытащил блокнот:

– Продолжайте.

– Прежде всего, – сказала она, – он играет с корабликами, когда принимает ванну.

– Это не так уж необычно, – улыбаясь, сказал психолог. – Много лет назад, мальчиком, я имел в ванной флот корабликов. Я хотел быть адмиралом и потопить все корабли.

– Он также отрывает крылья мухам.

– Совершенно нормально – он просто избавляется от некой агрессивности.

– Он катается на роликовых коньках по дому из комнаты в комнату, так что может наехать на обеденный стол.

– Ваш сын выглядит очень занятно, – рассмеялся психолог. – Сколько лет мальчику?

– Тридцать девять.

Человек цепляется за власть в восемьдесят три года: это выглядит поистине печально. И ничего не делает с этой властью – делает только одно: пытается уцепиться за нее, пытается сохранить ее, удержать ее. Здесь не должно быть такого непродуктивного, такого нетворческого человека.

Страна нуждается в молодом человеке с большими мозгами, с большим видением будущего; только тогда эта страна может быть спасена. Страна нуждается в научном подходе к жизни, а не в устаревших проповедях и пуританских «моральных» поучениях. Стране не нужны проповедники; в ней тысячи проповедников, их больше не нужно. Стране нужен кто-нибудь, способный научно преобразовать мечты в реальность.

У Морарджи Десаи нет этой возможности, вот почему я критикую его. И для него трудно переориентироваться на настоящее; он слишком стар. Он закрытый, застывший, все в нем стало камнеподобным. Он не может идти в ногу со временем, он не может принять реальность как она есть. Чем идти в ногу со временем и с сегодняшней реальностью, он хотел бы, чтобы реальность шла в ногу с ним. Он требует невозможного. И, требуя невозможного, он показывает свои диктаторские наклонности.

Эта страна называет себя демократичной, но это все еще не так, поскольку у этой страны нет достаточной осознанности, чтобы быть демократичной. Демократия – просто болтовня, а глубоко внутри – это просто диктаторская бюрократия.

И весь ум действовал в прошлом тем же образом. Демократия – новое явление. Демократия – это побочный продукт научного отношения, – а эта страна испытывает недостаток научного отношения.

Попытайтесь понять это. Демократия не могла случиться ни в одно из прошлых времен, потому что все религии были догматичными. Каждая религия претендовала на истину, истину целиком. Каждая религия провозглашала: «Я права, а все прочие неправы». Все религии – закрыты.

И я не включаю Будд, Христов и Кришн; они исключения, и они не часть ваших так называемых религиозных традиций. Будда не догматичен, у него очень научная открытость. Он подходит к каждому факту жизни с открытым умом. Он сказал своим ученикам: «Не верьте в то, что я говорю. До тех пор, пока вы не поэкспериментировали с этим и не пережили этого, до тех пор, пока вы не стали свидетелем этого – не верьте в это».

Но христианство, индуизм, ислам, джайнизм – все эти идеологии догматичны: каждая претендует на всю истину. Сама это претензия бесчеловечна, эгоистична. И поскольку у этой страны нет научного ума, она испытывает недостаток демократического духа.

Несколько дней назад Кришна Прем увиделась с Морарджи Десаи. Тот сделал это с условием, что все, что он скажет Кришне Прем, будет абсолютно частным и незаписанным.

Зачем? Зачем это условие? Если это правда, пускай она будет записана. А если это ложь, не нужно произносить ее.

Но я понимаю, почему он поставил это условие – потому что он сказал Кришне Прем: «Если бы это было в моей власти, я разрушил бы дело Ачарии Раджниша, его ашрам, всё».

Вы видите ум? Это ум диктатора. И почему он говорит, что *если* бы это было в его власти?.. Это *в его власти*, и он делает все, что может.

Только на днях из очень надежных источников стало известно, что он проинформировал власти о том, что как-то, каким-то образом мы должны попасться в какую-нибудь законную ловушку, капкан. «Вы должны найти то или иное, чтобы мы могли затеять против этой коммуны судебное разбирательство».

Дважды они проверили все документы, все записи, и дважды они решали, что нет ничего противозаконного. Теперь снова, в третий раз, они потребовали, чтобы были пересмотрены все документы и отчеты; дело должно быть пересмотрено, потому что так хотят в столице.

Главный министр Махараштры с готовностью помогал. Только на днях он сказал другу: «Я охотно помогал, по крайней мере, в том, что касается земли, я собирался помогать коммуне. Но теперь давление из Дели слишком сильно. Теперь это выше моих возможностей; я не могу помогать».

Почему Морарджи Десаи говорит, что это не в его власти? Он делает все, что может. Но запомните, эти отношения не победят. Демократия стала частью современного ума; дни такого положения вещей ушли. Вы цепляетесь к трупам, Морарджи Десаи. Вы цепляетесь к вещам, у которых больше нет будущего.

Диктатор напечатал свой портрет на почтовых марках. Когда он обнаружил, что марки продаются в стране не слишком хорошо, он вызвал своего почтового министра и спросил, почему.

– Это потому, что марки не приклеиваются к конвертам, – объяснил шеф почты.

Диктатор потребовал объяснений, почему был использован некачественный клей.

– Клей ни при чем, – объяснил почтовик, – это потому, что они плюют не на ту сторону.

Это произойдет со всеми диктаторскими умами. Морарджи Десаи, знайте об этом!

И когда я критикую его, я никогда не критикую его лично, всегда помните это. У меня нет на него лично никакой обиды; это не вопрос какой-то личной неприязни. Он – просто символ чего-то очень прогнившего. И, когда я критикую его, я, несомненно, просто говорю о фактах. Если факты против него, что я могу сделать?

Теперь двадцать месяцев его пребывания у власти показали это ясно. Его некомпетентность, его бессилие показано ясно. Все могут видеть его; это не тайна, вся страна чувствует это. Но эта страна очень летаргическая, очень фаталистическая, эта страна всегда будет всех обвинять. Если ничто не идет правильно, тогда эта страна так и останется по-своему удовлетворенной. Это был и есть ее традиционный подход.

Эта страна не способна восстать. За все пять тысяч лет ее истории здесь не было ни единой революции. Эта страна не знает, как протестовать, эта страна знает только, как продолжать подчиняться. Из-за этого эта страна так долго оставалась рабыней.

Мой подход – восстание. Я осуждаю прошлое этой страны, потому что я могу представить себе лучшее будущее. А это лучшее будущее возможно, только если осуждено прошлое. Оно не придет из непрерывности с прошлым: это будущее должно быть абсолютно новым, свежим, юным. Эта страна должна пройти через возрождение, эта страна должна снова стать юной.

Когда я критикую Морарджи Десаи, это, на самом деле, не критика, – я просто отражаю его... чем бы он ни являлся.

Однажды современный художник показал свою последнюю картину – большая лужа оранжевого цвета с маленькими черными капельками – известному критику.

– Итак, – сказал художник, – что вы об этом думаете?

После долгого пристального рассматривания леди с изумлением и отвращением сказала:

– Боюсь, я должна признаться: я думаю, что это довольно слабая работа.

– Хм! – фыркнул художник. – Так получилось, что это ваш портрет; и я не могу помочь, если вы – слабое творение природы!

Я не критикую Морарджи Десаи, я просто отражаю все, чем он является. А это необходимо: этой стране нужно стать бдительной и осознающей, иначе нищета будет продолжаться. Морарджи Десаи представляет нетехнологический ум. Он представляет гандианское дерьмо.

Этой стране нужна технология, иначе эта стране не сможет выжить. И я знаю совершенно точно, что тот способ, каким технология пришла на Запад – также бедствие, по-своему. Она разрушила экологию. Запад страдает от технологии, а Восток страдает от НЕДОСТАТКА технологии. И мракобесы Востока радуются, констатируя факт: «Посмотрите, что случилось с Западом из-за технологии!»

Но это не единственный способ ввести технологию. Мы можем научиться на опыте Запада – мы можем ввести технологию, которая не против экологии. Нет необходимости, неотъемлемой необходимости в том, что технология должна быть против природы. Она может быть *вместе* с природой – она может быть дружественна к природе, она может быть частью природы, она может быть в единении с ней.

Технология должна быть основана на подходах дао. Если существующую на Западе ввезти сюда, то это будет еще одной ошибкой, еще одной непоправимой ошибкой. Но Запад прошел через великое испытание; мы должны не повторить все те ошибки, что сделали они. Мы сейчас в лучшем положении. Мы настрадались без технологии, Запад настрадался из-за технологии. Теперь есть возможность создать новый образ технологии и природы, в единении, вместе, рука об руку.

И этот эксперимент станет примером для всего мира. Индия может сделать это, Индия может создать это пространство – потому что пять тысяч лет медитативности, молитвы, любви к Богу и поиска Бога – достаточная основа для того, чтобы трансформировать технологию, ее аромат, сделать ее более естественной, чем делать что-то против природы.

Индии нужны люди, знающие, что такое медитация, и знающие, что такое наука: она нуждается в синтезе.

Морарджи Десаи просто представляет прогнившее, мертвое прошлое. Он не представляет, что произошло в мире; он не современен. Я против его несовременности, я против его не-новизны. И он не только несовременен; он антисовременен. Он догматичен – а любой догматичный человек становится камнем в потоке национальной жизни. Он должен быть удален.

Я знаю, что для него слишком поздно меняться, поэтому он должен быть удален.

Жан Лебан вообразил, что он становится еще одним Лютером Барбэнком, великим садоводом и растениеводом.

– Однажды я стану знаменитым, – похвастался он. – Я революционизирую своими сельскохозяйственными экспериментами вкусовые привычки во всем мире.

– Возможно, ты и велик, – прокомментировала его циничная жена. – Но пока все твои великие эксперименты терпели неудачу.

– Как ты можешь говорить это?

– Помнишь эти твои бананы без кожуры? Мухи съедали их, прежде чем это могли сделать люди.

– Люди ели их недостаточно быстро.

– Или малина без семечек. Она растекалась от прикосновения пальца.

– Нам нужны более нежные пальцы, чтобы рвать ее.

– И что теперь? Каким еще чудом ты собрался осчастливить мир?

– Я скрестил кукурузу с горохом.

– И что это тебе дает?

– Горох на початках – мой ответ сеньорам горожанам с фальшивыми зубами.

– Жан, могу я дать тебе один чистосердечный совет? Почему бы тебе не вырастить какие-нибудь мозги?

Но я не могу дать этот совет Морарджи Десаи: слишком поздно – река уже достигла конца. И чем больше он остается у власти, тем больше времени упущено. Упущено не только время, но все, что сделано за тридцать лет независимости – он разрушает это.

Для страны лучше стать к этому бдительной немедленно, иначе он нанесет огромный вред. И тогда потребуется много времени, чтобы исправить это.

Ты спрашиваешь меня, Каранджа: *Ты, кажется, сделал смыслом жизни атаковать премьер-министра Морарджи Десаи и поддерживать Индиру Ганди, прежнего премьер-министра, со всей духовной силой, которая есть у тебя. Какова подоплека этого? Не хочешь ли ты заменить мистера Десаи на миссис Ганди?*

Да. Абсолютно так. Я снова хотел бы напомнить вам, что у меня нет личной привязанности к Индире Ганди. Но она представляет собой что-то намного лучшее, чем Морарджи Десаи. Ее политика более прогрессивна, у нее лучшее видение будущего и большее понимание настоящего. Она современная женщина, чрезвычайно интеллигентная и благородная. Она не чудачка и не догматик. Она гибкая, открытая, уязвимая, готовая принять все новое, готовая понять все, что происходит в современном мире. Ее двери и окна открыты солнцу, луне, ветру, дождю.

Я встречался с обоими людьми. Встреча с Морарджи Десаи вообще не была встречей. Мы сидели на одном диване, очень близко, касаясь друг друга – но очень далеко, на расстоянии миллионов миль. Общение было невозможно – разница в несколько веков. Он был неспособен понять, что я говорил ему.

Я встретился с Индирой Ганди. Она была такой открытой; очень редко встретишь человека столь открытого. И еще труднее найти человека, находящегося у власти и все же столь открытого. Власть ослепляет людей, власть закрывает людей, власть делает людей догматичными.

Она была в зените своей власти, но она была предельно скромна. Она вникала в каждое слово, что я говорил ей, и она поняла немедленно. Она сказала:

– Я хотела бы сделать то, что вы говорите, но я окружена такими людьми, что почти невозможно что-либо сделать.

Морарджи Десаи был тогда заместителем премьер-министра. Я спросил ее:

– Кого вы имеете в виду, когда говорите: «Я окружена такими людьми?»

Она сказала:

– Вы знаете, что я имею в виду Морарджи Десаи и прочих. Невозможно ввести что-то новое в жизнь этой страны, потому что они все мешают этому.

Я сказал ей:

– Тогда будет лучше, если вы или отстраните этих людей, или *сами* уйдете в отставку.

Эта идея проникла ей в сердце, и в течение семи дней Морарджи Десаи был отправлен в отставку. Но остальные все еще были здесь.

Эта страна выбрала людей, представляющих ее прошлое. Эта страна очень сильно привязана к прошлому.

В то время, пока Индира Ганди была премьер-министром, она трижды хотела прийти в эту коммуну. Трижды она извещала нас: «Я приеду» – но снова и снова это откладывалось. А причина была в том, что люди, окружавшие ее, не пускали ее. Они сказали ей: «Это опасно – идти к Ачарье Раджнишу; это затронет ваше политическое будущее».

Даже прийти ко мне, кажется, опасно. И я могу понять: если бы она пришла сюда, тогда все шанкарачарьи, все пандиты, все священники были бы против нее. Поэтому ее советники не допустили, чтобы она пришла сюда. Снова и снова она хотела прийти.

Даже желание прийти, даже желание быть здесь, медитировать и сидеть со мной в молчании показывает великую открытость. Она прочитывала почти все выходившие книги, и она слушала кассеты.

Когда я говорю, что было бы лучше, если бы Индира вернулась, я просто имею в виду, что я хотел бы открытый ум, современный, соответствующий времени, скромный, восприимчивый к новым веяниям, возникающим в мире, так что эта страна тоже становилась бы современной и соответствующей времени – а эта страна все еще не такая.

Я восхищаюсь ее смелостью во внедрении новых программ, даже несмотря на то, что эти программы были против традиционного образа мыслей этой страны. Я хотел бы, чтобы она вернулась. Несомненно, любой, какой-нибудь Том, Гарри или Дик, был бы лучше, чем Морарджи Десаи.

Я слышал историю: она пришла из очень ненадежных источников, поэтому я не знаю, правда это или нет.

Перед выборами Морарджи Десаи посетил племя аборигенов в Ассаме, где произнес прелестную речь, полную обещаний всяких благ.

– Мы увидим, – сказал он, – новую эру благоприятных возможностей.

В этом месте аборигены, *адивасы*, стали громко кричать:

– Хойя, хойя!

Ободренный, он продолжил:

– Мы обещаем более хорошие школы для технического обучения.

– Хойя, хойя! – завопила аудитория с большим энтузиазмом.

– Мы обещаем хорошие больницы и медицинскую помощь – сказал Морарджи Десаи.

– Хойя, хойя! – закричали бедные и необразованные туземцы.

Морарджи Десаи закончил со слезой в голосе:

– Мы идем к вам как равные, как братья, так верьте нам!

Воздух сотрясался от одного долгого мощного «Хойя, хойя!»

Затем, очень польщенный таким приемом, он начал обход деревни.

– Я вижу, вы разводите коров на мясо, – сказал он. – Могу ли я осмотреть их?

– Конечно! Входите, – сказал вождь. – Но будьте осторожны, не вступите в хойю.

Где бы ни появлялся Морарджи Десаи, приветствуйте его: «Хойя, хойя!»

Отбросьте старые лозунги: «Долой Морарджи Десаи! Морарджи Десаи – убийца!» Я даю вам новый лозунг: «Морарджи Десаи хойя, хойя!»

И, Каранджи, ты также спрашиваешь: *«Является ли, в таком случае, оправданным вмешательство духовных людей в индийскую политическую жизнь?»*

Я не духовный человек в традиционном смысле слова. Несомненно, все ваши так называемые духовные люди в глубоком сговоре с политиками. Между политиками и священниками всегда существовал сговор, неуловимая стратегия для властвования над людьми.

Ваши так называемые духовные люди ничего не говорят против существующего строя. Это не значит, что они не политичны – несомненно, они *за* существующий строй; они политичны. Они никогда ничего не говорят против него – их молчание есть их поддержка.

У нас в Индии есть поговорка: *maunam sammati lakshanam* – быть молчаливым есть знак согласия, не говорить ничего – значит соглашаться.

Карл Маркс совершенно прав, говоря, что, поскольку так называемые духовные люди заинтересованы в этом, то религия действует как опиум для народа. Ваши так называемые религиозные люди учили и учат других покоряться существующему строю, подчиняться существующему строю, никогда не идти против существующего порядка, каким бы он ни был.

В этом смысле я не религиозный человек, не духовный человек. Я – бунтарь. Вы не можете подвести меня ни под какую другую категорию. И, по мне, жизнь есть органическое единство; она не может быть поделена, она не может быть расколота. Я буду комментировать поэзию, и я буду также комментировать политику, поскольку жизнь состоит из всех измерений.

Я, правда, не политик,. Но когда я вижу, как что-то идет неправильно, я должен сделать так, чтобы люди осознали это. Я имею полное право говорить о поэзии, хотя я и не поэт; у меня есть полное право говорить о музыке, хотя я и не музыкант. Но я могу показать свои симпатии и антипатии, я могу указывать, куда идут дела.

Я – просто свет. А если в комнате есть свет, он освещает все, что в ней находится – мебель, картину на стене, потолок и прочее. Я – просто свет, зеркало: я буду отражать все, что происходит.

Так что, пожалуйста, забудьте это старое разделение. Оно, в действительности, было компромиссом; годами между политиком и священником существовало соглашение. Соглашение гласило и гласит, что политик не будет мешать священнику; он будет платить своим уважением священнику, церкви. А священник не помешает политику; он заплатит своим уважением государству и поможет людям подчиняться государству.

Я ни с кем ни в сговоре, ни с кем не заключал соглашения. Я буду говорить о вещах так, какими я их вижу, и меня не беспокоит, считаете ли вы меня духовным или нет. Кого это беспокоит? Я знаю совершенно точно, что тысячи людей в Индии будут озадачены, потому что они думают, что духовные люди не должны говорить о политике. Они действительно не понимают.

Не думаете ли вы, что Кришна не говорил о политике? Он не только говорил о политике – он принимал в ней участие. Несомненно, Арджуна пытался сбежать с войны. Кришна уговорил его, убедил его, что в этой войне необходимо сражаться. Ведь когда стоит вопрос выбора между дьяволом и добром, вы должны быть на стороне добра.

Когда я критикую Морарджи Десаи, это вопрос прошлого и будущего. И вы *должны* быть с будущим, потому что прошлое ушло, ушло навсегда. Полностью забудьте о нем. Создавайте будущее, забудьте о том, что было. Не транжирьте на это ваше время: создавайте будущее.

И в будущем есть такой трепет души; вас ожидает великое приключение. А эта страна продолжает смотреть назад. Эта страна никогда не смотрит вперед. Ее золотой век прошел; он был однажды, тысячи лет назад. Если ваш золотой век в прошлом, тогда жизнь останется бременем, потому что вы будете падать и падать, дальше и дальше, от золотого века.

Это неверный взгляд на вещи. Золотой век должен быть в будущем; его все время надо создавать. Ваши глаза должны смотреть в будущее. И, когда вы смотрите в будущее, ваше присутствие становится значимым, потому что тогда есть возможность великого приключения, исследования. Тогда дрожь творчества сотрясает вас, и через нее творится душа.

Я не духовный человек в обычном смысле слова: я сам по себе. Вы не можете категоризировать меня и повесить ярлык, как на других; я представляю не кого иного, как самого себя. То, как вы называете меня – духовным, религиозным, каким хотите – несущественно. Эти ярлыки бесполезны.

Я буду продолжать разрушать все ваши ярлыки. Я буду продолжать злоупотреблять вашими ярлыками и оковами. Это то, что я всегда делал и делаю: вы пытаетесь определить меня, а я разрушаю ваше определение, потому что все и всяческие определения есть оковы. И я здесь не для того, чтобы исполнять чьи-то ожидания.

По мне, делить жизнь – значит создавать шизофреничный мир. Политика, поэзия, религия, музыка, рисование – все существует вместе. Это все – измерения одной и той же жизни. Я принимаю жизнь во всей ее полноте. Помните, что жизнь есть органическое целое, она не может быть разделена; если вы делите ее, вы разрушаете ее.

Я верю в полноту, я верю в целостность. По мне, быть целостным значит быть святым, и нет другого вида святости. По мне, полнота жизни есть Бог. Поклоняйтесь ей всеми возможными способами.

Я не политик; это не мой выбор. Я умею делать намного лучшие вещи. Я не интересуюсь политической властью, потому что, по мне, власть никогда не бывает извне. Власть есть что-то внутри вас, власть есть ваша внутренняя реальность. А быть властным над другими – это уродливо, жестоко.

Будьте хозяином своего собственного «я». Это – истинная власть. Власть, которая никогда не разрушает, но с необходимостью созидает, власть, из которой приходит великая поэзия.

Политика заботится о внешнем, политика интересуется тем, чтобы изменить обстоятельства. Есть более высокий мир, чем политика; это высокий мир духовности. Его заботят не обстоятельства, но внутреннее пространство. Измените внутреннее пространство человека, и вы автоматически измените его периферию.

Но все-таки люди, которые пытаются изменить периферию, что-то делают; в этом есть своя собственная важность. Это не *мой* интерес. Я не хотел бы идти в активную политику, никогда. Я покончил со всеми игрушками, я не ребенок. Это не означает, что я не могу высказываться об игрушках. Я не маленький ребенок, чтобы играть с игрушками, но если ребенок играет с игрушками, я могу комментировать. Я могу говорить: «Возможны лучшие игрушки». Я могу говорить: «Эта игрушка опасна, не играйте с нею. Эта игрушка может навредить вам; не играйте с ней – выбрось ее прочь». Я могу сказать лишь это.

Вот что я делаю. Когда я говорю, что Морарджи Десаи не тот человек, который должен быть у власти, я просто говорю, что есть лучшие возможности, и будет лучше, если страна выберет лучшего человека. Но это не *мой* интерес.

Итак, я не становлюсь политиком просто потому, что я высказался о политике. А я буду продолжать высказываться, потому что я не могу быть просто зрителем, когда миллионы человеческих жизней медленно идут во тьму, в нищету. Я не могу быть просто наблюдателем. Я всегда удивляюсь тому, что ваши так называемые духовные люди ведут себя лишь как зрители – что же это за духовность? Что это за сострадание? Они хитрые люди; они заключили с политиками тайную сделку. Они сохраняют покой, они всегда оставляют людей в таком состоянии, что люди никогда не становятся восставшими, что они никогда не становятся революционерами.

Политики всегда боятся повстанцев. А мои саньясины обещают стать повстанцами, бунтарями против всех видов вздора и глупости, против всех видов оков.

Моя единственная забота – религия, моя главная забота – религия. Но я буду комментировать также и другие вещи, поскольку я беру жизнь в ее полноте. Я люблю жизнь. Для меня жизнь означает – Бог.

Но позвольте мне снова напомнить вам, что я не политик. Я хотел бы, чтобы вы осознавали жизнь как она есть. И часть ее включает политику; вы должны осознать также и это.

Папа римский благословил Адольфа Гитлера. Вот это – то, что я называю тонкой политикой. Благословение Адольфа Гитлера – просто заключение контракта, вступление в сговор.

Все политики – это зло. Тогда что можно сделать? Выбрать меньшее зло.

Морарджи Десаи – большее зло, чем Индира Ганди. Индира Ганди – это меньшее зло; вот почему я говорю, что будет лучше, если она вернется. Если я могу найти кого-то, кто даже меньшее зло, чем Индира Ганди, тогда я поддержу его. Но моя поддержка означает просто духовную симпатию.

Я не пойду в массы призывать их проголосовать за то или это; я не буду заниматься никакой деятельностью. Я умею делать намного лучшие вещи: моя энергия должна оставаться включенной в моих саньясинов. Я здесь, чтобы создать в мире миллионы мистиков. Вот мое единственное намерение, вот моя радость и мое празднование.

На периферии я буду комментировать многие вещи, но все это – лишь на периферии. И я духовный человек не том смысле, что я против мира; я духовный человек не потому, что я отрекся от мира; я духовный человек потому, что *наслаждаюсь* миром. Этот мир есть проявление Бога.

Все мое учение: наслаждайтесь, никогда не отрекайтесь. Наслаждайтесь полнотой жизни, ее целостностью. Наслаждайтесь, наслаждайтесь снова.

Это естественно; люди всегда думали, что духовные люди должны оставаться подальше от мирских дел. По мне, не существует мирского дела; все дела одни и те же, все дела принадлежат одному центру. Обычная жизнь также и необычная жизнь. Это только вопрос точки зрения, правильного взгляда; тогда даже камешки на улице преобразуются в алмазы.

Я люблю жизнь в ее полноте, как она есть. Политика – тоже ее часть. Это не мое дело, но так как это часть жизни, я буду комментировать ее.

Второй вопрос:

Ошо, во мне нет никакого ощущения чуда. Почему?

Это происходит почти со всеми. Чем более знающими вы становитесь, тем меньше остается чуда, удивления. А родители, школа, университеты, общество – они продолжают

принуждать вас становиться знающими. Все их усилие в том, чтобы дать вам знание, образование. Ваше внутреннее пространство становится так наполненным знанием, что удивление, чудо исчезает, для чуда в вас не осталось места.

У ребенка – глаза удивления, чуда. Он благоговеет, он озадачен всем и вся, маленькие вещи поражают его. Отсюда его брызжущая радость, ведь его жизнь – постоянное открытие.

Вы становитесь образованными, общество хочет, чтобы вы стали образованными. Знание, образование очень, очень нужно, образование так полезно. А чудо, удивление опасно, потому что человек, который удивляется, обречен стать или философом, или поэтом, или мистиком, а все три бесполезны для общества.

Обществу нужны машины, квалифицированные машины. Давая вам все больше и больше знания, делая вас наполненными знанием, общество превращает вас в автомата, в робота. И чем больше вы думаете, что вы знаете, тем невозможнее становится чудо – потому что когда вы знаете, как вы можете удивиться?

Маленький ребенок может удивиться, почему деревья зеленые. Но как можете удивиться вы? Вы знаете, что это из-за хлорофилла – хотя вы многого не знаете, потому что может последовать другой вопрос: например, почему хлорофилл делает деревья зелеными, – и вам придется пожать плечами. Вы должны будете просто отодвинуть вопрос немножко назад.

Чем больше вы знаете, тем меньше вы удивляетесь. Но в тот момент, когда в вас умирает чудо, в вас умирает религия, потому что религия состоит из удивления, чуда и благоговения. Знание демистифицирует жизнь и существование, а религия существует только, когда жизнь это тайна. Поэтому вы снова должны будете научиться удивляться.

Несомненно, правильное образование никогда не сделает этого. Оно даст вам знание, но не разрушит ваше удивление; это будет правильное образование. Оно даст вам знание, но сохранит в вас осознание того, что нет знания, способного разрушить чудо. Напротив, знание, несомненно, может сделать вас более удивленными.

Маленький ребенок не может удивиться хлорофиллу. Если вы правильно обучены, образованы, вы можете удивиться зелености деревьев, вы также можете удивиться хлорофиллу.

Последними словами Альберта Эйнштейна были: «Я думал, что всю мою жизнь я лишал вселенную тайны. Однако случилось прямо противоположное. Чем глубже я входил в существование, тем глубже тайна. Я умираю, полный чуда, я умираю в чуде».

Но это редкость; это качество гения. Гений – это тот, кто не позволяет обществу свести себя к роботу; это мое определение гения. Все рождаются гениями, но люди очень скоро начинают идти на компромиссы. А когда они идут на компромисс, их таланты исчезают, их разумность умирает. Они продолжают продавать свои души за земные вещи, бесполезные вещи – бесполезные в абсолютном смысле; они могут быть полезными здесь, но придет смерть – и все эти вещи будут отобраны у вас.

Если вы можете умереть, как Альберт Эйнштейн – озадаченными, полными удивления, с молитвой в сердце, с поэзией, возникающей в вас – вы прожили жизнь правильно и вы умираете правильно. А человек, живущий правильно и умирающий правильно – духовный человек.

Альберт Эйнштейн намного духовнее, чем ваши папы из Ватикана и ваши *шанкарачарьи* – намного духовнее. Прежде, чем он умер, кто-то спросил его: «Если бы ты родился снова и Бог спросил бы тебя – я полагаю, что ты хотел бы опять стать великим физиком и

математиком?» Он сказал: «Нет, никогда! Если мне была бы дана другая возможность, то я хотел бы стать водопроводчиком, а не физиком. Я хотел бы жить самой обычной жизнью, анонимным, без посторонних на моем пути, чтобы мне было легче наслаждаться жизнью,. Моя слава, престиж, исследования – ничто не было моим путем, так что я хотел бы более глубокого общения с существованием».

Ты говоришь: *Во мне нет никакого ощущения чуда. Почему?*

Очевидно, у тебя слишком много знаний.

Стремящийся к разнообразию артист вошел в контору по найму в поисках работы. Агент сказал:

– Что вы умеете делать?

Артист молча поднял руки, пролетел по офису, вылетел в окно, пересек улицу и вернулся через окно, выполнив совершенную посадку на две точки перед столом агента.

– Хорошо, хорошо, – сказал агент. – Итак, вы изображаете птиц. А что еще?

Вот что происходит с образованными людьми. Ничто не удивляет их. Даже если бы перед ними стоял бы Бог, они скажут: «Хорошо, хорошо, вы – Бог. А что еще?»

К театральному импресарио Макси Долдуму однажды подошел человек.

– Я хотел бы предложить вам действительно уникальную пьесу, – сказал он. – Это взволнует весь Лондон. Все, что вы должны будете сделать – это положить в банк на имя моей жены десять тысяч фунтов, а я совершу самоубийство на сцене вашего театра.

Чем-то удивленный, Макси обдумал предложение.

– Гмммммммм, – сказал он в конце концов, – но что вы исполните на бис?

Существуют люди, которые так утилитарны, что все их мысли наполнены «полезными вещами». Он спрашивает: «Но что вы исполните на бис?» Люди стали так сильно озабочены мирскими вещами – инструментами, удобствами, полезностью – что ничто не удивляет их, ничто не шокирует, не приводит в чувство. Они ходят как лунатики.

Расцвел розовый куст – они не видят; они слепы. Птицы поют утром – они не слышат; они глухи. Они утратили всю чувствительность. Они стали такими мертвыми и тупыми, что ничто не затрепещет в них танцем, ничто не станет песней на их губах, ничто не заставит танцевать их ноги. И виной этому – знания.

В более понимающем мире знание все же будет дано вам, но вы также будете научены и тому, как защитить вашу способность удивляться. Ваша поэзия не будет убита, раздавлена под тяжестью знания. В настоящем университете только половина времени будет отведена под утилитарные дисциплины, а другая половина будет посвящена неутилитарным дисциплинам: поэзии, музыке, рисованию, танцу, медитации, молитве – или просто отдыху под деревом, просто молчаливому сидению под деревом, ничегонеделанию. Половина времени школ, колледжей и университетов должна быть отведена под бесполезные действия, производимые без всякой цели, просто из чистой радости делания. Тогда только мы получим в мире целостного человека.

Вплоть до настоящего времени существовало два типа людей: один – мирянин, стопроцентно занятый делом; другой – монах, он стопроцентно бездельничает. Оба – одно-

сторонни, оба что-то упускают. Монах упускает красоты мира – красоту отношений, красоту людей. Монах беден, духовно беден, потому что он упускает все богатство переживаний жизни, любви, дружбы, вражды, гнева, сострадания; он упускает все то разнообразие, что обогащает душу. Он просто пустой лист, разновидность пустого холста; на нем ничего не нарисовано, он духовно беден.

Я видел так много святых, что могу сказать вам – очень редко встретишь святого, имеющего хоть что-то за душой. Он так монотонен, так скучен, вся его жизнь – не что иное, как скука. Как он умудряется жить такой скучной жизнью? Он умудряется только потому, что он затупил все свои чувства; он затупил даже свою разумность, поэтому он не способен почувствовать скуку.

Знаете ли вы? Ни одно животное, кроме человека, не чувствует скуки. Буйволы никогда не скучают, ослы никогда не скучают; у них нет разумности для того, чтобы почувствовать скуку. Только человек чувствует скуку, и только у человека есть способность смеяться. Скучающий и смеющийся – две стороны одной и той же монеты. Но ваши монахи, ваши так называемые религиозные люди не скучают и не смеются. Они пали до состояния буйволов и ослов.

Я слышал о философе, ходившем по улицам и смотревшем на небо, звезды, луну, солнце, тучи и птиц в полете. Естественно, он много раз натыкался на людей или спотыкался обо что-нибудь. И у него была привычка – кто бы ни наткнулся на него или на кого бы он ни наткнулся, он говорил: «Вы что, осел?» И он был очень уважаемым, общеизвестным философом, так что все терпели его и никто не обижался.

Однажды случилось, что он наткнулся на осла. Только он собрался сказать свое обычное «Вы что, осел?», он только собрался сказать это, – но затем он увидел, рассмеялся и сказал:

– Сэр, вы просто являетесь самими собой. Что я еще могу сказать?

Люди, бегущие от мира, становятся ослами и буйволами; они опускаются ниже человеческого сознания, человеческих чувств. Вот почему они не могут жить даже скучной жизнью – нет ни смеха, ни скуки. Они стали животными. Они утратили честь быть человеческими существами; они пали. Конечно, жизнь животного менее беспокойная: нет беспокойства, нет боли. Поэтому вы увидите вокруг них определенное спокойствие, чистоту – но чистота без интеллигентности ничего не стоит.

Когда есть спокойствие с интеллигентностью, рождается Будда. Когда спокойствие существует без интеллигентности, вы возвращаетесь назад в мир буйволов. Но это происходит. Некоторые люди ушли из мира в стопроцентно бесполезную деятельность – молитву, медитацию, одиночество. Это не есть и не может быть полной жизнью. А другие – миллионы – живут только утилитарной жизнью, имея все больше и больше вещей, имея все большие и большие банковские счета, и они не знают ничего об игре. Даже если они играют, они становятся очень серьезными в своей игре; даже их игра становится бизнесом.

Люди не могут просто играть в карты, они должны ставить на них деньги; тогда это становится серьезным, потому что принимает форму бизнеса. Надо что-то поставить на кон, только тогда они могут играть. Вы видите игроков, смертельно серьезных даже в своей игре – это вопрос жизни смерти. Кажется, никто не игрив.

Мир полон утилитарной деятельности, и люди утратили все качества медитации, молитвы, игры, удивления, ощущения благоговения. Они не смотрят на звезды, на цветы, не

играют на гитаре, не поют песен без всякой причины, просто из чистой радости. Эти люди также очень бедны.

Я хочу создать в мире полностью нового человека, который не будет так или иначе беден, который будет действительно богат – у которого будет все богатство мира, отношений, всех вызовов существования, который будет способен также и быть молчаливым, создать пространство игривости, медитативности.

Это моя идея саньясина: быть в мире и все же не быть его частью. Будьте в мире и все же превосходите его. Не будьте беглецом.

Правильное образование создаст в мире саньясинов – саньясинов в моем смысле – оно создаст целого человека. Пятьдесят процентов образования должно быть посвящено миру, а пятьдесят процентов – высшему, и оба должны оставаться в гармонии, в глубоком синтезе. Тогда вы можете быть образованными, и все же удивление продолжает струиться в вас. Тогда вы можете знать, и все же вы изумлены существованием.

Последний вопрос:

Ошо, что такое теория относительности?

Я не физик, я не ученый. Но я могу рассказать вам две истории, которые покажут вам, что такое теория относительности: я рассказчик.

Я слышал, что однажды Гитлер инспектировал один из концентрационных лагерей и заключенные стояли перед ним по стойке «смирно»; он заинтересовался их весом. Он выбрал троих, принесли весы. Первый потянул на пять кило, второй на шесть и последний на одиннадцать. О нем Гитлер сказал:

– Вот это толстячок!

Вот что такое теория относительности. Нет утверждения, которое имеет какой-то смысл само по себе; оно имеет смысл только в контексте и в контрасте с другими утверждениями.

Теория относительности – очень сложная штука. Говорят, что, пока был жив Альберт Эйнштейн, только двенадцать человек в мире были способны понять ее. Даже Альберт Эйнштейн, когда его спрашивали, что это такое, чувствовал озадаченность: как сказать, что это? Он сам использовал примеры. Он приводил тот пример, что если вы сидите на горячей плите, одна минута покажется часом; а если вы сидите со своей возлюбленной, один час покажется одной минутой.

Человек, боявшийся дантистов, медлил до тех пор, пока у него не осталось только шесть зубов.

Зубной врач осмотрел его и сказал:

– Эти зубы обречены. Позвольте мне вырвать их, и у вас во рту будет полностью новый набор зубчиков. Вы будете прекрасно выглядеть, и вы сможете отлично жевать.

Человек сомневался.

– Доктор, я по природе трус. Я не могу терпеть боль.

– Кто говорит что-то о боли? Я лечу без боли!

– Вы говорите это, но как я узнаю, что это правда?

– Не беспокойтесь, – сказал дантист, – Я сделал точно такую же работу для другого человека. Я назову вам его телефон, и вы можете позвонить ему прямо сейчас.

Итак, человек позвонил мистеру Каплану из Бруклина.

– Мистер Каплан, – сказал он, – меня зовут Эл Голдштейн. Вы не знаете меня, но я сейчас в конторе вашего зубного врача, и он говорит, что он отлично поработал с вашими зубами. Правильно?

– Это так, – согласился Каплан.

– О'кей, – сказал Голдштейн. – Теперь мне бы хотелось, чтобы вы сказали мне чистую правду. Причинило ли это боль? Скажите мне, да или нет?

– Я не могу сказать вам ни да, ни нет, – сказал Каплан, – Но я могу сравнить это вот с чем. Каждое воскресенье я занимаюсь греблей в Проспект-парке.

– И? – сказал Голдштейн.

– И, – сказал Каплан, – наш дантист закончил со мной в декабре. И вот в воскресенье в июне я, как обычно, в своей лодке на озере Проспект-парка. Внезапно одно весло выскальзывает. Когда я наклонился схватить его, мои яйца попали в замок от весла. Можете мне поверить, мистер Голдштейн, впервые за шесть месяцев мои зубы не болели!

Вот что такое теория относительности.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕНИ

Никто не знает, как далеко
от пустоты до Бога.
До тех пор, пока ты цепляешься за свою самость,
ты будешь брести то вправо, то влево,
днем и ночью, тысячи лет;
а затем, после всех этих трудов,
ты откроешь свои глаза
и увидишь свою самость сквозь присущие только ей недостатки,
бродящую вокруг самой себя, как вол вокруг жернова;
но если однажды, освобожденный от нее,
ты окончательно оставишь свой труд,
дверь откроется тебе в течение двух минут.

Бог не будет твоим,
пока ты цепляешься за душу и жизнь:
ты не можешь иметь обоих – и то, и это.
Растирай свою самость месяцы и годы до конца,
оставь ее мертвым, – и когда ты закончишь с этим,
ты достигнешь вечной жизни.

Оставайся незатронутым надеждой и страхом.
Для взгляда не-существующего мечеть и церковь – одно;
Для понявшего тень – небеса и ад подобны.
Для того, чей проводник – любовь,
вера и безверие, оба – туман,
скрывающий дверь к другу;
само его существо – туман,
скрывающий сущность Бога.

Пока ты не отбросишь свой меч прочь,
ты не станешь щитом;
пока ты не отложишь свою корону в сторону,
ты не сможешь показывать путь.
Смерть души – это
разрушение жизни;
но смерть жизни –
это спасение души.

Никогда не останавливайся в пути:
стань не-существующим – не-существующим

даже в представлении о том, как становиться не-существующим.
А когда ты покинул оба ночлега –
индивидуальность и понимание –
этот мир станет тем.

Когда глаз чист,
он видит чистоту.

Расстанься со своей самостью...
пока ты видишь свою самость как грязное пятно,
ты не способен достичь того места;
самость никогда не вдохнет того воздуха,
так иди своей дорогой без нее.

Однажды великий просветленный Мастер сидел и обмахивался веером; к нему подошел философствующий монах и сказал:

– Природа ветра – вот она, ветер сам по себе, или номинальная реальность ветра, – есть постоянная вездесущность, так что во всем мире нет места, не наполненного им. Если это так, зачем ты обмахиваешься веером?

– Ты знаешь лишь теорию о том, что ветер пронизывает все в мире, – сказал Мастер.

Монах сказал:

– Каков, в таком случае, истинный смысл того, что ветер существует в мире?

Мастер просто продолжал обмахиваться.

Монах склонился в почтении.

Религия не есть нечто абстрактное, религия – это что-то очень приземленное. Религия не философия, но переживание, опыт. Так что те, кто продолжает думать о Боге, продолжают упускать его. Размышление является не путем к Нему, но барьером; не мостом, но стеной. Размышление сохраняет вас отдельными.

Сожгите ваше думанье в сильной жажде. Когда человек заблудился в пустыне и хочет, жаждет напиться, приходит момент, когда жажда больше не является мыслью в нем, когда он не думает о жажде, когда он и есть сама жажда – все его существо вовлечено в это, самая его сердцевина горит, жаждет всеми фибрами души. Он просто огонь, он – жажда.

В этой интенсивности религия становится реальностью – в этой страстной интенсивности.

Итак, запомните: величайшая проблема, которая встретится – это спекуляция, философия, теоретизирование. Человек может продолжать и продолжать теоретизировать; этому нет конца, это процесс «в бесконечность».

За одной мыслью следует другая, и так далее, и тому подобное. Вы никогда не придете к завершению процесса – завершения нет. Это порочный круг. Вы будете двигаться по кругу, как бык вокруг жернова (на мельнице – прим. пер.). Будет движение, но не будет никакого прибытия. А именно прибытие наполняет.

Религия не имеет ничего общего с думаньем, но она имеет непосредственное отношение к безмерной жажде истины.

Однажды Мастер принес свое сиденье в зал собраний и сказал:

– Выше куска грязи вашего красноватого тела есть Истинный Человек без чина и звания. Он постоянно входит и выходит сквозь врата вашего лица – через ваши органы чувств. Если вы еще не встретили его, хватайте его, хватайте его прямо здесь и сейчас!

В этот момент вышел монах и спросил:

– Что за парень этот Истинный Человек без чина и звания?

Мастер внезапно соскочил с возвышения, схватил монаха и сказал ему:

– Говори, говори!

Монах заколебался на мгновение. Мастер тут же, на месте, вытолкал его, говоря:

– Ах, что за никчемный уборщик этот твой Истинный Человек без чина и звания.

И немедленно вернулся в свои личные покои.

Монах на мгновение засомневался: «Что сказать?», он подумал одно мгновение, какой ответ на насилие Мастера будет подходящим. Это было мгновение, когда активизировалось непоследовательное размышление. Обратите внимание, что в этот самый момент Истинный-Человек-без-чина-и-звания превратился в бесполезного уборщика.

Различие между истиной и не-истиной невелико. Расстояние между ними почти отсутствует – оно очень тонко, как будто их разделяет только маленький волосок. Просто мгновенное размышление, единственная вошедшая мысль, маленькое облачко мысли, движущееся в вашем ясном небе, только небольшой слой пыли на зеркале – и вы утратили, вы упали из истины в не-истину, из осознанности в глубокий-глубокий сон.

Остерегайтесь думанья.

Момент прихода религии растворяется в думании, он оборачивается безобразным сном, называемым теологией. Начинается сон о Боге, небесах и аде, ангелах и дьяволах, и он продолжает создавать тысячу и одну вещь, но все они состоят из сна. Истина не имеет ничего общего со всеми этими мыслями.

А вы можете быть очень умны, и ваши мысли действительно могут быть очень аргументированными. Вы даже можете убедить других и, в конце концов, себя, но все думание есть просто вздор.

Истина *есть*. Вы не должны думать о ней – вы должны видеть ее, вы должны быть ею.

Последние сутры Хакима Санаи.

Никто не знает, как далеко
от пустоты до Бога.

Нет никого, когда-либо знавшего, потому что все зависит от ищущего, его страстного и интенсивного поиска. Это зависит от вашей интенсивности. Если вы просто «тепленькие» в вашем поиске, тогда Бог очень-очень далек от вашей пустоты. Если вы полны в вашей жажде, ничего не оставлено позади, вы прыгнули в него, вы ничего не оставили за собой, ничто в вас не упущено, вы прыгнули как целое органичное единство – ваш гнев, ваша любовь, ваша ненависть, ваша алчность, – все вместе, вы поставили на карту все, что у вас есть, все, данное вам природой, – тогда расстояние почти равно нулю.

Это зависит от вашей интенсивности. Мера вашей интенсивности определит меру расстояния между Богом и вашим сном без Бога.

Никто не знает, как далеко
от пустоты до Бога.
До тех пор, пока ты цепляешься за свою самость,
ты будешь брести то вправо, то влево,
днем и ночью, тысячи лет;
а затем, после всех этих трудов,
ты откроешь свои глаза
и увидишь свою самость сквозь присущие только ей недостатки,
бродящую вокруг самой себя, как вол вокруг жернова;
но если однажды, освобожденный от нее,
ты окончательно оставишь свой труд,
дверь откроется тебе в течение двух минут.

Наблюдали ли вы, что когда вы полностью в чем-то, самость исчезает? Вы влюблены в кого-то: в самой интенсивности вашей любви самость исчезает. Вас больше нет, есть толь-

ко любовь. Или вы разгневаны: в интенсивности и полноте гнева самость исчезает. Вас больше нет, есть только гнев.

Вы можете наблюдать это в вашей собственной жизни. Всегда, когда есть нечто, захватывающее вас целиком и полностью, самость не найдена. Это великий ключ: самость имеется, только если вы в чем-то наполовину. То, что вы оставляете при себе, становится самостью.

Если вы полностью вовлечены в рисование, в какую-то работу, пение, танец или игру на гитаре, если вы *полностью* в этом, вы немедленно увидите, что вас здесь нет. Что-то свыше овладело вами. Здесь нет самости, есть *не-самость*.

А быть в состоянии не-самости значит быть в Боге. Быть в состоянии самости значит идти далеко прочь от Бога – самость это расстояние, дистанция. Этот механизм должен быть понят. Когда этот механизм понят ясно, проблемы не существует: тогда Бог так очевиден.

А вы подходили к этой точке много раз – неосознанно, конечно. Наблюдая прекрасный заход солнца, вы были так потеряны в красоте этого, что на мгновение не было идеи самости. Вас здесь не было. Было полностью другое качество: вас здесь не было. Что-то было, но вы не можете назвать это «Я», вы не можете назвать это никаким застывшим состоянием эго. Вы были жидкими, струящимися.

Это то, что Кришнамурти называет моментом, когда наблюдатель становится наблюдаемым.

Солнечный закат был здесь, и заката было так много. Он овладел вами. Наблюдатель исчез в наблюдаемом. Закат был всем; вы не были отделены, вы не стояли одиноко и не наблюдали, вы не были зрителем. Вы были в нем, вы были частью его, вы начали чувствовать плавление, слияние.

Отсюда ощущение свободы от красоты, отсюда ощущение свободы от любви, отсюда ощущение свободы от музыки, великой музыки. Вы знаете эти мгновения – они приходят естественно, и они уходят. Но вы никогда не могли подойти к ним научно. Вы не размышляли над ними, вы не искали ключей, скрытых в них.

Ключ в том, что всегда, когда нет вас, есть Бог.

Это может быть сделано сознательно. Тогда не нужно ждать солнечного заката, потому что это будет, кроме всего прочего, видом зависимости. Тогда не нужно ждать любви – это снова будет некой зависимостью; она может на мгновение освободить, но потом она снова станет оковами.

Если вы влюблены в женщину или мужчину, это освобождает. Вот почему люди влюбляются. Но рано или поздно они находят, что ощущение свободы исчезло, испарилось, и вместо этого ощущения свободы они внезапно проснулись в оковах – в цепях, заключенными.

Что случилось с любовью, которая была столь освобождающей? Как она стала тюрьмой? Вы стали зависимыми от нее, вы стали наркотически привязанными к ней; она была так прекрасна, она стала для вас наркотиком. А когда что-то становится наркотиком, когда вы одурманены чем-то, тогда, что бы это ни было – вы в оковах. Тогда это не освобождает, это *не может* освобождать. Это становится безобразным; все становится горьким, отравленным.

Нет, человек не может быть освобожден этими малыми переживаниями красоты, любви, музыки. Они, правда, дают вам проблески, но эти проблески не могут стать состоянием вашего бытия. Вы должны научиться тайне разрушения самости сами.

Каждое переживание, давшее вам некоторый вид свободы, в основе своей было опытом разрушения самости. Так что теперь, чем зависеть от чего-то, начните разрушение самости сами. Сидите молча, исчезните – не будьте. Работая, исчезните – не будьте.

Когда у вас есть время, исчезните. И тогда, постепенно, появляется умение. Тогда вы можете продолжать двадцать четыре часа работать, жить своей обычной жизнью, и все же вы не здесь. В вас остается какое-то чистое, молчаливое пространство.

Это молчаливое пространство есть Бог.

И это может случиться немедленно, потому что нет ни одного мгновения, когда Бог далеко от вас. Вы можете быть далеки, но Бог никогда не далек от вас. Вы можете быть погружены в глубокий сон, но в любой момент вы можете проснуться. Возможность проснуться всегда остается вашей.

...а затем, после всех этих трудов...

Хождения вправо и влево, делания того и этого – методов йоги, молитвы, медитаций; есть тысяча и один метод. Делая то, делая это – однажды вы внезапно просыпаетесь. Вы просто открываете глаза, и в вас возникает великое веселье, смех над нелепостью ваших трудов – потому что вы пытались получить то, что вы уже получили. Отсюда абсурд.

Говорят, что Хотей, когда стал просветленным, стал смеяться. Он прожил годы, но смех продолжался. Когда бы кто-либо ни говорил ему: «Скажи нам что-нибудь. Каково твое послание?», он начинал смеяться, звонко смеяться, он начинал кататься по полу.

Почему Хотей делал такие нелепости? С его точки зрения, сама идея поиска Бога нелепа, потому что Бог уже есть. Вам не нужно никуда идти, вам нужно просто открыть глаза. Вы никогда не упустите его.

Он – ваша жизнь. Он – биение вашего сердца, вы вдыхаете и выдыхаете его, он обращается в вашей крови. Он – ваша осознанность, и он также ваш сон. Просто откройте глаза.

...а затем, после всех этих трудов,
ты откроешь свои глаза
и увидишь свою самость сквозь присущие только ей недостатки,
бродящую вокруг самой себя, как вол вокруг жернова...

Каков неустранимый порок самости? Ее неустранимый недостаток в том, что самость есть ложная сущность – а ложь не может встретиться с истиной. Тьма не может встретиться со светом; если вы вносите свет, тьма исчезает. Если вы хотите, чтобы было темно, вы должны будете убрать свет; они никогда не встречаются.

В темноте есть неустранимый недостаток. Что это за неустранимый порок? Она несуществующая, это тень. Тень следует за вами, и она следует так постоянно, так непрерывно, что вы можете начать думать о ней так, как будто она есть что-то реальное. Куда бы вы ни шли, она с вами; она никогда не покидает вас. Но, все-таки, ее нет.

Оренштайн, держа руки в карманах, прогуливался по фешенебельному парку в глубокой задумчивости, когда к нему подбежал полицейский сержант.

– Выгуливайте собаку на поводке, – рявкнул полицейский, указывая на большого рыжего пса, резвившегося около ног Оренштайна.

Оренштайн, не вынимая рук из карманов, пошел прочь, не удостоив полисмена даже взглядом. Полицейский пошел за ним.

– Что с вами? – сказал полисмен. – Везде развешаны знаки, запрещающие выгуливать в этом парке собак без поводка!

Оренштайн пошел прочь, не говоря ни слова.

– Нет, мы не можем так это оставить, – сказал озадаченный полисмен. – Я должен буду взять с вас штраф.

– Штраф? – спросил Оренштайн.

– За что? Это не мой пес!

– Это не ваша собака? – сказал сержант. – Тогда какого черта она бегает за вами?

– А вы? – спросил Оренштайн, вынимая руки из карманов. – Разве вы не бегаете за мной? А? А вы тоже не мой пес!

Тень, которая постоянно следует за вами, может дать вам ощущение, что она есть нечто реальное, что она принадлежит вам. Вы можете отождествиться с ней.

Эго – это просто тень, тень самости. Оно не самость, не ваша подлинная суть, оно просто тень. Узнать его как тень значит быть свободным от него; больше ничего не нужно. Вы не боретесь с ним, вы не идете и не делаете ничего для того, чтобы убежать от него – потому что если вы пытаетесь избавится от него, это просто покажет, что вы все еще думаете, что оно реально.

Так случается, что много людей приходят ко мне и спрашивают: «Как избавится от эго?» Сам вопрос бессмысленен. Но есть люди, так называемые религиозные святые, которые дадут вам методы, практики, чтобы избавится от эго. Прежде всего, глуп сам вопрос. А ответы, которые на него даются, еще глупее.

Вы не избавитесь от эго, потому что вы не можете убежать от того, чего нет. Приложив усилие, чтобы избавится от него, вы допустили его реальность – вот где основная ошибка. Знайте, что эго есть просто тень, и вы свободны от него. Пусть оно следует за вами, это несущественно. Его *нет*: оно не может влиять на вас, оно не может что-то с вами сделать.

Даже когда кто-то становится просветленным, он должен использовать слово «Я». Кришна использует его, Христос использует его, Будда использует его: они все еще используют слово «Я». Вы тоже используете слово «Я», но смысл, вкладываемый вами, не тот, что у будд. Будды используют его только как лингвистическое приспособление, вы используете его как нечто реальное. Будды используют его только как инструмент, как что-то произвольное, но имеющее смысл с точки зрения языка. Но нет эго, соответствующего «Я», нет реальности, согласованной с ним.

Когда вы используете «Я», вы думаете, что внутри вас есть некто, соответствующий идее «Я». Это единственное отличие. Вы думаете, что тень реальна, а затем хотите убежать от нее, или вы хотите сделать ее все сильнее и сильнее, больше и больше, что одно и то же. Есть люди, желающие сделать свои эго очень большими и великими, и есть люди, желающие, чтобы их эго исчезли полностью. И все в одной и той же лодке.

Настоящий человек понимания, осознания просто смеется над всей проблемой.

Никогда не задавайте неправильных вопросов, иначе найдутся люди, которые поддержат вас неправильными ответами. А в том, что касается эго, все вопросы неправильны.

Миссис и мистер Готбаумы отпраздновали тридцатилетие брака походом в шикарный ресторан. Очарованные элегантной атмосферой, они насладились выбором и вкусом блюд со странно звучащими названиями.

Как бы там ни было, в конце ужина официант принес две чашки для мытья рук и поставил их на стол. Супруги посмотрели друг на друга. Они не знали, что делать.

– Спросить официанта? – спросила миссис Готбаум.

– Ты что, с ума сошла? – воскликнул муж. – Показать наше невежество? Какой позор!

– Да, – сказала она. – Но будет еще более позорным не использовать их вовсе.

– Правда, – сказал мужчина. Поэтому он подозвал официанта и сказал:

– Простите меня, но не могли бы вы сказать назначение этих чаш с... эээ... жидкостью?

Официант был вежлив.

– Сэр, это чаша для умывания рук. Вы погружаете пальцы в ароматизированную воду, а потом вытираете их о салфетки.

Мистер Готбаум подождал, пока официант ушел. Затем он повернулся к жене и сказал:

– Видишь, Молли? Ты задала глупый вопрос – и получила глупый ответ!

Запомните, есть вещи, все вопросы о которых глупы и все ответы глупы также. Эго – одна из таких вещей. Не задавайте вопросов об эго – просто наблюдайте его. Смотрите на его действия, наблюдайте за его неуловимыми путями без осуждения, без оценивания, просто наблюдая, чтобы узнать, что это, что оно собой представляет. Не говорите, что оно хорошо, не говорите, что оно плохо, не пытайтесь возвеличить его, и не пытайтесь сделать так, чтобы оно исчезло. Просто наблюдайте. Это нечто, что всегда с вами, следует за вами: что это такое?

И не спрашивайте никого другого, это не нужно. У вас оно есть; вы можете наблюдать за ним.

И в самом этом наблюдении, несудящем наблюдении – вы удивитесь: однажды вы увидите, что эго, в действительности, не существует. И в то мгновение, когда вы увидите, что его не существует, ваши глаза откроются тому, что за пределами эго, тому, что за пределами тени. Бесконечный свет впервые проникнет в вас.

Не привязывайтесь к эго. Эгоист привязан к нему, и так называемый смиренный человек привязан к нему. Несомненно, смиренный человек пытает сотворить более изощренное эго, более неуловимое, украшенное, изысканное – вот и все. Он носится с идеей: «Я смиренен; нет никого смиреннее меня».

Когда Томас Манн впервые был с визитом в Америке, один из голливудских писак унижал себя перед романистом, упирая на то, что он – ничто, простая банальность, его работа недостойна упоминания даже рядом со вздохом Мастера. Манн выслушал его с бесконечным терпением и учтивостью, но когда собеседник ушел, он повернулся к хозяину, своему старому другу, и сказал: «Этот человек не имел права делать себя таким маленьким. Он не настолько велик».

Смирение также делает людей большими. Смирение – самый неуловимый путь эго, самый неуловимый – очень очищенный, культурный, изощренный. Эгоист явен, смиренный человек не так явен, но суть игры одна и та же. Взгляните на игру, понаблюдайте игру. И не начинайте наблюдать с уже имеющимися идеями. Это – проблема, вот почему многие люди не могут выйти за пределы эго: они уже решили, что это такое.

Западные психологи говорят, что это очень хорошая вещь, ее нужно усиливать, эго нужно делать более сильным. Вам нужно быть агрессивным, лишь тогда вы сможете действовать в мире. А чтобы выжить, вам нужно сильное эго, потому что жизнь – это постоянный конфликт. Если ваше эго слабо, каждый сможет уничтожить вас.

Поэтому вся западная культура зависит от усиления эго, от того, чтобы делать его все более и более сильным, все более и более кристаллизованным. Подход Востока прямо противоположен: станьте смиренным, просто думайте о себе, как будто вы – ничто. Но это «как будто» делает все лишь сотворенным: будьте смиренным, унижайте себя, позвольте эго полностью исчезнуть.

Эти две точки зрения кажутся прямо противоположными, диаметрально противоположными. Но глубоко внутри они не прямо противоположны, но взаимодополняющи. Восточный человек создал очень тонкое эго – религиозное эго, но это та же игра. На Западе оно более проявлено, и причина в том, что Запад – это новое явление.

Настоящий западный ум есть лишь побочный продукт этих трехсот лет научного воспитания. Восток существует, по крайней мере, десять тысяч лет; и он научился более лучшим путям сотворения эго. Он стал очень-очень хитрым и умным.

Запад немного ребячлив, а Восток стар, и ему присуща вся хитрость старика. Но, усиливаете ли вы эго или ослабляете, абсолютно очевидно одно: что вы оба приняли его существование, его реальность.

Вот что не так: оно нереально. Вам не нужно его усиливать, вам не нужно его ослаблять. Нужно лишь проникнуть в суть его функционирования, и само это озарение растворит его. И оно останется тогда лишь как тень – средство для речи, не имеющее экзистенциальной истины в себе. Тогда вы можете его использовать, но оно не использует вас.

...а затем, после всех этих трудов,
ты откроешь свои глаза
и увидишь свою самость сквозь присущие только ей недостатки,
бродящую вокруг самой себя, как вол вокруг жернова;
но если однажды, освобожденный от нее,
ты окончательно оставишь свой труд,
дверь откроется тебе в течение двух минут.

Да, она откроется в течение двух минут. Почему двух минут? Почему не одной минуты? Это метафора, суфийская метафора: одна минута для вас, одна минута для Бога. Одна минута для вас, чтобы открыться, и одна минута для него, чтобы войти в вас. Несомненно, эти две минуты – не две минуты, но две стороны одной медали. Здесь вы исчезаете – и там немедленно появляется он.

Бог не будет твоим,
пока ты цепляешься за душу и жизнь:
ты не можешь иметь обоих – и то, и это.
Растирай свою самость месяцы и годы до конца,
оставь ее мертвым, – и когда ты закончишь с этим,
ты достигнешь вечной жизни.

Бог не будет твоим,
пока ты цепляешься за душу и жизнь...

Пока вы цепляетесь за идею отдельности, за то, что «Я отделен от существования», Бог не будет вашим, потому что Бог – в единстве с существованием: *unio mystica*, *мистический союз*. Бог есть, несомненно, единство. Бог – это не личность, но единство.

Когда река встречается с океаном, эта точка встречи есть Бог. Когда двое влюбленных растворяются друг в друге, это растворение есть Бог. Когда художник затерялся в своей картине, этот момент – Бог. Бог – это пространство, где двойственности растворяются, исчезают, и появляется единство.

Известная даосская история гласит, что великий император попросил величайшего художника своей страны нарисовать на стене своей спальни вершины гималайских гор.

– Нарисуй Гималаи, – он был любителем Гималаев.

Художник работал два или три года, и когда картина была закончена, он попросил короля прийти и посмотреть.

Покров, укрывающий стену, сняли. Император был просто перенесен в другой мир. Он много раз был в Гималаях, он любил горы, но художник превзошел реальность. Он смотрел, и смотрел, и смотрел. Он был так удивлен, что не мог вымолвить ни единого слова в течение многих минут.

Затем он вдруг сказал:

– Но я был в тех местах. Я никогда не видел этой тропинки, что идет вокруг гор. Где ты взял идею этой тропинки?

И история говорит, что художник сказал:

– Я, право, не знаю,. Позволь мне пойти и посмотреть.

И он вступил на тропинку и исчез за горой – на картине! – и никогда не вернулся снова.

Странная история, невероятная. Как вы можете войти в картину и никогда не вернуться вновь? Но в этом – безмерная значимость. Это не историческое событие, но мифологическое, поэтическое, которое говорит о многом.

Оно говорит, что художник может исчезнуть в своей картине; только тогда он – художник. Поэт может исчезнуть в своей поэзии; только тогда он поэт. Если он не может исчезнуть в поэзии, тогда его поэзия просто мусор. Если он не может исчезнуть в своей картине, то он может знать все техники рисования, но он не великий художник. Он может быть техником, он может знать о красках и холсте всё, он может знать, как рисовать, но в нем нет подлинного гения. Его картина есть нечто отдельное от него: он еще не нашел единства со своей картиной.

А всегда, когда найдено единство, найден Бог.

Вот почему я говорю, что к Богу есть столько же дверей, сколько и людей. Все, что нужно – это потеряться в том, что вы делаете – что бы вы ни делали! – будьте так наполнены этим, чтобы ничего не осталось позади. В этом самом мгновении есть Бог. Бог – это *unio mystica*: мистический союз.

Бог не будет твоим,
пока ты цепляешься за душу и жизнь...

Если вы цепляетесь за свое отдельное существование, если вы цепляетесь за вашу отдельную жизнь, Бог не будет вашим – потому что Бог – это единство.

...ты не можешь иметь обоих – и то, и это.

Вы не можете иметь одновременно и отдельность, и единство; это невозможно. Это невозможно по самой природе вещей. Или вы можете быть едины, или вы можете оставаться отдельными.

Растирай свою самость месяцы и годы до конца,
оставь ее мертвым, – и когда ты закончишь с этим,
ты достигнешь вечной жизни.

Есть парадокс: когда вы больше не заинтересованы в вашей отдельной жизни, в вашем отдельном бытии, вы получите вечное существование, и вы получите вечную жизнь. Вы можете исчезнуть как маленький огонек свечи, но вы станете солнцем всех солнц. Вы можете исчезнуть как капля, но вы станете океаном.

Оставайся незатронутым надеждой и страхом.
Для взгляда не-существующего мечеть и церковь – одно;
Для понявшего тень – небеса и ад подобны.
Для того, чей проводник – любовь,
вера и безверие, оба – туман,
скрывающий дверь к другу;
само его существо – туман,
скрывающий сущность Бога.

Оставайся незатронутым надеждой и страхом.

Как войти в это мистическое единство? Что сохраняет вас отдельным? Что разделяет вас? Все хотят убежать от страха, но никто не хочет убежать от надежды – а страх – это часть надежды, другая сторона надежды. Так что, если вы хотите сохранить надежду, страх входит через заднюю дверь. Все хотят отбросить всякую боль, но никто не хочет отбросить наслаждение, а боль – это часть наслаждения. Вы хотите быть счастливыми, вы не хотите быть несчастными, но несчастье есть часть счастья.

Осознайте, взгляните на эту двойственность. Любовь и ненависть – вместе, рождение и смерть – вместе. Пойдите и понаблюдайте это в вашей жизни: всё, что бы вы ни нашли, есть часть своей противоположности. И проблема, дилемма, в том, что мы хотим отбросить одну половину и оставить другую половину, Это невозможно: вы не можете отбросить одну сторону монеты и сохранить другую половину. Вы должны или сохранить обе, или отбросить обе; вы не можете выбрать одну. Или выберите всю монету, или отбросьте всю монету.

Вы хотите любить, но вы не хотите ненавидеть – это невозможно.

Теперь эта древняя истина стала также частью современных психотерапий. Современная психология также согласна с той истиной, что любовь и ненависть – не две разные вещи. Несомненно, использовать два слова по отдельности с предлогом «и», разделяя их,

неправильно; это может быть правильно грамматически, но экзистенциально это неправильно.

Так что те, которые более бдительны, более осознают это явление, стали использовать одно слово: «любовь-ненависть». «Любовь и ненависть» – неверно; тогда некоторые психологи стали использовать «любовь-ненависть» с дефисом; сейчас более понимающие отбросили даже дефис, поскольку нет даже дефиса, существующего между двумя. Любовь-ненависть – просто одно слово. Надеждастрах – это одно слово, рождениесмерть есть одно слово.

Все, что вы должны помнить – то, что двойственности не есть двойственности. Тогда будет понято нечто безмерно важное. Теперь, если вы хотите, вы можете сохранить оба – но кто хочет сохранить ненависть, кто захочет сохранить смерть, кто захочет сохранить страдание? Тогда отбросьте и то и другое.

В этом исчезновении исчезает барьер между вами и реальностью – потому что, когда отброшены все двойственности, вы начинаете падать в единение с существованием.

Бог един, вы двойственны – в этом проблема. Когда вы отбрасываете двойственность, вы тоже становитесь единым.

Оставайся незатронутым надеждой и страхом.
Для взгляда не-существующего мечеть и церковь – одно...

Наблюдайте – мы создали двойственности везде: мечеть и церковь, Коран и Библия, индуист и христианин. Мы создали так много двойственностей. Есть естественные двойственности, как любовьненависть, и есть неестественные двойственности, как католик и коммунист, как Кремль и Кааба. Мы создали много – имеются двойственности естественные и двойственности, созданные людьми; мы окружены двойственностями. А существование недвойственно.

В то мгновение, когда вы отбрасываете выбор между двумя, в то мгновение, когда вы становитесь невыбирающим, в то мгновение, когда вы остаетесь невыбирающем сознанием, внезапно случается великое озарение. Тогда несущественно, живы вы или мертвы, ведь все – одно. Несущественно, достигли ли вы успеха или потерпели поражение, все – одно. Несущественно все случающееся с вами, ведь ваше глубочайшая сущность всегда остается превыше всего, что происходит. Тогда вы ни грешник и ни святой.

Люди дао, дзен, суфии никогда не называют своих Мастеров святыми – никогда; они называют их мудрыми. И они подчеркивают огромную разницу между святым и мудрым. Святой всегда против грешника, святой – часть двойственного мира. Мудрец – это тот, кто отбросил всю двойственность; он не против грешника, он ничего не знает о грешнике и святом, он никто.

Поэтому очень трудно понять мудреца. Очень просто понять святого; святой находится внутри вашего понимания, потому что он живет в том же мире двойственности, в котором живете вы. Вы можете понять грешника и святого – обоих. Но чтобы понять мудреца, вы должны будете выйти за пределы двойственности.

Легко понять грешника, легко понять святого. Один выбрал темную сторону жизни, а другой выбрал светлую, но оба делают выбор. А в момент, когда вы делаете выбор, – вы в оковах.

Свобода – это невыбирание. Мудрый не выбирает: он живет от мгновения к мгновению, без всякого выбора. Он позволяет жизни течь через него. Он позволяет Богу делать все, что в его воле; у него нет собственной воли.

У святого есть своя собственная воля, иногда намного сильнее, чем у грешника. Вот почему сказано о грешниках, что они слабые люди, что у них много слабостей, что они – жертвы человеческих слабостей. А святой – сильная личность, человек с силой воли. Если это так, тогда грешник ближе к Богу, чем святой, потому что меньшая сила воли означает меньшее эго.

Это также и мой опыт. Я видел и тех и других, наблюдал как святых, так и грешников. Грешники более невинные, чем святые. Святые очень хитры, очень умны, настоящие лицемеры. Грешник прост, невинен, подобен животному.

Мудрый тот, кто отбросил обоих – грешника и святого, кто просто живет – спонтанно, естественно. У него нет идеи, как прожить жизнь. Он не беспокоится о грехах и не практикует добродетели. Он невинен, как ребенок.

Мои саньясины должны всегда помнить, что я не создаю здесь святых, вовсе нет. Мир так сильно обременен святыми, они создали в мире так много суматохи. Они разрушили естественность человека, они сделали человека фальшивым. Я за мудрых, а не за святых. А осознание-в-мудрости есть только тогда, когда отброшена двойственность, отброшен выбор. Человек должен сдаться Богу – течь с рекой, не иметь больше никаких личных целей. Он просто чувствует себя частью целого. «Куда бы ни шло целое, я иду туда же. Если оно никуда не идет, и я не иду никуда. Я абсолютно сонастроен с целым». Это – состояние мудреца.

Оставайся незатронутым надеждой и страхом.

И вы станете мудрыми.

Для взгляда не-существующего мечеть и церковь – одно...

Мудрец есть не-существующий; он не существует как отдельная сущность. Поэтому мудрец не делает различия между мечетью и храмом, церковью и *гурудваром*. Для него это одно и то же; все дома – дома Бога, даже обычные дома – это храмы.

Для взгляда не-существующего мечеть и церковь – одно;
для понявшего тень – небеса и ад подобны.

Только эго думают о небе и аде. Те, кто отбросил свое эго или понял, что эго нет, но есть просто тень – для тех нет ни ада, ни небес. Снова запомните: небеса и ад – не два слова; мы должны использовать одно слово – небоад.

Для того, чей проводник – любовь...

А в этом состоянии отсутствия выбора вашим проводником становится любовь. В безвыборности любовь начинает переливаться через край.

Для того, чей проводник – любовь,

вера и безверие, оба – туман...

Мудрец – не верит и не не верит. Он просто живет самой обычной жизнью. Он совершенно обычен: когда он голоден, он ест; когда ему хочется спать, он спит. Он ничего не возложил на себя, у него нет идеалов. Он ни верит, ни не верит; он об этом молчит.

А что такое ваша вера? Просто подавленные сомнения. Взгляните в каждую из ваших вер – и глубоко, на дне, вы найдете ее прямую противоположность: великое сомнение. Чем больше сомнение, тем большую энергию вы должны вложить в вашу веру.

Когда кто-то говорит: «Я глубоко верю...», это просто показывает, что он глубоко сомневается. Фанатики – величайшие из сомневающихся. Они *должны* быть фанатиками, иначе они не смогут подавить свои сомнения. А это рождает лицемерие.

Я слышал об одном «целителе верой» из «Христианской Науки».

Был великий «целитель верой»,
Который сказал: «Хотя боль и нереальна,
Но если я сижу на иголке
И она колет мою кожу,
Мне не нравится воображать то, что я чувствую».

Так и будет. Вы можете взгромоздить на себя веры, но вы не можете так легко отделаться от реальности. Вы станете лицемером.

Для того, чей проводник – любовь,
вера и безверие, оба – туман...

Потому что любовь открывает двери сердца, а вера и безверие лишь интеллектуальны. Кто-то верит, что Бог есть: это предохраняет его от того, чтобы узнать Бога, потому что он уже верит, без знания Бога, в то, что Бог есть. Его вера неискренна, его вера неистинна, потому что он все еще не знает. Посмотрите на неискренность так называемых верующих.

И человек, который говорит: «Я не верю в Бога» – также не искренен, потому что, если вы еще не познали, как вы можете не верить?

Искренний человек будет агностиком. Он не будет выбирать; он не скажет «да», он не скажет «нет». Он останется свободным, незатронутым. Он скажет: «Я буду искать. Я пойду в себя так глубоко, как могу, так тотально, как могу. Я растаю в существовании, я отброшу это разделение и увижу, что происходит, возможен ли союз или нет. Если это случается, я узнаю; если это не происходит, я узнаю».

Но помните, когда вы не знаете, вера не важна. Когда вы знаете, и тогда вера не важна. Когда человек знает, он знает; не возникает вопроса о вере.

...вера и безверие, оба – туман,
скрывающий дверь к другу...

Утверждение Санаи имеет огромное значение. Как вера, так и безверие, как атеист, так и теист ушли в сторону – они продолжают удаляться от Бога.

Двери божьи открыты только для сердца тех, кто не верит, кто не не верит, кто просто открыт. Верящий или не верящий ум – это ум закрытый, он уже набрал предрассудки. А если вы набрали предрассудки, вы отравлены другими. Осознайте это.

Ваши родители отравляли вас, ваши политики и ваши священники, ваши учителя – все отравляли вас. Они давали вам свои верования. Почему каждый хочет навязывать свои верования другим? Потому что, если кто-то начал верить так, как верите вы, он становится вашим рабом. Вы чувствуете себя хорошо: ваше господство стало больше, ваши владения расширились, еще один человек стал частью вашего господства.

Родители набрасываются на своих детей, когда они очень молоды. Священники постоянно беспокоятся, чтобы завладеть умами детей в как можно более раннем возрасте, чтобы они могли навязать свои верования чистому детскому сознанию. А ребенок так беспомощен: он даже не может сказать «нет», он не знает, как сказать «нет». Он не может сопротивляться, он не может бороться против них. Это очень недемократично; вся эта религиозная ерунда, которая продолжается, очень недемократична.

Если бы демократия в самом деле случилась бы в этом мире, священникам и родителям нужно было бы запретить навязывать свои верования детям. Детей нужно бы оставить в покое; лишь когда они становятся взрослыми, они могут сами задавать вопросы.

Да, давайте им жажду истины, но не давайте им верований. Давайте им страстное желание спрашивать, но не давайте им концепции. Давайте им медитативность: говорите им, как быть молчаливыми, говорите им, как сидеть, ничего не делая, как оставаться незанятыми. Говорите им все это, потому что это не верование; но не говорите им, во что верить, а во что не верить. Не делайте их христианами, индуистами и мусульманами.

Сделайте их медитативными, вот и все. Помогите им стать более интеллигентными, отточите их интеллигентность, чтобы когда они смогут жить сами по себе, когда они станут достаточно зрелыми, они были бы способны найти свой путь. Они смогут найти свой путь к Богу.

И это будет очень легко. Миллионы людей могут достигнуть Бога, это наше прирожденное право. Но мы не достигаем его, потому что перед тем, как достичь Бога, мы уже нагружены таким количеством верований. И все эти верования неискренни – они разрушили наше вопрошание, они разрушили нашу открытость, мы стали закрытыми.

Дверь к другу закрыта из-за наших верований и не верований.

Само его существо – туман,
скрывающий сущность Бога.

Сама идея «я есть» скрывает суть Бога. А верования и не верования очень важны для эго, это помощники эго. Просто подумайте: если вы не индуист, и не мусульманин, и не христианин, то часть вашего эго уже исчезла. Если вы не верите в Библию, и не верите в Коран, и не верите в Капитал, – то другая часть исчезла. Все это питает наше эго.

Просто подумайте на мгновение: если бы у вас не было никаких верований и не верований, в вас бы создалось чистое пространство. В начале это могло бы пугать, потому что вы так долго не знали его, вы полностью забыли, что когда-то оно было вашим пространством.

Когда вы родились, вы родились как *табула раса* – чистыми, ясными, просто пространством. Вы родились как пустое небо. А затем собрались многочисленные облака, и все пространство, ясность и открытость были утеряны.

Саньяса означает создать это пространство вновь.

Как раз недавно женщина написала мне письмо. Она католичка, и из-за того, что она не пошла в церковь в прошлое воскресенье, она чувствует вину и очень напугана. Теперь она хочет принять саньясу и боится, что случится с ее католическим воспитанием, церковью и священниками.

Я могу понять ее страх, он естественен. Но никто не рождается как католик или протестант; нас научили этому.

И помните, Богу нельзя научить. Религии нельзя научить, ее нужно поймать, ей нельзя научиться. Быть католиком – это просто быть глупцом. Если вы можете где-то найти Христа, будьте с ним всеми возможными путями, будьте с ним тотально, не упускайте эту возможность – потому что с ним можно получить религию. Но ни один католический священник не может преподать ее вам, ни одна церковь не может дать ее вам.

Вам нужно быть в соединении с живым Мастером. Если вы можете найти Христа, будьте с ним, если вы не можете найти Христа, будьте с Буддой; если вы не можете найти Будду, будьте с Мухаммедом, – но найдите кого-то живого. И вы удивитесь – с Буддой ли вы, Христом, Мухаммедом или Санаи – это не имеет значения. Вы поймаете ту же религию. Это тот же Бог. Если вы здесь, вы можете поймать это вместо того, чтобы думать о том, чтобы ходить в церковь, где священник просто повторяет то, что сказали ему другие, где он функционирует лишь как механизм. У него нет своего собственного озарения. Он верующий, он даст вам свою веру. Но вера – это не религия. Вам нужно будет поймать религию. Ее нужно вдохнуть.

Счастливы были те немногие люди, которые жили с Иисусом. Но все те, кто ходит в церкви – просто несчастны. Счастливы те немногие люди, которые жили с Буддой, но те, кто называет себя буддистами, потому что их научили быть буддистами, – они просто несчастны, потому что из-за их так называемых верований они не могут искать живого Будду.

Я хотел бы сказать этой женщине: «Если вы саньясин, это приведет вас к Христу ближе, чем что-либо другое. Форма может отличаться, но суть та же самая. Мой язык отличен от Иисуса, моя форма отлична от Иисуса, то, как я работаю, отлично от Иисуса. Но суть та же самая, цветение то же самое».

Когда вы здесь – вы с Иисусом. Когда вы становитесь саньясином, вы уже в самом деле вошли в мир сознания Христа. Это не церковь; церкви возникают лишь когда Мастера уходят, церковь – это мертвая религия.

И ловите Бога, когда он жив, живет в таком же теле, как вы. Эти мгновения редки; лишь очень немногие счастливые люди способны это делать, потому что всем мешают верования. Кто-то католик, он не может сюда прийти, кто-то протестант – и не может сюда прийти, кто-то – индуист, он не может сюда прийти; их верования мешают им. Кто-то коммунист, он не может сюда прийти.

И когда здесь был Иисус, все было так же: из-за того, что кто-то был иудеем, он не мог идти к нему. Так же обстояло дело, когда Мухаммед был здесь: кто-то был христианином, а кто-то иудеем, и они не могли идти к нему. Вот как люди продолжают упускать.

Религия должна быть впитана из живого источника.

Пока ты не отбросишь свой меч прочь,
ты не станешь щитом;
пока ты не отложишь свою корону в сторону,

ты не сможешь показывать путь.

Очень важное, несущее многое утверждение.

Пока ты не отбросишь свой меч прочь...

Этот меч представляет ваш поиск безопасности, ваше желание защиты. Все ищут безопасность, хотят быть в безопасности. И из-за этого глупого поиска безопасности и надежности вы упускаете Бога, вы упускаете жизненность, потому что безопасность возможна только если вы почти мертвы. Чем более вы мертвы, тем в большей вы безопасности.

Если вы хотите жить, есть опасность: жизнь означает опасность. Есть лишь один путь жить. Фридрих Ницше сказал: «Живите в опасности». И это единственный путь жить: вам надо жить в опасности.

И красота опасности в том, что если вы стали достаточно храбры, чтобы жить в опасности, из жизни исчезает вся опасность. Алан Уоттс назвал это «безопасностью опасности».

Существует что-то подобное опасности безопасности. То, что вы считаете безопасным, таким не является; глубоко внутри есть скрытый поток опасности. У вас деньги в банке – но банк может обанкротиться: что это за безопасность? У вас сильное тело, но даже сильное тело может заболеть: у вас может быть сердечный приступ, и раньше или позже смерть овладеет вами. У вас прекрасное тело, но через мгновение оно может стать уродливым. Может произойти дорожное происшествие или что-то подобное. У вас есть прекрасная женщина, которая любит вас, но завтра она может влюбиться в кого-то еще. Если она может любить вас, почему она не может любить кого-то еще?

Вы кого-то любите сегодня, а завтра? Кто знает... Все небезопасно. Вы только притворяетесь, что все безопасно. Ваша безопасность – это лишь камуфляж. За ним все небезопасно. Ваши друзья могут стать врагами, ваши братья могут предать вас; ничто не безопасно.

Поэтому сначала увидьте, что вся наша безопасность поверхностна, это фасад. За ней есть опасность. И наоборот: если вы начинаете жить в опасности, вы удивитесь: опасность будет лишь фасадом, а глубоко внутри вы будете в безопасности.

Как это происходит? Когда вы отбрасываете страх опасности, она исчезает, она существует из-за страха. Вместо того, чтобы бояться ее, вам нужно начать наслаждаться ее вызовом – потому что опасность зовет к приключениям, несет вам новое удивление, это постоянное приключение с неизвестным, это великое воодушевление: оно несет вас от неизвестного к неизвестному каждое мгновение, всегда есть удивление, и каждое мгновение вашей жизни становится непредсказуемым.

Санаи говорит:

Пока ты не отбросишь свой меч прочь...

Меч представляет собой безопасность.

...ты не станешь щитом...

Если ты будешь нести в своих руках меч, боясь, защищая себя, ты останешься незащищенным, ты не станешь щитом. Выброси меч! И немедленно ты станешь щитом. Выброси страх опасности, выброси желание быть в безопасности – и ты там.

Вся безопасность в Боге, с Богом, с целым. Если ты существуешь отдельно от целого, ты в опасности, если ты забываешь о себе, если ты сливаешься с целым – ты в безопасности. В этом единстве ты в безопасности: ты становишься щитом...

...пока ты не отложишь свою корону в сторону,
ты не сможешь показывать путь.

И это основное зло: поиск безопасности. Торговать стремлением к выживанию – это, в самом деле, зло. Ум заинтересован только в выживании. Эго постоянно стремится к выживанию. Ум хочет оставаться в безопасности всеми возможными путями, из-за этой одержимости безопасностью он развращает вас, парализует вас. А торговать стремлением к выживанию есть фундаментальное зло.

Отбросьте этот страх опасности, любите ее, потому что опасность есть жизнь. Не живите из страха, потому что тот, кто живет из страха, на самом деле, не живет, он только произрастает. Те, кто живет из страха, постоянно фокусируются на смерти. Страх означает страх смерти: весь страх может быть сведен к страху смерти. А те, кто фокусируется на смерти, продолжают упускать жизнь, потому что как вы можете наслаждаться жизнью, если вы постоянно думаете о смерти?

Если человек боится приключений, он будет оставаться закрытым. Он будет жить почти как в могиле. И тогда страх будет преследовать его везде. Разные страхи будет мучить его, он станет параноиком. Он вообще не будет способен жить, он будет, в лучшем случае, выживать. Он только выживает, он не живет.

Вам нужно отбросить этот страх – потому что он саморазвивается; он становится все больше и больше, и он засасывает вас в свою трясину.

Смерть души – это
разрушение жизни;
но смерть жизни –
это спасение души.

Не бойтесь умереть как эго – потому что в то мгновение, когда вы умираете как эго, вы рождаетесь вновь. Пусть эго будет распято – и вы воскреснете. Смерть эго есть спасение души.

Вот что Иисус имеет в виду, когда он говорит: «Те, кто спасает себя – проиграют. А те, кто готов потерять себя – спасутся».

Никогда не останавливайся в пути:
стань не-существующим – не-существующим
даже в представлении о том, как становиться не-существующим.

Помните: эго не должно прятаться за вашей смиренностью. Станьте настолько несуществующим, что даже идея, что «я не существую», исчезнет, потому что это вновь игра эго.

Ученик подошел к Мастеру и сказал:

– Мастер, теперь я понял тебя; прошли долгие годы усилий и медитации, и теперь это случилось: я достиг ничто. Я пришел, чтобы поблагодарить тебя.

Мастер вышвырнул его из комнаты и сказал:

– Убирайся, и во-первых, выброси и это ничто, не вноси сюда ничто!

Потому что вы стали ничем, нет никого, кто бы провозглашал: «Я стал ничем». Если вы все же провозглашаете, вы есть – эго выучило новый трюк.

А когда ты покинул оба ночлега –
индивидуальность и понимание –
этот мир станет тем.

Когда вы исчезли как индивидуальность, когда вы уже не думаете в терминах отделения, кто же тогда может понимать или не понимать? Вы стали невинны.

И в самой этой невинности исчезает этот мир и появляется тот. Это не два мира, это – один мир. Видимый через идею отделения – это сансара: Это этот мир – обыденный, тщетный, бесплотный. Рассматриваемый с точки зрения единства, не отделения, тот же мир трансформируется: теперь это – тот мир: нирвана, просветление, мокша, Бог.

Когда глаз чист,
он видит чистоту.

А эго – это нечистота. Отбросьте все верования и не-верования, отбросьте эту идею отдельности.

Помните это: путь видения есть также путь не-видения. То, что вы фокусируетесь на объекте А, включает также, что вы отрицаете объект Б. «Чистота взгляда» означает то, что у вас нет предубеждений. Путь видения есть также путь не-видения. Поэтому, если вы индуист, вы видите с одной стороны, а если джайн – с другой. Путь видения есть также путь не-видения. Когда вы сфокусированы на одном, вы обязательно отрицаете другое.

А истина неделима. Поэтому отбросьте все пути видения, все отношения, верования, не-верования, концепции, философии. Просто видьте. Будьте зеркалом, чтобы все, что есть, отражалось в вас.

Это – Бог, это – истина. Это не вопрос вашего выбора. Он отражается только когда вы в невыбирающем состоянии сознания.

Расстанься со своей самостью...

Такова тайна суфизма. Вся философия выражена в двух словах.

Расстанься со своей самостью...
пока ты видишь свою самость как грязное пятно,
ты не способен достичь того места;
самость никогда не вдохнет того воздуха –
так иди своей дорогой без нее.

Вы не можете войти в Бога как самость. Вы можете войти в Бога только как не-самость – то, что Будда называет *анатта*, не-эго.

Если вы в самом деле хотите Бога, вам нужно исчезнуть. В этом проблема: люди хотят Бога, но они не хотят исчезать. Они хотят обладать Богом так, как они обладают другой собственностью. Вследствие этого они могут продолжать искать тысячи жизней, но они не найдут Бога, потому что они не выполняют основного требования.

Оно таково:

Расстанься со своей самостью...

И сразу же Бог начинает изливаться на вас, мгновенно. Весь мир становится светящимся; сразу же все празднует. Помните этот ключ Хакима Санаи. Это ключ Мастера: он может открыть двери всех тайн.

Расстанься со своей самостью.

МЫ ВСТРЕТИМСЯ ВНОВЬ

Первый вопрос:

Любимый Ошо, Иисус учил своих последователей возлюбить ближнего своего как самого себя. Можешь ли ты рассказать о своих взглядах на заботу, сострадание и службу обществу?

Анна, утверждение Иисуса очень важно, но его последователи совершенно не поняли его. Позволь мне повторить его. Иисус говорит: «Возлюби своего ближнего как самого себя». Фундаментальный вопрос в том, любишь ли ты себя или нет. Ты можешь любить своего соседа, только если ты любишь себя; ты можешь любить своего ближнего, только если ты любишь себя.

Христианство учило вас любить своих ближних, но основное полностью забывалось – и не только забывалось, но делалось как раз противоположное. Людей учили осуждать себя – как же они могут себя любить? Их учили, что они грешники – как же вы можете любить себя, если вы чувствуете, что вы грешник?

Христианство создает в людях огромное чувство вины, а если вы виноваты, вы не можете любить себя, вы будете себя ненавидеть, вы захотите себя уничтожить. Вот что так называемые христианские святые делали веками – разрушали себя. Из чувства вины может возникнуть лишь разрушение, из чувства вины возникает лишь самоубийство. А они продолжают учить: «Возлюби своего ближнего как самого себя». Вы никогда не любили себя – невозможно любить своего ближнего.

Поэтому я не учу любить своего ближнего как самого себя. Мое учение просто: любите себя. И мой опыт таков, что если вы станете способными любить себя, любовь к ближнему придет сама: ее не нужно привносить, ее не нужно практиковать. Любая практикуемая любовь создает лицемерие.

Поэтому я полностью отбрасываю вторую часть этого утверждения. Забудьте о ближнем, просто любите себя. И вы удивитесь: в тот день, когда вы расцветете, аромат вашего цветка обязательно донесется до ближних. Куда еще ему распространяться? Когда вы полны любви к себе, любовь начинает изливаться. Она достигает ближнего, она достигает самых отдаленных звезд.

И это случается само по себе. Вам не нужно думать об этом, вам не нужно создавать это, это вас не заботит. Просто любите себя, дружите с собой, и вы будете удивлены: человек, который любит себя, не может никого ненавидеть.

Говорят, что когда великая женщина-мистик, Рабия-эль-Адавия, читала Коран и встречала фразу: «Возненавидь Сатану», она сразу вычеркивала ее.

Другой суфийский мистик, Хасан, увидел, как она это делает. Он не мог поверить своим глазам: Рабия корректирует Коран? Выбрасывает слова из Корана? Это святотатство! Он сказал:

– Что ты делаешь, Рабия? Ты что, в самом деле, сошла с ума? Этого нельзя делать: Коран нельзя корректировать.

Рабия сказала:

– Что я могу поделать? Ко мне пришла любовь: теперь даже если сатана появится передо мной, я не могу делать ничего иного – лишь любить его. Во мне не осталось никакой ненависти, тьмы нет ни в одном уголке моего существа. Даже если бы я *хотела* ненавидеть, я не могу, и тут ничем не поможешь. Я должна вычеркнуть это утверждение, эту строчку, она ко мне не относится, она не может существовать, по крайней мере, в *моем* Коране.

Когда вы любите себя, вы цветете. Любовь питает вас, вы уважаете себя. Вы чувствуете благородство Бога, вы чувствуете благодарность за то, что вы были созданы, вы чувствуете, что вам очень повезло, вы чувствуете благословение. И затем приходит переполнение, и аромат начинает распространяться во все стороны.

Я не учу вас любить своего ближнего, потому что христиане учили этому две тысячи лет – и ничего не произошло. Напротив, христиане убивали своих ближних больше, чем кто-либо другой. И основное, что упускалось – это любовь к себе.

Иисус совершенно прав. Он принимает как должное то, что вы любите себя. Он не обращает внимания на священников, которые идут по его следам и продолжают интерпретировать то, что он говорит. Он не имеет ни малейшего представления о Ватикане и Папе Римском. Он принимает как данное то, что вы любите себя – а это не так. Это было бы так, если бы не было никаких искажений, веками создаваемых священниками. Человек уже не любит себя.

Вы можете понаблюдать за собой: вы уважаете себя? Как вы можете уважать себя, если вы грешник? Если вас осуждают, как вы можете уважать себя? Вы чувствуете себя никудышным.

Вся стратегия так называемых религий состоит в том, чтобы заставить вас чувствовать себя недостойным. Если вы недостойны, неустойчивы, вы теряете уверенность, вы теряете свою силу, вы становитесь слабыми. А когда вы слабы, вы подчиняетесь священнику. И вокруг вас много тех, кто вас эксплуатирует.

В страхе вы начинаете цепляться за церкви, за мечети, за храмы, в страхе вы начинаете молиться. Но молитва, приходящая из страха – фальшива. Молитва истинна, только когда в ней есть аромат любви.

Анна, *Иисус учил своих последователей возлюбить ближнего своего как самого себя.*

Но первое не может быть принято как данность. Первая часть отсутствует – отсутствует семя. Поэтому вы можете продолжать ждать, что расцветут цветы, но они никогда не расцветают. Никакое дерево не рождается.

Во-первых, нужно семя, а затем – что еще? Вы бросаете семя в почву, поливаете его, и оно растет – вам не нужно тащить его. Однажды придет весна, и дерево расцветет; это случается именно так. Но семенем должна быть любовь к себе.

Я учу вас любви к себе. И поскольку я учу вас самолюбию, вам нужно быть очень бдительными: самолюбие не означает эгоизм. Самолюбие возможно лишь если вы отбросите идею эго – таков парадокс, если вы отбросите в себе себя.

Человек, который любит себя, не может нести уродливый груз эго. Как он может нести эти горы, эти уродливые горы? Он отбрасывает эго, он становится чистым пространством.

Он любит себя настолько, что не может нести в себе эту отраву. Он становится полным света пустым пространством. И в этом пустом пространстве цветет лотос любви.

Самолюбие – это не эгоизм, самолюбие – это его отсутствие. В самолюбии остается только любовь. Тогда вы создаете поле. И теперь с вами произойдут многие чудеса, для вас нет ничего невозможного, потому что любовь – это чудо.

Ты говоришь: *Можешь ли ты рассказать о своих взглядах на заботу, сострадание и службу обществу?*

У меня нет взглядов на любовь, сострадание и службу обществу. Все мои усилия направлены на то, чтобы трансформировать индивидуальность: я полностью сфокусирован на индивидуальности. А если индивидуальность начинает светиться, тогда эти вещи происходят естественно – сострадание, забота, служение.

Если вас учат служению, состраданию и заботе, вы выучите это и будете это делать, но это останется искусственным. И не только: это будет вредить и вам, и другим. Когда человек заставляет себя служить другим, он становится эгоистичным. Он начинает думать в терминах «я святее, чем ты», он становится очень религиозным эгоистом, и ему кажется, что вы что-то ему должны, что ему должен весь мир.

Вы можете видеть, как это написано на лицах всех так называемых слуг народа. Это наибольшие обманщики во всем мире. Это источники обмана, но он происходит за закрытыми дверьми, и вы не можете поймать их. Они служат вам – и вы им должны, и они становятся вашими хозяевами. Они служили вам так много, что, если они начнут эксплуатировать вас, вы должны принять это с благодарностью. Они так долго служили вам, так много вложили в вас, что теперь их эксплуатацию нужно терпеть.

Я не учу служению – достаточно! Я учу лишь медитации. А из медитации, когда вы пришли к ней, возникает служение. Это будет естественным следствием, побочным продуктом. Служба – это не цель, но следствие, так же как и сострадание.

Будда сказал, что, когда человек достигает вершин медитации, из него изливается сострадание. Так же это подобно тому, что вы зажигаете свечу, ее свет распространяется повсюду и тьма исчезает. Когда внутри свет медитации, то вы излучаете сострадание.

И тогда сострадание несет красоту, потому что оно не эгоистично. Вам никто ничего не должен – фактически, если кто-то принимает вашу службу, вы должны. Вы служите ему, и вы чувствуете, что вы должны это делать. Вы служите ему, но вы не просите ничего взамен. Это происходит без условий. Вы по-настоящему счастливы, что кто-то принял вашу службу.

Мой акцент на индивидуальности, а не на обществе. Настоящая революция случится с человеком, а не с обществом. Все социальные революции провалились, потерпели неудачу. Они были обречены на неудачу. Преобразиться может лишь человек, потому что лишь у него есть душа, сознание, осознанность.

Общество, социум не имеет души, в самом деле, оно и не существует – вы когда-нибудь его встречали? Если вы встречаете кого-то, вы встречаете индивидуальность, вы встретите А, можете встретить Б, но вы никогда не встречаете общество.

Вы встречаете людей, но вы никогда не встречаете человечество. Слово «человечество» пусто, так же, как слово «общество». Но эти слова стали такими сильными, потому что веками они гипнотизировали нас. Общество, страна, родина, человечество – все это выдуманные слова. Реальность только одна – индивидуальность.

Если только человек станет светящимся, мир выиграет. Пришло время забыть о социальной революции и службе обществу, это время наступило. Мы должны стать более зре-

лыми и подумать о реальности, как она есть. Человек существует, поэтому он может быть преображен.

Я не социальный революционер, и я также не служу обществу. И мои саньясины не должны становиться социальными революционерами и слугами общества – нет, совсем нет. Единственное, что вам нужно делать – следующее: больше любите себя, радуйтесь и празднуйте. И из этого празднования произойдет нечто чудесное: служение людям, сострадание, забота о людях.

Вопрос второй:

Я контролировал и дисциплинировал свою сексуальную жизнь годами, но все же я очень ею интересуюсь. Почему?

Именно поэтому. Это так просто, так очевидно. Вы остаетесь одержимы ею – иначе зачем контролировать ее, к чему угнетать ее? Что такое контроль, как не подавление?

Вы становитесь привязанными к этому, это привязанность. И с течением времени она углубляется. Конечно, она негативна, поэтому возникает вопрос. Вы были против этого, поэтому вы думаете: «Почему я все еще интересуюсь?»

На самом деле, если вы негативно привязаны к чему-то, ваша привязанность с течением времени будет углубляться; она никогда не кончится. Если вы привязаны позитивно, есть возможность, что она кончится, потому что опыт освобождает. Если вы узнали секс, то вы уже покончили с ним, потому что это детское занятие, он не имеет той силы, которую создает отрицательная привязанность.

Секс сам по себе не очень силен. Он кажется таковым, потому что нас учили быть против него: наш антагонизм дает ему силу. И чем больше вы против него, тем меньше у вас опыта, а чем меньше у вас опыта, тем больше возникает желание испытать это.

Фактически, монахи интересуются сексом до самой смерти: они умирают, думая о сексе и ни о чем больше – это простая психологическая истина. Но вопрос возникает потому, что мы думаем о привязанности только как о позитивной привязанности.

Привязанность имеет две формы – позитивную и негативную. Негативная намного глубже, чем позитивная, потому что с негативной нельзя покончить. Позитивная привязанность изнашивается, уменьшается. Вы узнали секс и его опыт: мало-помалу вы начинаете понимать, что в нем ничего нет. Это лишь биологическая потребность, она ничего особенного вам не дает. Постепенно вы осознаете, что это лишь простое повторение.

Я не учу, чтобы вы начали думать, что это простое повторение. Если вы думаете, не понимая, эта мысль будет подавлением, это будет негативной привязанностью. Я не призываю вас судить это, суждение возникает само по себе.

Но когда вы негативно привязаны к чему-то, вы продолжаете избегать этого. Когда вы испытаете это? И чем больше вы избегаете, тем более свежим и молодым будет ваше желание. И чем больше вы подавляете его, тем больше оно уходит в ваше подсознательное и охватывает вас у самых корней. Из листьев оно идет к корням. У листьев была возможность увядания, потому что были открыты солнцу, опыту, жизни. Когда же оно достигло ваших корней, глубоко внизу, оно уже не может испариться.

Привязанность есть прямое следствие «отдачи-сопротивления». Когда вы отдаетесь чему-то, или сопротивляетесь чему-то, или ненавидите что-то, или отождествляете себя с чем-то, вы становитесь привязаны к этому. Помните, говорить «да» есть привязанность-

отдача. Говорить «нет» есть привязаность- сопротивление. Вторая привязанность намного глубже.

Вот почему дружба не так велика, как вражда. Дружба так себе, прохладна. Вражда очень страстна, очень горяча. Вражда живет долго, годами, кажется, ее нельзя изжить. Дружба увядает.

Ты спрашиваешь: «Почему я все еще интересуюсь?» Ты будешь этим интересоваться до самого конца.

Отбрось свое сопротивление, отбрось негативную привязанность, иди в опыт секса. Не бойся, здесь нечего бояться. Он не так важен, чтобы тебе бояться его. Когда ты боишься, ты делаешь его больше. Это не такое большое дело, это лишь маленькое биологическое явление.

Священники его очень преувеличили. Вся ответственность лежит на них: они сделали все человечество сексуальным, очень сексуальным. Без священников в мире не было бы порнографии, не было бы проституции, не было бы непристойности. Они являются основной причиной.

Но понять это очень трудно, потому что они против всего этого: если вы послушаете их, они против всего этого. Естественно, вы будете думать, что если они против, то как они могут быть источником этого? Но именно они являются источником. То, что они против, создает большую заинтересованность, большое притяжение.

Позвольте священникам исчезнуть, и вы удивитесь: сексуальность исчезнет. Секс будет, но секс – вещь маленькая; сексуальность – это одержимость.

Доктор Кинси производил опрос группы мужчин о том, сколько раз они вступают в связь с противоположным полом.

В ответ на его вопрос несколько человек подняли руки, сказав, что они занимаются сексом каждую ночь; некоторые сказали, что они вступают в связь десять раз в месяц; маленькая группа сказала, что они делали это четыре раза в месяц.

Наконец, все ответили, кроме одного человека, сидящего в углу. Мистер Кинси подошел к нему:

– Хорошо, а кто занимается сексом лишь один раз в год?

– Я, я, – вскрикнул человек, размахивая рукой и отчаянно улыбаясь.

– Прекрасно, – сказал мистер Кинси, – но почему вы так рады?

– Потому что это сегодняшняя ночь!

Если вы будете угнетать себя целый год, это естественно. Сколько лет вы контролировали свой секс? Даже улыбки во весь рот недостаточно. Вы будете улыбаться от кончиков пальцев до головы.

Поэтому не контролируйте, потому что любой контроль означает контроль вашего эго. Я учу вас не контролю: оставайтесь естественными. Контроль делает вас ненатуральными, искусственными. Оставайтесь естественными, расслабьтесь. Что бы Бог ни дал вам – секс, любовь, что угодно – примите это как дар и идите в это, идите медитативно, идите в это очень сознательно, чтобы вы могли видеть, что это, чтобы вы могли научиться чему-нибудь.

И однажды секс исчезает. И этот день очень важен, потому что вы биологически свободны. Эта свобода не достигается через контроль; эта свобода достигается через понимание, осознанность, свидетельствование.

Третий вопрос:

Ошо, ты против всех других гуру?

Кто же тогда говорил о Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы, Бахауддине, Ринзае, Бокудзю, Миларепе, Тилопе, Сарахе, Кабире, Мире, Иисусе, Будде, Махавире? Кто же тогда говорил обо всех этих гуру, если я против них? Никогда раньше не было такого человека, который говорил о стольких Мастерах, и я не думаю, что такой появится когда-нибудь вновь.

Но, конечно, я против некоторых гуру – не потому, что они гуру, но потому, что они не гуру: они притворщики. И я говорил не только о древних Мастерах, я говорил также о Рамане Махарши, Рамакришне, Гурджиеве, Кришнамурти – я говорил также и о современных Мастерах.

Я, конечно, против тех, кто просто притворяется, тех, кто не знает сути. Но в этом смысле и Иисус был против многих раввинов, а Будда был против многих браминов. В этом смысле каждый Мастер всегда был против фальшивого, псевдо, в этом нет ничего нового.

Но, возможно, ты привязан к таким людям, как Сатья Саи Баба или Муктананда, и тебя это ранит. Это твое понимание. Сатья Саи Баба и Муктананда, с моей точки зрения, не являются гуру. И я очень удивлен: когда я вижу, что даже такой человек, как Муктананда, может иметь учеников, я не могу поверить, как низко пало человечество. Это проявление великой глупости.

Если у Муктананды есть ученики, тогда у каждого в мире могут быть ученики. Это просто показывает, что люди полностью забыли, что означает быть учеником и что означает быть Мастером. Кажется, что потребность людей так велика, что, что бы они ни получили, они готовы следовать этому. Люди находятся в таком невротическом состоянии, что идиоты могут притвориться и стать Мастерами.

Быть Мастером – это цветение интеллигентности; разве вы видели хотя бы ее следы у таких людей, как Муктананда? Но это происходит – и причина не в том, что у Муктананды есть какая-то сила, причина в том, что нужда людей велика. Они не знают, куда идти, поэтому они падают жертвой всего, что подвернется под руку.

Я не против гуру, но вам могло так показаться. Язык очень неадекватен в выражении разных вещей, но другого средства нет. Приходится использовать язык и принять возможность того, что вы будете неправильно поняты.

Грузовик, перевозящий пингвинов, застрял на дороге. Водитель останавливает частную машину и говорит:

– Я дам вам пятьдесят долларов, чтобы вы привезли этих пингвинов в зоопарк.

Когда он приехал в город, он увидел хозяина машины с пингвинами у входа в кинотеатр. Он вышел из машины и спросил:

– Что вы здесь делаете?

– Я свозил их в зоопарк, но, поскольку деньги остались, я повел их в кино.

Француз и итальянец охотились вместе в лесу. И вдруг мимо них пробежала прекрасная обнаженная блондинка.

– О, так бы и съел ее, – сказал француз, причмокивая.

Итальянец тут же застрелил ее.

Китайский прачечник пожаловался врачу на запор. Доктор прописал ему лекарство.

– Придите в мой офис через несколько дней и скажите, помогло ли оно вам.

Через несколько дней китаец посетил доктора.

– Ну, что, дело подвинулось? – спросил врач.

– Нет, сер, не двизеся, не двизеся.

Врач покачал головой и прописал ему тройную дозу, сказав:

– Придите ко мне через три дня и скажите, как дела.

Через три дня китаец пришел.

– Ну как дело, продвинулось?

– Нет, сер, не подвинуся, не подвинуся. Я двигася завтра. Вся дома в дерьме.

Четвертый вопрос:

Ошо, ты говоришь: «Прими себя таким, какой ты есть», и: «Пока ты не родишься заново, ты не сможешь войти в царство Божие». Пожалуйста, прокомментируй это очевидное противоречие.

Дивакар, все противоречия кажущиеся. Если ты немного помедитируешь, то увидишь, что противоречий нет. Я говорю: *Прими себя таким, какой ты есть.* И я также говорю: *Пока ты не родишься заново, ты не сможешь войти в царство Божие.*

Ты создаешь противоречия, потому что ты не медитируешь над этим.

Чтобы родиться вновь, надо принять себя таким, как ты есть: так человек рождается заново. Вы живете, отвергая себя, вы не принимаете себя такими, как вы есть. Очень редко можно найти человека, который принимает себя – потому что в то мгновение, когда он принимает себя, он рождается заново, он становится просветленным.

Вы не принимаете себя, вы продолжаете себя отвергать. Вы постоянно ищете пути улучшить свой имидж. Вы хотите стать более красивыми, здоровыми, сильными, известными – все что угодно. Вы не довольны собой такими, какие вы есть.

Кажется, невозможно быть удовлетворенными тем, какие вы есть, потому что ум всегда воображает что-то лучшее. У вас может быть нос немножко подлиннее или немножко покороче. У вас может быть немножко больше интеллигентности, физической красоты, психической собранности, вы можете быть немного более сильным человеком. Вы можете всегда воображать, и ваше воображение делает вас неудовлетворенными собой, какой вы есть сейчас.

Если бы розы могли думать, они были бы собой неудовлетворены – потому что они бы сказали: «Посмотри на пруд: лотосы такие большие, а мы такие маленькие». Они бы почувствовали себя очень неполноценными, они бы стали от этого страдать, они бы стали искать психоаналитика. И маленькие кусты тоже стали бы очень угнетенными, сказав: «Деревья велики, кедры поднимаются к звездам, а мы такие маленькие. Почему же Бог был к нам так несправедлив?» И тогда все существование было бы глубоко неудовлетворено.

Но неудовлетворен лишь человек. Кусты очень рады тому, что они кусты, а розы – что они розы, полевые цветы счастливы быть полевыми цветами, птицы рады быть птицами. Никто не хочет быть кем-то другим.

Если вы посмотрите, вы увидите, что это удовлетворение – повсюду вокруг вас. Если вы откроете глаза, вы увидите наполненность, изливающуюся из каждого дерева, каждой звезды, каждого камня. Если просто убрать из мира человека, неудовлетворенность исчезнет.

Почему человек неудовлетворен? Потому что он сравнивает. А все сравнения фальшивы, потому что вы совершенно уникальны. Такого, как вы, больше нет, поэтому все сравнения неверны. Вы можете сравнить одну машину «Фиат» с другой, но вы не можете сравнить машину с собакой. Не правда ли? Каждый человек уникален, его невозможно сравнить. Но вы продолжаете это делать.

Вас учили сравнивать, все ваше образование зависит от сравнения, и это так потому, что общество хочет создать в вас дух состязания. Общество не знает никакого другого пути заставить вас делать что-то. Единственный путь, который оно знает – это создать дух соревнования, создать невроз, создать болезненное стремление быть первым. Общество еще не открыло лучшего пути сделать вас творческими. «Боритесь, сравнивайте, побеждайте – стремитесь быть первыми.» Оно учит вас конфликту, жестокости.

И когда вы в таком конфликте, естественно, это создает в вас неудовлетворенность собой – иначе, как вы будете улучшать себя? Это дает вам великие идеалы: вы должны быть такими. И затем внезапно вы выглядите такими маленькими, такими ничтожными, такими тривиальными. Идеал так велик, а вы так малы. Вы съеживаетесь – в вас возникает великое отчаяние, вы начинаете ненавидеть себя. И это огромное несчастье для людей.

Я учу вас приятию. Не нужно соревноваться, не нужно сравнивать, не нужно быть амбициозными. Вы начинаете бояться: «Если нет амбиций, соревнований и сравнений, как же я буду расти?»

Рост не имеет с этим ничего общего. Рост имеет дело с энергией, рост – это энергетическое явление. Когда вы не сравниваете, когда вы не соревнуетесь, когда вы не амбициозны, когда вы не хотите быть никем другим, кроме себя самого, вы накапливаете много энергии – потому что вся та энергия, которая растрачивается на соревнование и конфликт, уже не тратится. Вы становитесь резервуаром энергии.

Из этой энергии возникает творчество. Творчество не имеет ничего общего с соревнованием, оно имеет нечто общее с переполняющей энергией. Уильям Блэйк прав, говоря: «Энергия – это наслаждение».

Когда вы переполнены энергией, горите энергией, она становится творчеством. Вы начинаете расти, но теперь рост имеет совершено другой аспект. В нем нет цели; в нем есть источник, но нет цели. Теперь вы не думаете, кем быть; вы не следуете определенной цели, определенному плану. Вы становитесь такой большой рекой, что через вашу рвущуюся энергию вы достигаете океана. Никакая река не ищет океана, но все они достигают его; и ни одна река не соревнуется с другой, но все реки достигают океана. Река достигает океана, переполняясь водой. Этой энергии достаточно, чтобы привести ее к океану.

Вы можете стать океаном творчества, если вы удовлетворены. Тогда в вас возникает творчество, растет в вас – не из-за каких-то идеалов, но потому, что у вас есть слишком много – и вам нужно делиться этим. Вам нужно петь песню, потому что сердце так полно, переполнено – вам нужно изливать его в песне. Вы не можете сдержать эту энергию, она переполняет вас. И это переполнение и есть творчество.

Когда дерево переполнено энергией, оно цветет тысячами цветов. Эти цветы есть просто утверждение дерева: «Больше я не могу ничего сдерживать. Во мне так много цветов и

аромат так огромен, что я распускаюсь». Дерево не стремится ни к какому идеалу, у него нет цели.

Иметь цель – значит быть несчастным, не иметь цели – значит быть в блаженстве. Человек, который принимает себя тотально – ни капельки не протестуя против себя, нисколько не отвергая себя, когда нет даже тени отвержения – этот человек становится просветленным немедленно. Просветление – это не что-то, что должно быть достигнуто в будущем. Если вы принимаете себя, если вы расслабленны в своем бытии, оно может случиться именно в это мгновение, сейчас, здесь.

Поэтому я говорю: примите себя таким, какой вы есть, потому что именно так можно родиться вновь. И я также говорю: пока вы не родитесь вновь, вы не можете войти в царство Божие.

Пожалуйста, помните – второе утверждение сделано не для того, чтобы вы создавали цель: «Мне нужно родиться вновь, мне нужно войти в царство Божие». Если это становится целью, то вы неправильно поняли меня. Это не цель, это лишь следствие. Следствие чего? Следствие полного принятия – *татхаты*, таковости. «Я есть это, и я полностью счастлив с этим.» И это полное счастье и удовлетворение есть чудо, преображение. Вы рождаетесь вновь.

И помните также, я не говорю использовать «прими себя» как метод, чтобы вы родились заново, этого я не говорю, иначе вы уже снова создали цель. Вы говорите: «Хорошо: если так можно стать просветленным, если так можно войти в царствие Божие, тогда я готов принять себя». Это не принятие. Вы продолжаете думать о царствии Божием, вы продолжаете думать о том, чтобы стать просветленным, вы продолжаете соревноваться с Буддами. Вы продолжаете думать: «Как, этот человек – Гаутама Будда – стал просветленным, а я еще нет? Как мог этот человек – Иисус – стать Христом, а я живу, и еще не стал им?»

Фридрих Ницше сказал именно это. Он сказал: «Я не могу принять Бога, потому что, если есть Бог, тогда что я делаю здесь? И как может кто-то другой стать Богом раньше меня? Поэтому я отвергаю это; Бога нет». Потому что, если уж Бог должен быть, тогда Фридрих Ницше должен бы быть первым. Лучше полностью отвергнуть эту идею: «Царства Божия нет, просветления нет». Иначе это создает чувство огромной неполноценности: «Другие достигли, а я еще не достиг. Что, я так отстал?»

Поэтому, пожалуйста, не делайте это целью. Мое утверждение о том, чтобы родиться вновь, есть лишь следствие. Источник – это приятие, а следствие – это вход в царствие божие.

Но ум очень хитер – берегитесь. Ум может сказать глубоко в вас: «Ну хорошо: если это ключ, тогда я использую его, но мне нужно войти в царствие Бога». И вы упустили все в самой этой хитрости.

Все очень просто. То, что я говорю, так просто, в этом нет сложности, но вы можете создать сложность. Ваш ум может создать такую путаницу, такой хаос! И основной трюк, основная стратегия ума в том, чтобы делать следствия целью.

Никогда не создавайте никаких целей, их нет. Мы уже у источника, нам не нужно быть нигде еще. В глубоком приятии вы оказываетесь у источника. И само это падение назад к источнику есть возрождение, воскресение. Вы исчезаете как отдельная сущность и появляетесь как мистическое единство: *унио мис*

тика.

Пятый вопрос:

Мы слышим вновь и вновь, что для трансформации достаточно осознавания. Как с этим работать?

Это важный вопрос, потому что, если вы знаете о своем раке, рак не вылечится из-за вашего знания о нем – это правда. Но что касается психологических черт, они исчезают в то мгновение, когда вы осознаете их – потому что они не существуют как реальность, они существуют лишь как иллюзия.

Вы видели призрак, стоящий в ночи; затем вы вносите свет и говорите, что никого нет. Просто форма дерева вызвала в вас вам фальшивое впечатление, что кто-то там стоит. Призрак исчез, во-первых, потому, что его не было.

Осознанность помогает, приносит преображение, потому что иллюзии, от которых вы страдаете, не являются реальностью. Если вы осознаете скалу, скала не исчезнет. Но если вы осознаете эго, эго исчезнет, потому что эго не есть реальность.

Если вы осознаете, страх исчезнет, потому что страх не есть реальность. Если вы осознаете, смерть исчезнет, потому что смерть есть ложь, это не реальность.

Осознание функционирует двумя путями. Первый: если что-то реально и вы осознаете это, оно становится чрезвычайно прекрасным, это становится психоделическим, это становится цветным. Если это нереально, оно исчезает. Если это реально, оно становится более реальным, если это нереально, оно становится абсолютно нереальным.

Осознание – это свет. Если вы приносите свет в темную комнату, тьма исчезнет, но появятся рисунки на стене. Когда в комнате было темно, рисунков не было; хотя они были, вы не могли их увидеть – для вас их не было, была лишь тьма. Когда вы вносите свет, тьмы уже нет, и рисунки появляются.

Что-то исчезает, когда вы начинаете осознавать, а что-то появляется. Смерть исчезает, бессмертие появляется. Эго исчезает, отсутствие эго появляется. Вы исчезаете как отдельная сущность: появляется Бог. Бог означает: «Я уже не отделен».

– Ты когда-нибудь любил, старик? – спрашивает один пожилой мужчина другого в вагоне поезда.

– Да, когда я был молодым повесой, я любил.

– Но ты же никогда не женился, не так ли?

– Нет, я никогда не был женат.

– Как же это вышло?

– А вот так: девушка, которую я любил, не выходила за меня замуж, когда я был пьян, а у меня не возникало желания жениться на ней, когда я был трезв.

Осознание действует само. Если вы осознаете, вы не сможете делать многие вещи, которые вы делали до сих пор, и сможете делать многое, о чем вы никогда не думали раньше. Если вы осознаете, вы не можете злиться, потому что гнев может существовать только в состоянии неосознанности – таково предварительное условие его существования.

Если вы осознаете, гнев невозможен, и сострадание становится естественным следствием – та же энергия, которая становилась гневом, становится состраданием. Если вы

осознаете, секс исчезает, и возникает любовь: та же энергия, которая становилась сексуальностью при неосознанности, при осознании проявляется по-новому, как любовь.

Что касается психологической трансформации, осознанности достаточно, анализ не нужен.

Вот в чем разница между Восточной и Западной психологией: западная психология слишком озабочена анализом. На Востоке психология существует пять тысяч лет, это самая древняя наука. Но она занята совершенно другим, она совершенно не интересуется анализом, все это кажется совершенно ненужным.

И теперь Западная психология также начинает осознавать тот факт, что анализ никуда не ведет. Встречали ли вы когда-нибудь человека, который был бы полностью проанализирован? Даже Зигмунд Фрейд не был таким. Никто не может быть полностью проанализирован. Вы можете проанализировать один сон, но на другой день приходит другой сон. Вы можете продолжать анализировать – люди ходят к аналитикам годами, но сны не исчезают, они продолжают приходить, анализ не заставит их исчезнуть.

Но на Востоке мы знаем искусство, как заставить их исчезнуть. Так что о чем беспокоиться? Это подобно тому, как вы видите призрак во тьме – призрака нет, есть лишь дерево, – а вы начинаете анализировать. Вы никогда не подходите близко к дереву, вы никогда не приносите свет. Вы начинаете анализировать форму издалека. Вы можете продолжать анализировать: от этого анализа ничего не произойдет.

Восточная психология говорит: сначала зажгите свечу, принесите ее и посмотрите, есть ли призрак. Если призрака не существует, тогда к чему волноваться? К чему тогда долгие годы анализа? Анализируемый продолжает выплескивать мусор, а аналитик продолжает анализировать, наклеивать ярлыки и разделять этот мусор на категории. Много работы, и все тщетно, много шума из ничего.

Западная психология базируется на анализе, Восточная психология базируется на осознании.

Просто наблюдайте. Не нужно анализировать. Становитесь все более и более бдительными. Если вы осознаете проблему, половина ее уже решена просто потому, что вы осознали ее. Простое осознание проблемы – и половина ее уже решена, потому что вы уже забрали у нее энергию, и эта энергия стала осознанностью. Станьте более осознающим, и проблема растворится.

Шаг за шагом проблема исчезает, когда вы осознаете, потому что вы забираете энергию, которую вы вливали *в нее* – это создавало проблему. Вы забираете эту энергию обратно, вы уже не сотрудничаете с ней. Вы были творцом этой проблемы – вы забрали эту энергию обратно.

Когда вся энергия забрана, приходит мгновение, когда вся проблема испаряется. Сначала осознайте проблему, а затем становитесь все более и более бдительными. Больше ничего не нужно; вам не нужно идти ни к какому психоаналитику.

Одно дело – иметь проблему, но другое – даже не осознавать, что она у вас есть.

Это похоже на историю об одном восьмидесятилетнем старике из Майами. Он отдыхал с другим стариком во Флориде. Во время своего отдыха они познакомились с дамами более молодого возраста. Они оба влюбились и решили пожениться одновременно. Наутро после брачной ночи между ними происходит следующий разговор. Первый говорит:

– Ты знаешь, мне нужно пойти к врачу.

Второй говорит:

– Почему?

– Видишь ли, я не могу никак использовать эту свадьбу.

– Ой, – говорит второй, – тогда мне нужно сходить к психиатру.

– Почему?

– Я даже не думал об этом.

Сначала поймите свои проблемы, а затем становитесь все более и более осознающими. Не судите – суждение есть препятствие к осознанию. Не называйте это никакими именами, не оценивайте. Не говорите, что это хорошо, не говорите, что это плохо, не наклеивайте ярлыков, не классифицируйте. Просто будьте бдительными: отражайте все, что есть.

Если вы встанете и скажете: это плохо, – тогда вы уже заблокировали свое осознание. Вы сделали заключение – вы уже не нейтральны, вы приняли решение. И в то мгновение, когда вы говорите, что что-то плохо, вы не можете смотреть на это непосредственно. Когда вы говорите, что кто-то плох, вы не можете встретиться с ним лицом к лицу; вы избегаете его. Когда вы говорите, что что-то хорошо, вы становитесь позитивно связаны с этим; когда вы говорите, что что-то плохо, вы становитесь негативно привязаны к этому.

Наблюдение означает отсутствие какой бы то ни было привязанности, положительной или отрицательной. Вы просто находитесь в состоянии неразделяющего зеркального отражения, вы просто отражаете все, что есть. В этом осознании проблемы тают. В этом осознании ложь, фальшь и ошибки исчезают. В этом осознании, когда фальшь и ошибки исчезли, приходит реальность, распространяющая благоухание.

Вам не нужно принимать ЛСД, или марихуану, или псилоцибин. Примите дозу осознанности – и жизнь так прекрасна, полна благолепия, это такое прекрасное удовольствие, что ни ЛСД, ни марихуана ничего не могут к этому добавить. Вам нужна лишь осознанность, и жизнь становится таким прекрасным опытом, что вы не можете представить, что может быть что-то лучше. Обычная жизнь становится такой светящейся. Обычное дерево, мимо которого вы проходили всю свою жизнь – шли домой, шли на работу и всегда проходили мимо него, – в первый раз вы видите всю его зелень. В первый раз вы видите светящееся присутствие дерева, в первый раз вы видите его внутреннюю красоту.

Жизнь – это такой дар, но мы продолжаем упускать его. А причина в том, что между нами и жизнью возникло так много лжи. Ваша осознанность разрушит эту ложь: она исчезнет, и реальность можно будет встретить обнаженной.

А познать реальность во всей ее наготе – значит познать Бога.

Шестой вопрос:

Ошо, есть ли предел терпению? Я достаточно страдала в своей жизни – бороться ли мне против этого или нет?

Есть предел всему – и терпению тоже есть предел. И человек не должен продолжать мучить себя без необходимости. Не нужно становиться рабом, не нужно идти на компромисс. Если вы почувствовали, что вы достаточно страдали, восстаньте.

Почему вы ждали так долго? Ждать не нужно. Нужно быть в состоянии постоянного бунта. Почему нужно идти хоть на единое мгновение на компромисс? Ведь компромисс означает, что вы не уважаете себя, вы не любите себя. И если вы идете на компромисс в это

мгновение, в следующее мгновение вам нужно будет идти на больший компромисс – потому что, если люди увидят, что вас можно эксплуатировать, то они будут продолжать эксплуатировать вас.

Не помогайте эксплуататорам, кем бы они ни были.

Но, кажется, вы хотите продолжать идти на компромисс, отсюда и вопрос. Иначе не было бы необходимости спрашивать. Если вы пострадали достаточно, тогда хватит!

Чарли был приглашен в гости к своему старому другу и его жене на ужин. Когда настало время уезжать, его машина не завелась, и звонить в ближайший автосервис было уже слишком поздно.

Муж предложил Чарли остаться. В комнате не было лишней кровати, не было даже дивана. Поэтому Чарли пришлось спать вместе с мужем и женой. Как только муж заснул, жена взяла Чарли за плечо и стала уговаривать его пойти к ней.

– Я не могу этого сделать, – прошептал он, – твой муж – мой лучший друг!

– Послушай, милый, – прошептала она в ответ, – ничто в целом мире его сейчас не разбудит.

– Я в это не верю, – ответил Чарли. – Наверняка, если я займусь с тобой любовью, он проснется.

– Милый, конечно, нет, – если ты мне не веришь, выдерни волос из его бороды и посмотри, проснется ли он.

Чарли так и сделал. Он удивился: муж продолжал спать. Тогда он перебрался на ту сторону, где спала жена, и занялся с ней любовью. Когда он кончил, он перебрался обратно на свою сторону. Через некоторое время она дотронулась до его плеча и попросила продолжить... Опять он выдернул волос из бороды своего друга, чтобы определить, спит ли он. За ночь это повторилось восемь раз. И каждый раз, когда Чарли занимался любовью с женщиной, он выдергивал волосок из бороды мужа.

Когда в девятый раз он выдернул волосок, муж проснулся и пробормотал:

– Послушай, Чарли, дружище, мне все равно, что ты делаешь с моей женой, но ради Бога, прекрати использовать мою бороду для отсчета!

Хватит! Всему есть предел. Из вашей бороды выдернуто достаточно волос – теперь утвердитесь в себе. Прекратите катиться вниз, не продолжайте страдать.

Но мне кажется, что люди хотят страдать. Я вижу вот что: они продолжают жаловаться на страдания, но они хотят страдать. Они продолжают цепляться за свое страдание. Страдать лучше, чем ничего: по крайней мере, есть на что жаловаться, есть к чему привязываться, есть на что ворчать.

Просто послушайте людей. Все говорят о своем страдании. Почему вы не боретесь против него? Если вам его и в самом деле достаточно, тогда делайте что-нибудь. Выйдите из него! Кто может помешать вам? Но люди ничего не делают. Страдание стало стилем их жизни. Если оно исчезнет, что они будут делать? Они чувствуют, что ничего не осталось; не на что будет жаловаться.

Помедитируйте на свое страдание, и вы увидите, что где-то глубоко внутри вы, должно быть, помогали ему – возможно, бессознательно, но ваша помощь необходима. В противном случае, без вашей помощи, страдание не существовало бы. Просто уберите свою помощь, и страдание исчезает. Вы для него желанный партнер. Вы нашли так много объяснений; объяснения можно найти, но все это – объяснения. Если вы хотите обманывать

себя, они очень подходят; но если вы хотите пробудиться, отбросьте все объяснения. Просто увидьте тот факт, что вы страдаете, и что жизнь не *предназначена* быть страданием, она предназначена для того, чтобы быть празднованием. И в любое мгновение все можно изменить.

Но нужна решительность. Вы так долго страдали, вы так привыкли к этому, что, пока вы не сделаете что-то решительное, качественный скачок, вы не сможете выбраться из этого.

Станьте саньясином: это будет чем-то решительным. Прыгните во что-то новое. Попытайтесь сделать что-то новое, то, чего вы не делали раньше.

И помните: эго всегда привязано к страданию. Почему эго всегда привязано к страданию? Потому что эго кормится страданием; вы чувствуете себя великой жертвой. Эго исчезает, когда вы счастливы, в самом деле счастливы. Радуйтесь, и вы не найдете эго.

Вот почему, если вы выбрали эгоистический стиль жизни, вы никогда не сможете выбраться из страдания. Вы можете изменить свои страдания, но тогда вы создадите новые страдания. Вы можете развестись с одной женщиной и жениться на такой же женщине вновь. Вы можете оставить мужа, но вскоре вы опять найдете такого же человека, потому что ваше эго начнет страдать.

Ваше эго существует как центр страдания. Когда вы радуетесь, заглядываете ли вы когда-нибудь внутрь? Эго нельзя найти там. Фактически, радость и отсутствие эго – это одно и то же, они не отличаются друг от друга. Поэтому, если вы в самом деле хотите выбраться из страдания, вам нужно быть готовым пожертвовать своим эго и всем тем удовлетворением, которое оно дает вам.

Очиститесь от эго – послушайте Санаи. И в этом очищении вы сможете освободиться от всего страдания.

И не продолжайте обвинять других; в этом нет смысла. Возьмите на себя всю ответственность – в этом суть человечности, в этом суть смелости. Возьмите всю ответственность на свои плечи. Старый трюк состоит в том, чтобы сваливать ответственность на кого-то: «Что я могу сделать? Такая семья, такие люди, такое общество, что я могу сделать? Я вынужден страдать».

Вы *хотите* страдать, вот почему вы сваливаете ответственность на других. Иначе, в любое мгновение, когда вы захотите выйти из этого, никто не может помешать вам, никто никогда не сможет вам помешать.

Примите ответственность полностью на себя. Если вы хотите страдать, страдайте. Но тогда не жалуйтесь – тогда наслаждайтесь этим! Это ваш выбор. Тогда все глубже и глубже увязайте в своей грязи, но больше не говорите о страдании – это ваш выбор. Если вы называете это страданием, тогда посмотрите на весь его механизм. Если вы хотите защитить себя как эго, тогда вам придется страдать. Если вы хотите перебросить ответственность на других, тогда вам придется страдать.

Единственная возможная революция – взять всю ответственность на себя. Я есть причина своего страдания. Поэтому я могу быть причиной своего блаженства.

В этом утверждении вся суть саньясы, или суфизма, или дзен. Суть религии в том, чтобы взять всю ответственность за то, кем вы являетесь. И немедленно приходит озарение: «Если я ответственен за свое страдание, тогда это просто, я могу отбросить его. Это мой выбор. Я больше не буду его выбирать».

Суфийского мистика, который всегда был счастлив, как-то спросили... Люди семьдесят лет смотрели на него, а он никогда не был грустен. Однажды они спросили его:

– В чем секрет твоего счастья?

Он сказал:

– Секрета нет. Каждое утро, когда я просыпаюсь, я медитирую пять минут и говорю себе: «Послушай, есть две возможности: ты можешь быть несчастен, или ты можешь быть в блаженстве – выбирай». И я всегда выбираю быть в блаженстве.

Все возможности открыты для вас. Выбирайте блаженство. И есть люди, которые могут находиться в блаженстве, даже если они находятся в тюрьме. И есть люди, которые остаются несчастными, даже если они живут в мраморных дворцах. Все зависит от вас.

Когда Александр Македонский направлялся в Индию, по пути он встретил Диогена. Александр интересовался Диогеном – крайности всегда интересуются друг другом. Он остановил свои армии и сказал:

– Отдохните один день. Я хотел бы пойти увидеть Диогена. Я всегда хотел увидеть его. Теперь мы находимся близко, всего лишь в нескольких километрах, и я хотел бы навестить его.

Он пошел к нему. Было раннее утро, холодное, зимнее, а Диоген лежал обнаженный на берегу реки, загорая – обнаженный йог, у которого ничего не было. И Александр Великий, у которого было все, стоял с ним рядом. В первый раз Александр чувствовал себя очень бедным. Диоген был таким богатым в своей обнаженности. Его лицо было так грациозно, так прекрасно, все его тело излучало радость.

Александр сказал Диогену:

– Я очень счастлив видеть тебя. Я хотел бы дать тебе подарок.

Диоген сказал:

– Что ты можешь дать мне? Я не вижу, чтобы у тебя что-то было. Ты выглядишь таким бедным! На самом деле, я сам хотел бы тебе кое-что дать. Я бы хотел дать тебе Бога, потому что это все, что у меня есть. Ты великий император, это правда, но все, что ты можешь мне дать, мне не нужно. Это будет для меня ненужным грузом. Но если ты в самом деле заинтересован дать мне что-то, тогда просто перейди с этого места на другое, потому что ты загораживаешь Солнце – я буду благодарен тебе всю оставшуюся жизнь.

Для Александра было шоком то, что Диогену ничего не нужно. Он был так наполнен, так удовлетворен. Расставаясь, он сказал Диогену:

– Когда я завоюю весь мир, я бы хотел жить, как ты.

Диоген сказал:

– Но, во-первых, зачем делать условием завоевание всего мира? Взгляни: я не покорил мир, и все же я очень счастлив. Ты также можешь быть счастлив. И здесь достаточно места, ты также можешь быть здесь. Берег такой большой: раздевайся и отдохни хорошенько, увидь красоту солнца и утра, отдыхай *сейчас!*

Александр сказал:

– Да, я хотел бы отдохнуть, но не сейчас – когда я завоюю весь мир.

Диоген сказал:

– Никто никогда не был способен отдохнуть *потом*. Отдых возможен лишь *сейчас*, завтра никогда не приходит. И разве кто-нибудь мог завоевать весь мир? К тому времени, когда ты завоюешь его, жизнь уже прошла. Ты умрешь на полпути, ты никогда не сможешь отдохнуть.

Именно так и случилось: Александр никогда не вернулся домой. Он умер, возвращаясь из Индии.

Есть и другая история. По случайному совпадению Александр и Диоген умерли в один и тот же день. И они встретились на пути в другой мир, пересекая реку, отделяющую этот мир от того. Александр был впереди, потому что он умер несколькими минутами раньше. И Диоген просто следовал за ним. Когда они пересекали реку, Александр понял, что кто-то идет за ним. Он оглянулся – это был Диоген. Он был шокирован, потому что теперь этот человек мог сказать: «Смотри, я говорил тебе, что твое путешествие никогда не закончится».

И просто, чтобы хоть как-то скрыть свое состояние, Александр начал смеяться. Диоген спросил:

– Почему ты смеешься? Твой смех бессмыслен, но все же, почему ты смеешься?

Александр сказал:

– Я смеюсь тому, что мы встретились вновь. Странная это встреча – встреча императора и нищего.

Диоген был нищим.

Но Диоген засмеялся еще громче. Я не думаю, что кто-нибудь другой смеялся бы так, как Диоген, когда они пересекали реку, отделяющую этот мир от того. Александр спросил:

– А почему смеешься ты?

Он ответил:

– Я смеюсь потому, что ты прав: встреча очень странная, встреча императора и нищего. Но ты не понимаешь, кто император, а кто нищий. Я – император, а ты – нищий: вот что в самом деле странно. Вот почему я смеюсь.

И говорится, что Александр грустно склонил свою голову. Это было абсолютной истиной, как он мог отрицать это? С пустыми руками он пришел в этот мир, с пустыми руками возвращался обратно. Он никогда не познал ни мгновения радости. А этот человек, Диоген, жил в радости, жизнью, полной блаженства, жил настоящим существованием.

Позвольте мне опять напомнить вам. Есть три возможности: быть, делать, иметь. Иметь – самая низкая возможность; это люди, которые живут, владея: иметь то, иметь это. Немного лучше мир делания, но лишь немного лучше: делать то, делать это.

Самый высокий – это мир бытия. Нет желания делать, нет желания иметь что-то, ты просто есть. И это не значит, что человек неактивен; великое творчество течет через вас, но это уже не делание. Ты уже не деятель, делает Бог. Ты уже находишься в состоянии, которое суфии называют *фана*, тебя уже нет, ты просто полый бамбук: Бог начинает петь свою песню, и полый бамбук становится флейтой.

Когда вы просто бытие, вы становитесь флейтой, и тогда жизнь – это песня и танец, блаженство и благословение.

Последний вопрос:

Возлюбленный Ошо. Спасибо тебе за то, что ты дал нам ключи от сада. Аромат Хакима Санаи мистически близок мне. Хотя я и не помню, что слышала его, но я чувствую, как будто я дома.

Прадипа, возможно, ты не знаешь – как ты можешь знать это? Но я говорил тебе раньше, что по своей сути ты суфий. Поэтому ты чувствуешь себя дома у Хакима Санаи. В своих прошлых жизнях ты была с суфиями. А все суфии одинаковы: если ты видела одного суфия, ты видела их всех, их вкус одинаков.

Есть дервишская песня, суфийская песня, помедитируйте над ней.

Можно сказать, они пришли напрасно,
И пусть они не приходят напрасно.

Мы оставляем это требование вам;
Мы закончили все что могли, мы оставляем остальное вам.

Помните, эта работа доверена вам –
Помните, возлюбленные, мы встретимся вновь.

Жизнь это вечное странствие – мы продолжаем встречаться вновь, и вновь, и вновь.

Прадипа, вот почему ты так чувствуешь: *«Аромат Хакима Санаи мистически близок мне. Хотя я не помню, что я слышала его, но я чувствую, как будто я дома».*

Ты жила с суфиями раньше, ты живешь с суфием сейчас.

Можно сказать, они пришли напрасно,
И пусть они не приходят напрасно.

Мы оставляем это требование вам;
Мы закончили все что могли, мы оставляем остальное вам.

Помните, эта работа доверена вам –
Помните, возлюбленные, мы встретимся вновь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШЛИФОВКА ЗЕРКАЛА СЕРДЦА 3

НА АЛТАРЕ РАЛЬНОГО 21

ТРЕБОВАНИЕ СВЕТА 39

ЖЕМЧУЖИНА БЕЗМЕРНОЙ КРАСОТЫ 60

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ 80

МОСТ ЛЮБВИ И СМЕХА 100

СВАРИЛИ И ПОДЖАРИЛИ 120

ВЕЛИКИЙ ДВОРЕЦ СОЗНАНИЯ 143

СВАДЬБА И ПОМИНКИ 162

КОЕ-ЧТО НА ЗАМЕТКУ 183

НА ПУТИ ВЗДОХОВ 200

ПОБЕЖДАЯ БУДДУ 220

СМЕРТЬ СЕМЕНИ 238

ПОЛЕ БУДДЫ ВЕСНОЙ 258

ЗАБЫТЫЙ ПАСТУХ 274

НАЗАД К ЭРОСУ 295

СВЯЩЕННЫЙ ВЗРЫВ 312

УМИРАНИЕ В ЧУДЕ 331

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕНИ 346

МЫ ВСТРЕТИМСЯ ВНОВЬ 366

Беседы по суфизму

Центр туризма «Према» поможет Вам в странствиях по Индии и Непалу.
Тел.: 255-03-63, 234-59-65 www.prema.ru

Все книги Раджниша вы можете купить в комплексе «Олимпмйский»
м. Проспект Мира и магазине «Белые облака» м. Китай-город
т. 921-61-25 www.clouds.ru

Заказ книг оптом: www.amrita-rus.ru, e-mail: iva184@ipc.ru